

РУССКОЕ СЛОВО

УЧЯЩЕГО СЛОВА

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ

ЖУРНАЛЬ.

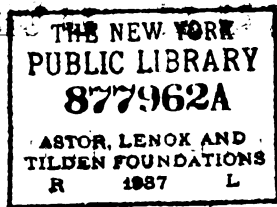
ГОДЪ СЕДЬМОЙ.

1865.

МАЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1865.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 30-го іюня 1865 года.

Въ типографіи Рюмина и К^о.

СОДЕРЖАНІЕ МАЙСКОЙ КНИЖКИ.

ОТДѢЛЪ I.

- ЖЕНСКІЯ НЕМОЩИ. Повѣсть. (I—VII.) . . . Н. Федоровичъ. ✓
ПЕДАГОГИЧЕСКІЕ СОФІЗМЫ . . . . . Д. И. Писаревъ.
ЖЕНСКОЕ ВЕЗДѢЛЬЕ . . . . . Н. В. Шелгуновъ.
ИЗЪ ПУТЕШЕСТВЪ ЗАМѢТОКЪ О Кавказѣ. Гунибъ. К. Г. Губаревъ. ✓
ДОБРОЕ СТАРОЕ ВРЕМЯ. Повѣсть. (Окончаніе.) В. Самойловичъ. ✓
ВАТЭРЛО. Романъ Э. Шатриана. (XII—XVIII.) ✓
*** (Стихотвореніе) . . . . . Омулевскій.
ВИНОВАТА-ЛИ ОНА? Романъ. Ант. Троллопа. ✓
Часть 2-я (Гл. XIII—XVIII).
НЕВЕСЕЛАЯ НОЧЬ (Стихотвореніе) . . . . . Омулевскій.
ЗООЛОГИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ по Одюбону и Брему. В. П.
ЭКОНОМИЧЕСКІЯ ИЛЛЮЗИИ. (Статья вторая) . . Н. В. Соболевъ.

ОТДѢЛЪ II.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

- РАЗРУШЕНІЕ ЭСТЕТИКИ . . . . . Д. И. Писаревъ. ✓
БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОВЪ . . . . . В. А. Зайцевъ.
Разсужденія и изслѣдованія Д. С. Милля. Часть II, статьи политическія и политико-экономическія. Выпускъ 2. Изданіе Ковалевскаго. Спб. 1865.—Биша. Физиологическія изслѣдованія о жизни и смерти. Перевелъ съ французскаго П. А. Бибииковъ. Съ примѣчаніями переводчика и со статьею о жизни, трудахъ и значеніи Биша. Спб. 1865.—Чарльзъ Дарвинъ. Путешествіе вокругъ свѣта на корабль Билль. Переводъ подъ редакціей А. Бекетова. Томъ I. Съ портретомъ Ч. Дарвина. Изданіе Голицина. Спб. 1865.—Дѣйствительность истинной любви. Автодидактично-оригинальное сочиненіе Михаила Честенкова. Спб. 1865.

ОТДѢЛЪ III.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ПОЛИТИКА . . . . . Жакъ-Лефрель.

Мирная наклонности Соединенныхъ Штатовъ. Вліяніе американской войны на матеріальное благосостояніе народа. — Ликвидация національнаго долга въ десять миллиардовъ. — Нравственный упадокъ американскаго общества, деморализованнаго войной. — Выкупъ плантаторскихъ земель и раздача ихъ неграмъ. — Уравненіе политическихъ правъ бѣлой и черной расы. — Алжирія и племена, населяющія ея. — Эксплуатация колоній военнаго управленія. — Проектъ центральной промышленной компаніи. — Французскій Государственный бюджетъ. — Мексиканскія дѣла. — Побѣды Хуареса. — Министерскій кризисъ въ Испаніи.

ДОМАШНЯЯ ЖИЗНЬ . . . . . Н. В. Шенниковъ.

Начало всѣхъ экономическихъ началъ — питъ и пѣтъ. — Россія — страна хлѣбная, и потому бѣдная. — Значеніе нашего сырья на европейскомъ рынкѣ. — Кто на кого работаетъ — мы на иностранцевъ или иностранцы на насъ? — Зависимость нашего экономическаго положенія отъ европейской промышленности. — Вліяніе этой зависимости на матеріальное благосостояніе русскаго сельскаго населенія. — Предметы иностраннаго двора. — Обмѣнъ хлѣба на хлѣбъ и рыбы на рыбу. — Что мы даемъ Турціи и что получаемъ отъ нея? — Ремесленный трудъ въ Россіи: мѣрло его — лапти. — Пріятное развлеченіе ипотечными банками. — Разсужденія г. Григорія Бланка о томъ, куда дѣвались наши деньги. — Утопія не Томаса Мора, а г. Павла Загубалова.

ЖЕНСКІЯ НЕМОЩИ.

ПОВѢСТЬ.

I.

Не безъ пріятности встрѣчали новый годъ въ бѣль-этажѣ пятноконнаго желтаго дома, который стоялъ, а можетъ быть, стоитъ и по днесь на одной изъ порядочныхъ улицъ губернскаго города. Домъ этотъ принадлежалъ вдовому купцу третьей гильдіи, Птицыну, а бѣль-этажъ занимали господа Рѣшетиловы, помѣщики средней руки.

Гостей у господъ Рѣшетиловыхъ собралось очень немного, но было нескучно. Гдѣ есть три дѣвицы, можетъ ли быть тамъ скучно?

Самого Петра Петровича даже и дома не было, потому что день пришелся клубный, а г. Рѣшетиловъ не пропускалъ ни одного клубнаго дня. Но Раиса Сергѣевна любила домикъ повеселить. Какъ дама тонная, она собрала общество небольшое, но пріятное для дочекъ, — трехъ-четырехъ дѣвицъ, да трехъ-четырехъ молодыхъ людей, — и не вмѣшивалась въ удовольствія этой молодой компаніи, хотя въ то же время не упускала ее изъ виду. Молодые люди веселились, находились въ полномъ удовольствіи, но отнюдь не выходили изъ границъ приличія: они могли пожимать ручки въ кадрили, обхватывать талии въ полькѣ, прижимаясь другъ къ другу и чувствуя на щекахъ горячее дыханіе, — словомъ: могли раздражаться до высочайшей степени, но отнюдь не выходить изъ пассивной

роли, что, по мнѣнію Раисы Сергѣевны, непременно случилось бы если бы не ея бдящія очи.

Дѣвицы поочередно играли на фортепіано, доставляя возможность обществу танцовать кадрили и польки. Дѣвицы Рѣшетилловы, какъ дѣвицы хорошо образованныя по губернскимъ понятіямъ, умѣли, что называется, «трынкать» на фортепіано. Но, главнѣйшимъ образомъ, дѣло игранія наваливалось на младшую сестру, Таню, которая, впрочемъ, по возможности, старалась отдѣлываться отъ этой обязанности. — Я устала... говорила она сестрамъ: право, пальцы заболѣли...

— Таня! — строго говорила старшая сестра.

— Что такое?.. Я право не могу больше.

Обращались къ мамашѣ, и въ концѣ концовъ Таня должна была садиться за фортепіано, потому что Раиса Сергѣевна говорила спокойно, но строго: «садись, играй... Надо слушаться старшихъ»...

Были особыя причины, почему обязанность играть, по преимуществу, возлагалась на Таню: мы скоро узнаемъ эти причины. Къ одиннадцати часамъ молодежь была раздражена до высочайшей степени. Но все обстояло благополучно, и строгій пуританскій глазъ какой нибудь злобной сплетницы не могъ бы указать ни одного факта для злословія. Только впалыя щови старшей дѣвицы Рѣшетилловой, Сапешки, пылали, глаза ея разгорѣлись, благодаря продолжительной бесѣдѣ съ плѣнительнымъ щоголемъ Коклюшвинымъ, имѣвшимъ большой талантъ плѣнять губернскихъ дѣвиць.

— Нѣтъ-съ, говорилъ онъ: — любовь мучительное чувство....

— А я стою на томъ, что пріятное... Даже безнадежная любовь, — и то доставляетъ много пріятнаго. Время проходитъ отъ одного свиданья до другаго въ мечтахъ, въ размышленіяхъ...

— Ну, Александра Петровна, это значить быть голоднымъ и видѣть вкусное блюдо, котораго съѣсть нельзя...

— Фи! какое сравненіе! одно матеріальное, а другое...

— Гм!..

— Что это значить?

— Ну, любите, любите!

— Развѣ я люблю? я не сказала этого.

— Такъ почему же вы все знаете?

— Ужь знаю. А вы любите?

Какъ было не разгорѣться глазамъ, не распалиться щенамъ двадцати-семи-лѣтней дѣвушки, толкующей о любви съ такимъ интереснымъ господиномъ? Коклюшкинъ былъ тридцати-пяти-лѣтній, худощавый, блѣдный брюнетъ съ черными глазами и волосами, завитыми мелкимъ барашкомъ; онъ считался весьма интереснымъ женихомъ между маменьками, а между дѣвками слылъ «душвой» и лънулъ въ нимъ съ видимымъ удовольствіемъ.

Вторая дѣвица Рѣшетилова, Любочка, пухленькая и веселенькая, подъ конецъ вечера тоже очень высоко дышала и видимо волновалась, сидя рядомъ съ молодымъ бакенбардистомъ Бревновымъ, хотя этотъ бакенбардистъ говорилъ мало, но за то въ кадрили такъ жаль ея пухленькую ручку, что Любочка, сама не зная отчего, трепетала всѣмъ своимъ пухленькимъ существомъ.

Таня была дѣвушка лѣтъ шестнадцати, сильно развитая и угреватая, — впрочемъ отнюдь не безобразно угреватая, а такъ, слегка. Лицомъ она не была особенно красива, но за то имѣла стройный станъ и роскошно развитыя формы, на которыя заглядывались многіе. Видно было, что это нелюбимое дитя въ семьѣ и чувствующее себя нехорошо въ кругу своихъ родныхъ... Надо еще прибавить, что на Танѣ надѣто короткое платье, потому что она считается ребенкомъ. У госпожи Рѣшетиловой было свое лѣтосчисленіе, по которому значилось: Танѣ — только четырнадцать лѣтъ, Любочкѣ — шестнадцать, Сашенькѣ — двадцать, но мы находимъ болѣе удобнымъ придерживаться въ разсказѣ общепринятаго лѣтосчисленія.

Таня сидѣла одна и разгорѣвшіеся глаза ея были устремлены на интереснаго Коклюшкина, который, разговаривая съ Сашенькой, не забывалъ обращать свои взгляды и на Таню, изрѣдка заставляя ее вспыхивать и потуплять глаза. Таня сильно волновалась, сидя одна и поглядывая на Коклюшкина, вертѣлась на мѣстѣ и кусала губы.

До новаго года оставалось околѣ полу-часу.

— Хотите, я кадрили сыграю?.. сказала Таня, подходя къ Сашенькѣ и Коклюшкину.

— Не надо. Сиди, пожалуйста, на мѣстѣ. Скажутъ, когда понадобится.

— Вотъ ужъ послѣ новаго года, Татьяна Петровна, — сказа-
лъ Коклюшкинъ, смотря ей прямо въ глаза.

Таня смѣшалась и пошла прочь: ей было досадно, зачѣмъ
Коклюшкинъ встрѣтитъ новый годъ рядомъ съ Сашенькой.
Она не-хотя пошла посмотреть, все ли приготовлено для
встрѣчи новаго года, потомъ, побѣжавъ въ свою спальную,
бросилась въ постель и залилась горькими слезами. О чемъ
она плакала, чѣмъ была недовольна, чего ей хотѣлось? — Ей
было душно, кровь волновалась, щоки горѣли, сердце би-
лось быстро-быстро, и слезы лились изъ глазъ ручьемъ.
Само собою разумѣется, что сама Таня еще меньше нашего
понимала свое волненіе и свои слезы.

Наплакавшись вдоволь, она вскочила, отерла слезы, слѣды
которыхъ быстро высыхали на горящихъ щекахъ, поправила
волосы и побѣжала опять внизъ — туда, гдѣ сидѣлъ Коклюш-
кинъ рядомъ съ Сашенькой.

Новый годъ уже встрѣтили и никто не хватился Тани.
Коклюшкинъ все еще сидѣлъ рядомъ съ Сашенькой.

— Съ новымъ годомъ, Татьяна Петровна, сказалъ онъ
и, крѣпко сжавъ руку Тани, посмотрѣлъ ей въ глаза, такъ
страстно, что ее всю въ огонь бросило, и она не нашла
что бы отвѣтить.

— Гдѣ это вы пропадали-съ, спрашивалъ Коклюшкинъ.

— Я по хозяйству распоряжалась...

— Таничка, сыграй кадрили! — подскочила Любочка.

— Я сама танцевать хочу... отвѣтила Таня.

— Что за глупости! Я мамашѣ скажу...

Дѣлать нечего: Таня сѣла за фортеціано.

Часу въ первомъ возвратился домой самъ господинъ Рѣ-
шетиловъ — толстый, ожирѣвшій баринъ съ отвислыми щеками,
пыхтящій и переваливающійся съ боку на бокъ.

— Вы все еще пляшете, хрипло заговорилъ онъ съ мо-
лодыми людьми: видишь, какая у нихъ компанія! Ай да дѣв-
ки, набрали молодцовъ какихъ... А ты что тутъ дѣлаешь,
тебѣ не слѣдъ къ парнямъ-то лѣзть!..

Послѣднія слова относились къ Танѣ.

— Я на фортеціано играла...

— То-то. За вами, за дѣвками, не углядишь... Васъ три,

а мать-то, старуха, одна... Ты ужъ не замушница, нечего тебѣ и думать объ амурахъ-то...

— Что это ты, Петръ Петровичъ, совсѣмъ конфузишь ребенка!—укорительно и манерно произнесла Раиса Сергѣевна:—иди спать, Танечка,—пора!

Таня ушла.

Скоро вся компанія распрощалась, и самъ Петръ Петровичъ сказалъ, широко зѣвая: «пора и на боковую!»..

— Что, матушка, будетъ ли у насъ толкъ-то? говоритъ онъ потомъ женѣ уже въ спальнѣ.—Шляются шляются эти франты, а на счетъ того... незамѣтно...

— Какъ ты странно говоришь, Петръ Петровичъ,—что за манера!.. Кажется, Ковлюшкинъ женится на Сашенькѣ,—матушка его все о приданомъ справляется...

— Небось, губа-то не дура! Ну, что же, не безприданница,—дадимъ!.. Свалить бы съ рукъ эту, тогда Таньку въ монастырь, такъ и останется только одна Любовь. На эту будутъ охотники!

— Да ужъ Таню-то пора-бы... годы такіе... Конечно, она ребенокъ... Я ее въ самыхъ дѣтскихъ понятіяхъ воспитала, а все-же...

— Для чего медлить! Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше! Пожалуй, ктонибудь собьетъ съ толку,—запрямится...

— Ну, это пустяки: я ее съ глазъ не спускаю; да она ужъ и привыкла къ этой мысли. Самъ видишь,—какая дикая! Мы тутъ новый годъ встрѣчаемъ, а она въ свою комнату убѣжала. Нѣтъ, ей самой хочется ужъ въ монастырь... Да и въ головѣ у нея все такое дѣтское...

— И слава Богу!..

— Вотъ Аннушка все меня заботить: таетъ, какъ свѣча. Какая здоровая была въ дѣвѣшкахъ,—вышла замужъ, куда-то дѣвалось...

— Отощала, совсѣмъ отощала.

— Знаешь, я думаю не муженекъ ли ее чѣмъ нибудь наградила...

— Чего добраго, и холостякомъ-то безобразничалъ, да и женившись...

— Признаться ужъ, кабы не богатъ былъ, не отдала бы дочери за такого брандахлыста... Ты бы поговорилъ съ нимъ...

— Можно. А теперь, добро, пора и на боковую. Соловья баснями не кормят...

Господа Рѣшетилковы—отецъ и мать—уже спали, а старшія дѣвицы все еще шушукали въ своей комнатѣ.

— Какая прелесть этотъ Ковлюшкинъ! говорила Сашенька.— Ты не повѣришь, Люба, какъ я люблю его! Кажется, вѣкъ бы не разсталась...

— Какъ тебѣ не стыдно, Саша!..

— Чего стыдиться! Тебя, что ли? Небось, ты сама въ Бревнова втюрилась по уши!.. знаю я!

— Ну, такъ что-жъ!—Я вѣтрености твоей дивлюсь—вотъ что. Давно ли съ Гвоздевымъ амурилась, и волечками пемѣнялись...

— То было ребячество! Мало ли кто мнѣ нравился, и не перечесть. Безъ этого нельзя, сама узнаешь. А люблю я настоящимъ образомъ въ первый разъ. Сказать тебѣ по секрету:—съ Гвоздевымъ у насъ ужъ до поцѣлуевъ дѣло доходило... только чуръ, никому... даже rendez-vous ему обѣщала... Слава Богу, не состоялось...

— И Ковлюшину не обѣщала ли?

— Много будешь знать, скоро состарѣешься...

— Скажи, пожалуйста, Саша, что это въ мущинахъ такое есть, что влечетъ насъ къ нимъ? Никогда дѣвушка въ дѣвушку не можетъ влюбиться,—непремѣнно въ мушину. Чего ужъ, кажется, мы съ Nadine Смирновой друзья,—а все съ ней совсѣмъ не то, что хоть бы съ Бревновымъ: сидишь съ нимъ рядомъ и молчишь, а весело и такъ пріятно...

— Ты слишкомъ-то не болтай,—чтобы Татьяна не услышала: ей не надо этого знать. Не забывай, что мамаша нагазывала...:

— Она ужъ спитъ! У ней, вѣдь объ этомъ и помышленія нѣтъ...

— Ну, это Богъ знаетъ, чужая душа—потемки; помню я, о чемъ думала въ четырнадцать лѣтъ, а ей, вѣдь, ужъ шестнадцать...

— Ну, значитъ, надо быть осторожнѣе. А то она, пожалуй, въ монастырь-то и не захочетъ...

— Признаюсь, я не завидую ей... Я, на ея мѣстѣ, на за что бы не пошла...

- Заставили бы...
 — Нашла бы средство, на все-бы нустилась...

II.

Но Таня тоже не спала: она лежала, притаивъ дыханіе, и внимательно слѣдила за болтовней сестеръ.— Въ самомъ дѣлѣ, думалось ей: что влечетъ и тянетъ къ мужчинамъ? что мнѣ отъ него нужно, чего я хочу? почему такъ хорошо, когда онъ сжимаетъ мою руку? отчего духъ захватываетъ, когда посмотрю ему въ глаза?.. Саша говоритъ: не пошла бы въ монастырь, на все бы рѣшилась... Ахъ, я сама то же сдѣлала бы, если бы умѣла... но какъ это сдѣлать?...! Ей хорошо разсуждать со стороны, да она и знаетъ все... А я ничего не знаю... Лучше и не думать: будь, что будетъ.

Но думалось противъ воли, и слезы бѣжали изъ глазъ, и разныя грезы рисовались... Непокойнымъ, тяжелымъ сномъ заснула будущая монастырка, металась и бредила во снѣ...

Да, читатель, Таня была предназначена родителями въ монастырь съ самого рожденія. Когда госпожа Рѣшетилова мучилась въ родахъ, она произнесла обътъ:—если роды кончатся благополучно (роды были опасны), дитя предназначается въ монастырь. Петръ Петровичъ не протестовалъ противъ этого объта по многимъ причинамъ. Раиса Сергѣевна была дама глубоко-религіозная и перемѣнить рѣшенія не могла ни подъ какимъ видомъ. Къ тому же, младшая дочь вышла некрасивая, слѣдовательно, — «не замужница». Поэтому Таню съ дѣтства и вели особнякомъ, и воспитывали иначе, нежели старшихъ дочерей. Поэтому-то Таня всякому представлялась, какъ нелюбимое дитя въ семьѣ. Она и одѣться не умѣла, и танцевала плохо, и учена была меньше другихъ. Правда, что и вообще дѣвицы Рѣшетиловы получили образованіе не богъ знаетъ какое, но, по понятіямъ родителей и большинства губернскаго общества, — удовлетворительное. Съ шести лѣтъ ихъ начинали учить грамотѣ русской и французской. Для послѣдней была взята гувернантка, — конечно, недорогога, потому что средства господъ Рѣшетиловыхъ были умѣ-

репные. Петръ Петровичъ толковалъ было: «да на кой прахъ учить дѣтей болтовяѣ-то басурманской, чортъ-ли въ ней!»—

— Какъ ты странно говоришь, Петръ Петровичъ, отвѣчала, обыкновенно Раиса Сергѣевна;—не могу я слышать твоихъ грубыхъ выраженій... Ты не забывай, что дѣвицѣ образованіе такое необходимо, иначе всѣ засмѣютъ.

И Раиса Сергѣевна настояла на своемъ, что необходимо взять гувернантку. Потому она, при всякомъ удобномъ случаѣ, рассказывала своимъ знакомымъ: «я для своихъ дѣтей гувернантку держу,—такая услужливая дѣвушка, и французскій языкъ знаетъ отлично,—а французскій языкъ—самое главное для дѣвицы;—безъ французскаго языка въ свѣтъ ступить нельзя... Таню она не учитъ,—этой не для чего: она у меня монастырка,—ну, а тѣ—для свѣта готовятся,—необходимо!..—Натурально, необходимо! восклицали знакомыя.

Гувернантка обучала дѣвочекъ не слишкомъ много, на книжное ученіе не налегала, но болтать по французски выучила, ну, и манерамъ тоже—вниксены, дѣлать, глазки строить, граціозно танцовать, говорить любезныя фразы. И подростали дѣвочки другъ за другомъ: выросла Аннушка, теперь уже замужня, выросла Сапа, за ней Люба... Мамаша умилилась, глядя на дочекъ, когда онѣ были еще подросточками: «эти будутъ у меня свѣтскія дѣвушки, — такія бойвуши растутъ, что бѣда!».. Еще подросточками эти бойвуши выдумали игру въ жепихи и невѣсты: онѣ женили вуюль, невѣсть наряжали, приданое имъ готовили, заставляли любезничать. Госпожа Рѣшетнилова восхищалась и умилялась. Восхищались и умилялись и всѣ, кому случалось полюбоваться такой находчивостью дѣвочекъ: «эдакія умницы! эдакія красавицы!» говорили любезныя гости.

— Видишь, какія сестры-то красавицы,—говаривала Раиса Сергѣевна Танѣ, поправляя туалетъ старшихъ дочерей и со всѣхъ сторонъ оглядывая ихъ;—а ты дурнышка, тебѣ не зачѣмъ и наряжаться-то.

И сестры говаривали Танѣ, отгоняя ее отъ себя: «ты дурнышка, а мы замужъ выйдемъ за офицеровъ, за красавцевъ, а тебя, дурнышку эдакую, никто не возьметъ...»

Таня отмалчивалась и смотрѣла издали на игры сестеръ:

въ ней развивалось и укоренялось самое жалкое мнѣніе о собственной своей особѣ.

Иногда у Рѣшитиловыхъ собирались другіе посторонніе подростки. Тогда, вмѣсто вуволь, появлялись на сцену въ игрѣ въ женихи и невѣсты сами дѣти: любили дѣвочки играть роль невѣсты и вѣрнко, потупивши глазки, цѣловались съ женихами. Если иная простодушная дѣвочка лѣтъ восьми слишковымъ безцеремонно протягивала свои губки жениху, маменька замѣчала ей: «сахъ, какая ты глупенькая! развѣ такъ можно цѣловаться съ женихомъ? Ты должна опустить глазки, застыдиться...»

И маменьки любовались маленькими женихами и невѣстами, вздыхая и думая: «когда-то эта игра перейдетъ въ правду?..»

Таня все оставалась въ сторонѣ: ея никто не любовался, ея никто не ласкалъ, не хвалилъ, не замѣчалъ даже. А если и замѣчали, такъ только для того, чтобы «дурнышкой» обозвать. «Ты монастырка, говорили ей: тебѣ это ненужно, — Богу молиться учишься.» — «Почему же мнѣ не нужно, а не Сашѣ, не Любѣ? иногда думалось ей: мнѣ тоже хотѣлось бы поиграть въ женихи и невѣсты, потанцевать, въ красивое платьѣ одѣться!» Она садилась въ уголокъ и задумывалась: ей воображались прелестныя куклы, которыми она играетъ, и эти куклы ей нравились гораздо больше, нежели куклы Саши и Нади. Иногда она воображала себя танцующей съ какимъ-то прехорошенькимъ кавалеромъ, и ей было такъ пріятно, что она даже улыбалась...

— Сидитъ одна и улыбается! говорила Раиса Сергѣевна: видимо находятъ на нее райскія думы!

Потомъ старшія дѣвицы другъ за другомъ стали выѣзжать въ вечера съ танцами. Когда выѣзжала Анна Петровна, Таня была еще очень мала и смыслила мало. Но когда Анну Петровну выдавали замужъ и, взявъ ея въ свѣтъ выпустили Любочку, Таня уже заводила игры въ своемъ воображеніи, ужъ прислушивалась къ шушуканью сестеръ. Анну Петровну выражали, приданое готовили, женихъ ей подарки привозилъ... Сашенька и Любочка завидовали ей: женихъ Анны Петровны, помѣщикъ Слоевъ, былъ неказистъ на видъ, отличался физиономіей, носившей слѣды сверхой жизни, но получилъ отъ

отца хорошее состояніе, и всѣ подруги завидовали старшей дѣвицѣ Рѣшетиловой.

Отпраздновали свадьбу; молодые уѣхали въ деревню и съ тѣхъ поръ рѣдко появлялись въ губернскомъ городѣ.

Стали выѣзжать на вечера Сашенька и Любочка. Приѣзжая домой, онѣ болтали о кавалерахъ, объ ихъ глазахъ и разговорахъ. Таня прислушивалась и рисовала въ воображеніи разныя картины; но чѣмъ больше она развивалась, тѣмъ чаще стала навѣщать ее какая-то хандра. «Тоскуеть! говорила госпожа Рѣшетилова:—знать, душно ей въ мірѣ, тяжело, не тянетъ ее свѣтъ, отталкиваетъ: божья душа!» Впрочемъ; сестры выучили и Таню танцевать кадрили, потому что иногда на вечеринкахъ у Рѣшетилowychъ не хватало дамъ и Таня могла быть полезна, какъ резервная. Съ этой же точки зрѣнія, ее немного научили играть на фортепіано, чтобы она могла быть полезною для сестеръ, наигрывая, при надобности, разныя танцы. Танцевальное искусство, впрочемъ, плохо давалось Танѣ и она оказалась дика и невосприимчива.

— Какая ты неловкая, неуклюжая, точно черепаха! смѣялись сестры.

— Какіе ужъ ей танцы! говорила Раиса Сергѣевна: — не для свѣта, не для суеты мірской она родилась; предназначена ей иная доля... богомолица за насъ, грѣшныхъ, будетъ...

Предназначаемая для монастыря, мало по малу привыкая къ той мысли, что, рано или поздно, ей необходимо будетъ одѣться въ монашескую рясу, Таня наконецъ и сама стала безпокоиться, что она думаетъ очень много о свѣтѣ, развлекается дурными фантазіями и худо готовится къ монастырскимъ подвигамъ... Но чѣмъ больше развивалось ея тѣло, тѣмъ сильнѣе искушенія одолѣвали ее. Кровь быстро билась въ жилахъ, находила тоска, овладѣвало какое-то непонятное томленіе и градомъ жились горячія слезы. А разумокъ задавалъ вопросы за вопросами: «почему же именно я въ монастырь пойду? почему не Саша, не Люба? почему онѣ счастливицы, могутъ веселиться, танцевать, выѣзжать на вечера, влюбляться, а я должна молиться за всѣхъ, скучать, бѣгать отъ людей?» Потомъ ей думалось и такъ: «я вѣдь дурнышка, неуклюжая, неловкая, а онѣ хорошенькія, граціозныя. Ихъ

всѣ любятъ, ими всѣ любятъ, а на меня никто и вниманія-то не обращаетъ,—кому нужна такая дурная, нехорошая, вельюная!.. Я и говорить-то не умѣю, мнѣ все страшно... Нѣтъ, нѣтъ, не хочу я думать о свѣтѣ, такъ ужъ вѣрно на роду мнѣ написано быть въ монастырѣ!..»

А кровь говорила другое.

Такъ и металась Таня изъ стороны въ сторону, мучась внутреннимъ разладомъ, съ которымъ никакъ не могла справиться. Часто она плакала, убѣгая отъ гостей въ свою комнату, а Раиса Сергѣевна говорила: «наша монастырка-то все уединенія ищетъ,—душно ей въ суетѣ мірской: посмотримъ, посмотреть, да и убѣжить,—плачетъ или молится о насъ, грѣшныхъ...»

Знакомыя дамы иногда говорили ей:

— Что это вы, Раиса Сергѣевна, молоденькую-то такую да въ монастырь хотите упрятать?..»

— Развѣ я гоню ее? отвѣчала госпожа Рѣшетилова:—такое ужъ призваніе у нея.. Посмотрите, какая она странная, совсѣмъ на обыкновенную дѣвушку непохожа...

— Это точно, совсѣмъ необыкновенная барышня...»

— Значить, не отъ міра сего, оттого и странная...

— Богомолка будетъ за насъ грѣшныхъ, дай ей, Господи, силы да долготерпѣнія!

III.

Старшія дѣвицы Рѣшетиловы еще не поднялись съ постелей, какъ къ нимъ пришла дочь хозяина, Дуня,—съ новымъ годомъ барышень поздравить. Дуня была дѣвушка здоровая, румяная, кровь съ молокомъ, съ открытымъ, быстрымъ взглядомъ, вздернутымъ носикомъ и довольно толстыми каральковыми губами.

— Долго поживаете, барышни! громко сказала она.

— А, Дуня! Развѣ ужъ поздно?..

— Съ новымъ годомъ, Александра Петровна, съ новымъ годомъ, Любовь Петровна!.. Какъ ужъ не поздно: мы съ тетенькой ужъ у обѣдни побывали.

— Не хочется вставать...

— Смотрите, барышни, весь годъ спать будете, жениховъ просвите!

— Ахъ, Дуня, какой я сонъ хорошій видѣла!.. Ты умѣешь, Дуня, сны объяснить?

— Нѣтъ, барышня, мы этимъ не занимаемся. Тетенька не велитъ.

— Отчего же?

— Не велитъ, да и все. У нея вѣдь сказъ коротокъ: не надо, да и все,—не долго и...

— А ты гадала, Дуня?

— И этимъ не занимаемся—не велитъ.

— Что же тебѣ велеть-то?

— Что велеть-то? Богу велеть молиться, да работать.

— Не все же работать! Тебѣ развѣ не хочется погадать?

— О чемъ гадать-то, барышня?

— Какъ о чемъ!—ну, о суженомъ...

— Какой ужъ у насъ суженый! Тетушка говорить: ты не смѣй и глядѣть-то на мужчинъ, не смѣй и думать о замужествѣ... Я, говорить, прожила вѣкъ въ дѣвкахъ, а получше тебя была, да не жалѣю...

— Эва она какая! А отецъ что?

— А тетенька отиучивается; онъ вѣдь все такъ...

— Значитъ, тебѣ плохо, Дуня?

— Я ужъ привыкла, ничего... Она ворчить, а я молчу...

— А ты, Дуня, хотѣла бы замужъ?

— Чего хотѣть-то! и такъ хорошо. Замужемъ-то лучше ли будетъ, можетъ и хуже,—не узно. Живу и такъ.

— А какъ вступишься?

— Не влюблюсь.

— Если за тобой начнетъ какойнибудь молодой человекъ ухаживать?

— Я ему тумана дамъ, такъ и прогоню.

— Что ты это говоришь, Дуня? удивлялась Любочка.

— Право, такъ.

— Да ты врешь все!

— Не вру!

И по лицу Дуни видно было, что она не вретъ, а говорить то, что думаетъ.

— Гдѣ у васъ монастырочка-то? спросила она.

— Тая не по нашенски, — въ заутрени, я думаю, поднялась, да въ Соборъ съ маменькой,

— Эка богомолка, — ужь точно не по вашему: вотъ вы въ такой день да обѣдню проспали.

— Знають чудотворцы, что мы не богомольцы! Ты думаешь, она по охотѣ, какъ же! Заставляютъ, такъ дѣлать нечего!

— Да вѣдь ей ужь что: одна дорога. Надо въ монастырской-то жизни привыкать. Съ ея физикой ничево больше не остается... вмѣшалась Любочка.

— Ты, Дуня, тоже не въ монастырь ли собираешься?

— Куда ужь намъ...

— Что ты толкуешь, Саша! Посмотри, какая она хорошенькая; въ монастырь такія не годятся. Я думаю, у нея тоже поклонниковъ не перечесть... Такъ, вѣдь, Дуня?.. Ну-ну, не краснѣй, мы теткѣ не скажемъ.

— Что это, барышни, какъ посмотрю я, все-то одно у васъ на умѣ. Вставайте-ка лучше, я вамъ одѣться помогу.

— О чемъ же намъ больше и думать-то!.. смѣялась Любочка! — А вставать-то пора и въ самоѣ дѣлѣ!

И великую истину сказала Любочка: о чемъ больше думать барышнямъ? Кромѣ жениховъ, какія мысли, какія заботы, какія желанія и мечты могутъ копошиться еще въ ихъ головкахъ?..

А вставать, дѣйствительно, была пора: г-жа Рѣшетилова уже не одинъ разъ прислала узнать, встають ли барышни: визиты пора принимать.

А г. Рѣшетилловъ ходилъ по затѣ во фракѣ и въ засосѣ курилъ изъ черешневой трубки «жуковину»: онъ собирался ѣхать съ визитами, которымъ въ провинціи обыкновенно посвящается весь первый день новаго года. Къ нему пришелъ небольшой человѣчекъ въ длинномъ кафтанѣ, обстриженный въ кружокъ и съ русской бородкой, — впрочемъ весьма тощей и неприглядной.

— А! господинъ хозяинъ!

— Наше вамъ-съ, съ новымъ годомъ, съ новымъ счастьемъ!

— Благодарствуй, другъ сердечный. Все ли по добру, по здорову, каково живешь?

— Ничево-съ, живемъ да хлѣбъ жуемъ, вашими молитвами.

— Чайку не хочешь ли?

- Былое дѣло, батюшка.
- Ничего, чай на чай не вредно... Эй! чаю сюда!... Садись-ка, хозяйинъ, рядкомъ, да побесѣдуемъ ладкомъ.
- Не задержать бы васъ, — собрались, нивакъ, *визиту развозить*?
- Поспѣю!.. Разсказывай.
- Какъ дѣла-то?
- Дѣла, какъ сажа бѣла... Хочу всю торговаишку порѣшить.
- Что же такъ?
- Да что! вонъ торговка Анисья Михайловна всѣхъ покупателей отбила... хе-хе-хе!..
- Что смѣешься надъ Анисьей-то? она, братъ молодецъ.
- Какъ ужь не молодецъ, — бой баба... то бишь, дѣвва, надо бы сказать, что и говорить: ребенва принесла, да и ухомъ не ведеть и на торгъ съ собой таскаетъ, ровно и законнаго. Стыда у ней никакого нѣтъ...
- Чей ребенокъ-то у нея?
- Кто ее знаетъ! надо быть, вѣтромъ надуло: говорятъ, бываетъ... хе-хе-хе!
- Смѣйся! небось, она самому пригодится: дочкѣ-то какъ разъ жениха высватаеть.
- Ну, ужь это надо, Петръ Петровичъ, отдумать: я дочери-то и ва порогъ къ ней ходить не вежю.
- Что такъ?
- Безстыжая дѣвва — одно слово. Другая бы со стыда умерла, утопилась бы, али удавилась, а она и не скрываетъ... Значить, ужь отпѣтая душа, — чему хорошему отъ нея научиться!
- Ты ужь больно строго свою дѣвку держишь, — и къ намъ-то не пускаешь; что-бы вчера послать ее къ намъ — новый годъ встрѣтить.
- А мы его, батюшка, проспали, не слышали, какъ и пришелъ.
- То-то и есть. Послалъ бы хоть Дуню-то къ намъ, пусть-бы посмотрѣла, какъ люди веселятся.
- Что ей на чужое веселье глазѣть. За ней за самой присмотръ нуженъ, — дѣвва, известное дѣло, таковой товаръ,

что баречь его надо. Не удержишь, какъ разъ цѣну потеряетъ.

— Дѣло.

— Да какъ! Парень — статья другая: и согрѣшить, такъ словно съ гуся вода. А дѣвка — ступила и въ отвѣтъ. Ей-то срамъ, да и роденька-то возжайся съ ней, убивайся...

— Такъ-то, такъ, все-таки Дуню къ намъ посылай; вотъ на недѣль-то у насъ дѣвки хотятъ ряженыхъ принимать, пусть посмотритъ...

— На томъ благодаримъ, Петръ Петровичъ, много довольны вашими ласками. У васъ худому не выучится, знамо.

Барышни тоже звали Дуню — маскированныхъ смотрѣть, и Дуня, обѣщалась, если тятенька отпустить, хотя на такое позволеніе со стороны тетеньки мало надѣялась.

Когда Петръ Петровичъ уже уѣхалъ съ визитами, а Птицынъ ушелъ домой, къ Раисѣ Сергѣевнѣ пришла съ новымъ годомъ поздравить жилища уединеннаго флигелька, также принадлежавшаго купцу Птицыну, торговка Анисья Михайловна, женщина лѣтъ тридцати, видная и здоровая.

— Здравствуй, Анисьюшка, ласково привѣтствовала ее госпожа Рѣшетилова: садись-ка, посиди. — Дѣвушки, напойте Анисью чаемъ.

Раиса Сергѣевна, видимо, покровительствовала торговкѣ, не обращая вниманія на тѣ грѣшки ея, которые такъ возмущали купца Птицына. Дѣло въ томъ, что Анисья Михайловна, кромѣ торговли, занималась и сватовствомъ: она высватала помѣщика Слоева Аннѣ Петровнѣ, а теперь все толковала на счетъ того, какой хорошій баринъ Ковлюшкинъ, какая пара вышла бы изъ него да изъ Александры Петровны, какъ матушкѣ Ковлюшкина, хочется породниться съ господами Рѣшетиловыми... Какъ же было не покровительствовать Анисьюшкѣ!..

— Здорова ли твоя дочка? спрашивала съ участіемъ Раиса Сергѣевна.

— Ничего. Это начинала было покашливать, — я попоила мяткой — прошло. Барышни здоровы ли?

Теперь читатель нѣсколько знакомъ со всѣми обитателями помѣщеній, составляющихъ собственность купца Птицына. А эти обитатели и есть герои нашего повѣствованія.

Въ то время, когда Птицынъ и его дочки находились съ визитомъ у Рѣшетиловыхъ, сестра хозяина, тетя Дуни, сухая, пятидесяти-лѣтняя дѣвица, прибирала комнату и ворчала: «безпутный народецъ! все-то сама убери, все-то своими руками сдѣлай, безголовый народъ, никакого у нихъ разсудку нѣтъ» и т. д.

Долго ворчала старуха, пока не пришелъ самъ Птицынъ.

— Ну, сестра, заговорилъ онъ, — заутимъ мы съ Дунькой: зовуть насъ вверхъ ряженныхъ смотрѣть.

— А мнѣ что за дѣло! Идите хоть на всѣ четыре стороны, я не держу. Все равно, помру, такъ то ли будетъ.

— Что же ты сердца больно для новаго-то года?

— Много вы смотрите на мое сердце.

И весь-то день деньской проворчала она, такъ что даже братъ плюнулъ и сказалъ: «тѣфу ты, старая хрычовка, безъ костей у тебя языкъ-то—мелеть, не спросясь ума разума... скавалъ, хлопнулъ дверью и вышелъ».

Не весела-таки была молодость Дуни, нечего сказать. Проживши вѣкъ свой въ дѣвушкахъ, можетъ быть, обиженная въ молодости, что ли, Матрена Никифоровна Птицына терпѣть не могла красивыхъ дѣвушекъ и молодыхъ мужчинъ. Она поѣдомъ ѣла Дуню съ пятнадцати-лѣтняго возраста за всякій разговоръ съ молодымъ человѣкомъ. Къ брани да угрозамъ присоединялись иногда побои, и Дуня въ толкъ взять не могла, изъ-за чего такъ усердствуетъ тетюшка, и не на шутку стала бояться мужчинъ. Къ тому же приводили ее и совѣты постоялки, жившей во флигелѣ, — торговки Анисьи Михайловны, съ которой Дуня сдружилась. — «Не вѣрь ты, Дунюшка, мущинамъ, говорила она: — ихняя братья надувать ловка, хорошо на бойконькую наскочить — заплатится, а тихонькую да робконькую — сгубить ни за денежку я по себѣ знаю...» Вообще Матрена Никифоровна грубо ошибалась, считая знакомство съ Анисьей Михайловной вреднымъ для Дуни: онашибко преслѣдовала Дуню за знакомство съ Анисьей Михайловной. Но Дуня питала особенную дружбу къ Анисьѣ Михайловнѣ, и бѣгала къ ней во флигилекъ подъ большимъ секретомъ, когда тетки дома не было.

Познакомимся же, читатель, и мы поближе съ Анисьей Михайловной; нельзя же намъ, подобно Матренѣ Никифоровнѣ,

удовольствоваться однимъ голымъ фактомъ: родила она, десять, въ дѣвкахъ, значитъ — женщина погибшая; а отсюда легко сдѣлать выводы о ея характерѣ, ея нравственной физиономіи, о ея дѣяніи и занятіяхъ. Притомъ же она торговка, да еще святотворствомъ занимается: каждому изъ этихъ занятій можно придать такіе оттѣнки, что въ воображеніи встанетъ яркій, весьма опредѣленный образъ, — только похожій ли на Анисью Михайловну?.. А вотъ посмотримъ.

IV.

Флигелекъ, принадлежавшій купцу Птицыну, хозяину господъ Рѣшетилowychъ, стоялъ, на приличной дистанціи отъ пятиконнаго дома, довольно уединенно. Въ немъ были двѣ комнаты и кухня, — очевидно, помѣщеніе слишкомъ широкое для одной Анисьи Михайловны съ дочкой; а потому лишнюю комнату она отдавала въ наймы одинокому чиновнику не первой молодости, по фамилии Грязнухину, человѣку молчаливому и туповатому, котораго не оживляло даже вино, въ значительномъ количествѣ имъ выпиваемое. Грязнухинъ десять лѣтъ корпѣлъ надъ перепиской бумагъ, не понимая и не стараясь понимать смыслъ того, что переписывалъ, и ко всякому другому человѣку относился съ подобострастіемъ, какъ къ высшему существу, сравнительно съ нимъ. Въ кухнѣ Анисья Михайловна пріютила нищую женщину, Аксинью, которая помогала ей по хозяйству и за то пользовалась квартирой, но ѣла свое. Съ чиновника Анисья Михайловна брала за квартиру одинъ руб. да три за обѣдъ и ужинъ, а сама платила Птицыну два руб. въ мѣсяцъ, потому что Флигелекъ былъ старенькій и въ зимнюю пору холодный, да и вообще въ городѣ квартиры были недороги. Нищая Аксинья была очень челевна Анисьѣ Михайловнѣ, потому что, своими хлопотами по хозяйству, давала ей больше возможности заниматься торговлей, да и надо-же было кого нибудь оставлять въ квартирѣ, когда случалось уѣзжать на ярмарки, — и за добрымъ присмотрѣмъ, и чиновника покормить. Аксинья-же была женщина толковая, смыслящая и, главное, хозяйки своей слушалась безпрекословно. Въ свое время, когда была здорова и сильна, она жила на мѣстахъ, нанимаясь въ кухарки и

няньки, а тутъ грудь совѣтъ сокрушила ее и привела къ необходимости нищенствовать. Аксиныя ежедневно ходила въ церковь посбирать и кормилась подачками и копѣечками добротныхъ дателей; иногда бродила она въ окрестные монастыри на праздники; тамъ ей перепало побольше, а путешествіе обходилось «странному человѣку» даромъ, потому что для богомолки да нищенки у всякаго мужива найдется и теплый уголь, и кусокъ хлѣба, даже пирога. Когда Анисія Михайловна уѣзжала на ярмарку, хожденіе и сбираніе Аксиныи приостанавливалось,—она вся обращалась въ заботу, дѣлалась заправской хозяйкой, поднималась въ собственныхъ глазахъ; но съ возвращеніемъ пастоящей хозяйки она опять притихала, слагая съ себя хозяйственное величіе и вступая въ обычную колею. Приходитъ Анисія Михайловна съ рынка домой, стучится.

— Кто тамъ? дребезжитъ голосъ Аксиныи.

— Ну, отпирай, старая! зазябли мы съ Катей.

— Ставь-ка самоваръ. Дома постоялецъ?

Вошли.

— Нѣту. Пообѣдавши, пропалъ.

— Куда онъ забатился, красное солнышко?..

— Кто его знаетъ, медвѣдя эдакого. У него ровно и языка-то нѣтъ:—придетъ, посопитъ, налопастся—и пошелъ.

— Сестра не бывала?

— Забѣгала на минуточку. У нея опять мужинекъ закутилъ. Пошелъ съ работой, получилъ, слышь, три руб., да и шлялся до вечерень до самыхъ, домой съ двугривеннымъ пришелъ.

— Значить, такъ.

Явился постоялецъ.

— Гдѣ былъ-побывалъ? спросила Аксиныя.

Чиновникъ Грязнухинъ помычалъ что-то себѣ подъ носъ.

— Экой ты неуклюжій какой, посмотрю я! заговорила Аксиныя: единаго слова привѣтнаго отъ тебя не услышишь. Есть у тебя языкъ-отъ? Хочешь что ли чаю-то?

— Можно, наконецъ проговорилъ Грязнухинъ и крикнулъ громко, точно стараясь заглушить свой собственный голосъ.

— Любишь? опять заворчала Аксиныя: а ты бы свой чай-отъ припасалъ, да и циль!

— Не на что! сказать Грязнухинъ, садясь и почесывая въ затылкѣ.

— Что у васъ въ судѣ-то—нѣшто доходовъ мало?

— Есть, да столоначальники больше...

— А ты чего зѣваешь? хапалъ бы на свой пай.

— Нельзя.

— Тебѣ нельзя, а имъ можно... Охъ ты, фатюй, прямой фатюй!

— Вотъ бы къ вамъ Авсинью въ судѣ-отъ, она бы кое-кого опледала,—бойка больно!

— Ужъ не дала бы спуску, Анисья Михайловна, — За поясъ затянула бы всѣхъ столоначальниковъ!

— Жениться бы вамъ, Семенъ Панкратьичъ...

— Да правда что женить его надо, фатюя эдакого,—жена-то бойкая да характерная попадется, она тебя мигомъ оболванитъ!

— Вотъ у Петра Емельяныча дочка на возрастѣ, невѣста первый сортъ...

— Ужъ это ли не невѣста: и изъ себя дѣвка, какъ дѣвка, и деньжонки за ней, поди, дадутъ.

— Можно бы, да не пойдетъ, — смиренъ я.

— А ты развернись...

— Хм!..

— Нечего хмыкать-то, молодцомъ будь.

Такъ тянулся разговоръ во время чаепитія. Чиновникъ Грязнухинъ, кромѣ того, что отличался тупостью непомерной, онъ и рыломъ не вышелъ, и вообще внѣшностью своей не привлекалъ: волосы торчали на макушкѣ ершомъ, форменный сюртукъ, съ побѣлѣвшими швами, былъ застегнутъ на глухо и никакихъ признаковъ бѣлья; за то ростомъ и дородствомъ Семенъ Панкратьичъ взялъ, и стулья трещали подъ нимъ.

Когда Грязнухинъ ушелъ въ свою комнату, Авсинья сказала: «а что, и впрямь женить бы его, Анисья Михайловна... хозяйскую-то дочку ему бы высватать,—купчиха третьей гильдии, не велика оря, неблагородная, а онъ, каковъ ни на есть, все-таки чиновникъ, ваше благородіе!

— Не пойдетъ она, да и пошла бы, такъ съ теткой не сбердишь: за версту увидитъ меня, такъ рыло-то воротитъ. Жаль Дуню-то: сокрушитъ она дѣвку...

— Провалиться ей, старой хричонкѣ...

V.

Раиса Сергѣевна Рѣшетилова была въ ссорѣ съ братомъ своимъ, богатымъ помѣщикомъ Котовымъ.

Радіонъ Сергѣевичъ Котовъ, дѣйствительно, терпѣть не могъ Рѣшетиловыхъ. Онъ никогда не питалъ нѣжныхъ чувствъ къ сестрѣ, потому что выросъ и воспитывался врозь съ ней и совершенно иначе, нежели она. Онъ всегда называлъ ее не Раисой, а крысой. Но съ тѣхъ поръ, какъ она вышла за Рѣшетилова, Радіонъ Сергѣевичъ совсѣмъ отрёкся отъ сестры. «Выйти замужъ за невѣжду, которому только бы съ кучерами у подъезда стоять... Какой онъ дворянинъ: званіе одно... Глупъ, грубъ, скотина... тѣфу!...» Котовъ получилъ весьма утонченное воспитаніе во французскомъ вкусѣ, конечно, съ російскимъ отбѣнкомъ—и, въ свое время, былъ изящнѣйшимъ украшеніемъ аристократическихъ гостиныхъ. Онъ былъ извѣстенъ, какъ образецъ изящнѣйшихъ манеръ, самой галантерейной любезности и самаго утонченнаго остроумія. Онъ блисталъ въ свѣтѣ и водилъ дружбу съ знатными людьми до тѣхъ поръ, пока, вслѣдствіе болѣзни, не лишился ногъ; огорченный этимъ обстоятельствомъ, блистательный седадонъ вдругъ бросилъ свѣтъ и удалился въ деревню, и тамъ, окружилъ себя въ уединеніи всякими изяществами, доступными его хорошему средствамъ. Любовь къ изяществу и галантерейности въ немъ была такъ сильна, что онъ даже гостей принималъ только изящныхъ, ни костюмомъ, ни манерами, ни рѣчами неоскорбляющихъ его утонченные вкусы. Все грубое, рѣзкое, жесткое, неуклюжее злило, волновало, разстроивало Радіона Сергѣевича. Какъ много было ему хлопотъ, чтобы подобрать сколько нибудь изящную прислугу и домашнюю администрацію! Сколько крови перепортилъ онъ, волнуясь при этомъ трудномъ подборѣ!

Неуклюжая, пыхтящая, какъ паровикъ, фигура Рѣшетилова, его заплывшее жиромъ лицо, трубая манера,—все это поразило Котова. Когда Рѣшетилонъ пріѣхалъ рекомендоваться, какъ родственникъ, Радіонъ Сергѣевичъ уже рѣшилъ съ перваго разу, что второго свиданья между ними не будетъ.

— Надоѣло съ дѣвками-то валандаться, — откровенничать Петръ Петровичъ; вотъ женой и обзавелся...

— Напрасно...—отозвался Котовъ съ гримасой:—извините, живъ что-то не здоровится... Пожалуйте въ ту комнату, тамъ вамъ подадутъ закусить...

— Это ничего-съ. Съ нами не церемоньтесь, свои люди, мячнемъ ѣздить къ вамъ—наскучимъ...

— Очень радъ...

Но въ другой разъ Петра Петровича не приняли, что его сперва удивило, потомъ взбѣсило. Однако, разъ пять прѣѣзжалъ онъ къ богатому родственнику и каждый разъ выслушивалъ суровое «не принимають».

Раиса Сергѣевна сперва не очень-то огорчилась нерасположеніемъ брата, да и рассчитывала, что съ годами это нерасположеніе пройдетъ, укротится, гнѣвъ перемѣнится на милость. Но когда, послѣ многихъ лѣтъ, оказалось, что Радіонъ Сергѣевичъ рѣшительно не намѣренъ пускать къ себѣ на глаза «крысу и ея самца», какъ онъ выражался, а между тѣмъ, старѣется и хитреть одинокимъ человѣкомъ, тогда Раиса Сергѣевна сдѣлалась прискорбно... «Конечно, размышляла она, если умереть безъ завѣщанія, намъ же все достанется, — да кто его знаетъ, можетъ быть, завѣщаніе оставить въ пользу этой дѣвочки»...

Подъ именемъ дѣвочки разумѣлась воспитанница Котова, и спасенія Раисы Сергѣевны вассательное завѣщаніе были весьма резонны... Радіонъ Сергѣевичъ взялъ къ себѣ эту бѣдную сиротку, по имени Наташу, сколько ради скуки, столько же и съ тою мыслью, чтобы на зло крысѣ имѣть въ запасѣ близкаго человѣка, которому можно бы передать имѣніе и, такимъ образомъ, по своей прихоти, этого человѣчка осчастливить, а противныхъ Рѣшетяловыхъ наказать... за что?... да за то, что они противные. Какъ видите, мотивъ благодѣянію со стороны извѣднаго господина былъ чисто-самодурный. Но это благодѣяніе, дѣйствительно, держало Рѣшетяловыхъ въ постоянной агитаціи.

— Вотъ смуху Наташѣ хорошаго жениха, говорилъ въ обществѣ Радіонъ Сергѣевичъ, — да все состояніе ей и передамъ; пусть сиротка поживетъ въ власть, да поминаетъ меня, старика!...

Эти рѣчи доходили до Раисы Сергѣевны и вставляли ее

до врови кусать губы, усиливая ея ажитацию: «бѣда! найдеть жениха этой дѣвчонкѣ—и прощай наслѣдство! А такому состоянію женихи найдутся... сѣверно!»

Наташа была нѣжное и чрезвычайно изящное созданіе: блондинка, съ хорошимъ цвѣтомъ лица, съ карими, умными глазами, стройная, легкая, граціозная; она очень подходила къ тому типу полувоздушной барышни, который любили воспѣвать поэты старой школы. Она была во вкусѣ Котова... Выростая и развиваясь одиноко, безъ подростковъ, безъ подружекъ, Наташа не приобрѣла никакихъ практическихъ знаній даже въ смыслѣ той житейской мудрости, которою владѣли дѣвчонки Рѣшетилковы, умѣвшія полюбезничать, побокотничать, при случаѣ, провести домашнюю администрацію. Котовъ по своему училъ и развивалъ Наташу; онъ самъ выбиралъ ей книги, самъ объяснялъ ихъ и сильно заботился, чтобы никакія житейскія дразги не туманили радужнаго міросозерцанія молодой дѣвушки. Онъ очень ловко отклонялъ Наташу отъ всякихъ практическихъ вопросовъ, хотя бы они непосредственно касались ея жизни. И дѣйствительно, она мало заботилась о своихъ житейскихъ отношеніяхъ, о своемъ настоящемъ и будущемъ: бродила по полямъ, по берегамъ живописной рѣчки, по лѣсу, упивалась красотами природы, мечтала, предаваясь лѣнивой полу-дремотѣ подъ журчанье ручья или неумолкаемое пѣніе лѣсныхъ птичекъ. Она охотно читала и вслухъ, и про себя, сентиментальные и рыцарскіе романы, зачитывалась Жанъ-Жака Руссо и даже Вольтера. Она нерѣдко толковала съ Радіономъ Сергѣвичемъ о челоувѣчествѣ и его судьбахъ, но эти толки не переходили за черту фантазіи и не могли имѣть никакого отношенія въ дѣйствительности, которой Наташа вовсе не знала и не должна была знать, по мнѣнію Котова. Когда одинъ разъ Радіонъ Сергѣвичъ подарилъ своей воспитанницѣ въ именины банковый билетъ въ тысячу рублей и подарилъ, конечно, при свидѣтеляхъ, чтобы свѣденіе о подаркѣ дошло до противныхъ Рѣшетилковыхъ, Наташа удивилась этому подарку очень наивно:

— На что мнѣ это?... сказала она, не имѣя ни малѣйшаго понятія о томъ, что это такое банковый билетъ и на что можетъ пригодиться.

А Радіонъ Сергѣвичъ былъ въ восхищеніи отъ этой наив-

ности и съ гордостью сказалъ гостямъ: «она у меня чиста отъ всякой житейской грязи»... А гости подумали: «она порядочная дура, если въ деньгахъ толку не знаетъ»... Одинъ изъ губернскихъ тузовъ даже позволилъ себѣ сдѣлать (конечно, въ отсутствіи Наташи) такое замѣчаніе: «Однако, Радіонъ Сергѣевичъ, не легко будетъ вашей воспитанницѣ, если ей предстоятъ въ жизни какія нибудь грубыя столкновенія, тяжелый трудъ, борьба, можетъ быть...»

— Откуда же вы взяли, что ей предстоитъ все это? Я ее выдамъ замужъ за человѣка надежнаго, передамъ ей все свое состояніе,—пусть живетъ въ своемъ невѣденіи, чистая, какъ голубь, наивная, какъ ребенокъ, и прекрасная, какъ роза! Грязь жизни не должна ея касаться...

— А если, Боже сохрани...

Радіонъ Сергѣевичъ нахмурился: это «если, Боже сохрани...» ужъ приходило ему въ голову, но онъ гналъ его прочь, стараясь не поддаваться мрачнымъ мыслямъ.

— Надо же, въ самомъ дѣлѣ, прискаты еѣ жениха, да обезпечить! рѣшилъ онъ.

Слова «прискаты жениха», въ глазахъ Котова, нисколько не казались странными и дивными, они вовсе не противорѣчили его изящнымъ вкусамъ: во-первыхъ, онъ все-таки видѣлъ въ Наташѣ что-то въ родѣ своей собственности, которою могъ распоряжаться по своей прихоти, вздумалъ сдѣлать изъ нея наивнаго ребенка—и сдѣлать, вздумалъ выдать замужъ за хорошаго, по своему, человѣка—почему же и не выдать? Во-вторыхъ, Наташа знала, что ее выдадутъ замужъ за какого нибудь «прекраснаго человѣка» и не думала протестовать противъ этого, тѣмъ болѣе, что ея сердечко не было ни разу встревожено чѣмъ либо похожимъ на чувство любви. Никто, кромѣ пяти-шести губернскихъ тузовъ, людей уже почтенныхъ и солидныхъ, не посѣщалъ Котова и не нарушалъ этой тихой, однообразной, уединенной жизни.

Радіонъ Сергѣевичъ, не шутя, задумалъ поскорѣе пристроить Наташу. Онъ завелъ дѣятельную переписку съ своими старыми петербургскими пріятелями по этому предмету, а съ Наташей чаще началъ заговаривать о замужествѣ. И вотъ пишетъ Котову одинъ пріятель, что женихъ найденъ: хорошо образованный и дѣльный молодой человѣкъ, хорошей фа-

милія, красивый собой, но безъ состоянія, — по имени Рагозинъ. Завелась переписка и съ женихомъ; въ дополненіе къ перепискѣ, Рагозину послалъ акварельный портретъ Наташи, а отъ него получена его фотографическая карточка. И нисѣма Рагозина, и наружность его, судя по карточкѣ, и свѣденія, доставляемыя о немъ пріятелемъ,—все обнаруживало въ Рагозинѣ ту «порядочность», которая нравилась Котову. Старикъ немедленно переговорилъ съ Наташей: такъ и такъ, въ тебѣ сватается женихъ; человекъ онъ вотъ какой, хороший, умный, и вотъ его портретъ,—нравится ли онъ тебѣ, писать ли ему, чтобы онъ пріѣзжалъ, или отказать?..

Сильно забилось сердечко полувоздушной барышни, и, глядя на карточку красиваго молодого человека, она въ первый разъ испытывала какое-то неопредѣленное, томительное и пріятное чувство.

— Чтоже? чѣмъ рѣшить, Наташа?

— Пусть пріѣзжаетъ!.. сказала она тихо и вся вспыхнула, сама не зная отчего.

— Ахъ, ты прелесть моя!.. воскликнулъ старикъ;—ну, поздравляю, поздравляю!..—поцѣловалъ ее и подарилъ опять банковый билетъ въ тысячу рублей.

Слухъ о сватовствѣ самимъ же Котовымъ былъ присланъ въ Рѣшетилowymъ.

— Вотъ тебѣ бабушка и юрьевъ день!.. сказалъ Петръ Петровичъ.

— Околѣтъ бы ему безъ покаянія! злилась Раиса Сергѣевна.

VI.

Быстро наступало тепло, таяли снѣга, журчали ручейки, летѣли птицы.

— Что это, мамаша, у насъ съ Таней дѣлается, говорила Любочка госпожѣ Рѣшетиловой:—она все бредитъ, только... ляжетъ, закроетъ глаза—и пошла молотъ. Все мечется въ постели, разговариваетъ, стонетъ... просто меня страхъ беретъ!..

Раиса Сергѣевна молчала, потому что и безъ Любочки

видѣла у младшей дочери кое-какія странности, но по своему объясняла ихъ.

Дѣйствительно, Таня становилась все чуднѣе и чуднѣе. Она похудѣла, поблѣднѣла, ослабѣла, точно послѣ продолжительнаго суроваго поста. Бродитъ одна, задумчивая, угрюмая, понутивъ голову. Придутъ гости — убѣжить въ свою комнату, нерѣдко плачетъ, сперва тихоюшко, глухо, потомъ навзрыдь, истерически. Или сидитъ вмѣстѣ съ своей семьей, задумается глубоко-глубоко, — вдругъ вздрогнетъ: какой-то испугъ появится въ лицѣ, и озирается она, какъ помѣшанная... «Таня, принеси то, принеси другое!» говорятъ ей. Она вздрогнетъ, услышавъ свое имя, смотритъ и не понимаетъ. Ей повторять, въ чемъ дѣло, — и она бредеть, послушная, молчаливая. Уйдетъ — и забыла, зачѣмъ пошла, — забьется въ верхъ, въ уголокъ, и сидитъ, не зная, за что взятыся...

— Что съ тобой, Таня? говорятъ ей — здорова ли ты?

— Здорова.

— Что это у васъ барышня-то какая чудная, — ровно не по себѣ что-то, какъ больная! — толковала Раисѣ Сергѣевнѣ Анпсыя Михайловна.

— Это все отъ утомленія, Анисьюшка, отвѣчала г-жа Рѣшетилова — встаетъ къ заутренѣ, молится-молится, постится, — ну, естественно Богу посвященный человѣкъ чуднымъ кажется, не то, что мы, грѣшные.

И точно Таня много разъ рѣшалась преодолѣть всѣ житейскія искушенія, смириться передъ своимъ назначеніемъ, — да молодая кровь, разгорячаемая внѣшней обстановкой и болтовней сестеръ, и рукопожатіями Ковлюшкина, и веселыми звуками фортепiano, — эта бурливая молодая кровь брала свое, требовала жизни, жизни со всѣми ея жизненными муками и наслажденіями. Таня усиливала постъ и молитву. Она не пропускала ни одной заутрени, бѣгала отъ гостей, рано ложилась спать... но тутъ, въ постели, какія соблазнительныя грезы, какіе непреодолимые инстинкты овладѣвали ею! А за ними слѣдовалъ тревожный, лихорадочный сонъ, а послѣ сна наступалъ болѣзненный, мучительный день: упреки самой себѣ, раскаянье, какая-то физическая слабость и нравственное оупьніе...

Всѣ въ домѣ спать, а Таня вскакиваетъ съ первымъ ударомъ колокола. Сестры и не слышатъ, какъ она поднялась съ постели... Поднялась, надѣла чулки — и сидитъ на своей кровати... Блѣдное лицо серьезно, глаза блестятъ ненатуральнымъ блескомъ... Задумалась такъ, словно преслѣдуетъ ее какая-то неотвязная мысль, — но не та мысль, что вызываетъ усиленную мозговую работу, а эта проклятая, убивающая мысль, что камнемъ засядетъ въ голову, да и давить давить на мозгъ: за такой мыслью нерѣдко слѣдуетъ помѣшательство.

Все тихо въ домѣ, потому что всѣ спятъ. Вдругъ внизу что-то стукнуло: кошка ли скочила, мебель ли треснула. Таня вздрогнетъ, какъ-будто кто нибудь за дурнымъ дѣломъ ее поймалъ; потомъ успокоится и продолжаетъ собираться въ церковь. Звуки колокола бьютъ мѣрно одинъ за другимъ задушно. Эти удары мѣднаго языка бьютъ Таню по сердцу, и въ сердцѣ ея непреодолимая, мучительная тоска...

Еще недавно Таня танцевала, любила быть съ гостями, просилась въ гости.

— Что тебѣ по гостямъ-то ѣздить отвѣчала ей обыкновенно мать:—тебѣ надо больше молиться да сидѣть дома... Эка ты, дурнышка какая... въ кого только уродилась, — чудо!

Таня плакала съ досады, что ея не берутъ въ гости, завидовала сестрамъ.

Теперь сестры по прежнему ѣздить въ гости, по прежнему болтаютъ съ кавалерами, выражаются, хохочутъ, шепчутся; Саша — румяна отъ румянъ, Любочка румяна отъ своей свѣжести; а Таня блѣдна и болѣзненна на видъ, — она уже не танцуетъ, не только не просится въ гости, но дичится людей; она преждевременно утратила краски юности, ея живость и игривость. Ее занимаетъ какая-то тайная дума; эту думу она скрываетъ тщательно и вздрагиваетъ, если ее отрываютъ отъ этой думы.

Прислуга, въ суевѣрномъ благоговѣннн, смотритъ на молодую барышню; «Христова невѣста! божья душа! ничто-то не занимаетъ ее, ничего ей не надо, — все молится, да помолись за насъ, овальныхъ, праведница!»

Простодушные люди всячески стараются угодить праведницѣ, прислужиться, крѣпко рассчитывая на силу ея заступ-

ничества, потому что имъ такъ нужно это заступничество за недостаткомъ собственныхъ силъ бороться съ житейскими не-
вагодами: а Тани ничего не замѣчаетъ.

— Ну, ужъ Танюша у васъ — настоящая монашенка, говорить г-жѣ Рѣшетилловой оя знакомая: въ ней что-то необыкновенное есть, — совсѣмъ не то, что всѣ люди, и взглядъ не тотъ, и обращеніе не то...

— Да, отвѣчаетъ Раиса Сергѣевна: — персть божій! Ужь, вѣрно, на роду ей такъ написано: чудная дѣвушка, непонятная! Ёсть мало, какъ птичка, людей дичится, — не улыбнется никогда... Или молится, или задумается, а то вдругъ заплачетъ. Спрашивать начнешь: о чемъ, да здорова ли, — слова не добьешься...

— Ужь вы не трогайте ее, Богъ съ ней! Это ужъ не отъ міра сего... Надо вамъ поскорѣ увезти ее въ обитель: нустъ успокоится; не жилица она на семъ свѣтѣ...

— Жаль разстаться-то, говорить г-жа Рѣшетилова со слезами на глазахъ: — вѣдь ребенокъ еще... какіе ея годы — совсѣмъ дѣтскіе. Пусть хоть шестнадцать-то минеть, а до той поры проживеть съ нами, — хоть наглядимся на нее, голу-бушку!..

Раиса Сергѣевна такъ привыкла говорить, что Танѣ еще нѣтъ шестнадцати лѣтъ; дабы помолодеть нѣсколько прочихъ дочекъ, что и сама уже вѣрила этому.

— А правда ли, Раиса Сергѣевна, вдругъ повернула гостя въ другую сторону, — что братецъ вашъ выдаетъ свою воспитанницу замужъ и все имѣніе ей передаетъ?

— Какже, слышала а! Вотъ какова нынче роденька, — сестру родную человекъ хочетъ обидѣть, подкидышу какому нибудь преферансъ отдаеть... Да чего отъ него ждать хорошаго: всегда былъ безбожникъ безпутный...

Куда дѣвались слезы и сожальтельныя рѣчи Раисы Сергѣевны: она вся закицѣла злостью и, право, задушила бы Радіона Сергѣича собственными руками, если бы это было возможно.

Одинъ разъ вся семья Рѣшетилowychъ отправилась въ гости. Тани оставалась одна-одинехонька. Даже прислуга, какъ водится, проводивъ баръ, поразбредась.

Долго бродила Тани по комнатамъ, долго стояла у откры-

таго окна, былъ весенній вечеръ, ясный, теплый, благоухающій. Таня чувствовала себя здоровѣ обыкновеннаго и высоко поднималась ея грудь, втягивая струю свѣжаго, хорошаго весенняго воздуха. Блѣдныя щоки разгорѣлись, мутные глаза глядѣли здоровѣ и яснѣ обыкновеннаго. Въ этотъ вечеръ она была очень интересна и, право, усвоенное ей названіе «дурнышки» было вовсе несправедливо.

Постоявъ у окна, Таня соблазнилась весеннимъ вечеромъ и вышла въ садъ, который примыкалъ къ дому Птицына сбоку. Въ саду нахло березовымъ листомъ и топодемъ. Трава ярко зеленѣла, деревья только-что распустились; по деревьямъ порхали птицы и пѣли. Таня обошла садъ, остановилась и задумалась...

Вдругъ шаги и голосъ:

— Татьяна Петровна, гдѣ вы?..

Какъ она вздрогнула, какъ поблѣднѣла! Она упала бы, если бы Коклюшкинъ не поддержалъ и не посадилъ ее на скамейку.

— Что съ вами? Неужели вы меня такъ боитесь? Развѣ я такъ страшень?.. — говорилъ Коклюшкинъ съ выраженіемъ нѣжнаго упрека въ голосѣ; — а я-то обрадовался, что наконецъ увижу васъ, вѣдь вы все бѣгали отъ меня въ послѣднее время... Богъ съ вами! Да скажите же чтонибудь?.. Я, вѣдь не медвѣдь, не укушу васъ. Хоть-бы поздоровались... Татьяна Петровна!

Не вдругъ она оправилась.

— Вы вошли вдругъ, нечаянно... Я не ожидала.

— А вы мечтали въ это время въ уединеніи... можно узнать о чемъ?.. вѣрно ужъ не о монастырѣ... вѣдь правда? скажите по совѣсти!..

Она вспыхнула:

— А, покраснѣли! значить, правда! О чемъ же или о комъ же вы думали? — нельзя ли освѣдомиться? это не секретъ? Ахъ, если бы да о мнѣ, — какъ бы я былъ счастливъ!.. Коклюшкинъ вздохнулъ и покачалъ головой.

— Перестаньте говорить неправду!.. вдругъ съ напряженіемъ и трелью заговорила Таня: — вы все ждете, вы συμβетесь надо мной... Я хорошо знаю, за вѣмъ вы ухаживаете, на комъ хотите жениться... Вы все ждете!..

— Ого, Татьяна Петровна! вотъ какъ вы!..

Коклюшкинъ былъ удивленъ: заигрывая съ Таней отъ нечего дѣлать, по привычкѣ заигрывать со всякой женщиной, если представляется къ тому удобный случай, онъ вовсе не ожидалъ отъ дикой и молчаливой дѣвушки этой рѣзкости.

На бѣду красиваго шалуна, Таня вдругъ зарыдала, сперва глухо, потомъ истерически. Коклюшкинъ перепугался: ему еще ни разу не случалось, чтобы его шалости вызывали такія неприятныя и затруднительныя послѣдствія.

— Татьяна Петровна, полноте, ради Бога! полноте! Успокойтесь! Кто нибудь войдетъ, въ какое же положеніе вы ставите меня! Ради Бога, перестаньте!.. Вѣрьте, что я не лгунъ, я люблю васъ,—ваши слезы разрываютъ и мое сердце!..

Онъ всталъ на колѣни передъ ней, цѣловалъ ея руки, цѣловалъ щоки и губы: конечно, предварительно оглядѣлся кругомъ и удостовѣрился, что свидѣтелей нѣтъ: садъ былъ обнесенъ высокимъ тесовымъ заборомъ, такъ что опасаться было нечего.

Таня ужъ не плакала, а прижималась къ нему и вся горѣла, вся трепетала.

Коклюшкинъ сѣлъ подлѣ нея: «такъ вотъ какъ-съ, вы меня жулишкой считаете, вы знаете, въ кого я влюбленъ... не ожидалъ я отъ васъ!.. говорилъ онъ, снисходительно улыбаясь.—А у нея и словъ не было, только дрожь пробирала ее, да голова горѣла.

— Однако, эдакъ вы простудитесь, пожалуй.—Идите-ка домой... Больше не будете бѣгать отъ меня? нѣтъ? Ну, до свиданья...

Онъ ушелъ, а Таня въ безпамятствѣ возвратилась домой.

Когда господа Рѣшетилковы пріѣхали изъ гостей, они были напуганы страшнымъ нервнымъ припадкомъ, который случился съ Таней. Она плакала и смѣялась, билась на кровати, какъ въ падучей болѣвди, кричала и кого-то звала—то бранила, то называла нѣжными именами. Кое-какими домашними средствами Раисѣ Сергѣевнѣ удалось успокоить больную и прекратить припадокъ. Старшія сестры боялись спать въ одной комнатѣ съ больной и переселились внизъ, въ столовую.

— Нечего медлить, пора ее увезти въ монастырь! сказала Раиса Сергѣевна мужу.

— Я давно говорилъ, что пора, отвѣчалъ мужъ:—да вѣдь съ вами, съ бабами, не столкуешь!

VII.

— Дуня, голубушка, Дуня, исполни мою просьбу!

— Что вамъ, барышня?

— исполнишь? скажи прежде—исполнишь?

— Отчего не исполнить...

— Да смотри, по секрету... Берешься исполнить?.. Что бы ни одинъ человѣкъ во всемъ свѣтѣ не зналъ.

— Ужь сказала—исполню.

— Знаешь домъ Шапошникова, у Благовѣщенья?

— Ну, знаю.

— Тамъ живетъ Коклюшкинъ, такой красивый, высокій молодой человѣкъ...

— Ну?

— Отнеси ему записочку...

— Записочку? отъ васъ-то, барышня?

Дуня была крайне удивлена.

— Ахъ, Дуня, если бы ты знала, какъ я люблю его, какой онъ милый, необыкновенный человѣкъ...

— Вы-то, Татьяна Петровна! Вотъ не ожидала! какъ же вы въ монастырь-то?..

— Ахъ, не говори ты мнѣ объ этомъ! Развѣ я охотой! развѣ тянетъ меня туда! Тамъ смерть, Дуня, а мнѣ позитъ хочется.

Она припала къ Дунѣ лицомъ.

— Я почи цѣлмя плачу, такъ мнѣ позитъ хочется. Хорошо жить на свѣтѣ.

— А я думала...

— А! ты меня праведницей считала! Ты думала, что мнѣ поскорѣе въ монастырь хочется... Ахъ, Дуня, Дуня, если бы ты знала, какъ хорошо, когда любишь и тебя любятъ. Ты счастливица, ты этого не знаешь... Тебѣ бы въ монастырь-то, а не мнѣ.

Дуня вздохнула: съ весны ей тоже какъ-то особенно грустно стало подъ суровой опекой строгой вортуньи-тетки, ровно

чего-то не доставало, и невольно пѣлись любовныя, «скоромныя» пѣсни, которыхъ такъ не любила Матрена Никити-ровна.

— Съ чего меня въ монастырь хотять упрятать... Вѣдь я не уродъ, не дурнышка, Дуня? Чѣмъ я хуже сестеръ? Меня Коклюшкинъ любить, — развѣ полюбилъ бы опъ дурнышку? — Такъ снесешь, Дуня?

— Право, ужъ я не знаю, что мнѣ и дѣлать, барышня... Страшно что-то...

— Никто не узнаеть. Повѣрь мнѣ, никто не узнаеть... Милая, голубушка, снеси!..

— Ну, хорошо, вотъ вечеромъ пойду бѣлье полоскать, — забѣгу...

Таня писала въ запискѣ: «Вотъ вы доспрашивались, буду ли я вамъ вѣрять, буду ли бѣгать отъ васъ. Знайте же, что завтра утромъ рано-рано, въ заутреню, сама приду къ вамъ; чуръ, не спать...»

Дуня вечеромъ отнесла записку Коклюшкину; онъ прочиталъ ее и пришелъ въ немалое удивленіе: опъ никакъ не ожидалъ столь серьезныхъ послѣдствій отъ своихъ амурныхъ шалостей съ Таней: «вотъ дѣвка-то, чортъ возьми! Это, значитъ, она къ заутрени пойдетъ... ловко выдумала!»..

А Дуня бѣжала домой и въ торопяхъ какъ разъ наткнулась на знакомаго прикащика Алексѣя:

— Авдотья Ивановна, куда вы такъ разбѣжались? на перепутьи милости просимъ!

Алексѣй удержалъ Дуню за руку.

— Пустите, пожалуйста, домой тороплюсь, и такъ изъ-за васъ мнѣ достаётся...

— А вы что тетускѣ-то въ зубы смотрите! Да я бы, на вашемъ мѣстѣ, на зло... Что она, въ самомъ дѣлѣ, больно командуетъ надъ вами? Она вамъ слово, а вы бы десять; она дома сиди, а вы бы нарочно за дверь... вотъ бы и уходилась!

— Ладно! вамъ говорить-то хорошо: она немного разговариваетъ...

— На перепутьи-то милости просимъ, чайку чашечку...

— Чѣ вы, какъ это можно!..

— Что же тутъ худого?..

— Нельзя, домой надо...

— Когда же придете?

— Прислѣ дождичка въ четвергъ.

— Эка вы какія! По крайности, проводить васъ позвольте, время позднее, чего добраго, на пьянаго какого наткнетесь, — изобадить...

Онъ пошелъ таки провожать Дуню, перебивая съ ней о томъ да о семъ. И она на этотъ разъ не огрызалась съ нимъ, какъ обыкновенно, напротивъ, была очень податлива и сговорчива.

— Не торопитесь, упрасивалъ онъ:—еще успеете дома-то насидѣться, ворчанья-то послушаться...

—И она замедляла свой шагъ.

— Чайку напитокся ко мнѣ забѣжите когда-нибудь, Авдотья Ивановна? говорилъ онъ.

— Можетъ и зайду...

— Завтра...

— Ужъ и завтра!

— Когда же?

— А вы впередъ не загадывайте... сказала—зайду.

— Ну, и на томъ благодаримъ, что не брезгуете.

Скверно показалось Дунѣ входить домой: какъ-то душно послѣ свѣжаго весенняго воздуха, какъ-то тоскливо послѣ широкаго простора подъ открытымъ небомъ, какъ-то тѣсно послѣ свободнаго разговора, безъ домашней цензуры. Комнаты, въ которыхъ помѣщались Птицынъ, были маленькія, низенькія, сѣренькія; воздухъ въ нихъ смертый, затхлый, потому что старая тетка все загла и не открывала ни оконъ, ни форточекъ; по угламъ висѣли волленція иконъ въ серебряныхъ и посеребренныхъ ризахъ, а передъ иконами тендились лампадки, уныло озаря старенькую мебель съ кожаными подушками, закопѣлыя и ободранныя стѣны и міриады таракановъ, устѣвшихъ и полъ, и стѣны, и потолокъ. Пахло какъ-то скверно, кисло: не то квашеной капустой, не то тараканами и чортъ знаетъ чѣмъ. Такъ бы и вырвалась изъ этой тюрьмы, изъ этой скверной атмосферы, изъ этой душной области тедичнаго господства, гуляла бы на просторѣ, дышала хорошимъ воздухомъ, подъ открытымъ небомъ, на свободѣ, не слушая ворчанья, жила бы вольной волею...

— Гдѣ это ты шляешься, мерзавка? завопила тетка, встрѣчая Дуню озлобленно.—Куда тебя нелегкая носить?

— Я вѣдь съ бѣльемъ ходила, тетушка.

— О ея-то пору?.. Что ты мнѣ билендрясы-то разводишь, вшивица,—некто повѣрю я тебѣ, думашьш...

— Я Машу Тонорову встрѣтила, да съ ней и заговорила.

— Не съ дружкой ли милымъ, полно? Знаю я тебя: того только и смотришь, какъ бы на шею броситься какому нибудь дураву. Рада изъ родительскаго дома урваться...

— Гдѣ же вы меня съ кѣмъ нибудь изъ мужчинъ видали?

— Да что ты сегодня бойка больно? Кто это тебя собачиться-то выучилъ?.. Какъ возьму я плеть, да начну тебя хлыстать, такъ выскочить дурь-то изъ головы! Я тебя выучу развратничать...

Оскорбленная и озлобленная ложилаъ Дуня въ постель. «Хорошо же! думала она:—если ты, старая вѣдьма, понапрасну ругаешься да колотись, я и вправду загуляю. Ужь терпѣть, такъ терпѣть, по крайней мѣрѣ, за дѣло, а не за напраслину. Коли такъ, теперь никого слушать не хочу: что, въ самомъ дѣлѣ, за напасть такая: терпи-терпи, да и утѣхи никакой нѣтъ!...»

Въ это же время засыпала въ своей постели Таня, но засыпала на этотъ разъ спокойнѣе обыкновеннаго и сладкія грезы убаюкивали ее.

А утромъ, при уныломъ звонѣ колоколовъ, Таня вся, то въ жару, то въ ознобѣ, укутавшись большимъ платкомъ, бѣжала въ Благовѣщенью, въ домъ Шапошникова, въ квартиру Коклюшкина. Ея рѣшеніе было твердо, непоколебимо и ни разу не возмущало эту молодую душу, жаждущую любви и жизни, которую насильно хотѣли отнять у нея. Она шла, что называется, очертя голову, туда, куда влекла ее натура, возбужденная до послѣдней крайности.

— Вотъ и я!.. сказала Таня, войдя къ Коклюшкину.

Она была какъ-то лихорадочно развязна и румянецъ игралъ на ея блѣдныхъ щекахъ.

Коклюшкину дремалось, и съ перваго разу онъ не нашелся, какъ привѣтствовать молодую дѣвушку.

— Ну-съ, что же вы не похвалите моей рѣшительности?..

— Хвалю, хвалю... Садитесь же!..

— Такъ-то вы меня встрѣчаете!..

— А то какъ же?..

— А вотъ какъ!..

Она обвила руками около его шеи и вѣриво поцѣловала его—разъ-два и еще много разъ, шепча: «до смерти зацѣлую!»

— Чаю не хотите ли? у меня самоваръ готовъ, самъ поставилъ для васъ... заговорилъ Ковлюшевиъ совсѣмъ не кстати.

— Перестаньте, до чаю ли! Я не затѣмъ пришла... Очень мнѣ нуженъ вашъ чай!..

Въ ея голосѣ звучала такая сила страсти, такая рѣшимость, о какой франтоватый селадонъ и понятія не имѣлъ, не смотря на то, что лѣтъ пятнадцать съ успѣхомъ практиковался по амурной части, какъ специалистъ. Ему теперь казалось, что передъ нимъ совсѣмъ не та робкая Таня, которую онъ смущалъ когда-то своими несвояными взорами.

— Вы любите меня, Андрей Николаичъ,—правду вы сказали?

— Конечно, правду!..

Хотя Таня на этотъ разъ возвратилась домой нѣсколько позже, но никто не замѣтилъ этого; она пользовалась въ этомъ отношеніи полной свободой и полнымъ довѣріемъ. Ранса Сергѣевна, вопреки своимъ раціональнымъ правиламъ, позволяла ей ходить въ церковь одной, безъ всякаго надзора, полагая, что достаточно укрѣпила въ Танѣ индифферентное отношеніе къ соблазнамъ міра сего. Никто не обратилъ вниманія и на тотъ фактъ, что въ Танѣ появилась нѣкоторая, несвойственная ей, игривость. Не до нея было господамъ Рѣшетиловымъ: они слышали, что у Котова жениха ждутъ.

И. Федоровичъ.

(Окончаніе въ слѣд. книжкѣ.)

ПЕДАГОГИЧЕСКІЕ СОФИЗМЫ.

I.

Почти всѣмъ нашимъ журналистамъ чрезвычайно хочется быть законодателями и администраторами и чрезвычайно не хочется быть журналистами. Они очень любятъ говорить публикѣ: надо поступить такъ-то, — и очень не любятъ объяснять ей, почему именно надо поступить такъ, а не иначе. Эти особенности нашихъ журналистовъ выразились недавно въ спорахъ о классическомъ и реальномъ образованіи. Защитники классицизма твердили на разные лады, что надо открыть повсемѣстно классическія гимназій, и никто изъ этихъ защитниковъ не потрудился до сихъ поръ объяснить обществу, въ чемъ именно состоитъ превосходство классическаго образованія надъ реальнымъ. Защитники классицизма навивно убѣждены въ томъ, что все дѣло будетъ благополучно окончено, какъ только откроется значительное число классическихъ гимназій. Понимаетъ ли общество, или не понимаетъ пользу этихъ заведеній, сочувствуетъ оно имъ или не сочувствуетъ — это, по ихъ мнѣнію, рѣшительно все равно, и не стоитъ тратить ни одной минуты времени и ни одной капли чернилъ на то, чтобы дать обществу то пониманіе и то сочувствіе, которыхъ у него нѣтъ въ настоящую минуту. — Особенно сильно проявляются эти законодательскія и администраторскія наклонности въ «Московскихъ вѣдомостяхъ». Считая себя, подобно «Times», шестою великою державою, г. Катковъ, очевидно, можетъ объясняться только съ правительствами, а никакъ не съ обыкновенными читателями своей газеты. «Родители, говоритъ онъ съ величественнымъ презрѣніемъ, иѣстныя общества,

земскія собранія, въ которыхъ большинство никогда не слышало ни о классическихъ, ни о реальныхъ гимназіяхъ и едва ли съумѣетъ правильно выговорить имя этихъ заведеній, — вотъ, кромѣ самихъ учениковъ-гимназистовъ, авторитеты, на которые указываютъ *Голосъ*, *День*, *Воронежскій Листокъ* и нѣкоторые другіе, подобные имъ, поборники петербургскихъ педагогическихъ фантазій, и имъ кажется, что они въ этомъ случаѣ дѣйствуютъ въ либеральномъ духѣ и обнаруживаютъ полное уваженіе къ потребностямъ общества.» (Моск. Вѣд. № 71). Спрашивается, для кого пишутся и печатаются «Московскія Вѣдомости»? — Для разныхъ родителей и для членовъ разныхъ мѣстныхъ обществъ и разныхъ земскихъ собраній. Если эти родители, мѣстныя общества и земскія собранія никогда не слышали о классическихъ и реальныхъ гимназіяхъ, и если они не умѣютъ правильно выговорить имя этихъ заведеній, то, я думаю, прямая обязанность журналиста, распинающагося за классицизмъ, состоятъ въ томъ, чтобы рассказать этимъ людямъ объ этихъ заведеніяхъ и выучить ихъ правильно выговаривать мудренныя слова. *Шестая держава* поступила бы весьма благоразумно, если бы она, вмѣсто того, чтобы законодательствовать, администраторствовать и глумиться надъ невѣжествомъ своихъ читателей, посвятила себя устраненію этого невѣжества. Подобно Петру Ивановичу Бобчинскому, г. Катковъ постоянно стремится вести знакомство съ великими міра и бѣжать за экипажемъ, хоть пѣтушкомъ. Въ дѣлѣ классическихъ гимназій онъ очень много суетится, очень много гнѣвается и обличаетъ, — словомъ, дѣлаетъ множество смѣшныхъ эволюцій, никому и ни на что ненужныхъ, и не дѣлаетъ именно того, что онъ обязанъ дѣлать, то есть, не объясняетъ обществу пользы того образованія, за которое онъ стоитъ горой. Г. Катковъ такъ недалководивенъ, что не умѣетъ даже задать себѣ слѣдующаго вопроса: чьи дѣти будутъ учиться въ будущихъ классическихъ гимназіяхъ? — Если бы онъ съумѣлъ задать себѣ этотъ вопросъ и если бы у него достало сообразительности отвѣтить на него, какъ слѣдуетъ, и потомъ изъ этого отвѣта вывести ближайшія слѣдствія, то онъ понялъ бы, что вся судьба классицизма зависитъ оттого, какъ будутъ относиться къ нему тѣ родители, мѣстныя общества и земскія собранія, на которые онъ, г. Катковъ, смотритъ съ олимпійскимъ презрѣніемъ. — Тѣ люди, которые не умѣютъ выговорять имя заведенія, конечно, не понимаютъ того, какую пользу можетъ принести ихъ дѣтямъ изу-

ченіе двухъ мертвыхъ языковъ. Дѣти этихъ людей поступаютъ въ такую гимназію, гдѣ преподаются эти языки. У этихъ дѣтей рождается, естественнымъ образомъ, вопросъ: зачѣмъ заставляютъ ихъ учить эти мудренныя сложенія, спряженія, исключенія и конструкторіи? Дѣти обращаются съ этими вопросомъ къ родителямъ и къ родственникамъ, то есть, къ членамъ мѣстныхъ обществъ и земскихъ собраній. Родители и родственники не отвѣчаютъ совсѣмъ ничего или даютъ такіе уклончивые и неопредѣленные отвѣты, которые не могутъ удовлетворить пытливыхъ и умныхъ ребятъ. Ребята начинаютъ думать, что изученіе двухъ мертвыхъ и очень трудныхъ языковъ совершенно безцѣльно и бесполезно. Они продолжаютъ учиться, потому что такъ велѣно, но учатся неохотно, единственно для того, чтобы получить хорошій баллъ въ классѣ и на экзаменѣ. При такихъ условіяхъ, уроки плохо идутъ въ голову и забываются тотчасъ послѣ того, какъ они сданы съ рукъ. Когда ученикъ принимается за свои учебныя занятія съ отвращеніемъ и съ предубѣжденіемъ, тогда эти занятія не развиваютъ, а напротивъ того, притупляютъ его способности. Кромѣ того, ученикъ съ самаго ранняго возраста пріобрѣтаетъ себѣ умѣнье служить не дѣлу, а лицамъ. Его равнодушіе къ самому предмету и его желаніе отличиться передъ учителями—воспитываютъ въ немъ, съ школьной скамьи, одного изъ тѣхъ безчисленныхъ общественныхъ дѣтелей, которые отъ дѣла не бѣгаютъ, а дѣла не дѣлаютъ. Это бываетъ обыкновенно съ тѣми учениками, которые считаются гордостью и украшеніемъ заведенія. Большинство учениковъ, натываясь на ненавистный предметъ, котораго польза для нихъ непонятна, выбираютъ себѣ другую дорогу. Они просто пренебрегаютъ этимъ предметомъ и учатся плохо, не смотря на дурныя баллы, выговоры и наказанія. Они сидятъ по нѣсколькѣ лѣтъ въ одномъ классѣ и потомъ выходятъ изъ школы въ жизнь, ничему не выучившись и воспитавши въ себѣ глубокое отвращеніе къ наукѣ. Ловкое шарлатанство такъ называемыхъ лучшихъ учениковъ и пасивная оппозиція такъ называемыхъ худшихъ составляетъ, въ дѣлѣ распространенія прочныхъ знаній, такое серьезное препятствіе, которое не можетъ быть устранено никакими вышшими преобразованіями гимназическихъ уставовъ. Чтобы устранить это препятствіе, надо дѣйствовать убѣдительно и увлекательно доказательствами на сознаніе того общества, среди котораго растутъ будущіе гимназисты и изъ котораго эти гимназисты почер-

пають себѣ свои первоначальныя понятія; наклонности и предубѣжденія. Пока само общество будетъ относиться вяло и пассивно, лѣнливо и равнодушно къ основнымъ принципамъ своего собственнаго образованія, до тѣхъ поръ самыя превосходныя уставы будутъ оставаться мертвою буквою. Воспитывать въ обществѣ ясное сознаніе его матеріальныхъ и умственныхъ потребностей, пробуждать и поддерживать въ немъ живое и дѣятельное сочувствіе ко всему, что можетъ принести ему пользу, — вотъ самая важная и даже единственная серьезная обязанность журналистики. Но для того, чтобы успѣшно выполнять эту обязанность, и даже для того, чтобы только понять и почувствовать всю ея важность, надо обладать совсѣмъ не такими силами, какія находятся въ распоряженіи нашей *шестой державы*. Шестая держава рѣшительно поворачивается спиною къ этой обязанности и не хочетъ замѣчать ея даже тогда, когда другіе люди настоятельно приглашаютъ ее обратить на нее вниманіе. «Моск. Вѣд.», въ 71 №, выписываютъ изъ «Голоса» слѣдующія строки: «Многіе родители думаютъ, что греческимъ и латинскимъ языками ученики будутъ заниматься насильно.» Выписавъ эти слова, «Моск. Вѣдом.» начинаютъ разсуждать такъ: «и этотъ аргументъ кажется петербургской газетѣ достаточнымъ для того, чтобы въ нашихъ гимназіяхъ не было классическихъ языковъ, а преподавалось нѣчто такое, что, не требуя серьезнаго труда, приходилось бы наиболѣе по вкусу ученикамъ гимназій.» — Чтобы замаскировать свою несостоятельность въ дѣлѣ теоретической защиты классицизма, какъ принципа, «Московскія Вѣдомости» относятся съ полнымъ пренебреженіемъ къ наклонностямъ гимназистовъ и впадаютъ въ самую грубую психологическую ошибку. Онѣ утверждаютъ, что ученикамъ гимназій можетъ нравиться только то, что не требуетъ серьезнаго труда. Это — совершенная нелѣпость, не только для гимназистовъ, но даже для самыхъ малолѣтнихъ дѣтей. Ребенку, какъ всякому человѣку вообще, противенъ и несносенъ тотъ трудъ, въ которомъ онъ не видитъ никакой цѣли. Самое легкое занятіе можетъ быть невыносимослучнымъ и самый напряженный умственный трудъ можетъ быть въ высшей степени пріятнымъ. Все зависитъ отъ того, затрогиваетъ ли этотъ трудъ умъ и чувство трудящагося человѣка, или оставляетъ ихъ неподвижными. Трудная работа и скучная работа — два понятія нисколько не равносильныя. Устранить изъ учебныхъ занятій элементъ серьезнаго труда нѣтъ никакой возможности и ни

наибольшей надобности, потому что серьезный труд зачалаетъ умъ и осмиваетъ характеръ ученика. Но устранить изъ учебныхъ занятий элементъ скуки и принужденія — прямая обязанность рациональной педагогики, потому что скука, порождаемая безучастностью ученика къ труду, во всякомъ случаѣ, дѣйствуетъ подавляющимъ образомъ на его умственные способности, а принужденіе, въ какой бы уточненной и облагороженной формѣ оно ни выражалось, во всякомъ случаѣ, развращаетъ ученика въ нравственномъ отношеніи. Что есть возможность устранить скуку и принужденіе — это доказала яснополянская школа. Въ томъ дѣлѣ, о которомъ я говорю теперь, для устранения скуки и принужденія требуется только одно условіе: пусть защитники классицизма растолкуютъ обществу пользу и необходимость двухъ мертвыхъ языковъ. Пусть они дадутъ ясный и вполне удовлетворительный отвѣтъ на вопросъ: для чего русскому юношеству слѣдуетъ начинать свое школьное ученіе съ латинской и греческой грамматикъ? Вмѣсто того, чтобы серьезно задуматься надъ этимъ вопросомъ, «Московскія Вѣдомости» вскалотируютъ его и выдаютъ со стороны, то на *Голось*, то на родителей, то на гимназистовъ, которые несколько не виноваты въ томъ, что великій защитникъ классицизма не умѣетъ мыслить.

II.

Когда «Московскія Вѣдомости», прекративъ свои набѣги на «Голось», на родителей и на гимназистовъ, стараются доказать превосходство классическаго образованія надъ всеми другими возможными системами, тогда онѣ бѣдностью и безсвязностью своихъ доводовъ повергаютъ читателя въ сострадательное недоумѣніе. Между прочимъ, ихъ классическая философія изучаетъ, что теорія и въ подметки не годится факту, именно потому, что она — теорія, т. е. потому, что она, какъ новое произведеніе человеческого ума, еще не успѣла пустить корень въ жизнь. Когда въ XV вѣкѣ появились чудачи, которые хотѣли печатать книги, вмѣсто того, чтобы переписывать ихъ, тогда, по мнѣнію «Московскихъ Вѣдомостей», надо было отвѣчать имъ: вы все врите! это теорія; жизнь съ ея фактами говоритъ намъ, что книги должны непрямѣнно переписываться. Когда, въ томъ же XV вѣкѣ, Колумбъ спрашивалъ себя

два корабля у испанскаго правительства, чтобы открыть цѣлый новый міръ, тогда надо было непремѣнно отвѣтить ему, что его теорія и что жизнь съ ея фактами запрещаетъ открывать новыя земли. И такой отвѣтъ дѣйствительно былъ данъ ему многими почтенными представителями жизни и ея фактовъ. Когда въ концѣ XVI столѣтія, Джордано Вруно своими сочиненіями и лекціями сталъ распространять систему Коперника, тогда ему доказали очень осязательно, что *имое дѣло фактовъ, имое дѣло теоріи*. Фактъ сначала посадилъ теорію въ тюрьму; а потомъ смогъ ее на кострь. Въ XVII столѣтіи, Галлей былъ теоріемъ, а папская инквизиція была фактомъ. Въ XVIII столѣтіи, сочиненіе Бенедиктія противъ смертной казни было теоріемъ, а пытка, висѣлица и колесованіе были фактомъ. Во времена Наполеона парходъ былъ теоріемъ, а насѣшка Наполеона надъ парходомъ была фактомъ. Въ пятидесятыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія, эманципація русскихъ крестьянъ была теоріемъ, а ирѣвостное право было фактомъ. И отпущъ, и закрытый судъ, и тѣлесныя наказанія въ свое время были также весьма почтенными фактами. *Но имое дѣло фактовъ, имое дѣло теоріи*, твердятъ «Московскія Вѣдомости», и совершенно успокоиваются на этомъ величественномъ приговорѣ, составляющемъ самое торжественное и категорическое признаніе собственной духовной нищеты и полнѣйшей неспособности анализировать или опровергать какую бы то ни было теорію. Повторивши два раза свою бессмысленную фразу, «Московскія Вѣдомости» совершенно забываютъ о тѣхъ двухъ вопросахъ, съ которыхъ онѣ хотѣли начать свое изслѣдованіе о достоинствахъ классицизма. Усыпленный пустословіемъ газетнаго болтуна, читатель также давно забылъ объ этихъ двухъ вопросахъ, и, такимъ образомъ, поднятое дѣло затихло; въ общедному удовольствію писателя и публики. Писатель почтительно раскланялся съ фактомъ, какъ съ важнымъ бариномъ; бросилъ презрительный взглядъ на теорію, какъ на искательницу приключеній, наполнилъ неизвестно чѣмъ нѣсколько столбцовъ и утѣшился на томъ усладительномъ сознаніи, что далеко подвинулъ впередъ дѣло классицизма въ Россіи.—Читатели, быть можетъ, не повѣрятъ мнѣ, если я имъ скажу, что я исчерпалъ все содержаніе передовыхъ статей, помѣщавшихся въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» въ защиту классицизма. Такъ какъ я не могу и не хочу наполнять «Русское Слово» цитатами, въ которыхъ нѣтъ ничего, кромѣ внут-

ранней пустоты, то я приглашаю любопытнаго и недовѣрчиваго читателя прочесть передовыя статьи въ №№ 43, 54 и 71. Скука, которую онъ испытаетъ, послужитъ ему достаточнымъ наказаніемъ за его недовѣрчивость. Аргументовъ вы не найдете никакихъ, кромя уже извѣстной вамъ пѣсенки о томъ, что *иное дѣло фактъ, иное дѣло теорія*. Приводятся слова двухъ авторитетовъ, но эти слова не заключаютъ въ себѣ никакого аргумента. Оба авторитета заявляютъ только свою нѣжную любовь къ классическому образованию и утверждаютъ совершенно голословно, что молодые люди, прошедшіе черезъ классическую школу, оказываются гораздо дѣльнѣе тѣхъ, которымъ кончили курсъ въ реальныхъ училищахъ. Если бы даже Александръ Гумбольдтъ и Чарльзъ Дарвинъ высказали эти мысли, то и тогда мы имѣли бы полное право потребовать отъ нихъ подробныхъ фактическихъ доказательствъ. Что же касается до тѣхъ авторитетовъ, передъ которыми преклоняется публицистъ «Московскихъ Вѣдомостей», систематически презирающій теорію, то имъ мы тѣмъ болѣе не имѣемъ ни малѣйшей надобности вѣрить на слово. Что классическое образованіе имѣетъ въ Европѣ очень многихъ вліятельныхъ и ученыхъ защитниковъ, — это мы знаемъ очень хорошо безъ всякихъ цитатъ. Если бы этого не было, то классическое образованіе не могло бы существовать. Но что между людьми учеными и вліятельными есть очень много слѣпыхъ обожателей *факта* и столь же слѣпыхъ гонителей теоріи, это мы также знаемъ какъ вельва лучше. Нѣтъ того важнаго научнаго открытія, нѣтъ той плодотворной идеи, которыя не встрѣчали бы себѣ самыхъ ожесточенныхъ враговъ именно въ университетахъ и въ академіяхъ. Французскій Бесонъ съ презрѣніемъ относился къ астрономическимъ открытіямъ Галилея; Риоланъ, знаменитѣйшій профессоръ медицины въ XVII вѣкѣ, не хотѣлъ признавать кровообращенія, открытаго Гарвеемъ; знаменитѣйшіе палеонтологи тридцатыхъ годовъ вынѣшняго столѣтія не обратили никакого вниманія на изслѣдованія Шмерлинга; доказывавшія одновременное существованіе человѣка съ такъ называемыми допотопными животными. Предвзятая мнѣнія вліятельныхъ ученыхъ людей бывають обыкновенно очень упорны, и потому слова генерала Морена и господина Шмида, тѣхъ двухъ авторитетовъ, которыми хвастаются «Московскія Вѣдомости», доказываютъ только то, что генераль Моренъ и господинъ Шмидъ очень влюблены въ существующій фактъ. Мы не можемъ и не желаемъ имъ въ

тожь препятствовать, но влюбляться вслѣдъ за ними, потому только, что они—генералъ Моренъ и господинъ Шмитъ, мы не видимъ до сихъ поръ никакого достаточнаго основанія.

III.

«День» также стоитъ за классицизмъ и даже очень обижается тѣмъ, что «Московскія Вѣдомости», увлеченныя пылкостью своей фантазіи, причислили его къ любителямъ реального образованія. Въ 16 и въ 17-омъ номерахъ «Дня» напечатана статья г. Шаврова: «Классическое и реальное воспитаніе». Эта статья стоитъ неизмѣримо выше фразерства «Московскихъ Вѣдомостей». Авторъ этой статьи обнаруживаетъ, по крайней мѣрѣ, похвальное желаніе размышлять о предметѣ собственнымъ умомъ, и читателю остается только пожалѣть о томъ, что такіе доброжелательные люди, какъ г. Шавровъ, бываютъ часто чрезвычайно плохими мыслителями и, кромѣ того, не знаютъ азбуки того предмета, о которомъ они толкуютъ. Г. Шавровъ беретъ слова: «*классицизмъ* и *реализмъ*» въ такомъ широкомъ и глубокомъ значеніи, что читатель даже перестаетъ видѣть въ этихъ двухъ словахъ какой нибудь опредѣленный смыслъ. Какъ настоящій идеалистъ, какъ усердный ученикъ Хомякова, Кирѣевскаго и другихъ подобныхъ мыслителей, г. Шавровъ совлекаетъ съ предмета все конечное, временное и случайное, и посредствомъ этого совлеченія доводитъ дѣло до того, что классицизмъ и реализмъ становятся похожи другъ на друга, какъ двѣ капли воды. Выводы этого гениальнаго философскаго приѣма оказываются очень значительными. Сбросивъ съ себя оковы матеріи, г. Шавровъ можетъ называть классицизмъ реализмомъ и реализмъ классицизмомъ. Кромѣ того, онъ, по вдохновенію, можетъ называть то классицизмомъ, то реализмомъ тавія вещи, которыя, съ нашей временной, конечной и случайной точки зрѣнія, нисколько не похожи ни на то, ни на другое. Если ему угодно быть защитникомъ классицизма, — онъ можетъ называть всякое дурное воспитаніе реальнымъ, а всякое хорошее — классическимъ. Если же ему угодно прославлять реализмъ, — то никто и ничто не помѣшаетъ ему поступать какъ разъ наоборотъ. Неудобства этого гениальнаго приѣма состоятъ только въ томъ, что, такимъ образомъ, разбиваются

въ прахъ и возносится на пьедесталъ только *слова*; самыя же явленія, противъ которыхъ или за которыхъ слѣдовало спорить, остаются совершенно незатронутыми.—Простодушный читатель, конечно, очерпнетъ изъ статьи г. Шаврова то свѣденіе, что *классицизмъ* есть нѣчто прелестное, а *реализмъ* — нѣчто пакостное; но ни простодушный, ни проникательный, ни даже лукавый читатель не узнаетъ изъ этой статьи, — почему мертвые языки изучать слѣдуетъ, а естественныя науки изучать не годятся. Въ самомъ началѣ своей статьи г. Шавровъ объясняетъ, что «подъ этими двумя названіями (то есть, подъ названіями классицизма и реализма) разумѣются два воспитательные типа». — «Разберите, продолжаетъ г. Шавровъ тотчасъ же, внимательно воспитаніе, какое даетъ дикарь своему сыну или дочери, — вы непременно найдете въ этомъ воспитаніи который нибудь изъ двухъ типовъ, хотя и въ изуродованномъ видѣ.» Изъ этихъ словъ читатель замѣчаетъ съ ужасомъ, что г. Шавровъ хватается изумительно далеко и съ величайшею развязностью можетъ усмотрѣть классическое воспитаніе у готтентотовъ, а реальное — у напуасовъ. Поднявшись, вмѣстѣ съ г. Шавровымъ, сразу на такую высоту умозрѣнія, читатель начинаетъ краснѣть за свою недавнюю близорукость, вслѣдствіе которой, онъ всю сущность вопроса видѣлъ въ томъ, что будутъ изучать наши гимназисты: греческую грамматику или филологію? Читатель видитъ теперь, что, для рѣшенія вопроса о греческой грамматикѣ, необходимо сначала окинуть философскимъ взглядомъ всю исторію человечества. Нечего дѣлать, давайте окладывать. Впрочемъ, не желая изучать изуродованный классицизмъ готтентотовъ, г. Шавровъ приглашаетъ насъ обратиться вмѣстѣ съ нимъ «къ тѣмъ эпохамъ исторіи, когда эти типы проявлялись въ своемъ болѣе совершенномъ видѣ.» Переносясь, такимъ образомъ, въ греко-римскій міръ, г. Шавровъ замѣчаетъ о немъ, что, «по своей отдаленности отъ насъ, онъ можетъ подвергаться и дѣйствительно очень часто подвергается разнаго рода перетолкованіямъ.» Это замѣчаніе въ высшей степени справедливо, умѣстно и своевременно, потому что несчастный греко-римскій міръ, по своей отдаленности отъ г. Шаврова, *дѣйствительно подвергается*, со стороны этого ученаго писателя, такимъ *перетолкованіямъ*, отъ которыхъ волосы поднимаются дыбомъ на головахъ всѣхъ историковъ-эллинистовъ и латинистовъ нашего отечества. — До чего мы дожили! воскликнуть эти господа: *Кто* насъ защищаетъ? И какими аргументами? И съ каки-

ми знаніями? И это *лучшій* изъ нашихъ защитниковъ!—г. Шавровъ твердо убѣжденъ въ томъ, что афиняне и римляне получали классическое образованіе. Онъ слышалъ, что греко-римскій міръ называется классическимъ, и, *по своей отдаленности* отъ этого міра, отважно умоваключилъ, что въ классическомъ мірѣ все должно быть классическое, и люди, и лошади, и собаки, и лягушки, и носы, и деревья, и, стало быть, также и образованіе. *По своей отдаленности* отъ всякихъ историческихъ знаній, г. Шавровъ не сообразилъ, что греко-римскій міръ сталъ называться *классическимъ* только уже въ то время, когда онъ былъ уже жертвыиъ міромъ и когда онъ, послѣ возрожденія наукъ и искусствъ въ XV вѣкѣ, сталъ изучаться въ школахъ или въ *классахъ*. Когда за древнимъ міромъ упрочилось названіе *классическаго* міра, тогда *классическимъ* стало называться то образованіе, которое было основано на изученіи этого міра. Но образованіе *классическаго* юношества и *классическое* образованіе юношества—двѣ вещи совершенно различныя. То есть, молодые люди Греціи и Рима учились совсѣмъ не такъ и не тому, какъ и чему учились нѣмецкіе, итальянскіе, французскіе и англійскіе школьники XVI, XVII и слѣдующихъ вѣковъ. По всей вѣроятности, юный римлянинъ не имѣлъ понятія о томъ, что значить развѣшать конструцію *Accusativus cum Infinitivo*, за которую пороли и порютъ до сихъ поръ школьничковъ новой Европы; по всей вѣроятности, юный грекъ никогда не ломалъ себѣ голову надъ аористами и управлялся съ ними такъ же легко, какъ мы теперь управляемся съ изумительною безалаберщиною нашего глагола, неяснотвижимаго для иностранцевъ. Параллель между новѣйшими школьниками и древними юношами была бы возможна только въ томъ случаѣ, если бы греки и римляне изучали въ своихъ училищахъ языки санскритскій и египетскій, или вообще такіе языки, которые существовали бы только въ школахъ и для школы. Но такъ какъ греки и римляне этого не дѣлали, то незачѣмъ и обижать свободныхъ и веселыхъ юношей древняго міра сравненіемъ съ несчастными школьниками, выбивающимися изъ силъ надъ аористами и конструціями.—*Отдаленность* г. Шаврова отъ историческихъ знаній нисколько не мѣшаетъ ему быть добрѣйшимъ человѣкомъ. «Древнихъ не учили, объясняетъ онъ, но они сами учились. Дѣло воспитателей и наставниковъ у нихъ состояло, главнымъ образомъ, въ томъ, чтобы быть хорошими собесѣдниками для питомцевъ, умѣющими под-

держатъ въ нихъ умственную и нравственную энергію и живой интересъ къ предметамъ изученія, и опытными руководителями, способными давать должное и вѣрное направленіе уму и чувству питомцевъ. Но при этомъ они не стѣсняли и не подавляли ихъ самостоятельности и въ то же время заботились о сохраненіи и укрѣпленіи полной гармоніи между умомъ и чувствомъ въ питомцахъ.» — Этими словами г. Шавровъ, очевидно, обрисовываетъ намъ свой собственный педагогическій идеалъ. Идеалъ недуренъ. Къ нему стремились всегда и вездѣ люди, отдавашіе себѣ болѣе или менѣе личный отчетъ въ тѣхъ законахъ, по которымъ совершается умственное развитіе человѣка. Именно за то, что г. Шавровъ способенъ составить себѣ такой идеалъ, я ставлю этого писателя неизмѣримо выше того жалкаго фразера, который утверждаетъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», что гимназисты не могутъ заниматься серьезною работою безъ принужденія. Но, отдавая полную справедливость добросердечію г. Шаврова, я все-таки долженъ замѣтить, что его слова нисколько не характеризуютъ собою древняго міра, а только даютъ самый общій и неопредѣленный очеркъ той задачи, которую долженъ постоянно имѣть въ виду каждый умный воспитатель или учитель. Всѣ они должны поддерживать въ питомцахъ *умственную и нравственную энергію*, всѣ должны возбуждать въ нихъ *живой интересъ къ предметамъ изученія*, всѣ должны давать *вѣрное направленіе ихъ уму и чувству*. Всѣ должны, но не всѣ могутъ и умютъ. Безсміе и неумѣнье происходятъ не оттого, что метода невѣрна, и не отъ того, что предметы изученія нигде не годятся, а просто оттого, что между педагогами, точно такъ же, какъ и между людьми всѣхъ остальныхъ профессій, встрѣчается гораздо больше дюжинныхъ и ограниченныхъ субъектовъ, чѣмъ умныхъ и даровитыхъ личностей. Всякую науку, которая дѣйствительно достойна этого имени, можно преподавать и очень увлекательно, и очень усыпительно. Все зависитъ тутъ не отъ педагогической теоріи, а отъ живой личности преподавателя. Слова г. Шаврова выражаютъ именно тѣ требованія, которыя могутъ быть выполнены только педагогическимъ искусствомъ, то есть, личными дарованіями педагоговъ. Но такъ какъ въ древности были и хорошіе преподаватели, и посредственные, и совсѣмъ дрянные, то, очевидно, эти требованія выполнялись далеко не всегда, и когда они выполнялись, то характеризовали собою не древность, а только отдѣльныя личности

умныхъ и добросовѣстныхъ учителей. «Педагогика, педагогъ—эти два слова или названія, продолжаетъ г. Шавровъ, дошедшія до насъ отъ эпохи истинно-классическаго образованія, хорошо опредѣляютъ его основную задачу.»—*Эти два слова или названія опредѣляютъ только то, что г. Шавровъ слышалъ звонъ, да не знаетъ, гдѣ онъ. Онъ слышалъ, что слово педагогъ составлено изъ двухъ греческихъ словъ, изъ которыхъ одно (παις) значить ребенокъ, а другое (αγω) значить веду,—и, съ свойственною ему отважностью, умоваляющая, что педагоги были въ древности руководителями юности въ умственномъ и въ нравственномъ отношеніи. Но съ этою пріятною иллюзіею г. Шавровъ долженъ расстаться. Педагогами назывались въ древности не тѣ люди, которые ведутъ юность по пути добродѣтели и мудрости, а тѣ лакеи или рабы, которые, въ бунвальномъ, а не въ переносномъ смыслѣ, водили дѣтей въ школу и при этомъ несли за ними книжки и письменныя принадлежности. Своимъ теперешнее, возвышенное значеніе эти два слова или названія получили совсѣмъ не въ эпоху того образованія, которое г. Шаврову угодно назвать классическимъ. Далѣе г. Шавровъ объясняетъ, что педагоговъ въ классическомъ духѣ одушевляли три мысли. Первая—та, что человѣческая душа есть источникъ всего истиннаго, добраго и прекраснаго, а самопознаніе—путь къ этому обильному источнику.» Г. Шавровъ не замѣчаетъ того, что этой первой мысли онъ никакъ не можетъ сочувствовать. Эта мысль—ничто иное, какъ обоготвореніе человечества. Именно къ этой мысли пришла крайняя, лѣвая сторона гегельянской школы, и именно за эту мысль на нее сыпались всевозможныя обвиненія и проклятія. Что г. Шавровъ вовсе не желаетъ приходить къ такимъ результатамъ, въ этомъ я твердо убѣжденъ, во-первыхъ потому, что онъ ни шель въ «Днѣ», а во-вторыхъ, что онъ самъ сильно вооружается противъ какого-то безчестнаго реализма, который, будто бы, старается подорвать коренныя религіозныя вѣрованія дѣтей. Но что г. Шавровъ самъ не знаетъ, что онъ пишетъ, это для меня совершенно очевидно изъ той первой мысли, которую онъ приписываетъ своимъ педагогамъ въ классическомъ духѣ.—Вторая мысль—та, что лучшее средство къ образованію души и органическому ея развитію есть то же самое ея самопознаніе.» Первая мысль состояла въ томъ, что «самопознаніе есть путь къ обильному источнику всего истиннаго, добраго и прекраснаго.» Сличая эту первую мысль со второю, мы видимъ, что вторая ровно ничего не*

пробавляетъ къ первой, а только повторяетъ ее другими словами.— Третья мысль, *«не менее стрѣла и разумная, какъ и обѣ (?) перья»*, заключается въ томъ, «что человѣкъ съ юныхъ лѣтъ, собственно самодѣятельностью достигшии самопознанія, никогда не оставитъ дѣла ученія.» Въ подтвержденіе этой послѣдней мысли, г. Шавровъ приводитъ изреченіе: «наука обширна, а жизнь коротка», и утверждаетъ, что «это мудрое изреченіе или поговорка составилась на почвѣ классическаго міра и отразила на себѣ искреннее убѣжденіе лицъ, дававшихъ и получавшихъ это образованіе.» Здѣсь мы опять имѣемъ дѣло съ недослышаннымъ и непонятымъ звономъ. До г. Шаврова дошли, какимъ нибудь случайнымъ образомъ, двѣ отрывочныя сентенціи—одна: «познавай самого себя», другая: «наука обширна, а жизнь коротка». Эти сентенціи очень понравились г. Шаврову и изъ нихъ онъ немедленно сдѣлалъ крошечную теорію, которую и выдаетъ въ настоящее время публикѣ, съ неподражаемымъ добродушіемъ, за картину умственной жизни греко-римскаго міра. Онъ чистосердечно убѣждаетъ въ томъ, что древніе греки постоянно погружены были въ самоизученіе и предавались этому пустому занятію въ теченіе всей своей жизни. Но и съ этою иллюзіею онъ долженъ разстаться. Прежде всего я скажу ему, что совѣтъ познавать самого себя были высказаны Сократомъ, и что большая часть философскихъ школъ, какъ до Сократа, такъ и послѣ него, занимались очень мало изученіемъ собственной души. Ионійская и элеватская школы занимались преимущественно размышленіями о мірѣ, во вкусѣ Кифы Моіевича и судьи Ляпкина-Тяпкина; киренейская школа, эпикурейцы и циники имѣли преимущественно пратическое направленіе; наконецъ, Аристотель и александрійская школа создавали положительную науку, то есть, занимались математикою, астрономіею, физикою, химіею и медициною. Второе изреченіе на счетъ науки и жизни было провознесено Анаксагоромъ и *отразило на себѣ не искреннее убѣжденіе* въ необходимости вѣчно учиться, а напротивъ того, искреннее отчаяніе гениальнаго человѣка, понимавшаго вполнѣ, что его вѣкъ не создастъ такихъ орудій наблюденія, которыми можно было бы вырвать у природы ея тайны. Въ своемъ необорванномъ и неперетолкованномъ видѣ, мысль Анаксагора выражается слѣдующимъ образомъ: умъ слабъ, чувства обманчивы, званіе недостоверно, наука (то есть, область неизвѣстнаго) обширна, жизнь коротка.

Если же г. Шавровъ полагаетъ, что самоизученію предавались отроки, посѣщавшіе элементарныя школы, то и въ этомъ онъ ошибается. Отроки занимались грамматикой, математикой, музыкой и гимнастикой. Школа вела своихъ воспитанниковъ совсѣмъ не къ обильному источнику всего истиннаго, добраго и прекраснаго, а только къ обильному источнику гражданскихъ почестей. Она готовила изъ нихъ отличныхъ актеровъ; она учила ихъ хорошо говорить, декламировать и дѣлать граціозныя жесты, чтобы водить за носъ глупую толпу, которая принимала ловкихъ балагуровъ и краснобаевъ за великихъ патріотовъ и за гениальныхъ администраторовъ.

IV.

Побожившись читателю въ томъ, что самоизученіе называется классическимъ образованіемъ, г. Шавровъ начинаетъ расхваливать это образованіе. «Человѣкъ, говоритъ онъ, получившій классическое образованіе, не только самъ совершенно чуждъ всякаго рода иллюзій, всякой мечтательности и сантиментальности, но чувствуетъ какую-то антипатію къ этимъ недостаткамъ, встрѣчая ихъ въ другихъ.» Я бы могъ сказать точь въ точь то же самое о человѣкѣ, получившемъ реальное образованіе. Но такіе похвальные отзывы не имѣютъ рѣшительно никакого осязательнаго значенія. Что такое *иллюзій*? Что такое *мечтательность* и *сантиментальность*? Надо сначала условиться въ томъ смыслѣ, который мы будемъ придавать этимъ выраженіямъ. Когда я читаю «День», то въ каждой строгѣ я вижу или *иллюзію*, или *мечтательность*, или *сантиментальность*. Когда г. Шавровъ читаетъ «Русское слово», то онъ, по всей вѣроятности, не видитъ въ немъ ровно ничего, кромѣ *иллюзій*, *мечтательности* и *сантиментальности*. Спрашивается теперь, отъ какихъ иллюзій, отъ какой мечтательности, отъ какой сантиментальности избавляетъ человѣка классическое воспитаніе? Если это классическое образованіе оставляетъ нетронутыми все иллюзій, всю сантиментальность и всю мечтательность, которыя гнѣздятся въ самомъ г. Шавровѣ и которыя этотъ мыслитель считаетъ лучшимъ украшеніемъ человѣка, то можно сказать, что не стоитъ благодарности, потому что въ такомъ случаѣ окажется, что

классическое образованіе совсѣмъ ничего не сдѣлало. «Съ другой стороны, продолжаетъ г. Шавровъ, онъ (человѣкъ, получившій классическое образованіе) отличается особенною зоркостью и проникательностью въ пониманіи всякаго рода фактовъ и явленій жизни, умѣншемъ понять ихъ въ собственномъ ихъ смыслѣ и какою-то ловкостью „овладѣть ими — качества, которыя дѣлаютъ его способнымъ къ дѣятельной жизни.» — Послѣ этого, остается только запечатать въ газетахъ объявленіе: нѣтъ болѣе дураковъ! или вѣрнѣйшее средство излечиваться греческою грамматикою отъ всѣхъ острыхъ и хроническихъ видовъ глупости, тупоумія и ограниченности. — Прочитавъ слова г. Шаврова о неизбѣжной зоркости, проникательности и ловкости всѣхъ классиковъ, читатель можетъ составить себѣ довольно отчетливое понятіе о томъ, на сколько этотъ мыслитель способенъ разсуждать объ вликаніяхъ и меттательности, и на сколько онъ способенъ цѣнить зоркость, проникательность и ловкость. Сдѣланъ ли до сихъ поръ первый шагъ для того, чтобы построить сравнительную оцѣнку различныхъ системъ образованія на твердыхъ и положительныхъ *статистическихъ* данныхъ? Если вы хотите сравнивать между собою различныя системы образованія по тѣмъ результатамъ, которые отъ нихъ получаются, то вы должны принять величайшія предосторожности для того, чтобы имѣть дѣло дѣйствительно съ результатами образованія, а не съ результатами равныхъ другихъ, совершенно побочныхъ условій. Но спрашивается, какимъ образомъ вы ухитритесь устранить эти побочныя условія? Какимъ образомъ вы, напримѣръ, убѣдитесь въ томъ, что зоркость, проникательность и ловкость даны человѣку вашей классической школою, а не получены имъ по наслѣдству отъ родителей и не развиты въ немъ столкновеніями съ дѣйствительною жизнью, послѣ ея выхода изъ школы? Разумѣется, вопросъ о классическомъ и реальномъ образованіи былъ бы порѣшенъ на вѣчныя времена, если бы существовала какая нибудь возможность воспользоваться въ этомъ случаѣ содѣйствіемъ статистики. Если бы, напримѣръ, можно было доказать (доказать *цифрами*) что въ такомъ-то году поступило въ классическія и реальныя школы по пяти тысячъ мальчиковъ, одинаково умныхъ отъ природы, и что, по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, пять тысячъ классиковъ оказались гораздо умнѣе и дѣльнѣе пяти тысячъ реалистовъ, — тогда приверженцы реализма могли бы признавать себя побѣжденными. Но вѣдь стоитъ

только поставить это требование, чтобы увидеть в ту же секунду, что оно неосуществимо. А—инженеръ, Б—профессоръ рижскаго права, В—негодянтъ, Г—журналистъ, Д—мировой посредникъ—прошу покорнѣе сравнивать ихъ между собою и оцѣнивать, который изъ нихъ дѣльнѣе. Это почти то же самое, что складывать аршины съ фунтами или дѣлить ведра на минуты. Если же вы хотите сравнивать между собою людей одной профессіи,—вы наткнетесь на новое затрудненіе: одинъ могъ выбрать эту профессію по призванію, другой могъ взять ее по принужденію, подъ гнетомъ такихъ обстоятельствъ, съ которыми невозможно было справиться. На каждомъ шагу вы встрѣчаете побочныя условія и почти никогда вы не можете опредѣлить съ точностью, какую долю вліянія надо отнести каждому изъ этихъ условій въ тотъ общій результатъ, который вы должны занести въ ванну статистическую таблицу. Крімъ того, сравнительная оцѣнка двухъ системъ образованія совершенно невозможна уже и потому, что, по признанію самихъ классиковъ, во всей Европѣ господствовала до сихъ поръ *только одна* система, а другая стояла постоянно въ тѣни, на заднемъ планѣ, и не имѣла ни малѣйшей возможности вступить въ состязаніе съ первою. На сторонѣ господствующей системы находятся, во-первыхъ, всѣ фантескія выгоды и, во-вторыхъ, всѣ предубѣжденія тѣхъ людей, которые берутся сравнивать результаты обѣихъ системъ. Допустимъ даже, что генералъ Моренъ, г. Шнидъ и г. Шавровъ говорятъ чистую истину; допустимъ, что въ настоящее время дѣйствительно воспитанники классическихкихъ гимназій умнѣе и дѣльнѣе юныхъ реалистовъ. Если даже это явленіе подмѣчено вѣрно,—за что никакъ нельзя поручиться, — то явленіе это объясняется очень легко и естественно, именно тѣмъ обстоятельствомъ, что классическія гимназій, какъ господствующая система, стоятъ высоко во мнѣніи общества: объ этихъ гимназіяхъ говорятъ въ обществѣ, что тамъ учиться очень трудно, но что за то и выучиться можно превосходно. Очень естественно, что, постоянно слыша о нихъ такіе отзывы, родители помѣщаютъ своихъ дѣтей именно туда, если думаютъ, что ребенокъ, по своимъ дарованіямъ, выдержитъ успѣшно трудное ученіе; по той же самой причинѣ, родители слабыхъ и вялыхъ мальчиковъ боятся помѣщать своихъ дѣтей въ такую школу, въ которой имъ предстоитъ непосильная работа. Такимъ образомъ, все, что

восьмидесяти, потянется къ господствующей системѣ, то есть, къ классицизму, который еще болѣе усилится отъ этого притока свѣжаго матеріала; а все, что послабѣе, потянется къ второстепенной системѣ, то есть, къ реализму, который, въ слѣдствіе этого, еще ниже увидитъ въ главахъ генерала Морена, г. Ницида и г. Шаврова. При такихъ условіяхъ, удивительно не то, что вліятельные и ученые ебонатоли существующаго факта прославляютъ классицизмъ, нагъ вѣрное лекарство противъ всякой умственной немощи, а то, что эти вліятельные и ученые люди еще принуждены аргументировать противъ реализма. Что реализмъ не одержалъ до сихъ поръ и еще долго не одержитъ побѣды надъ классицизмомъ—это очень естественно: мудро побѣдить такого врага, который сншкомъ три столѣтія тому назадъ воевалъ надъ обществомъ; но что, не смотря на эти невыгодныя условія, реализмъ борется и дѣлаетъ успѣхи въ общественномъ мнѣніи—это можетъ служить самымъ вѣрнымъ ручательствомъ за его внутреннія достоинства.—Напоинившія около двухъ столбцовъ голословными разсужденіями на ту тему, что греческая грамматика радикально излечиваетъ всякое тушеуміе, г. Шавровъ объявляетъ, что «жизнь отдѣльнаго ли человѣка, или дѣлаго народа имѣетъ двѣ стороны, происходящія изъ одной и той-же субстанции человѣческаго духа.» Наговоривъ разнаго вадору о субстанции человѣческаго духа, онъ далѣе открываетъ *новый родникъ непрочитаннаго духовнаго силъ.*

По соображеніямъ г. Шаврова, оказывается, что путь къ *роднику* россійскихъ силъ лежитъ черезъ грамматику Востокова и христоматию Галахова. Указывая этотъ путь, г. Шавровъ, по своему обычаю, витаетъ въ возвышенныхъ сферахъ отвлеченнаго мышленія и не называетъ ни Востокова, ни Галахова; но я ловлю на лету мысль г. Шаврова, стаскиваю ее за крылья внизъ на землю, даю ей кровь и плоть и довожу ее до той степени опредѣленности, которая необходима для ея пракческаго осуществленія. За всѣ эти операціи г. Шавровъ долженъ витать ко мнѣ нѣжнѣйшую дружбу и глубочайшую признательность. Если же за весь мой неблагодарный трудъ, онъ заплатитъ мнѣ холоднымъ равнодушіемъ, то мнѣ останется только вздохнуть о томъ, что классическое образованіе, надѣждавшее г. Шаврова *зоркостью, нравительностью и ловкостью*, и украсившее его умъ множествомъ блестящихъ историческихъ доданій, убило въ немъ, вмѣстѣ съ *сантиментальностью*

и мечтательностью, всё лучшія чувства человеческой души. «Есть матеріалъ, говоритъ г. Шавровъ, указывая путь къ *роднику*, — который, обладая наглядностью, даже пластичностью, до того нѣженъ, гибокъ, даже духовенъ, что можетъ отражать на себѣ самыя неудовліяныя движенія человеческого духа и, слѣдовательно, молитве, чѣмъ что нибудь другое, показывать, что такое духъ самъ въ себѣ, что такое онъ — въ своихъ внутреннѣйшихъ стремленіяхъ и сокровеннѣйшихъ направленіяхъ. Этотъ матеріалъ — человеческое слово, языкъ». — Затѣмъ г. Шавровъ приводитъ выраженіе Бюффона: «въ слогѣ — весь человекъ» (*le style c'est l'homme*) и полагаетъ, что этимъ выраженіемъ рѣшается безапелляціонно вопросъ о томъ, какъ узнать вполнѣ достоверно внутреннюю субстанцію тридцатилѣтняго человека и какъ угадать будущее назначеніе тысячелѣтней Россіи. Тридцатилѣтній человекъ сдѣлается для васъ совершенно понятенъ, если вы изучите, съ синтаксической точки зрѣнія, всё его письмо и занеоччи. А Россія немедленно раскроетъ передъ вами внутренній родникъ своихъ жизненныхъ силъ, если вы продумаете и почувствуете достаточно глубоко грамматику Востокова, христоматію Галахова и еще, для большей полноты, «Историческіе очерки» г. Буслаева. Эта теорія г. Шаврова очень блистательна, но для ея окончательнаго торжества необходимо, чтобы авторъ разрѣшилъ нѣкоторыя недоумѣнія, способныя поставить въ тупикъ грубымъ эмпириковъ. Такъ, напримѣръ, не мѣшало бы ему доказать, что въ чистомъ и изящномъ латинскомъ языкѣ Саллюстія Криспа отразился весь характеръ этого человека, который, какъ извѣстно, своимъ живодерствомъ, святоточничествомъ и корыстолюбіемъ поражалъ даже своихъ современниковъ, вовсе неотличавшихся кротостью, безкорыстіемъ и честностью. Неудрно было бы также, если бы онъ объяснилъ намъ, какимъ образомъ языкъ Франциска Бекона Веруламскаго отразилъ на себѣ самыя неувліяныя движенія его духа, весьма склоннаго къ вѣроломству и всегда готоваго продаться за наличныя деньги. Анализируя рѣчи Мирабо, г. Шавровъ долженъ показать намъ, что этотъ человекъ былъ подкупленъ дворомъ. Изучая сочиненія Кювье, г. Шавровъ, по ихъ языку, долженъ угадать, что Кювье былъ мягкій честолюбецъ, превратившій себя въ послушное орудіе бурбонской реакціи. Потомъ, перейдя отъ отдѣльныхъ личностей къ цѣлымъ народамъ, г. Шавровъ долженъ объяснить раздѣлъ Польши несовершенствами польскаго син-

также, бѣдствія Ирландіи особенностями кельтскихъ склоненій и спряженій, историческую ничтожность литовскаго племени бѣдностью литовскаго языка, который, однако, по единогласному мнѣнію всѣхъ компетентныхъ знатоковъ сравнительной филологіи, приближается богатствомъ своихъ грамматическихъ формъ къ санскритскому языку. Кроме того, г. Шавровъ долженъ объяснить, по какому случаю самые богатые и совершенные языки земного шара, санскритскій, греческій и латинскій, сдѣлались мертвыми языками, между тѣмъ, какъ англійскій языкъ, неимѣющій почти никакой грамматики, живетъ и удовлетворяетъ собою во всѣхъ отношеніяхъ двѣ такія націи, въ сравненіи съ которыми греки и римляне оказываются недорослями и школьниками. Если въ языкѣ заключается *родникъ жизненныхъ силъ*, то какииъ же образомъ этотъ родникъ не вырुтилъ грековъ и римлянъ, ни тогда, когда на нихъ нападали германцы и славяне, у которыхъ родникъ былъ гораздо хуже, ни тогда, когда на Византийскую имперію падали турки, у которыхъ родникъ былъ уже совсѣмъ плохъ? Всѣ эти вопросы г. Шавровъ долженъ разрѣшить непременно, потому что если онъ беретъ читать въ грамматикѣ Востокова *будущую* судьбу Россіи, то тѣмъ болѣе, *à plus forte raison*, онъ обязанъ прочесть въ той же самой книгѣ все *прошедшее* нашего отечества. Если же онъ объяснить посредствомъ русской грамматики всѣ событія русской исторіи, то по разнымъ другимъ грамматикамъ онъ прочесть всѣ событія всемірной исторіи. — Особенность греко-римскаго образованія, по мнѣнію г. Шаврова, состояла именно въ томъ, что это образованіе погружало питомцевъ въ самый родникъ жизненныхъ силъ, то есть, вело ихъ къ самопознанію путемъ самаго тщательнаго изученія языка. «Развивая необыкновенную чуткость къ слову и всему выражаемому словомъ, направляя вниманіе, главнѣйшимъ образомъ, на живую связь между словомъ, мыслью и чувствомъ, оно (это изученіе) предохраняло древнихъ отъ всѣхъ злоупотребленій словомъ. Известное изреченіе мудреца новѣйшихъ временъ и новѣйшаго образованія: «языкъ данъ человеку для того, чтобы скрывать свои мысли», оправдываемое нерѣдко практикою нынѣшней жизни, въ древности показалося бы величайшею бессмыслицею». — Невѣжество и храбрость г. Шаврова рѣшительно приводятъ меня въ недоумѣніе. Я понять не могу, какъиъ образомъ можно печатно разсуждать о древности, не прочитавши ни одного древняго историка. Если бы г. Шаврову были известны

только первые главы тацитовских анналов, то и тогда бы онъ воздержался отъ весьма многихъ негѣпостей. Изреченіе новѣйшаго мудреца, Талейрана, какъ-будто нарочно сказано для того, чтобы охарактеризовать поведеніе Тиверія послѣ смерти Августа. Тиверій постоянно пользовался языкомъ для того, чтобы скрывать свои мысли, и Тацитъ, въ первыхъ главахъ своихъ анналовъ, превосходно описываетъ ту продолжительную и тяжелую комедію, которую Тиверій игралъ съ сенаторами. Тиверій былъ великолѣпнымъ виртуозомъ притворства и лицемерія, но развѣ Тиверій былъ выродкомъ, аномалією, исключеніемъ изъ общаго правила? Напротивъ того; и Августъ, и Цезарь, и Сулла, и Сципіоны, и Периклъ, и Пизистратъ, и всѣ лучшіе политики древности постоянно шли къ верховному господству путемъ систематическаго лицемерія; они постоянно выражали на словахъ глубочайшее уваженіе къ тѣмъ самымъ формамъ и законамъ, которые они совершенно сознательно подкапывали своими поступками. Та же самая ложь господствовала въ отношеніяхъ между сенаторомъ и народомъ, между патриціями и плебеями, между богачами и пролетаріями. То же самое хроническое и организованное лицемеріе гнѣздилося въ дѣлахъ религіи; не вѣруя ни во что, образованные люди Греціи и Рима притворялись вѣрующими, отчасти для того, чтобы не раздражить черни, отчасти для того, чтобы господствовать надъ этою чернью, эксплуатируя ея суевѣріе. Вольнодумцы принимали санъ нервосвященниковъ, совершали жертвоприношенія, воевъщали волю боговъ, гадали по полету птицъ и по внутренностямъ жертвенныхъ животныхъ. Почти всѣ философы древности говорятъ единогласно, что господствующая религія нигде не годится, но что ее слѣдуетъ поддерживать для народа.—Такъ какъ г. Шавровъ любитъ поговорки и анекдотическія мелочи, то я напомню ему то извѣстное замѣчаніе, что авгуры, встрѣчаясь между собою, имѣли обыкновеніе опускать глаза, чтобы не расхотаться, глядя другъ на друга. Спрашивается теперь, зачѣмъ былъ данъ языкъ всѣмъ этимъ лицемерамъ,—зачѣмъ ли, чтобы высказывать свою мысль, или зачѣмъ, чтобы ее скрывать?—Можно сказать навѣрное, что выраженіе Талейрана никому изъ великихъ лицемеровъ древности не показалось бы бессмыслицею.—«Знающіе греческій и латинскій языки, продолжаетъ г. Шавровъ, соглашается, что «болтать», т. е. говорить вздоръ, говорить безъ мысли и безъ чувства, говорить для одного процесса говоренія нѣтъ никакой возможности

ни на томъ, ни на другомъ языкѣ.» — Разумѣется, нѣтъ возможности, потому что нѣтъ привычки. Латинскимъ языкомъ пользуются обыкновенно люди серьезные, въ серьезныхъ случаяхъ; но латини говорить между собою ученые во время диспутовъ и доктора у постели больного; когда же этимъ господамъ хочется болтать, шутить и балагурить, тогда они, конечно, обращаются къ тому языку, на которомъ они привыкли думать и который, слѣдовательно, своими формами нисколько не стѣсняетъ свободнаго теченія ихъ мыслей. Болтать на какомъ нибудь языкѣ вообще гораздо труднѣе, чѣмъ диспутировать на немъ, потому что для болтовни, которая обыкновенно быстро перескакиваетъ съ одного предмета на другой, требуется самое полное и притомъ совершенно практическое владѣніе языкомъ. Что никто не болтаетъ по гречески, это, мнѣ кажется, не очень удивительно, потому что если бы какинъ нибудь чудомъ, родился на свѣтѣ такой своеобразной болтуны, то ему пришлось бы проѣхать многія сотни верстъ или миль, чтобы отыскать себѣ равносильнаго собесѣдника. «Тѣмъ болѣе, продолжаетъ г. Шавровъ, это было невозможно, когда оба языка были живыми языками.» — *Тѣмъ болѣе!* Какъ вамъ нравится это «*тѣмъ болѣе*»? Какое высшее понятіе можетъ дать одно это *тѣмъ болѣе* о мыслительныхъ способностяхъ добродушнаго г. Шаврова! Значить онъ полагаетъ, что на мертвомъ языкѣ, существующемъ только въ школѣ и для школы, легче, да и гораздо легче болтать, чѣмъ на живомъ языкѣ, распространенномъ во всѣхъ слояхъ общества. Значить, онъ полагаетъ, что Греки и Римляне никогда не болтали. Значить, молодой кутила древняго міра, разливая фалернское вино съ своею любовницею, женщиною легкаго поведенія, рассуждалъ съ нею о Квинтиліанѣ или объ атомистической теоріи міра. Значить, молодые римскіе денди, собираясь въ модную цирюльню или въ баню, рѣшались государственные вопросы. Значить, у этихъ денди нигде не было разговора о гетерахъ, о лошадяхъ, о собакахъ, о городскихъ сиделкахъ и скандалахъ, или же всѣ эти разговоры, обыкновенно считающіеся болтовнею, у нихъ были пронцануты мыслью и чувствомъ. Значить, Ювеналъ и Персій врутъ, упрекая тогдашнюю молодежь въ умственной пустотѣ и въ нравственной гнилости; и, значить, наконецъ, всѣ комедіи Аристофана, Плавта и Теренція взяты не изъ греческой и не изъ римской жизни, а изъ бурятской и алеутской. Надо также полагать, что римская чернь никогда не бол-

тала о гладиаторскихъ играхъ, а всегда разсуждала о нихъ съ мыслью и чувствомъ, точь въ точь такъ, какъ въ наше время диспутируютъ ученые и совѣщаются доктора. «Тогда, продолжаетъ г. Шавровъ, было чрезвычайно трудно и говорить на нихъ что либо противное совѣсти и убѣжденіямъ говорящаго, и отсель-то произошла извѣстная поговорка: «только честный человѣкъ можетъ быть ораторомъ» (nemo orator, nisi vir bonus).» — *Отсель или оттомъ* произошла эта поговорка—этого я не знаю, но осмѣлюсь замѣтить г. Шаврову, что его слабость къ поговоркамъ и его ребяческая манера строить на поговоркахъ цѣлыя теоріи ежеминутно заставляютъ его излагать печатно самыя поразительныя нелѣпости. Если грекамъ и римлянамъ было чрезвычайно трудно говорить что нибудь противное совѣсти и убѣжденіямъ, то, во всякомъ случаѣ, достоверно извѣстно, что они мужественно боролись съ этими трудностями и превозмогали ихъ съ величайшимъ успѣхомъ. Весь эффектъ, произведенный латинскою поговоркою г. Шаврова, можетъ быть совершенно уничтоженъ однимъ словомъ: «софистъ». Извѣстно ли г. Шаврову это слово? Оно перешло въ новые европейскіе языки изъ греческаго языка. То явленіе, которое обозначается этимъ словомъ, возникло въ греческой жизни. Софистами назывались такіе мыслители или, вѣрнѣе, такіе говоруны, которые совершенно отрицали существованіе объективной истины и которые утверждали, что можно доказать и опровергнуть одинаково сильными аргументами какую угодно мысль. Собирая вокругъ себя многочисленныхъ слушателей, увлекая за собою цѣлыя толпы учениковъ, софисты дѣйствительно доказывали и опровергали, что угодно, и передавали своимъ послѣдователямъ свое удивительное умѣнье поворачивать діалектическое оружіе, смотря по желанію или по обстоятельствамъ, то въ ту, то въ другую сторону. По всей вѣролтности, историческія изслѣдованія г. Шаврова привели его къ тому убѣжденію, что софисты говорили не по гречески, а по китайски или по готтентотски. Если же г. Шавровъ еще не пришелъ къ этому результату и даже не надѣется придти къ нему впоследствии, то онъ долженъ согласиться, что отъ всѣхъ его размышленій о *родникѣ жизненныхъ силъ* и о путешествіи къ этому роднику посредствомъ изученія языка не осталось, въ настоящую минуту, камня на камнѣ. «Такимъ образомъ, слово, продолжаетъ г. Шавровъ, было своего рода гарантією общественной честности.» Мы уже

знаемъ теперь, какова была эта общественная честность, и потому можемъ составить себѣ достаточно ясное понятіе о томъ, какъ много пользы доставила древнимъ обществамъ эта *своего рода гарантія*, породившая и воспитавшая софистовъ и риторовъ, лицемѣровъ и льстецовъ, шарлатановъ и комедіантовъ политическаго міра.—Изъ моего анализа шавровскихъ теорій, читатель, по всей вѣроятности, достаточно убѣдился въ томъ, что обожатель и защитникъ классицизма, г. Шавровъ, изучалъ самъ классическую древность по тѣмъ собраніямъ дѣтскихъ анекдотовъ, въ которыхъ повѣствуется о справедливости Аристиды, о безкорыстіи Фокіона, о патриотизмѣ Регула и о мужествѣ Муція Сцевола.

V.

На предыдущихъ страницахъ я достаточно охарактеризовалъ какъ великую проникательность, такъ и глубокую ученость того бойца, котораго «День» выдвинулъ противъ реалистовъ. Чтобы никто не могъ обвинить меня въ бездоказательности, я сдѣлалъ изъ статьи г. Шаврова очень много, даже слишкомъ много вышесокъ. Теперь я могу подвигаться впередъ быстрѣе; поэтому я буду теперь резюмировать и опровергать только тѣ мнѣнія нашего просвѣщеннаго писателя, которые или особенно замѣчательны по своей негѣпости, или же дадутъ мнѣ поводъ развить мои собственные мысли о разбираемыхъ вопросахъ.—Г. Шавровъ замѣчаетъ, что у новыхъ народовъ мы видимъ постоянную борьбу консерватизма и рьянаго, ослѣпленнаго прогрессизма, между тѣмъ, какъ у грековъ и у римлянъ «не было ни консерваторовъ, ни прогрессистовъ, а всѣ были и консерваторы, и прогрессисты.» При семъ удобномъ случаѣ, г. Шавровъ дѣлаетъ подстрочное замѣчаніе: «изъ новыхъ народовъ, англичане приближаются нѣсколько къ древнимъ въ этомъ отношеніи.»—О, Господи! помереть можно со смѣху, читая такіе историко-философскія соображенія. По своимъ теоретическимъ убѣжденіямъ, всѣ мыслящіе греки и римляне были строгими и разумными консерваторами. Величайшіе философы древняго міра, Платонъ и Аристотель, составляли планы идеальнаго государства, но эти планы, по ихъ мнѣнію, могли осуществиться не посредствомъ естественнаго и свободнаго развитія существующихъ народ-

ныхъ силъ, а только посредствомъ внезапнаго и насильственнаго вмешательства законодательной власти. Въ одинъ прекрасный день, законодатели должны были объявить народу, что съ этой минуты начинается существованіе новой, идеальной республики, въ которой все будетъ устроено такъ-то и такъ-то. Затѣмъ, послѣ утвержденіи идеальнаго порядка, все должно было оставаться неподвижнымъ и неизмѣннымъ на вѣчныя времена. И Платонъ, и Аристотель признавали, въ области политической жизни, возможность абсолютнаго совершенства. Оба они и, вмѣстѣ съ ними, всѣ мыслящіе люди древности не имѣли ни малѣйшаго понятія о томъ, что идеи, чувства и желанія человѣчества постоянно измѣняются, что каждое новое поколѣніе приноситъ съ собою новыя требованія, что отношенія человѣка къ силамъ неорганической и органической природы не остаются неподвижными, что распределеніе богатствъ между отдѣльными личностями и цѣлыми сословіями подвержено постояннымъ колебаніямъ и что, вслѣдствіе всѣхъ этихъ и многихъ другихъ причинъ, всѣ политическія учрежденія могутъ имѣть только временное и мѣстное значеніе, то есть, что эти учрежденія, порожденные силою извѣстныхъ обстоятельствъ, вмѣстѣ съ этими обстоятельствами живутъ, растутъ, видоизмѣняются, дряхлѣютъ и умираютъ. Причины этого строгаго теоретическаго консерватизма понять нетрудно. — Вся ремесленная и промышленная дѣятельность древняго міра находилась въ рукахъ рабовъ. Наука никогда не заглядывала ни на земледѣльческую плантацію, ни на скотный дворъ, ни въ мастерскую. Архимедъ прикладывалъ свои математическія знанія къ сооружеиію военныхъ машинъ, но ему никогда не приходило въ голову придумать какойнибудь новый плутъ или ручную мельницу, или верстакъ. Во все продолженіе греко-римскаго періода не было сдѣлано въ области промышленности ни одного такого открытія, которое значительно усилило бы господство человѣка надъ природою и повело бы за собою замѣтное сбереженіе человѣческаго труда. Промышленность развивалась такъ медленно и трудъ былъ настолько такъ дорогъ, что древнему человѣку не было ни надобности, ни возможности думать о томъ, чтобы замѣнить рабочую силу раба какиминибудь стихійными силами природы. Общество безъ рабовъ для древняго человѣка было невымыслимо, тѣмъ болѣе, что всѣ свободные люди глубоко презирали всякій производительный трудъ. Когда промышленность не совершенствуется и когда

масса населения обречена вечно исправлять должность выжигателя сжота, тогда, очевидно, прогрессъ общества можетъ состоять только въ томъ, что это общество будетъ обогащаться войною и грабежами и что отдѣльные члены этого общества будутъ драться между собою за добычу и за политическое господство. Очень понятно, что къ такому прогрессу мыслящіе люди древности относились въ теоріи совершенно отрицательно. Но этотъ строгій теоретическій консерватизмъ приводилъ грековъ и римлянъ только къ тому результату, что въ ихъ гражданскихъ обществахъ сталкивались и боролись между собою не идеи и убѣжденія, а страсти и интересы. Люди, невѣрующіе въ прогрессъ, подрывали основы общественнаго зданія, когда того требовали ихъ мелкія страсти и ихъ личные выгоды. Какой общечеловѣческой или общенациональной силой могли бытъ всѣ тѣ микроскопическіе перевороты, которыми наполнена исторія древне-греческихъ республикъ и въ которыхъ ежедневно проливалась по каплямъ, въ теченія нѣсколькихъ столѣтій, кровь умнаго и даровитаго народа? То олигархи убьютъ тирана, то чернь передумитъ олигарховъ, съ тѣмъ, чтобы превратить демагога въ новаго тирана; то метрополія начнетъ обижать колонію, то колонія начнетъ грубить метрополію; шуму происходитъ очень много, кровь и капиталы тратятся на военные грабежи, а между тѣмъ, общество нисколько не подвигается впередъ. Наконецъ, когда древнему міру приходится рѣшать дѣйствительно важные вопросы, тогда происходитъ, въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ и въ самыхъ грубыхъ формахъ, то столкновеніе *крайняго консерватизма* и *ослабленнаго прогрессизма*, которое г. Шавровъ предоставляетъ повѣншей Европѣ въ исключительную собственность. Является, напримѣръ, вопросъ о римскомъ пролетаріатѣ, вопросъ неотразимый, потому что, дѣйствительно, масса римскаго народа, повелителя вселенной, гнетъ въ физическомъ, въ умственномъ и въ нравственномъ отношеніи. Какъ же рѣшается этотъ вопросъ?—Грахи, одинъ за другимъ, предлагаютъ проекты законовъ, очень доброжелательныхъ, но совершенно неспособныхъ устранить зло. Обоихъ Граховъ можно назвать *ослабленными* прогрессистами, потому что у нихъ обоихъ было много мужества и гражданской честности, но не было ни малѣйшей теоретической подготовкы. Сенаторовъ же и оптиматовъ, полюбившихъ обоихъ реформаторовъ, можно совершенно основательно назвать *крайними* консерваторами, потому что они вскабтыривали и

задушили весь воздухъ, въ которомъ заключалась вся будущая судьба римскаго народа. Еще болѣе *осмѣленными* прогрессистами можно назвать тѣхъ невольниковъ и гладиаторовъ, которые возмущались, въ числѣ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ, подъ предводительствомъ Спартака. Они были прогрессистами поневолѣ, прогрессистами изъ животнаго чувства самосохраненія; они желали разрушить и перестроить то общество, въ которомъ имъ, разумѣется, невозможно и невыносимо было жить, потому что ихъ въ этомъ обществѣ били, увѣчили, распинали и высылали на арену для потѣхи зрителей. Но *какъ* разрушить и, особенно, *какъ* перестроить, — этого они, разумѣется, не знали, такъ точно, какъ бѣженый быкъ, вырвавшійся изъ стойла, не знаетъ, куда и зачѣмъ онъ бѣжитъ. Стало быть, названіе *осмѣленныхъ прогрессистовъ* идетъ къ этимъ несчастнымъ людямъ несравненно болѣе, чѣмъ къ какому бы то ни было яростнымъ радикаламъ и коммунистамъ новѣйшей Европы. Увѣраю васъ, г. Шавровъ, что эти люди своею *рьяностью* и своимъ *осмѣленіемъ* превосходили даже всѣхъ ненавистныхъ вамъ соотрудниковъ «Русскаго Слова». — Но за то и Красса, побѣдителя этихъ ослѣпленныхъ прогрессистовъ, можно назвать очень *крайнимъ* консерваторомъ. Крассъ распялъ на крестахъ десятки тысячъ плѣнныхъ мятежниковъ; значить, *крайностью* своихъ консерваторовъ, *осмѣленностью* своихъ прогрессистовъ древній міръ далеже превосходитъ новѣйшую Европу. — «Противники классическаго образованія, говоритъ г. Шавровъ, стараясь заподозрить его значеніе, любятъ указывать на тотъ историческій фактъ, что древняя цивилизація и образованность была непродолжительна и, слѣдовательно, непрочна.» Но г. Шавровъ опровергаетъ это возраженіе слѣдующимъ образомъ: «Какъ бы разумно и цѣлесообразно ни было воспитаніе со стороны своего направленія и цѣлей, но если будетъ узокъ кругъ идей и возрѣній у народа, тѣмъ болѣе, если эти возрѣнія будутъ не воплоти истинны, — цивилизація и образованность народа не будутъ прочны и продолжительны.» Если перевести это разсужденіе г. Шаврова съ отвлеченнаго языка на конкретный, то окажется, что причиною паденія классической цивилизаціи г. Шавровъ считаетъ язычество. Положимъ, что это дѣйствительно такъ. Но г. Шавровъ забываетъ, что ни одинъ народъ, на всемъ земномъ шарѣ, не обошелся безъ язычества; ни одинъ не былъ христіанскимъ народомъ, съ самаго начала своего существованія. Почему же другіе

народы могли совершить переходъ отъ язычества къ христіанству, а греки и римляне не могли? Почему для другихъ народовъ христіанство было обновляющимъ и укрѣпляющимъ элементомъ, а для греко-римскаго міра оно было смертельнымъ ударомъ? Неужели языческая религія была виновата въ томъ, что Римская имперія не была въ состояніи отразить варваровъ? Послѣдніе императоры были христіанами, а между тѣмъ, Аттила, Аларихъ, Гензерихъ, Радагайсъ, Одоакръ дѣлали свое дѣло по прежнему и разрывали старую имперію на части.—Жизненные силы Римской имперіи были истощены не язычествомъ, а тѣмъ уродливымъ социальнымъ устройствомъ, вслѣдствіе котораго производительный трудъ считался позоромъ для всякаго свободнаго человѣка. Когда въ предѣлы имперіи стали вторгаться варвары, тогда истощеніе силъ было уже такъ велико, что уже не оставалось ни малѣйшей возможности спасти древнюю цивилизацію. Но социальное устройство, погубившее классическій міръ, находилось въ самой тѣсной причинной связи съ тою системою воспитанія, которую такъ добродушно и велегрѣчиво превозноситъ г. Шавровъ. Г. Шавровъ самъ сознается, что «древніе, въ дѣлѣ образованія, руководились духомъ узкаго аристократизма.»—«Той простой истины, продолжаетъ онъ, что на образованіе имѣетъ право каждый человѣкъ и что чѣмъ больше разольется образованіе по массѣ народа, тѣмъ образованность его будетъ лучше и выше въ качественномъ отношеніи,—они не понимали, и только избранные, только люди изъ высшихъ и богатѣйшихъ классовъ получали у нихъ образованіе, между тѣмъ, какъ большинство довольствовалось тѣмъ поверхностнымъ развитіемъ, какое могла доставить имъ общественная жизнь на площадяхъ, форумахъ, судилищахъ и проч.»—Большинство во всѣхъ древнихъ государствахъ составляли рабы; и это большинство не пользовалось даже тѣмъ поверхностнымъ развитіемъ, о которомъ витѣйствуетъ г. Шавровъ. Но меня, кромѣ того, изумляетъ неспособность г. Шаврова сдѣлать самое простое умозаключеніе изъ тѣхъ посылокъ, которыя содержатся въ его собственныхъ словахъ. Онъ самъ говоритъ, что чѣмъ больше развивается образованіе въ массѣ народа, тѣмъ лучше и выше становится оно въ качественномъ отношеніи. Это положеніе онъ называетъ даже *простой истиною*. Онъ говоритъ, что древніе не понимали этой простой истины. Онъ говоритъ, что, въ дѣлѣ образованія, они руководились духомъ узкаго аристократизма. Значитъ, образованіе было мало развито въ

массѣ народа. А если оно было мало развито, если большинство довольствовалось поверхностнымъ развитіемъ или, еще точнѣе, не получало совсѣмъ никакого развитія, то, прилагая къ дѣлу *простую истину* г. Шаврова, мы немедленно приходимъ къ тому неотразимому выводу, что древнее образованіе было *дурно и низко* въ качественномъ отношеніи. Если г. Шавровъ допускаетъ пропорцію: «чѣмъ больше развито, тѣмъ лучше и выше», то онъ, по всѣмъ правиламъ здравой человѣческой логики, долженъ допустить и обратную пропорцію: «чѣмъ меньше развито, тѣмъ хуже и ниже.» Но какъ только древнее образованіе стало бы разливаться въ массу народа, какъ только оно проникнуло бы въ глубину рабочаго населенія, такъ, становясь *лучше и выше въ качественномъ отношеніи*, оно подвергнулось бы самому радикальному перерожденію и совершенно утратило бы тотъ характеръ философскаго дилетантизма, которымъ восхищается добродушный г. Шавровъ. Дѣти *избранныхъ* людей, то есть, богатыхъ рабовладѣльцевъ, нѣмѣли полную возможность безнаказанно тратить время на восхищеніе красотами Гомера и сопровождающими отечественнаго языка. Отъ нечего дѣлать, они даже, пожалуй, могли погружаться въ самонаученіе и отъсккивать дорогу то къ *роднику жизненныхъ силъ*, то къ *источнику всего истиннаго, добраго и прекраснаго*. Но все это были барскія затѣи, совершенно недоступныя для такихъ людей, которые зарабатывали себѣ хлѣбъ собственнымъ трудомъ и которые, вслѣдствіе этого, зная цѣну времени, были принуждены тратить его расчетливо. Такіе люди, поневолѣ, внесли бы въ школу утилитарныя цѣли, и притомъ, совсѣмъ *не тѣ* утилитарныя цѣли, которыя вносили въ нее *избранные*.—Богатые рабовладѣльцы требовали отъ школы, чтобы она превратила ихъ въ хорошихъ говоруновъ и чтобы, такимъ образомъ, она содѣйствовала ихъ уснѣхамъ на политическомъ поприщѣ. Бѣдные люди, которымъ, прежде политической карьеры, надо думать еще о пасущемъ пропитаніи, стали бы требовать отъ школы, чтобы она готовила изъ нихъ дѣльныхъ работниковъ. Они стали бы налегать преимущественно на математику, точно такъ, какъ *избранные* налегали преимущественно на словесность. Бѣдные люди развили бы приложеніе математики къ техническому производству точно такъ, какъ: *избранные* развили приложеніе грамматикки и риторика къ систематическому надуванію народныхъ массъ. Когда совершилось бы это *возвышеніе*

и *улучшите образованія въ качественномъ отношеніи*, тогда г. Шаврову нечѣмъ было бы восхищаться.

VI.

Переходя къ характеристикѣ реальнаго образованія, г. Шавровъ объявляетъ намъ, что, *для большей ясности*, онъ будетъ *раскрывать дѣла исторически*. Историческое раскрываніе дѣла начинается съ того, что спартанское воспитаніе оказывается реальнымъ. Во-первыхъ, спартанцы преслѣдовали въ питомцахъ всѣ индивидуальныя особенности, и старались пригонять питомцевъ къ *общей морали или униформѣ*. Во-вторыхъ, спартанцы ненавидѣли языкъ и требовали, чтобы человекъ выражалъ свою мысль какъ можно короче. Въ-третьихъ, они готовили своихъ дѣтей для военной жизни. Въ-четвертыхъ, они ихъ очень больно сѣкли. После этого, очевидно, не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что спартанцы были реалистами. Обыкновенный наблюдатель сказалъ бы, можетъ быть, что они были просто дикарями. Но съ той высшей точки зрѣнія, на которой стоитъ г. Шавровъ, различіе между дикаремъ и реалистомъ становится незамѣтнымъ. Если бы г. Шавровъ, какъ идеалистъ, не питалъ глубокаго презрѣнія ко всѣмъ млекопитающимъ, то онъ, навѣрное, съ своей высшей точки зрѣнія, открылъ бы міру ту удивительную истину, что лошадь, которую гоняютъ на кордѣ и которую приучаютъ къ ружейному огню, получаетъ чисто-реальное образованіе. Это открытіе было бы совершенно необходимо, потому что воспитаніе древняго спартанца подходитъ гораздо ближе къ воспитанію лошади, чѣмъ къ современному реальному образованію. — Продолжая *раскрывать дѣла исторически*, г. Шавровъ находитъ, что «школастика—другой образецъ реальнаго воспитанія». Затѣмъ, гувернеры и гувернантки, заставляющіе дѣтей зубрить французскія и нѣмецкіе словабулы и діалоги, также оказываются педагогами-реалистами. Въ пансіоны, гимназій и проч. учебныя заведенія, въ которыхъ преподается нестройная масса самыхъ нестрыхъ и разрозненныхъ знаній, — все это реальныя заведенія. *Раскрывши, такимъ образомъ, дѣла исторически*, то есть, добравши въ одну точку всѣ педагогическія нечѣпости и назвавши эту кучу *реали-*

жомъ, г. Шавровъ приглашаетъ читателя посмотреть на «дикомцевъ въ реальномъ духѣ, пока они въ школѣ.» Тутъ передъ читателемъ открывается картина печальная и даже мрачная. Воспитанники ненавидятъ науку, и эту ненависть къ наукѣ переносятъ и на тѣхъ людей, отъ которыхъ они получаютъ эту науку. Когда юные реалисты находятся въ веселомъ настроеніи духа, тогда они осмѣиваютъ и передразниваютъ своихъ наставниковъ; когда же эти буйные потомки спартанцевъ и схоластики взволнованы и раздражены, тогда они возстаютъ противъ своихъ наставниковъ и даже оскорбляютъ ихъ. Читатель видитъ, что мрачныя краски этой картины очень хорошо подходятъ къ той бурсѣ, которую описалъ Помяловскій. Поэтому надо полагать, что въ бурсацкой наукѣ г. Шавровъ видитъ также одно изъ многочисленныхъ проявленій русскаго реализма.—Затѣмъ, г. Шаврову желательно взглянуть на воспитанниковъ реальныхъ заведеній по ихъ выходѣ изъ школы. «Что въ нихъ нѣтъ живой любви къ наукѣ, говоритъ онъ, что въ нихъ нѣтъ основательности и глубины въ воззрѣніяхъ, что они шатаются въ своихъ убѣжденіяхъ и мѣняютъ ихъ скоро и легко,—все это понятно, все это естественное слѣдствіе полученнаго ими образованія, которое не развивало ихъ душевныхъ силъ. Но вотъ странная особенность, которая, больше или меньше, замѣчается во всѣхъ людяхъ, получившихъ реальное образованіе: вялые, неустойчивые, измѣнчивые, когда нужно дѣйствовать положительно, проводить въ жизни какое нибудь убѣжденіе, они чрезвычайно энергичны, чтобы дѣйствовать отрицательно, идти противъ установившагося строя жизни, противъ общепринятаго порядка. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, они прогрессисты въ пошломъ смыслѣ этого слова.»—Кисть г. Шаврова кладетъ краски густо и бойко; любопытно было бы только узнать: съ кого именно писанъ этотъ портретъ,—съ древнихъ ли спартанцевъ, или съ средневѣковыхъ схоластиковъ, или, наконецъ, съ бывшихъ товарищей Помяловскаго, или же, просто, съ какихъ нибудь знакомыхъ автора, успѣвшихъ возбудить въ немъ противъ себя недоброжелательныя чувства? — Къ древнимъ спартанцамъ и къ средневѣковымъ схоластикамъ описаніе это врядъ ли подходитъ; г. Шавровъ самъ говоритъ, что спартанская и схоластическая системы воспитанія были направлены именно къ тому, чтобы поддерживать *statu quo* спартанскаго государства и напскаго гегемоніи. Значитъ, мудроно себя представить, чтобы вос-

вниманию: спартавский и схоластический интеллект, по выводу въ жизнь, обращая всю свою энергію на борьбу противъ общепринятаго порядка. А если, такимъ образомъ, основной признакъ того портрета, который рисуетъ г. Шавровъ, не подходит ни къ спартавцамъ, ни къ схоластикамъ, то, мнѣ кажется, нашъ талантливый портретистъ долженъ былъ бы сообразить, что его историческое разсказываніе дѣла ни къ чему не ведетъ, ничего не раскрываетъ, ничего не объясняетъ и, во всѣхъ отношеніяхъ, оказывается беспѣльнымъ сопоставленіемъ фактовъ, неимѣющихъ между собою ни малѣйшаго сходства и ни малѣйшаго историческаго сродства. Далѣе, въ этомъ портретѣ, съ кого бы онъ ни былъ писанъ, есть даже грубое внутреннее противорѣчіе, вслѣдствіе котораго этотъ портретъ не можетъ быть похожъ ни на кого въ цѣломъ мірѣ. Г. Шавровъ утверждаетъ, что реалисты не умѣютъ проводить въ жизни никакого убѣжденія, и, вслѣдъ затѣмъ, тотчасъ же говоритъ, что они *чрезвычайно энергичны, чтобы дѣйствовать отрицательно*. О, святая простота! Да развѣ можно безъ убѣжденія быть чрезвычайно энергичнымъ отрицателемъ? И развѣ дѣйствовать отрицательно, съ чрезвычайною энергіею, не значить проводить въ жизни убѣжденіе, именно то: убѣжденіе, что отрицаемый предметъ дуренъ?—Что же касается до слова *прогрессивность*, то я еще не слышалъ, чтобы это слово прибрало себѣ какойнибудь пещалый смыслъ; но я знаю положительно, что всякое хорошее слово можетъ быть опошлено; поэтому я считаю очень правдоподобнымъ, что слово *прогрессивность* становится понатымъ словомъ, когда оно встрѣчается въ статьяхъ великихъ гениальныхъ мыслителей, какъ г. Шавровъ. Но обращать вниманіе на это временное и мѣстное опошленіе словъ нѣтъ никакой возможности, потому что, иначе, честнымъ и мыслящимъ русскимъ писателямъ пришлось бы создавать себѣ цѣлый новый лексиконъ.—По соображеніямъ г. Шаврова оказывается, что въ отрицательной дѣятельности воспитанниковъ реальныхъ заведеній виноваты духъ скептицизма, обуревающий реальный училища. Здѣсь мы слышимъ дѣйствительно: не знаемъ, *о какихъ реальныхъ училищахъ толкуетъ г. Шавровъ*. Онъ, какъ дельфійская Пифія, постоянно извергаетъ бессвязныя слова, предоставляя намъ простымъ смертнымъ, опознавать въ гонимъ какойнибудь смыслъ. Мы знаемъ и ровно ничего не находимъ. Г. Шавровъ утверждаетъ, что духъ сомнѣнія *полезенъ въ наукѣ, но нигде не годится въ школѣ*. «Скептикъ: ученый,

говорить оны, явление нормальное; но школьник-скептикъ—ужасная аномалия.» Изъ этихъ словъ видно, что нашъ мыслитель не имѣетъ никакого понятія ни о томъ, что такое научный скептицизмъ, ни о томъ, что такое наука, ни о томъ, чѣмъ должна быть и школа. Спрашивается, какой скептицизмъ полезенъ въ наукѣ? Конечно, не тотъ, который ухитряется, посредствомъ разныхъ діалектическихъ тонкостей, отрицать существованіе видимаго міра или собственной особы мыслящаго субъекта. Такой метафизическій скептицизмъ одинаково безобразенъ и одинаково бесплоденъ, какъ въ школѣ, такъ и въ наукѣ. Полезенъ въ наукѣ только тотъ благоразумный скептицизмъ, который не позволяетъ исследователю успокаиваться на неполномъ или неточномъ объясненіи изучаемыхъ явленій. Этотъ скептицизмъ, составляющій естественный атрибутъ каждаго здороваго и сильнаго ума, повсюду вездѣ и всегда, и въ наукѣ, и въ политикѣ, и въ литературной критикѣ, и въ обыденной жизни. Вездѣ и всегда человекъ долженъ сматрѣть тревожными глазами на самое явленіе, на голый фактъ, не обращая никакого вниманія на ту красивую или некрасивую формальную оболочку, въ которую парадилось это явленіе по тѣмъ или другимъ обстоятельствамъ. Вездѣ и всегда человекъ долженъ говорить себѣ прямо и рѣшительно: «вотъ это я понимаю, а вотъ этого не понимаю». При этомъ онъ никогда не долженъ довольствоваться такимъ объясненіемъ, которое маскируетъ данный вопросъ, вмѣсто того, чтобы действительно разрѣшать его. Эта умственная требовательность, эта превосходная способность строго разлагать знаніе и незнаніе, это презрѣніе къ самодовольному полужнанію и полупониманію — все это такъ же умственно и необходимо въ школѣ, какъ и во всякомъ другомъ мѣстѣ. Говоря о греко-римскомъ мірѣ, г. Шавровъ выражаетъ желаніе, чтобы образованіе развивало въ питомцахъ *умственную и нравственную самодѣятельность и самостоятельность*, и чтобы преподаватели поддерживали въ ученикахъ *умственную и нравственную энергію и оживой интересъ къ предметамъ изученія*. Прекрасное и похвальное желаніе! Но, къ сожалѣнію, я долженъ теперь замѣтить, что, выражая это прекрасное и похвальное желаніе, г. Шавровъ безсознательно лепеталъ такіа рѣчи, которыхъ смыслъ для него самого непонятенъ. Защитникъ *умственной и нравственной самостоятельности* желаетъ теперь выгнать изъ школы *вотъ скептицизмъ*, который, по его же собственному замѣчанію, повсюду въ наукѣ. Въ чемъ же, о свѣтло «Дня», будетъ состоять *умственная и нрав-*

своякая самостоятельность ученика, въ чемъ будетъ проявляться его *умственная и нравственная энергія*, въ чемъ будетъ обнаруживаться его *живой интересъ къ предметамъ изученія*, если вамъ удастся отнять у него здоровый и естественный скептицизмъ, то есть, стремленіе понимать совершенно ясно и отчетливо изучаемый предметъ, стремленіе успокаиваться только на такихъ доказательствахъ, которыя действительно имѣютъ для ума обязательную силу?—Представьте себѣ, наприимѣръ, что учитель равняетъ ученикамъ исторію персидскаго государства; но вашему выходитъ тамъ, что ученики дашны, подавивши въ себѣ духъ *ужасной амаліи*, то есть, скептицизма, сидѣть, зажавъ дыханіе, слушать съ напряженнымъ вниманіемъ, и потомъ, къ слѣдующему часу, повторить своими словами весь рассказъ учителя. Такой результатъ привелъ бы васъ въ восторгъ и вы усмотрѣли бы бездну *самодѣятельности, энергіи и живого интереса* именно въ томъ крошечномъ фактикѣ, что ученики излагаютъ урокъ *своими словами*. Дальше этого вашъ педагогическій либерализмъ не идетъ. Всѣ либералы, подобные вамъ, живутъ востановить только противъ розогъ, да противъ вубранія и возбраняютъ себѣ, что этими юридическими протестами они не вѣютъ какое благодѣяніе оказываютъ обществу и наукѣ. Такъ какъ я не имѣю права принадлежать къ несчетному легиону этихъ смѣлотовольныхъ либераловъ, то я осмѣливаюсь замѣтить, что, съ точки зрѣнія *самодѣятельности, энергіи и живого интереса*, было бы очень некурно, если бы кому нибудь изъ учениковъ пришло въ голову дерзнуть рассказъ учителя слѣдующею почтительною рѣчью: «позвольте мнѣ изречь, г. Н., самымъ образомъ до насъ дошло извѣстіе о такихъ-то-то событіяхъ, совершившихся слишкомъ за двѣ тысячи лѣтъ до нашего времени?» Учителю пришлось бы тогда заговорить на проесской исторіографіи, о сохраненіи рукописей во время среднихъ вѣковъ, объ изученіи и изданіи этихъ рукописей въ эпоху возрожденія и, наконецъ, о трудахъ исследователей, очистившихъ историческую истину отъ легендарныхъ искаженій и приписей. Учителю пришлось бы, такимъ образомъ, ввести любознательнаго ученика въ самую лабораторію исторіи, и ученикъ, навѣрное, проникнется бы глубокимъ уваженіемъ къ изучаемому предмету, когда объясненіемъ учителя составили бы его задуматься надъ тѣмъ фактомъ, что *каждое слово* его учебника куплено трудами и бесовыми *ночами* тысячъ людей, которые составляютъ болѣе земли и двѣты *человѣ-*

чества. Вопросъ любознательнаго ученика, очевидно, былъ бы внушенъ ему тѣмъ самымъ духомъ скептицизма, который создавалъ и усовершенствовалъ историческую критику. Между тѣмъ, я осмѣливаюсь думать, что такой любознательный ученикъ представляетъ собою не ужасную аномалію, а напротивъ того, отрадное исключеніе изъ очень сивернаго общаго правила. Я полагаю также, что каждый добросовѣстный и умный преподаватель очень желалъ бы встрѣчать въ своемъ классѣ какъ можно больше такихъ ужасныхъ аномалій. Ходъ преподаванія значительно замедлялся бы вопросами учениковъ и объясненіями учителя, но за то ученики не превращались бы въ мопугавъ, налагающихъ своими словами чужія мысли, нисколько переработанныя ихъ умами.

VII.

Изъ всей утомительной болтовни г. Шаврова читатель не вынеситъ никакого яснаго понятія о томъ, что такое классическое образованіе и что такое реальное, и чѣмъ первое выше послѣдняго. Тѣ резоны, которые представляетъ г. Шавровъ въ пользу изученія древности, рѣшительно оказываются бессмысленнымъ наборомъ словъ. «Если, говорить онъ, въ кругъ классическаго образованія входитъ изученіе древности (древнихъ языковъ, литературъ, древней жизни и пр., и пр.), то отнюдь не съ тою цѣлю, чтобы сдѣлать вѣдѣ воспитанниковъ греками и римлянами (А?! Неужели? А имъ были увѣрены въ томъ, что древность изучается въ школахъ именно для того, чтобы воспитанники, окончивъ курсъ, отказавшись навсегда отъ фраговъ и сапоговъ и, облекшись въ тоги, подвязавъ медъ поги сандаліи, приносили бы каждый день жертву Юпитеру Канитосійскому, Аполлону и Палладѣ Асией. Теперь, благодаря г. Шаврову, мы успоковаемся и начинаемъ понимать, что фраги и сапоги не подвергаются ни малѣйшей опасности), а единственно съ тою цѣлю, чтобы яенте и полѣе понимали они настоящую, современную жизнь, которая, состоя въ связи, хотя и отдаленной, съ древнею жизнью, во многихъ своихъ чертахъ будетъ и темна, и непонятна для нихъ безъ изученія послѣдней.» (Меня изумляетъ та огромная и солидная самоувѣренность, съ которою г. Шавровъ говорить ле-

проходимѣйшія неслѣпости. Онъ увѣряетъ, что безъ изученія древности современная жизнь во многіхъ своихъ чертахъ будеть темна и непонятна.

Далѣе, по мнѣнію г. Шаврова, воспитанникамъ необходимо изучать то, что находится *въ связи, хотя и отдаленной*, съ современною жизнью; это требованье заставляетъ насъ предполагать, что воспитанники уже знаютъ вдоль и поперекъ современную жизнь. Но развѣ это предположеніе оправдывается фактами? Развѣ воспитанники дѣйствительно знаютъ современную жизнь? Они не знаютъ ни законовъ того государства, въ которомъ они живутъ, ни умственныхъ интересовъ того общества, съ которымъ они связаны кровными узами, ни тенденцій той эпохи, къ которой они принадлежатъ. Куда бы вы ни привели воспитанника гимназіи или даже студента университета — на фабрику, въ присутственное мѣсто, въ деревню, въ редакцію журнала, въ типографію, — вездѣ онъ окажется новичкомъ, вездѣ онъ встрѣтитъ цѣлый рядъ неизвѣстныхъ явленій, къ которымъ онъ долженъ будетъ присматриваться и привыкать. Въ этомъ незнакоміи современной жизни нѣтъ даже рѣшительно ничего непормальнаго. Та наука, которая должна заниматься изученіемъ общественной жизни, до такой степени многосложна, что она до сихъ поръ не могла даже вполне организоваться. Занимать воспитанниковъ изученіемъ этой еще несложившейся и неопредѣлившейся науки, значило бы сбивать ихъ съ толку. Современная жизнь до сихъ поръ можетъ изучаться только посредствомъ житейской практики; что же касается до школы, то она должна давать молодымъ умамъ не теорію современной жизни, а основательное знаніе тѣхъ простѣйшихъ наукъ, которыя уже окончательно сложились и опредѣлились. Въ ряду этихъ наукъ первое мѣсто занимаетъ математика; за нею слѣдуютъ астрономія, физика, химія и, наконецъ, вся семья біологическихъ наукъ, т. е. тѣхъ наукъ, которыя занимаются изученіемъ растительнаго и животнаго организма. Если же нѣтъ надобности изучать въ школѣ современную жизнь, то нѣтъ никакой необходимости изучать то, что находится *въ связи, хотя и отдаленной*, съ современною жизнью.

И вотъ все, что г. Шавровъ умѣетъ сказать въ пользу изученія мертвыхъ языковъ. Я рѣшительно не знаю, какихъ несчастныхъ читателей онъ думаетъ убѣдить такими игрушечными аргументами.

Въ одномъ изъ мартовскихъ номеровъ «Сѣверной Почты» помѣщенъ отрывокъ: «изъ записки статъ-секретаря Танъева, о мнѣнiяхъ, высказанныхъ иностранными педагогами, разсматривавшими проектъ устройства нашихъ учебныхъ заведенiй». — Иностранные педагоги склоняются рѣшительно въ пользу классицизма; надо полагать, что они, въ этомъ случаѣ, руководствуются какими нибудь очень основательными соображенiями; но, къ сожалѣнiю, нѣкъ мнѣнiя изложены въ запискѣ г. Танъева такъ коротко, что причины ихъ малопонятны къ классическимъ языкамъ остаются необъясненными.

«Не вдаваясь во все подробности обширныхъ соображенiй, изложенныхъ по сему предмету, говоритъ г. Танъевъ, аграничуя одними главными доводами, приведенными иностранными рецензентами въ защиту изложенныхъ ими мнѣнiй. Въ числѣ таковыхъ доводовъ и доказательствъ они ссылаются на Англю, Германiю, Францiю, Бельгiю и Сѣверо-Американскiе Штаты, гдѣ реальному образованiю уназано мѣсто второстепенное, тогда какъ образованiе классическое или гуманное, состоящее въ изученiи древнихъ языковъ, помѣщено на переднемъ планѣ и признано, во всехъ сихъ государствахъ, главнымъ двигателемъ просвѣщенiя».

До сихъ поръ мы видимъ не доказательства, а только ссылку на существующiй фактъ. Иностранные педагоги стараются, однако, объяснить и оправдать существованiе этого факта. «Между прочимъ, они говорятъ, что распространенiе знанiя древнихъ языковъ имѣло постояннымъ послѣдствiемъ возвышенiе уровня просвѣщенiя и возрожденiе литературы и искусства».

Было бы очень недурно, если бы гг. рецензенты объяснили подробно, что они называютъ *возвышенiемъ уровня просвѣщенiя*. Въ какихъ именно явленiяхъ жизни выражалось это *возвышенiе уровня*? Если бы рецензенты отвѣтили обстоятельно на этотъ вопросъ, то мы узнали бы тогда, составляетъ ли это *возвышенiе уровня* действительное благо, или же оно оказывается оптическимъ обманомъ. Если, на примѣръ, господа рецензенты видятъ *возвышенiе уровня* въ томъ явленiи, что лучшия умственныя силы страны обращаются отъ различныхъ скромныхъ отраслей производительнаго труда къ блестящимъ занятiямъ поэзiею, живописью и скульптурою, то, можетъ

быть, позволительно будетъ усомниться въ томъ, чтобы такое *возвышеніе уровня* было действительно полезно и желательно для общества. Такъ какъ господа рецензенты рядомъ съ *возвышеніемъ уровня* ставятъ *ослабленіе литературы и искусствъ*, то трудно не думать, что они понимаютъ *возвышеніе уровня* именно въ томъ смыслѣ, который я указалъ въ предыдущихъ строкахъ.

«Вліяніе это объясняется, по ихъ мнѣнію, указанными выше преимуществами языковъ латинскаго и греческаго и, кромѣ того, непрерывнымъ воздѣйствіемъ на духовную жизнь наибольшаго общества духа отъ учрежденій древняго міра, которые, безъ основательнаго знанія языковъ классическихъ, служащихъ живыми проводниками къ тайнамъ древне-мировому, но знаменательнаго времени, не могутъ быть ни оцѣнены, ни поняты и остаются нѣмыми, бездушными напечатлѣнными таковой-то отдаленной старины».

Указанныя выше преимущества классическихъ языковъ нуждаются, какъ мы видѣли выше, въ подробныхъ разъясненіяхъ и доказательствахъ. Безъ этихъ разъясненій и доказательствъ нѣтъ никакой возможности понять, въ чемъ состоятъ эти преимущества. Что же касается до *непрерывнаго воздѣйствія духа отъ учрежденій древняго міра*, то желательно было бы узнать, какия именно сферы этого духа и этихъ учрежденій могутъ, по мнѣнію: рецензентовъ, обнаружить благотворное и плодотворное вліяніе на просвѣщеніе и на общественную жизнь современныхъ европейскихъ. Наука находилась тогда въ младенствѣ; социальное устройство было нѣже: всякой критики; промышленность была ничтожна; религію было грубое идолопоклонство; даже въ отрасли искусства, за исключеніемъ скульптуры, стояли на довольно низкой степени развитія. Спрашивается, слѣдовательно, чему же именно мы должны учиться у древнихъ и въ какія *тайны давно-мировому времени* классическія языки должны служить намъ *живыми проводниками*? Въ какомъ отношеніи это *давно-мировое время* считается особеннаго *важнѣйшимъ*?

Желатѣльнѣе пространные педагоги обращаются къ практическимъ ежедневнымъ и, слѣдовательно, вполне неоспоримымъ, по ихъ мнѣнію, результатамъ классическаго образованія. Эти результаты, какъ мы увидимъ, являются таковыми, потому что эти результаты оказываются очевидными и неоспоримыми именно *только по ихъ мнѣнію*, которое

въ данномъ случаѣ, никакъ не можетъ быть признано безусловно-вѣрнымъ и неопровержимымъ.

Они указываютъ на общественныхъ дѣятелей: иностранныхъ государствъ, и прежде всего на англичанъ, которые достигли высшей степени образованія и приобрѣли знаменитость въ государственной жизни, будучи къ тому подготовлены путемъ изученія древнихъ языковъ.

Господа иностранные педагоги дѣлаютъ въ сущности умозаключеніи ту извѣстную ошибку, которая называется *post hoc, ergo propter hoc*. Англичаня изучаетъ въ школѣ древніе языки, потому этотъ же самый англичанинъ *приобрѣтаетъ знаменитость въ государственной жизни*. Подмѣтивъ совершенно вѣрно эти два факта, слѣдующіе одинъ за другимъ, господа педагоги умозаключаютъ совершенно произвольно, что эти два факта находятся между собою въ необходимой причинной связи. Этотъ англичанинъ, размышляютъ они, приобрѣлъ знаменитость въ государственной жизни *потому*, что онъ изучалъ въ школѣ древніе языки. Это *потому* рѣшительно нѣтъ не оправдывается. Изъ того факта, что англичанинъ, изучавшій въ школѣ древніе языки, приобрѣлъ знаменитость въ государственной жизни, можно вывести только то умозаключеніе, что изученіе древнихъ языковъ не составляетъ непреодолимаго препятствія въ дѣлѣ приобретенія знаменитости въ государственной жизни. Если же иностранные педагоги, упоминая объ англичанѣхъ, хотятъ сослаться не на отдѣльныя личности, а на цѣлый народъ, котораго члены посредствомъ сословія дѣйствительно получаютъ строго-классическое образованіе, то и тогда имъ можно доказать, что ихъ умозаключеніе несостоятельно. Господа педагоги рассуждаютъ такъ: Англія процвѣтаетъ; въ Англіи господствуетъ классическое образованіе; слѣдовательно, классическое образованіе содѣйствуетъ ея процвѣтанію. Подражая логическимъ приемамъ господъ педагоговъ, я строю слѣдующій силлогизмъ: Англія процвѣтаетъ; въ Англіи всѣ тяжбы дѣла продолжаются обыкновенно чрезвычайно долго и всегда сопряжены съ громадными издержками; слѣдовательно, такое устройство гражданскихъ судовъ, которое содѣйствуетъ продолжительности и дороговизнѣ тяжбныхъ дѣлъ, возвышаетъ благосостояніе страны. Если анализъ сравнительнаго достоинства различныхъ образовательныхъ наукъ былъ преведенъ тѣми самыми господами педагогами, которые считаютъ процвѣтаніе Англіи очевиднымъ и неоспоримымъ ре-

зудиминаль классическаго образованія, то я осмѣиваюсь думать, что звать анализъ вредъ ли можетъ похвалиться логикой защитниковъ классическаго образованія.

Дѣтъмъ господа педагога разсматриваютъ тѣ «вредныя послѣдствія, которыя влетѣтъ за собою вредно реальное образованіе».

«По итъ видѣнію, курсъ реальныхъ училищъ, въ его прикомъ, настроянцѣ смьслѣ, ниѣтъ предѣтомъ не окончательное, ученое изученіе реальныхъ предѣтовъ, а лишь энциклопедическое пригото- вленіе къ невѣтныиъ техническииъ отраслямъ. Такой энциклопе- дизиѣ тѣ изученіи предѣтовъ весьма обширныхъ и весьма сложныхъ ведутъ къ большой или меньшей поверхностности и знаніи, и сужде- ніи; а эта поверхностность въ дѣлѣ естествоиспытанія, составляющаго настоящій ценръ тяжести всего реального курса; ниѣтъ, по уда- ствованію рецезиентовъ, обыкновенныиъ послѣдствіемъ умноженію ума отъ истыиъ, безнравственностъ въ семейномъ и общественномъ быту и, наконецъ, скептицизмъ въ дѣлахъ вѣры или даже полное безвѣріе.»

«Я никакъ не могу себѣ объяснить, какимъ образомъ изученіе латин- скаго и греческаго языка можетъ спасти юношество отъ скептицизма и отъ безвѣрія. Исторія всехъ европейскихъ литературъ говоритъ намъ, что очень многіе скептики и атеисты знали превосходно древніе языки и древнія литературы, и что эти знанія нисколько не помѣшали имъ быть скептиками и атеистами. Ученые и поэты XV и XVI вѣковъ были страстно влюблены въ классическую древностъ; эта любовь была особенно сильна въ тогдашней Италіи; а между тѣмъ, именно тогдашняя Италія была и разсадникомъ скептицизма, и даже полнаго безвѣрія. Опираясь на всѣ эти соображенія, я полагаю, что господа иждѣтанные педагога напрасно приводятъ гимназическій реализмъ въ причинную связь съ духомъ скептицизма и даже полна- го безвѣрія. Гимназическій реализмъ самъ по себѣ, а скептицизмъ и даже полное безвѣріе тоже сами по себѣ. Между этими явленіями нѣтъ никакой взаимной зависимости. — Другое возраженіе господъ пе- даогоговъ противъ реальныхъ гимназій я считаю совершенно основа- тельнымъ. Поверхностный энциклопедизмъ дѣйствительно очень не- хорошъ, не потому что онъ ведетъ за собою, будто бы, «безнрав- ственностъ въ семейномъ и общественномъ быту», а потому, что онъ засоряетъ молодые умы грудями отрывочныхъ и, слѣдователь- во, бессмысленныхъ и неудобоваримыхъ знаній. Но эти неудобства

поверхностного энциклопедизма говорить только против данной программы реальных гимназий, а не против реализма вообще. Чтобы избавиться от этого поверхностного энциклопедизма, ильть никакой необходимости хвататься за классическую древность, как за единственный якорь спасения. Надо только составить новую реальную программу, въ которой преподаваніе было бы сосредоточено на математикѣ, на физикѣ, на космографіи и на химіи. «Если, говорить «Сѣверная почта», общество признаетъ реальныхъ учащихся полезными, то, безъ сомнѣнія, устроить ихъ собственномъ инициативомъ, собственными средствами.» Это мнѣніе «Сѣвѣрной почты» совершенно основательно. Если общество дѣйствительно дорожитъ реальнымъ образованіемъ, то оно не должно ожидать, чтобы это образованіе свалилось къ нему, какъ снѣгъ на голову, въ готовомъ видѣ. Пусть само общество выработаетъ себѣ тѣ формы реального образованія, которыя соответствуютъ его потребностямъ. Если оно сдѣлаетъ это, тогда, значить, оно дѣйствительно сознаетъ необходимость послѣдовательнаго реализма. Если же у него не хватитъ смѣлости и энергіи на то, чтобы рѣшить эту задачу собственными силами, тогда нечего и жалѣть о томъ, что эта задача не рѣшена новымъ гимназическимъ уставомъ. О реальномъ образованіи и о той формѣ, которую оно должно принять въ нашемъ обществѣ, я не говорю впоследствии. Что же касается до классическаго образованія, то весь предшествующій анализъ приводитъ меня къ тому заключенію, что до сихъ поръ во всей нашей періодической литературѣ не было высказано ни одного убѣдительнаго аргумента въ пользу изученія мертвыхъ языковъ. Посмотримъ, что дастъ намъ въ этомъ отношеніи будущее.

Д. Шенаревъ.

ЖЕНСКОЕ БЕЗДЪЛЬЕ.

(Посвящается прекрасному полу.)

I.

Англійскій экономистъ Мальтусъ былъ весьма послѣдовательный господинъ, съ очень аристократическими тенденціями. Онъ разсуждалъ такъ: если въ мой карманъ свалились случайно или, пожалуй, по наслѣдству нѣсколько тысячъ фунтовъ стерлинговъ, то на пиру природы я почетный гость, получающій въ изобиліи лучшія кушанья и нѣсколько необязанный заботиться о своемъ сосѣдѣ. А если у моего сосѣда въ кошелькѣ всего нѣсколько полушекъ, то ему не только неприлично быть на пиру, но благоразумнѣе всего переселиться въ горный мѣръ, потому что на землѣ онъ лишній человекъ.

Когда такой суровый приговоръ былъ доложенъ бѣдному сосѣду, то онъ, съ той же послѣдовательностью, замѣтилъ, что если господинъ Мальтусъ не считаетъ себя лишнимъ, имѣя въ карманѣ нѣсколько тысячъ фунтовъ стерлинговъ, то онъ, бѣдный сосѣдъ, не считаетъ себя тоже лишнимъ, ибо желаетъ приобрести такое же количество фунтовъ стерлинговъ, чтобы занять на пиру не менѣе почетное мѣсто.

Разсужденіе свое бѣдный сосѣд основывалъ на томъ, что у отца и дѣда господина Мальтуса было, вѣроятно, тоже не слишкомъ много полушекъ, а у перваго человека было ихъ и еще того мѣста. И если все то, чѣмъ владѣетъ господинъ Мальтусъ, и всѣ другіе богатые потомки Адама, явилось у нихъ, то явилось только потому, что они сами или, лучше, кто нибудь за нихъ умѣли безплодные вещи превратить въ полезныя.

Природа не создала ничего въ томъ готовомъ видѣ, въ какомъ нужны вещи человѣку, и не существуетъ на свѣтѣ животныхъ и растений, которыя бы изображали собою печеный хлѣбъ, сдобныя булки, платье, сапоги и проч. Рожь и пшеницу выдумалъ, правда, не человѣкъ, но онъ придумалъ превращать ихъ въ муку, а муку въ хлѣбъ и пироги. Быка и корову выдумалъ тоже не человѣкъ; но быкъ, пока онъ пасется на лугу, еще не говядина, не бѣшкетъ и не сапоги. Благородный баранъ тоже не сукно, не пальто и не тулупъ. Рябчикъ, летающій въ лѣсу, еще не жареный рябчикъ, и стерлядь, плавающая въ Волгѣ, не стерляжья уха.

Такимъ образомъ, паръ, уготованный природою человѣку, совсѣмъ не такъ блистателенъ, какъ увѣряетъ Мальтусъ, и въ распоряженіи человѣка находятся только разнообразное сырье и силы природы, которыми человѣкъ пользуется, чтобы быка превратить въ сапоги, ленъ въ бѣлье, барана въ пальто и т. д. Пока вѣтеръ гуляетъ въ полѣ или въ степи, онъ больше ничего, какъ праздная и бесполезная для человѣка сила; такая же праздная сила онъ и въ морѣ. Но когда человѣкъ придумалъ вѣтреную мельницу и парусъ, то прежній бесполезный вѣтеръ сталъ оказывать весьма полезныя услуги: мука стала доставаться легче, чѣмъ при верченіи жернововъ руками, и стали возможны такія морскія плаванія, какихъ на веслахъ дѣлать не приходилось. Вся наша экономическая дѣятельность есть ничто иное, какъ подобное приложеніе силъ природы, при чемъ человѣкъ хлопотеть исключительно о томъ, чтобы превратить быка въ мясо, а кожу его въ сапоги; сѣмена хлопчатника въ пряжу, а пряжу въ разныя матеріи; чтобы заставить воду превратиться въ паръ, а паръ приводить въ движеніе паровую машину. Во всемъ этомъ человѣкъ не создаетъ ни одного атома новаго вещества, ни одной новой силы. Онъ беретъ уже существующее, ставитъ его въ новыя отношенія и затѣмъ работаютъ уже силы природы и создаютъ то, что нужно человѣку. Такимъ образомъ, дѣятельность человѣка ограничивается исключительно передвиженіемъ вещества: въ этомъ и заключается вся сущность его экономическаго труда. Что дѣлаетъ земледѣлецъ, обрабатывающій пашню и сѣющій хлѣбъ? Онъ сначала плугомъ, сохой или чѣмъ другимъ, хотя бы лопатой, передвигаетъ частицы почвы и, приведя ихъ въ новыя отношенія къ солнечной теплотѣ, влажностѣ и воздуху, даетъ имъ возможность вступить въ новыя комбинаціи, чѣмъ въ какихъ они находились прежде. Онъ беретъ

со скотнаго двора навозъ и раскидываетъ его по пашнѣ. Очевидно, что весь трудъ только въ томъ, чтобы вывести вещество изъ прежняго положенія и поставить его въ новое. Какъ только этотъ трудъ человѣка оконченъ, вещество само собой производитъ уже тѣ результаты, какіе нужны человѣку. Посѣивъ хлѣбъ, земледѣлецъ точно также только передвигаетъ вещество, т. е. переноситъ зарю изъ однихъ условий, гдѣ оно лежало пассивно, въ другія, гдѣ оно должно развиться. Когда онъ жнетъ, молотитъ, ведеетъ, онъ поступаетъ точно также. Это во всемъ дѣйствуетъ само вещество, свойствами своей матеріи, а человѣкъ только рѣжетъ, колотитъ, рубитъ, третъ, т. е. въ сущности, передвигаетъ вещество тѣми или другими способами, удобнымъ для себя самымъ выгоднымъ. — Мои читательницы, для которыхъ и собственно я пишу настоящую статью, въ которой хочу говорить о женскомъ трудѣ, но, вѣстѣ съ тѣмъ, нисколько не удивляясь, что ее прочтутъ тѣ, кому она посвящается, и поэтому предлагаю, что у меня будутъ только идеальныя читательницы; — и такъ, мои идеальныя читательницы дѣлаютъ мнѣ такое идеальное возраженіе: какія же дѣйствуютъ силы природы, когда мы важемъ чулки, шьемъ по канвѣ или производимъ шерстяные шарики и шпички для украшенія лампъ? — Совершенно тѣ же, какъ и у земледѣльца, сѣющаго хлѣбъ. Прежде, чѣмъ бумага, изъ которой вы важете чулки, поступила въ ваше распоряженіе изъ лавки, гдѣ вы ее купили, она перешла очень много операций, совершенно подобныхъ тѣмъ, какими иппичное зерно превратилось въ колосыя пшеницы и, наконецъ, въ вѣнскій пирогъ. Вашъ прелестный чулокъ, по отношенію къ хлопчатниву, есть такой же удивительный результатъ человѣческаго остроумія и изобрѣтательности, какъ вѣнскій пирогъ, по отношенію къ пшеничному зерну. Хлопчатникъ явился потому, что зерно его было положено въ землю. Затѣмъ человѣкъ сѣлъ, сложилъ руки, въ тѣни померанцеваго дерева и только ждалъ, когда силы природы превратятъ зерно въ кустъ и на немъ явится пушистая сѣмена. Послѣ этого человѣкъ выдѣлъ изъ подъ своего померанцеваго дерева и собралъ сѣмена, т. е. съ куста переложилъ ихъ въ корзину, а корзину съ духомъ унесъ домой. Дома онъ принялся опять перемѣщать вещество, т. е. помѣщать пушинки въ много порядкѣ, чѣмъ онъ находились въ сѣменѣ; началъ ихъ чесать, сучить и получалъ нитки, а изъ нитей выткали, наконецъ, разные брильянтинны, ваниласы, донбрины и т. д.

Чтобы все это могло явиться на свѣтъ божій, нужно было, чтобы само вещество, которое чесалъ и сучилъ человѣкъ, имѣло свойства, необходимыя для превращенія его въ кембрижъ или въ чулокъ. Изъ воды и песку нельзя свить нитки, нельзя сдѣлать ни рукавички, ни воротничковъ. А потому трудъ человѣка заключался въ томъ, что онъ суживалъ сообразить, какого рода полезную вещь онъ можетъ одѣвать для себя, если тонкіе, но короткіе нити хлопчатниды онъ соединитъ въ одну болѣе или менѣе толстую и очень длинную нитку. Такъ какъ это была самая трудная головная работа, — потому что приготовленіе кембрижа, бархата и даже бросселедскихъ кружевъ было гораздо проще, чѣмъ приготовленіе изъ хлопчатниды первой длинной нитки, — то я, съ собственнымъ русскому человеку патриотизмомъ, предполагаю, что первую длинную нитку сдѣлала первая славянка. Такое предположеніе я допускаю, между прочимъ, потому, что процессъ вязанья чулокъ, которымъ занимаются многія весьма добродѣтельныя женщины и съ скромностью, неразлучной съ всякой добродѣтелью, предполагающія при этомъ, что онѣ заняты головнымъ трудомъ, — въ сущности, процессъ очень простой и нисколько не годовой. Дѣло заключается въ томъ, что нити наматываются на клубокъ, закручиваются такимъ образомъ, что изъ нихъ выходитъ мѣшокъ или чехолъ для ноги. Сущность, значить, въ такомъ перемѣщеніи нитокъ, чтобы изъ шара, изображаемаго клубкомъ, получалась вещь новой формы. При вышиваньи по канвѣ совершается подобный же процессъ, т. е. женщина шевелитъ только руками сверху внизъ и снизу вверхъ. Она только перемѣщаетъ вещество, и если новый предметъ выходитъ полезнымъ для человѣка, такъ только потому, что въ свойствахъ первоначальнаго матеріала заключались все условія его полезности; а эти свойства — какъ, напримѣръ, въ чулочной дѣлѣ мягкость, прочность, извѣстная степень упругости, — зависятъ вовсе не отъ человѣка и созданы не имъ, какъ же имъ выдуманъ хлопчатникъ и пшеничное зерно.

Такимъ образомъ, человѣкъ, явившійся на свѣтъ божій годнымъ и нищимъ, нашелъ сѣмена разныхъ хлѣбовъ, нашелъ хлопчатникъ, нашелъ быка, корову, барана, но не нашелъ ни булочки, ни вѣшковыхъ пироговъ, ни башмаковъ и лакейскихъ перчатокъ, ни бурнусовъ и трикоиновъ, ни даже копейки денегъ. Все это явилось къ нему очень и очень постепенно, послѣ нѣсколькихъ десятковъ тысячелѣтій равныхъ размышленій, соображеній, попытокъ, опы-

товъ, пробъ и испытаній всякаго рода: Первый сапогъ и первый чулокъ, какъ бы ни были они невзвѣсны, по сравненію съ ботинками и чулками парижанокъ, все-таки были плодомъ изобрѣтенія, точно также; какъ первый мортной былъ чрезвычайно умнымъ изобрѣтеніемъ. Изъ этого, конечно, не слѣдуетъ, что всѣ тѣ, кто вѣшаютъ чулки нынѣ, производятъ гениальныя изобрѣтенія или что всѣ теперешніе портные очень умные люди. Но это, въ сущности, совсѣмъ и неважно, а важно то, чтобы производилось: какъ можно больше полезныхъ предметовъ и чтобы каждый непремѣнно работалъ. Какъ только явится такая общая полезная дѣятельность, то всѣ люди, остроумно замѣчавшіе нѣкогда все нынѣшнее одѣжаніе однимъ винограднымъ листкомъ, одѣнутся въ прочное, теплое и здоровое платье, лучше чѣмъ то, какое носить нынѣе большинство человѣчества; заведутъ хорошую обувь, удобные, свѣтлые и теплые дома, съ хорошей мебелью; за обѣдомъ будутъ имѣть всегда мясо и вино, при случаѣ даже жареныхъ рябчиковъ, стерляжку уху и вѣнскіе пироги, и тогда бѣдный сосѣдъ Мальтуса, которому этотъ аристократъ-экономистъ совѣтовалъ переселиться въ горній мѣръ, придетъ къ нему и скажетъ ему такое слово: «Господинъ Мальтусъ, на землѣ нѣтъ лишняго народа, если они дѣлаютъ дѣло. Рябчикъ, летающій въ лѣсу, одинаково принадлежитъ и вамъ, и мнѣ; стерлядь, плавающая въ рѣкѣ, тоже. Если вы купите рябчика на рынкѣ, потому что папенька оставилъ вамъ въ наслѣдство деньги, а я достану его, потому что схожу въ лѣсъ самъ и убью, — мой мѣръ будетъ великолѣпнѣе вашего, потому что я создамъ его самъ, своимъ трудомъ, тогда какъ ваше угощеніе будетъ создано трудомъ другихъ людей, наполнившихъ ваши карманы деньгами. Поэтому лишнимъ на пиру природы будетъ не тотъ, кто своими руками умѣетъ превратить рябчика въ жаркое и быка въ бифштексъ и сапоги, а тотъ, кто не умѣетъ дѣлать изъ своихъ рукъ другое употребленіе, кромѣ какъ держать ихъ, сложа кренделемъ, на груди. Всякій, кто трудится, — человѣкъ нужный и полезный; всякій, кто ничего не дѣлаетъ, — человѣкъ лишній. Но я не посоветую ему переселиться въ горній мѣръ, а скажу только: и человѣкъ, не будучи лишнимъ, — трудись!» Господинъ Мальтусъ, соображая съичъ своего сосѣда и найдя, что сосѣдъ говоритъ умно, жметъ ему руку и отвѣчаетъ: «господинъ сосѣдъ, будете сидѣть на пиру природы рядомъ со мной: очень умный человѣкъ и мнѣ пріятно было узнать, что

я сильно ошибался и что изъ двухъ насъ — лишній я, потому что я ничего не дѣлаю, а не вы, производящій полезные для людей предметы.»

Впрочемъ, господинъ Мальтусъ, изъ желанія сказать пріятное слово своему сосѣду, сказалъ про себя неправду. Мальтусъ былъ дѣйствительно человекъ со средствами; но этого, однако, еще недостаточно, чтобы быть лишнимъ. Правда, Мальтусъ, высказавъ свою теорію лишнѣхъ людей, надолго спуталъ понятія разныхъ мыслителей средней руки, а его послѣдователи, какъ бываетъ со всѣми послѣдователями, кинулись въ разныя безумныя крайности и стали предлагать отцамъ и матерямъ, чтобы они прониклись благороднымъ воздержаніемъ; правительствамъ, чтобы тѣ мѣшали бракамъ и, наконецъ, вообще всѣмъ людямъ, въ видѣ общей теоретической мѣры, чтобы они не особенно церемонились съ дѣтьми и препровождали бы ихъ безъ смущеній. При первомъ удобномъ случаѣ, туда, куда Мальтусъ совѣтовалъ отправиться своему сосѣду. Въ той степени, въ какой Мальтусъ своей ошибкой принесъ людямъ вредъ, онъ былъ человекъ совершенно лишній; но за то онъ былъ и человекъ необходимый, на сколько онъ принесъ пользу; а польза, принесенная имъ науцѣ; больше его вредныхъ заблужденій. Изъ всего этого очевидно, что отзывъ Мальтуса о себѣ былъ единимъ скромнѣмъ и имя его сохранится навсегда въ памяти цивилизованнаго человечества. Но изъ этого очевидно, что каждый человекъ на столько лишній въ экономическомъ отношеніи, на сколько онъ полезенъ для матеріальнаго благосостоянія общества; и обратно: на столько онъ лишній, на сколько онъ бесполезенъ. Каждый человекъ поэтому можетъ быть лишнимъ и великимъ и въ одинъ и тотъ же день приносить пользу и идти своему обществу въ убытокъ. Вы занимаетесь, положимъ, литературнымъ трудомъ и до 8 часовъ вечера работаете. Въ ваше рабочее время приходитъ къ вамъ ваша праздная пріятельница и видитъ, что вы очень медленно обтираете перо, еще медленнѣе кладете его на мѣсто и, понимая, что она явилась къ вамъ не со всѣмъ-то во время, обращается къ вамъ весьма развязно съ вопросомъ: «Вы занимаетесь? Я, кажется, вамъ помѣшала?» — Итъ, ничего, отвѣчаете вы довольно сухо, предполагая, что человекъ пришелъ къ вамъ за дѣломъ. Но оказывается, что человекъ пришелъ къ вамъ контать только небо, потому что, подымивъ два чаба папирсами и наболтавъ всякаго, никому ненужнаго вѣдору, при-

тольница ваша спялась съ явора и монеслась, ванъ легкая ладья, чтобы иѣшать всѣмъ тѣмъ, у кого недостаетъ духу сказать ей: «ну, что вы носитесь изъ дома въ домъ безъ всякаго толку; хотъ вязали бы чулки или мыли полы, если не умѣете дѣлать ничего болѣе полезнаго». Это примѣръ не идеальный или теоретическій, и приведенъ онъ въ доказательство того, какъ иногда праздные люди могутъ сдѣлать лишнимъ даже полезнаго человѣка. За что отняли у человѣка два часа его рабочаго времени? Если праздной дѣвницѣ нужно было курить, кто же иѣшалъ ей заняться этимъ дѣломъ на улицѣ или у себя дома? Если ей нужно было поболтать, кто иѣшалъ ей илтъ къ такой же легкой и праздной ладвѣ, какъ она сама, и произвести съ нею болтовню сугубую, что было бы даже и пріятнѣе для сосѣдей? У народовъ, привыкшихъ къ труду, есть время, назначенное для дѣла, когда люди не занимаются пустяками и куренье папирозъ не считаютъ работою. Парижанка работаетъ, на примѣръ, до восьми часовъ и, только кончивъ дѣло, отправляется на бульвары или въ Елизейскія поля. Ни одинъ порядочный человѣкъ—американецъ, англичанинъ, французъ, нѣмецъ,—не пойдетъ къ своему знакомому въ его рабочую пору, чтобы разсказать, что у какой нибудь Анны Васильевны родился сынъ, точно и не вѣсть какое благополучіе снизошло на землю. Вы говорите, положимъ, человѣку, что вы заняты до восьми часовъ вечера, а вамъ отвѣчаютъ на это недовѣрчивой улыбкой, точно вы разсказываете, что можете носить на плечахъ египетскія пирамиды. А между тѣмъ, тотъ же самый человѣкъ каждый вечеръ сидитъ за картами отъ 7 часовъ до 2, а иногда проводитъ за ними и ровно цѣлыя сутки и нисколько не считаетъ такое дѣло египетскими пирамидами. Значить, очевидно, что египетскими пирамидами считается только полезный трудъ и возможнымъ только такое проведеніе времени, когда человѣкъ дѣлается совершенно лишнимъ на землѣ.

Огромная масса людей или, точнѣе, мужчинъ, подѣлавъ утромъ то, что только при очень наивномъ взглядѣ на жизнь и при большомъ простодушіи можно считать полезнымъ трудомъ,—вечеръ посвящаютъ картамъ. Допускаю, что утро ушло на дѣйствительное дѣло. Ну, а вечеръ? Вечеромъ люди были положительно лишними, и миллионы соевистовъ, если бы они думали миллионы лѣтъ, не нашли бы никакихъ доказательствъ экономическоіи полезности такого занятія. Пусть сегоднѣшній вечеръ играетъ повсюду сто тысячъ человѣкъ въ карты

и у всѣхъ игровъ сто тысячъ рублей денегъ. Въ два часа ночи всѣ играющіе расходятся по домамъ. Что же происходитъ при этомъ? Только повторяется въ обратномъ порядкѣ тотъ же процессъ, который происходилъ, когда игроки собирались. Прежде сто тысячъ человѣкъ, имѣя сто тысячъ рублей, шли направо, теперь же тѣ же сто тысячъ человѣкъ, имѣя тѣ же сто тысячъ рублей, пошли налѣво. Отъ этого хожденія направо и налѣво на землѣ не прибавилось ни одного фунта печенаго хлѣба, не явилось ни одной пары новыхъ сапоговъ,—напротивъ, еще сто тысячъ паръ сапоговъ потерялись отъ ходьбы на столько, что въ цѣломъ утрата можетъ считаться не меньше тысячи паръ; то же самое и съ платемъ—ни одной лишней полушки денегъ. Произошло только перемѣщеніе денегъ по карманамъ и больше ничего. Конечно, есть люди, которые изъ этого облагороженнаго посвятельства на чужой карманъ дѣлаютъ промыселъ; но такихъ впрочемъ немного. Значительное большинство играетъ потому, что оно даже и не подозрѣваетъ, что оно дѣлаетъ себя добровольно лишнимъ, что у него нѣтъ полезнаго дѣла, и, сводя въ концѣ года свои карточные расходы и доходы, находятъ балансъ равный нулю. Значитъ, человѣкъ, сидя каждый день по четыре часа за картами, а въ теченіе года 1460 часовъ или ровно 61 сутки, не приобрѣлъ за это продолжительное сидѣніе ровно ничего. Ну, не лучше ли было бы играть въ чехерду? по крайней мѣрѣ, выиграло бы здоровье.

А развѣ дѣвцы и дамы не стараются изъ всѣхъ силъ быть какъ можно болѣе лишними? Положимъ, что многія весьма уважаемыя дамы занимаются безъ устали производеніемъ и кормленіемъ себѣ подобныихъ и приносятъ тѣмъ человѣчеству несомнѣнныя услуги,—предполагая, конечно, что онѣ не создаютъ лишнихъ людей. Но ужъ будто бы у женщины и не можетъ быть другихъ дѣлъ? Деревенскія бабы производятъ и выкармливаютъ очень экономически-полезныхъ гражданъ, но, кромѣ того, онѣ еще пекутъ хлѣбъ, доятъ коровъ, жнутъ. Горничныя и кухарки точно также производятъ и выкармливаютъ хорошихъ людей, но въ то же время занимаются приведеніемъ въ чистоту комнатъ, приготовленіемъ обѣда, чисткой самоваровъ и кострюль.—Прочтавъ это, моя многоуважаемая читательница, не сочтите меня такимъ нерассудительнымъ человѣкомъ, чтобы я сталъ предлагать вамъ чистить самовары, доить коровъ и жать. Я точно также не стану предлагать вамъ давать концерты на контрабасѣ

или заниматься вычисленіемъ орбиты Нептуна. Всѣ эти дѣла не для васъ, потому что не для нихъ васъ и приготовляли. Я говорю только о томъ, что произведеніе и выкармливаніе себѣ подобныхъ, при всей физиологической почетности подобнаго занятія, не составляетъ прямого экономическаго труда, но только можетъ способствовать ему,— да и то при извѣстныхъ условіяхъ. А условія эти вотъ какія. Если мать, произведя ребенка, дастъ ему такое воспитаніе, что онъ выйдетъ экономическимъ производителемъ, то ея трудъ будетъ на столько же полезенъ, на сколько разовьется умъ и мускульная сила ея сына или дочери. И наоборотъ, если сынъ приготовится только къ тому, чтобы быть карточнымъ или биржевымъ игрокомъ, а дочка—исключительно для прогулокъ по бульварамъ и для произведенія эффеатовъ на пикникахъ и на балахъ, то и весь трудъ родителей будетъ лишнимъ, да и дѣти ихъ будутъ совсѣмъ лишними на пиру природы. Можетъ, разумеется, случиться такъ, что тотъ или другой результатъ не будетъ нисколько зависѣть отъ усилій родителей. Мать Колумба, отирывшаго Америку, произвела чрезвычайно полезный экономическій трудъ, хотя она лично не способствовала, своимъ влияніемъ и воспитаніемъ, развитію тѣхъ способностей, какія создали изъ Колумба гениальнаго мореплавателя. Но вѣдь точно также и трудомъ тѣхъ же девяти мѣсяцевъ они могли бы произвести какое нибудь никуда негодное чудище, въ родѣ московскаго Ивана Яковлевича Кореянина. Поэтому мать, производящая способнаго ребенка, изъ котораго выходитъ полезный экономическій дѣятель, производитъ экономически-полезный трудъ; но если она создастъ только небо-впитателя, а еще хуже—какого-нибудь злодѣя, то весь ея трудъ будетъ потраченъ совершенно даромъ.—Для матерей, производящихъ чудища, мое разсужденіе можетъ показаться неправильнымъ; но смѣю васъ увѣрить, милостивыя государыни, что, съ точки зрѣнія экономической науки, я разсуждаю такъ же послѣдовательно и логически, какъ сталъ бы разсуждать самый послѣдовательный нѣмецкій философъ. Впрочемъ есть разница: нѣмецкій философъ не пожелаеъ бы вамъ ничего, а я желаю вамъ производить Колумбовъ, Галилеевъ, Уаттовъ, Линкольновъ и вообще всякихъ хорошихъ и полезныхъ людей. Что же касается до дѣвицъ, то онѣ лучше моего знаютъ, сколько выигрываетъ человѣчество оттого, что онѣ встаютъ въ 12 часовъ, одѣваются до двухъ, затѣмъ часъ гуляютъ для цвѣта лица, въ 3 часа обѣдаютъ, до 5 сидятъ на ди-

ванъ, чтобы совершилось лучше пищевареніе, затѣмъ до 7 со-
ображаютъ, какъ бы пріятнѣе провести вечеръ, или мечтаютъ о томъ,
что какъ бы это было хорошо, если бы, вмѣсто противныхъ, гряз-
ныхъ улицъ, были бы все померанцевыя рощи и розовыя сады, и
чтобы пѣли въ рощахъ и садахъ соловьи и канарейки, и какъ бы
было пріятно всю жизнь свою гулять въ такомъ очаровательномъ
саду подъ руку съ очаровательнымъ юношей, и какъ бы пріятно
трепетало при этомъ сердце и было весело. Послѣ этихъ соо-
браженій, если не явился ни одинъ юноша и прогулки въ померан-
цовой рощѣ не предвидятся,—пьется чай; затѣмъ дѣлаются сборы на
вечеръ или въ гости; въ часъ ночи пріѣзжается домой и дѣвица раз-
витая, слѣдующая за литературой, читаетъ часъ въ постели повѣсть
въ какомъ нибудь журналѣ—самъ журналъ при этомъ ровно ничего
не значитъ, лишь бы повѣсть удовлетворяла потребностямъ трепещу-
щего сердца, — а дѣвица нелитературнаго воспитанія пощелкаетъ
въ постели съ полчаса, и затѣмъ та и другая погружаются до 12
часовъ въ сладкій сонъ. Такимъ образомъ въ результатъ цѣлаго
дня получаютъ: идеальный юноша, идеальная померанцевая роща,
идеальная канарейка и ни одного реальнаго полезнаго предмета, ни
одной реальной здоровой мысли. Впрочемъ, экономическая наука,
дѣлающая любви такой суровый приговоръ, совсѣмъ не такая чело-
вѣконенавистница, чтобы она проповѣдывала истребленіе всѣхъ ка-
нареекъ и померанцевыхъ рощъ. Экономическая наука признаетъ по-
лезными всѣ тѣ силы, — какое бы названіе онѣ не имѣли, — которыя
способствуютъ произведенію полезныхъ предметовъ. Любовь — одна
изъ тѣхъ великихъ силъ, которыя сильнаго человѣка двигаютъ на
великое, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и одна изъ тѣхъ дряблыхъ силъ, ко-
торыя дряблыхъ людей приводятъ только къ идеальнымъ канарей-
камъ. Любите, моя читательница, всѣми силами своей сильной на-
туры, и дай богъ, чтобы и васъ любили, какъ вы любите. Вы силь-
ный и умный человѣкъ, и экономическая наука знаетъ, что ни вы,
ни ваши дѣти не будутъ никогда лишними на землѣ. Но не такъ
смотритъ экономическая наука на тотъ сортъ человѣческаго чувства,
который хотя носить тоже названіе любви и реальнымъ образомъ
проявляется тоже въ произведеніи себѣ подобныхъ, но ни эти по-
добія, ни ихъ родители не въ состояніи уйдти дальше идеальныхъ
померанцевыхъ рощъ и слянявыхъ объятій при звукахъ трелей
идеальнаго соловья.

Общій выводъ изъ того, что я сказала, заключается въ томъ, что ни въ одной части свѣта и ни у одного народа нѣтъ такихъ садовъ, въ которыхъ бы росли готовые обѣды, шляпки, бурнусы, зонтики и все то, что нужно человѣку. Только трудъ превращаетъ солову въ шляпку и нить шелковичнаго червя въ шелковую материю. Поэтому, чтобы каждый человѣкъ имѣлъ то, что ему нужно, онъ долженъ трудиться и производить непремѣнно что нибудь полезное. Вы, посвятивъ себя умственному—литературному и ученому труду, создаете какія нибудь умственные полезности; другой, болѣе способный шить башмаки или платья, занимается приготовленіемъ ихъ; третій мастерить предметы первой необходимости; четвертый даетъ дѣтямъ воспитаніе; однимъ словомъ, всякій занятъ дѣломъ, и дѣломъ такимъ, которое приноситъ непремѣнно матеріальную пользу. Трудъ, неприносящій такой пользы, есть трудъ убыточный для общества; а всякій бесполезно-трудоуящійся человѣкъ совершенно равенъ тому, кто ровно ничего не дѣлаетъ, и въ экономическомъ отношеніи они оба лишніе люди, какъ и тѣ барышни, что мечтаютъ лишь о соловьяхъ, о канарейкахъ и о пріятныхъ прогулкахъ съ краснощоковыми юношами. Какая польза человѣчеству оттого, что вы, посвятивъ всѣ свои силы тому, чтобы дѣлать такіе удивительные прыжки, какъ Лестаръ, или ходить, подобно мухѣ, по потолку, доставите другимъ, подобно вамъ, лишнимъ людямъ возможность придти въ изумленіе отъ вашей ловкости? Не было ли бы выгоды для общества, если бы Лестаръ и человѣкъ - муха, научившись шить сапоги и башмаки, создали бы нѣсколько сотенъ паръ мужской и женской обуви, потому что на свѣтѣ еще много людей, ходящихъ босикомъ? Не и человѣкъ шьющій сапоги, воспитывающій дѣтей и вообще занимающійся какимъ нибудь, повидимому, полезнымъ дѣломъ, можетъ быть тоже лишнимъ, или постоянно, или временно, если онъ не приноситъ постоянно одинаковой пользы или не всегда занятъ дѣломъ. Какая польза оттого, что вы, взявшись за воспитаніе дѣтей и не понимая ни способностей, ни наклонностей ихъ и того, какіе люди нужны обществу, среди котораго вы живете, создадите изъ дѣвочекъ сентиментальныхъ, ничего незнающихъ барышень, внушите имъ, что теорія Дарвина вздоръ и ложь? Какая польза оттого, что своего сына, который бы могъ быть порядочнымъ обойщикомъ или хорошимъ булочникомъ, вы сдѣлаете лайковымъ франтомъ и потребителемъ устрицъ и шампанскаго, которыхъ ему ѣсть и пить

совершенно не по чину, потому что онъ Человѣкъ лишний? Создавая только лишнихъ людей, вы сами лишніе и весь вашъ трудъ, какъ вредный, идетъ въ убытокъ обществу. Но положимъ, что вы не создаете лишнихъ людей. Всѣ ваши ученики выходятъ непосредственные экономическіе производители: сапожники, портные, булочники, земледѣльцы, или производители посредствующіе: управляющіе, машинисты, воины, разныхъ родовъ учителя, администраторы и т. д. На созданіе этихъ полезныхъ людей вы тратите въ день только два часа, да два часа употребляются вами, чтобы самому или самой приготовиться къ своей воспитательной обязанности; затѣмъ на сонъ и на ѣду расходуется десять часовъ; всего четырнадцать. Куда же идутъ остальные 10 часовъ въ сутки? Вы говорите, что вамъ нужно отдохнуть, и отправляетесь играть въ карты. Но игра въ карты—не отдыхъ; отдыхъ сонъ, укрѣпляющій тѣло. Значитъ, десять часовъ расходуются у васъ на бесполезное дѣло и на эти десять часовъ вы превращаетесь въ совершенно лишняго человѣка. Въ теченіи цѣлаго года это составляетъ ровно 152 сутокъ или почти половину жизни вы будете лишнимъ. Положимъ, вы не играете въ карты, но посѣщаете семейные дома. Что же, посѣщать семейные дома хорошо и находится въ обществѣ умныхъ женщинъ полезно и необходимо. Но не много ли для этого десяти часовъ, даже и въ томъ случаѣ, если магнитность, влекущая васъ въ семейный домъ, вовсе не экономическаго характера? Экономическая теорія, смотрящая на все съ точки зрѣнія экономической выгоды, разрѣшаетъ эти вопросы вполне удовлетворительно. Она разсуждаетъ такъ: экономическій производитель долженъ направлять всѣ свои силы на экономическую дѣятельность. Отдыхаетъ онъ столько, чтобы набраться новыми силами для дальнѣйшаго труда. Всякій отдыхъ болѣе продолжительный есть уже праздность. Если вамъ, чтобы приготовить себя къ дальнѣйшему труду, нужно только два часа отдыха въ бесѣдѣ съ умными людьми,—третій часъ уже будетъ лишнимъ, а десять — совершенная роскошь и дѣло неразумительное. Я знаю, что вы мнѣ отвѣтите на все это. Вы скажете, что по часамъ живутъ только нѣмцы да англичане, и что они вамъ противны за это. Русскому же человѣку, молодому и старому, мужчинѣ и женщинѣ, жить такъ нельзя; онъ не чорствый нѣмецъ или англичанинъ, а человѣкъ сердечный. Ну, и прекрасно, что онъ человѣкъ сердечный, да только я говорю не объ этомъ; а о

томъ, что выгодно ли быть почти половину жизни лишнимъ человекомъ. Происходить ли это отъ сердечности или отъ расщудочности — для дѣла рѣшительно все равно, потому что убыточность лишняго человека остается все той же. Если вы мнѣ докажете, что русская сердечность не имѣетъ такихъ убыточныхъ свойствъ, то я, конечно, перейду на сторону вашей экономической теоріи и такихъ ошибочныхъ статей, какъ настоящая, писать ужь болѣе не стану; но если вы мнѣ этого не докажете, то я позволю себѣ дерзость держаться съ прежнимъ упорствомъ изложенныхъ мною понятій о трудѣ и расщудочность нѣмцевъ, англичанъ и американцевъ стану считать болѣе экономически-выгодной, чѣмъ русскую сердечность. Виѣсть съ тѣмъ, я попытаюсь вамъ объяснить и неясную для васъ причину вашего нерасположенія къ экономическимъ порядкамъ жизни ненавистныхъ вамъ нѣмцевъ. Причина очень проста: вы никогда не трудились и не привыкли къ труду. Не имѣя занятія, которое было бы для васъ дѣломъ жизни, вкусомъ насущаго хлѣба и живя или на чужой счетъ, или милостыней или на жалованьи и, въ послѣднемъ случаѣ, трудясь только вполовину, у васъ не могло сложиться никакого опредѣленнаго экономическаго распорядка своего времени. Для васъ вопросъ заключался не въ томъ, чтобы извлечь изъ дня возможно большую матеріальную выгоду, а въ томъ, чтобы заглушить скуку и пустоту жизни. Въ основѣ вашихъ дѣйствій поэтому лежали не расщудочность и расчетъ, безъ которыхъ экономическій производитель не значить ничего, а сердечность, т. е. разныя мимолетныя, болѣе или менѣе неопредѣленные и смутныя стремленія и желанія, зависящія отъ многихъ случайныхъ виѣшнихъ впечатлѣній и внутреннихъ физиологическихъ процессовъ. Понятно, что эти впечатлѣнія нельзя умѣстить въ опредѣленные рамки и нельзя предписывать имъ порядка. Вы не можете сказать заранее, что захотите сегодня читать какую нибудь известную вамъ книгу непременно въ 3 часа послѣ обѣда, а ляжете спать ровно въ полночь. Можетъ случиться, что солнце проглянетъ въ 3 часа такъ привѣтливо, а вкусный обѣдъ и спокойное пищевареніе расположатъ васъ такъ дружественно къ красотамъ природы или, лучше сказать, возбудятъ въ васъ такое желаніе шевелить руками и ногами и вдыхать въ себя кислороду больше, чѣмъ его имѣется въ комнатномъ воздухѣ, что вы пойдете гулять. За то, что вы захотите спать въ полночь, вы точно также не можете ручаться. Мало ли какія возбужденія могутъ явиться въ

васъ вечеромъ? Не нѣтъ времени читать въ 3 часа, вы, можете быть, захотите читать въ 11; а начавъ читать въ 11, вы можете зачитаться до 2-хъ. Да и отчего вамъ не читать и долѣе? Есть у васъ какое нибудь спѣшное, необходимое дѣло на завтра? Нѣтъ. Нужно вамъ встать непременно въ 8 часовъ?—Нѣтъ. О чемъ же вамъ хлопотать? Вотъ вы и читаете, когда вамъ вздумается, гуляете, когда вздумается, ѣдите, когда вздумается, да и вообще живете, какъ вздумается. Рабочій человѣкъ поступаетъ иначе. Не думайте, чтобы онъ не умѣлъ чувствовать, какъ чувствуютъ хорошие люди, и думать, какъ думаютъ умные люди. Онъ такой же честный и умный человѣкъ, какъ вы, но только въ немъ тѣ же самые процессы совершаются въ ассоціаціи съ основнымъ стремленіемъ всей его жизни—стремленіемъ къ труду. Положимъ, рабочій человѣкъ получилъ письмо въ то самое время, когда онъ сильно занятъ, и получилъ такое письмо, которое онъ ждалъ, ждалъ и изболѣлъ ожиданіемъ. Не думайте, что рабочій человѣкъ отложитъ чтеніе письма до конца работы, какъ это вы полагаете, считая его какой-то засушенкой. Нѣтъ-съ; онъ распечатаетъ его тотчасъ же; онъ проникается, какъ и всякій другой чувствующій человѣкъ, тѣмъ, что поэты называютъ «сладостнымъ трепетомъ». Онъ читаетъ и вчитывается въ письмо, онъ прочитываетъ его три раза сряду, онъ читаетъ между строками и надъ строками, вдумывается въ каждое слово, желая найти въ немъ смыслъ, какой онъ ищетъ и какой ему хочется пайдти. Но все это не мѣшаетъ его дѣлу. Вы, свободный человѣкъ, положимъ, прочувствуете все то же и послѣ третьяго чтенія сядете на диванъ и предадитесь мечтамъ. Но рабочій человѣкъ на диванъ не сядетъ; онъ сядетъ за работу и будутъ въ немъ происходить два параллельныхъ процесса: тотъ же, что и у васъ, «сладостный трепеть» и процессъ чистоинтеллектуальный, побуждающій его трудиться. Кто же изъ васъ богаче? Чья жизнь полнѣе? Кто больше похожъ на засушенку? Я нарочно взялъ такой примѣръ, потому что любовь, съ ея тревогами и сомнѣніями, считается самой большой помѣхой труда. У людей по преимуществу сердечныхъ или очень молодыхъ чувство это дѣйствительно производитъ полнѣйшій беспорядокъ во всѣхъ ихъ дѣлахъ, и только одинъ трудъ является регуляторомъ, устанавливающимъ равновѣсіе.

Есть люди, изъ сорта людей живущихъ праздными фантазіями, для которыхъ совершенно не мыслимъ постоянный полезный трудъ. Имъ

непремѣнно нужно творить безполезности, не смотря на то, что на произведеніе мыльныхъ пузырей они тратятъ столько же силъ и умственныхъ, и физическихъ, сколько требуется и на полезное дѣло. Господа эти думаютъ, что для постоянного полезнаго труда нужно имѣть непремѣнно чугунный организмъ и, вмѣсто нервовъ, мѣдную проволоку. О, добродушный человѣкъ! сообразите только то, что на выдуваніе съ утра до вечера мыльныхъ пузырей вы истратите ровно столько воздуха и силы, что могли бы выдуть ровно дюжину стакановъ и два графина. А вѣдь дюжина стакановъ все полезнѣе милліона мыльныхъ пузырей. Значитъ, вопросъ совсѣмъ не въ тратѣ силы, потому что каждый тратитъ ея ежедневно несмѣтное множество единицъ, а въ томъ, чтобы каждая единица шла на произведеніе единицы пользы. Если вы ѣдете верхомъ собственно потому, что не знаете, какъ вамъ убить свое время, то какія бы вы не производили при этомъ чудеса эквилибристики и джигитовки, вы все-таки производите ровно такую же пользу, какъ если бы все это время вы спали непробуднымъ сномъ. Сонъ еще будетъ даже полезнѣе, потому что сберегутся силы лошади, которая, если бы возила въ это время муку, оказала бы людямъ гораздо больше услугъ, чѣмъ нося на своихъ ребрахъ празднаго джигита. Но вы ѣдете не для джигитовки; вы несетесь, чтобы предупредить людей о какомъ нибудь ожидающемъ ихъ несчастіи; вы везете секретъ какого нибудь удивительнаго экономическаго изобрѣтенія или открытія, везете капиталъ для какого нибудь полезнаго предпріятія, везете, наконецъ, просто дѣловое письмо. Все это будетъ трудомъ полезнымъ, тратой силъ для блага, и сами вы превращаетесь въ полезнаго человѣка. Слѣдовательно, вопросъ заключается не въ тратѣ силъ, а въ полезной ихъ тратѣ, потому что, везя дѣловое письмо, вы устанете насколько не больше того, сколько вы устанете, катаясь попусту. Полагаю, что ни для одного изъ этихъ случаевъ не требуется ни чугуннаго организма, ни проволочныхъ нервовъ. Точно также ихъ не нужно и для постоянно полезнаго труда. Въ большинствѣ случаевъ, отдыхъ есть, въ сущности, перемѣна занятій. Если вы плотникъ и, протесавъ десять часовъ сряду балки, начнете потомъ стругать доски, то, конечно, это не выйдетъ еще отдыхомъ; но вѣдь это только потому, что обѣ эти дѣятельности совершенно однородны. Точно также не выйдетъ отдыхомъ, если вы, сочиняя дописанія къ губернатору, перейдете потомъ къ сочиненію предписаній уѣзднымъ

исправникамъ. Переходъ долженъ быть иного рода или, по крайней мѣрѣ, одинъ трудъ долженъ отличаться довольно рѣзко отъ другого. — Такъ какъ настоящую статью я пишу не для плотниковъ и кузнецовъ, то, разумѣется, и во всемъ, что говорю, постоянно имѣю въ виду тѣхъ, къ кому могутъ примѣняться излагаемые мною здѣсь вопросы. Вопросы же эти примѣняются къ людямъ, такъ называемаго, образованнаго сословія, посвящающимъ себя труду не чернорабочему, а болѣе или менѣе головному. При занятіяхъ этого рода, отдыхъ дѣйствительно легко сдѣлать только переменной труда. Вы человекъ ученый и пишете какую нибудь глубокомысленную вещь. Чтобы писать ее, вамъ нужно пустить въ дѣло только извѣстныя силы или стороны ума, потому что каждый трудъ требуетъ только напряженія однихъ извѣстныхъ силъ, специально служащихъ для его исполненія. Математикъ, разрѣшающій задачи, думаетъ только извѣстными, опредѣленными частями своего мозга; натуралистъ опять другими; человекъ, пишущій экономическую статью, думаетъ тоже не тѣми частями мозга, какими думаетъ пишущій фельетонистъ или романистъ. Поэтому, если вы, занимаясь изслѣдованіями и соображеніями юридическихъ вопросовъ, устали до того, что чувствуете невозможность трудиться дольше съ той же силой мысли, какъ прежде, — оставьте свои юридическіе вопросы и возьмите какое нибудь сочиненіе экономическое, историческое, по естествознанію и пр. Вы сейчасъ же почувствуете, что въ васъ начали работать иные рабочія силы, а прежнія бездѣйствуютъ. Вотъ это-то бездѣйствіе и будетъ отдыхомъ для вашихъ юридическихъ способностей. Часъ-два другой работы возвратятъ вамъ опять силы для первой и этимъ способомъ можно работать цѣлый день, только переходя, въ видѣ отдыха, отъ одного полезнаго занятія къ другому. Люди, посвятившіе себя литературному труду, работаютъ зачастую шестнадцать часовъ въ сутки, — разумѣется, съ нѣкоторымъ напряженіемъ силъ — а двѣнадцать часовъ постоянно, не чувствуя усталости. А между тѣмъ, они вовсе не титаны и не прометей. Весь секретъ такого непрерывнаго труда заключается въ томъ, что для нихъ чтеніе, составляющее для людей непривычныхъ къ головной работѣ нѣкоторое подобіе пиломатеріала, служитъ отдыхомъ, и, переходя отъ одного предмета занятія или чтенія къ другому, они упражняютъ свои способности поочередно, не извуряя однихъ на счетъ другихъ. Я знаю, что для большинства образованныхъ людей чтеніе, даже легко литературное,

составляетъ серьезное занятіе; но вѣдь это происходитъ только оттого, что у нихъ мозгъ приученъ къ праздному дѣлу. И здѣсь потерянъ, но въ другой сферѣ, та же исторія, что и съ мыльными пузырями; съ той же тратой силъ, съ какой человекъ производитъ правдныя фантазіи и совершенно бесполезныя эквилибристики, онъ могъ бы создать умственное дѣло и приобрести себѣ умственную пользу. Значить, поступая иначе, человекъ дѣйствуетъ себѣ въ убытокъ; ну, а расчетливо ли поступать такимъ образомъ и благоразумно ли быть мотомъ? И не только тѣ, кто посвятилъ себя чисто-умственному труду, могутъ отдыхать только перемѣной рода занятій, но и всѣ, занимающіеся трудомъ, по преимуществу, физическимъ, могутъ отдыхать, переходя къ полезному чтенію. Чтеніе, въ сущности, не есть трудъ; это только удовлетвореніе органической потребности мыслить, которой даютъ пристойное и выгодное направленіе. Въ-стѣ того, что человекъ, не особенно сильный умственно и представленный себѣ станеть придумывать какія нибудь непригодности, онъ, вслѣдствіе чтенія мыслей человека болѣе умнаго, и самъ пойдетъ по тому умственному пути, на который бы ему, можетъ быть, и не выбратъя собственными силами. Какъ умный человекъ, явившійся въ общество, забираетъ подъ свое нравственное вліяніе и хозяевъ, и гостей и даетъ разговору разумный смыслъ, такъ точно дѣйствуетъ и книга: она только наводитъ человека на новыя темы и возбуждаетъ его мысль на полезную дѣятельность. Ну, а конечно, лучше думать умно, чѣмъ глупо, въ особенности, если и умныя, и глупыя мысли создаются съ одинаковой тратой силъ.

Высказывая эту теорію непрерывнаго труда, не думаю, чтобы я встрѣтилъ несогласіе въ чемъ-либо со стороны своей идеальной читательницы. Если у насъ и можетъ явиться въ чемъ-либо несогласіе, то, конечно, только въ формѣ, а не въ сущности. Такъ какъ вы, моя читательница, существо идеальное, т. е. созданное въ моемъ воображеніи, то, конечно, вы не обидитесь, если я—и то собственно для ясности изложенія,—предположу въ васъ разныя несуществующія качества. Предполагаю прежде всего, что вы кисейная барышня—за это названіе вы на меня не претендуйте, потому что оно принадлежит не мнѣ, а г. Писареву или Помяловскому.—Въ качествѣ кисейной барышни, вы гоняетесь за мотыльками, рвете цвѣты, вьете изъ нихъ вѣнки, дѣлаете букетики изъ душистыхъ полевыхъ цвѣтовъ и долго-долго вдыхаете въ себя ихъ ароматъ, точно вашей душѣ нужно

что-то и это что-то сидитъ въ вашемъ букетѣ, который вы и тискаете, и прижимаете къ сердцу, и нюхаете до самозабвенія. Я знаю, что вамъ нужно, моя кисейная барышня, но я вамъ этого не скажу. Съ суровостью, приличною экономической заусуенкѣ, я спрошу васъ только, зачѣмъ вы бѣгаете по росѣ? Только простужаетесь и портите себѣ платье и обувь. Зачѣмъ вы вырываете цвѣты изъ дерна? Пусть бы лучше ихъ съѣла корова. Зачѣмъ вы вдыхаете въ себя до самозабвенія аромать цвѣтовъ? Положимъ, что физиологи еще несогласны въ томъ, вредно или полезно дѣйствуетъ цвѣточный запахъ на нервы; но въ экономическомъ отношеніи это, во всякомъ случаѣ, нехорошо. Однимъ словомъ, все, что вы ни дѣлаете,—все нехорошо. А между тѣмъ, сколько вы тратите силъ, чтобы произвести это «нехорошее»? Въ вечеру вы измучитесь такъ, какъ можетъ измучиться только баба, жавшая съ ранняго утра до поздней ночи; но вѣдь баба нажала, можетъ быть, сто сноповъ; вы же, не создавъ ничего, произвели только цѣлый рядъ разрушеній: вы разрушили свое здоровье, разрушили платье, обувь; вы помяли траву, вырвали цвѣты; однимъ словомъ, что вы ни дѣлали, все было смерть и разрушеніе, приличное какому нибудь Чингисъ-Хану, а не вамъ, моя идеальная, кисейная барышня. Что же мнѣ дѣлать? спрашиваете вы меня. Этого я вамъ теперь не скажу, потому что теперь я говорю только о томъ, что весь вашъ трудъ, всѣ ваши хлопоты и усталость имѣютъ въ результатъ величину меньшую нуля. Нуль, по крайней мѣрѣ, равновѣсіе двухъ противоположныхъ силъ; вы же что ни дѣлали, все это было убытокъ, убытокъ и убытокъ. Спросите свою маменьку, хорошо ли это?—Но предположимъ, что вы не кисейная сельская барышня, а барышня городская. Принципы вашихъ дѣйствій отъ этого нисколько не измѣняются. Живи вы въ деревнѣ, вы бы производили разрушеніе разныхъ сельскихъ предметовъ; но въ городѣ вы не бѣгаете, во-первыхъ, потому, что городскія барышни вообще не бѣгаютъ; а во-вторыхъ, что хотя въ нашихъ уѣздныхъ и даже губернскихъ городахъ и растетъ на улицахъ трава, но это далеко не та журава, которую вамъ было бы приятно топтать. Тѣмъ не менѣе, вы точно также только разрушаете, тратите свои силы на разные бесполезности, не производите ничего, кромѣ убытка. А между тѣмъ, вы заняты съ утра до вечера и ухитритесь устать каждый день такъ, какъ устаетъ только ваша пухарка или горничная. Я считаю недѣлнватнымъ сказать вамъ,

что ваша кухарка и горничная гораздо полезнѣ васъ, не потому, чтобы онѣ трудились для васъ — трудъ этотъ грубая экономическая наука называетъ тоже убыточнымъ, — а потому, что онѣ живутъ своимъ трудомъ. Впрочемъ, вы это знаете и безъ меня. — Можно было бы отъ барышень обратиться теперь къ дамамъ. Дамы вообще любятъ показать дѣвицамъ свое превосходство и считаютъ великой заслугой быть дамами, хотя, въ сущности, гордиться тутъ нечѣмъ и ненужно обладать для этого талантами Ньютона. Гордясь тѣмъ, что общество разрѣшило имъ быть матерями, онѣ изъ этого занятія дѣлаютъ свою исключительную специальность и затѣмъ во всемъ остальномъ остаются тѣми же кисейными и некисейными барышнями, производя совершенно такія же бесполезности. Хорошо еще, если дама пронаведетъ Галилея, Прудона или что нибудь въ родѣ этого, а если она не производитъ ничего, кромѣ тупоумныхъ дѣтей и создастъ изъ нихъ воспитаніемъ только землетоптателей? А между тѣмъ, у дамы есть весьма разумное основаніе быть довольной своимъ положеніемъ. Она получила новыя, болѣе широкія права, вступила въ кругъ, представляющій возможность болѣе широкой дѣятельности. Дѣвицей сторожило ее неумолимое общественное мнѣніе — очень задорное только съ тѣми, кто его боится, — сторожила маменька, шпионили и подсматривали горничныя, кухарки, разныя сплетницы-старухи и вообще всякія кумушки. Дѣвица не смѣла даже ходить одна по улицѣ. И всѣ эти хлопоты только потому, что въ головахъ большинства живетъ смутное представленіе объ одной непонятной для кумушекъ и маменекъ вещи, обыкновенно называемый нравственностью. Получить право ходить одной по улицѣ и, пожалуй, даже съ мужчиной, говорить о вещахъ, о которыхъ дѣвицы хотя знать и могутъ, но говорить имъ не позволено, наконецъ, превратиться въ одну изъ половинокъ супружества, — все это очень много для человѣка, котораго водили прежде на веревочкѣ. Это счастье, потому что это свобода, т. е. вещь самая драгоценная для человѣка. Но какое же экономическое употребленіе дѣлаютъ дамы изъ драгоценности, приподнесенной имъ обществомъ въ видѣ свадебнаго подарка? Да никакого. Получивъ право ходить безъ маменекъ по улицамъ, онѣ ходятъ. Получивъ право говорить о всемъ, онѣ говорятъ; и только. Ни изъ хожденія, ни изъ говоренія не выходитъ ничего экономически-полезнаго и матеріальное благосостояніе общества не возвышается ни

на волосъ оттого, что его дѣвицы превращаются въ дамъ. Такииъ образомъ, женская сила уходитъ: у дѣвицъ на нюханье и прижиманіе къ сердцу букетовъ, служащихъ аллегорическимъ представленіемъ идеальныхъ юношей, а у дамъ на произведеніе экономически-бесполезнаго населенія, на бесполезное хожденіе и бесполезныя разговоры. Выгодно ли обществу, когда цѣлая половина его бѣгаетъ только по лугамъ, рветъ цвѣты и затѣмъ производитъ людей сомнительной полезности или даже и вовсе бесполезныхъ? Вы отвѣчаете, что невыгодно. Разсудительно ли тратить свои силы на убыточные занятія, когда той же самой тратой можно произвести полезныя вещи? Вы отвѣчаете: неразсудительно. Больше ли устанетъ человѣкъ, употребивъ свои силы на пустыя и употребивъ тѣ же самыя силы на дѣло? Вы отвѣчаете—не больше. Какое общество будетъ богаче, то ли, въ которомъ большинство ничего не дѣлаетъ, или то, въ которомъ всѣ трудятся полезнымъ образомъ? Вы отвѣчаете: то, въ которомъ всѣ трудятся полезно. Послѣ такого единомыслія съ читателемъ, автору остается только перейти къ слѣдующему вопросу.

II.

Внимательная читательница, вѣроятно, замѣтила, что, говоря о ничего недѣлающихъ барышняхъ, я сказалъ, что трудъ горничной и кухарки, работающихъ на нихъ, пропадаетъ даромъ, что это трудъ убыточный. Чтобы сказать подобную вещь въ русской современной литературѣ, нужно имѣть много мужества, и мнѣ очень пріятно, что я попадаю въ мужественные люди. Но что же въ подобномъ простомъ замѣчаніи оскорбительнаго, ошибочнаго или зловреднаго, чтобы оно могло вызвать противъ себя громы? Кому это обидно? Въ сущности никому. Но, видите, въ русскомъ человѣкѣ развитъ тотъ патріотическій элементъ, по которому все русское должно казаться непременно всѣмъ людямъ земнаго шара превосходнымъ, а самимъ русскимъ воспитательнымъ. Если вы, живя, положимъ, въ Тотмѣ, скажете, что 30° морозъ, да еще при вѣтрѣ, не представляетъ ничего привлекательнаго и что дома тотемскихъ гражданъ рассчитаны больше на жаркое лѣто, чѣмъ на холодную зиму или, скорѣе, строены безъ всякаго расчета, то въ Устюгѣ найдется всегда нѣсколько почтенныхъ дамъ, которыхъ патріотическое чувство возму-

тятся подобныиъза иъчаніемъ. По своей проникательности, вы тотчасъ же догадаетесь, что у обидлившейся дамы дуетъ въ домъ, вѣроятно, отъ всѣхъ оконъ и дверей, и что домъ ея долженъ быть итальянской архитектуры. Такимъ образомъ, обидчивость одного коллежскаго ассессора, по поводу замѣчанія противъ другого коллежскаго ассессора, убѣждаетъ въ томъ, что оба эти почтенные согражданина, какъ двѣ капли воды, похожи другъ на друга. Этотъ своеобразный патріотизмъ, перенесенный въ болѣе высокую и широкую сферу, создалъ явленіе, извѣстное подъ именемъ славянофильства. Славянофильство есть, въ сущности, предпочтеніе натуральной дороги и путешествія пѣшкомъ, въ лаптяхъ или въ телѣгѣ, но непременно русской, всѣмъ искусственнымъ дорогамъ и удобнымъ европейскимъ способамъ сообщенія. Это предпочтеніе тулуна и его удущающаго букета енотовой шубы и запаху розы. Это вѣра въ непосредственное творчество и высшее напѣе и сомнѣніе въ силѣ наблюденій, исследований, знаній. Однимъ словомъ, — черномемъ. Чистокровныхъ славянофиловъ теперь нѣтъ, т. е. такихъ, которые бы собирались подъ однимъ знаменемъ и составляли бы дружину; но, по мѣрѣ того, какъ русскій человекъ, спавшій прежде непробуднымъ сномъ, очнувшись, тряхнулъ кудрами и принялся думать, — обнаружилось, что славянофиловъ у насъ легіонъ; что каждый русскій болѣе или менѣе славянофилъ, смотря по тому, меньше или больше онъ думалъ и меньше или больше видѣлъ хорошихъ вещей. Такъ какъ все славянофильство основано на сердечности и на самообожаніи, то идеаломъ его стремленій служитъ прототипъ славянина, выражающійся въ настоящее время въ формѣ нынѣшняго русскаго мужика. Это любовь, перенесенная съ идеальнаго древняго славянина — когда на землѣ все такъ было хорошо и люди не знали ни плача, ни воздыханія, — на теперешняго его представителя, съумѣвшаго въ теченіи вѣковъ сохраниться въ полной своей чистотѣ. Потому что это любовь и больше ничего, она отличается великой раздражительностью, какъ и всѣ такіа чувства, ненаходящіяся въ ассоціаціи съ рассудочностью. А какъ это любовь собственно къ прототипу славянина, то она приходитъ въ раздраженіе, лишь только замѣтитъ или вообразитъ малѣйшую враждебность, съ чьей бы то ни было стороны, къ питающему ея источнику. Отъ этого было еще недавно время — года четыре, не больше, — когда никто не смѣлъ сказать, что русскій полушубокъ душитъ своимъ ужаснымъ запахомъ, но

позволялось говорить, что онъ пахнетъ пріятнѣе ананаса; когда выразить дерзкую мысль о томъ, что русскій мужикъ глупъ, было совершенно непозволительно. Н. В. Успенскій своими очерками изъ народнаго быта возбудилъ противъ себя цѣлую партію сантиментальничествующихъ литераторовъ-патріотовъ, и только за то, что онъ нарисовалъ мужика такимъ, каковъ онъ есть. Горячіе писатели принялись даже утверждать, что все это ложь, потому что, не видѣвъ ничего, кромѣ Петербурга, они судили о всѣхъ русскихъ крестьянахъ по петербургскимъ извозчикамъ и мѣщанамъ. Но, безпристрастный читатель, если вы посѣщали когда-либо какуюнибудь отдаленную сѣверо-восточную губернію и видѣли деревенскій людъ, собирающійся въ города въ базарные дни,—скажите, что это за народъ—курильцы или алеуты? Такъ какъ вы пріѣхали сюда на почтовыхъ и знаете, что не оставляли нигдѣ русской границы, то, разумѣется, не затруднитесь отвѣтомъ. Но предположите, что вы перенеслись внезапно на воздушномъ шарѣ или что съ вами англичанинъ, которому вы предлагаете подобный вопросъ: онъ вамъ отвѣтитъ: курильцы или алеуты—сказать навѣрно не могу, но вижу, что это какой-то дикій народъ. Провинціальная дама, любящая свою родную губернію—что, конечно, очень хорошо,—отвѣтитъ на это: но взгляните на ихъ добродушныя фюзіономіи.—Ахъ, милостивая государыня, я спрашиваю васъ совсѣмъ не объ ихъ добродушныхъ фюзіономіяхъ; я говорю о томъ, какой типъ изображается этими людьми: типъ ли человѣка, живущаго среди лѣсовъ и болотъ, среди лишей и неудобствъ всякаго рода, обитателя суровой страны, приспособившагося къ своей горькой долѣ, или это гражданинъ многолюдной, промышленной мѣстности, выросшій въ привычкахъ, создаваемыхъ успѣхами нѣвѣйшей цивилизаціи? Если вы пуститесь объяснять мнѣ, отчего все это произошло, то я вамъ отвѣчу, что все это известно мнѣ, можетъ быть, нисколько не хуже васъ, да только я говорю не о томъ, а ставлю короткій вопросъ: «да или нѣтъ?» Вамъ придется отвѣтить «да», а въ такомъ случаѣ, вамъ и негодовать не вачѣмъ, если ктонибудь не находитъ никакихъ основаній восхищаться тѣми особенностями, которыя, въ своей совокупности, составляютъ типъ русскаго мужика, и напрасно обнаруживать всю несостоятельность своей сантиментальности.

Любить народъ вовсе не значитъ обманывать себя и другихъ, выдавать грубость за мягкость, восхищаться пьянствомъ и считать

дурама ушныѣхъ. Согласитесь ли вы жить жизнью тѣхъ, за кого вы такъ горячо рессинаетесь на словахъ?—Нѣтъ. А подумайте-ка, отчего? Вы все боитесь, что если кто нибудь скажетъ, что русскій мужикъ грубъ и дикъ, то, вслѣдъ затѣмъ, онъ выпится ему въ бороду и учинитъ какое нибудь истязаніе. Успокойтесь. И собаку бить северно, а человѣка бить нельзя. Если люди указываютъ на недостатки своего народа, на недостатки его экономическаго быта и вообще стараются обнаруживать черныя стороны, умалчивая о розовыхъ—да и много ли ихъ?—то не для глумленія дѣлаютъ они это; ну, скажите, станетъ ли человѣкъ, хотя съ небольшимъ смысломъ, смѣяться надъ бѣдностью или обижать обиженнаго? За что же вы обрушиваете свое негодованіе на тѣхъ, которые не хуже васъ понимаютъ вещи и очень хорошо знаютъ, что и для чего именно они говорятъ? Вѣдь это выходитъ: «свое своихъ не по-знава.»

А между тѣмъ, сплошь и рядомъ и въ литературѣ, и въ жизни мы начинаемся на подобную враждебность людей, въ сущности стремящихся къ одному и одинаково желающимъ невозможнаго процвѣтанія своей странѣ: И вся эта враждебность происходитъ только оттого, что одни обуреваются исключительными сердечными порывами, а другіе берутъ вопросы головнымъ образомъ и владѣютъ кое-какими положительными знаніями. По отношенію къ вопросамъ экономическаго порядка, сердечныхъ людей очень задѣваетъ, если въ русскому престолоудину приживается теорія убыточнаго производства и потребленія. Что тутъ обиднаго и можетъ ли обидѣться человѣкъ знающій? А между тѣмъ, обижаются, такъ что не смѣя сказать, что извозчикъ, везущій шалопаю, трудится совершенно въ убытокъ обществу и въ тотъ моментъ, когда совершаетъ этотъ убыточный трудъ, совершенно лишній человѣкъ. Если вамъ это досадно, сердитесь не на того, кто это пишетъ, а на социальную экономію; но вы сдѣлаете еще лучше, если познакомитесь съ законами этой науки: тогда вамъ не придется и сердиться. Повторяю, что политическая экономія считаетъ всякій трудъ, идущій на убыточное потребленіе, трудомъ убыточнымъ, и кто бы его ни производилъ—кумачикъ или генералъ—людьми въ тотъ моментъ лишними. Правильность своего заключенія экономическая теорія подкрѣпляетъ самыми неопровержимыми доказательствами.

Что такое богатство? Богатство не деньги, потому что денегъ

нельзя есть, въ деньги нельзя одѣваться, нельзя въ нихъ жить. Правда, что на деньги можно достать все необходимое, но только достать; а необходимое это все-таки нужно сдѣлать. Если бы не существовало на свѣтѣ денегъ, вся бѣда заключалась бы только въ томъ, что затруднялись бы торговые сдѣлки и приходилось бы мѣнять вещь на вещь, тогда какъ нынче мѣняется вещь на деньги. Богатство заключается въ полезныхъ предметахъ, произведенныхъ трудомъ человѣка; что не создано трудомъ, то не богатство. Вода, воздухъ, солнечный свѣтъ или теплота сами по себѣ ровно ничего не стоятъ и каждый можетъ пользоваться ими, сколько ему угодно. Пока вода течетъ въ рѣкѣ или находится въ озерѣ, имъ за все равно ничего не дадите, потому что она вамъ не приноситъ никакой пользы. Но вода, принесенная вамъ въ умывальникъ, уже нѣчто другое: она становится предметомъ полезнымъ, идущимъ на удовлетвореніе точно-опредѣленной и положительно-извѣстной потребности. случилось это просто потому, что ваша водовозъ сѣздила на рѣку, перенесла тамъ въ бочку воды, бочку эту привезъ къ вамъ во дворъ, а горничная, дающая вамъ умываться, — что, конечно, обдѣлываетъ ваши барскія замашки и потому нехорошо, — принесла вамъ воду эту въ кувшинѣ. Такимъ образомъ, чтобы водѣ добраться наконецъ до вашихъ рукъ, требовался трудъ нѣсколькихъ лицъ, которые носили и возили ее: требовался трудъ тележника, чтобы сдѣлать тележку для возки воды; требовался трудъ бондаря, чтобы приготовить бочку и унать; требовался трудъ шорника, чтобы приготовить сбрую для лошади; трудъ земледѣльца, чтобы приготовить пищу для водовоза, его лошади и вашей горничной; трудъ фаянсового мастера, приготовившаго кувшинъ; трудъ сапожника и портного, сшившихъ обувь и платье всѣмъ тѣмъ, кто участвовалъ, прямо или косвенно, въ доставленіи вамъ воды на дѣль. Весь этотъ трудъ, разлагаясь, въ той или другой пропорціи, на известное количество воды, сообщаетъ ей уже извѣстную стоимость, какой она не имѣла, пока находилась въ рѣкѣ. То же самое и съ солнечной теплотой или свѣтомъ. Теперь ни за теплоту, ни за свѣтъ никто ничего не платитъ, но если бы выискался такой хитрый англичанинъ, который сумѣлъ бы собирать солнечной свѣтъ и закупоривать его въ коробки, какъ сардинки, то и свѣтъ имѣлъ бы известную стоимость, размѣръ которой зависѣлъ бы отъ размѣра труда всѣхъ лицъ, принимавшихъ участіе въ заключеніи свѣта въ

перобку. Трудъ является и тутъ той почтенной силой, которая даетъ значеніе полезному предмету. Ваше бархатное платье только потому дороже вашего ситцеваго кагота, что на приготовленіе бархата пошло гораздо больше труда, чѣмъ на приготовленіе ситца. Иночѣмъ, цѣна вещи опредѣляется еще и ея полезностью. Прованское масло—вещь очень хорошая для салада; но когда вамъ хочется пить, для васъ вода дороже, потому что она полезнѣе, не смотря на то, что приготовленіе прованскаго масла требуетъ гораздо больше труда. Убить соболя и лисицу, можетъ быть, совершенно одинаково трудно; лисица, пожалуй, достанется еще и труднѣе, но за соболій саломъ вы дадите все-таки дороже, чѣмъ за лисій, потому что соболю теплѣе, нѣжнѣе, легче и красивѣе, т. е. доставляетъ вамъ большій выгоды. Мода влечетъ тоже много въ установленіи цѣны предметовъ, но ея вліяніе не прямое. Мода дѣйствуетъ только усиленіемъ спроса, т. е. наливомъ сразу множества хотѣнноровъ нѣтъ непремѣнно извѣстный предметъ. Какія бы, однако, обстоятельства ни соединялись при установленіи цѣны какой-либо вещи, главною, кореннымъ элементомъ останется размѣръ труда, потому что только трудъ сообщаетъ всѣмъ предметамъ полезность, которой они безъ него никогда бы не имѣли.

Такимъ образомъ, если трудъ сообщаетъ всѣмъ предметамъ полезность, то очевидно, что чѣмъ больше у людей полезныхъ предметовъ, чѣмъ мода будетъ богаче. Путешествуя, положимъ, по крестьянскимъ избамъ, вы составляете заключеніе о богатствѣ ихъ обитателей по количеству полезныхъ предметовъ, находящихся у нихъ въ домахъ; если въ каждомъ домѣ много только пыли и всякой грязи,—вы еще не скажете, что въ деревнѣ живутъ богатые люди; но если вы, войдя въ одну избу, находите въ ней стулья, столы, диваны, находите въ шкапу множество всякой посуды, а въ печкѣ множество всякихъ здоровыхъ, питательныхъ и вкусныхъ яствъ; если вы, забравшись въ чуланъ, поражаетесь обиліемъ коровьяго масла, мукъ, масла, яицъ и т. д.; а въ другой избѣ находите только пыль и таракановъ, въ печкѣ одинъ горшокъ съ пустыми щами, а въ чуланѣ пустоту, то вы рѣшаете, что въ первомъ домѣ живутъ люди богатые, а во второмъ бѣдные. Сравните себя съ вашей женою богатой шаймой. Вы богаче ея только потому, что у васъ больше вещей, платилъ, разныхъ шубъ и шубокъ, брошекъ, серегъ, ювелирныхъ украшеній, мебели и т. д.—истати сообразите, что вы

всего этого добыты личнымъ вашимъ трудомъ и что снѣзочка изъ кармановъ вашего мужа или вашихъ папеньки и маменьки.—Слѣдовательно очевидно, что чѣмъ больше у людей всего того, что приносить имъ матеріальную пользу—экономическая наука разсуждаетъ только о матеріальномъ благосостояніи,—тѣмъ она богаче. А чтобы у людей было какъ можно больше всякихъ полезностей, необходимо; чтобы всё рѣшительно, т. е. каждый человѣкъ безъ исключенія, производилъ такіе полезные предметы и производилъ ихъ какъ можно больше и какъ можно успѣшнѣе. Чуть только являются въ общество люди ничего недѣлающіе или трудъ работающихъ, по какимъ нибудь задерживающимъ обстоятельствамъ, становитесь неуспѣшными, уровень матеріальнаго благосостоянія страны тотчасъ же падаетъ, т. е. оказывается, много людей, неимѣющихъ того количества полезныхъ предметовъ, какое бы имъ необходимо для полнаго, всесторонняго ихъ развитія. Чѣмъ ниже этотъ уровень, т. е. чѣмъ меньше въ странѣ полезныхъ предметовъ и чѣмъ больше людей, неимѣющихъ ихъ, тѣмъ страна или народъ бѣднѣе.

Если въ странѣ много людей, выдувающихъ только мыльные пузыри, или кисейныхъ барышень, занимающихся прижиманіемъ къ сердцу, букетовъ, или, наконецъ, дамъ, специально и исключительно посвятившихъ себя размноженію человѣческаго рода, а затѣмъ больше ничему, то въ этомъ случаѣ устанавливается между людьми трудящимися и ничего недѣлающими такое отношеніе. Для ясности примѣра, я предполагаю такую страну, гдѣ всего два человѣка жителей: ничего недѣлающая кисейная барышня и одинъ трудящійся человѣкъ. Предполагаю при этомъ, что трудящійся человѣкъ не желаетъ, чтобы кисейная барышня умирала съ голоду. Какія же установятся между ними экономическія отношенія? Кисейная барышня, вставая утромъ поздно—отчего же ей и не спать долго, когда рано вставать не зачѣмъ?—принажметъ трудящемуся человѣку предестн въ лувшинѣ воды и умоется сама только потому, что вообще не принято, чтобы мужчины подавали дѣвщинамъ умываться. Послѣ этого, барышня велитъ подать себѣ чаю со сливками и разными вкусными булками и печеньями, чтобы возстановить силы, утраченныя сномъ, и отправится на лугъ—побѣгать и порвать цвѣтотъ. Такъ какъ въ этомъ идеальномъ царствѣ, гдѣ всего два человѣка жителей, было бы странно предположить какого нибудь идеальнаго мужлану, то букеты полевыхъ цвѣтотъ не испытуютъ никакого тис-

кавы и мысли и въ натуральной своей снѣжести поступать въ вады, украшающія будуары кисейной барышни. Явившись домой, послѣ продолжительнаго бѣганья по травѣ, съ разорванными ботинками и порочающимся платьемъ, барышня переодѣнется и, потребовавъ трудящагося человѣка, велитъ ему, вмѣсто разорванныхъ ботинокъ, сшить новыя и переначканное платье выстирать, и затѣмъ потребуетъ обѣдать. Для полнаго возстановленія силъ, утраченныхъ усвоенными мочіонамъ, обѣдъ будетъ состоять изъ многихъ разнообразныхъ питательныхъ и вкусныхъ блюдъ, которыя барышня препроводитъ сполна и самымъ граціознымъ образомъ въ свой старователный желудокъ. За обѣдомъ послѣдуетъ кофе, который подаетъ тотъ же трудящійся человѣкъ, и онъ же принесетъ ваниль, потому что кисейная барышня курить. Послѣ обѣда, попятясь часа два на диванѣ, кисейная барышня побѣжитъ опять на свой лужокъ, чтобы еще разъ переначкать платье и разорвать башмаки; потомъ прибѣгаетъ домой пить чай съ густыми сливками и вкусными булками, что опять принесетъ тотъ же трудящійся человѣкъ; затѣмъ опять убѣжитъ и опять прибѣжитъ поужинать, и, наконецъ, ляжетъ спать, чтобы на завтра повторить ту же исторію. Жизнь хорошая. Ну, а что же трудящійся человѣкъ?—Трудящійся человѣкъ встанетъ рано, потому что ему много дѣла. Онъ долженъ посѣять лѣсъ въ двойной пропорціи, для себя и для барышни; онъ долженъ его сѣять, вымолотить и смолотъ, онъ долженъ подонть корову и сѣять къ чаю сливки; онъ долженъ добыть чаю, сахару, кофе и всякихъ приностей, колониальныхъ товаровъ и сладостей, чтобы придать обѣду привлекательность, ибо кисейная барышня любитъ очень сладкое. Онъ долженъ сходить въ лѣсъ и настрѣлять рябчиковъ и зюратекъ, и сходить на рѣку наловить стерлядей и осетровъ. Онъ долженъ готовить обѣдъ и ужинъ. Наконецъ, онъ долженъ шить платье и обувь и мыть бѣлье. Если бы все это приходилось трудящемуся человѣку производить только на себя одного, то еще бы жить можно. Но бѣда въ томъ, что требуется двойная пропорція, и силъ у человѣка не хватаетъ. Чтобы не нарушить душевнаго равновѣсія своей повелительницы, трудящійся человѣкъ старается только о томъ, какъ бы удовлетворить потребности своей госпожи, а о себѣ ужъ онъ и не думаетъ. Для нея онъ сшиваетъ густыя сливки, а самъ пьетъ молоко; для нея онъ печетъ вкусныя булки и грендели, а себѣ состряпаетъ такъ какую

нибудь женщину, жинь бы поспорить, для нея нокы: естриянасть обѣда в уминь, а сама поѣсть естатки или если барышня, ради вапше возстановленія силъ, освѣтѣвъ вынакиъ не оставитъ, те поѣсть и одного хлѣба. Сидитъ себѣ поряденнуму едежену или обую трудящомуся челоуѣку томо невелика, и вотъ онъ мастеритъ себѣ тотъ сортъ одѣянія, который зовется лопашью;—однимъ словомъ, трудящійся челоуѣкъ бѣтесъ самъ, какъ рыба объ ледъ и во всемъ у него недостатокъ, не знаетъ ихъ одна няного не дѣлающая высейная барышня.

Обладѣй барышня только половиной домей производящихъ силъ противъ трудящагося челоуѣка, и у нихъ бы различалъ совершенно другая жизнь. Барышня бы доила коровъ, жала, стирала бѣлье, стряпала, шила и, избавивъ, такимъ образомъ, трудящагося челоуѣка отъ нянегаго того, что онъ дѣлаеть теперь, доставила бы ему возможность употребить эту половину во времени на производство полезныхъ предметовъ въ большемъ количествѣ, чѣмъ онъ производилъ ихъ до сихъ поръ. Трудящійся челоуѣкъ устроилъ бы себѣ хорошия сапоги, завелъ пальто изъ плотной, темной матеріи, нѣсколько возока, сталъ бы пить воже сливки и, вмѣсто ржаныхъ лопашекъ, ѣсть булки. Однимъ словомъ, трудящійся челоуѣкъ заималъ бы господство. А какъ при трудѣ двухъ людей всегда есть величина произведеній противъ того, что имъ нужно, то они повезла бы свое масло, хлѣбъ или что тамъ у нихъ есть въ соседнюю страну и вымѣняли бы на то, что сами сдѣлать не умѣють или того, по климатическимъ вліяніямъ, имъ и невозможно произвести. Хозяйство обомъ трудящихся лицъ становилось бы все полезѣе и полезѣе и явился бы у нихъ, наконецъ, досугъ,—потому что, въ случаѣ дѣлѣ, не завалить же себя по горно полезными предметами, когда они, по необходимости, становятся бесполезными,—и въ эти досужіе часы высейная барышня и трудящійся челоуѣкъ читали бы книги вмѣстѣ—а те, пожалуй, и поросень, хотя выѣсть все лучше,—и высейная барышня играла бы трудящомуся челоуѣку на еортеляно камѣя нибудь хорошия вещи и жѣла бы ему хорошия хлѣбки....

Но такая уладительная картина есть болане ничего, какъ идеальность счастья въ нашемъ идеальномъ примѣрѣ. При томъ же порядкѣ, какой издавна завелъ, производителемъ является одинъ лишь трудящійся челоуѣкъ, а барышня только потребителемъ, ровню ничево производящимъ. А дакъ все, что она ни погрѣбала, шло же на те,

чтобы направить ея силы на полезную дѣятельность, что очевидно, что и затрачивалась на производство безцѣльных пушинок и не приводило къ экономическому цѣли. Это все равно, что вы хотите выстрѣлить изъ ружья въ птицу; стрѣлите, но пули ваша летаетъ куда-то въ пространство. Провали ли у васъ эта пуля, всё вершице пороку и вашъ трудъ даромъ, или цѣль? Разумѣется, провали, потому что вамъ слѣдовало попасть, чтобы достигнуть предположеннаго результата. А не попалъ, вы его не достигли, т. е. остаетесь безъ птицы. Неужели вы станете утверждать, что птица у васъ на ружьяхъ? Тотю также и тутъ. Все, что ни дѣлаетъ барышня, это ле кресту стрѣланіе въ небо. И еще хорошо, если бы провадалъ трудъ только ся одной, а то провадаетъ даромъ и трудъ того, кто аважнасть се вещей необходимыми для жизни. Когда вы стрѣляли въ птицу и не попали въ нее, я думаю, что провадалъ вывѣтъ съ нашими трудомъ и трудъ человека, который приготовилъ пулю; порохъ и пистонъ. Вѣдь результатъ былъ тотъ; какъ если бы этихъ вещей совсѣмъ не существовало и вы бы вовсе не стрѣляли, потому что птица и до сихъ поръ летаетъ въ лѣсу, въ ожиданіи божіе счастливаго стрѣла. Я думаю, было бы лучше, если бы работѣ, приготовлявшіе зарядъ, провадалъ даромъ, вывѣто его; накали бы: травы или елины бы нару женскихъ рукавичкахъ:—оставили бы въ обществѣ двѣ новыя вещи, а теперь ни одной. Для трудящагося человека было бы выгоды въ экономическомъ отношеніи, если бы кисейной барышни совсѣмъ не существовало; все, что онъ ни подѣлалъ, шло бы тогда исключительно на удовлетворенію его потребности. А какъ всё его силы были бы направлены на производство полезныхъ предметовъ и онъ нигдѣ, нѣтъ, одѣвался бы для того, чтобы трудиться, то очевидно, что каждый кусокъ хлѣба, который бы онъ сѣдалъ, каждая удовлетворенная умственная или матеріальная потребность реализировалась бы, затѣмъ, въ какую либо новую возможность прежде несуществовавшую. При кисейной же потребности, трудящійся человекъ былъ совершенно подобенъ тому рабочему, который приготовилъ ружейный зарядъ для выстрѣла провала. Жѣ елины, которые онъ силъ, оставили самъ при жилищи: монотъ, всё платья, которые онъ нашылъ, щеголая самъ въ акадѣтѣ; всё были и гастрономическія тонкости, которые онъ настрѣла; пробовалась самъ ржанымъ лепешкамъ, умая на тоц: чтобы дать кисейной барышнѣ силу только мять траву и рвать цвѣты.

Значитъ, трудящійся человѣкъ работаетъ не для того, чтобы каждая единица его полезнаго труда принесла бы единицу неважнаго полезнаго труда, а для того, чтобы своимъ трудомъ питать убыточную дѣятельность бесполезнаго человѣка. Трудящійся человѣкъ, самъ того не подозревая, сдѣлываетъ косвенно провозвѣщеніе ильминтъ изъ зеренъ и былъ похожъ на земледѣльца, добывающаго въ нѣтъ дня хлѣбъ, чтобы бросить его въ воду. Права ли экономическая наука, если она говоритъ, что трудъ бываетъ выгодный и убыточный? Права же она, когда и потребление дѣлитъ на убыточное и выгодное? Въ приведенномъ примѣрѣ были образчики того и другого. Когда трудящійся человѣкъ работаетъ для себя, т. е. для поддержанія своей дальнейшей полезной дѣятельности, — онъ трудился выгодно; когда онъ трудился для ничего не дѣлающей барышни, — онъ трудился убыточно. Когда барышня потребляла результаты труда рабочаго человѣка, чтобы донть веревъ и стирать бѣлье, — она потребляла выгодно; когда же она шила и ѣла для того, чтобы только рвать полевые цвѣты, — она потребляла убыточно.

Экономическая теорія, обсуживающая всѣ человѣческія дѣйствія съ точки зрѣнія ихъ экономической выгодности, идетъ послѣдовательнымъ, логическимъ путемъ до крайнихъ мелочей и въ своихъ выводахъ гораздо гуманнѣе, чѣмъ неопытные эгалитропы и лѣди, увлекающіеся сердечными порывами. Увлекающіеся люди требуютъ любви; но скажите мнѣ, что такое любовь? Узнайте мнѣ границы, когда она переходитъ въ ненависть, и научите, какъ не переступать этой черты? Порывистость васъ не научаетъ этому, а экономическая теорія научить. Ваше чувство возмущается, когда говорятъ, что извозчикъ, везущій шалона, работаетъ въ убытокъ; а между тѣмъ, онъ все-таки работаетъ въ убытокъ; и всѣ извозчики, всего міра, если они будутъ возить только шалонавъ, т. е. людей, непродводящихъ никакой экономической полезности, будутъ работать въ убытокъ, и не только пойдетъ въ этомъ случаѣ въ убытокъ трудъ извозниковъ, но и трудъ земледѣльцевъ, притѣвляющихъ предметы пищи для нихъ и для ихъ лошадей; пойдетъ въ убытокъ и трудъ кузнецовъ и экипажныхъ мастеровъ; пойдетъ въ убытокъ трудъ шорниковъ; пойдетъ въ убытокъ трудъ портныхъ и сапожниковъ, — однимъ словомъ, пойдетъ въ убытокъ трудъ всѣхъ работниковъ, принимавшихъ прямое или косвенное участіе въ томъ, что

бы существовали извозники, развозящіе только однихъ шалеюшекъ и больше ничего. — Экономическая теорія идетъ еще дальше. Она говоритъ, что убыточнымъ трудомъ будетъ работа и всѣхъ тѣхъ, кто заготавливалъ платье, обувь, пшцу и т. д. даже и на кузнецовъ, шорниковъ, портныхъ, земледѣльцовъ, работниковъ на извозниковъ, ватажниковъ шалеюшекъ. Докажите, что экономическая теорія ошибается. А если вы этого не докажете, потому что и доказать невозможно, то вамъ придется согласиться и съ тѣмъ, что если желѣзная дорога возитъ только праздныхъ людей, ровно ничего производящихъ полезнаго, то она тоже идетъ въ убытокъ; что если сапожникъ работаетъ на убыточнаго потребителя, — трудъ сапожника убытокъ; если кухарка стрипаетъ на такихъ же потребителей, — трудъ ея тоже убытокъ. Но вы хитрите; вы не хотите быть логичнымъ, не употребляете точныхъ, строго-научныхъ названій и опредѣленій и, по своей сердечности, желаете дѣйствовать и на сердечность читателя. Нѣтъ, милостивый государь, дайте намъ логику, а не увлеченія, и тогда самый неопытный читатель разберетъ, кто говоритъ дѣло — вы или экономическая теорія. Изворачиваясь, вы строите такіе чувствительныя декламация: «И такъ, полезны труды однихъ гениевъ, парящихъ въ высшихъ сферахъ прогресса, — бесполезны же труды извозниковъ, ибо извозники возятъ шалеюшекъ; труды сапожниковъ бесполезны, когда они шьютъ на дураковъ; труды кухарокъ бесполезны, когда онѣ служатъ въ курныхъ семействахъ.» Затѣмъ вы ставите такой угрожаемый вопросъ: «сколько дураковъ ѣздитъ каждый день по Николаевской желѣзной дорогѣ, — следовательно, Николаевская желѣзная дорога бесполезна.» Ну, разумѣется, если она возитъ *только* дураковъ. Но вѣдь вы и сами знаете, что поставили вопросъ невозможный, ужъ какъ-будто бы въ Россіи вы не хотите предполагать ничего большаго; вѣдь это, я думаю, обидно и для васъ самихъ. Возьмите лучше назадъ свое слово. Потому, что значить дураки, дурные семейства? Экономическая теорія не знаетъ ни того, ни другою; она знаетъ только выгодныхъ и убыточныхъ производителей и выгодныхъ и убыточныхъ потребителей; а кто изъ нихъ дураки или дурныя семейства, она того не вѣдаетъ, потому что на все и на каждого смотритъ исключительно съ точки экономической выгоды. Дадъ людей, увлеченныхъ сердечностью, дурнымъ семействомъ покажется сегодня такое, какое завтра покажется хорошимъ; дура-

Можь может показаться сегодня тотъ, кто завтра превратится внезапно въ ушаго. Экономическая теорія такъ начаться не можетъ и убыточный человекъ будетъ въ ея глазахъ убыточнымъ сегодня, завтра и послѣ завтра, и всегда, пока онъ не измѣнитъ своей дѣятельности и не сдѣлается полезнымъ. Думая ошеломить неопытнаго читателя, вы спрашиваете: «и такъ, полезны труды однихъ гениевъ?» Никто этого никогда не говорилъ. Укажите, гдѣ это сказано? Экономическая теорія доказываетъ только, что не всякій трудъ одинаково полезенъ и не все люди въ одной степени выгодны. Вы и сами знаете это очень хорошо. Неужели вы станете утверждать, что трудъ Уатта и всѣхъ тѣхъ, кто производилъ омыты съ паровыми машинами, былъ одинаково полезенъ съ трудомъ кузнецовъ, исполнявшихъ заказы этихъ людей, или что Прудонъ принесъ ту же пользу, какъ и наборщикъ, набравшій его сочиненія? Если люди, хорошо знакомые съ экономическими основами жизни и съ экономической теоріей, сортируютъ экономическую дѣятельность людей по ея полезности и говорятъ, что санегъ, спитые на убыточнаго производителя, идутъ обществу въ убытокъ, то они хотятъ сказать этимъ только одно, что степень полезности людей бываетъ различна и что для общества выгоднѣе всего, если каждый человекъ производитъ самый выгодный трудъ, какой позволяютъ ему пренавности его способности. Экономическая теорія хочетъ только того, чтобы не было праздныхъ людей и чтобы способности трудящихся проявлялись самымъ выгоднымъ и успешнымъ образомъ.

Когда, такимъ образомъ, заявляются скромныя желанія о томъ, чтобы все трудилось полезно, и когда замѣчаютъ еще, что полезность людей бываетъ различна, то во всемъ этомъ нѣтъ еще ровно ничего злодѣйственнаго и безчеловѣчнаго, чтобы стѣнать и винятыхъ и негодовать на людей, выславывающихъ подобныя простые истины. Никто не винитъ ни извозчика, возящаго шалоная, ни кукарузу, стрипающую на дурное семейство, а только подмѣчаютъ эти факты и затѣмъ объясняется ихъ экономическое значеніе. Смѣшно и слишкомъ рано отыскивать виноватыхъ въ томъ, что существующій порядокъ экономическій порядокъ далеко отъ своего идеала. Какъ найдемъ виноватыхъ, когда ихъ нѣтъ? Ну, а если бы они и появились? Вѣдь уже, конечно, виновнымъ оказался бы не какойнибудь изъ нашихъ современниковъ, а ктонибудь подальше, — Адамъ, Чингисъ-Ханъ или Барль Великій; а при строгомъ соображеніи, оказалось бы, что и они не-

виноваты, и пришлось бы забираться въ тѣ времена, когда еврей странствовали по Аравійской пустынѣ. Положить, наконецъ, что оказались бы виноватыми Юдее и Олофернъ. Чѣмъ прикажете съ ними дѣлать? Во-первыхъ, неизвѣстно мѣсто ихъ погребенія, а во-вторыхъ, и Юдее, и Олоферну рѣшительно все равно, что скажутъ объ ихъ экономической ошибкѣ современные русскіе публицисты. Значитъ, съ этой стороны взятъ гладки и ничего не подѣлаешь. Но вѣдь могло бы оказаться и другое: могло бы оказаться, что въ современномъ экономическомъ устройствѣ виновате все мыѣшнее и прошлое человечество, вплоть до самого Адама. И это было бы справедливо. А въ такомъ случаѣ понятно, что отыскивать виноватыхъ—напрасный трудъ, потому что если виноваты всѣ, то виноватыхъ нѣтъ. Между тѣмъ, сердечные люди поступаютъ иначе. По ихъ мнѣнію, если есть на свѣтѣ извонники, то въ этомъ виноваты тѣ, кто на нихъ бѣдитъ. Если трудящійся человекъ ѣсть самъ ржаная лепешка, готовя для кисейной барышни вкусныя печенья, то виновата кисейная барышня. Это не теорія причинности, не теорія разсудительныхъ людей. Бываютъ точно случаи, когда и разсудительные люди находятъ необходимымъ отыскивать такъ называемыхъ виноватыхъ. Но когда этихъ причинъ нѣтъ, они смотрятъ на вещи спокойнымъ, разсудительнымъ окомъ и говорятъ, какъ прилично здравомыслящимъ людямъ. Здравомыслящій же человекъ не станетъ тыкать пальцемъ въ лобъ кисейной барышни и укорять ее въ легкомысленности, потому что этимъ способомъ онъ только огорчатъ напрасно невиноваго человека, не сдѣлавъ его лучше. Не тыканье пальцемъ нужно въ этомъ случаѣ, а разъясненіе людямъ того, чего они не понимаютъ и о чемъ съ ними никто никогда не говорилъ. А какъ только люди узнаютъ то, чего они не знали, они сейчасъ же стануть и поступать иначе.

Есть между русскими публицистами такіе господа, которыхъ очень нравится отыскивать въ Россіи какую-то буржуазію. Они думаютъ, что русскій мѣщанинъ то же самое, что нѣмецкій бюргеръ или французскій буржуа. Но, разумѣется, нужно знать исторію образованія русскаго мѣщанства и экономической бытъ нашихъ генеральныхъ мѣщанъ, чтобы понять всю несостоятельность такого сравненія; чтобы узнать, что между нашимъ мѣщаниномъ и крестьяниномъ нѣтъ ровно никакой разницы. Богатый мужикъ, живущій въ деревнѣ, будетъ все что вы называете буржуа; точно такой же буржуа и

богатый шпациннъ. По своей словянофильской сердечности, вы увлекаетесь любовью въ какому-то идеальному славянину и отыскиваете его тннъ въ томъ, что зовутъ обыкновенно народомъ, вовсе и не догадываясь, что въ немъ живетъ тотъ буржуазный элементъ, который вы зовете презрительно филистерствомъ, и что это филистерство такъ же хорошо можетъ скрываться подъ крестьянскимъ армякомъ, какъ оно скрывается подъ сюртукомъ городского жителя; а то, что вы зовете народнымъ началомъ и считаете представителемъ труда, носить, кромѣ мужицкаго паяты и заптей,—фракъ и круглую шляпу.

Вы очень сочувствуете извозчикамъ, возящихъ праздныхъ шалопаевъ и въ то же время бросаетесь съ ожесточеніемъ на тѣхъ, чье экономическое положеніе гораздо хуже и кто служитъ истинными представителями пролетаріата. И вся причина вашей жестокости только въ томъ, что любовь слѣпа и что достаточно надѣтъ на себя бурнусъ или пальто, чтобы вызвать въ васъ враждебное чувство.— Однако, моя идеальная читательница можетъ мнѣ замѣтить, что, во-первыхъ, я отступаю отъ предмета, потому что началъ говорить о капиталѣ; а во-вторыхъ, что я сталъ выражаться такимъ ученымъ языкомъ, какншь прилично говорить только въ экономическихъ и сельско-хозяйственныхъ засѣданіяхъ съдовласыхъ старцевъ. На это, съ отличающею меня тонкостью обращенія съ прекраснымъ поломъ, я отвѣчаю своей идеальной читательницѣ, что я расточилъ свои громы противъ тайнаго врага, — имя котораго мнѣ неизвѣстно, такъ какъ онъ не подписывается подъ своими статьями,—потому что этотъ тайный врагъ обрушился бы со временемъ на васъ за то, что вы ходите въ бурнусъ и въ шляпкѣ, и на мою идеальную кисейную барышню и назвалъ бы васъ непремѣнно дряблыми натурами. Предвидя такую дерзость, я долженъ былъ показать нашему общему тайному врагу, что онъ совершенно несправедливо изливаетъ всю свою нѣжность на тѣхъ, кто въ этой нѣжности нисколько не нуждается, и въ то же время забрасываетъ камнями свой собственный огородъ, потому что хотя врагъ и не объявилъ, въ какому экономическому лагерю онъ принадлежитъ, но что онъ такой же пролетарій, какъ и вы, моя идеальная читательница, я вижу изъ каждаго его слова:—такъ рьяно писать можетъ только пролетарій и никто больше. По своей нылости, онъ любитъ все грандіозное и сильное, но не вездѣ и не во всѣхъ. Извозникамъ

онъ позволяетъ быть чѣмъ нибудь угодно; но если бы захотѣлъ быть драблыиъ пролетарій во фракѣ, онъ вынужденъ былъ непремѣнно оплестереть. Нога дѣло касается мужчинъ, — терпѣть еще можно, но представьте, что флистеркой назвали бы васъ, моя прекрасная читательница! Обидно, особенно, если хорошо понимаете смыслъ этого слова. Кто же не знаетъ, что сила — великая вещь и что есть удивительные организмы, способные производить удивительные дѣла? Но развѣ нѣтъ и такихъ стѣнъ, о которыхъ разбивается самый крѣпкій лобъ? Я нисколько не отвергаю того, что идеальная кисейная барышня не принадлежитъ въ каковыя нибудь исключительныя организаціи, но не думаю, чтобы было справедливо обвинять ее за это. Станете ли вы негодовать на горшечную глину, зачѣмъ она не фарфоровая? Ну, также нельзя негодовать и на кисейную барышню, зачѣмъ она не Катерина Медичи. Здѣсь вопросъ не въ томъ, что кисейная барышня не пролагаетъ путей человѣчеству и не дѣлаетъ великихъ открытій, а въ томъ, что и тѣми силами, какія у нея есть, она пользуется не такъ, т. е. убыточнымъ для себя и для общества образомъ. Чтобы кисейная барышня сама собой превратилась въ какой нибудь удивительный организмъ, создающій исключительно полезности, — ни требовать, ни ожидать отъ нея нельзя, потому что она тогда перестала бы быть кисейной. Значитъ, дѣло совсѣмъ не въ томъ, чтобы драблыиъ организмы превратились бы впевапно въ чугуны и проволоку и принялись бы, какъ тараканы, пробивать насивозъ стѣны, а въ томъ, чтобы и при той силѣ, какая у нихъ есть, они приносили бы обществу всю ту пользу, на какую способны. А это будетъ возможнымъ только тогда, когда общество проникнется правильными экономическими знаніями и установитъ у себя такіе порядки, при которыхъ всякой способности и силѣ найдется не только вполне соответственное занятіе, но и вкладать, если бы они даже отъ всей души желали бы производить безцеленности, производить ихъ будетъ уже невозможно. — Здѣсь мы подошли опять къ тому вопросу, котораго каснулся, когда я сказалъ, что кисейная барышня будетъ играть на фортепиано для трудящагося человѣка какія нибудь хорошія вещи и пѣть ему хорошія пѣсни.

Но отношенію къ названнымъ свѣтскимъ барышнямъ и салоннымъ дѣятельницамъ, экономическая теорія, — наука грубая, не только не признающая полезности разныхъ пріятныхъ занятій, но называющая

даже людьми лишними тѣхъ, кому никто и никогда не смѣлъ свѣ-
 вать подобной невѣжливости и кто былъ постоянно глубоко убѣж-
 денъ въ своей крайней необходимости для благоденствія человѣче-
 слага рода. Свой противосвѣтскій элементъ экономическая теорія
 проявляетъ съ такой беспощадной суровостью, которая можетъ по-
 казаться даже несправедливостью. Напримѣръ, вооружаясь противъ
 кисейной барышни, рвущей полевые цвѣты, съ тою цѣлью, чтобы
 они исправляли должность идеальнаго юноши, экономическая теорія
 позволяетъ подобное занятіе людямъ, производящимъ и полезный трудъ.
 Конечно, она и къ нимъ относится довольно сурово, т. е. разби-
 раетъ, съ какою цѣлью они занимаются рваніемъ цвѣтовъ. Про бо-
 таниковъ и натуралистовъ и говорить нечего: у нихъ цѣль ученія,
 наука и т. д. Но экономическая теорія смотритъ съ благосклонной
 улыбкой на столяра и сапожника, если они, измученные работою,
 выйдутъ въ поле погулять и набраться свѣжими силами; когда они
 валяются на травѣ, рвутъ цвѣты. Вѣдь не каменное же существо,
 въ самомъ дѣлѣ, мастеровой, и ему позволено любить природу
 и чувствовать наслажденіе, вдыхая живительный воздухъ, болѣе
 свѣжій и здоровый, чѣмъ душный воздухъ мастерской. Дѣло дру-
 гое, если мастеровой не хочетъ работать и валяется на травѣ
 не для того, чтобы запасть свѣжими силами, а просто потому,
 чтобы убить время. Въ этомъ случаѣ мастеровой не отличается ни-
 чѣмъ отъ кисейной барышни и экономическая теорія отворачивается
 отъ него и причисляетъ его къ разряду лишнихъ людей. Неуваже-
 ніе къ валяню на травѣ и къ собранію полевыхъ цвѣтовъ эконо-
 мическая теорія обнаруживаетъ совсѣмъ не потому, чтобы подобныя
 занятія были дурны сами по себѣ, а потому, что у современнаго че-
 ловѣчества есть дѣла поважнѣе. Кто же не знаетъ, что гулять на
 воздухѣ приятно? Не будь это удовольствіемъ, никто бы не сталъ
 ни гулять, ни лежать на травѣ, ни рвать цвѣтовъ. Но дѣло не
 въ приятности, а въ томъ, что подобныя занятія, причисляемыя во-
 обще къ изящнымъ и высшимъ наслажденіямъ, въ большинствѣ
 случаевъ, несвоевременны и составляютъ совершенную роскошь.
 Если бы природа приносила человѣку готовое платье и жареныхъ
 рябчиковъ, то, разумѣется, человѣку бы оставалось только возвѣдать
 на пиру природы и поѣдать все, что ему предлагается; а затѣмъ,
 для нищеваренія, отдыхать въ тѣни банана, наслаждаться его пло-
 дамъ. Обезпеченный въ своихъ первыхъ потребностяхъ, человѣкъ

обратился бы тогда къ вышнимъ, вѣдшимъ удовольствіямъ и жаль бы, какъ Адамъ въ рай. Но какъ этого нѣтъ и человѣку нужно добывать хлѣбъ собственными руками, то очевидно, что по степени важности первое мѣсто принадлежитъ тому сорту труда, который направленъ на произведеніе предметовъ первой, главной необходимости; а все то, что составляетъ тонину изящества и вышнихъ эстетическихъ наслажденій, составляетъ уже корону, которую возволяется человѣку надѣть на себя, когда онъ прилично омытъ и прилично одѣтъ. Иначе можно угодобиться жителю Отаити, надѣвающему щегольскій фракъ на голое дѣло.—Кисейная или другая вѣщная барышня, воспитаніе которой было направлено къ тому, чтобы она умѣла изобразить изъ себя есю, чтобы въ ней сосредоточивался источникъ высшаго наслажденія для насъ, грубыхъ мужичиъ, чтобы она соединяла въ себѣ одной всѣхъ музъ и грацій,—такая барышня, конечно, неоцѣненный даръ для рая Магомата; но на земную сивирь она рано, нѣсколькими вѣками ранѣе, чѣмъ бы ей слѣдовало, чтобы получить отъ экономической теоріи билетъ на право жительства. Не смущайтесь этимъ враговоромъ, моя многоуважаемая читательница, и не думайте, чтобы я сталъ проповѣдывать вседѣйствительный походъ противъ ролей, адейтъ, скрипокъ, контрабасовъ, виолончелей; чтобы я предлагалъ превратить всѣ театры въ новотильные сараи. Играйте на роялѣ и пойте, какъ божья птичка, когда у васъ есть на то время; а рабочіе люди васъ послушаютъ, потому что вѣдь и они любятъ музыку; но не дѣлайте изъ празднаго занятія существенной принадлежностію своей жизни и не тратьте свое время на музыкальное образованіе, не имѣя музыкальныхъ способностей; лучше научитесь нечъ вкусныя булки. Если вы являетесь разсудительнымъ окомъ на то, какъ воспитывать васъ и вашихъ сестеръ, то, разумѣется, согласитесь, что нѣтъ васъ хотѣли сдѣлать небожителей, а не земныхъ людей, которымъ нужно пить и ѣсть, и самимъ добывать свой хлѣбъ. Вы являетесь превосходныя тамбурные салютки и приносите это нечъ щество въ подарокъ вашему брату въ то время, какъ его самогъ просятъ заплаты и нечъ дуютъ дѣзуть у него вонъ пальцы; вы браничаете на разстроенномъ фортепiano и въ тоже время не умѣете зашнечать своего платья, а для этого дѣла должны существовать особенныя родъ людей, которые могли бы заниматься другимъ, болѣе полезнымъ дѣломъ; вы играете постыднымъ образомъ три-четыре ма-

лесными полями и переводите умные на порядочныхъ людей, ожидая полннмъ музыкальнымъ невѣжествомъ и все-таки воображаете, что вы производите музыку; вы награждаете своего мужа безснкой, въ те время, какъ ему нуженъ дѣльный совѣтъ, и полагаете, что вы ужасно одолжаете его; вы не находите никакого разговора достойнаго вашего вниманія, если дѣло не касается любви и эстетическихъ наслажденій, и считаете умнымъ и пріятнымъ только того мужчину, который умѣетъ говорить о сердечныхъ вопросахъ. Такимъ образомъ, вы тратите всѣ свои силы на произведеніе предметовъ, служащихъ исключительно для украшенія жизни, тогда какъ вамъ мужъ или отецъ выворачиваютъ всѣ свои мозги, чтобы придумать, какъ бы добыть именно тотъ кусокъ хлѣба, который идетъ исключительно на возбужденіе въ васъ эстетической дѣятельности. Ну, не выгоднѣе ли было бы для вашей семьи, если бы вы никогда не учились бранчать свои безтолковыя польки и то время, которое посвятили музыкальному образованію, употребили бы на изученіе башмачнаго мастерства? Гораздо лучше быть хорошей башмачницей, чѣмъ дурной музыкантшей. И съ чего ваша мамаша воображала, что васъ слѣдуетъ учить непремѣнно музыкѣ? Было бы невыгодно для общества, если бы Мендельсона-Бартольди стали учить печь булочки или вязать чулки, а Листа—выдувать стаканы и бутылки; но эмпирическая теорія рѣшительно не видитъ причины, почему васъ нужно тянуть изъ всѣхъ силъ въ Тамберлинн, Листы, Майербермы; тогда обстоятельства создали васъ хорошимъ самошникомъ, портнымъ, булочникомъ или модисткой. Пусть композиторами будутъ тѣ, кто родился быть композиторомъ; пусть пѣвцами будутъ тѣ, кто родился быть пѣвцомъ; пусть музыкантами будутъ тѣ, кто родился быть музыкантомъ; но зачѣмъ всѣ остальные люди, неимѣющія особой специальности своихъ способностей, могутъ и должны избирать только то занятіе, которое прежде всего обѣщаетъ принести имъ и обществу наибольшую экономическую пользу. Обществу гораздо выгоднѣе слышать изрѣдка музыку Мендельсона и исполненіе Листа, видѣть въ то же время хорошее платье и вкусную здоровую пищу, чѣмъ слышать каждый день разстраивающее нервы бранчанье кисейныхъ барышень и заблудъ въ дырчатой одеждѣ, чувствуя пустоту въ желудкѣ. На свѣтѣ еще слишкомъ мало полезныхъ предметовъ, чтобы люди обмнновенныхъ способностей ищопляли ихъ на произведеніе разныхъ неудачныхъ эстетиче-

сихъ наслажденій. Намъ нужны еще башмаки, сапоги, платье, хлѣбъ и булки; много еще нужно намъ разныхъ вещей, чтобы жить по человѣчески, и если руки, способныя производить все это, отвлекаются на игру на фортепіано, на вышиванье по канвѣ, а губы на произведеніе только безешекъ, то всѣ эти силы расходуются убыточнымъ образомъ на ненужную роскошь. Помните ли, когда трудящійся человѣкъ сталъ услаждаться хорошей музыкой и хорошими пѣснями? Только тогда, когда кисейная барышня превратилась въ экономически-полезнаго человѣка и понесла на себѣ долю трудовъ по своимъ силамъ. Только тогда явилось въ нихъ хозяйствѣ всего много; только тогда явились излишки и только тогда явилось свободное время и возможность посвятить его высшимъ наслажденіямъ. Не даромъ же музыка, пѣніе, танцы, театръ и т. д. называются украшеніемъ жизни; но вѣдь украшеніе слѣдуетъ только за необходимымъ, и было бы смѣшно, если бы вы вздумали надѣть на голову блестящую діадему, имѣя на тѣлѣ рубашку. Отчего просто-народье не знаетъ украшеній жизни?—Только потому, что всѣ силы его идутъ на произведеніе предметовъ первой необходимости и затѣмъ у него не остается нисколько досуга для развитія въ себѣ высшихъ человѣческихъ потребностей. Но выгодно ли для общества, если одна часть людей расходуетъ всѣ свои силы на полезный трудъ и затѣмъ, по недостатку досуга, пребываетъ въ варварской грубости, а другая, не производя ровно ничего полезнаго, посвящаетъ все свое время высшимъ наслажденіямъ и пользуется одна всеми украшеніями жизни? Этой частью, воспитывавшейся для наслажденій и жившей однимъ украшеніями, были вы, моя идеальная читательница. Пока вы этого не понимали, вамъ жилось легко и хорошо, ваши потребности были ограниченны; я не смѣю сказать, чтобы хорошая безешка была единственной мечтой и цѣлью вашихъ стремленій, хотя водились и такія женщины; но не смѣю также и отрицать его примитивной важности въ вашей счастливой жизни. Но вотъ пошли тучи,—ужь, право, не знаю—съ востока или съ запада, ну, да все равно; дѣло въ томъ, что пошли — и вы почувствовали, что къ вашему былому счастью чего-то не достаетъ; что однѣ наслажденія и украшенія жизни—пустота и пустота; голова требуетъ другой мысли, а а не той, какую она знала до сихъ поръ; а сердце другого чувства, какого оно не испытывало. Узко показалось вамъ въ томъ тѣсномъ кругѣ мелочныхъ ощущеній, желаній и стремленій, въ ко-

торопь вы плавали до сихъ норъ, какъ единой жуть въ лудъ, и захотѣлось вамъ простора и свѣжей среды. Но гдѣ ихъ взять? Ихъ нѣтъ готовыми въ природѣ, какъ не существуетъ готовыхъ зонтиковъ и жареныхъ карасей, а нужно создать своимъ собственнымъ трудомъ. И вотъ вы задумались и изморщился вашъ гладкій лобъ, сіявшій до сихъ норъ только довольствомъ, и думаете вы, и думаете, и ничего выдумать не можете, и стало у васъ на душѣ тяжело, и стали вы недовольны,—и то благо!

Одно только угадали вы вѣрно, что поперегъ вашей жизни сталъ экономическій вопросъ и что, перѣшивъ его строгимъ рациональнымъ путемъ, вы перѣшите и всѣ остальные свои вопросы.

И. Шелгуновъ.

ИЗЪ ПУТЕВЫХЪ ЗАМѢТОКЪ О КАВКАЗѢ.

ГУНИБЪ.

Гунибъ, прославленный измѣной мюридовъ и сдачей Шамиля, сдѣлался предметомъ общаго интереса и любопытства для путешественниковъ по Закавказью. Я посѣтилъ эту знаменитую крѣпость и послѣднюю защиту имама въ 1864 году. Изъ Дешлагара на Гунибъ разработана экипажная дорога, но я предпочелъ верховую дорогу черезъ ауль Гергебиль и другіе аулы такъ называемаго вновь покореннаго края, по которой до Гуниба считается 80 верстъ. Путешествіе мое было безъ особенныхъ приключеній. Сопровождаемый переводчикомъ и нуверами, я безопасно проѣхалъ по ауламъ, разбросаннымъ на пути, и, миновавъ Салгинское ущелье, прямо встрѣтился съ Гунибомъ. За нѣсколько верстъ онъ обрисовывался довольно ясно; вдали выглядывали изъ зелени бѣлые домики, красныя крыши, а вблизи гнѣздились сакли 2-хъ ауловъ, раскинутыхъ по обѣимъ сторонамъ бѣшеной рѣки Кара-Койсу. Солнце заходило; нуверы остановились для намаза, а догнавъ насъ, когда уже стемнѣло, затянули тихую, монотонную пѣсню. Вдоль рѣки и въ уступахъ горъ свѣтились огоньки, горѣли костры, разбиты были въ разныхъ мѣстахъ палатки: мы узнали бивуаки русскихъ солдатиковъ. Заслышалась иная пѣсня и иной говоръ. Передъ глазами торчалъ темный Гунибъ, до верхней площадки котораго идетъ подъемъ винтомъ на 6 верстъ. Татары замурлыкали свою пѣсню, уставившія лошади вторили имъ фырканьемъ, а мы въ совершенной темнотѣ кружились до второй площадки, гдѣ, вмѣсто вертѣвшихся передъ глазами въ теченіи 1½ сутокъ ауловъ, появились батальонныя зданія съ церковью, съ пладомъ, на которомъ прогуливались военные пальто и кринолины.

Въ виду послѣднихъ, всадникъ затянулъ веселую нѣсню, нухеры поддержали и проскакали молодцами по площадѣ; — затѣмъ мы опять кружились между садиками и огородами и, наконецъ, достигли верхней площадки, застроенной домами начальника округа и управленія.

Не прошло и 4-хъ лѣтъ, со времени занятія Гуниба, а уже образовалась военная колонія и поселенцы обзавелись хозяйствомъ; появились лавки, криволины, гарибальдѣйки, а надъ всѣмъ этимъ возводится гранитная крѣпость. Словомъ, нѣтъ и слѣда недавняго господства Шамиля.

Гунибъ—не гора, а отдѣльный хребетъ, вышиною до 7 т. фут. и до 50 верстъ въ окружности, неприступный со всѣхъ сторонъ, кромѣ отъ Кара-Койсу, протекающей у подножя его. Съ этой-то стороны онъ состоитъ изъ трехъ площадей, по которымъ идетъ подъемъ и гдѣ теперь устроены поселенія. Каждая площадь орошается большимъ ручьемъ, почти рѣкой. Всѣ эти ручьи образуются изъ рѣки, пересѣкающей плато Гуниба, имѣющаго въ профилѣ видъ разрѣзанной груши. По другую сторону Койсу, параллельно Гунибу, идутъ Кегерскія высоты съ зубчатыми вершинами, подобными средневѣковымъ укрѣпленіямъ, и выглядываетъ гора Турчидагъ, откуда наши войска давнымъ-давно видѣли Гунибъ, не догадываясь, что на немъ кончится кровопролитная драма, сыгранная Шамилемъ. Впрочемъ, преданіе говоритъ, что князь Аргутинскій-Долгорукой, стоя на Турчидагѣ съ войсками въ 1844 году и узнавши, что Шамиль назначилъ Гунибъ для убѣжища въ послѣднюю критическую минуту, предсказалъ, что имамъ здѣсь или будетъ окруженъ со всѣхъ сторонъ и взятъ живымъ, или будетъ убитъ.

Пригласивъ въ проводники очевидца сдачи Шамиля, мы отправились къ тому самому мѣсту, откуда былъ взятъ Шамиль. Къ самой вершинѣ разработана дорога, по которой возятъ матеріалы для крѣпости. Послѣдняя возводится со стороны Койсу, по окраинѣ холма, доступъ къ которому заграждала уцѣлѣвшая и до сихъ поръ каменная стѣна, идущая на нѣсколько саженой въ длину. Плато Гуниба состоитъ изъ отдѣльных холмовъ и пригорьевъ, обращенныхъ въ сѣнокосы и пашни, заключаая въ себѣ до 600 десятинъ удобной земли. Посрединѣ прорѣзываетъ его рѣка съ обрывистыми берегами въ 2 и 3 саж.; верстахъ въ 2-хъ отъ окраины сохранилась какимъ-то чудомъ, березовая роща, прежде довольно густая; но солдатики обцинали и оголили ее порядочно. Хотя роща сама по себѣ не любопытна, но едва ли ктонибудь пройдетъ

нико, не остановившись у большого камня, гдѣ князь Баратинскій ожидаетъ прихода Шамиля. Недалеко отъ рощи, у новорота рѣки, груды камней обозначаютъ развалины бывшего аула Гуниба, отъ котораго уцѣлѣли только стѣны мечети да сакля сына Шамиля, гдѣ имамъ провелъ послѣднiе дни. Наружность сакли незатѣдлива, нѣсколько выше и длиннѣе обыкновенной и отличается отъ другихъ верхнимъ этажемъ, да сторожевою башней. Комната въ ней четыре; въ первыхъ двухъ, отъ входа, — одна была прiемною, а другая спальнею; въ остальныхъ двухъ помѣщались жены. Изъ спальни черезъ пробонну, въ 1 аршинъ вышины, внутреннее сообщенiе съ женскою половиною. Въ эту пробонну, наглухо завѣшениую отъ постороннихъ глазъ, правовѣрные отправляются на свиданье къ женамъ своимъ; впрочемъ, завѣсъ существуетъ и для самихъ женъ, которымъ не позволено смотрѣть на своихъ мужей, безъ ихъ особеннаго приказанiя. Связанныя съ этой саклей воспоминанiя о послѣднихъ минутахъ и лебединой нѣснѣ имама вызываютъ много думъ объ измѣнчивости ролей и превратностяхъ различныхъ обстановокъ; но уголь, гдѣ все это случилось, не представляетъ ничего любопытнаго.

Уцѣлѣвшая сакля торчитъ среди груды камней, — и общая тишина нарушается гоготанiемъ гусей, помѣщенныхъ въ стойлѣ боевого коня имама, да визгомъ мышей въ пустой саклѣ. По полуобвалившейся лѣстницѣ мы взобрались на сторожевую башню, откуда видно все верхнее плато съ березовою рощею. Ауль отстоялъ отъ подъема на 6 верстъ; но до южной стороны, спускающейся отвѣснымъ обрывомъ, откуда взошли на Гунибъ апшеронцы, — еще порядочное разстоянiе, часа на 1½ ѣзды. Вообще плато Гуниба не можетъ быть окинуто простымъ глазомъ и, заключая, на высотѣ 7 т. фут., рѣку, лѣсъ, обширныя пашни и сѣнокосы, неприступное съ 3-хъ сторонъ и отдѣленное отъ однихъ окружающихъ горъ рѣкой, а отъ другихъ пропастями да обрывами, — могло составлять отдѣльное царство въ царствѣ; да это такъ и было. На Гунибѣ вначалѣ поселились бѣглецы и смѣльчаки, которые не признавали власти имамовъ. Шамиль, какъ мнѣ говорили, не бывалъ здѣсь прежде ни разу, а взойдя на Гунибъ, не оставлялъ его больше.

На обратномъ пути, мы подъѣхали къ тому мѣсту, гдѣ была палатка Шамиля съ главнымъ орудiемъ; а теперь на окраинѣ отъ Кара-Койсу возводится гунибская крѣпость. Изъ этого пункта можно было слѣдить за всѣми движенiями главнаго нашего отряда, стоявшаго на Кегерскихъ высотахъ; а что дѣлалось въ то время

въ ауль и на Гунибѣ,—говорять, трудно было разсмотрѣть. Всякій уголокъ на Гунибѣ памятеи по свидѣтельству о взятіи его; проводникъ нашъ, указывая то на груды развалинъ, то на рошу; то на рѣку, поясняя, что здѣсь была главная стѣна, защищаемая орудіями, и взята приступомъ; тамъ главнокомандующій приказалъ приостановить перестрѣлку, въ ожиданіи выхода Шамиля, а тамъ генераль Лазаревъ, отдѣлившись отъ отряда, кричалъ въ ауль, чтобы Шамиль выходилъ поскорѣе.

О взятіи Гуниба печатали очень много, но многія подробности намъ не извѣстны, особенно со стороны побѣжденныхъ. Поэтому, я полагаю умѣстнымъ привести здѣсь описаніе одного изъ ближайшихъ сподвижниковъ Шамиля—Хаджи-Али, бывшаго инженеромъ и мирзой, довѣреннымъ секретаремъ у послѣдняго имама.

Въ запискахъ (*) (или, правильнѣе, въ исторіи о Шамилѣ) *Хаджи-Али* говоритъ слѣдующее: «Послѣ взятія Веденя и послѣднихъ неудачъ, Шамиль увидѣлъ, что народъ, наибы и даже самые приближенные измѣнили ему и что онъ окруженъ съ четырехъ сторонъ русскими... Оставивъ въ Ичичали орудія, хлѣбъ, много жельза, мѣдной посуды, постели и прочую домашнюю утварь, онъ бѣжалъ съ горстью мюридовъ въ Гунибъ, взявъ съ собою на 6-ти лошадахъ деньги, золото и серебро (на каждую лошадь по 41 т. руб.; а на одной лошади разныя драгоценности), на 17 лошадахъ книги, на 3 лошадахъ ружья, на 3 лошадахъ шапки, пистолеты, кинжалы, панцири, на 40 лошадахъ разныя вещи и платья женъ, сукна и прочее. Въ четвергъ, 4-го сафара 1276 года, Шамиль выѣхалъ съ гумбетовцами и съ ихъ наибомъ Удми, провожавшими его до моста Конхидатильскаго, а тамъ, распростившись съ нимъ со слезами на глазахъ, возвратились домой. Шамиль остановился въ Каратѣ, въ домѣ сына своего Кази-Мухаммада. Изъ предосторожности, чтобы русскіе, которые были уже въ Аваріи, не пересѣкли ему дороги, онъ въ тотъ же день выѣхалъ изъ Караты въ Гидатль и на третью ночь, по выѣздѣ изъ Ичича, Шамиль съ 40 мюридами остановился около селенія Телитя, на возвышенно-

---

(*) Въ Шурѣ мнѣ удалось прочесть эту интересную рукопись въ переводѣ съ арабскаго. Съ дозволенія обязавшаго меня этою рукописью Л. О. Д...а, я сдѣлалъ настоящую выписку о взятіи Гуниба. Такъ какъ историческіе рассказы Хаджи-Али составляютъ не послѣдній интересъ и занимательность настоящей моей статьи, то я считаю обязанностью заявить печатно признательность Л. О. Драгату и указавшему мнѣ на эти записки А. С. Игнатьеву, моему спутнику и руководителю при поѣздѣ на Гунибъ и по Аваріи.

отъ, и были въ большомъ страхѣ. Вдругъ къ вечеру онъ узналъ отъ одного корохца, что чохцы покорились и русскіе заняли укрѣпленіе; тогда онъ и сынъ его Кази-Мухаммадъ еще больше испугались и сказали: «кажется, что лучше укрыться на горѣ Ротлата Месоръ (Чемоданъ гора), гдѣ прежде Кибитъ-Мухаммадъ, на всякій случай, построилъ дома во время походовъ князя Аргутинскаго; или поѣдемъ въ Тиндаль (въ это время Шамиль еще не имѣлъ вѣстія о вступленіи князя Меликова въ Тиндаль). Это самый храбрый народъ Дагестана.» Нѣкоторые предлагали Шамилю ѣхать въ Табасаранъ.—Шамиль и Кази-Мухаммадъ вызывали охотника, который бы отправился на Гунибъ, къ сыну его Шафи-Мухаммаду, чтобы освѣдниться, дѣйствительно ли взято укрѣпленіе Чохъ и вошли ли туда русскіе. Они говорили: «кто доставитъ намъ это свѣдѣніе, тому дадимъ столько-то». Всѣ молчали и никто не отвѣчалъ.

Когда я замѣтилъ, что Шамиль сильно обезпокоенъ и напуганъ, то сказалъ: «я въ эту темную ночь сослужу тебѣ, имамъ, эту службу или умру на дорогѣ». Верхомъ съ товарищемъ я отправился въ путь; передъ Ругуджею мы встрѣтили ругуджанскую стражу; товарищъ мой бѣжалъ, а меня остановили,—разспросили, куда я ѣду, и когда я рассказалъ имъ свой замыселъ, то указали мнѣ путь.

Получивъ отвѣтъ отъ Шафи-Мухаммада, я возвратился къ утру къ Шамилю, котораго нашелъ въ необыкновенномъ волненіи; онъ намѣревался ѣхать въ Гидатль и самъ не зналъ, что дѣлать. Я подалъ ему письмо и передалъ «саямъ» отъ сына. Шамиль, прочитавши письмо, очень обрадовался, что сынъ его еще живъ и здоровъ (нѣкоторые говорили, что Шафи-Мухаммадъ убитъ). И, такимъ образомъ, доставивъ свѣдѣнія Шамилю, я былъ причиною того, что онъ рѣшился отправиться на Гунибъ.

Въ среду, 9-го сафара 1276 года, Шамиль съ семействомъ, нѣкоторыми приближенными и мюридами прибылъ на Гунибъ. Изъ всего имѣнія, казны и драгоценностей, которыя онъ взялъ съ собою на выѣздѣ изъ Ичича, не осталось почти ничего, кромѣ оружія, которое было у него въ рукахъ, и лошади, на которой онъ сѣдѣлъ. Горцы ограбили все это ночью на дорогѣ, не доѣзжая до Ругуджи; однако же, на Шамиля не нападали. Когда Шамиль прибылъ на Гунибъ, то начали стрѣлять изъ орудій въ знакъ радости.

Въ субботу со всею конницею, которая находилась на Гунибѣ, Шамиль выѣхалъ осмотрѣть эту гору и дороги; онъ привезалъ

увѣрнить слабыя мѣста, поставить стражу, исправить завалы и прокопать въ нѣкихъ мѣстахъ рвы.

Увидавъ возлѣ себѣ немногихъ набовъ и приближенныхъ, — такъ какъ прочіе измѣнили ему и ограбили сокровища его, — Шамиль опечалился, впалъ въ раздумье и продекламировалъ слѣдующіе стихи арабскаго поэта: «у меня были братья, которыхъ я считалъ панцырями, — и вотъ они стали моими врагами. Я считалъ ихъ за мѣткія стрѣлы. Да! они были таковы; но только теперь вошли въ мое сердце».

Потомъ Шамиль сказалъ: «Ей-богу, если бы я довѣрялъ русскимъ, то непременно теперь слѣдовало бы помириться съ ними, — съ тѣмъ, чтобы они дозволили мнѣ уѣхать въ Мекку. А потомъ желалъ бы посмотреть на горцевъ, которые будутъ раскаиваться, когда русскіе начнутъ вертѣть на ихъ головахъ жернова муки въ наказаніе; желалъ бы я посмотреть на набовъ и дагестанцевъ, когда ихъ заставятъ заплатить за всѣ имѣнія, казну и вещи, захваченныя нами со временъ Кази-Мухуммада, Гамзатъ-Бека и въ мое время до сего дня. Такъ все это и будетъ, а горцы этого не понимаютъ; и если бы я былъ въ Дагестанѣ, то русскіе не могли бы этого сдѣлать, какъ не могли и прежде, когда я былъ въ Ахульго и Щубутѣ».

Князь Барятинскій, прибывъ на возвышенность Кегеръ, приказалъ войскамъ, расположеннымъ въ окрестностяхъ Гуниба, окружить его и занять всѣ тропинки. До прибытія князя приходили ругуджинцы, жители Ругуджа, Хиндала и Кудала, принося различныя извѣстія, соль и другіе съѣстные припасы; но съ прибытіемъ главнокомандующаго всѣ тропинки были заняты и никто больше не могъ пробраться на Гунибъ. Потомъ князь приказалъ барону Врангелю послать къ Шамилю благонадежнаго человѣка для мирныхъ переговоровъ. Полковникъ Али-Ханъ Аварскій, посланный барономъ, приблизился со стороны Хотота къ Гунибу и закричалъ: «Эй! подойдите для мирныхъ переговоровъ. Главнокомандующій очень милостивъ и сожалѣетъ о вашихъ женахъ и дѣтяхъ, боясь, чтобы они не попали подъ огонь солдатъ. Вы будете послѣ раскаиваться, но будетъ поздно».

Шамиль приказалъ отвѣтить, что онъ завтра вышлетъ своего сына Кази-Мухаммада, и чтобы Али-Ханъ пріѣхалъ завтра съ Лазаревымъ и Даніель-Султаномъ къ большому завалу, что у входа на Гунибъ.

Въ четвергъ, 10 сафара, Лазаревъ, съ Даніель-Султаномъ и другими лицами, по приказанію Барятинскаго, пріѣхалъ и остановился

у стѣны Гуниба, неподалеку отъ дома Мухаммада-Кудалійскаго; Шамиль выслалъ къ нимъ сына своего Кази-Мухаммада съ его приближенными и послалъ меня (я надѣлъ въ это время панцырь Шамиля, стоющій 400 р. сер., который подарила ему жена Асланъ-Хана Казикумухскаго, вмѣстѣ съ другими подарками, во время взятія Казикумуха). Мы подъѣхали къ русскимъ и начались переговоры. Полковникъ Лазаревъ сказалъ: «Мы собрались въ этомъ мѣстѣ для того, чтобы придумать лучшее для настоящаго и будущаго времени, оставить вражду и заключить миръ, успокоить Шамиля, его семейство и приближенныхъ, гдѣ они захотятъ». Предложенія, на случай добровольнаго изъявленія покорности, были слѣдующія: если Шамилю угодно будетъ отправиться въ Мекку, то онъ можетъ взять съ собою, кого пожелаетъ; его проводить до границы Турціи, дадутъ конвой и лошадей и, наконецъ, дадутъ ему какіе нибудь подарки. Если же онъ не хочетъ идти въ Мекку, то пусть выберетъ мѣсто въ Дагестанѣ, гдѣ пожелаетъ, только не на Гунибѣ, и тамъ поселится; остальныхъ же его спутниковъ поселить и успокоить тамъ, гдѣ захотятъ.

На другой день послѣ переговоровъ, получено было письмо главнокомандующаго съ послами Кубаномъ-Мухаммадиль-Боцадійскимъ, Мухаммадомъ-Хуційскимъ и Мухаммадомъ Дженгутаевскимъ, въ которомъ подтверждались условія, предложенныя Лазаревымъ.

Муряды были собраны и прочитано письмо, послѣ котораго произошло много толковъ. Шамиль говорилъ: «русскіе хитрятъ, чтобы только выманить насъ изъ Гуниба.» Другіе говорили, что такіе люди, какъ сардаръ, не стануть обманывать. Наконецъ, чтобы убѣдиться въ истинности содержанія полученнаго письма, Шамиль приказалъ хунзахскому набу, Дебиру, и черкеевскому-Юнусу отправиться къ главнокомандующему съ письмомъ слѣдующаго содержанія (это письмо писалъ я):

«Отъ раба божія, Шамиля, великому сардару, главному вождю, генералъ-адъютанту князю Барятинскому! Миръ вамъ, похвала и привѣтствіе!

«Къ намъ прибыли почтенные послы съ священнымъ письмомъ вашимъ. Мы прочитали его и поняли содержаніе. Посылаемъ къ вамъ отъ насъ двухъ пословъ для лучшаго объясненія условій и чтобы взять обезпеченіе на путь въ Мекку. Мы надѣемся, что вы выслушаете ихъ и дадите отвѣтъ».

Послы передали отъ Шамиля главнокомандующему слѣдующія условія: дать сроку мѣсяць или около того, пока Шамиль приго-

товится въ дорогѣ въ Мекку; послать для сопровожденія его каково нибудь благонадежнаго человѣка, чтобы на пути до границы Турціи никто его не обидѣлъ; а тѣхъ мюридовъ, которые останутся, успокоить тамъ, гдѣ они пожелають.

Когда послы возвратились, то Шамиль сказалъ народу: «я хотѣлъ заключить миръ для васъ; сардаръ предлагалъ хорошія условія, и чтобы убѣдиться въ нихъ, я послалъ къ нему двухъ пословъ; теперь послушайте, что они скажутъ!» Послы сказали: «все, что русскіе говорятъ—ложь, потому что у нихъ на языкѣ одно, а на сердцѣ другое, и мы отъ нихъ не дождемся ничего хорошаго».

Тогда народъ сказалъ: «благодаримъ тебя, имамъ, что ты желалъ для насъ помириться; но если русскіе хитрятъ, то мы лучше будемъ сражаться, пока умремъ, и ты сражайся, имамъ».

На другой день Шамиль получилъ второе письмо, написанное по довѣренности главнокомандующаго, въ которомъ кратко было ошрошено: согласенъ ли Шамиль на упомянутыя предложенія, или нѣтъ? Когда письмо было получено, меня не было. По порученію Шамиля, Абду-Рахманъ, зять его, написалъ безъ печати Шамиля въ отвѣтъ главнокомандующему, что съ мечемъ въ рукахъ ждутся русскіхъ. Главнокомандующій, прочитавъ отвѣтъ Шамиля, приказалъ приступитъ къ осадѣ. Войска двинулись со всѣхъ сторонъ и заняли всѣ опасныя мѣста. Нѣкоторые обпадеживали, что Гунибъ нельзя взять, хотя его и окружили войсками со всѣхъ сторонъ. Шамиль въ бесѣдахъ говорилъ: «не опасайтесь русскихъ: они скоро увидятъ бесполезность осады и возвратятся; двинулись же они на насъ съ такою большою силою только потому, чтобы испытать насъ. Сколько разъ они испытывали насъ, гоняясь за нами,—однакожь, и мы будемъ преслѣдовать ихъ съ шапками.» Шамиль воодушевлялъ всѣхъ сражаться. Такъ прошло нѣсколько дней. Мы вели перестрѣлку, сколько могли, копали рвы и старались всячески укрѣпить Гунибъ. Шамиль находился у главнаго завала, въ домѣ Хаджи-Мухаммада-Глухого-Кудалійскаго. Въ понедѣльникъ ночью (8 рабіуль аввала), за два съ половиною часа до разсвѣта, русскіе сдѣлали нападеніе со всѣхъ сторонъ. Въ это время, совершая утреннюю молитву, мы услышали тревогу, и вскорѣ прискакавшій мюридъ извѣстилъ, что русскіе взошли на Гунибъ и что Мухаммадъ-Кудалійскій убитъ; Шамиль со мною и съ другими 4-мя мюридами, находившимися при немъ, отправился верхомъ въ селеніе; прочіе же мюриды оставались за главнымъ заваломъ внизу. Когда послѣдніе мюриды узнали по пушкѣ, сброшенной послѣ выстрѣла, о бѣгствѣ имама въ селеніе (до того времени они дрались), то,

всгѣдъ за нимъ, побѣжали; но видя, что русскіе идутъ на встрѣчу имъ, укрѣпились въ лѣсу.

Въ это же время русскіе, прорвавшись снизу черезъ главные ворота, направившись въ селеніе. Пропустивъ ихъ, мюриды бросились на нихъ и побили многихъ. Потомъ подоспѣли на помощь русскимъ войска, поднявшіяся со стороны Ругуджи.

Всѣ мюриды были или убиты, или взяты въ плѣнъ; никто изъ нихъ не успѣлъ пробраться въ деревню въ Шамилю; это были самыя храбрѣйшіе; если бы они прибыли въ селеніе, то дня три продолжалась бы осада селенія Гуниба.

Шамиль, я и три мюрида вошли въ домъ его, — и для насъ земля сдѣлалась тѣсною послѣ таковаго простора.

Оставшіеся въ селеніи мужчины и женщины взяли ружья и шапки, приготовляясь къ защитѣ. Я съ Шамилемъ и нѣкоторыми мюридами вошли въ мечеть и тоже были готовы драться. Потомъ съ нѣкоторыми мюридами прискакали Кази-Мухаммадъ и Шафи-Мухаммадъ, со стороны Хотоджа, преслѣдуемые русскими; оруженными насъ со всѣхъ сторонъ, — и полились пули сверху и снизу, какъ градъ. Жены и дѣти со страху попадали на улицахъ съ крикомъ и плачемъ. Въ это время ударили отбой и закричали къ намъ со всѣхъ сторонъ, чтобы мы выслали благонадежныхъ людей для переговоровъ.

Когда увеличались крики со всѣхъ сторонъ, чтобы выслали кого нибудь изъ довѣренныхъ Шамиля къ главнокомандующему, ямакъ позвалъ меня и приказалъ идти заключить миръ съ русскими и просить пощады. Я вышелъ изъ деревни съ товарищемъ, Юнусомъ Черкеевскимъ; нѣкоторые мюриды еще стрѣляли по русскимъ. Я приказалъ имъ остановиться. Посмотрѣвъ кругомъ, я увидѣлъ, что все было занято солдатами, которые, примѣтивъ меня, закричали: «Иди сюда! иди сюда!» Я отправился къ тому, кто былъ поближе, — это былъ какой-то большой чиновникъ. Бывшіе возлѣ него офицеръ и переводчикъ объявили намъ, что начальникъ приказалъ отобрать отъ насъ оружіе, которое возвратятъ по заключеніи мира. Отдавъ оружіе, Хаджи-Али заключилъ, что черезъ этого господина дѣло его не можетъ быть повончено, и сказалъ Юнусу: «Пойдемъ дальше; у нихъ другой цѣли, кажется, не было, какъ только отобрать отъ насъ оружіе...» Удалившись оттуда, я встрѣтилъ другого генерала, съ которымъ былъ Даніель-Султанъ; онъ спросилъ насъ, гдѣ Шамиль, отчего онъ не сдается и зачѣмъ мы пришли? Я отвѣчалъ, что мы насъ взяли. Тогда генералъ приказалъ Хасанъ-Хану-Казиевумух-свою отправить насъ къ главнокомандующему; отъ Даніель-Сул-

тана я узналъ, что это былъ баронъ Врангель (я нашелъ его умнымъ человѣкомъ). На пути мы встрѣтили полковника Лазарева, который указалъ намъ дорогу къ главнокомандующему. Князь принялъ насъ очень ласково и сказалъ намъ, чтобы мы представили къ нему Шамиля. Возвратясь въ селеніе, мы застали Шамиля, Кази-Мухаммада съ семействомъ и мюридами въ мечети. Хотя мы передали Шамилю, что главнокомандующій проситъ его, чтобы онъ пришелъ, не боясь никакой измѣны, но Шамиль приготовился защищаться, положивъ передъ собою шашку и заткнувъ полы за поясъ. Онъ рѣшился умереть и отвѣчалъ намъ: «вы должны сражаться, а не говорить мнѣ, чтобы я пошелъ къ главнокомандующему. Я хочу сражаться и умереть въ этотъ день.» Въ такомъ положеніи мы оставались до четырехъ часовъ. Кази-Мухаммадъ сказалъ Шамилю: «я не могу сражаться; я выйду къ русскимъ, а ты, если хочешь, дерись!» Шамиль очень разсердился; даже женщины, которыя находились въ мечети, съ оружіемъ въ рукахъ, стыдили и ругали Кази-Мухаммада за его трусость, а нѣкоторыя проклинали его. И Шамиль, видя измѣну даже своего сына, согласился идти къ главнокомандующему, чему всѣ мы обрадовались. Одѣвъ Шамиля, посадили его на лошадь, сидя на которой, онъ сказалъ дѣтямъ своимъ: «будьте покойны теперь, Кази-Мухаммадъ и Шафи-Мухаммадъ! Вы начали портить дѣла мои и подъ конецъ докончили своей трусостью.» Шамиль выѣхалъ изъ селенія въ сопровожденіи пѣшихъ мюридовъ. Всѣ войска, стоявшія вокругъ деревни, закричали: «ура!» Шамиль испугался и возвратился въ деревню, думая, что его обманутъ и убьютъ. Но одинъ изъ числа мюридовъ, Мухаммадъ-Яуданатъ-Оглы-Годатлинскій, сказалъ Шамилю: «если ты побѣдишь, то этимъ не спасешься; лучше я убью сейчасъ Лазарева и начнемъ газаватъ (драться за вѣру).» Въ это время впереди насъ стоялъ отдѣльно одинъ полковникъ Лазаревъ, который сказалъ: «куда вы возвращаетесь? Не бойтесь, между нами не будетъ измѣны.» Шамиль возвратился и подѣхалъ къ барону Врангелю, который, поздоровавшись съ нимъ, отправилъ его къ главнокомандующему. Доѣхавъ до главнокомандующаго, Шамиль слѣзъ съ лошади. Потомъ баронъ Врангель приказалъ мнѣ привести къ князю Кази-Мухаммада, его брата съ женами и все семейство Шамиля. Возвратясь въ мечеть, я нашелъ тамъ Кази-Мухаммада и брата его съ мюридами. Когда онъ увидѣлъ меня, то сказалъ: «гдѣ ты оставилъ отца моего?» Я отвѣчалъ ему: «развѣ ты не знаешь, что я проводилъ отца твоего къ сардару, который отвелъ его въ свою палатку»; потомъ сказалъ ему: «что хочешь

теперь?» Казн-Мухаммадъ отвѣчалъ: «я хочу сражаться, пока не убьютъ меня.» А я сказалъ ему: «если бы ты желалъ сражаться, то сражался бы прежде, а теперь война кончена; вставай и пойдемъ со мною.» Взявши его съ братомъ и со всѣмъ семействомъ, я повелъ ихъ къ барону Врангелю, который дожидался недалеко отъ деревни. Я отдалъ ихъ барону, который сказалъ мнѣ: «я очень доволенъ твоею службою и никогда не забуду. Послѣ того я уже не видѣлъ ни Шамиля, ни главнокомандующаго, ни барона Врангеля. Такимъ образомъ, я былъ посредникомъ и почти причиною заключенія мира.—Во время захожденія солнца я пошелъ къ своему семейству и нашелъ жену и дѣтей плачущими. Изъ всего имѣнія, которое у нихъ было, даже иголки не осталось. Жена начала упрекать меня и сказала: «ты столько лѣтъ служилъ Шамилю, что же ты получилъ? Сегодня, когда всѣ стерегли свои вещи, ты же мирилъ Шамиля съ русскими,—имѣнїе твое разграбили.»

Но всѣ изустныя и письменныя воспоминанія о Шамилѣ относятся къ прошедшему, принадлежать исторіи; въ настоящее же время на Гунибѣ нѣтъ слѣдовъ ни недавняго господства имама, ни самостоятельности независимаго племени; только нѣсколько милиціонеровъ, да челобитчиковъ-горцевъ заявляютъ о туземномъ населеніи и ближайшіе аулы въ 5—6 верстахъ. Гунибъ — военная колонія съ русскою наружностью, съ такимъ же военнымъ управленіемъ и неизбѣжнымъ бюрократизмомъ. Изъ бесѣдъ съ служащими на Гунибѣ и съ людьми знакомыми съ краемъ, я узналъ, что дагестанцы (собственно жители вновь покореннаго края) народъ честный и умный. Каждый изъ нихъ знаетъ свои права и неуклонно исполняетъ опредѣленныя адатомъ повинности. При спорахъ и тяжбахъ, горецъ раскажетъ толково свое дѣло, объяснить, какъ онъ приобрѣлъ оспариваемое имущество, т. е. по наслѣдству ли, покупкою, или давностью. Въ столкновеніяхъ сосѣднихъ ауловъ и въ распредѣленіи внутреннихъ повинностей, адаты направлены на защиту слабого и обузданія сильнаго. Хотя тяжбы, воровство и прочіе казусы рѣшаются на основаніи присяжныхъ свидѣтельствъ, но горцы установили и здѣсь льготу для слабѣйшихъ братьевъ. Такъ, если кража случилась въ большомъ (людномъ) аулѣ и подозрѣніе падаетъ на малый аулъ, то свидѣтели должны быть выбраны изъ послѣдняго, на томъ основаніи, что въ большихъ аулахъ всегда много родственниковъ, кунаковъ между собою, которые соглашались подтвердить подозрѣніе своего одноаульца; а когда кража сдѣлана въ маломъ аулѣ, то ему предоставляется свобода въ выборѣ свидѣтелей.

Общественныя работы по исправленію дорогъ, фонтановъ, омытію канавъ, содержаніе мечети съ колонами, нарядъ пастуковъ и пр. распредѣлены въ аулахъ въ высшей степени правильно и справедливо: у кого больше земли и рабочихъ рукъ, тотъ несетъ больше повинностей и жертвуетъ большимъ. Въ отдаленныхъ аулахъ, куда не проникла колонизація, нѣтъ разительной разницы въ матеріальномъ богатствѣ поселянъ: нѣтъ ни эксплуататоровъ, разбогатѣвшихъ на счетъ труда бѣдняковъ, ни большинства нищихъ, нуждающихся въ насущномъ кускѣ хлѣба.

По замиреніи Дагестана, горцы, бросивъ ружья въ сторону, занялись исключительно хозяйствомъ; но, по увѣренію людей, знающихъ близко дѣло, горець если и два года не будетъ стрѣлять, то, поучившись мѣсяца два на штуцерѣ, превзойдетъ даже финскаго стрѣлка; регулярное же войско, по непривычкѣ ихъ къ дисциплинѣ, едва ли можно скоро образовать изъ горецевъ.

Вообще дагестанцы, покорившись, предалися вполне нашему правительству, забыли прежнюю кровавую вражду, не проказничая, не ропща втихомолку и не уклоняясь ни отъ какого требованья, лишь бы оно было справедливо и распространялось на всѣхъ. Все это говорили на Гунибѣ; впоследствии же, при проѣздѣ до Хунзаха съ начальникомъ округа, котораго встрѣчало все мужское населеніе у каждаго аула, я замѣтилъ, что горцы привѣтствуютъ начальство не съ рабскимъ униженіемъ, не съ наклоненіемъ спины до полу, но съ признаніемъ своего (человѣческаго) значенія и съ разумною покорностью поставленной надъ ними власти.

На Гунибѣ мнѣ удалось прожить всего три дня, въ которые мужеры аккуратно являлись ко мнѣ—узнать о здоровьѣ и о томъ, когда возвратимся въ Шуру.

«Не надо ѣхать, повторяли они мнѣ, въ Хунзахъ и Араканы, тамъ такой хорошей мѣста не увидишь, — лучше прямо гайда, мы проведемъ тебя по другимъ ауламъ»; но я не послушалъ этого совѣта и проѣхалъ въ Аварію.

Спустившись къ рѣкѣ Кара-Койсу, мы, не проѣжая ея, начали огибать сѣверо-западную сторону Гуниба по узенькой тропинкѣ, идущей вьитомъ, такъ что передовые всадники со значкомъ то появлялись надъ нашими головами, то, скрывшись въ глубину, появлялись подъ ногами. Среди окружавшихъ горъ, линія всадниковъ съ блестящимъ оружіемъ и желтымъ значкомъ, развѣвавшимся надъ понами, разнообразила общій горный видъ.

Изъ горъ тропинка потянулась въ сады и привела къ воротамъ аула Хотоджъ, ограждающаго дальнѣйшую дорогу къ ущелью. У

плетня, шагавъ за 100 до аула, столпилось мужское населеніе Хотоджа, — старое, взрослое и молодое: первые для привѣтствія и для заявленія о какомъ нибудь дѣлѣ, а послѣдніе для полученія аяча. Красно и сине-бородые старики, съ наброшенными на плечи нагольными тулупами, выглядывали неуклюжими, смиренными. Разсматривая каждаго порознь, я спросилъ моего спутника: неужели стоящіе передъ нами составляли тоже войско Шамиля; — да развѣ они способны на продолжительную и отчаянную борьбу? «Еще какъ! отвѣтили мнѣ, — по наружности не судите; вы не узнаете этихъ оборванцевъ, когда они возьмутся за оружіе и сядутъ на коня».

Провожаемые громкими возгласами, мы вѣхали въ ворота съ жильемъ сверху и по бокамъ, составившія прежде главную крѣпость Хотоджа. Внутри воротъ тѣснота, скали какъ-будто сброшенные съ горъ гнѣзда, съ узкими отверстиями; покружившись по аулу, мы начали вновь спускаться по горнымъ тропинкамъ. Гунябъ отодвинулся вправо и мы вѣхали въ ущелье, открывавшее перспективу горъ въ 5-ть ярусовъ, — на первомъ грушеобразный профиль Гуняба, потомъ Тилитль (Чежоданъ гора) съ прилежащими къ ней высотами и, наконецъ, снѣжныя вершины Богоскаго хребта. Въ виду этихъ высотъ, спускаясь все глубже и глубже, мы приблизились къ сланцовому ущелью, гдѣ торчитъ длинный домикъ, — показались люди: рота солдатъ добываетъ сланецъ.

За казармою ущелье еще болѣе сзусилось и, казалось, далѣе не пройдешь. Поперегъ три огромнѣйшіе камня, упираясь въ поперечную скалу, заграждали путь. Горы съ лѣвой стороны покрыты были черною массою (сланцомъ), а въ сосѣдней отвѣсной скалѣ видѣлось на сто-саженной вышинѣ углубленіе, съ плетеной на деревянныхъ колышкахъ лѣстницей.

Зачѣмъ тамъ этотъ плетень и развѣ возможно добраться до него по отвѣсной голой скалѣ? спроситъ всякій, незнакомый съ этою мѣстностью. — Да, отвѣтили мнѣ: —туда взлѣзаетъ одинъ татаринъ доставать медъ, приготовляемый дикими пчелами. — Какимъ же образомъ? — Взобравшись на камень, онъ вбиваетъ деревянный колья, по которымъ пробирается до плетенки, и, при возвращеніи назадъ, вынимаетъ колья изъ боязни, чтобы кто нибудь не взобрался на пчельникъ и не утащилъ медъ. — Но это напрасная боязнь. — Нѣтъ, не говорите; когда здѣсь поставили роту для разработки сланца, то хозяинъ пчельника просилъ командира приказать солдатикамъ, чтобы они ночью не лазили въ пчельникъ, прибавивъ: — днемъ-то я самъ буду смотрѣть, а вотъ какъ бы ночью не пробралась.

Подъ камни, загородившіе ущелье, пробивалась рѣчка и пробила себѣ узкое теченіе между однимъ изъ нихъ и правой стороной ущелья. Здѣсь всѣ спѣшились я, пройдя отверстіе между камнемъ и скалой по насыпному мостику, мы очутились въ Карадахскомъ ущельѣ, т. е. въ темномъ корридорѣ. Боковыя стѣны ущелья составляютъ отвѣсныя скалы, не менѣе 150 саж. вышины, по дну шумить рѣчка, а сверху скалы образовали какъ бы сводъ съ узкой во всю длину скважиной, едва пропускающей лучи; а посрединѣ висятъ два камня, пугающіе новичковъ. Карадахское ущелье, имѣющее въ длину 250 саж., а въ ширину отъ 2 до 1 $\frac{1}{2}$ саж., очень забавляетъ татаръ, которые, вѣхавши въ него, поднимаютъ страшнѣйшій гамъ и стрѣляютъ изъ пистолетовъ. Но шумъ отъ рѣчки такой, что, какъ бы бассо-профундо не кричалъ, нельзя слышать ничего. Крикъ отражается громкимъ эхомъ, а пистолетный выстрѣлъ кажется пушечнымъ.

За нѣсколько шаговъ до выхода изъ ущелья, врывается боковой свѣтъ и, точно изъ пещеры, идетъ сразу подъемъ въ гору; пройдя по ней сажены 20, не отыщешь уже глазомъ ущелья: кругомъ одні горы; на средней изъ нихъ замѣтна расщелина: по ней только можно догадаться, гдѣ скрывается дикое, своеобразное Карадахское ущелье.

Всадники вытянулись въ линію, а мы за ними карабкались въ гору да въ гору. Гунибъ давно уже исчезъ; я находился въ предѣлахъ Аваріи.

Ш. Губаревъ.

ДОВОЕ СТАРОЕ ВРЕМЯ.

(Окончаніе).

V.

КОТА НѢТЬ ДОМА—МЫШАМЪ ПРОСТОРЬ.

Илья Сергѣевичъ, командированный куда-то по ревизіи, уѣхалъ. Два два еще послѣ его отъѣзда всѣ въ домѣ находились какъ-будто подъ вліяніемъ его присутствія. Но мало по малу всѣ почувствовали, что желѣзная рука, державшая семью въ тискахъ,—уже далеко, и потому всѣ начали пользоваться непривычной свободой,—каждый по своему.

Марья Дементьевна, не боясь упущеній по хозяйству, зачистала по богомольямъ. На Мытный ѣздяла она уже не разъ, а два раза въ недѣлю и бесѣдовала тамъ съ купцами не въ приѣзъ дальне преняго. Торопиться ей домой было не зачѣмъ. Она знала теперь, что сама себѣ полная хозяйка и что все равно, въ которомъ бы часу ни подали обѣдъ на столъ. Бунчица Балаушина стала навѣщать ее гораздо чаще, а монахини да странницы не переводились въ домѣ и гостили уже не по днямъ, а по цѣлымъ недѣлямъ.—Всѣ языки развязались. За обѣдомъ раздавался громкій говоръ и смѣхъ. На Ананьева и Ольгу, такъ же какъ и на всѣхъ, надѣйствовало отсутствіе старика. Они еще больше сблизились.

Мы уже сказали, что молодой человекъ съ увлеченіемъ отдался

наукѣ и любилъ ее страстно. Въ то же время въ немъ возникла мало по малу и другая любовь,—любовь къ Ольгѣ.

Говорятъ, что двѣ сильныя страсти не могутъ уживаться въ одно и то же время, въ одномъ и томъ же человѣкѣ. Вѣроятно, слѣдуя безсознательно этой неизбѣжной аксіомѣ природы, вслѣдствіе своего энергичнаго характера, Ананьевъ умѣлъ не только поработить свою любовь къ Ольгѣ любви къ наукѣ, но подчинилъ и Ольгу вліянію своей господствующей страсти. Она начала принимать живое участіе въ томъ, что занимало его. Часто сходились они, много толковали вдвоемъ. Но Марью Дементьевну это нисколько не тревожило.—«Все книжки читаютъ да про науки толкуютъ», говаривала она купчихѣ Калаушиной.

Случалось иногда, что глубокій, долгій взглядъ Ананьева отвлекалъ вниманіе Ольги отъ того, что было предметомъ ихъ бесѣды, и высказывалъ ей много такого, что не относилось къ медицинѣ.

Молодые люди нисколько не ошибались на счетъ того, что происходило въ нихъ. Ольга была слишкомъ счастлива настоящимъ.

Молодой человѣкъ хорошо изучилъ Ольгу и зналъ, что ей можно довѣряться во всемъ, но изъ деликатности онъ никогда не заводилъ разговора о чемъ нибудь похожемъ на объясненіе или намекъ. Оба они проживали беззаботно лучшее время своей жизни.—Совсѣмъ не то было съ Борисомъ и Агашей. Агаша переступила за возрастъ ребенка. Она похудѣла, щоки ея поблѣднѣли, душевная истома проглядывала во всѣхъ ея чертахъ. Мысль, что любовь къ Борису грѣхъ,—потому что поведетъ къ раздору между нимъ и его отцомъ,—преслѣдовала ее неотступно. Готовность его жениться на ней приводила ее въ ужасъ. Она обвиняла себя въ неблагодарности къ Марьи Дементьевнѣ, въ опрометчивости, приписывала себѣ разныя дурныя свойства, мучилась, терзалась. Бориса она стала избѣгать. Напрасно молодой человѣкъ подстерегалъ минуту поговорить съ нею; напрасно встрѣчала она порою его полный тоски и мольбы взглядъ. Агаша не хотѣла ничего видѣть. Она петушила глаза на работу или отворачивалась и старалась придать лицу своему выраженіе понятнѣшаго безстрастія, почти досады. Борисъ пересталъ преслѣдовать Агашу и рѣже сталъ показываться въ семействѣ. Къ крайнему удивленію всѣхъ домашнихъ, онъ началъ выходить со двора и у него появились новые знакомые. Сначала Марью Дементьевну это нисколько не тревожило. Напротивъ, она даже радовалась, что

сынъ ея становится танитъ, какъ и всѣ люди, и, сбѣясь, говорила дочерямъ, что бабъ старина и Боря-то развернулся. Но вскорѣ она начала замѣчать, что дѣло-то не совсѣмъ ладно. Во елигелѣ Борисъ по вечерамъ стали раздаваться громкій хохотъ, звонъ стакановъ, сильное пѣніе,—словомъ, всѣ признаки разгульныхъ бесѣдъ.

Марья Дементьевна ужаснулась. Забрала она въ одно утро во елигелъ къ сыну и повела съ нимъ материнскую рѣчь, приправленную слезами и горячею любовью. Борису стало тяжело отъ этой рѣчи. Онъ самъ прослезился, обнялъ мать, обѣщалъ прекратить пирушки и кутежи, но ни слова не упомянулъ о томъ, что было у него на сердцѣ, что раздражало его.—Къ чему? Она посоветовала бы ему покориться,—покориться онъ не могъ.

Послѣ разговора съ матерью, въ самомъ дѣлѣ, пріятели Бориса стали рѣже появляться у него, но за то самъ онъ началъ чаще выходить со двора, провадаль по цѣлымъ днямъ и нерѣдко являлся домой или среди ночи, или на разсвѣтѣ. Онъ сталъ избѣгать матери и всей семьи.

Марья Дементьевна убивалась, глядя на сына. Нерѣдка, встрѣчаясь съ Борисомъ случайно, она пыталась урезонивать его, грозила даже написать отцу, но Борисъ отвѣчалъ на всѣ слова матери упорнымъ молчаніемъ. Съ братьями и сестрами онъ поступалъ точно также.

Молодой человѣкъ, однако, самъ хорошо сознавалъ, что вешель не по доброму пути, но жизнь начала приводить его въ полное отчаяніе. На борьбу осмысленную и упорную у него не доставало энергии. Сознаніе своей слабости томилло его страшно, и онъ губилъ себя безъ сожалѣнія, стараясь забыться, и отчасти для того, чтобъ отмыкнуть отцу.

Агаша терпѣла настоящую пытку. Часто она въ своей комнатѣ раздумывала о всемъ случившемся въ послѣднее время и находила, что корень всего зла—она сама. Зачѣмъ дала она Борису неудачный совѣтъ? Зачѣмъ вмѣшалась не въ свое дѣло?.. Эта мысль неотвязно мучила дѣвушку, и она смотрѣла на себя, какъ на преступницу. Мало по малу, въ этой мысли стала присоединяться и другая. Въпринципѣ къ голеву, что если зло сдѣлала она, то она же должна употребить всѣ средства, чтобъ исправить его или погибнуть такъ же, какъ погибалъ онъ. Сначала она оттолкнула эту мысль съ ужасомъ, потомъ стала находить въ ней какую-то отраду и, по мѣрѣ того,

какъ Борисъ отдалялся отъ родныхъ, ей становилось болѣе жалко его, сильнѣе рвалась она къ нему, безумнѣе любила она его.

Борьба продолжалась долго. Агаша то, заливаясь слезами по цѣлымъ ночамъ, молила Бога, чтобы онъ вразумилъ ее, удержалъ порывы ея сердца, то по цѣлымъ днямъ ходила она въ тяжеломъ раздумьи, угѣшая себя мыслью, что всякій грѣхъ вѣдь можно искупить раскаяньемъ, — да и грѣхъ ли еще, въ самомъ дѣлѣ, любить, особенно ей, сиротѣ одинокой?

— Никто вѣдь больше не полюбитъ меня, думала она грустно. — Ничему не нужна моя жизнь.

Однимъ утромъ Марья Демантьевна, вставшая обыкновенно рано, вышла въ столовую и увидѣла, что отворяютъ калитку для Бориса. Онъ только-что воротился съ какой-то разгульной цырушкой, и прѣхалъ не одинъ, а съ пріателемъ и сильно покачивался на ногахъ. Человѣкъ, отворившій ему калитку, не безъ труда провелъ его во флигель. Марья Демантьевна перешла изъ столовой въ переднюю и слѣдила изъ окна за сыномъ до тѣхъ поръ, пока человѣкъ ввелъ его на крыльцо. До сихъ поръ она только знала, что Борисъ куда-нибудь иногда, но сама не видала его въ нынѣшнѣмъ видѣ. Отъ нея скрывали большую часть его похищеній, да и сама она старалась не видѣть ихъ.

Но теперь сомнѣваться уже было невозможно. Она видѣла сама, своими глазами, какъ останавливались и глядѣли на ея сына дворовые ребятишки, засунувъ палецъ въ ротъ отъ недоумѣнья и непривычнаго зрѣлица; какъ съ соболизпованіемъ качали головами дворовыя женщины; какъ онъ, Боря, ея любимый сынъ, едва тащился по двору, безпрестанно спотыкаясь, объ руку съ человѣкомъ, котораго баринъ за пьянство грозилъ не разъ сдать въ солдаты.

Старушка не выдержала этой сцены, поблѣднѣла, запаталась и лишилась чувствъ. Прибѣжавшая на крикъ ея прислуга усадила ее въ кресло, принесла воды, стала оттирать ее, воспрыскивать. По всему дому распространилась суматоха; сбѣгали за Ананьевымъ, за Ольгой, и только ихъ соединенными усиліями старушка пришла въ себя.

— Онъ убьетъ меня! произнесла она съ горечью. — Скажите ему, что я видѣть больше его не хочу, звать его не хочу!

Ее свели въ комнату и уложили въ постель. Ананьевъ, Ольга и Агаша почти цѣлый день не отходили отъ больной и были свидѣ-

толями ея горькихъ слезъ и ея отчаянья. Какъ ни старались присутствующіе успокоить ея, она все повторяла:

— Знать его не хочу, видѣть его не хочу! Онъ не сынъ большаго нѣ. Въ нашей семьѣ еще, слава Богу, пьяницъ да развратниковъ не было,—онъ пераий.

Наконецъ, старушка успокоилась и приказала Агашѣ читать себѣ вслѣдъ. Агаша читала, а между тѣмъ, голова ея горѣла, буквы прыгали передъ глазами. Марья Дементьевна заснула.—Агаша торопливо погасила свѣчу и осторожно удалилась въ свою комнату. Тамъ она бросилась на постель и сложила голову обѣими руками. Жилы на вискахъ ея бились такъ сильно, что она боялась сойти съ ума.

— А если онъ не перестанетъ, вдругъ пришло ей въ голову:— пожалуй, она проклянетъ его.

Эта мысль охватила ее неописаннымъ ужасомъ. Она вскочила, накинула на голову платокъ и твердыми, скорыми шагами пошла во снѣгъ къ Борису.

Теперь она уже ничего не боялась. Ей было все равно, еслибы ее увидали, еслибы спросили даже, куда она идетъ. Дѣвическая стыдливость, страхъ грѣха, даже сожалѣніе къ самой себѣ,—все уступило всемогущему чувству.

Борисъ зналъ о всемъ, что случилось. Старый дядька, ходившій за нимъ, когда онъ былъ ребенкомъ, и проживавшій теперь безъ всякой должности, узналъ о всемъ чрезъ бабъ, пришелъ во снѣгъ подъ вечеръ, когда Борисъ уже проснулся, и все ему рассказывалъ:

— Вы, Борисъ Ильичъ, напрасно такъ дѣлаете, заключилъ старикъ. Вы побойтесь Бога. Этакъ, Борисъ Ильичъ, долго ли до грѣха!— уможите, пожалуй, барыню въ могилу. А ужъ какъ Илья-то Сергѣевичъ прійдетъ, такъ и подумать страшно, что будетъ.— Ахъ, жалко нѣ васъ, баринъ!

Борисъ, всегда крѣпкій съ прислугою, на этотъ разъ посоветовалъ дядькѣ убраться подальше отъ него.

Сожалѣніе къ матери, безсильная злоба на отца, ядовитыя думы о самомъ себѣ попеременно терзали Бориса. Ему казалось, что для него нѣтъ исхода. Возвращаться назадъ было не зачѣмъ, идти дальше тѣмъ же путемъ становилось омерзительно. Мысль объ Агашѣ была присуща всѣмъ его страданіямъ. Еслибы она отвѣтила на

его, первое глубокое чувство, онъ не упалъ бы духомъ. Теперь онъ почти ненавидѣлъ ее.

Вдругъ кто-то стукнулъ къ нему въ дверь изъ прихожей.

— Отворите, Борисъ Ильичъ, сказала она.

Борисъ вскочилъ, но не сразу повѣрилъ своему слуху.

— Отворите, повторила Агаша.

Онъ отворилъ и отступилъ назадъ, пораженный необычайностью такого посѣщенія.

Агаша вошла и сѣла на первый появившійся стулъ.

— Что вы надѣлали, Борисъ Ильичъ, проговорила она? Еслибы вы знали, какъ мы всё перепугались сегодня утромъ! Мы думали, что съ Марьей Дементьевной ударъ сдѣлается.

— Что-жь? вы пришли упрекать меня? сказалъ Борисъ холодно.

— Я? проговорила Агаша. — Нѣтъ, я не затѣяла пришла.

Она замолчала и опустила голову на грудь. Слезы, душившія ее, готовы были брызнуть. Борисъ началъ ходить по комнатѣ. Нѣсколько минутъ длилось молчаніе.

— Борисъ Ильичъ, начала Агаша робко: — я пришла не затѣяла, чтобъ упрекать васъ, — а просить... Ради Бога, опомнитесь, бросьте вы все это. Вѣдь вы сами себя къ омути таете!

— Вы же меня толкнули въ этотъ омутъ, Агаша, отвѣтилъ Борисъ, остановясь передъ нею.

Агаша не выдержала этого упрека и заплакала.

— Развѣ я знала, что такъ будетъ, прошептала она? Развѣ я хотѣла вамъ сдѣлать зло? Видитъ Богъ, какъ мнѣ жаль васъ! Я бы, кажется, всю душу свою отдала, только бы вы были счастливы.

— Эхъ! перестаньте, Агаша. Къ чему и слова эти, и слезы? Женскія слезы — вода, а на словахъ легко отдавать душу!

— Господи, Боже мой! Да неужели же вы мнѣ не вѣрите, Борисъ Ильичъ, что мнѣ жаль васъ? Вы подумайте только, — еслибы не болѣло у меня за васъ сердце, пришла ли бы я къ вамъ теперь вечеромъ одна? Вѣдь меня могли видѣть, какъ я по двору шла. Что обо мнѣ подумать могутъ?

— Да, пожалуй, я и вѣрю, что вамъ жаль меня, отвѣтилъ Борисъ холодно, не смотря на нее и продолжая ходить по комнатѣ, — да только что толку-то изъ этого? Вы меня сожалѣваете и спасаете!

— Но, что же делать? Что делать? проговорила Агаша съ отчаяньемъ.

Борисъ подошелъ къ ней и всталъ ее за руку.

— Выслушайте, Агаша, что я вамъ скажу. Я знаю самъ, что живу гадко, скверно и не поручусь, чтобъ не было еще хуже. Жизнь мнѣ сопротивляла. Она могла бы быть хороша и для меня, и для другихъ. Съ самаго равнаго возраста, мнѣ занала въ душу страсть, изъ которой я сдѣлалъ постоянную мечту... я жилъ надеждою, что когда нибудь дождусь осуществленія моихъ желаній... Отца убилъ эти надежды однимъ словомъ!..

Борисъ выпустилъ руки Агашы, бросился на стулъ и закрылъ лицо руками.

— Видѣ это не легко, Агаша! проговорилъ онъ, помолчавъ съ минутою.

— Да, это не легко! проговорила Агаша съ тяжелымъ вздохомъ.

— Видѣ отъ этого можно съ ума сойти; а я еще не сошелъ съ ума. И знаете ли отчего? Оттого, что во мнѣ вспыхнула новая страсть, несравненно сильнѣе прежней. Вы дали мнѣ поводъ думать, что любите меня. Можетъ быть, я не долженъ былъ такъ понимать участіе, которое вы мнѣ оказали; а можетъ быть, вы и сами не сознавали силъ своихъ чувствъ. Но дѣло въ томъ, Агаша, что это участіе воскресило меня. Я никогда не любилъ, никогда не домогался ничьей любви, даже не вѣрилъ, чтобъ могъ возбудить это чувство, но вы то, допустивъ разъ мысль, что вы можете полюбить меня, и были не въ силахъ совладать съ этою мыслью. Она наполнила мою душу такимъ счастьемъ, что въ ней не осталось мѣста ни для какаго другого чувства. Я хотѣлъ отдать вамъ всего себя и всю будущность мою... а вы все оттолкнули. Что-жъ мнѣ оставалось дѣлать? Собственно для меня жизнь моя ненужна. Какъ ни протяну я ее—все равно.

Агаша подошла къ нему и остановилась передъ нимъ блѣдная, съ сверкающими глазами.

— А меня развѣ вамъ не жаль? проговорила она тихо, наклонясь надъ нимъ. Развѣ вамъ не жаль тѣхъ мукъ, которыя я вынесла и выношу за васъ? Такъ жить довяше я не могу...

Борисъ поднялъ голову и пристально посмотрѣлъ на Агашу. Онъ не могъ справиться съ выраженіемъ ея лица. Эти глаза смотрѣли на него съ глубокой, тоской и безконечной любовью. Примишь

неожиданного счастья снова окватилъ Бориса. Онъ всталъ, обнявъ Агашу и привлечь ея голову къ себѣ на грудь.

— Такъ будь же моею женою, Агаша, проговорилъ онъ. Постѣрь, что ни отецъ, никто въ мірѣ не въ силахъ помѣшать нашему счастью.

И онъ осыпалъ поцѣлуями ея блѣдное лицо. Она не сопротивлялась его ласкамъ. Она обвила руками его шею и смотрѣла на него съ невыразимой страстью.

— Затѣмъ говорить о женитьбѣ, сказала она наконецъ, печально покачавъ головой. Вѣдь я не затѣмъ люблю тебя, Борисъ, чтобъ быть твоею женою, и любить тебя мнѣ никто не запретить.

— Ты говоришь, какъ дитя, возразилъ Борисъ, но я хочу, чтобъ наше счастье было вѣчно. Чего же ты боишься? Ну, положимъ, что отецъ не согласится, — я почти увѣренъ въ этомъ. Развѣ ты боишься довѣриться мнѣ? Вѣдь свѣтъ великъ, а у меня есть голова и руки, чтобъ работать.

Выраженіе ужаса пробѣжало по лицу Агашы.

— Нѣтъ, нѣтъ, проговорила она: — ради Бога, дай мнѣ слово, что ты ничего не скажешь отцу и не будешь думать о женитьбѣ, по крайней мѣрѣ, до времени. Будемъ ждать. Можетъ быть, когда нибудь послѣ все устроится... Дай слово, Борисъ, прибавила она настойчиво; если же нѣтъ — прощай!..

Онъ далъ ей это слово затѣмъ, чтобъ успокоить ее; но самъ твердо рѣшился, во что бы ни стало, жениться на ней.

Обратно изъ олигеля Агаша шла уже совсѣмъ не такъ снѣло, а напротивъ, пробиралась украдкой, какъ воръ, и вздохнула свободно только тогда, когда очутилась въ своей комнатѣ.

Еще дольше обыкновеннаго молилась она въ этотъ вечеръ, еще тревожнѣе спала она въ эту ночь.

VI.

ПРИМЯКИНЪ СУДЬ.

Мало по малу снова водворился порядокъ въ патриархальномъ уголкѣ. Любовь Агашы воскресила Бориса. Пріятелей его окончательно исчезли и самъ онъ сталъ въ прежніи отношенія съ семействомъ. Марья Демитъевна скоро помирилась съ сыномъ и не

могла нарадоваться счастливой перемены. Она приписала ее своим усердным молитвам. По временам приходило ей еще в голову опасение, чтоб Боринька опять не свихнулся, как она выражалась; но проходили недѣли, мѣсяцы—и въ Борисѣ не оказывалось ни малѣйшаго поползновения къ разгульной жизни. Всѣ снова зажили, как говорится, привыкаячи. Одна Агаша только была далека от счастья. Каждую минуту Агаша трепетала, чтоб не выдать ни слова, ни взглядомъ своей завѣтной тайны. Когда Борисъ приходилъ въ большой домъ, она боялась смотрѣть на него. Ей казалось, что ей глаза, противъ воли, выскажутъ то, что у нея на сердцѣ. Вечеромъ, когда все утихало въ домѣ, она, вся дрожа отъ страха, съ замра-неніемъ сердца, пробиралась во флигель къ Борису. Марья Дементьева была для нея живымъ, хотя и безмолвнымъ утѣхою. Каждое ласковое слово старушки кололо ее до глубины души.

— Будетъ время, думала бѣдная дѣвушка, когда она не будетъ уже ласкова со мной. Узнаетъ, что отогрѣла змѣю.

Агаша была притѣнена неясными дома, въ которомъ выросла. Она была убѣждена, что виновата именно тѣмъ, что любила генеральскаго сына. По ночамъ она терзалась, плакала и молила Бога о прощени. Подъ вліаніемъ всѣхъ этихъ страданій, она привыкла смотрѣть на себя, какъ на великую грѣшницу. Когда тоска одолевала ее, ей приходило въ голову пойти къ Марьи Дементьевѣ, броситься ей въ ноги, все рассказать ей, обвинить во всемъ себя и потомъ уйти отсюда навсегда въ какой нибудь далекий монастырь. Но наставало утро, приходилъ за чайный столъ Борисъ — и жажда счастья вспыхивала въ ея груди и она готова была вступить съ дѣльнымъ свѣтомъ въ борьбу за своего Бору.

«Шла въ мѣшкѣ не утаншь», говорить весьма справедливая пословица. И невозможно было, чтобъ въ домѣ, наполненномъ, какъ муравейникъ, всякою челядью, никто бы не замѣтилъ, какъ по ночамъ пробѣгала черезъ дворъ какая-то дѣвушка и исчезала въ дверяхъ Борисова флигеля.

Прежде всѣхъ это явленіе поразило Егора, и онъ сообщилъ о немъ своей женѣ, Марѣ. Марѣ имѣла весьма резонную привычку никогда ни въ чемъ не вѣрить своему мужу, потому что у него часто двоилось въ глазахъ, и сочла долгомъ удостовѣриться лично въ справедливости его показанія; удостовѣриться было нетрудно. Вечеръ по всей дворнѣ заходили таинственные шпегли, и тайна

Агаша перестала уже быть тайной для прислуги. Женщины стали смотреть на Агашу очень недобрительно, стали намекать ей о томъ, что онъ кое-что знаетъ, но ни у одной изъ нихъ не повернулся языкъ донести или намекнуть объ этомъ Марья Дементьевна. Жалели онъ Агашу.

Прошелъ, такимъ образомъ, годъ со дня отъезда Ильи Сергѣевича и онъ сталъ писать о скоромъ возвращеніи къ домашнему очагу. При первой вѣсти объ этомъ всё встрепенулись и стали заблаговременно входить въ ту чинную колею жизни, которую вели въ присутствіи главы семейства. Всё какъ-то заранѣе, еще до его пріѣзда, повывтаивались въ струнку. Стали смѣяться осторожнѣе, веселая болтовня за обѣдомъ прератналась и сама Марья Дементьевна перетрусилась не на шутку.

Наконецъ Илья Сергѣевичъ пріѣхалъ. Онъ выполнилъ порученіе, которое ему дали, успѣшно и ждалъ себя въ награду аренду, что много способствовало хорошему расположенію его духа.

Въ первое время по пріѣздѣ физиономія Ильи Сергѣевича выражала почти веселость. Онъ привезъ женѣ и дочерямъ обложки, потрепалъ Ольгу по щекамъ и сказалъ, что она пополнила и похорошѣла. Брови главы семейства не хмурились и онъ милостиво улыбался острымъ выходкамъ Ананьева. До него дошли стороной слухи про вакхическія похождения Бориса, но онъ почему-то не распылъ за нихъ сына. Илья Сергѣевичъ удовольствовался тѣмъ, что по временамъ взглядывалъ на Бориса такимъ пронзающимъ, строгимъ взглядомъ, что молодой человѣкъ краснѣлъ и старался смотрѣть куда нибудь въ сторону.

Все шло гораздо лучше, нежели могли ожидать тѣ, у которыхъ были на совѣсти кое-какіе грѣшки.

Сначала пріѣздъ главы семейства встревожилъ Бориса и Агашу. Они стали чрезвычайно осторожны. Но мало по малу, ободренные тишиной, господствовавшей въ домѣ, и миролюбивымъ настроеніемъ духа Ильи Сергѣевича, успокоились и забыли правила мудрой осторожности.

Одинъ разъ, проходя случайно изъ передней къ себѣ наверхъ, Илья Сергѣевичъ увидалъ черезъ полуотворенную дверь въ столовую Бориса и Агашу. Они говорили между собою вполголоса, но съ большимъ увлеченіемъ, и по взгляду, какимъ Борисъ смотрѣлъ на Агашу, легко было догадаться, что бесѣда ихъ была слишкомъ

интересна для обоихъ. Поморщился Илья Сергѣевичъ, но утвердился, что ничего не замѣтить, и не сказалъ никому ни слова. Съ этого дня онъ сталъ наблюдать за сыновъ и за Агашей, и скоро подозрѣнія его превратились въ несомнѣнныя убѣжденія.

— Марья Дементьевна, сказалъ онъ, однажды вечеромъ, дониндѣ послѣдній стаканъ чаю и окончивъ угрюмую и безжолкую прогулку по залу, — зайди-ка ко мнѣ наверхъ: мнѣ надо поговорить съ тобой.

Марья Дементьевна, избалованная уже хорошими расположеніемъ духа Ильи Сергѣевича, воображала, что дѣло идетъ о чемъ-нибудь приятномъ, и поспѣшила, вслѣдъ за нимъ, наверхъ.

Старикъ уже расхаживалъ по кабинету своимъ мѣрнымъ, неколебимымъ шагомъ, отъ котораго скрипѣли половицы.

— Что тебѣ, Илья Сергѣевичъ? спросила Марья Дементьевна, присѣвъ на диванъ и съ простодушнымъ любопытствомъ взглянувъ на мужа, въ ожиданіи услышать пріятныя рѣчи.

— Ты матушка ничего не видишь, что у тебя подъ носомъ дѣлается, проговорилъ грозно Илья Сергѣевичъ.

Марья Дементьевна оторопѣла.

— Да что-жь такое, батюшка? спросила она робко. Развѣ что Матрена-то съ мужемъ подралась, такъ ужъ и ихъ обоихъ разбирала и посадила Матрену за буйство на дѣльный день особманомъ на антресоли. Работу урокомъ ей задала...

— Не въ Матренѣ дѣло! Ты съ бабами-то возишься, а не видишь, что твой родной сынъ дѣлаетъ.

И Марья Дементьевна вся провъ прихлынула къ сердцу.

— Господи, подумала она, вѣдь онъ это до Бориньки добирался. Вѣрно провѣдалъ, какъ тотъ безъ него повеселиться захотѣлъ. Только чудное дѣло, что-жь онъ прежде ничего не говорилъ?

— Ты это на счетъ Бориньки? спросила она. Что-жь? Вѣдь онъ, какъ и ты, ничего.

— Да, ничего. Подъ носомъ у тебя съ Агашей шапина развелъ.

Марья Дементьевна вслеснула руками. Вся ея особа выразила крайнее изумленіе.

— Что ты, Илья Сергѣевичъ! Можетъ ли это быть? возманинула она съ подозрѣніемъ и ужасомъ.

— А что-жь? Небось, не можетъ, по твоему? Мудрено очень, что-жь? Известно, онъ молодой мальчишка, а она дѣвчонка смани-

вешная... ничего тутъ, матушка, нѣтъ необыкновеннаго. Вудъ это не Борись, а кто нибудь другой, я бы и говорить не сталъ. Плюнуть бы на это, потому что оно, по настоящему, вниманія не стоитъ. Ну, а съ Борисомъ такъ нельзя; вѣдь онъ все дѣлаетъ не сирота, а съ придурью: пожалуй, привянетъ къ дѣвчонкѣ да, чего добраго, затѣетъ еще жениться на ней, такъ лучше ихъ заранѣе добромъ развести. Я нищихъ дѣвчонокъ съ улицы не хочу себѣ въ невѣстки. — Чтобъ у меня Агашка изволила подальше со двора убраться... слышишь? прибавилъ Илья Сергѣевичъ съ досадою.

— Да полно, правда ли все это, Илья Сергѣевичъ! Кто тебѣ сказалъ? Не обогалъ ли кто Агашу какъ нибудь? Она—дѣвушка сиротная, богобоязненная. Мудрено что-то, не вѣрится мнѣ.

— Ужъ коли я тебѣ говорю, матушка, такъ значитъ навѣрно знаю, проговорилъ Илья Сергѣевичъ, остановился и значительно возвысилъ голосъ. Самъ я, своими глазами видѣлъ, какъ она къ нему вчера вечеромъ во флигель шмыгнула. У меня завтра же чтобъ ей духу въ домъ не было. Слышишь? Отдай ее въ услуженію, въ горничныя, куда хочешь.

Марья Дементьевна только развела руками и покачала головой. Ударъ былъ слишкомъ неожиданъ. Старушка любила Агашу. Въ сиротѣ, взятой въ домъ, видѣла она, по евангельскому глаголу, благословеніе божье и макую-то благодать. Она сама занималась усердно нравственнымъ воспитаніемъ Агаши, заставляла ее читать священные книги, толковала ей о христіанскихъ добродѣтеляхъ и была несомнѣнно увѣрена, что всѣ ея уроки послужили въ прокъ Агашѣ. И вдругъ какое разочарованіе! Агаша оказывалась, по понятіямъ Марьи Дементьевны, неблагодарной, коварной дѣвчонкой.

Какъ ошеломленная, сошла она внизъ по лѣстницѣ изъ кабинета Ильи Сергѣевича и заперлась въ своей спальнѣ. Старушка не знала, на что рѣшиться, что предпринять. Въ случаѣ, если Илья Сергѣевичъ ошибался, она боялась оскорбить сироту несправедливыми увереньями. Если жъ подозрѣнія Ильи Сергѣевича были основательны, тогда дѣло становилось мудренѣе. Невозможно-жъ было прогнать Агашу изъ дому на улицу. Наконецъ, Марья Дементьевна, чтобъ выйти изъ недоумѣнія, рѣшилась позвать Марю, которой вѣрила болѣе, нежели другимъ дворовымъ женщинамъ, и спросила у нея осторожно, поинтересуясь глосомъ, не замѣчала ли она чего за Агашей. Марю, послѣ нѣсколькихъ обиньковъ, съ смущеннымъ видомъ раз-

сказала все, что знала, и прибавила, что это давно уже не тайна для всей дворни. Сомнѣваться дальше было невозможно. Не могъ же весь домъ сговориться и клеветать на Агашу, заѣсть съ Ильей Сергѣевичемъ.

Сильно возмущилась старушка. Мысль, что Агаша, дѣвочка на-денная на большой дорогѣ, дерзаетъ посягнуть на замужество съ Борисомъ, заглушила въ сердцѣ Марьи Дементьевны состраданіе къ ней и наполнила его чувствомъ оскорбленной гордости. Она распекла Марю, зачѣмъ прежде она не донесла ей о шашняхъ Агаши, и велѣла позвать ее къ себѣ.

Агаша съ давнихъ поръ уже находилась постоянно въ тѣлѣ тревожномъ состояніи духа, какъ-будто ежеминутно ждала какойнибудь бѣды. По зловѣщему зову Марьи она тотчасъ догадалась, что случилось что-то недоброе. Она вошла въ спальню Марьи Дементьевны взволнованная, съ мрачнымъ предчувствіемъ въ сердцѣ. По первому взгляду на свою благодѣтельницу, она поняла, что не ошиблась. Марья Дементьевна сидѣла у окна въ креслѣ, раскраснѣвшаяся отъ гнѣва, съ нахмуренными бровями. На робкій, вопросительный взглядъ Агаши она отвѣтила такимъ грознымъ, молніеноснымъ взглядомъ, что у бѣдной дѣвушки смалось сердце, и она послѣдила потупить глаза, къ которымъ уже подступали слезы.

Марья Дементьевна продолжала пристально смотрѣть на нее, какъ-будто ждала или насладиться ея смущеніемъ, или прочесть на ея лицѣ опроверженіе роковой истины.

— Что ты это затѣяла, Агаша? провинила она, наконецъ, въ видѣ вопроса.

Агаша вадрогнула, но не подняла глазъ.

— Что въ велию-то смотришь? А? Отвѣчай, коли тебя спрашиваютъ.

— Я ничего не затѣяла, Марья Дементьевна, прошептала Агаша чуть слышно.

— Ничего? И еще у тебя повернулся языкъ сказать, что ничего? А кто во вечерамъ къ Борису во Флигель бѣгаетъ? А? Что, небось, неправда?

Агаша молчала.

— Да отвѣчай же, негодная дѣвочка! вскричала Марья Дементьевна, топнувъ ногой.

Старушка требовала такъ настойчиво отвѣта потому, что ей льсти-

ла еще какая-то смутная надежда, что, может быть, все это неправда. Она ждала оправданій со стороны Агаша и повѣрила бы имъ, еслибъ Агаша подтвердила ихъ вѣрной передъ образомъ. Но Агаша не думала отпираться.

— Простите меня, простонала она, унавъ на колѣни передъ Марьей Дементьевной.—Я люблю Бориса Ильича.

Старуха всплеснула руками.

— Да какъ ты это смѣешь? Да съ чего это въ голову-то тебѣ магло придти? заговорила она, давъ полную волю негодованію. Развѣ мой сынъ тебѣ пара? Ахъ, ты дура этакая! Ты бы подумала сперва, кто онъ и кто ты. Ты вступи только, что отецъ-то его сенаторъ, царскою милостію высканъ, ордена имѣетъ, менту, а ты вѣдь бродяга. Можетъ отецъ-то твой пастухомъ былъ, а мать рожа жала. Ужъ не замужь ли за него, матушка, собираться изволишь? Эй, Агаея! смотри, худо тогда и тебѣ, и ему будетъ. Нанередъ тебѣ говорю.

Агаша тяжело рыдала. Но при послѣднихъ словахъ Марьи Дементьевны она перестала плакать и вскричала:

— Нѣтъ, нѣтъ! я никогда за него не выйду. Я ужъ ему сказала это. Я знаю, что онъ мнѣ не ровня. Довольно ужъ и одного грѣха на душу. Сохрани меня Богъ отъ того, чтобъ онъ женился на мнѣ безъ родительскаго благословенія.

— Такъ ужъ у васъ и объ этомъ рѣчь была? спросила Марья Дементьевна съ испугомъ.

— Не пойду я за него, Марья Дементьевна, ни за что не пойду! проговорила Агаша съ отчаяньемъ. Не хочу я, чтобъ онъ изъ-за меня страдалъ и съ родителями ссорился. И къ чему мнѣ замужь идти? Вѣдь я простая дѣвушка, не барышня какая. Вы меня работать выучили, проживу и такъ остальной вѣкъ. Въ услуженіе пойду. Хотя сейчасъ вамъ передъ образомъ поклонюсь, что не выйду за него.

Слова заглушили ея голосъ.

Марья Дементьевна замолчала и задумалась подъ вліяніемъ разнородныхъ противорѣчащихъ чувствъ. Жаль ей стало Агашу. Она вѣрила въ искренность ея словъ. Она знала, что Агаша никогда не лжетъ, и, къ тому же, голосъ истинны всегда имѣетъ свойство убѣждать. Но не забыла еще старушка и то, какъ трудно женовому сердцу устоять противъ убѣдителей и доводовъ любимаго царовѣка.

Предусмотрительность Ильи Сергѣевича оправдалась. Боря действительно дѣлалъ все не просто, а съ придурью.

— Пожалуй, и въ самомъ дѣлѣ не побоятся отца, — уговорить Агашу, увезетъ ее какъ нибудь тайкомъ изъ дому и обвиняется, думала со страхомъ Марья Дементьевна.

Оставалось одно средство — удалять Агашу изъ дома какъ можно доспѣшнѣе и въ такое мѣсто, куда бы Борисъ никакъ не могъ добраться до нея. Но гдѣ-жъ найти такое убѣжище?

Марья Дементьевна имѣла привычку совѣтоваться иногда въ трудныя минуты жизни съ Авдотьей Макаровной Калаушиной. Теперь мелькнула у ней мысль обратиться къ этой пріятельницѣ и попросить совѣта.

— Эхъ, Агаша! Агаша! проговорила она, смягчивъ голосъ и покачавъ головой: — не думала я, чтобъ ты мнѣ когда нибудь столько горя да заботы надѣлала. Ну, что въ слезахъ-то разливаешься? Нечего плакать. Слезами не поможешь. Еще, пожалуй, разхвораеться только. Возьмись-ка лучше за умъ да молись Богу, чтобъ простилъ тебя, да на путь истинный наставлялъ. Не бойся, не выгоню же я тебя на улицу. Похлопочу, чтобъ тебя устроить какъ нибудь. Поди въ свою коморку да ложись съ Богомъ спать, — утро вечера мудренѣе.

Агаша пошла; Марья Дементьевна послѣдовала за ней и заперла дверь ея комнаты снаружи на ключъ. Затѣмъ позвала Марфу, отдалась съ ея помощью и, не смотря на поздній часъ вечера, отправилась, въ сопровожденіи лакея, къ Калаушиной.

Авдотья Макаровна была одинокая, богатая вдова. Ближайшихъ родственниковъ у нея не было, да и дальніе жили не въ Петербургѣ. Она была воспитана въ тѣхъ же самыхъ правилахъ, какъ и Марья Дементьевна, и такъ же, какъ она, вслѣдствіе религіозности, а больше еще отъ скуки, любила развѣзжать по богомольямъ.

Она приняла живѣйшее участіе въ горѣ своей задушевной пріятельницы и тотчасъ же нашлась, какъ помочь ему. Одиночество давно уже тяготѣло надъ Авдотьей Макаровной. Ей хотѣлось имѣть подлѣ себя молодое, доброе существо, съ которымъ можно было бы порой вымолвить слово, которое прицѣло бы участіе въ ея интересахъ и оживило бы своею молодостью ея старушечью жизнь. Агаша соединяла всѣ эти условія. Бромъ того, тутъ представлялся Авдотьи Макаровнѣ случай совершить христіанскій подвигъ, то есть, направить заблудшую овцу на путь истинный и позаботиться о она-

осени ея души. Она предложила Марья Дементьевнѣ взять къ себѣ Агашу въ видѣ компаньонки. Отъ этого предложенія у Марьи Дементьевны, какъ говорится, точно гора съ плечъ свалилась. Чего можно было лучше требовать для Агаши? Авдотья Макаровна дала обѣщаніе смотрѣть за нею въ оба и не допускать ее никакимъ образомъ до свиданья съ Борисомъ.

— Да вотъ что, лучше, прибавила она въ заключеніе:— у меня было задумано по первопутю съѣздить въ Москву. Тамъ у меня въ В—мъ монастырѣ игуменья знакома. Чѣмъ первопутю-то идти, такъ я лучше поѣду съ Агашей теперь. Вѣрнѣе будетъ, какъ дальше ее отъ грѣха-то увести. Проживу тамъ, коли буду жива, осень и зиму, отговѣю великииъ постомъ, а тамъ весной,— что Богъ дастъ.

Пріятельницы рѣшили, что завтра поутру Марья Дементьевна сама приведетъ Агашу для того, чтобъ, до поры, до времени, никто не зналъ и не могъ пересказать Борису, куда ее пристроили. Затѣмъ онѣ расстались.

Жгучую, мучительную ночь провела Агаша. Неминуемая разлука съ Борисомъ и неизвѣстность будущаго терзали ее. По первому движенію сердца, она рѣшилась было, во что бы то ни стало, дать ему знать о всемъ, что случилось. Ей хотѣлось еще хоть разъ видѣться съ нимъ, проститься, повторить ему тѣ чудныя слова любви, которыя уже однажды воскресили его и поддержали въ немъ энергію. Но вдругъ ее поразила мысль, которая мгновенно обдала холодомъ все ея существо. Если Борисъ узнаетъ, что имъ предстоить разлука, онъ будетъ бороться, возстанетъ противъ отца и матери и тогда гнѣвъ родителей и даже, пожалуй, ихъ проклятіе обрушатся на нихъ обоихъ. Эта мысль поразила Агашу. Въ отчаяньи она стала молиться съ той нервной энергіей, которая часто ведетъ къ мученичеству.

Когда поутру щелкнулъ ключъ въ замкъ и въ комнату Агаши вошла Марья Дементьевна, она встала съ постели совершенно перерожденная. Она рѣшилась безропотно покориться всему, что ее ожидало, и не дѣлать ни одного шагу не только уже для своего счастья, но даже и просто для облегченія своей участи.

Еще разъ на колѣняхъ, со слезами, попросила она прощенья у Марьи Дементьевны, и когда настала минута выйти изъ дому, она вышла изъ него съ грустной покорностью, признавая себя виноватой во всемъ.

Авдотья Макаровна была добрая женщина. Она приласкала Агашу и, чтобъ развлечь ее, но уходя Марья Дементьевна, стала расказывать ей, какъ онъ поѣдутъ въ Москву, будутъ гостить въ монастырь, оттуда поѣдутъ въ Кіевъ и т. д. Послѣ обѣда она заставляла ее читать себѣ вслухъ какое-то путешествіе по святымъ мѣстамъ. По поводу этого чтенія зашелъ разговоръ о монастырской жизни и т. п. Бесѣды такого рода возобновлялись каждыи день. И безъ того уже экзальтированное и настроенное на релігіозной ладъ воображеніе Агашы заставляло ее находить въ этихъ бесѣдахъ какую-то болѣзненную отраду.

Такъ прошло два дня, въ продолженіе которыхъ чинили дорожную коляску Авдотьи Макаровны. Ни о Борисѣ и ни о комъ изъ дома Тростниковыхъ не было ни слуху, ни духу.

А между тѣмъ, Борисъ чуть не сходилъ съ ума. Не встрѣтивъ Агашу ни за чайнымъ, ни за обѣденнымъ столомъ, онъ не смѣлъ ни къ кому, кромѣ сестры, обратиться съ вопросомъ, отчего ее не видно. Ольга отвѣчала ему, что она ничего не знаетъ; да и никто изъ домашнихъ не зналъ, куда исчезла Агаша. Борисъ понялъ, въ чемъ дѣло. Его отчаяніе было порывисто, какъ вообще бываетъ порывисто отчаяніе молодости. Онъ не зналъ, куда броситься. То хотѣлъ бѣжать къ матери и настойчиво требовать отъ нея признанія, куда она дѣвала Агашу, то хотѣлъ подкупить людей и употребить ихъ для развѣдыванія, то, наконецъ, хотѣлъ идти къ отцу—высказать ему все, что съ давнихъ поръ накопилось у него на сердцѣ, и объявить ему, что онъ отыщетъ Агашу, гдѣ бы-то ни было, и женится на ней, вопреки его желанію. Но Ольга не допустила его до этого; она совѣтовала ему быть осторожнѣе и сама взялась все разузнать. Съ этою цѣлью, она стала пристально слѣдить за Марьей Дементьевной. Въ тотъ же день, послѣ обѣда, у Марьи Дементьевны было таинственное совѣщанье съ Марфой. За совѣщаньемъ послѣдовала переборка въ Агашинной коморѣ. Потомъ въ сумерки Ольга разсмотрѣла изъ окна столовой, какъ шмыгнула въ калитку женская фигура съ большимъ узломъ въ рукѣ. Ольга стала поджидать ея возвращенія. Черезъ четверть часа она вернулась и опять шмыгнула въ калитку съ другими узлами. Ольга падала на истину. Узлы составляли имущество Агашы, которое пересылала ей Марья Дементьевна съ Марфой. При второмъ исчезновеніи Марфы, Ольга попросила Ананьева выйдти за калитку и посмотреть, съ которой стороны она придетъ обратно. Ананьевъ

исполнилъ ей просьбу и, по всѣмъ соображеніямъ, стало ясно, что Агаша у Балаушиной. Ольга ничего не сказала брату въ этотъ вечеръ; но на слѣдующій день, послѣ обѣда, когда Илья Сергѣевичъ ушелъ къ себѣ наверхъ, въ ея комнатѣ было совѣщанье между нею, Борисомъ и Ананьевымъ. Убѣжище Агашы было открыто; оставалось только прискаты средство, какъ извлечь ее оттуда. Всѣ единодушно были согласны, что вести дѣло прямымъ путемъ, то есть, просить у Илья Сергѣевича разрѣшенія на женитьбу—было совершенно бесполезно. Гораздо лучше было прибѣгнуть къ другому средству, изобрѣтенному съ незапамятныхъ временъ для такихъ случаевъ, т. е. увести Агашу и обвиняться съ нею гдѣнибудь тайномъ. Ананьевъ вызвался все приготовить къ побѣгу.

- Борисъ написалъ Агашѣ посланіе, въ которомъ умолялъ ее согласиться на побѣгъ. Ольга вѣдалась передать ей это посланіе; но, не смотря на все нетерпѣнье Бориса, нельзя было приступить къ этой продѣлкѣ раньше слѣдующаго утра.

Когда Илья Сергѣевичъ уѣхалъ въ сенатъ, Ольга изъявила желаніе провѣдать одну изъ своихъ замужнихъ сестеръ. Ее никуда не пускали одну. Въ тѣ времена, какъ и нынче, еще во многихъ достопочтенныхъ семействахъ, гдѣ женщины считаютъ ребятами, которыхъ до половины жизни надо водить на помочахъ,—ходить барышнѣ одной по улицамъ, хоть среди бѣлаго дня, считалось неприличнымъ. Вслѣдствіе этого обыкновенія, Ольга вышла изъ дому въ сопровожденіи глупѣйшей фizioноміи домашняго тѣлохранителя. Дойдя до дому, гдѣ жила Балаушина, она оставила его на дворѣ, а сама проворно вбѣжала по лѣстницѣ въ третій этажъ и позвонила. Ей отворила Устинья, престарѣлая слуга Авдотьи Макаровны и наперстница всѣхъ ея тайнъ.

— Дома Агаша? спросила Ольга.

— Про кого вы спрашиваете? отвѣчала Устинья, скорчивъ крайне удивленную фizioномію. У насъ, барышня, никакой Агашы нѣтъ.

— Что ты, матушка, помилуй, какъ нѣтъ? возразила Ольга рѣшительно. Она у васъ гостить. Меня мамаша послала передать ей кой-какія вещи.

И въ доказательство Ольга вытащила изъ кармана коробочку съ серьгами.

— Пооди, скажи Авдотѣ Макаровнѣ.

Устинья ушла въ недоумѣніи.

Не дожидаясь ея возвращенія, Ольга пошла слѣдомъ за ней и

Добралась до комнаты, гдѣ сидѣли Авдотья Макаровна и Агаша и занимались переборкой бѣлья. При видѣ Ольги, Агаша поблѣднѣла отъ волненія и хотѣла броситься къ ней; но едва замѣтныи знакъ Ольги останоили ея порывъ. Онѣ поздоровались такъ, какъ-будто ничего не произошло необыкновеннаго, и Ольга рассказала Авдотѣ Макаровнѣ ту же сказку, какъ и Устинѣ. Затѣмъ, вѣстѣ съ корбочкой, она передала Агашѣ и письмо Бориса. По уходѣ Ольги, Агаша воспользовалась первой минутой, когда осталась одна, и прочла письмо. Оно произвело на нее странное впечатлѣнiе. Всѣ живыя чувства вспыхнули было въ ея груди; но это была только мгновенная вспышка. Агашѣ пришла мысль, что это письмо—новое искушенiе вражеское, и страхъ грѣха заставлялъ ее подавить свое волненiе. Въ письмѣ Борисъ говорилъ ей, что все къ побѣгу будетъ готово на другой день вечеромъ, и просилъ ее написать ему отвѣтъ. Она должна была бросить свое письмо въ форточку на другой день поутру. Агаша ночью, при свѣтѣ лампы, нѣсколько разъ перечитала письмо Бориса и не одна горькая слеза выкатилась изъ ея глазъ на милыя для нея строчки. Но отвѣтъ на него она написала такой, который долженъ былъ отнять у молодого человѣка всю надежду, какъ на побѣгъ, такъ и на женитьбу безъ согласiя Ильи Сергѣевича.

На слѣдующий день поутру, когда Агаша одѣлась и вышла въ гостиную, выходящую окнами на улицу,—первымъ ея дѣломъ было взглянуть тайкомъ на тротуары. Борисъ давно уже расхаживалъ по нимъ, въ лихорадочномъ состоянiи. Агаша улучила минуту, когда Авдотья Макаровна вышла въ другую комнату, отворила форточку, и письмо, привязанное къ клубку нитокъ, полетѣло на улицу. Затѣмъ она воровато захлопнула форточку. Совершивъ этотъ подвигъ, Агаша почти обрадовалась, что отдѣлалась такъ рѣшительно отъ дьявольскаго наводенья.—Она видѣла, какъ Борисъ поднялъ письмо и исчезъ съ нимъ за поворотомъ улицы.

— Теперь все кончено, подумала Агаша.

Но она ошиблась. Не все еще было кончено, и ей предстояло еще сильнѣйшее искушенiе. Не прошло и четверти часа послѣ этого, какъ въ передней раздался сильный звонокъ. Авдотья Макаровна всклокочилась, что ее могутъ застать въ незатѣйливомъ, утреннемъ нарядѣ, и убѣжала въ спальню прiодѣться. Агаша осталась въ гостиной и, къ крайнему удивленiю, услышала въ передней мужской

голосъ, спорившій съ Устиньей. Агаша прислушалась къ говору и вдругъ поблѣднѣла. Она узнала голосъ Бориса. Вслѣдъ затѣмъ, дверь комнаты, настойчиво защищаемая Устиньей, распахнулась и Борисъ вбѣжалъ блѣдный, съ выраженіемъ рѣшиности на лицѣ.

Искушеніе было слишкомъ сильно, а главное, слишкомъ близко. Агаша не могла бѣжать отъ него. Напротивъ, она сама бросилась къ нему на встрѣчу и, вся въ слезахъ, обвила руками вокругъ шеи своего друга. Устинья и Авдотья Макаровна, успѣвшая уже накинуть на себя чепецъ и платокъ, пораженные неожиданностью и внезапностью этой сцены, обомлѣли отъ ужаса и, стоя въ дверяхъ, были способны въ настоящую минуту только ахать и всплескивать руками.

Молодые люди не только не видали ихъ, какъ не видали ничего вокругъ себя, но даже забыли совершенно объ ихъ существованіи.

— Пойдемъ, Агаша, отсюда. Пойдемъ со мною, говорилъ Борисъ, сейчасъ же, сію минуту. Довѣрься мнѣ. Теперь есть еще время, а послѣ будетъ поздно. Пожалѣй меня и себя. Подумай, какая жизнь ждетъ тебя! Онѣ отравятъ тебѣ ее, онѣ вгонятъ тебя въ чахотку, въ могилу. Пойдемъ скорѣе. Брось здѣсь всѣ твои вещи, ничего непужно. Уйдемъ куда нибудь, свѣтъ великъ. Я тебѣ ручаюсь за то, что отецъ не доберется до насъ.

Агаша на всѣ слова и ласки Бориса отвѣчала только глухими рыданьями.

Между тѣмъ, Авдотья Макаровна, слышавъ, что дѣло идетъ о побѣгѣ, вышла изъ терѣнья.

— Ахти, Господи, бѣда какаа! воскликнула она. Пожалуй, вѣдь они и въ самомъ дѣлѣ убѣгутъ. Что тогда Марья Дементьевна и Илья Сергѣевичъ подумаютъ? Скажутъ, пожалуй, что я еще парочно сосводничала ихъ.—Устинья, бѣги къ Марьѣ Дементьевнѣ и расскажи все.

Устинья было сдѣлала шагъ къ дверямъ.

— Не смѣй трогаться съ мѣста! закричалъ Борисъ такъ грозно, что старуха въ испугѣ прижалась къ стѣнѣ.

Онъ подошелъ къ двери, заперъ ее на ключъ и положилъ его въ карманъ.

— Да никакъ онъ съ ума сошелъ! воскликнула Авдотья Макаровна. Прибѣжалъ, какъ бѣшеный, да въ собственномъ моемъ домѣ вадумалъ двери на ключъ запирать! Что за разбой такой! Я вѣдь этакъ дворника позову! Въ форточку караулъ закричу...

Агаша подошла къ ней, едва держась на ногахъ отъ изнеможенія.

— Не бойтесь, Авдотья Макаровна, сказала она, отеревъ слезы,— я не пойду съ нимъ. Я дала клятву передъ образомъ, что не выйду за него замужъ противъ воли его родителей.

Агаша съѣла. Авдотья Макаровна обратилась къ Борису.

— И не грѣхъ это вамъ, Борисъ Ильичъ, дѣвочку научать на недоброе? заговорила она слезливо-убѣдительною тономъ. Побойтесь вы Бога, и то ужъ несчастною ее сдѣлали. Угодите вы вашу душевную прямо въ адъ.

— Адъ есть и на землѣ, проговорилъ Борисъ. Адъ въ глупости, въ тщеславіи, въ деспотизмѣ.—Агаша, прибавилъ онъ, обратясь къ ней, пойдемъ со мной, если ты когда нибудь меня любила. Я не могу безъ ужаса подумать о томъ, что ждетъ тебя! Пойдемъ, рѣшишь. Подумай, что будетъ со мной безъ тебя. Вѣдь я сойду съ ума, Агаша. Развѣ тебѣ не жаль меня? Развѣ ты не любишь, никогда не любила меня?

Агаша закрыла лицо руками и нѣсколько минутъ сидѣла молча. Потомъ вдругъ она отвела руки отъ лица и проговорила медленно, тихо, но съ рѣшимостью въ голосѣ.

— Я люблю тебя, Борисъ, больше жизни, больше счастья, больше самой себя, но пойти съ тобой—не пойду ни за что на свѣтѣ, хоть убей меня на мѣстѣ. Не хочу я брать больше грѣха на свою душу, и такъ ужъ довольно. Да и тебя въ грѣхъ вводить не хочу. Безъ родительскаго благословенія не будешь ты счастливъ.

Борисъ посмотрѣлъ на нее съ удивленіемъ и глубокой грустью.

— А развѣ это не грѣхъ, Агаша, сказалъ онъ, что ты оставляешь меня, когда знаешь, что ты дороже для меня всего на свѣтѣ? Подумай, что со мной будетъ? Горе убьетъ меня!

— Я буду молиться за тебя и день, и ночь,—Господь поможетъ тебѣ, отвѣчала Агаша.

Съ минуту Борисъ стоялъ въ раздумьѣ.

— Послушай, сказалъ онъ наконецъ, рѣшаясь на послѣднюю попытку:—если ты такъ боишься грѣха, я не предлагаю тебѣ выйти за меня безъ благословенія отца. Я прошу тебя только, пойдемъ со мной. Ты въ правѣ располагать собой. Ты не обязана жить въ томъ или другомъ домѣ, гдѣ тебѣ прикажутъ. Я тебя устрою. По крайней мѣрѣ, мы будемъ видѣться каждый день, мы будемъ оба счастливы.

Агаша уныло покачала головой.

— Это будет все тотъ же грѣхъ, проговорила она. Нѣтъ, Борисъ, счастье, вѣрно, не суждено намъ.

Агаша подняла глаза къ образу и подумала, что эти слова изъ устъ Бориса—самое жестокое испытаніе въ ея жизни.

Еще попытался онъ было уговаривать ее, но наконецъ упалъ духомъ и замолчалъ. Онъ понималъ, что, вмѣсто вліянія любви, эта душа подчинилась вполнѣ вліянію религіознаго настроенія. Все, что онъ могъ выпросить въ утѣшеніе себѣ, была клятва Агашы давать ему время отъ времени вѣсти о себѣ и не пѣстунать ни въ какой монастырь, а ждать до тѣхъ поръ, пока живъ Илья Сергѣевичъ.

Онъ вышелъ изъ этого дома убитый духомъ. Авдотья Макаровна, омасаясь повторенія подобныхъ сценъ, поспѣшила отъѣздомъ.

Еще видѣла Агаша Бориса въ тотъ день, какъ онъ выѣхалъ. Онъ долго ѣхалъ за коляской, и не могла устоять Агаша отъ искушенія, чтобъ не оглянуться нѣсколько разъ и не посмотрѣть на него. Но когда выѣхали онъ за горедъ и еще разъ выглянула Агаша изъ коляски, глаза ея уже не встрѣтили грустнаго, дорогаго ей лица. Она тяжело вздохнула и посмотрѣла вдоль на дорогу.

Ея молодость, ея чувство и счастье, — все осталось позади ея въ этомъ большомъ шумномъ городѣ. Передъ ней танулась уныло дорога, окаймленная осенней зеленью. Еще разъ вздохнула Агаша и все замерло въ ея сердцѣ, — все, кромѣ страха, грѣха.

УШ.

Отецъ и дочь.

Непостижимо, какъ много можетъ перенести человѣкъ и сколько можетъ выстрадать его натура. Бываютъ такія душевныя страданія, которыя, кажется, разрываютъ въ организмѣ всѣ жизненные нити. Разумокъ становится въ тупикъ, не находитъ ни одной мысли, которая могла бы осмыслить его положеніе. Кажется, все ужъ кончено; нѣтъ пути ни назадъ, ни впередъ, и живетъ человѣкъ, ничего не сознавая, какъ во снѣ. — управляемый органической жизнью. Проходятъ дни, недѣли, годы, — прошедшее все больше и больше отодвигается на дальній планъ, ощущеніе страданья притупляется и неот-

разная потребность счастья снова начинают пробуждаться въ немъ. Затѣмъ слѣдуетъ примиренье, забвенье, а тамъ опять живетъ человѣкъ полною жизнью, какъ-будто ничего не бывало, какъ-будто онъ никогда не страдалъ.

Къ чему отнести это явленіе, — къ слабости или силѣ человѣческой природы? Должно ли оно утѣшать, или приводить въ отчаянье того, кто изучаетъ человѣка?

Почти все, что мы сказали здѣсь, можно отнести къ Борису, начиная съ той минуты, какъ онъ расстался съ Агашей.

Въ первое время по отъѣздѣ ея, онъ превратился въ дерево. Заниматься онъ ничѣмъ положительно не могъ. На службу онъ пересталъ ходить и проводить цѣлые дни у себя во флигелѣ, ссылаясь на нездоровье.

Въ добровольномъ своемъ отчужденіи отъ міра, Борисъ допускалъ къ себѣ только Анашева, и если въ самомъ дѣлѣ не сошелъ съ ума, то обязанъ былъ этимъ единственно его сообществу. Здоровый, дѣятельный умъ молодого человѣка и его практическое пониманье жизни не дозволяли Борису погрязнуть совершенно въ уныніи и бездѣйствіи.

Первое письмо отъ Агашин, полученное Борисомъ мѣсяца три по ея отъѣздѣ, вывело его изъ апатій. Онъ встрепенулся. Въ письмѣ не было ничего утѣшительнаго, но оно имѣло то хорошее свойство, что привело въ молодой человѣкѣ родъ нервнаго потрясенія, послѣ котораго мало по малу закрутилось опять жизненное колесо. За уныніемъ и тоской послѣдовала просто скука. Во избѣжаніе ея, Борисъ снова сталъ ходить на службу, сталъ чаще показываться въ семействѣ, и думы его объ Агашѣ сопровождала уже не ядовитая, жгучая боль, а тихая, хотя и глубокая грусть.

Прошелъ годъ, другой, третій, и молодой человѣкъ привыкъ до того съ своей горькой долей, что привыкъ къ ней, какъ-будто уже былъ не въ правѣ ожидать отъ жизни чего нибудь лучшаго. Между тѣмъ его натура, подъ вѣчнымъ гнетомъ, все больше и больше порабощалась и мельчала. Борисъ изъ молодого человѣка съ искренней симпатіей ко всему доброму, съ свѣтлыми воззрѣніями на жизнь и на человѣческія отношенія, превращался все больше и больше въ раба привычки, рутинны, въ глазахъ котораго человѣчество съ каждымъ днемъ теряло свою цѣну.

Мы оставимъ его пока и займемся другой драмой, которая также втихомолку развивалась подъ патриархальнымъ кровомъ.

Прошло четыре года съ того дня, какъ Ананьевъ поступилъ въ медико-хирургическую академію. Онъ окончилъ курсъ и выдержалъ экзаменъ. Въ ожиданіи мѣста уѣзднаго врача, которое ему обѣщали, онъ продолжалъ жить у Тростниковыхъ. До сихъ поръ молодой человѣкъ не имѣлъ повода быть недовольнымъ судьбой. Онъ шелъ неутомно къ одной цѣли, и теперь достигнулъ ее. Но теперь возникла другой вопросъ. Любовь къ Ольгѣ, видъ постепеннымъ и неизбежнымъ путемъ человѣческихъ привязанностей, выросла въ немъ съ каждымъ днемъ и дошла, наконецъ, до того, что взяла перевѣсъ надъ исключительной его страстью къ медицинѣ. Онъ имѣлъ поводъ думать, что Илья Сергѣевичъ не согласится отдать дочь за доктора. Но теперь онъ готовъ былъ предательски замѣнить своей первой, чистой страсти. Еслибъ Илья Сергѣевичъ подалъ ему надежду, то, вѣроятно, молодой человѣкъ не устоялъ бы. Онъ смиренно отрекся бы отъ своихъ безкорыстныхъ и чистыхъ стремленій въ пользу науки и человечества и превратился бы въ чиновника, котораго Илья Сергѣевичъ опредѣлялъ бы на службу.

Ананьевъ давно уже высказалъ Ольгѣ все, что у него было на сердцѣ. Оба они призадумывались надъ своей будущностью. Оба они предвидѣли много горя, но оба рѣшились, посредствомъ настойчивости и терпѣнья, достигнуть своей цѣли. Оба они были одарены энергіей и смотрѣли на чувство, связывавшее ихъ, какъ на вопросъ жизни и смерти. Ананьевъ, въ частыхъ разговорахъ съ Ольгой, намекнулъ ей не разъ на свою готовность, въ случаѣ упрямства Ильи Сергѣевича, пожертвовать своимъ призваніемъ. Но Ольгу эта готовность ничуть не радовала. У ней была слишкомъ честная, слишкомъ справедливая и разумная натура для того, чтобъ принести въ жертву тщеславію старика все прошлое и всю будущность любимаго ею человѣка. Кромѣ того, она слишкомъ глубоко любила Ананьева и боялась, чтобы такая жертва съ годами не отовалась бы тяжело на его жизни.

— Нѣтъ, отвѣчала она обыкновенно Ананьеву, когда рѣчь касалась этого щекотливаго предмета:—если отецъ не согласится, мы не будемъ уступать ему ни шагу. Будемъ ждать. Онъ хорошо расположенъ къ тебѣ. Пройдетъ время и онъ уйдетъ; не захочетъ же онъ видѣть меня всю жизнь несчастной. А уступать его прихотямъ, отрекаться въ пользу его тщеславія отъ того, чѣмъ я горжусь въ тебѣ, я не намѣрена, ни даже ради нашей любви.

Марья Демонтьевна знала о замыслах молодых людей. Они ее сильно тревожили. Сначала старуху пугало редство молодых людей; но ее успокоили на этот счет, доказавъ, что степень родства такъ отдаленна, что не можетъ быть препятствіемъ къ браку. Тогда ее стала страшить мысль о гнѣвѣ Ильи Сергѣевича.

Между тѣмъ, время шло. Ананьевъ могъ каждый день получить предписаніе о своемъ назначеніи. Надо было дѣйствовать. Молодые люди переговаривали между собою въ послѣдній разъ. Грустно было ихъ совѣщаніе. Какъ ни старались они ободрить одного, хоть тѣмъ надежды, но оба въ глубинѣ души сознавали, что мало было шансовъ на успѣхъ. Они придумали употребить въ дѣло лучшее, какъ имъ казалось, средство для объясненія съ Ильей Сергѣевичемъ. Средство это состояло въ томъ, чтобъ Ананьевъ написалъ ему письмо, въ которомъ объяснилъ бы чувства свои къ Ольгѣ и просилъ ея руки. По крайней мѣрѣ, такимъ образомъ, никто не подвергался нервой всмычки гнѣва главы семейства. Письмо было написано начерно. Ананьевъ и Ольга перечитывали его, поправляли, изгнѣвали нѣкоторые фразы, раздумывали надъ каждымъ словомъ. Наконецъ, письмо переписали на бѣло, запечатали въ конвертъ и съ сердечнымъ трепетомъ положили на письменный столъ Ильи Сергѣевича.

Моментъ для прочтенія письма выбрали самый благопріятный: именно, время послѣ вечерняго чая. По окончаніи всѣхъ дневныхъ заботъ, старики находились всегда въ лучшемъ расположеніи духа, если только не было особаго повода къ неудовольствіямъ.

Весь этотъ день Ананьевъ и Ольга были необыкновенно тревожны. А Илья Сергѣевичъ, какъ нарочно, въ этотъ день былъ словоохотливъ и, предаваясь вечеромъ къ заутрѣ съ Ананьевымъ, рассказывалъ ему длинную исторію о какомъ-то винокуренномъ заводѣ.

Наконецъ, чай убрали со стола и старики отирались наверхъ.

Илья Сергѣевичъ имѣлъ обыкновеніе передъ сномъ читать часа два или три, сидя у письменнаго стола. Въ этотъ разъ, какъ только онъ подошелъ къ столу, письмо тотчасъ бросилось ему въ глаза. Почеркъ показался ему знакомымъ. Онъ распечаталъ его и взглянулъ на подпись. Она, конечно, удивила его. Первою его мыслью было, что Ананьеву, вѣроятно, нужны деньги и что, совѣстясь высказать лично просьбу, онъ прибѣгнулъ къ письму.

— Чужакъ! проворчалъ старики и принялся читать.

Съ первыхъ же строкъ брови его двинулись и не расправлялись

уже во все время чтения. дочитавъ до послѣдней строчки, онъ бросилъ письмо, всталъ и приницалъ ходить, что означало у него дѣлательный процессъ размышленія. Прогулка продолжалась добрыхъ полчаса. Физиономія его постепенно прояснялась и онъ, наконецъ, подошелъ къ столу и позвонилъ. Появился полусонный Ваня. Илья Сергѣевичъ приказалъ просить къ себѣ Марью Дементьевну, если она еще не легла.

Марья Дементьевна не заставила себя долго ждать. Она знала о письмѣ и, съ самаго ухода старика наверхъ, сидѣла на сторожѣ, ожидая прывыва. При первомъ взглядѣ на мужа у ней отлегло на сердцѣ. Она ожидала встрѣтить не такую миролюбивую физиономію.

— Знаешь, какую штуку Дмитрій выкинулъ? проговорилъ Илья Сергѣевичъ.

— А что? спросила Марья Дементьевна съ видомъ совершеннейшей невинности.

— За Ольгу вздумалъ свататься. Какъ тебѣ это нравится? А?

Марья Дементьевна рѣшительно не могла постигнуть, что обѣщаль подобный тонъ Ильи Сергѣевича, и не знала, въ какомъ духѣ слѣдовало отвѣчать на него. Въ недоумѣніи, она сочла за лучшее прибѣгнуть къ стратегической уловкѣ, — сѣла на диванъ и замешлялась.

— Вотъ какое посланіе настроилъ, прибавилъ Илья Сергѣевичъ, указывая на письмо. — Краснобай, почему сказать! И самонадѣянгъ-то какъ! Сейчасъ видно, что нашъ братъ, семинаристъ.

— Да что-жь, Илья Сергѣевичъ, заговорила Марья Дементьевна, обрадовавшись тому, что мужъ ея хоть въ одномъ отношеніи поравнялъ Ананьова съ собой: вѣдь, кажется, Митя недурной человекъ и неглупый. Вѣдьнъ только...

— Кто говорить, что дурной! перебилъ ее Илья Сергѣевичъ; былъ бы дурень, такъ я бы давно его изъ дому выгналъ. Сказать тебѣ по правдѣ, Марья Дементьевна: я даже люблю Дмитрія и, пожалуй, выдалъ бы за него Ольгу; ничего, что онъ бѣденъ. Но только вотъ что мнѣ не нравится въ немъ: зачѣмъ онъ въ эти настоянныя лекаря поступить хочетъ. Терпѣть ихъ не могу. Ну, что такое лекаришка? Кто бы не позвалъ, сейчасъ долженъ бѣжать, точно лакей какой. Вотъ за это только я и не хочу за него Ольгу отдать. Въ нашемъ роду кутейники были, а лекарей еще не было; такъ я не хочу начинать.

— Ты, братъ, Илья Сергѣевичъ, пересоворилъ съ нимъ. Можешь онъ и согласился бы на другую службу поступить.

— А вотъ я и хочу завтра съ нимъ поговорить толкомъ. Наврядъ только согласится; упрямъ ужъ очень. Ну, а ужъ тогда прому на прогнѣваться: не отдашь за него Ольгу.—Прощай, Марья Дементьевна, спать пора.

Старушка ушла и пересказала Ананьеву и Ольгѣ все, что было говорено наверху.

Оба еще больше примирились. Ананьевъ съ жаромъ снова подтвердилъ Ольгѣ, что если нѣтъ другого средства, то онъ согласенъ лучше пожертвовать карьерой, къ которой онъ всегда стремился, нежели своей любовью.

— Нѣтъ, отвѣчала гордая и настойчивая дѣвушка, — этого не должно быть. Посмотримъ, можетъ быть, намъ еще удастся уговорить отца.

— А если нѣтъ? сказалъ мрачно Ананьевъ.

— Если нѣтъ, проговорила Ольга грустно, такъ будемъ ждать. На свѣтѣ нѣтъ ничего вѣчнаго; все измѣняется. Я вѣрю, что и намъ когда нибудь улыбнется счастье.

— Но ждать неопредѣленный срокъ невозможно, Ольга. Подумай, могутъ пройти цѣлые годы, а твой отецъ все не измѣнитъ своего мнѣнія о докторатѣ. Въдъ молодость не возвращается. Что ницъ останется отъ нея?

— Мнѣ останется сознаніе, что я не погубила въ тебѣ лучшей стороны твоей природы — страсти къ наукѣ.

Какъ ни уговаривалъ Ананьевъ Ольгу, какъ ни упрекалъ ее въ недостаткѣ любви и въ упрямствѣ, она не поддавалась его увѣщаніямъ. Жизнь вообще имѣла для нея слишкомъ строгій смыслъ, и наводущею равнялось, въ ея помятихъ, преступленію.

На слѣдующее утро Ананьевъ, скрѣпя сердце, вѣзбирался по дѣтницѣ въ кабинетъ Ильи Сергѣевича. Старикъ высказалъ ему почти все, что уже говорилъ Марья Дементьевна, и въ заключеніе предложилъ похлопотать о присканіи ему мѣста въ гражданской службѣ. Ананьевъ поблагодарилъ и согласился. Онъ достигъ себя надеждой, что когда разъ поступить на службу, согласно желаніямъ Ильи Сергѣевича, то Ольга примирится съ необходимостью, а любовь довершитъ остальное.—Старикъ, неожиданный такого скорого

согласія со стороны упрямго молодого человѣка, развеселился. Онъ позвонилъ и велѣлъ назвать Ольгу. Она явилась.

— По сердцу, ли тебѣ вѣтъ женихъ, Ольга? спросилъ Илья Сергѣевичъ, весело взглянувъ на дочь.

Ольга вспыхнула и вопросительно посмотрѣла на отца и на Ананьева. На минуту сердце ея поддалось надеждѣ, что, можетъ быть, отецъ согласенъ на бракъ ихъ безъ всякихъ условій.

— По сердцу папа, отвѣчала она.

— Гм! Я, пожалуй, не прочь тебя выдать за него, если онъ тебѣ по сердцу. Только свадьбы вашей нельзя скоро сдѣлать, не взмѣните. Придется подождать, пока я ему мѣсто прищу.

— Но вѣдь Дмитрію Александровичу обѣщано мѣсто, папа. Онъ его скоро получитъ.

— Какое мѣсто? проговорилъ старикъ, взглянувъ на дочь съ своей обычной иронической усмѣшкой.—Уѣзднаго-то лекаря?

— Да, папа.

— Ну нѣтъ, матушка, ужъ извини. Отъ этого мѣста онъ долженъ отказаться, коли хочетъ быть монимъ зятемъ. Мы ужъ съ нимъ переговарили объ этомъ.

— Не все ли вамъ равно, папа, произнесла Ольга умоляющимъ голосомъ,—будетъ ли мой мужъ докторъ или чиновникъ?

На лицѣ Ильи Сергѣевича отразилось неудовольствіе. Брови его начали сдвигаться.

— Нѣтъ, советимъ не все равно. Я человѣкъ заслуженный. У меня и сыновья, и зятя въ хорошихъ чинахъ, такъ ужъ мнѣ зять лекарь не годится.

— Папа, сказала Ольга, гордо взглянувъ на отца,—развѣ званіе доктора безчестно, что вы такъ преслѣдуете его?

Старикъ останоился передъ дочерью и посмотрѣлъ на нее вопросительно и съ удивленіемъ.

— Да вѣдь и сапожника, и булочника званіе не безчестно, отвѣтилъ онъ, окончательно сдвинувъ брови. — Не хочешь ли ты себѣ, матушка, мужа булочника?

— Между булочникомъ и докторомъ, папа, огромная разница. Булочникъ—ремесленникъ, а докторъ, если онъ только занимается добросовѣстно, посвящаетъ всю свою жизнь на пользу науки и человечества. Я именно за то и люблю Дмитрія Александровича, что его не прельстили до сихъ поръ ни чины, ни ордена, ни перспек-

тва хорошаго нѣста. Когда-жъ они прельстятъ его, тогда никогда не бывать нашей свадьбѣ. Я перестану уважать его; а переставъ уважать человѣка, я не могу и любить.

Ольга говорила, какъ въ лихорадкѣ. Глаза ея блестяи, щеки горѣли румянцемъ. Рѣшившись разъ высказать стцу правду, она, какъ и всѣ долго-сдерживаемыя натуры, говорила се рѣзко, безъ обиняковъ. Ананьевъ со страхомъ смотрѣлъ то на нее, то на Илью Сергѣевича, ожидая, что старикъ разразится страшнымъ взрывомъ гнѣва. Но Илья Сергѣевичъ не вспылывалъ. Онъ прошелся раза два по комнатѣ, не сводя съ дочери насмѣшливаго взгляда.

— Эге! проговорилъ онъ наконецъ,—такъ вотъ оно что. Яйца курицы учить вздумали. Натка! польза человѣчества! слова-то вѣдь все какія! Откуда, матушка, ты этой высокопарной дурн набралась? Отъ брата, что ли?

Ольга молчала.

— По мнѣ, какъ хочешь, продолжалъ старикъ хладнокровно. Это твое дѣло, а не мое. Коли ты намѣрена выходить за Дмитрія, такъ ужъ позволяй ему служить, какъ отецъ твой и братья служатъ; а коли не позволяешь, такъ не бывать тебѣ никогда за нимъ. Вотъ тебѣ мое слово.

Ольга молча вышла изъ комнаты.

VIII.

НЕОЖИДАННОЕ СОБЫТІЕ.

Прошло нѣсколько недѣль. Илья Сергѣевичъ не говорилъ съ дочерью, не смотрѣлъ на нее. Упорство ея сильно раздражало старика. Не разъ говаривалъ онъ Марьѣ Дементьевнѣ, чтобъ она внушила дочери покорность и передала ей, что послѣ будетъ поздно.

— Хватится за умъ, говорилъ онъ, да тогда ужъ я самъ заупрямлюсь.

Марья Дементьевна передавала эти слова Ольгѣ, уговаривала ее нѣстъ съ Ананьевымъ, но она не хотѣла отступать отъ своихъ убѣжденій.

Наконецъ, Ананьевъ получалъ предписаніе и настала пора разлуки съ Ольгой. Она не только выдержала себя до послѣдней мину-

ты, но ободряла и утѣшала его надеждой, что все еще можетъ измѣниться. Ей казалось невозможнымъ, чтобы отецъ ея вѣчно упорствовалъ въ своей пустой, тщеславной прихоти.

— Будемъ ждать, будемъ надѣяться, повторяла она.

Илья Сергѣевичъ простился съ молодымъ человекомъ дружелюбно. Онъ былъ сердитъ не на него, а на дочь.

Съ отъѣздомъ Ананьева въ домъ Тростниковыхъ настало случайное время. Борись и Ольга постоянно были угрюмы и молчаливы. Дни тянулись за днями однообразно и вяло.

Ольга вела съ Ананьевымъ дѣятельную переписку. Суровость отца наводила на нее тоску. Чѣмъ грубѣе съ ней былъ старикъ, тѣмъ меньше было надежды на успѣхъ дѣла.

Навертывались раза два къ Ольгѣ женихи-чиновники, искавшие или покровительства Ильи Сергѣевича, или разсчитывавшіе на хорошее приданое, но Ольга отказывала имъ наотрѣвъ.

Между тѣмъ, время шло. Прошелъ уже годъ съ отъѣзда Ананьева, и постоянное страданіе все больше и больше одолевало энергичную натуру Ольги. Она стала худѣть и блѣднѣть. Ея глубокая грусть сокрушала Марью Дементьевну. Пробовала старушка уговаривать ее покориться родительскому желанію, но все безуспѣшно. Не разъ заводила она и съ Ильей Сергѣевичемъ разговоръ о дочери и объ Ананьевѣ и, забывъ страхъ, заступалась за Ольгу, но Илья Сергѣевичъ, при такихъ разговорахъ, или сразу уходилъ прочь, или выслушивалъ ихъ молча, прѣблживаясь по комнатѣ и насвистывая какой нибудь мотивъ.

Марья Дементьевна, видя, что ни отецъ, ни дочь не обнаруживаютъ попытокъ къ примиренію, прибѣгнула къ своему обычному средству. Стала она ѣздить съ Ольгой по богомольямъ то въ тотъ, то въ другой монастырь. Ольга охотно сопровождала ее. Ей было тяжело въ присутствіи отца. Она рада была случаю вздохнуть по-свободнѣе вдали отъ него. Марья Дементьевна молилась усердно и горько жаловалась знакомымъ ей игуменьямъ; что послать ей Богъ тяжелое испытаніе въ двухъ ея меньшихъ дѣтяхъ. Монахи и игуменья бесѣдовали съ Ольгой, старались ее вразумить, топиливали ей о значеніи родительской власти и о необходимости покорности. Ольга выслушивала ихъ терпѣливо, но все больше и больше худѣла и блѣднѣла, и, наконецъ, во время одной поѣздки въ Н-скій монастырь, у нея появилась сухая, отрывистый кашель. Марья Дементьевна

еюна стала лечить ея разными домашними средствами, — пошла ее бузиной и малиной, но кашель не проходилъ.

Кашель въ патриархальномъ домѣ не считался болѣзною. Домашнія средства не помогали, а ниному не пришло въ голову послать за докторомъ, и Ольга продолжала себѣ кашлять и худѣть.

Илья Сергѣевичъ началъ иногда за обѣдомъ или за чаемъ пристально всматриваться въ дочь и что-то тревожное стало иногда пробѣгать по его физиономіи.

— Марья Дементьевна, сказалъ онъ однажды женѣ, — ты бы не слава за Францомъ Карловичемъ; Ольга нездорова.

Французъ Карловичъ былъ докторъ, въ которому всегда прибѣгали, но только въ крайнихъ случаяхъ. Вообще въ этомъ богоспасаемомъ домѣ избѣгали медицины и ея представителей.

Докторъ прописалъ лекарство и Ольга стала принимать его; но все-таки толку было мало.

Илья Сергѣевичъ мало по малу становился спесиводительнѣе къ дочери и иногда даже сквозь зубы заговаривалъ съ ней о какомънибудь незначущемъ предметѣ.

Наступило 20 июля, день его именинъ. Такіе торжественные дни, какъ извѣстно, ознаменовывались наряднымъ собраніемъ всѣхъ родственниковъ. Илья Сергѣевичъ, еще за нѣсколько дней до своихъ именинъ, сталъ обнаруживать какое-то странное безпокойство. Онъ былъ озабоченъ, задумчивъ, словно чѣмъ-то встревоженъ. Въ эти дни онъ смотрѣлъ на дочь особенно ласково. Марья Дементьевна и Ольга стали замѣчать это. Въ послѣдней зашевелилось что-то похожее на радостное предчувствіе. Она тревожно слѣдила за отцомъ, и когда встрѣчались глаза ихъ, на щекахъ Ольги вспыхивала яркій лихорадочный румянецъ, а Илья Сергѣевичъ слѣдилъ перевести глаза на другой предметъ.

Въ самый день именинъ Ольга, по заведенному еще съ дѣтскихъ лѣтъ обычаю, пришла къ отцу наверхъ — поздравить его. Илья Сергѣевичъ только-что всталъ и въ раздумьѣ прохаживался по кабинету. Увидѣвъ дочь, онъ какъ-будто встревожился и пристально посмотрѣлъ на нее. Ольга поздравила его, поцѣловала руку и пошла обратно къ лѣстницѣ. На лицѣ старика выразилась борьба. Наконецъ, брови его окончательно сдвинулись и вся физиономія насунилась до *pes plus ultra*.

— Ольга! закричалъ онъ вслѣдъ уходящей дочери.

Она вернулась. Илья Сергѣевичъ заботливо рылся въ своихъ бумагахъ.

— Ты все еще не выкинула изъ головы благи выйдти замужъ за лекаря? проговорилъ онъ отрывисто сивозъ зубы, какъ-будто мимоходомъ.

Ольга хотѣла отвѣчать, но не могла. Она заплакала.

— По мнѣ, пожалуй, можешь выйдти за Дмитрія, коли хочешь, продолжалъ старикъ сухо, роаясь въ бумагахъ. Напиши ему, чтобъ онъ прїехалъ.

Ольга, внѣ себя отъ восторга и счастья, сбѣжала внизъ, бросилась на шею Марьи Дементьевнѣ и, плача и улыбаясь, рассказала ей о счастливомъ событіи.

— Слава тебѣ, Господи! проговорила старушка и перекрестилась.

Радостная новость быстро пропеслась по всему дому. Никто не говорилъ о ней прислугѣ, а между тѣмъ, во всѣхъ закоулкахъ знали уже, что баринъ позволилъ барышнѣ выйдти за Дмитрія Александровича.

Первымъ дѣломъ Ольги, когда она успокоилась, было написать длинное письмо Ананьеву, въ которомъ она увѣдомляла его, что Илья Сергѣевичъ согласился на ихъ бракъ и приглашаетъ его въ Петербургъ. Письмо это въ тотъ же день отправили на почту.

Давно уже въ патриархальномъ домѣ не проводили такого веселаго дня, какъ этотъ. Домго и сильно болящее сердце Ольги поддалось съ упоеніемъ вліянію счастья. Давно ужъ не была она такъ хороша, какъ въ этотъ день. Щеки ея горѣли яркимъ румянцемъ, большіе глаза свѣтились какимъ-то необыкновеннымъ блескомъ. Въ ней появилось непривычное оживленіе и сообщилось всѣмъ гостямъ. Марья Дементьевна не могла нарадоваться на нее и, любясь дочерью, говорила съ умилениемъ, указывая на нее то той, то другой родственницѣ:

— Посмотрите, пожалуйста:—счастье-то, какъ красить человѣка. Оленька-то все была такая блѣдная да желтая, а сегодня блѣдная какая да веселая, и щеки-то какъ горятъ! Вѣдь прехорошенькая.

И родственницы единогласно соглашались съ ней, что счастье дѣйствительно красить человѣка.

Самъ Илья Сергѣевичъ поддался вліянію веселыхъ и довольныхъ лицъ, окружавшихъ его. Онъ расправилъ брови, былъ разговорчивъ

за обѣдомъ, шутить, сѣдая предлагая тосты и выпить даже тостъ за вдовѣе Анашьева.

Послѣ ужина, когда всѣ разъѣхались, Ольга ушла въ свою комнату. Она была слишкомъ взволнована и не могла спать. Темная июльская ночь повѣяла на нее теплымъ благоуханьемъ, располагающимъ къ мечтательности. Она невольно перенеслась изъ этой комнаты въ другой городъ, въ незнакомый ей домъ, куда должно было дойти письмо ея, написанное позутру. Она думала о томъ, какое впечатлѣніе произведетъ это неожиданное письмо, забѣгала мыслью далеко впередъ, представляла себѣ минуту свиданья и за нею дни невыразимаго счастья. Вдругъ послышалась бѣготня и суматоха въ домѣ. Ольга стада прислушиваться. Ей пришло въ голову не загорѣлось ли гдѣ нибудь. Она проворно выскочила въ переднюю. Перепуганныя лица прислуги, бѣгавшей впопыхахъ, ясно выражали, что случилось какое нибудь несчастье.

— Что такое? спросила Ольга, остановивъ одну женщину.

— Баринъ очень занемогъ. Пустьте, барышня, бѣгу скорѣй сказать Гаврилѣ, чтобъ закладывалъ, да за докторомъ ѣхалъ.

Ольга вбѣжала наверхъ, въ кабинетъ отца. Тамъ ей представилась сцена, которую никакъ нельзя было предположить за часъ до того. Илья Сергѣевичъ лежалъ на диванѣ безъ всякихъ признаковъ жизни. Люди оттирали его щетками. Борисъ, стоя передъ отцомъ, старался разными средствами привести его въ чувство. Подлѣ него, сидя въ креслѣ, горько рыдала перепуганная Марья Дементьевна. Ольга подошла къ брату.

— Приходить ли онъ въ себя? спросила она тихо.

Борисъ мрачно покачалъ головой.

— Съ нимъ апоплексическій ударъ, отвѣчалъ онъ также тихо. Кажется, все кончено.

Приѣхавъ докторъ и попробовавъ больному пустить кровь, но кровь не пошла. Докторъ употребилъ еще кой-какія средства, но все безуспѣшно. — Илья Сергѣевичъ окончилъ свое житейское поприще. Печальная новость разнеслась по всему дому и вездѣ раздались плачь и сожалѣнія, большею частью обязательныя. Всѣ, служившіе Илю Сергѣевичу, сочли непремѣннымъ долгомъ поплакать и пожалѣть о немъ. Только Марья Дементьевна была истинно неутѣшна. На утро, внизу, въ той самой залѣ, гдѣ наканунѣ провели та-

вой оставшийся день, лежа на стулѣ трупѣ главы семейства; вокругъ горѣли свѣчи и читальщица похороннымъ пѣньемъ читала псалтырь. Марья Деметьевна и Ольга тихо плакали въ соседней комнатѣ. Приѣзжали родные въ траурныхъ костюмахъ, раздавался плачь, распросы, восклицанья и т. п.

Борисъ цѣлый день провелъ въ разьѣздахъ, дѣлая все нужныя приготовления къ похоронамъ. Каждно вечеромъ, когда все утомнилось въ домѣ и настала мрачная тишина, — онъ долго стоялъ передъ трупомъ отца и съ грустью смотрѣлъ на это лицо, которое такъ часто, въ былыя времена, наводило на него страхъ. Ему сдѣвалось грустно. Теперь онъ былъ свободенъ, теперь онъ могъ идти тѣмъ путемъ, который ему нравился, жениться, на комъ ему хотѣлось. Но къ чему эта послѣдняя свобода? Онъ сознавалъ, что былъ уже не тотъ, что прежде. Все лучшее, свѣтлое въ жизни осталось позади его и силы его были уже надломлены. «Зачѣмъ этотъ день насталъ такъ поздно!» подумалъ онъ съ невольнымъ сожалѣнемъ.

IX.

КОНЕЦЪ МАРСКОЙ СУЕТЫ.

Похоронили Илью Сергѣевича на одномъ изъ петербургскихъ кладбищъ и воздвигнули надъ прахомъ его величественный монументъ, съ надписью, гласившею объ его заслугахъ и званіи, — затѣмъ, вѣроятно, чтобъ не ошибся прохожій и не счесть благородныхъ костей за простыя, плебейскія кости.

Марья Деметьевна, по прошествіи шести недѣль, распустила на волю, по крайней мѣрѣ, половину прислуги. Съ самаго дня смерти мужа она вполне отдалась молитвѣ и постахъ. Никто ей теперь въ этомъ не препятствовалъ.

Нечаянная смерть отца сильно поразила Ольгу. Ея жизненныя силы, взыгнущія было отъ внезапной радости, также быстро начали ослабѣвать отъ неожиданнаго удара. Отъ Ананьева она получила восторженное письмо, въ которомъ онъ писалъ ей, что подалъ уже просьбу объ отпускѣ и, вслѣдъ за письмомъ, явится самъ. — Это ожиданіе и мысль о близкомъ счастьи отвлекли

вниманію Ольги отъ самой себя. Она незамѣчала, какъ гаснули съ каждымъ днемъ ея силы, какъ съ каждымъ днемъ худѣла она и желтѣлъ цвѣтъ ея лица. Докторъ продолжалъ ѣздить, но она принимала лекарства скорѣе изъ повиновенія и угожденія матери, нежели изъ убѣжденія, что онѣ необходимы. Она теперь была такъ счастлива надеждой, что мысль о смерти не могла придти ей въ голову. Да еслибъ и пришла, то она не повѣрила бы въ возможность умереть, когда жизнь впервые улыбалась ей.

Пріѣхалъ Ананьевъ. Встрѣча его съ Ольгой была трогательна; но когда прошли первые восторги свиданья и Ананьевъ посмотрѣлъ на нее попристальнѣе, опытнымъ глазомъ медина, а не влюбленнаго, — онъ ужаснулся. Едва достало у него духу утаить отъ Ольги и Марьи Дементьевны страшное открытіе. Съ этой минуты для него наступилъ тяжелый, мучительный періодъ жизни.

Всѣ поздравляли его и Ольгу, какъ жениха и невѣсту. Марья Дементьевна накупила золотыхъ, кисей, кружевъ и разныхъ матерій и заставила оставшихся у ней дворовыхъ женщинъ шить исподволь приданое Ольгѣ. Ольга, никогда особенно нелюбившая нарядовъ, теперь съ какою-то болѣзненнымъ нетерпѣньемъ стала интересоваться малѣйшими подробностями всего, что шилось для нея. Можетъ быть, грустное предчувствіе стало закрадываться въ ея душу: и она старалась заглушить его мелочными заботами. Часто она приносила показывать Ананьеву вышивки, узоры, спрашивала его совѣта, весело болтала, улыбалась. Что-жъ дѣлалъ онъ? Онъ такъ же улыбался, хотя сердце его болѣло и ныло. Онъ зналъ уже, что всѣ эти заботы и хлопоты напрасны; зналъ, что никогда не носить его невѣстѣ этихъ изящныхъ, вышивокъ и никогда не стоять ему съ ней рука объ руку подъ вѣнцомъ. Только онъ одинъ во всемъ домѣ зналъ, что зная чихотка точила ея грудь, что эти умные, выразительные глаза должны померкнуть при первыхъ лучахъ весенняго солнца. Зналъ также и то, что искусство, которому посвящалъ онъ всю свою жизнь, оказывается безцѣльно передъ этой болѣзью.

Ольга не знала трауръ, и свадьбу положено было сдѣлать черезъ годъ... Ананьевъ не могъ рѣшиться оставить свою невѣсту. Онъ подавалъ просьбу объ отставкѣ, съѣзжалъ на короткое время въ тотъ городъ, гдѣ служилъ, и возвращался, поселился съ томъ же элитѣ, гдѣ жилъ, когда былъ студентомъ.

Литовскій университетъ. 3*111111

Марья Дементьевна замѣтила наконецъ, что Ольга что-то плохо поправляется. Отрепшая истина мелькнула въ ея умѣ. Но старушка съ уперствомъ материнскаго сердца не хотѣла ей вѣрить.

— Что, Митя, какъ ты думаешь, говорила она однажды Ананьеву, тревожно заглядывая ему въ глаза:—вѣдь она скоро поправится? У ней сегодня цвѣтъ лица какъ-будто получше и кашляетъ меньше...

— Скоро, повторялъ уныло Ананьевъ.

— Да что-жь ты голову-то повѣсилъ? приставала Марья Дементьевна. Ты мнѣ скажи правду. Не надо ли еще какихъ докторовъ пригласить?

— Не надо, отвѣчалъ Ананьевъ.

— Ну, то-то же. А если надо, ты, пожалуйста, пригласи, кого знаешь. Денегъ жалѣть нечего.

Бѣдная мать! Она не знала и не хотѣла вѣрить, что дни ея дочери были сочтены. Только Борису открылъ Ананьевъ о положеніи Ольги и только съ нимъ, въ грустныхъ бесѣдахъ наединѣ, отводилъ онъ душу.

По смерти отца Борисъ впервые почувствовалъ вокругъ себя воздухъ свободы. Сначала незнакомое ему ощущение какъ-то странно подѣйствовало на него. Онъ ходилъ словно въ туманѣ, не отдавая себѣ ни въ чемъ отчета. Потомъ, когда онъ удостоверился, что это чувство не мечта и не сонъ, въ его сердцѣ вспыхнула былая потребность счастья и съ каждымъ днемъ разгоралась ярче и ярче. Онъ все еще любилъ Агашу.

Первые два года послѣ отъѣзда Агаша жила върѣдка, адресун свои письма на имя Ольги. Она жила у купчихи Балаушиной. Независимое ихъ мѣстопробываніе было въ Москвѣ, а оттуда они совершали поѣздки въ разное время, по разнымъ городамъ, славящимся своими святынями. Потомъ вдругъ письма Агашы прекратились.

Марья Дементьевна была въ постоянной перепискѣ съ Балаушиной. Борисъ зналъ черезъ Ольгу, что Агаша уѣзжала куда-то на долго съ знакомой Балаушиной, потому опять возвращалась къ ней и въ настоящее время, по его расчету, должна была находиться въ Сѣвѣ, куда переходила Балаушина. Борисъ давно уже пыривался ѣхать въ Сѣвъ и разыскать Агашу. Но уѣхать раньше шести мѣсяцевъ по смерти отца было невозможно. Это значило оборотѣ мать самымъ жестокимъ образомъ.

Борись рѣшился поговорить съ матерью. Марья Дементьевна при первыхъ же словахъ грустно покачала головой и сказала:

— Эхъ, ты, Боря! Боря! зачѣмъ ты пойдешь въ С-ъ? Вѣдь Агаша ужъ не у Калаушиной. Она живетъ послушницей въ Н., въ В-ской монастырѣ.

Борись только опустилъ голову и закрылъ лицо руками.

— Не убивайся, Боринька, продолжала Марья Дементьевна. Конечно, Агаша—дѣвушка добрая и я не стала бы теперь тебѣ препятствовать жениться на ней. Но если она избрала себѣ участь, значить, такъ Богъ судилъ. А я тебѣ, хочешь жениться, невѣсту найду. Вѣдь ты дворянинъ, за тебя всякая дѣвица пойдетъ.

— Давно ли она въ монастырѣ? спросилъ Борись.

— Не знаю навѣрное. Должно быть, ужъ больше года.

— Но вѣдь она еще только послушница! вскричалъ Борись, которому мелькнулъ послѣдній лучъ надежды. Она можетъ возвратиться въ міръ.

— Конечно, можетъ, отвѣчала Марья Дементьевна. Только наврядъ она захочетъ. Этого никогда почти не бываетъ. Но мнѣ, пожалуй, поѣзжай, коли хочешь. Я тебя удерживать не стану. Пусть будетъ, что Богу угодно.

На другой же день Борись отправился въ путь.

Тогда еще желѣзныя дороги не существовало въ Россіи. Борись, не смотря на неудобства путешествія, ѣхалъ день и ночь. Никогда еще не любилъ онъ Агашу такъ сильно, какъ теперь, когда чувствовалъ себя свободнымъ и самостоятельнымъ. Онъ пріѣхалъ въ Н. около обѣденнаго времени. Въ тотъ же день пошелъ онъ во все-нощной въ В-ской монастырь. Каждая черная ряса заставляла сильно биться его сердце. Но напрасно онъ всматривался въ лица монахинь,—Агаша не было.

На другой день онъ пошелъ въ монастырь къ обѣднѣ. На этотъ разъ онъ былъ посчастливѣе. Послѣ продолжительныхъ поисковъ, онъ открылъ наговецъ въ углу, поодаль отъ другихъ, стоявную на колѣняхъ монахиню, которая показалась ему похожа на Агашу. Онъ подошелъ поближе и началъ всматриваться. Это была она, но только ничто бы съ перваго взгляда не узналъ въ ней прежней

Агаша. Все молодое и живое сбѣжало съ этого востоваго лица. Щоки втянулись, глаза впади.

Борисъ нарочно подошелъ къ образу и сталъ затеплять свѣчу, не спуская глазъ съ монахини. Она замѣтила его, узнала и вздрогнула всѣмъ тѣломъ. Щоки покрылись блѣднымъ румянцемъ, на глазахъ задрожали слезы.

— Агаша, шепнучъ Борисъ.

Она подняла на него глаза. Что высказавъ этотъ взглядъ, не передать словами. Бываютъ такія глубокія радости и такая глубокая грусть, выраженія которыхъ не передастъ вполнѣ никакое слово.

— Агаша, прошепталъ молодой человекъ, — мнѣ надо поговорить съ тобой; гдѣ я могу тебя видѣть?

Краска сбѣжала съ лица монахини. Она потушила глаза и стала тихо.

— Въ кельѣ у игумена. Скажите, что хотите видѣть Агашею. Я пострижена.

Затѣмъ она отошла отъ образа, стала на прежнее мѣсто и прислонилась къ стѣнѣ. Выраженіе лица ея измѣнилось. Душевная истома, безотрадное отчаяніе отразились во всѣхъ ея чертахъ. Она молилась усердно до конца обѣдни, не подымая глазъ въ ту сторону, гдѣ стоялъ Борисъ.

Извѣстіе, котораго онъ такъ боялся, совершенно оглушило его. Онъ не слышалъ, какъ окончилась обѣдня, какъ сталъ расходиться вокругъ него народъ. Но когда Агаша двинулась съ мѣста, онъ, самъ не помня, что дѣлаетъ, подошелъ къ ней и загородилъ ей дорогу.

— Агаша, шепнулъ онъ, брось этотъ монастырь, вернись, въ свѣтъ. Отецъ умеръ и теперь я могу жениться на тебѣ.

Агаша съ отчаяньемъ отрицательно покачала головой.

— Нельзя, отвѣчала она, я пострижена. Черная риза не скидается. Нѣсколько секундъ стояли они молча, оба пораженные слишкомъ сильнымъ страданіемъ.

— По крайней мѣрѣ, скажи, счастлива ли ты, Агаша? проговорилъ Борисъ задыхающимся отъ волненія голосомъ.

— Счастья не можетъ быть на землѣ, отвѣчала монахиня мрачно. Прощайте, Борисъ Ильичъ; кланяйтесь всѣмъ вашимъ. Что они живы, здоровы?

— Отецъ умеръ, а сестра умираетъ теперь.

— Блаженство имъ. Сказано Марья Дементьевнѣ, что я всегда молюсь за нее Богу. Даже и ва вѣкъ, прибавила она дрожащимъ голосомъ.

Преходивши въ эту минуту монахини посмотрѣли пристально на сестру Агапюлю. Она стояла отъ Бориса и приближула къ нему. А онъ долго еще стоялъ на томъ же мѣстѣ и слѣдилъ за Агапюлей до тѣхъ поръ, пока длинный рядъ черныхъ рдсъ жесель подъ мрачными сводами корридора, примыкавшаго къ церкви.

Въ тотъ же день Борисъ, совершенно убитый духомъ, выѣхалъ изъ Н. обратно въ Петербургъ.

Разсказъ нашъ кончель.

Весной умерла Ольга. Ее похоронили рядомъ съ Ильей Сергѣевичемъ и надъ прахомъ ея воздвигнули также величественный монументъ. Марья Дементьевна продала деревянный домикъ. Въ непродолжительномъ времени его разнесли до основанія и возникли на его мѣстѣ высокія каменные палаты. Старушка поселилась въ монастырѣ, гдѣ скоро постриглась и приняла имя сестры Маргариты. Борисъ вышелъ въ отставку, поселился въ какомъ-то захолустьѣ на Выборгской сторонѣ, гдѣ живетъ и до сихъ поръ совершеннымъ чудачомъ, какъ говорятъ его родные. Тоска грызеть его, скука одолѣваетъ.

Племянницы и племянники Бориса очень любятъ дядю чудача и только въ разговорахъ съ ними онъ оживаетъ. Когда заходитъ рѣчь о добромъ старомъ времени и старики начинаютъ порицать и новыя времена, и молодое поколѣніе, — Борисъ всегда стоитъ за новое время и радуется отъ души, что нынѣшнее поколѣніе съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе заявляетъ свои права на жизнь и свободу. Онъ оживаетъ при этихъ разговорахъ, точно самъ молодѣетъ, и такъ убѣдительно доказываетъ ошибочность многихъ прежнихъ воззрѣній на жизнь и на людскія отношенія, что молодежь приходитъ въ восторгъ отъ его рѣчи, а старики, по уходѣ его, важно качаютъ головою и прибавляютъ многозначительно: «чудакъ!»

Ананьевъ, по смерти Ольги, много тосковалъ, но скорбь не отняла у него энергія. Теперь онъ одинъ изъ лучшихъ докторовъ и

пользуется такой блестящей репутацией, что самъ Илья Сергѣевичъ, еслибы былъ живъ, долженъ бы былъ сознаться наконецъ, что бывшій лекарь стоитъ несравненно выше его другихъ зятювъ, оставшихъ статскихъ и действительныхъ статскихъ совѣтниковъ, — людей, безъ сомнѣнiя, весьма почтенныхъ во многихъ отношенiяхъ, но изъ которыхъ ни одинъ, по всей вѣроятности, не принесъ никакой особенной пользы ни наукѣ, ни человѣчеству.

В. Самойловичъ.

ВАТЕРЛО.

ХІ.

Съ тѣхъ поръ, какъ слухъ о возвращеніи Наполеона разнесся въ нашемъ краю, смѣненіе было повсюду; офицеры, отставленные на половинномъ окладѣ, кричали: *Да здравствуетъ императоръ!* Комендантъ съ удовольствіемъ далъ бы приказъ арестовать ихъ, но батальонъ былъ за одно съ ними, а жандармы дѣлали видъ, что не слышатъ. Работа была оставлена; учителя, контролеры, юристы, жеръ, помощникъ его и всѣ другіе растерялись и не знали, что имъ дѣлать. Никто не смѣлъ объявить себя открыто ни за Бонапарта, ни за Людовика XVIII, кромѣ кровельщиковъ, плотниковъ, столяровъ, точильщиковъ, которыхъ нельзя было отставить и которымъ очень пріятно было бы увидѣть сановниковъ на своемъ мѣстѣ. Они, засунувъ сѣчки за кожаные пояса, не стѣсняясь, кричали: *Долой эмигрантовъ!*— Они даже подсмѣивались надъ сумятицей, замѣтно возроставшей. Сегодня въ газетахъ говорилось: «Узурпаторъ въ Гренобль; завтра — что онъ въ Лионѣ; на слѣдующій день — что онъ въ Мавонѣ; на слѣдующій — въ Оксеруа и т. д. Г. Гульдентъ радовался, читая по вечерамъ эти извѣстія.

— Теперь ясно, говорилъ онъ, что остальному не устоять. Всѣ кричатъ: *Долой эмигрантовъ!* Какой урокъ для людей, ясно видящихъ предметы! Эти Бурбоны хотѣли сдѣлать насъ всѣхъ вандейцами; теперь пусть порадуется успѣху своему.

Его беспокоило только большое сраженіе, объявленное между Неемъ и Наполеономъ.

— Хотя Ней поцѣловалъ руку у Людовика XVIII, говорилъ онъ: — все же онъ старый солдатъ республики, и я никогда не повѣрю, чтобы онъ пошелъ наперекоръ воли народа.... Нѣтъ, это невоз-

можно; онъ будетъ помнить стараго бочара изъ Сарлуи который, если бы былъ живъ, разбилъ бы ему голову молоткомъ, узнавъ что Мишель измѣнилъ народу.

Вотъ что говорилъ г. Гульденъ; но это не мѣшало всеобщему беспокойству; какъ вдругъ получено было извѣстiе, что Ней послѣдовалъ примѣру арміи, народа и всѣхъ, желавшихъ освободиться отъ покаянiя, и соединился съ Наполеономъ. Тогда наступило большее довѣріе, но боязнь чего-то неожиданнаго заставляла благоразумныхъ людей молчать.

Двадцать перваго марта, вечеромъ, часовъ около пяти или шести, уже смеркалось, а мы съ хозяиномъ сидѣли за работой; въ стекла стучалъ мелкій дождикъ; Катерина зажигала лампу. Теодоръ Рѣберъ, телеграфистъ, во весь опоръ проскакалъ мимо нашихъ оконъ; онъ ѣхалъ на большой сѣрой съ ябдоками лошади, мчавшейся, какъ вихрь. Г. Гульденъ вытеръ стекло рамы, чтобы лучше видѣть, наклонился и сказалъ:

— Это ѣдетъ съ телеграфа Рѣберъ: пришла какая нибудь важная новость!

Блѣдныя щоки его нѣсколько вспыхнули, а у меня сильно забилось сердце. Катерина поставила подлѣ насъ лампу, а я отворилъ окно, чтобы затворить ставни. На это нужно было нѣсколько минутъ, потому что надо было снять съ верстака стекла, чтобы отворить окно и отцѣпить часы. Въ это время г. Гульденъ думалъ о чемъ-то. Только успѣлъ я застегнуть крючкомъ ставню, какъ въ обоихъ концахъ города забили сборъ, — подлѣ бастіона Миттельбронскаго и подлѣ Бигельбергскаго; эхо отвѣтило на валахъ и на равнинѣ, и въ сумерки по площади такъ и раздавался этотъ глухой грохотъ.

Г. Гульденъ всталъ.

— Теперь все рѣшено, сказалъ онъ такимъ голосомъ, что у меня морозъ пробѣжалъ по кожѣ: — или около Парижа дерутся, или императоръ въ своемъ старомъ дворцѣ, какъ въ 1809 году.

Катерина побѣжала за его шинелью, зная напередъ, что онъ, не смотря на дождь не останется дома. Онъ же, выпучивъ свои сѣрые глаза и ничего не замѣчая, напяливалъ шинель въ рукава. Онъ вышелъ. Катерина, видя, что я остаюсь, тронула меня за плечо и сказала:

— Иди же, Жозефъ, иди за нимъ.

Я тотчасъ же пошелъ. Мы пришли на площадь въ то время, какъ батальонъ выходилъ изъ большой улицы, на углу мэрства; сзади него бѣжали барабанщики, съ барабанами на плечахъ. За ними

шла бедна народу. Барабанный бой начался подъ старыми ливнями; солдаты стали въ строй, и въ то же самое время командиръ Жем, страдавшій отъ ранъ и два мѣсяца невыходившій изъ дому, явился въ мундирѣ на крыльцѣ дома Минка. Саперный солдатъ держалъ подъ уздцы его лошадь и подставилъ ему свое плечо, чтобы влѣзть на нее. Народъ смотрѣлъ со всѣхъ сторонъ. Начался сборъ.

Командиръ переѣхалъ площадь, капитаны торжественно поехали къ нему на встрѣчу; они связали другъ другу плечи, и въ то время, когда командиръ крохалъ по фронту полубатальона, а за нимъ шелъ простой сержантъ съ тремя пикарами и несъ знамя въ клеенчатомъ футлярѣ.

Толпа все прибывала. Мы съ хозяиномъ взобрались на столбики противъ воротъ кордегардін. Послѣ сбора, черезъ минуту командиръ вынулъ шпагу и отдалъ приказаніе сомкнуться въ каре.

Я просто рассказываю вамъ эти вещи, потому что онѣ были просты и ужасны. По блѣдному лицу командира видно было, не смотря на ночь, что у него лихорадка. Я до сихъ поръ живо помню сѣрыя очертанія каре на площади, посреди командира на лошади, окруженнаго офицерами, шелестъ дождя, слушавшихъ горожанъ, мертвую тишину, окна, отворившіяся вокругъ площади, — не смотря на то, что съ тѣхъ поръ прошло почти пятьдесятъ лѣтъ.

Всѣ молчали; зная очень хорошо, что сейчасъ будетъ извѣстна судьба Франціи.

— На караулъ!... на плечо!... крикнулъ капитанъ Видаль.

Послѣ звука оружія, послышался голосъ командира, этотъ звучный голосъ, который раздавался по ту сторону Рейна, въ Люццеръ и Лейпцигъ, — голосъ, кричавшій намъ: «Сомкнитесь!» И звуки его принимали меня до мозга костей.

— Солдаты, началъ онъ: — его величество Людовикъ XVIII выѣхалъ изъ Парижа 20 марта и въ тотъ же день въ столицу вошелъ императоръ Наполеонъ.

По толпѣ слушателей пробѣжала точно дрожь, но это продолжалось только минутой, и командиръ продолжалъ:

— Солдаты! это знамя Франціи, знамя Арвела, Риволи, Александрии, Шебрёйсъ, Парамидъ, Абукира, Маренго, Аустерлица, Иены, Эйлау, Фридландъ, Соинно-Сьерри, Мадрида, Абенсберга, Эмюля, Эсслингта, Ваграма, Смоленска, Москвы, Вейссенфельса, Лютцена, Бауцена, Вуршена, Дрездена, Бишофсварда, Ганау, Бриенна, Сень-Давьё, Шампобера, Шато-Тьерри, Жуанвилье, Мери на Сень,

Монтеро, Монкирайль... Это знамя, облитое нашей кровью... это знамя нашей чести и славы!

Старый сержантъ вынулъ изъ чехла трехцвѣтное, совершенно изодранное знамя. Командиръ взялъ его:

— Знамя это, вотъ оно!... Вы узнаете его.... это знамя народа... это то самое знамя, которое выхватили у насъ русскіе, пруссаки, австрійцы, — всѣ, которыхъ, мы падали сто разъ; они выхватили его у насъ въ первый день своей побѣды, потому что боялись его.

Множество солдатъ, слыша эти слова, поворачивали головы, чтобы скрыть слезы, и вслѣдствіе, страшно побѣднѣвъ, смотрѣли во всѣ глаза.

— Я не думаю, крикнулъ командиръ, поднимая шагу: — Другого. *Да здравствуетъ Франція!... Да здравствуетъ императоръ!*

Только что закричалъ онъ, какъ все закричало, вслѣдъ за нимъ, съ такой яростью, что неслышно было другъ друга; изъ окошъ, на площадяхъ, на улицахъ, какъ трубные звуки, неслись крики: *Да здравствуетъ императоръ! Да здравствуетъ Франція!* Горожане и солдаты цѣловали другъ друга; казалось, точно все было спасено, точно было возвращено все, что потеряла Франція въ 1814 году.

Наступила почти ночь; народъ расходился направо, налево, по три, по шести, по двадцати человѣкъ, крича: *Да здравствуетъ императоръ!* когда вдругъ блеснуло около госпиталя красное знамя и раздались пушечный выстрѣлъ; другой выстрѣлъ отвѣчалъ за арсеналомъ и пальба продолжалась ежеминутно.

Мы съ старикомъ Гульденомъ подъ руку переходили черезъ площадь, тоже крича: *Да здравствуетъ Франція!* При каждомъ выстрѣлѣ пламя освѣщало даже площадь, и во время одной изъ такихъ молній мы увидѣли Катерину, шедшую къ намъ на встрѣчу съ старой Мадленой Шулеръ. На ней надѣтъ былъ капоръ и мастилья, и рововой носвиѣ ея хорошо былъ уютанъ отъ тумана. Увидавъ насъ, она сказала:

— Магдалина, вотъ и они!—Императоръ взшелъ на престоль, не такъ ли, господинъ Гульденъ?

— Да, дитя мое, отвѣчалъ старикъ Гульденъ: — это рѣшено!

Послѣ этого Катерина взяла меня подъ руку, и я самъ не знаю, почему поцѣловалъ ее два или три раза, когда мы пришли домой. Я предчувствовалъ, можетъ быть, что мнѣ надо будетъ уйти и что я долго не буду цѣловать ея. Старикъ Гульденъ шелъ передъ нами съ Мадленой и говорилъ:

— Сегодня вечеромъ надо выпить. Пойдемте съ нами, Мадлена, я приглашаю васъ.

Но она не захотѣла войти съ нами и мы расстались у нашихъ дверей.

Я могу только сказать, что всеобщая радость была такъ же велика, какъ при возвращеніи Людовика XVIII, или даже больше.

Войдя въ комнату, г. Гульденъ снялъ шинель и сѣлъ за столъ, на которомъ насъ ждали уже ужинъ. Катерина побѣжала въ погребъ за бутылкой хорошаго вина. Мы пили и смѣялись, а рамы наши дрожали отъ грохота пушекъ. Иногда люди, даже такіе, которые любятъ только миръ, трясутъ головы; эти пушечные выстрѣлы радовали насъ: мы точно усвоивали себѣ старыя свои привычки.

Г. Гульденъ говорилъ:

— Командиръ Жемо славно говорилъ; но если бы онъ началъ съ Вальми, Гудштота, Ваттвильи, Флеруса, Невиды, Укерата, Френвиллера, Гейсберга, до Цюриха и Гогенлиндена,—онъ не получилъ бы до завтрашняго дня. Это также были великія побѣды и, можетъ быть, самыя блестящія, потому что онѣ спасали свободу. Но онъ упомянулъ только о послѣднихъ, чего на этотъ разъ было и довольно. Пусть-ка появятся тѣ... пусть-ка осмѣлятся бунтовать! Народъ хочетъ мира; но если союзныя войска начнутъ войну, то мы не одобряемъ! Теперь опять начнутъ говорить о свободѣ, равенствѣ и братствѣ. Такимъ способомъ можно поднять всю Францію... предупреждаю васъ... народъ весь возстанетъ, образуются національныя гвардіи; такіе старики, какъ я, и женатые будутъ сражаться у себя дома, а молодые выступить къ границамъ. Императоръ, наученный опытомъ, полюбитъ ремесленниковъ, крестьянъ и мѣщанъ; и если придутъ враги, хоть бы ихъ было цѣлый миллионъ, никто изъ нихъ больше не вернется домой. Мы показали это пруссакамъ, австрійцамъ, англичанамъ и русскимъ съ 1792 до 1800 года; а съ тѣхъ поръ намъ показали это же японцы, а еще раньше, то же показали америванцы англичанамъ. Будьте увѣрены, что императоръ будетъ говорить вамъ о свободѣ. Если онъ распространитъ по Германіи прокламаціи, множество иждивенъ будетъ съ нами; народомъ нечего побѣждать другъ друга, только бы свобода торговли приносила имъ обоюдную пользу,—вотъ что главное! /Всѣдствие восторженности, онъ на все смотрѣлъ съ хорошей стороны. Самъ я находилъ все сказанное имъ совершенно естественнымъ, и былъ убѣжденъ, что императоръ будетъ именно такъ дѣйствовать. Катерина тоже была согласна съ нами. Мы благословляли Людовика, и, не зная, что онъ вѣдетъ солдатовъ, мы часамъ къ одиннадцати, востыявшись, поговоривши и покричавши вдоволь, мы вошли спать съ самими

ми сладкими надеждами въ душѣ. Весь городъ былъ тогда иллюминированъ; мы тоже поставили плашки къ себѣ на окна. Слышались взрывы ракетъ и крики дѣтей: *Да здравствуетъ императоръ!* Слышалось какъ солдаты, выходя изъ харчевень, пѣли: *Долой эмигрантовъ.*

Это продолжалось до поздней ночи и мы уснули только къ часу.

XIII.

Восторгъ продолжался еще дней пять или шесть. Были опять назначены старые мэры, помощники ихъ, лѣнные сторожа и всѣ лица, отставленные нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ. Весь городъ и дамы носили малюнькія трехцвѣтныя кокарды, которыя портнихи едва успѣвали сшивать изъ красныхъ, бѣлыхъ и голубыхъ лентъ. Люди прежде врицавшие противъ *коронкамской моды* да, теперь называли Людовика XVIII не иначе, какъ *маншюннама королямъ*. Двадцать пятого марта былъ отслуженъ молебенъ, на которомъ торжественно присутствовалъ весь гарнизонъ и мѣстные власти.

Послѣ молебна власти дали великолѣпный обѣдъ генеральному штабу города; погода устоявилась, окна въ *городѣ Метцѣ* были отворены и на потолокъ висѣло множество кенветовъ. Мы съ Катериной вышли вечеромъ полюбоваться на эту картину. Тамъ видны были черныя фраки и мундиры, дружно сидѣвшіе за длинными столами, и часовъ до двѣнадцати то мэръ, то помощникъ его, то новый комендантъ г. Брансіонъ вставали и пили за здоровье императора, за здоровье его министровъ, пили за Францію, за миръ, за побѣду и т. д., и т. д.

Стаканы звенѣли. На улицѣ дѣти щелкали хлопучищами; передъ церковью поставили шесть съ призами; изъ Саверна привезли ячели съ деревянными кожьбами и шарманку; школа была распущена. Во дворѣ у Клейна устроено было побоище собакъ съ ослами; словомъ, все дѣлалось, какъ дѣлалось въ 1830, въ 1848 и позже.

Но, кажется, императору некогда было терять время на банкеты. Хотя въ газетахъ и говорилось, что его величество желаетъ мира, не просить ничего, что онъ согласился съ тестемъ своимъ, императоромъ Французскомъ, что возвратится Марія Луиза въ король Римскій... что ихъ ожидаютъ... но, не смотря на это ожиданіе, приказъ вооружать городъ.

Двѣсти лѣтъ тому назадъ, Нифальцбургъ находился за двѣсти миль отъ границы, валы уже разваливались, рвы засыпались, въ арсеналѣ остались только старія орудія временъ Людовика XIV, крѣпостныя ружья, которыя зажигали фитилями, и такія тяжелыя пушки на массивныхъ лафетахъ, что для возки ихъ надо было цѣлую вереницу лошадей. Настоящія орудія были въ Дрезденѣ, въ Гамбургѣ, въ Эрфуртѣ; но тогда, не тронувшись съ мѣста, мы очутились за десять миль отъ Рейнской Баваріи и на насъ-то и долженъ былъ обрушиться первый градъ ядеръ и бомбъ. Въслѣдствіе этого, къ намъ ежедневно присылались приказы чинить укрѣпленія, вычищать рвы и исправлять орудія.

Въ началѣ апрѣля въ арсеналѣ устроили большую мастерскую для починки орудій. Изъ Метца прибыли инженерные и артиллерійскіе солдаты, чтобы дѣлать земляныя насыпи внутри бастионовъ и амбразуръ вокругъ. Движеніе было болѣе сильное, чѣмъ въ 1805 до 1813; и мнѣ не разъ приходило въ голову, что далекая, обширная граница хороша тѣмъ, что охраняютъ отъ ударовъ внутреннихъ, гдѣ можно жить еще спокойно въ то время, какъ наружныя уже бомбардируются.

Однимъ словомъ, мы страшно безпокоились, и это понятно — когда ставятъ новый частоколь на гласисѣ, накладываютъ полукругомъ фашиники, вѣшываютъ орудія во всѣ амбразуры укрѣпленій, — начинаешь думать, что для защиты всего этого надо людей. Не разъ, слушая по вечерамъ чтеніе декретовъ, мы поглядывали съ Екатериной, сжавъ губы. Я заранѣе предчувствовалъ, что, вмѣсто того, чтобы сидѣть спокойно чистить и чинить часы, мнѣ, можетъ быть, придется опять вѣзаться за рашецъ, и мысль эта очень смущала меня. Мнѣ становилось все скучнѣе и скучнѣе; и часто г. Гульдентъ, видя мою задумчивость, весело восклицалъ:

— Ну, не герой, Жозефъ: все хорошо кончится.

Онъ хотѣлъ утѣшить меня, но я думалъ: «Да-да, вы говорите, мнѣ это въ утѣшеніе; но надо быть слѣпымъ, чтобы не видѣть, къ чему все это клонится.»

Дѣла шли съ такою быстротой, что декреты смѣнялись, какъ градъ, и были всегда приращены какими нибудь фразами. Было объявлено, что полки примутъ свои старыя номера, «прославленные въ столькихъ блистательныхъ походахъ». Немного надо было ума, чтобы понять, что старыя номера безъ полковъ будутъ имѣть нѣтъ полки. Оттого было еще надо: мы узнали, что надры 3-го, 4-го и 5-го батальоновъ пѣхоты и 4-го и 5-го эскадроновъ кавалеріи, тридцати батальоновъ артиллеріи, двадцати полковъ молодой гвардіи,

десяти батальоновъ военнаго экипажа, двадцати полковъ моряковъ, что всѣ эти кадры будутъ составлены, какъ-будто для того, чтобы дать занятія офицерамъ на половинномъ окладѣ всѣхъ пѣшихъ и морскихъ армій; но вѣдь это только такъ говорилось; когда составляютъ кадры, то ихъ составляютъ для того, чтобы наполнить, а когда онѣ наполнены, надо отправлять ихъ. Когда я увидѣлъ это, надежды мои исчезли. А народъ все повторялъ: «Миръ! миръ! миръ!... мы принимаемъ условія Парижскаго мира.... Короли и императоры, съѣхавшіеся въ Вѣну, соглашаются съ нами.... Марія Луиза и Римскій король уже въ дорогѣ.» Чѣмъ больше говорили подобныхъ вещей, тѣмъ сильнѣе возрастало мое недовѣріе. Г. Гюльденъ тщетно говорилъ мнѣ:

— Онъ приближалъ къ себѣ Карно! Карно хорошій человѣкъ и любить родину!... Карно не допуститъ его до войны!... Да если ужъ намъ придется вести войну, онъ покажетъ ему, что врага надо ждать у себя... что надо воднять націю... объявить, что отечество въ опасности и т. д.

Сколько ни говорилъ онъ мнѣ подобныхъ вещей, я все же восклицалъ въ глубинѣ души: «Всѣ эти кадры составляются не даромъ же... всѣ эти кадры будутъ зажжены... это вѣрно!...»

Мы узнали тоже, что десять тысячъ отборныхъ солдатъ поступаютъ въ гвардію и что легкая артиллерія преобразована. Всѣмъ извѣстно, что за арміями слѣдуетъ легкая артиллерія. Чтобы оставаться дома и защищаться въ укрѣпленіяхъ, ненужна легкая артиллерія. Эта мысль тотчасъ же пришла мнѣ въ голову и вечеромъ я даже сообщилъ ее Катеринѣ; я всегда скрывалъ отъ нея свои опасенія, но на этотъ разъ не вытерпѣлъ. Она ничего не отвѣчала, а это означало, что она была того же мнѣнія, какъ и я.

Все это очень поубавило мой энтузіазмъ къ императору; нигде, работая, я думалъ: «Пріятнѣе было бы смѣтрѣть изъ окна на процессіи, чѣмъ драться противъ людей, которыхъ я не знаю! По крайней мѣрѣ, за свои наблюденія я не заплачусь ни рукою, ни ногою; а если они очень надоѣдаютъ мнѣ, я могу идти прогуляться въ *Четыре Вѣтра*.

Горе мое увеличилось еще тѣмъ, что, со врежени спора тетушки съ г. Гюльденомъ, она не приходила болѣе къ намъ. Тетушка Гредель была женщина упрямая; она не руководилась разумомъ и сердилась на людей по чѣлымъ годамъ. Для насъ она все-таки была матерью и намъ надо было уступить ей; она желала намъ добра. Но какъ устроить, чтобы жить въ ладу и съ ней, и въ то же время съ г. Гюльденомъ? Это насъ приводило въ смущеніе; если бы обязанности были любить тетушку Гредель, то мы тоже обязанности были

глубоко почитать того, кто считалъ насъ своими дѣтьми и ежедневно осмыслъ насъ благодареніями.

Эти мысли очень огорчали насъ и я рѣшился сказать г. Гульдону, что мы съ Катериной такіе же якобинцы, какъ и онъ, но что, не желая вредить идеямъ якобинцевъ и не отказываясь отъ нихъ, мы все-таки должны уважать свою мать и пойдти узнать о ея здоровьи. Я не зналъ, какъ онъ приметъ мое объясненіе, какъ вдругъ разъ утромъ въ воскресный день, сойдя внизъ въ восемь часовъ, мы застали нашего старика за одѣваньемъ и въ самомъ веселомъ расположеніи духа. Онъ сказалъ намъ:

— Вотъ, дѣти, почти уже цѣлый мѣсяць, какъ тетушка Гредель не заходила къ намъ; она удряется. Ну, такъ я буду умнѣе ея и уступлю ей. Между такими людьми, какъ мы, не должно существовать ни одного темнаго облачка. Послѣ завтрака, мы пойдёмъ въ *Четыре Вѣтра* сказать ей, что она удрямая и что мы любимъ ее, не смотря на ея недостатки. Увидите, какъ ей сдѣлается стыдно!

Онъ засмѣялся, а мы были тронуты.

— Ахъ, господинъ Гульденъ, какъ вы добры! сказала ему Катерина; васъ могутъ не любить только самые злые люди.

— Хе! вскричалъ онъ:—развѣ не просто то, что я дѣлаю? Развѣ можно расхотѣться изъ-за словъ? Слава Богу, время учить насъ, — кто благоразумнѣе, тотъ и дѣлаетъ первый шагъ; и надо вамъ сказать, что это даже написано въ правахъ человѣка для того, чтобы поддержать мирныя отношенія между людьми.

Ужъ если онъ упомянулъ о правахъ человѣка, то этимъ было сказано все.

Легко себѣ представить нашу радость; Катерина едва могла дожидаться конца завтрака; она бѣгала направо и налево, за палкой, за толстыми башмаками, за ящикомъ, гдѣ лежалъ парикъ, повѣшенный на палочкѣ. Она помогала г. Гульдону надѣвать въ рукава его фракъ орѣховаго цвѣта, а онъ, улыбаясь, глядѣлъ на нее и, наконецъ, поцѣловалъ ее.

— Да, я былъ увѣренъ, что это доставитъ тебѣ удовольствіе; и потому идемъ, не мѣшая.

Мы вышли вмѣстѣ. Погода была отличная. Г. Гульденъ торжественно велъ Катерину подъ руку, что дѣлалъ всегда въ городѣ, а я шелъ сади, ликуя въ душѣ. Передо мной шли существа, которыхъ я любилъ болѣе всего въ мірѣ, и я думалъ о томъ, что скажетъ тетушка Гредель. Мы прошли форпостъ, потомъ гласисъ и минутъ черезъ двадцать, не торопясь, подошли къ двери тетушки.

Было часовъ десять. У харчевни *Рулетки* я обошелъ Катерину и г. Гульдена и пришелъ раньше въ *Бузинную аллею*, идущую вдоль дома, и сталъ смотрѣть въ окно, что дѣлаетъ тетушка. Она сидѣла прямо противъ меня передъ дымившимся очагомъ; на ней была коротенькая юбка съ голубыми полосками, съ большими, наптыжми сверху карманами, холщевый лифъ съ помочами и старье, изношенные башмаки. Она прядла, потупивъ глаза и съ грустнымъ выраженіемъ лица; ея костлявыя руки до локтя прикрывались рукавами рубашки, а сѣдые волосы были завернуты на затылкѣ и не покрыты чепцомъ.

Видя ее такую одинокою, я подумалъ: «Бѣдная тетушка Гредель, она думаетъ о насъ, навѣрно... Она, не смотря на скуку, упорствуетъ... а какъ скучно жить одной и не видѣть своихъ дѣтей!» Мысль эта щемила мое сердце; но въ то же время со стороны улицы отворилась дверь и старикъ Гульденъ вошелъ съ Катериной съ веселымъ выраженіемъ лица и вскричалъ:

— А! вы къ намъ больше не показываетесь, матушка Гредель, и мнѣ пришлось теперь привести къ вамъ вашихъ дѣтей и придти самому разцѣловать васъ! Извольте угостить насъ хорошимъ обѣдомъ, слышите? и пусть это послужитъ вамъ урокомъ!

Не смотря на радость, въ немъ было что-то торжественное. Тетушка, увидавъ насъ, бросилась и обняла Катерину, потомъ бросилась къ г. Гульдену и повисла у него на шеѣ.

— Ахъ! господинъ Гульденъ, вскричала она:—какъ я счастлива, что вижу васъ! Вы добрый человѣкъ и въ тысячу разъ лучше меня.

Видя, что дѣла принимаютъ хорошій оборотъ, я побѣжалъ къ двери и засталъ г. Гульдена и тетушку Гредель въ слезахъ. Старикъ Гульденъ говорилъ:

— О политикѣ мы не станемъ больше говорить.

— Нѣтъ. Можно быть якобинцемъ и всѣмъ, чѣмъ хочешь, вскричала тетушка:—главное, надо быть человѣкомъ.

Потомъ она подошла поцѣловаться и со мной, говоря:

— Бѣдный мой Жозефъ, я думала о васъ съ утра до ночи... Теперь все прошло... и я довольна.

Она побѣжала въ кухню и перемѣшала во всѣхъ горшкахъ, чтобы получше угостить насъ; а г. Гульденъ ставилъ въ это время въ уголь свою трость, вѣшалъ на нее свою шляпу и усаживался около очага съ видомъ довольства.

— Что за превосходная погода! вскричалъ онъ:—все замечать, все зацвѣтаетъ... Какъ бы я желалъ жить въ деревнѣ, среди по-

лей, видѣть изъ огонь зеленъ изгородей, яблони, груши въ бѣломъ и розовомъ цвѣту!

Онъ былъ веселъ, какъ жаворонокъ, и мы всѣ были бы также веселы, если бы только можно было выгнать мысль о войнѣ.

— Оставьте все, матушка, сказала Катерина:—сидитесь спокойно около господина Гульдена. Сегодня обѣдъ изготавлю я, какъ бывало прежде.

— Да ты не знаешь, гдѣ что найти... я все переставила, говорила тетушка.

— Пожалуйста, сидитесь, настаивала Катерина:—будьте покойны, найду и масло, и муку, и яйца, и все, что нужно.

— Хорошо... хорошо... сдѣлаю по твоему, сказала тетушка, спускаясь въ погребъ.

Катерина повѣсила свою нарядную шаль на спинку моего стула, подложила дровъ въ огонь, масла на сковороду и посметрѣла въ горшки—все ли въ порядкѣ. Въ это время тетушка пришла изъ погреба съ бутылкой бѣлаго вина.

— Вотъ освѣжитесь передъ обѣдомъ, сказала она; а пока Катерина займется стрипней, я одѣнусь въ кофту и немного причешусь; какъ видите, это не лишнее. А вы идете... въ садъ... Ну, такъ, Жозефъ, возьми стаканы и бутылку... сидитесь около улей... погода прелѣстная... черезъ часъ все будетъ готово... я приду выпить и чокнуться съ вами.

Мы съ старикомъ Гульденомъ вышли, шагая черезъ высокую траву и черезъ желтые одуванчики, доходившіе намъ до колѣнъ. Жаръ былъ очень сильный, все жужжало воеругъ. Мы сѣли подтѣнь ульевъ и смотрѣли на великолѣпное солнце, сквозившее между вертѣвшимися роями пчель. Г. Гульденъ повѣсилъ сзади свой парикъ, чтобы облегчить себя; я раскупорилъ бутылку и мы выпили превосходнаго бѣлаго вина.

— Ну, все идетъ ладно, говорилъ онъ; — если люди и дѣлаютъ глупости, за то Господь Богъ всегда наблюдаетъ за ихъ дѣлами. Посмотри на хлѣбъ, Жозефъ, какъ онъ растетъ... Какая будетъ жатва мѣсяца черезъ три-четыре! А эти рѣпы, брюквы, кусты, пчелы, какъ все работаетъ, какъ все живетъ, какъ все растетъ.. Какое несчастье, что люди не слѣдуютъ ихъ примѣру, что одни работаютъ для того, чтобы питать праздность другихъ; и что являются вѣчно равнаго рода бездѣльники, которые зовутъ насъ якобинцами, потому что мы хотимъ порядка, сираведливости и мира!

Онъ любилъ всего болѣе на свѣтѣ работу, и не только работу чловѣка, въ сущности ничтожную, но и работу послѣдняго насѣ-

комаго, бѣгавшаго въ травѣ, какъ въ безконечныхъ дремучихъ гѣсахъ, строявшаго себѣ жилища, живущаго обществами, несущаго яйца, собиравшаго ихъ въ общій складъ, нагрѣвавшаго ихъ, вынося на солнце и унося на ночь, и защищавшаго ихъ отъ враговъ; однимъ словомъ, онъ любилъ эту громадную жизнь, въ которой все поетъ, все на мѣстѣ, начиная отъ жаворонка, оглашавшаго небо своей веселой пѣснью, и кончая муравьемъ, который уходитъ, приходитъ, бѣгаетъ, косить, пилить, тащить и производить всѣ работы. Да, вотъ что любилъ г. Гульденъ, но онъ говорилъ объ этомъ только въ полѣ, при видѣ величественной картины природы; естественно, что онъ тогда говорилъ о Богѣ, котораго называлъ Высшимъ существомъ, какъ въ старинныхъ календаряхъ республики; онъ говорилъ, что Богъ въ разумѣ, въ мудрости, въ добрѣ, въ любви, въ справедливости, въ порядкѣ, въ жизни. Старыя мысли изъ календаря тоже приходили ему на память; приятно было слушать, когда онъ говорилъ о плювиозѣ, времени дожда, о нивозѣ, времени снѣга, о вантозѣ, времени вѣтровъ, потомъ о флореалѣ, цреріалѣ, фруктидорѣ. Онъ говорилъ, что въ тѣ времена мысли челоуѣка болѣе приближаются къ Богу, тогда какъ іюль, сентябрь, октябрь не имѣютъ ни малѣйшаго значенія и выдуманы только для того, чтобы все спутать и затуманить. Заговоривъ разъ объ этомъ предметѣ, онъ продолжалъ безъ конца, и въ глазахъ его все это выражалось. — Къ несчастью, я не обладаю такими знаніями, какими обладалъ этотъ челоуѣкъ, иначе я съ истиннымъ удовольствіемъ передалъ бы вамъ его мысли.

Когда мы были, что называется, въ самомъ разгарѣ своей бесѣды, изъ-за угла показалась тетушка Гредель, вымытая, вычесаная, въ праздничномъ платьѣ; она шла къ пчельникамъ и онъ тотчасъ же замолчалъ, чтобы сохранить миръ.

— Вотъ и я, сказала тетушка:— все въ порядкѣ.

— Ну, садитесь, сказалъ господинъ Гульденъ, очищая ей мѣсто на скамейкѣ.

— А знаете, который часъ? вскричала тетушка. Для васъ время не таяется... Слушайте!...

Мы прислушались и насчитали двѣнадцать медленныхъ ударовъ, раздававшихся съ городскихъ часовъ.

— Какъ! уже двѣнадцать? вскричалъ старикъ Гульденъ,— а мнѣ казалось, что мы здѣсь не болѣе десяти минутъ.

— Уже двѣнадцать! сказала тетка:— и обѣдъ ждетъ васъ.

— Слава Богу! сказалъ господинъ Гульденъ, взявъ ее подъ

руку.—Ну, идемте, кумушка: съ тѣхъ поръ, какъ вы сказали мнѣ, который часъ, мнѣ захотѣлось ѣсть.

Они подъ руку прошли аллею; я весело шелъ за ними, и когда мы вошли въ комнату, глазамъ нашимъ представилось самое пріятное зрѣлище: большая миска съ красными цвѣтами дымилась на столѣ, фаршированная телячья грудинка наполняла комнату пріятнымъ запахомъ, пирожное съ корицей возвышалось на блюдѣ на краю стараго дубоваго буфета и двѣ бутылки и стаканы, блиставшіе, какъ хрустальные, стояли на бѣлой скатерти передъ тарелками.

Катерина, съ своими розовыми щеками и бѣлыми зубами, смѣялась надъ нашимъ удовольствіемъ, и можно сказать, что, въ продолженіи всего обѣда, боязнь за будущее была забыта. Мы только и думали, какъ бы угодить другъ другу, посмѣяться, и находили, что все превосходно на этомъ свѣтѣ.

И только потомъ, за кофеемъ, на насъ напала какая-то грусть и всѣ бессознательно задумались. О политикѣ говорить не хотѣли, и сама ужъ тетушка Гредель спросила о новостяхъ. Господинъ Гульденыкъ сказалъ тогда, что императоръ желаетъ мира, что онъ готовится только къ оборонѣ,—вещь необходимая для предупрежденія враговъ, которыхъ мы не боимся. Онъ сказалъ, что, во всякомъ случаѣ, не смотря на дурныя намѣренія союзниковъ, они не осмѣлятся придти къ намъ, потому что тестъ Францискъ—человѣкъ не особенно добрый, но который, тѣмъ не менѣе, не захочетъ два раза разбить своего зятя, свою родную дочь и своего внука; что это противъ человѣческой природы и что, кромѣ того, теперь возсталъ бы весь народъ, если бы объявили отечество въ опасности, и что это не была бы война солдатъ, но война всѣхъ французовъ противъ тѣхъ, кто хочетъ угнетать ихъ. Это заставитъ подумать союзныхъ государей и т. д., и т. д.

Онъ говорилъ еще много, чего я не припомню. Тетушка Гредель слушала, не отвѣчая. Наконецъ, она встала, отворила шкапъ и взяла изъ чашки какую-то сѣрую бумажку, которую передала господину Гульдону, говоря:

— Прочтите-ка; вотъ такія бумажки ходятъ повсюду; эту я достала отъ священника Диемера. Увидите, проченъ ли миръ.

У господина Гульденыка не было съ собою очковъ, и потому, вмѣсто него, я прочелъ бумажку. Всѣ эти старыя сочиненія я много лѣтъ ужъ не читалъ; они пожелтѣли отъ времени, и о нихъ ужъ забыли, и не говорятъ больше, а между тѣмъ, перечитывать ихъ не мѣшаетъ. Почему знать? Старые дѣятели уже умерли, надѣлавъ намъ всевозможнаго зла; но еще живы дѣти и внуки ихъ, кото-

римъ не мѣшаетъ поучиться у стараго времени. Они могутъ повторить то, что говорилось прежде, и тѣ, которые помогали старымъ, могутъ помочь и новымъ. Однимъ словомъ, вотъ что говорилось въ этой бумажкѣ:

«Союзныя власти, подписавшія Парижскій договоръ, собравшіяся на Вѣнскій конгрессъ, узнавъ о бѣгствѣ Наполеона Бонапарта и о вступленіи его съ вооруженною силою во Францію, считаютъ своею обязанностью, ради своего достоинства и сочувствія къ общественному порядку, торжественно выразить чувства, пробужденныя въ нихъ этими событіями.

«Нарушая, такимъ образомъ, условія, вслѣдствіе которыхъ онъ былъ перевезенъ на островъ Эльбу, Бонапартъ уничтожаетъ единственное законное право, возможное въ его жизни. Явившись во Францію съ намѣреніемъ возмущать и дѣлать перевороты, онъ самъ лишилъ себя покровительства законовъ и заявилъ передъ лицомъ вселенной, что съ нимъ не можетъ быть мира.»

Союзники продолжали въ этомъ духѣ на двухъ большихъ странахъ; и люди эти, неимѣвшіе съ нами ничего общаго, некасавшіяся нашихъ дѣлъ, являлись защитниками мира и объявляли въ концѣ концовъ, что они соединились для поддержки Парижскаго договора и для возстановленія Людовика XVIII.

Когда я кончилъ, тетушка Гредель сказала:

— Конечно, я не стану утверждать противное; но все это не помѣшаетъ тому, что Жозефъ принужденъ будетъ отправиться.

Я совершенно поблѣднѣлъ, видя, что тетушка права.

— Да, отвѣчалъ господинъ Гульдентъ:—я зналъ это уже нѣсколько дней тому назадъ и вотъ что сдѣлалъ. Вы, конечно, знаете, тетушка Гредель, что образуютъ мастерскія для починки оружія? Такая мастерская есть и при пфальцбургскомъ арсеналѣ, но въ ней нѣтъ мастеровыхъ. Разумѣется, хорошіе рабочіе оказываютъ такую же услугу отечеству, починывая оружіе, какъ и тѣ, которые идутъ драться; имъ достается больше труда, но за то они не рискуютъ жизнью и остаются дома. Ну, такъ я тотчасъ же отправился къ командиру артиллеріи, господину де-Монтравелю, и просидѣлъ, чтобы Жозефъ былъ принятъ мастеровымъ. Для хорошаго часового мастера пустяки какава нибудь починка огнива у ружейнаго замка; и господинъ де Монтравель съ перваго же слова согласился.—Вотъ его назначеніе, сказалъ онъ, показавъ намъ бумагу, которую онъ вынулъ изъ кармана.

Я точно ожилъ отъ этого и вскричалъ:

— О! господи! Гульдены, вы больше, чѣмъ отецъ,—вы спаситель моей жизни.

А Катерина, которую давно давило безпокойство, тотчасъ же вышла; тетушка же Гредель встала и второй разъ принялась обнимать господина Гульдена, говоря:

— Да, лучше васъ нѣтъ на свѣтѣ человѣка.... Вы человѣкъ съ великимъ сердцемъ.... человѣкъ великаго ума... Ахъ! если бы всѣ яковинцы походили на васъ,—женщины не захотѣли бы имѣть дѣла ни съ вѣмъ, кромѣ яковинцевъ.

— То, что я сдѣлалъ, такъ ничтожно.... говорилъ онъ.

— Нѣтъ.... нѣтъ.... не ничтожно; эти мысли подсказываетъ вамъ ваше доброе сердце.

У меня же отъ удивленія и отъ радости не доставало словъ, и пока говорила тетушка, я вышелъ въ садъ подышать свѣжимъ воздухомъ. Катерина сидѣла тамъ въ темномъ уголкѣ и заливалась горячими слезами.

— А! теперь, сказала она, я могу вздохнуть.... я живу.

Я въ страшномъ волненіи поцѣловалъ ее. Я видѣлъ, что она, должно быть, вытерпѣла въ этотъ мѣсяцъ; но она была женщина стойкая, скрывавшая отъ меня свое безпокойство; она знала, что съ меня довольно и моихъ собственныхъ. Мы просидѣли тамъ болѣе десяти минутъ, чтобы осушить слезы; потомъ вошли и господинъ Гульдены съвзвалъ мнѣ:

— Ну, Жозефъ, надо начать съ завтрашняго дня; ты отправишься пораньше; въ работѣ недостатка не будетъ.

Какое счастье думать, что не будешь принужденъ отправиться! Да у меня были и еще причины желать остаться: мы съ Катериной ждали кой-чего!... Господи! Господи! кто не испыталъ этого, тотъ никогда не пойметъ, что могутъ вытерпѣть люди и какая тяжесть спадаетъ у нихъ съ сердца, когда они услышатъ хорошее извѣстіе.

Мы пробыли еще съ часъ въ «Четырехъ Вѣтрахъ» и потомъ; въ то время, когда народъ возвращался съ вечерень, въ сумерки мы возвратились въ городъ. Тетушка Гредель провожала насъ до почтовой станціи, и въ семь часовъ мы поднимались по нашей дѣстницѣ.

Такимъ образомъ, водворилось согласіе между тетушкой Гредель и господиномъ Гульденомъ. Съ этихъ поръ она приходила къ намъ такъ же часто, какъ и прежде. Я ходилъ каждый день въ арсеналъ и работалъ надъ починкой огнивъ и ружейныхъ замковъ. Въ двѣнадцать часовъ я приходилъ обѣдать, а въ часъ уходилъ

и работал до семи. Я былъ, въ одно и то же время, солдатъ и мастеровой, былъ избавленъ отъ необходимости являться на переключки, но за то заваленъ работой. Мы надѣялись, что я удержусь на этомъ мѣстѣ до окончанія войны, если бы, по несчастью, она началась, такъ какъ ни за что нельзя было ручаться.

XIV.

Надежда нѣсколько вернулась къ намъ съ тѣхъ поръ, какъ я работалъ въ арсеналѣ; но безпокойство иногда все-таки овладѣвало нами, потому что сотни уволенныхъ въ отпускъ старыхъ солдатъ, вновь вступившихъ на службу для похода, и рекрутовъ проходили съ мѣшками за спиной и въ своемъ деревенскомъ платьѣ. Всѣ они кричали: *Да здравствуетъ императоръ!* и казались точно бѣшеные. Въ большой залѣ мѣрства нѣкоторые изъ нихъ получали шинели, нѣкоторые кивера, нѣкоторые эполеты, штыклеты и башмаки на счетъ департамента. Они уходили потомъ догонять полки и я желалъ имъ счастливаго пути.

Всѣ городскіе портные брали подряды для поставки аммуниціи, жандармы уступали своихъ лошадей для кавалеріи и господинъ мэръ, баронъ Пармантье, уговаривалъ молодыхъ людей, лѣтъ шестнадцати семнадцати, идти въ партизаны къ полковнику Брису, который долженъ былъ защищать ущелья Зорна, Цинзелли и Сарры. Самъ господинъ баронъ долженъ былъ ѣхать къ *Майскому полю* и это увеличивало его энтузіазмъ.

— Храбрѣй!.. храбрѣй! кричалъ онъ имъ, рассказывая о римлянахъ, дравшихся за родину.

Слушая его, я думалъ:

— Если тебѣ кажется это такъ хорошо, зачѣмъ же не отправляешься ты самъ?

Легко себѣ представить, съ какимъ прилежаніемъ я работалъ въ арсеналѣ; все мнѣ было ни по чемъ; я бы день и ночь готовъ былъ чинить ружья, выправлять штыки, завинчивать винты. Когда къ намъ приходилъ командиръ Монтравель, онъ любовался мною.

— Отлично! говорилъ онъ, отлично! Я доволенъ вами, Берта.

Эти слова доставляли мнѣ удовольствіе и я передавалъ ихъ Катеринѣ, чтобы нѣсколько ободрить ее; мы были почти увѣрены, что г. де-Монтравель оставитъ меня въ Пфальцбургѣ.

Въ газетахъ только и говорилось о новой конституціи, которую называли прибавочнымъ актомъ и актомъ *Майскаго поля*. У

г. Гульдена всегда находились, возраженія то на тотъ, то на другой параграфъ, но я уже не вмѣшивался въ эти дѣла; я даже раскаявался въ томъ, что говорилъ противъ процессій и дознаній; мнѣ было вовсе не до политики.

Дѣла шли такимъ образомъ до 23 мая. Въ этотъ день, въ десять часовъ утра, я работалъ въ большой арсенальной залѣ и укладывалъ ружья въ ящики. Большая дверь была отворена настежь; солдаты, привѣзшіе съ фургонами, ждали передъ арсенальнымъ наркомомъ, чтобы нагружать ящики. Я заколотилъ послѣдній, когда инженеръ Робертъ, тронувъ меня за плечо, тихо сказалъ мнѣ:

— Берта, васъ желаетъ видѣть командиръ де-Монтравель; онъ въ павильонѣ.

Что можетъ сказать мнѣ командиръ? Я не зналъ еще ничего, но уже порядочно струсилъ. Не смотря на это, я, не медля, пошелъ черезъ большой дворъ, куда выходитъ сарай съ лафетами, поднялся на лѣстницу и постучалъ тихонько въ дверь.

— Войдите! сказалъ мнѣ командиръ.

Я отворилъ дверь, дрожа всѣмъ тѣломъ, и снялъ шапку. Командиръ де-Монтравель былъ человекъ высокаго роста, худой, смуглой, съ головой склоненной нѣсколько на бокъ. Онъ ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ между своихъ книгъ, картъ и оружія, развѣшаннаго по стѣнамъ.

— А, это вы, Берта, сказалъ онъ, увидавъ меня:—я долженъ сообщить вамъ печальную вѣсть: 3 батальонъ, къ которому вы принадлежите, отправляется въ Метцъ.

Услыхавъ эту страшную новость, я почувствовалъ, что сердце у меня замерло, и не могъ ничего отвѣтить.

Командиръ посмотрѣлъ на меня.

— Не отчаивайтесь, черезъ минуту сказалъ онъ:—вы женились только нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ и, кромѣ того, вы хороший работникъ, что заслуживаетъ вниманія. Это письмо вы передайте полковнику Демишелю въ метцкомъ арсеналѣ—это одинъ изъ моихъ друзей;—онъ найдетъ вамъ работу у себя въ мастерскихъ, будьте увѣрены.

Я взялъ письмо, которое онъ мнѣ подаль, поблагодарилъ и въ ужасѣ вышелъ.

Дома въ мастерской разговаривали Зебеде, г. Гульденъ и Катерина; на лицахъ ихъ выражалось отчаянье; они уже все знали.

— Третій батальонъ выступаетъ, сказалъ я, входя,—но это ничего не значитъ: г. командиръ де-Монтравель далъ мнѣ письмо

къ начальнику метцкаго арсенала. Не безпокойтесь, я не буду на войнѣ.

Я почти задыхался. Г. Гульденъ взялъ письмо и сказалъ:

— Оно открыто; это для того, чтобы мы могли прочесть его.

Послѣ этого онъ прочелъ письмо, въ которомъ г. де-Монтравель рекомендовалъ меня своему другу, говоря, что я женатъ, хороший работникъ, очень усердный, необходимъ своему семейству и что окажу истинныя услуги арсеналу. Нельзя было написать лучше.

Зебеде вскричалъ:

— Теперь судьба твоя устроена!

— Да, сказалъ г. Гульденъ, вотъ ты и останешься въ метцскомъ арсеналѣ.

А Катерина, блѣдная, какъ полотно, подошла, поцѣловала меня и сказала:

— Какое счастье, Жозефъ!

Все заставляло предполагать, что я останусь въ Метцѣ, и мнѣ хотѣлось тоже скрыть отъ нихъ свой страхъ. Но я задыхался и не могъ почти удерживаться отъ рыданій; къ счастью, мнѣ пришла въ голову мысль пойти сказать объ этой вѣсти тетускѣ Гредель.

— Послушайте, сказалъ я имъ: — хотя я въ Метцѣ останусь и недолго, но, тѣмъ не менѣе, объ этомъ хорошежь извѣстїи надо увѣдомить тетушку Гредель. Я возвращусь сегодня вечеромъ, между пятью и шестью часами; Катерина пока уложитъ мнѣ мѣшокъ, а потомъ мы поужинаемъ.

— Да, иди, Жозефъ, сказалъ мнѣ г. Гульденъ.

Катерина не сказала ничего; она едва удерживалась, чтобы не залиться слезами. Я побѣжалъ, какъ безумный. Зебеде, возвращавшійся въ казармы, предупредилъ меня въ дверяхъ, что офицеръ съ аммуниціей теперь въ мѣрствѣ и что тамъ надо быть къ пяти часамъ. Я, какъ сквозъ сонъ, выслушалъ эти слова и бросился за городъ. На гласисѣ я пустился бѣгомъ опретью, по заброшеннымъ дорогамъ; я прошелъ въ *Четыре Вѣтра* черезъ ручей *Трехъ Замковъ* и *Верхнїе Бараки* вдоль лѣса. Не могу описать, что у меня происходило въ головѣ; я точно съ ума сошелъ и готовъ былъ бѣжать такъ до Швейцарїи. Всего хуже было, когда я подошелъ къ *Четыремъ Вѣтрамъ* — по Даннской тропинкѣ. Было три часа; тетушка Гредель, ставившая тычинки въ горохѣ, сиди въ саду, издали увидала меня. Она сказала себѣ:

— Да вѣдь это Жозефъ!.. Что онъ дѣлаетъ тамъ во ржи?

Я же, выбравшись на торную дорогу, изнещренную колеями и усыпанную пескомъ, нагрѣтымъ солнцемъ, какъ печка, пошелъ ти-

ше, понутивъ голову, думая: «Ты не осмѣлишься войти!» какъ вдругъ тетушка крикнула мнѣ изъ-за изгороди.

— Это ты, Жозефъ?

Я вздрогнулъ.

— Да, это я, сказалъ я ей.

Она вышла въ бузинную аллею и, увидавъ, какъ я блѣденъ, сказала:

— Я знаю, зачѣмъ ты пришелъ, дитя мое:—ты уходишь, не такъ ли?

— Нѣтъ, сказалъ я ей, меня оставляютъ въ метцкомъ арсеналѣ... Другіе уходятъ... а я останусь въ Метцѣ... это счастливо!

Она ничего не сказала. Мы вошли въ кухню, гдѣ было прохладно, сравнительно съ удушливымъ жаромъ на дворѣ. Она сѣла и я прочелъ ей письмо командира. — Она выслушала и сказала:

— Да... это счастливо!

И мы молча сидѣли и глядѣли другъ на друга. Потомъ она взяла обѣими руками меня за голову и долго цѣловала, и я видѣлъ, что она молча горько плакала.

— Вы плачете... сказалъ я ей. Но вѣдь я остаюсь въ Метцѣ.

Она ничего не отвѣчала и пошла въ погребъ за виномъ. Она дала мнѣ выпить стаканъ и спросила меня:

— Что говоритъ Катерина?

— Она рада, что я остаюсь въ арсеналѣ. Г. Гульденъ тоже радъ.

— Хорошо, сказала она. Приготовляютъ ли тебѣ все, что нужно?

— Да, тетушка Гредель, и мнѣ надо быть до пяти часовъ въ ратушѣ, чтобы получить аммуницію.

— Ну, такъ иди! сказала она,—поцѣлуй меня... Я не пойду туда... я не могу видѣть, какъ батальонъ будетъ выступать... я останусь... я хочу долго жить.. Катеринѣ нужна моя жизнь...

Она начала рыдать, но вдругъ удержалась и сказала мнѣ:

— Въ которомъ часу вы выступаете?

— Завтра, въ семь часовъ, матушка Гредель.

— Хорошо! такъ я приду въ восемь... Ты будешь ужъ далеко!.. но будешь знать, что мать твоей жены тамъ... что она беретъ обратно свою дочь... что она васъ любитъ... что, кромѣ васъ, у нея нѣтъ никого на свѣтѣ...

Говоря такимъ образомъ, эта достойная женщина начала рыдать. Она проводила меня до улицы и я ушелъ. У меня въ жилахъ застыла вся кровь. Къ пяти часамъ я пришелъ въ мѣрство, поднялся на лѣстницу и опять увидѣлъ залу, гдѣ вынулъ жребій,

эту проклятую залу, гдѣ всѣ вынимали дурные номера. Мнѣ дали шинель, мундиръ, панталоны, штиблеты, башмаки. Зебеде, бывший тамъ, велѣлъ одному изъ своихъ рядовыхъ снести все это въ комнату.

— Приходи пораньше, надѣнь все это, сказалъ онъ мнѣ:— твое ружье и ранецъ сегодня съ утра въ казармахъ.

— Пойдемъ со мной, сказалъ я ему.

— Нѣтъ, отвѣчалъ онъ, сердце надрывается, глядя на Катерину, и, кромѣ того, надо остаться съ отцомъ. Кто знаетъ, застану ли я старика черезъ годъ? Я обѣщаль отужинать съ вами, но не пойду.

Пришлось идти одному. Мѣшокъ мой былъ готовъ, мой старый мѣшокъ, единственная вещь, которую я сберегъ въ Ганау, положивъ на него въ фургонъ голову. Г. Гульденъ работалъ; онъ обернулся, но не сказалъ мнѣ ни слова.

— Гдѣ же Катерина? спросилъ я его.

— Наверху.

Я думаю, что, вѣрно, она плачетъ; мнѣ хотѣлось пойти къ ней, но ноги подкашивались и не доставало рѣшимости. Я рассказалъ г. Гульдену, что было въ *Четырехъ Вытрахъ*; потомъ мы стали ждать, думая и не смѣя взглянуть другъ на друга.— Наступала ночь и уже совершенно смеркалось, когда внизъ сошла Катерина. Она въ потьмахъ накрыва на столъ; потомъ я взялъ ее за руку и посадилъ къ себѣ на колѣни; мы оставались такъ съ полчаса.

— Зебеде не придетъ? спросилъ меня г. Гульденъ.

— Нѣтъ, онъ на службѣ.

— Ну, такъ садемте ужинать, сказалъ онъ.

Но ѣсть никому не хотѣлось. Катерина собрала со стола къ девяти часамъ и всѣ пошли спать.—Въ жизни моей это была самая ужасная ночь. Катерина лежала точно мертвая; я звалъ ее, она не отвѣчала мнѣ. Въ полночь я пошелъ разбудить г. Гульдена. Онъ одѣлся и поднялся къ намъ наверхъ. Мы дали Катеринѣ сахарной воды. Она прищла въ себя и встала. Всего, что было, я ужъ не помню; знаю только, что она стала передо мною на колѣни и просила меня не покидать ее, какъ-будто я дѣлалъ это добровольно; но она была точно не въ своемъ умѣ. Г. Гульденъ хотѣлъ идти за докторомъ, но я не пустилъ его. Къ свѣту она совсѣмъ оправилась, долго плакала и, наконецъ, заснула. Я не смѣлъ даже поцѣловать ея, и мы потихоньку вышли. Въ такихъ случаяхъ познаются житейскія несчастія и думаешь: «Господи, зачѣмъ это я явился на свѣтъ?.. Зачѣмъ это я не спалъ вѣчнымъ сномъ? Что я

сдѣлалъ такого до рожденія, что заслужилъ видѣть, какъ безъ моей вины страдаютъ тѣ, кого я люблю?» Но вѣдь не Господь совершаетъ подобныя дѣла, а люди разрываютъ сердце.

Наконецъ, мы съ г. Гульденомъ сошли и онъ сказалъ мнѣ:

— Она спитъ... и ничего не знаетъ... это счастье... ты уйдешь во время ея сна.

Я радъ былъ сну. Мы сидѣли и думали, прислушиваясь къ малѣйшему шуму; наконецъ, начали бить сборъ. Тогда г. Гульденъ серьезно взглянулъ на меня и мы встали. Онъ взялъ мѣшковъ и молча пристегнулъ мнѣ его на плечахъ.

— Жозефъ, сказалъ онъ мнѣ, отправляйся къ командиру арсенала въ Метцъ, но ни на что не надѣйся. Опасность такъ серьезна, что Франціи для защиты нужны всѣ ея дѣти. И на этотъ разъ дѣло не въ томъ, чтобы брать что нибудь у другихъ, а защищать свою страну. Помни, что дѣло идетъ о тебѣ самомъ, о твоей женѣ, о всемъ самомъ дорогомъ для тебя. Жаль, что я не моложе двадцатью годами, а то я пошелъ бы съ тобою и показалъ бы тебѣ примѣръ.

Мы сошли безъ шума, поцѣловались и я пошелъ въ казармы. Зебеде самъ свелъ меня въ общую комнату, гдѣ я надѣлъ свою форму. Теперь я припоминаю только, послѣ столькихъ лѣтъ, что отецъ Зебеде, бывшій тутъ, свернулъ въ узелокъ мое платье, говоря, что пойдетъ послѣ насъ къ нашимъ, и что потомъ батальонъ потянулся по улицѣ Ланшъ, къ Французской заставѣ.

За нами шло нѣсколько дѣтей. Солдаты на форпостѣ сдѣлали намъ на караулъ. Мы шли по дорогѣ въ Ватерло.

XV.

Въ Сарбургѣ намъ дали квартирныя билеты; мой билетъ былъ къ старому типографщику Жарейсу, который зналъ г. Гульдена и тетушку Гредель; онъ посадилъ меня за обѣдъ съ новымъ моимъ постельнымъ товарищемъ, Жаномъ Бюшъ, сыномъ мастера саней въ Гарбергѣ, неѣщаго до рекрутства ничего, кромѣ картофеля. Онъ обглядывалъ до костей говядину, поданную намъ. Мнѣ было такъ грустно, что звуки трещавшихъ костей разстроивали мнѣ нервы.

Старикъ Жарейсъ хотѣлъ меня утѣшать, но все, что онъ говорилъ мнѣ, только увеличивало мое горе.

Конецъ этого дня до слѣдующей ночи мы провели въ Сарбургѣ. На слѣдующій день мы дошли до деревни Месьеръ, потомъ до Вика

и потомъ до Сольна, и, наконецъ, на пятый день подошли къ Метцу.

Нечего мнѣ рассказывать вамъ нашъ походъ: солдаты, посѣдѣвъ отъ пыли, идутъ съ привала до привала, съ мѣшкомъ за спиной, ружья вольно, болтаютъ, смѣются, проходятъ деревни, посматривая на дѣвушекъ, на телѣжки, на навозныя кучи, на сарай, на подъемы и спуски, не заботясь ни о чемъ. И когда человекъ скучаетъ, оставивъ дома жену, старыхъ друзей, людей, которые васъ любятъ и которыхъ вы, можетъ быть, никогда больше не увидите, все передъ глазами его мелькаетъ, какъ тѣнь; и пройдя шаговъ сто, онъ уже о всеяъ и забываетъ.

Не смотря на это, Метцъ, съ своимъ высокимъ соборомъ, съ своими старыми домами и мрачными укрѣпленіями, нѣсколько пробудилъ мое вниманіе. За два часа до прибытія, мы шли ущельями. Было очень жарко и мы торопились, чтобы добраться поскорѣе до тѣни. Воспоминаніе о полковникѣ Демишелѣ приходило мнѣ иногда на память; у меня была слабая надежда, очень слабая, и я думалъ про себя: «Ахъ, если бы удалось!» Я ощупывалъ письмо. Зебеде не говорилъ больше со мной; отъ времени до времени, онъ обертывался, чтобы посмотреть на меня. Теперь было не совсѣмъ то, что прежде; онъ былъ сержантъ, а я простой солдатъ. Какъ бы ни было, мы любили другъ друга, но разница все-таки существовала.

А Жанъ Бюшъ шелъ подлѣ меня, согнувъ спину и носками внутрь, какъ настоящій волкъ. По временамъ онъ говорилъ мнѣ только, объ одномъ, что башмаки мѣшаютъ ходить и что ихъ надо бы надѣвать только во время смотровъ. Въ теченіи двухъ мѣсяцевъ сержантъ не могъ выучить его выворачивать ноги и держаться прямо, но, по своему, онъ ходилъ отлично и никогда не уставалъ.

Наконецъ, часамъ къ пяти послѣ обѣда, мы подошли къ форпосту. Къ намъ подошли осмотрѣть и караульный капитанъ самъ закричалъ намъ:

— Идите!

Забилы барабаны и мы вошли въ городъ, самый старый, какой только мнѣ случалось видѣть.—Въ Метцѣ соединяются Сейль и Мозель, и тамъ-то можно видѣть четырехъ и пяти-этажные дома, съ обвалившимися стѣнами, испещренными брусками, какъ въ Сэвернѣ и Буксвиллерѣ; крупныя и четырехъ-угольныя окна, по одной линіи и большія, и маленькія, со ставнями и безъ ставней, съ стеклами и безъ стеколъ. Все это старо, какъ горы и рѣки, а сверху футовъ на шесть возвышается крыша, разстилая тѣнь свою на темной водѣ, гдѣ плывутъ старыя башмаки, тряпье и дохлыя собаки.

Когда нечаянно помотришь наверхъ въ эти закоулки, въ углубленіе какого нибудь слухового окна, то почти всегда увидишь лицо стараго жидка, съ сѣрой бородой, съ длиннымъ носомъ въ видѣ крючка, или ребенка, рискующаго свалиться, или что нибудь въ этомъ родѣ, потому что, говоря по правдѣ, Метцъ—городъ жидовъ и солдатъ. Бѣднымъ въ немъ тоже не мало, и гораздо больше вежали въ Мальцѣ, Страсбургѣ и Франкфуртѣ. Можетъ быть, впрочемъ, теперь все измѣнилось; люди любятъ теперь удобства, и города со дня на день дѣлаются краше.

Однимъ словомъ, мы прошли мимо всѣхъ этихъ картинъ, и, не смотря на мою печаль, я не могъ не обратить вниманія на эти закоулки. Въ то время городъ былъ полонъ національною гвардіею; она прибывала изъ Лонгви, Сарлуи и другихъ мѣстъ; солдаты уходили и ихъ замѣняла національная гвардія.

Мы пришли на площадь, заваленную матрацами, тюфачами и другими вещами для спанья, которыя жители продавали для арміи. Намъ скомандовали ружья къ ногѣмъ передъ казармами, въ которыхъ всѣ окна были настежь. Мы ждали, думая, что насъ помѣстятъ въ казармѣ, но минутъ черезъ двадцать началась раздача жалованья: каждый изъ насъ получилъ по двадцати пяти су. и по квартирному билету. Намъ дали позволеніе выйти изъ шеренгъ, и всякій пошелъ въ свою сторону. Жанъ Бюшъ, никогда невидавшій другого города, кромѣ Пфальцбурга, не отставалъ отъ меня.

Наши квартирные билеты были къ Эльясу Мейеру, маснику въ улицѣ Сентъ-Валери. Когда мы подошли къ дому, этотъ мясникъ, разрѣзавшій мясо у окна въ видѣ свода, заслоненнаго рѣшеткой, осердился и принялъ насъ очень дурно. Это былъ жирный, красивый жидъ съ круглымъ лицомъ, съ серебрянными кольцами на пальцахъ и въ серьгахъ; жена его, худая и желтая, сошла, крича, что у нихъ былъ постой и вчера, и третьяго дня... что секретарь мэрства на нихъ золъ и каждый день посылаетъ имъ солдатъ, а что у сосѣдей никого нѣтъ... и такъ далѣе.—Они все-таки впустили насъ въ домъ. На насъ пришла посмотрѣть ихъ дочь, а за ней стояла толстая служанка съ кудрявыми волосами и ужасно грязная. Мнѣ кажется, я будто еще вижу этихъ людей въ старой комнатѣ, обдѣланной дубомъ, съ большой мѣдной лампой, повѣшенной на потолокъ, и съ рѣшетчатымъ окномъ, выходящимъ на маленькій дворъ.

Блѣдная дѣвушка съ черными глазами сказала: что-то матери и служанка получила приказаніе проводить насъ на чердакъ, въ комнату для нищихъ,—такъ какъ у всѣхъ жидовъ есть нищие, кото-

рыхъ они кормятъ по пятницамъ. Товарищъ мой изъ Гарберга находилъ это отличнымъ; я же былъ возмущенъ. Не смотря на это, мы вошли за служанкой по извилистой лѣстницѣ, скользя отъ грязи; и пришли на чердакъ въ комнату, загороженную рѣшеткою, сквозь которую виднѣлось грязное бѣлье, приготовленное для стирки. Свѣтъ проходилъ въ слуховое окно, выходящее въ видѣ табакерки на крышу. Не будь горе мое такъ сильно, мѣсто это показало бы мнѣ отвратительнымъ; у насъ стоялъ только одинъ стулъ и посреди пола лежалъ мѣшокъ, набитый соломой, съ однимъ обѣломъ для насъ обожъ. Служанка въ дверяхъ еще взглянула на насъ, какъ-будто намъ слѣдовало сказать ей нѣсколько любезностей.

Я сѣлъ и снялъ мѣшокъ; какъ можно себѣ представить, мнѣ было не весело. Бюшъ сдѣлалъ то же самое. Служанка начала спускаться, когда я закричалъ ей:

— Подождите немного... Мы идемъ тоже... Намъ нѣтъ охоты сломать себѣ шею на лѣстницѣ.

Перемѣнивъ башмаки и чулки, мы заперли дверь всачимъ замкомъ и пошли въ мясную—купить говядины. Жанъ пошелъ напротивъ купить у булочника хлѣба, и такъ какъ мы имѣли право на мѣсто у печки, мы и вошли въ кухню сварить супу.

Около восьми часовъ къ намъ пришелъ мясникъ съ большой улмской трубкой; мы кончили ужинъ. Онъ спросилъ насъ, откуда мы родомъ; я не отвѣчалъ ему, потому что слишкомъ былъ возмущенъ, а Жанъ Бюшъ сказалъ, что я часовщикъ изъ Пфальдбурга, послѣ чего человекъ этотъ почувствовалъ ко мнѣ уваженіе. Онъ разсказалъ намъ, что братъ его ѣздилъ по Эльзазу и Лотарингін съ часами, кольцами, цѣпочками и другими драгоценными вещами; что зовутъ его Самуиломъ Мейеромъ и что, можетъ быть, мы имѣли съ нимъ какія нибудь дѣла. Я отвѣчалъ ему, что видѣлъ брата его рза два три у г. Гульдена, и это была правда. Послѣ этого онъ велѣлъ служанкѣ снести намъ наверхъ подушку; больше же онъ для насъ ничего не сдѣлалъ и мы пошли спать. Вслѣдствіе сильной усталости, мы скоро заснули. Я намѣревался встать пораньше и бѣжать въ арсеналь, но еще спалъ, когда товарищъ мой толкнулъ меня, говоря:

— Сборъ!

Я прислушался: да, былъ сборъ. Мы успѣли только одѣться, застегнуть наши мѣшви, взять ружья и сбѣжать. Когда мы пришли на площадь, началась перекличка. Послѣ переклички подѣхали двѣ фуры и мы получили пятьдесятъ патроновъ съ пулями на человекъ. Командиръ Жемо, капитаны и всѣ офицеры были тутъ. Я

видѣлъ, что всему конецъ, что нельзя больше ни на что рассчитывать и что письмо мое къ полковнику Демишелю пригодится только послѣ компаніи, если я останусь живъ и придется дослужить мои семь лѣтъ. — Зебеде глядѣлъ на меня издали; я отвернулся. Въ ту же минуту раздалась команда:

— На караулъ! Ружья водью! Слѣва рядами, маршъ!

Барабаны били; мы шли въ тактъ; передъ нами мелькали дома, окна, улицы и люди. Мы прошли первый мостъ, потомъ подъемный мостъ. Барабанъ пересталъ бить; мы шли къ сторонѣ Тіонвиля.

Другіе полки шли по той же дорогѣ, — дорогѣ кавалеріи и инфантеріи.

Вечеромъ мы пришли въ деревню Борегаръ; на слѣдующій вечеръ въ деревню Витри, подлѣ Тіонвиля, гдѣ мы сидѣли до 8-го іюня.

Я квартировалъ съ Бюшомъ у толстаго хозяина, по имени Помонъ, человѣка весьма честнаго, который давалъ намъ хорошаго бѣлаго вина и говорилъ о политикѣ, какъ г. Гульденъ.

Во время нашего пребыванія въ этой деревнѣ, генераль Шефферъ пріѣхалъ изъ Тіонвиля и намъ отдалъ приказъ взять оружіе и идти на смотръ къ большой фермѣ, которую называли Сильванджской фермой.

Страна эта очень лѣсистая и мы много разъ ходили гулять въ окрестности. Разъ Зебеде прішелъ за мною и довелъ меня въ большую Муасврскую литейную, гдѣ мы увидѣли, какъ отливали бомбы и ядра. Мы говорили о Катеринѣ, о г. Гульденѣ; онъ уговаривалъ меня написать, но я точно боялся получить о нихъ вѣсти и старался не думать о Пфальцбургѣ.

8-го іюня, рано поутру, батальонъ вышелъ изъ деревни и прошелъ мимо Метца, но не вошелъ въ городъ. Городскія ворота были затворены и пушки стояли на укрѣпленіяхъ, какъ въ военное время. Мы пришли ночевать въ Шатель, а на слѣдующій день въ Этенъ, а потомъ въ Даневу; гдѣ я стоялъ у добраго патриота, по имени Себастьяна Перрена. Это былъ человѣкъ богатый. Онъ хотѣлъ все знать въ подробности, и такъ какъ передъ нами по этой же самой дорогѣ проходило много другихъ батальоновъ, — онъ говорилъ:

— Черезъ мѣсяць, а можетъ быть и раньше, мы услышимъ большія новости... Всѣ войска стягиваются къ Бельгін... Императоръ направляетъ ударъ на англичанъ и пруссаковъ!

Это былъ нашъ послѣдній хорошій привалъ, потому что на слѣдующій день мы пришли въ Іонгъ—страну дурную. 12-го іюня мы ночевали въ Вивье, 13—въ Кюль де-Сардъ. Чѣмъ больше мы при-

ближались, тѣмъ больше встрѣчали войскъ; и такъ какъ нѣчто подобное я видѣлъ уже въ Германіи, то и говорилъ товарищу своему, Жану Бюшу:

— Ну, теперь будетъ жарко!

Со всѣхъ сторонъ, со всѣхъ направленій двигались вереницы кавалеріи, пѣхоты и артиллеріи и покрывали всѣ дороги. Время было превосходное и урожаи отличны; только жаръ былъ слишкомъ силенъ. Меня, однако, удивляло, что нигдѣ не видно было непріятеля — ни сзади, ни направо, ни налѣво. Никто ничего не зналъ. Между нами ходили слухи, что на этотъ разъ мы нападемъ на англичанъ. Я уже видѣлъ пруссаковъ, австрійцевъ, русскихъ, баварцевъ, вюртембергцевъ и шведовъ; я зналъ людей со всего свѣта, и теперь предстояло познакомиться съ англичанами. Вотъ что приходило мнѣ въ голову: «Такъ какъ надо рѣзаться, то мнѣ все равно, рѣзаться ли съ этими, или съ нѣмцами. Избѣгнуть своей участи нельзя; а если суждено избѣгнуть, то избѣгну; если мнѣ суждено оставить тутъ свою шкуру, все равно—много ли я сдѣлаю для спасенія ея, или ничего. Но надо по возможности, много уничтожать враговъ; такимъ образомъ, для насъ останется больше надежды».

Вотъ какія разсужденія приходили мнѣ въ голову, и если они не приносили мнѣ пользы, за то не приносили и вреда.

XVI.

Мы перешли Мозель 12-го числа, а 13 и 14 мы продолжали идти по другой дорогѣ, окаймленной безконечными полями, засѣянными хлѣбомъ, ячменемъ, овсомъ и коноплею.—Жаръ былъ ужасный; потъ лилъ съ меня изъ подъ мѣшка и лядунки, до самыхъ ногъ. Какое несчастье быть бѣднымъ и не имѣть возможности нанять за себя человѣка, который бы шелъ и получалъ за насъ удары!

Вытерпѣвъ въ Германіи непріятности дожда, вѣтра, снѣга и грязи, пришелъ чередъ терпѣть отъ пыли и солнца. Кромѣ того, я видѣлъ, что рѣзня начинается; по всѣмъ направленіямъ только и слышались звуки барабановъ и трубъ; когда батальонъ поднимался на возвышеніе, передъ нимъ открывалась безконечная картина касокъ, пикъ, штыковъ. Зебеде, съ ружьемъ на плечѣ, иногда весело кричалъ мнѣ:

— Ну, Жозефъ, еще разъ встрѣтимся мы лицомъ къ лицу съ пруссаками!

И я принужденъ былъ отвѣчать ему:

— Да, праздники начнутся!

Точно будто я был доволенъ, что рискую своей жизнью и могу оставить Катерину вдовою раньше времени за дѣла, которыя до меня совершенно не касались.

Въ этотъ самый день, часовъ около семи, мы пришли въ Роли. Гусары уже занимали эту деревню, и насъ расположили на бивуакахъ по амистой дорогѣ вдоль горы.

Только-что сложили мы ружья наши въ козлы, какъ подъѣхало нѣсколько старшихъ офицеровъ. Командиръ Жемо, только-что сошедшій съ лошади, снова сѣлъ на нее и поѣхалъ къ нимъ на встрѣчу; они съ минуту поговорили и подъѣхали къ намъ на дорогу, гдѣ всѣ смотрѣли, думая:

— Что-то дѣлается!

Одинъ изъ этихъ старшихъ офицеровъ, генералъ Пеше, котораго мы только тутъ узнали, приказалъ бить въ барабанъ и закричалъ намъ:

— Становитесь въ кругъ!

Но такъ какъ дорога была узка, то солдаты вошли съ обѣихъ сторонъ на пригорки, а нѣкоторые остались внауд. Всѣ смотрѣли, а генералъ, развертывая какую-то бумагу, крикнулъ намъ:

— Прокламація императора!

Когда онъ это сказалъ, водворилась такая тишина, что можно было бы подумать, что въ полѣ стоитъ онъ одинъ. Начиная отъ послѣдняго солдата и кончая командиромъ Жемо, всѣ слушали; и даже теперь, пятьдесятъ лѣтъ спустя, когда я всякоинаю объ этомъ, у меня замираетъ сердце: это было что-то величественное и ужасное.

Вотъ что прочелъ намъ генералъ:

«Солдаты! сегодня годовщина битвы при Маренго и Фридландѣ, два раза рѣшившихъ судьбу Европы. Какъ тогда, такъ и послѣ Аустерлица, какъ и послѣ Ваграма, мы были слишкомъ великодушны; мы побѣдили протестажа и клятвамъ государей, которыхъ оставили на прѣстолѣ. Но теперь, соединясь между собою, они покушаются на независимость и на самыя святыя права Франціи. Они начали одну изъ самыхъ несправедливыхъ ссоръ; идемте имъ на встрѣчу: развѣ мы и они не тѣ же люди, что были прежде?»

Весь батальонъ задрожалъ и началъ кричать: *Да здравствуетъ императоръ!* Генералъ поднялъ руку;—всѣ замолчали и наклонились еще сильнѣе впередъ, чтобы слушать.

«Солдаты!—противъ этихъ самыхъ пруссаковъ, теперь такихъ надменныхъ, въ Іенѣ мы дрелись одинъ противъ трехъ, а въ Монмирайлѣ—одинъ противъ шести. Пусть тѣ изъ васъ, которые были

въ плѣну у англичанъ, разскажутъ вамъ объ ихъ пантонахъ и объ ужасныхъ мукахъ, перенесенныхъ ими тамъ. Саксонцы, бельгійцы, ганноверцы, солдаты Рейнской конфедерации отчаяваются, что они принуждены помогать государямъ, дѣйствующимъ противъ справедливости и противъ правъ всѣхъ народовъ; они знаютъ, что этотъ союзъ ненасытенъ: разоривъ 12 милліоновъ поляковъ, 12 милліоновъ итальянцевъ, 1 милліонъ саксонцевъ, 6 милліоновъ бельгійцевъ, онъ долженъ будетъ разорить второстепенныя государства Германіи.

«Безумные! Минутная удача ослѣпляетъ ихъ; угнетеніе и униженіе народа французскаго не въ ихъ власти. Если они войдутъ во Францію, — они не выйдутъ оттуда живыми.

«Солдаты, намъ придется дѣлать усиленные марши, давать сраженія, подвергаться опасностямъ; но съ терпѣньемъ побѣда останется на нашей сторонѣ; права человѣка и счастье отечества будутъ снова завоеваны. Для всякаго француза съ душой настала минута побѣдить или погибнуть.»

Наполеонъ.

Трудно себѣ представить, какіе поднялись тогда крики; эта картина возвышала душу; казалось, будто императоръ вдохнулъ въ насъ свою воинственную душу, и мы жаждали крови.

Генераль уже давно уѣхалъ, а крики все еще продолжались и я самъ былъ доволенъ;

Вотъ что я видѣлъ. Прокламація эта показала мнѣ очень хорошо. Мнѣ даже казалось, что ею будетъ доволенъ и старикъ Гульденъ, потому что императоръ не забылъ правъ человѣка, а права эти заключаются въ свободѣ, равенствѣ, справедливости и всѣ эти великія чувства позволяютъ людямъ дѣйствовать не какъ животнымъ, а уважать другъ друга и права своего ближняго.

Храбрость наша сильно увеличилась отъ этихъ хорошихъ и справедливыхъ словъ. Старые солдаты, смѣясь, говорили:

— На этотъ разъ мы не будемъ скучать... послѣ перваго же перехода нападѣмъ на пруссаковъ!

А рекруты, еще неюхавшіе пороку, радовались больше другихъ. Глаза Бюша горѣли, какъ у кошки; онъ сѣлъ на окраину дороги, развернувъ на пригорѣ свой мѣшокъ, медленно правя свою саблю, пробивая остріемъ конецъ своего башмака. Другіе оттачивали свои штыки или выправляли кремни на ружьяхъ, что всегда дѣлается въ походахъ наканунѣ стычки. — Въ такія минуты въ голову приходитъ тысяча мыслей: брови обыкновенно нахмуриваются, губы сжимаются и лица становятся непріятными.

Олянце все болѣе и болѣе пряталось за рожь; нѣсколько отрядовъ пошли въ деревни за дровами и принесли оттуда луку, чеснока, соли и даже по четвертямъ коровъ, повѣшенныхъ на палки, что они несли на плечахъ.

Вокругъ огня, когда котлы начинали закипать и когда дымъ, клубясь, взвивался къ небесамъ, надо было посмогнѣть веселыя лица солдатъ; кто говорилъ о Лютценѣ, кто объ Аустерлицѣ, кто о Ваграмѣ, Іенѣ, Фридландѣ, Испаніи, Португаліи и о всѣхъ странахъ свѣта. Всѣ говорили вмѣстѣ, но слушали только старыхъ, съ рукавами вышитыми нашивками, которые говорили лучше и показывали позиціи, рисуя пальцами по землѣ, объясняя, какъ они ходили справа рядами, слѣва рядами или стояли по тридцати, по сорока человѣкъ во время сраженій. Слушая ихъ, казалось, будто все видишь самъ. У каждаго за пуговицу была привязана оловянная ложка, и онъ думалъ: «Бульонъ кипитъ хорошо... мясо хорошее и жирное.»

Между тѣмъ, наступила ночь. Послѣ раздачи ужина, былъ отданъ приказъ потушить огни и не бить зори, что означало, что неприятель недалеко и что его боялись испугать.

Взошла луна. Мы съ Бюшемъ ѣли изъ одной чашки. Послѣ ѣды, онъ еще часа два рассказывалъ мнѣ о жизни ихъ въ Гарбергѣ, о ихъ страшной нищетѣ, когда приходилось тащить пять или шесть мѣръ дровъ на саняхъ, рискуя быть задавленнымъ, въ особенности въ то время, когда таялъ снѣгъ. Жизнь солдатъ, съ хорошей порціей супа, съ хорошимъ хлѣбомъ, аккуратная порція, крѣпкая, теплая одежда, неразорванныя рубашки изъ толстаго холста,—все это казалось ему превосходнымъ. Никогда не воображалъ онъ, что можно жить такъ хорошо, и его мучила только мысль, какъ бы дать знать двумъ братьямъ своимъ, Гаспару и Янову, о его отличной жизни, чтобы уговорить ихъ идти въ солдаты, какъ только позволить имъ возрастъ.

— Да, говорилъ я ему: — все это хорошо; но русскіе, англичане, пруссаки... ты не думаешь объ этомъ.

— Мнѣ плевать на нихъ, говорилъ онъ: — сабля моя рѣжетъ, какъ бритва, а штыкъ колетъ, какъ иголка. Скорѣе имъ надо бояться встрѣтиться со мной.

Мы были очень дружны; я любилъ его почти такъ же, какъ своихъ старыхъ товарищей, Клипфеля, Фюрста и Зебеде. Онъ тоже очень любилъ меня и позволилъ бы изрубить себя, чтобы выручить меня изъ бѣды.—Старые постельные товарищи никогда не забываются; въ мое время, старикъ Гарвигъ, котораго я зналъ по-

томъ въ Пфальцбургѣ, получалъ еще пенсію отъ стараго товарища своего Бернадотта, короля шведскаго. Если бы я сдѣлался королемъ, я тоже давалъ бы Жану Бюшу пенсію; у него хотя и не было большого ума, но за то было доброе сердце, что также недурно.

Пока мы болтали, Зебеде пришелъ и хлопнулъ меня по плечу.

— Ты не куришь, Жозефъ? сказалъ онъ мнѣ.

— У меня табаку нѣтъ.

Онъ тотчасъ же далъ мнѣ поль-пакета.

Я увидѣлъ, что онъ по прежнему любилъ меня, не смотря на разницу положеній, и это тронуло меня. Онъ отъ радости не чувствовалъ подъ собою ногъ, воображая, что мы нападёмъ на пруссаковъ.

— Какая отместка! восклицалъ онъ. Безъ пощады... надо отмстить за все, начиная отъ Кацбаха до Суассона.

Можно было подумать, что пруссаки и англичане не будутъ защищаться и что мы не рискуемъ попасть подъ бомбы и картечь, какъ въ Лютценѣ, въ Гроссъ Беренѣ, въ Лейпцигѣ и всюду. Но что же можно сказать людямъ, которые ничего не помнятъ и видятъ все въ хорошемъ свѣтѣ? Я спокойно курилъ трубку и отвѣчалъ:

— Да!.. да!.. мы зададимъ имъ, этимъ негодяямъ!.. Мы оттакаемъ ихъ... Плохо имъ придется!..

Я далъ покурить Жану Бюшу; и такъ какъ мы стояли въ караулѣ, то къ девяти часамъ Зебеде пошелъ смѣнить первыхъ часовыхъ, во главѣ пикета. Я же вышелъ изъ нашего круга и пошелъ лечь нѣсколько поодаль, около борозды, подложивъ мѣшочъ подъ голову. Время было такое жаркое, что стревозы пѣли долго еще послѣ заката солнца; на небѣ горѣли звѣзды, въ долину не было ни малѣйшаго вѣтра, колосья стояли совершенно прямо, а вдали деревенскіе часы били девять, десять и одиннадцать. Я, наконецъ, заснулъ. Это была ночь съ 14-го на 15-е іюня 1815 года.

Между двумя и тремя часами, Зебеде пришелъ разбудить меня.

— Вставай! сказалъ онъ:—въ походъ!

Бюшъ тоже спалъ подлѣ меня; мы встали. Теперь былъ нашъ чередъ смѣнить часовыхъ. Еще было темно, но уже вдоль хлѣбнаго поля показался бѣловатый свѣтъ на краю неба. Шаговъ за тридцать, посреди пикета, ждалъ нашъ лейтенантъ Бретонвиль. Трудно вставать отъ такого сладкаго сна послѣ десяти-часовой ходьбы. Мы дошли до пикета, застегивая наши мѣшки. Пройдя шаговъ двѣсти, я смѣнилъ часового за заборомъ, напротивъ Росски. Пароль былъ: «Жемманъ и Флерусъ!» Это мнѣ теперь вдругъ припомнилось... Какъ, однако, нѣкоторыя вещи точно замираютъ въ

выше головъ на нѣсколько лѣтъ! Съ 1815 года мнѣ никогда не вспоминалось этого народа. Я будто еще вижу пикетъ, вскодившій на дорогу, пока я перемѣнялъ порохъ при свѣтѣ звѣздъ, и слышу, какъ вдаль тихо ходятъ другіе часовые, а шаги пикета теряются, между тѣмъ, въ глубинѣ пригорка.

Я началъ ходить вдоль забора, съ ружьемъ на плечѣ. Надъ посѣвомъ возвышалась деревня, съ ея маленькими соломенными кровлями. Гусаръ на лошади стоялъ карауломъ посреди дороги и смотрѣлъ, оперевъ ружье на ногу. Вотъ и все, что было видно.

Долго ждалъ я тамъ, думая, слушая и рассказывая. Все спало. Бѣловатая полоса на небѣ увеличивалась.

Такимъ образомъ, прошло полчаса. Утренній свѣтъ освѣщаль немного мѣстность; два три перепела перебликались съ двухъ сторонъ долины. Я остановился съ грустью въ сердцѣ, потому что эти голоса напомнили мнѣ Четыре Вѣтра, Данну, Бараки дю-Буа де-Шекъ; и я думалъ: «тамъ въ нашихъ посѣвахъ тоже перебликаются перепела на опушкѣ лѣса Бонъ-Фонтена. Спать ли теперь Катерина... а тегушка Гредель, а г. Гульденъ, а весь городъ?..» Теперь насъ смѣнила національная гвардія изъ Нанси! И я представлялъ себѣ часовыхъ у обоихъ пороховыхъ бастіоновъ и караулъ у заставъ; однимъ словомъ, я думалъ о всякой всячинѣ, когда вдаль послышался конскій топотъ. Сначала я смотрѣлъ, ничего не видя. Черезъ нѣсколько минутъ, тотъ же топотъ послышался въ деревнѣ и потомъ все стихло. Произошло какое-то смятеніе. Что это значитъ? Черезъ минуту изъ деревни Роли показался по нашей дорогѣ всадникъ, скакавшій во весь духъ; я подошелъ къ самому забору съ ружьемъ на готовѣ и крикнулъ:

— Кто идетъ?

— Франція.

— Какой полкъ?

— Двѣнадцатый стрѣлковый... эстафета.

— Проѣзжайте.

Онъ поѣхалъ, прибавивъ еще шагу. Посреди нашего стана онъ остановился и крикнулъ:

— Командиръ гдѣ?

Я пошелъ на вершинку пригорка, чтобы видѣть, что происходитъ. Почти тотчасъ же произошла сильная тревога: приходили офицеры; стрѣлокъ, не слѣзая съ лошади, говорилъ съ командиромъ Жемо; солдаты тоже подходили. Я сталъ прислушиваться; но было слишкомъ далеко. Стрѣлокъ уѣхалъ, поднимался въ гору. Всѣ точно взбунтовались, кричали и размахивали руками.

Вдругъ забили зорю. Пиветь, смѣнившій часовыхъ, стоялъ на поворотѣ дороги. Издали Зебеде показался мнѣ очень блѣднымъ.

— Идемъ! сказалъ онъ мнѣ, проходя.

Далѣе влѣво оставалось двое часовыхъ. Въ караулѣ нельзя говорить, но, не смотря на это, Зебеде тихо сказалъ мнѣ:

— Жозефъ, намъ измѣнили; Бурмонъ, генералъ дивизіи авангарда, и пятеро другихъ такихъ же разбойниковъ, какъ онъ, перешли на сторону непріятеля.

Голосъ его дрожалъ; кровь у меня застыла и, взглянувъ на другихъ, шедшихъ съ пиветомъ, двухъ стариковъ съ напивками, я увидѣлъ, что сѣдые усы ихъ трясутся; они диво поводили глазами, точно будто искали кого нибудь, чтобы убить, но ничего не говорили.

Мы пошли скорѣе, чтобы смѣнить двухъ остальныхъ часовыхъ. Черезъ нѣсколько минутъ, войдя въ станъ, мы нашли батальонъ уже совершенно на готовѣ къ выступленію. На всѣхъ лицахъ виднѣлись ожесточеніе и негодованіе; барабаны били. Мы стали въ строй. Командиръ и капитанъ, на лошадахъ во фронтѣ батальона ждали, блѣдные, какъ мертвецы. Я помню, что командиръ, выдернувъ вдругъ свою саблю, чтобы прекратить бой барабана, хотѣлъ что-то сказать, но ему не приходило ничто въ голову и онъ началъ кричать, какъ сумашедшій:

Ахъ, канальи!... ахъ, мерзкіе вандейцы!... *Да здравствуетъ императоръ!* Нѣтъ имъ пощады!...

Онъ ванинался и не помнилъ, что говорилъ; но весь батальонъ находилъ, что онъ говорилъ хорошо, и всѣ начали кричать, какъ дикіе звѣри:

— Впередь!... впередь!... къ врагамъ!... Нѣтъ имъ пощады!

Деревню прошли бѣглымъ шагомъ; самый послѣдній солдатъ негодовалъ, что пруссаки не тутъ же передъ нами. И только черезъ часъ, когда всякій нѣсколько одумался, начались опять проклятія и крики, — сначала въ полголоса, потомъ громче, такъ что потомъ батальонъ былъ точно взбунтованъ. Одни говорили, что надо бы убить всѣхъ офицеровъ Людовика XVIII; другіе говорили, что насъ хотятъ выдать всѣхъ вмѣстѣ; и даже многіе кричали, что измѣняютъ маршала, что ихъ надо отдать подъ военный судъ, чтобы разстрѣлять, и другія страшныя вещи.

Командиръ велѣлъ тогда остановиться и проѣхалъ мимо насъ, крича: « что измѣнники перешли слишкомъ поздно, что мы нападемъ въ тотъ же день и что враги не успѣютъ воспользоваться измѣною; что они будутъ закованы врасплохъ и побиты ».

Эти слова успокоили гнѣвъ большаго числа. Батальонъ снова двинулся и всю дорогу проговорилъ, что пламя были выданы слишкомъ поздно. Но гнѣвъ нашъ замѣнился радостью, когда къ десяти часамъ мы вдругъ услышали справа пушечную пальбу, миль: за пять, за шесть по ту сторону Самбры. Тогда мы подняли шапки наши на плѣчки и начали кричать:

— Впередъ! *Да здравствуетъ императоръ!*

Многіе старики плавали отъ удивленія. На всей большой должнѣ несся одинъ общій крикъ; когда онъ оканчивался однимъ полкомъ, то начинался другимъ. Пушки все грохотали; мы удвоивали шаги;— шли съ семи часовъ къ Шарлеруа, но пришелъ приказъ по эстафетѣ подаваться вправо.

Я помню тоже, что по всѣмъ деревнямъ, гдѣ мы проходили, мужчины, женщины, дѣти смотрѣли въ окна и въ двери и, поднимая отъ радости вверхъ руки, кричали:

— Французы!... французы!...

Видно было, что люди эти любили насъ, что они были одной съ нами крови; и даже въ оба наши привала они приходили къ намъ съ своими большими, вѣсными бѣлыми хлѣбами, съ жестянными ножами, воткнутыми въ корку, и съ большими кружками чорнаго пива и подавали намъ, ничего за это не прося. Мы, сами того не зная, явились, въ нѣкоторомъ родѣ, имъ на защиту. У нихъ въ странѣ никто ничего не зналъ, что показываетъ хитрость императора, потому что въ этомъ концѣ Самбры и Мезы насъ было уже болѣе ста тысячъ человѣкъ и слухъ о насъ не дошелъ до непріятели. Извѣсна Вурмона помѣшала намъ застать ихъ врасплохъ на бивуакахъ: тогда все было бы кончено сразу; но такъ было гораздо труднѣе уничтожить ихъ.

Все послѣ обѣда мы шли, не останавливаясь, по этой страшной жарѣ и по пыли. Чѣмъ больше мы двигались, тѣмъ больше видѣли другихъ пѣхотныхъ и кавалерійскихъ полковъ. Мы, такъ сказать, сходились все болѣе и болѣе въ кучу, потому что за нами шли еще другіе. Къ пяти часамъ мы пришли въ деревню, гдѣ батальоны и эскадроны тянулись по кирпичному мосту. Проходя черезъ эту деревню, взятую нашимъ авангардомъ, мы увидали и направо, и на лѣво нѣсколько пруссаковъ, лежавшихъ на улицѣ. Я сказалъ Жану Бюшу:

— Вотъ пруссаки... я не мало ихъ видѣлъ въ Лютценѣ и Лейпцигѣ, и ты тоже увидишь ихъ, Жанъ!

— Тѣмъ лучше! сказалъ онъ: — я ничего больше и не желаю!

Деревня, черезъ которую мы проходили, называлась Шатле; рѣ-

ка же была Самбра: вода въ ней желтая, съ множествомъ извести, и глубокая; кто, по несчастю, упадетъ, — съ трудомъ выберется, потому что берега у нея крутые, — что мы узнали потомъ.

Съ другой стороны жоста, мы стали бивуакомъ вдоль рѣки; мы не совсемъ были въ авангардѣ, потому что передъ нами прошли гусары; но мы были первые пѣхотинцы изъ корпуса Жерара.

Въ продолженіи всего этого дня по мосту тянулся четвертый корпусъ, и въ ночи мы узнали, что армія прошла черезъ Самбру и что дрались при Шарлеруа, въ Мартенъ и Жюметъ.

XVII.

Перейдя на другой берегъ Самбры, мы поставили въ какомъ-то огородѣ ружья въ козлы и всякій могъ закурить трубку и вздохнуть, глядя, какъ гусары, стрѣлки, артиллерія и инфантерія ежеминутно тянулись по мосту и занимали позицію въ долинѣ.

Повыше насъ находился буковый лѣсъ; онъ тянулся со стороны Флеруса и могъ быть миля три въ длину. Внутри его видѣлись желтыя проталины; это были поля со жнивами, съ хлѣбомъ, вмѣсто кустарниковъ, сорной травы и пустошей, какъ у насъ. Двадцать старыхъ, развалившихся домиковъ стояло и по другую сторону моста, потому что Шатле — деревня большая, гораздо больше города Саверна.

Между батальонами и эскадронами, все еще двигавшимися, шли женщины, мужчины, дѣти съ кружками крѣпкаго пива, съ хлѣбомъ и бѣлой водкой, очень крѣпкой, — что они продавали намъ за нѣсколько су. Мы съ Бюшемъ съѣли хлѣбъ, глядя на все это и даже пошучивая съ дѣвушками, бѣлокурами и очень хорошенькими въ этой странѣ. Близко около насъ видѣлась маленькая деревушка, Кателино, а влѣво, далеко между лѣсомъ и рѣкою, деревня Жилли.

Пальба, пушечные удары и ружейный огонь, все еще слышались въ этомъ направленіи. Вскорѣ пришла вѣсть, что пруссаки, отступивъ отъ Шарлеруа императоромъ, стали въ каре на углу лѣса. Мы съ минуты на минуту ждали приговора идти отрѣзать имъ отступление. Между семью и восьмью часами стрѣльба превратилась; пруссаки отступили къ Флерусу, потерявъ одно изъ своихъ каре; остальные скрылись въ лѣсу, и мы увидѣли приближеніе двухъ драгунскихъ полковъ. Они заняли позицію справа вдоль Самбры.

Спустя нѣсколько минутъ, разнесся слухъ, что гвардейскому ге-

вералу де-Торъ понала въ животь пуля, и что это случилось именно на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ въ юности пасъ скотину у фермера. Какія удивительныя вещи случаются въ жизни! Генераль этотъ двадцать лѣтъ всюду дрался въ Европѣ, и именно тутъ-то смерть и ждала его:

Было часовъ около восьми вечера, и мы думали, что останемся въ Шатле до перехода нашихъ трехъ дивизій. Какой-то старикъ крестьянинъ, лысый, въ синей блузѣ, въ бумажномъ колпакѣ, худой, какъ коза, былъ съ нами и говорилъ капитану Грегуару, что съ другой стороны лѣса, въ углу, находится деревня Флерусъ, а деревня Ламбюзаръ, гораздо меньше, стоитъ вправо; что часть пруссаковъ стоитъ въ этихъ деревняхъ уже недѣли три и что вчера и третьего дня пришло ихъ еще довольно много. Онъ тоже говорилъ намъ, что вдоль свѣтлой, большой дороги, окаймленной деревьями, которую было видно влѣво отъ насъ, по крайней мѣрѣ, мили на двѣ, стоятъ посты у бельгийцевъ и у ганноверцевъ въ Госли и въ Катръ-Бра, — что это большая дорога въ Брюссель, гдѣ были всѣ силы англичанъ, ганноверцевъ и бельгийцевъ; а что вправо мили за четыре, за пять пруссаки заняли дорогу въ Намюръ; что между ними и англичанами, отъ равнины Катръ-Бра, до равнины Линьи, сзади Флеруса, шло отличное шоссе, по которому съ утра до ночи разъѣзжаютъ ихъ эстафеты, такъ что англичане знаютъ все отъ пруссаковъ, а пруссаки отъ англичанъ; что они могутъ, такимъ образомъ, помогать другъ другу, посылая на помощь отряды, пушки и продовольствіе.

Конечно, слушая это, мнѣ тотчасъ же пришло въ голову, что намъ лучше всего занять эту большую поперечную дорогу, чтобы помогать имъ помогать другъ другу; это ясно понималось, и не я одинъ думалъ такъ; но, боясь прервать старика, никто ничего не говорилъ. Минуть черезъ пять, насъ окружила половина батальона. Старикъ курилъ глиняную трубку и показывалъ чубукомъ всѣ позиции; онъ былъ комиссіонеромъ по переноскѣ вещей между Шатле, Флерусомъ и Намюромъ; онъ зналъ малѣйшія подробности въ странѣ и ежедневно видѣлъ, что дѣлается. Онъ очень жаловался на пруссаковъ, говоря, что это гордые и дерзкіе люди, опасные для женщинъ; что они никогда ничѣмъ недовольны и что офицеры хвалятся, что гнали насъ изъ Дрездена въ Парижъ, какъ зайцевъ, заставляя насъ бѣжать передъ собой.

Вотъ это возмутило меня! Я зналъ, что въ Лейпцигѣ ихъ было по двое на одного; что русскіе, австрійцы, саксонцы, баварцы, вюртембергцы, шведы, вся Европа давила насъ, въ то время, какъ три

четверти нашей арміи были болѣны тифомъ, отъ холода, голода, маршей и контрмаршей,—что не мѣшало все-таки намъ побить ихъ въ Ганау и пятьдесятъ разъ разбить, будучи однимъ на троицхъ, въ Шампаніи, въ Эльзасѣ, въ Вогезахъ и всюду. Это хвастовство пруссаковъ возмущало меня; я возненавидѣлъ ихъ и думалъ:

— Вотъ подобныя-то негодяи и портятъ кровь!

Старикъ этотъ говорилъ еще, что пруссаки безпрестанно повторяютъ, что скоро будутъ веселиться въ Парижѣ, распивая хорошія французскія вина, и что французская армія ничто иное, какъ шайка разбойниковъ.

Услыхавъ это, я воскликнулъ въ душѣ:

«Жозефъ, это ужъ черезчуръ.... Не надо больше жалѣть.... Надо рѣзать и рѣзать!»

Въ деревнѣ Шатле на башнѣ пробило половина десятого; гусары били зорю и всѣ устроивались спать или за заборомъ, или за ульемъ, или въ бороздѣ, когда бригадный генераль Шефферъ отдалъ приказъ батальону идти авангардомъ на другую сторону лѣса. Я опять увидѣлъ, что нашъ несчастный батальонъ вѣчно будетъ въ авангардѣ, какъ въ 1813. Грустно для полка пользоваться хорошей репутаціей; люди мѣняются, а номеръ остается. У 6-го легкаго былъ знаменитый номеръ, и я зналъ, чего стоить имѣть такой знаменитый номеръ!

Тѣ изъ батальона, кому хотѣлось спать, не успѣли отдохнуть; потому что, когда знаешь, что непріятель близко, всегда думаешь: «Пруссаки, можетъ быть, тутъ ждутъ, засѣвъ въ этотъ лѣсъ!» и такія мысли прогоняютъ сонъ.

Нѣсколько гусаровъ, развернутые авангардомъ вправо и влѣво у дороги, двигались передъ колонной. Мы шли обыкновеннымъ шагомъ; капитаны шли между ротами, а командиръ Жемо посреди батальона, верхомъ на своей сѣрой лошади.

Передъ выступленіемъ каждый солдатъ получилъ хлѣбъ въ три фунта и два фунта рису; вотъ, такимъ образомъ, началась для насъ компанія.

Мѣсяцъ освѣщаль великолѣпно всю мѣстность, и даже лѣсъ, за три четверти мили передъ нами, блестѣлъ, какъ посеребренный. Я невольно думалъ о лейпцигскомъ лѣсѣ, гдѣ упалъ въ яму съ известной съ двумя прусскими гусарами, въ то время, какъ, нѣсколько дальше, бѣднаго Клипфеля изрубили на тысячу кусковъ; мысль эта заставила меня быть очень внимательнымъ.—Всѣ молчали; даже Бюшъ, стиснувъ зубы, вытянулъ голову, а Зебеде, идя слѣва

отъ рѣты, не смотрѣлъ въ мою сторону, а смотрѣлъ на тѣнь деревьевъ, какъ и всѣ.

Чтобы прийти къ лѣсу, намъ понадобилось больше часу времени. Шаговъ за двѣсти отъ него, намъ крикнули: «Стои!» Гусары придвинулись къ флангамъ батальона. Одна рота была развернута застрѣльщиками по лѣсу. Мы ждали минутъ пять, и такъ какъ не слышалось ни шума, ни сигналовъ, то мы и пошли дальше. Дорога, по которой мы шли въ этомъ лѣсу, была проѣзжая, довольно широкая. Колонна шла въ тѣни, отбивая шаги. Большая прогалина безпрестанно пропускала свѣтъ. Встрѣчались мѣста съ порубками, и бѣлые дрова, сложенные охапками между двумя колами, бросались кое-гдѣ въ глаза. Кромѣ этого, ничего не было ни слышно, ни видно.

Видишь тихо говорилъ мнѣ:

— Какъ я люблю запахъ лѣса,—точно въ Гарбергѣ.

А я думалъ: «наплевать мнѣ на запахъ лѣса! Только бы не полетѣли на насъ пули,—вотъ въ чемъ сила». Наконецъ, часа черезъ два, въ глубинѣ лѣса показался свѣтъ, и мы счастливо и ничего не встрѣтивъ перешли на другую сторону лѣса. Гусары, слѣдовавшіе за нами, тотчасъ же уѣхали назадъ, а батальонъ сталъ—ружья на ногу.

Мы стояли въ полѣ съ такимъ хлѣбомъ, какого я никогда не видывалъ. Хлѣбъ былъ въ цвѣту и нѣсколько зеленый, рожь же почти созрѣла. Поля разстились, на сколько глазъ видѣлъ. Мы смотрѣли все въ глубокомъ молчаніи, и тогда я увидѣлъ, что старикъ не обманулъ насъ, потому что въ глубинѣ долины шаговъ тысячи за двѣ отъ насъ, за небольшимъ возвышеніемъ поднимался шивель старой волокольной и нѣсколько вровень, покрытыхъ асидомъ и отражавшихъ мѣсяцъ. Это было, должно быть, Флерусъ. Нѣсколько ближе къ намъ, направо, видѣлись хижинки, нѣсколько домовъ и другая волокольная: это было, вѣроятно, Ламбюваръ. Но гораздо далѣе въ концѣ этой большой долины, за милою разстояніи позади Флеруса, мѣстность дѣлалась холмистая и по холмамъ разсыпано было безконечное множество огней. Три большія деревни, простиравшіяся вправо и влѣво, ясно были видны, и потому мы узнали, что онѣ, назывались: Сентъ-Аманъ, что была поближе, Линьи, средняя, и далѣе, за добрыхъ двѣ мили—Самбрефъ. Отъ непріятельскихъ огней онѣ были видны яснѣе, чѣмъ днемъ. Прусская армія стояла тамъ въ домахъ, въ виноградникахъ, въ поляхъ. А за этими тремя деревнями, нѣсколько повыше и по-

далее влѣво, видѣлась еще деревня, но имени Бри, гдѣ тоже горѣли огни и гдѣ у негодяевъ находились ихъ резервъ.

Все это я хорошо смекалъ и видѣлъ даже, что все это трудно вѣять. Однимъ словомъ, мы смотрѣли на эту грандіозную картину.

Въ долину, слѣва отъ насъ, тоже горѣли огни, но ясно было, что это горѣли огни третьего корпуса, къ восьми часамъ обогнувшаго лѣсъ, послѣ того, какъ онъ оттиснулъ пруссаковъ, и оставившагося въ какойнибудь деревушкѣ, еще очень далеко отъ Флеруса. Вдоль лѣса, на одной съ нами линіи, горѣло тоже нѣсколько огней: это были тоже огни нашей арміи; сколько мнѣ помнится, огни были съ обѣихъ сторонъ; но я не увѣренъ въ этомъ; во всякомъ случаѣ, съ лѣвой стороны ихъ было больше.

Вокругъ, немедля, были поставлены часовые, послѣ чего всѣ легли у опушки лѣса, не разводя огней и ожидая новыхъ приказаній.

Генераль Шефферъ прѣхалъ ночью же съ гусарскими офицерами. Командиръ Жемо не спалъ и не снималъ оружія; они громко разговаривали въ двадцати шагахъ отъ насъ; генераль говорилъ, что корпусъ нашей арміи все продолжаетъ двигаться, но что сильно отсталъ и что даже не будетъ весь и завтра; и потому я убѣдился, что онъ былъ правъ, потому что нашъ четвертый батальонъ, который долженъ былъ соединиться съ нами въ Шатле, пришелъ только на другой день послѣ битвы, когда мы почти всѣ были уничтожены этими негодяями въ Линьи и когда у насъ осталось всего на всего четыреста человѣкъ; тогда какъ будь они тутъ, мы дѣйствовали бы вмѣстѣ и на ихъ долю досталось бы тоже участіе славы.

Такъ какъ я былъ въ караулѣ наканунѣ, то теперь спокойно растянулся подъ деревомъ, подлѣ Бюша и посреди товарищей. Было около часу утра. Это былъ день страшной битвы при Линьи. Половина спавшихъ тутъ легли костями въ этихъ деревьяхъ, что мы видѣли, и въ этихъ поляхъ столь богатыхъ разными посѣвами; они предназначались для улучшения на нѣсколько вѣковъ пше-ници, ржи и овса. Еслибъ они знали это,—многіе изъ нихъ не спали бы такъ хорошо, потому что люди любятъ жизнь; и, въ самомъ дѣлѣ, не грустно ли думать: «Сегодня я дышу въ послѣдній разъ!»

XVIII.

Въ эту ночь воздухъ былъ удушливъ; не смотря на большую усталость, я просыпался ежеминутно; товарищи мои спали; въ некоторые изъ нихъ въ просонкахъ говорили. Рядомъ съ нами, на опушкѣ лѣса, стояли въ козлахъ ружья и блестяли при лунномъ свѣтѣ. Я прислушивался. Вдали, съ лѣвой стороны, раздавалось—«Кто идетъ?» а впереди слышалось «Weg da?»

По сосѣдству съ нами, въ разстояніи двухсотъ шаговъ, по поясъ въ хлѣбахъ, стояли неподвижно батальонныя часовые. — Я тихо приподнялся и сталъ вглядываться: со стороны Сомбрефа, около двухъ лѣтъ отъ нашего праваго крыла, сѣминецъ былъ большой гулъ, который сначала увеличивался, а затѣмъ прекратился. Можно было подумать, что то гудѣлъ вѣтеръ по листьямъ; однако безвѣтріе было совершенное и не падало даже на одной капли росы. Я думалъ:

«То едутъ прусскіе фургоны и пушки по намюрской дорогѣ, а за ними слѣдуютъ одинъ за другимъ батальоны и эскадроны. Боже мой! въ какомъ положеніи будемъ мы завтра въ виду этой массы людей, которая возрастаетъ съ минуты на минуту!

Непріятель потушилъ свои жостры въ Сентъ-Аманѣ и Линьи; но со стороны Сомбрефа ихъ пылало еще вдоволь: на всей вѣроятности прусскіе полки, прибывшіе форсированнымъ маршемъ, готовились ужинать.—Множество мыслей ронлосъ въ моей головѣ; я пытался заснуть и заснулъ на полчаса, не болѣе. Были минуты, когда я говорилъ себѣ:

«Ты спасся подъ Лютценомъ и Гайнау; почему бы не спасти тебѣ еще разъ и здѣсь?»

Какъ я ни предавался этимъ надеждамъ, все-таки это не мѣшало мнѣ сознавать предстоящей опасности.

Подъмошекъ, когда мнѣ удалось крѣпко заснуть, вдругъ тамбурмажоръ. Паду, привался бить утреннюю зорю. Прохаживаясь вдоль ле опушкѣ лѣса, онъ видимо наслаждался барабаннымъ боемъ и его перекатами. Офицеры, сѣдѣя уже на холмикахъ въ хлѣбахъ, глядѣли по направленію къ Флерусу и вели разговоръ.

У насъ утренняя зоря начинается всегда раньше, чѣмъ у пруссаковъ, русовъ, австрійцевъ и всѣхъ нашихъ враговъ; она точно ибѣня жаворонка на разсвѣтѣ дня. Случная, какъ глухо бьется у другихъ утренней зоря, невольно подумаешь, что собираются кого нибудь хоронить. Правда, у нихъ играютъ трубы очень звучные

сигналы для подъема; но у насъ за то раздается три или четыре такихъ трубныхъ звука, которые какъ будто говорятъ тебѣ:

— Въ дорогу! Намъ нечего терять время!

Всѣ встали. Великолѣпное солнце подымалось надъ лѣбами и надо было ожидать заранѣе палящаго полдня. Бюнгъ и другіе по наряду отправлялись съ манерками за водой, а прочіе высѣкали огонь и зажигали пучки соломы для разведенія костровъ. Дровъ было вдоволь; каждый набиралъ ихъ въ аханку тамъ, гдѣ была рубка лѣса. Капраль Дюгемъ, сержантъ Рабо и Зебеде яриши бесѣдовать со мной. Мы всѣ трое поступили на службу въ 1813 году; они были на моей свадьбѣ въ «Четырехъ Вѣтрахъ», такъ что, не взирая на различіе въ чинахъ, они по прежнему любили Жозефа.

— Ну начнется ужъ пляска! закричалъ мнѣ Зебеде.

— Да, сказалъ я.

И вдругъ, припомнились мнѣ слова бѣднаго сержанта Пинто, сказанныя мнѣ подъ Лютценомъ, и я отвѣчала ему подмигивая:

— Да, Зебеде, сержантъ Пинто говаривалъ: вотъ-такъ сраженіе, гдѣ получаешь крестъ подъ ударами приклада и штыка; а если не достанешь креста, такъ и пини—пропало.

При этомъ всѣ усмѣхнулись, а Зебеде воскликнулъ:—да, бѣдный старикъ—крестъ онъ выслужилъ, да получить то его труднѣе, чѣмъ добраться до призываго бузета на шестѣ.

Мы всѣ засмѣялись, и тутъ же стали потягивать водку, закусывая черствымъ хлѣбомъ и поглядывая на войска; какъ они живо двигались. Бюнгъ явился съ своей манерной однимъ изъ первыхъ: онъ стоялъ уже позади насъ съ повисшими ушами, вальсился на сторожѣ. Кавалеристы рядами выѣзжали изъ лѣса и направлялись по пахатнымъ полямъ къ большой деревнѣ Сеитъ-Аманъ.

— Вотъ легкая кавалерія Пажоля, сказала Зебеде; она развернется разсипнымъ строемъ. А вотъ это драгуны Эисельмана.— Когда будетъ сдѣлана рекогносцировка; они вступаютъ въ боевую линію—я тебя предупреждаю. Это дѣлается всегда на одной ладѣ, и артиллерія слѣдуетъ за пѣхотой. Кавалерія дѣлаетъ поворотъ на право или на лѣво и уходитъ за фланги, а пѣхота строится въ первой линіи. Колонны къ атакѣ будутъ расположены на большихъ дорогахъ и на поляхъ; затѣмъ начнется канонада; она будетъ продолжаться съ полчаса или около минутъ двадцати. Когда артиллеристы настрѣляются вдосталь, тогда императоръ выберетъ удобный моментъ, чтобы пустить насъ въ дѣло. Что касается до насъ, то намъ, какъ ближайшимъ, достанется отвѣдать картечи. Мы возьмемъ ружья на руку и скорымъ шагомъ стройно пойдемъ къ не-

неприятеля, пока картечь не выведетъ насъ изъ терпѣнія и не заставитъ броситься бѣглымъ шагомъ. Говорю вамъ это напередъ, солдаты, чтобъ вы не плошали.

Болѣе двадцати рекрутъ пришли и стали за нами. Кавалерія все еще выѣзжала изъ лѣса.

— Бьюсь о закладъ, говорилъ капралъ Дюгемъ, что четвертый корпусъ идетъ къ намъ съ тылу и уже на маршѣ съ самаго утра.

Тутъ Рабо замѣтилъ, что этимъ войскамъ придется долго выстраиваться въ линію, по случаю того, что имъ надо проходить лѣсомъ по дурнымъ дорогамъ.

Такъ мы стояли и разсуждали, какъ настоящіе генералы, разсматривая въ тоже время позицію пруссаковъ возлѣ деревень, въ садахъ и за плетнями, которые въ тѣхъ мѣстахъ возвышались футовъ на шесть или на семь. Большая часть ихъ орудій была расположена батареями между Линьи и Сентъ-Аманомъ; солнечные лучи, отражаясь на мѣдн, указывали ихъ расположеніе, и все навѣвало на насъ разныя думы.

— Я увѣренъ, говорилъ Зебеде, что они устроили повсюду баррикады, окопались рвами, пробили въ стѣнахъ амбразуры, и что мы бы хорошо сдѣлали, еслибъ вчера еще, когда отступили ихъ каре, заняли ближайшую деревеньку на высотѣ. Будь мы на одномъ уровнѣ въ ними, то все пошло бы ладно; но карабкаться по плетнямъ, подъ огнемъ неприятеля, обходится всегда дорого; много побьютъ нашихъ, если неприятелю не приключится чего нибудь съ тылу, что обыкновенно бываетъ когда съ нами императоръ.

Такъ разсуждали старики, и молодые солдатки ихъ слушали.

Тѣмъ временемъ, котлы грѣясь висѣли надъ огнемъ; для нагрѣванія ихъ строго воспрещалось употреблять штyki, потому что они могли легко отквалиться и попортиться.

Было около семи часовъ; всѣ были увѣрены, что битва начнется при Сентъ-Аманѣ, самой близкой къ намъ изъ трехъ деревень, лежащихъ слѣва, окруженной изгородами и тѣнистыми деревьями, съ массивной круглой башнею посрединѣ; а выше позади разбрасывались другія зданія, отъ которыхъ шла извилистая дорога, высланная по брѣжѣ щебенемъ.

— Да, здѣсь завяжется дѣло, говорили офицеры въ одинъ голосъ.

Между тѣмъ, какъ наши отряды, подходившіе изъ Шарлеруа, разбѣгались по долинѣ внизу, пѣхота и кавалерія—весь корпусъ Вандама и дивизія Жерара пристраивались съ лѣвой стороны.

Тысячи касокъ сіяли на солнцѣ и Бюшъ, стоявній подлѣ меча, говорилъ:

— О-о-о! Посмотри, Жозефъ, посмотри, какія несмѣтныя массы вадятъ!

Безчисленное множество блестящихъ штывовъ видѣлось въ томъ же направленіи и на такомъ пространствѣ, какое только могъ охватить глазъ. Пруссаки стягивались массами на отлогостяхъ позади деревень, гдѣ находились вѣтряныя мельницы. Это движеніе продолжалось до восьми часовъ. Никто не имѣлъ аппетита, а все-таки вѣли, чтобы не жаловаться послѣ, потому что, какъ скоро началось сраженіе, надо идти и идти, хотя бы два дня.

Между восемью и девятью часами, первые батальоны нашей дивизіи также тронулись изъ лѣса. Офицеры пожимали руки своимъ товарищамъ, но штабъ еще оставался позади.

Вдругъ мы увидѣли гусаровъ и стрѣлковъ, проходившихъ справа вдоль нашей боевой линіи: это была кавалерія Морена. Всѣ мы тотчасъ же сообразили, что въ случаѣ, если битва откроется при Сентъ-Аманѣ и всѣ силы пруссаковъ сосредоточатся съ той стороны, мы ударимъ имъ во флангъ изъ деревни Линьи. Но пруссаки имѣли то же намѣреніе, и вдругъ, прекративъ движеніе по направленію къ Сентъ-Аману, остановились у деревни Линьи; они спустились даже ниже, и намъ видно было, какъ офицеры ихъ разставляли солдатъ между изгородами, въ садахъ, за небольшими стѣнами и бараками. Позиція ихъ была самая крѣпкая. Потомъ они начали спускаться въ узкое ущелье между Флерусомъ и Линьи, и это удивило насъ, потому что мы еще не знали, что ниже протекалъ ручей, раздѣлявшій деревню пополамъ и что они намѣревались тогда обратить каждый домъ въ засаду съ нашей стороны; не знали мы также, что въ случаѣ благоприятнаго исхода, когда мы выбьемъ ихъ изъ этой засады, они могутъ отступить выше и держать насъ подъ непрерывнымъ огнемъ.

Еслибы въ подобныхъ случаяхъ все это можно было предвидѣть, то, конечно, можно было бы и избѣжать опасности; но во время сраженій неизвѣстность положенія отрывается постепенно, и въ этотъ день мы узнали многое, чего и не ожидали.

Около восьми съ половиною часовъ подки наши воили въ лѣсъ; вскорѣ забили сборъ и всѣ батальоны взялись за оружіе. Генераль Жераръ и его штабъ явились немедленно; они поднялись вскачь до самаго холма, господствовавшего надъ Флерусомъ, и даже не посмотрѣли на насъ.

Вслѣдъ за тѣмъ, завязалась перестрѣлка: разсыпной строй вор-

пука Вандама подошелъ къ самой деревнѣ слѣва; двѣ пушки конной артиллеріи отправились вмѣстѣ съ нимъ. Съ вершины холма раздалось пять или шесть выстрѣловъ; потомъ пальба прекратилась, стрѣлки достигли Флеруса, и намъ было видно, какъ триста или четыреста пруссаковъ отступали дальше, по направленію къ Линьи.

Генералъ Жераръ посмотрѣлъ на эту ничтожную схватку, потомъ воротился съ своими вѣстовыми офицерами и тихо прошелся по фронту нашихъ батальоновъ, окинувъ насъ своимъ задумчивымъ взглядомъ. Это была бригада, лѣтъ сорока-пяти, съ овальнымъ лицомъ, съ большой головой и заостреннымъ подбородкомъ; у насъ есть много крестьянъ, похожихъ на него и не изъ числа самыхъ глухихъ.

Онъ не сказалъ намъ ни слова, и когда осматривалъ всю линію, командиры и полковники собрались на правомъ крылѣ. Намъ командовали: «ружье къ ногѣ.» Тогда вѣстовые офицеры послакали вихремъ; но вожжа не трогались съ мѣста. Только равнесья слухъ, что маршалъ Груни командуетъ нами въ качествѣ главнаго полководца и что императоръ атаковалъ англичанъ въ четырехъ миляхъ отъ насъ, на брюссельской дорогѣ.

Эта новость не особенно утѣшила насъ. Между солдатами слышался ропотъ:

— Теперь нечему удивляться, говорили они, что все утро потеряно нами въ бездѣйствіи; если бы императоръ былъ съ нами, давно бы сраженіе уже кипѣло и пруссаки не имѣли бы времени собраться съ духомъ.

Между тѣмъ, какъ шли подобныя толки, вдругъ около полудня поднялись съ лѣвой стороны тысячи восклицаній: *да здравствуетъ императоръ!* Наполеонъ былъ передъ нами. Эти крики проносились, какъ буря, на разстояніи огромной мѣстности — до самаго Сомбрефа. Всѣ повесѣли, и въ чемъ упрекали маршала Груни, то было сдѣлано императоромъ. Тотчасъ же было отдано приказаніе выступить на пятьсотъ шаговъ впередъ, опираясь на правое крыло, и мы прошли полемъ, засѣяннымъ хлѣбомъ, и потоптали жатву нѣсколькихъ сотъ людей. На лѣвомъ крылѣ большая боевая линія все еще не трогалась.

Когда мы приблизились къ большому носу, котораго еще не видѣли, и когда передъ нами открылся Флерусъ, на разстояніи тысячи шаговъ, съ его ручьемъ, овалыннымъ ивами, намъ командовали: «стой!»

Пруссы дивизиі пробѣжали говоръ: «Вотъ онъ!»

Императоръ подѣхалъ веркомъ на лошади съ своимъ небольшимъ штабомъ. Издали видѣлись только его сѣрый плащъ и шляпа; карета его, окруженная уланами, оставалась назади. Онъ вступилъ во Флерусъ по большой дорогѣ и пробылъ въ этой деревушкѣ болѣе часа, а мы въ это время жарились въ кѣбкахъ.

Черезъ часъ, когда всѣ были утомлены ожиданіемъ, вѣстовые офицеры понеслись, какъ молнія, по разнымъ направленіямъ: двое изъ нихъ подѣхали къ генералу Жерару, одинъ остался съ нимъ, а другой поскакалъ обратно. Потомъ мы еще нѣсколько ожидали, какъ вдругъ, на всемъ протяженіи войскъ, загремѣла полковая музыка. Все смѣшалось—барабаны и трубы, и все пришло въ движеніе. Главныя массы войска, растянувшіяся далеко за Сентъ-Аманомъ, до самаго лѣса, загнули лѣвое крыло впередъ. Такъ какъ онѣ обошли нашу дивизію сзади, насъ подвинули вправо и снова скомандовали: «стой!»

Такимъ образомъ, мы стояли передъ дорогой, выходящей изъ Флеруса. Слѣва передъ нами возвышалась бѣлая стѣна, а за стѣной поднимались деревья и большой домъ; прямо передъ нами находилась вѣтряная мельница изъ красного кирпича, высокая, какъ башня.

Едва мы успѣли перевести духъ, какъ императоръ вышелъ изъ этой мельницы, сопровождаемый тремя или четырьмя генералами и двумя стариками въ блузахъ, державшими шапки въ рукахъ. По дивизіи прошелъ громовой гулъ: *«да здравствуетъ императоръ!»* И я видѣлъ его близко, потому что онъ шелъ дорожкой, лежавшей прямо противъ нашего батальона; руки у него были сложены назади, голова опущена и онъ слушалъ какого старика, одного изъ крестьянъ, сопровождавшихъ его. Онъ не обратилъ вниманія на присутствіе войска; два раза онъ обертывался назади, показывая на деревню Линь. Императоръ показался мнѣ похожимъ на отца Гульдена, когда мы сидѣли другъ противъ друга за столомъ. Съ тѣхъ поръ, какъ я видѣлъ его подъ Лейпцигомъ, онъ сдѣлался толще и желтѣе; еслибъ на немъ не было его сѣраго плаща и шляпы, я думаю, что узнать его было бы трудно: онъ замѣтно постарѣлъ и щеки его впали. Перемена эта, безъ сомнѣнія, произошла отъ его тоскливаго заключенія на островѣ Эльбѣ, гдѣ онъ имѣлъ время подумать о всѣхъ своихъ ошибкахъ; это былъ человѣкъ съ большимъ здравымъ смысломъ и понималъ свои ошибки. Онъ понималъ, что его рукою убита республика, которая вознесла его въ героя; что онъ возвратилъ эмигрантовъ, которые ненавидѣли его; онъ женился на принцессѣ, которая остава-

лись въ Вѣнѣ; совѣтниками своими онъ избралъ величайшихъ своихъ враговъ.... Ко всему этому недоставало только Людовика XVIII; но коалиція не замедлила поставить на его мѣсто и этого Людовика. Теперь онъ явился испровергнуть законнаго короля, за что одни называли его деспотомъ, а другіе—якобинцемъ. Къ несчастью, онъ самъ работалъ уже давно, чтобы возстановить династію Бурбоновъ. У него осталась только одна армія; погибла армія—погибъ и Наполеонъ, потому что нація не хотѣла его: одни, подобно Гульдону, желали свободы, другіе, подобно старой Гредель и всѣмъ, кого война отрывала отъ семейства, искали мира и порядка.

Все это погружало его въ глубокія думы. Онъ болѣе не вѣрилъ никому. Одни старые солдаты были преданы ему; они готовы были или побѣдить, или умереть. Но и между ними были люди подобные мнѣ, которымъ жизнь еще не надоѣла и была дороже императора.

Остановившись около угла стѣны, гдѣ ожидали его гусары, онъ сѣлъ на лошадь; генераль Жераръ, увидѣвъ его, прискакалъ къ самому шоссе. Императоръ обратился секунды на двѣ, чтобы выслушать его, и затѣмъ оба они вошли въ деревню Флерусъ.

Надо было еще ожидать. Часа черезъ два возвратился генераль Жераръ; намъ приказали въ третій разъ обогнуть вправо и вся дивизія колоннами потянулась по большой дорогѣ Флеруса; пушки и ящики ѣхали въ интервалахъ между бригадами. Пыль стояла столбомъ. Усталый Бюшъ сказалъ мнѣ:

— При первой водѣ, какая только встрѣтится намъ, во что бы то ни стало, я долженъ буду напиться.

Но мы не встрѣтили ни одного ручейка. Музыка продолжала играть. Юзави насъ проходили массы кавалеріи, особенно драгунскіе полки. Мы еще были на переходѣ, когда гулъ ружейной и пушечной пальбы началъ раздаваться, подобно прорвавшейся плотинѣ, черезъ которую хлынула вода, увлекая за собою все, что на попадается ей по дорогѣ.

Я зналъ это; но Бюшъ весь поблѣднѣлъ; онъ молчалъ и смотрѣлъ на меня изумленнымъ взглядомъ.

— Такъ-такъ, Жанъ, сказалъ я ему:—тамъ другими начинается атака Сентъ-Амана, но сейчасъ наступить и наша очередь.

Пальба увеличивалась, музыка прекратилась и повсюду слышалось приказаніе: «стой!»

Дивизія остановилась на дорогѣ; артиллерія выступила изъ сво-

ить интерваловъ и расположила орудія въ линію, въ пятидесяти шагахъ передъ нами.

Мы были передъ деревней Линьи. Деревня эта представляла бѣлый рядъ домиковъ, на половину скрытыхъ въ фруктовыхъ садахъ, съ колокольнею надъ ними, — отлогости желтой земли, изгороди, деревья и палисадники. Насъ было отъ 12,000—15,000 человекъ, кромѣ кавалеріи, и мы ожидали приказанія идти въ атаку.

Битва со стороны Сентъ-Амана продолжалась; столбы дыма застилали солнце. Въ ожиданіи своей очереди, я отдался самому задушевному раздумью о Катеринѣ; мысль, что она теперь имѣетъ ребенка, зашла въ мою душу и я молилъ Бога сохранить мнѣ жизнь; но тутъ же явилась и другая мысль, что, въ случаѣ моей смерти, ребенокъ будетъ утѣшеніемъ для всѣхъ: для Катерины, тетушки Градель и отца Гульдена; что если это будетъ мальчикъ, они назовутъ его Жозефомъ и будутъ ласкать его; что г. Гульденъ станетъ качать его на колыбель, а Катерина, цѣлуя его, будетъ вспоминать обо мнѣ. Я утѣшалъ себя надеждою, что умру не совсемъ безслѣдно; а все-таки жить хотѣлось и мысль объ опасности щемила сердце.

Бюшъ также сказалъ мнѣ:

— Послушай, на мнѣ есть крестъ.. если я буду убитъ... обѣщай мнѣ кое-что.

И онъ сказалъ мнѣ руку.

— Обѣщаю, сказалъ я ему.

— Ты найдешь крестъ на моей груди; отнеси его въ Горбертъ и повѣсь тамъ въ церковь, въ память Жана Бюша, умершаго съ вѣрой въ Бога.

Онъ говорилъ серьезно и желаніе его было совершенно естественно, потому что одни умираютъ за права человека, другіе съ мыслию матери, а иные, по примѣру святыхъ людей, жертвуютъ собою въ пользу человечества. Все это одно и то же, но, смотря по различію взглядовъ, зовется разными именами.

И такъ, я обѣщала исполнить его обѣтъ, и мы оставались еще съ полчаса въ выжиданіи. Всѣ вышедшіе изъ лѣса применили къ намъ; справа развертывалась кавалерія, показывая видъ, что она собирается напасть на Сомбрефъ.

Съ нашей стороны, до двухъ часовъ съ половиной не было отдѣлано ни одного ружейнаго выстрѣла, какъ вдругъ альянтянтъ императора стремглавъ прискакали на Флерускую дорогу и я подумалъ: «вотъ и наша очередь. Теперь да поможетъ намъ Богъ, по-

тому что не намъ, бѣднякамъ, сохранить себи въ подобныхъ кровопролитіяхъ!»

Среди этихъ размышленій, два батальона отправились вправо съ артиллеріею, со стороны Сомбрефа, гдѣ прусскіе уланы и гусары выступали противъ нашихъ драгуновъ. Эти два батальона такъ и остались цѣлый день внѣ кровопролитнаго сраженія, и въ то время, какъ мы выбивали пруссаковъ изъ деревни, они только наблюдали за непріятельской кавалеріей.

Ровно въ три часа построили боевыя колонны; я былъ на лѣвомъ крылѣ и, въ числѣ первыхъ, скорымъ шагомъ отправился въ дѣло. Съ этой стороны Линьи находилось полуразвалившееся массивное кирпичное зданіе; оно было круглое и, унизанное дырами, стояло прямо противъ той дороги, по которой мы всходили, и видѣлось намъ черезъ хлѣба. Затѣмъ пошла вторая средняя колонна и, не дѣлая такого длиннаго обхода, прямо достигла своего мѣста. Мы должны были встрѣтиться съ ней при входѣ въ деревню. Не знаю, когда отправилась третья, но потомъ мы встрѣтили и ее.

Все шло хорошо до того самаго мѣста, гдѣ дорога перерѣзываетъ небольшое возвышеніе и спускается въ деревню. Какъ только мы очутились между этими двумя пригорками, покрытыми хлѣбомъ, и стали открывать первые дома, вдругъ съ ужаснымъ шумомъ посыпался настоящій градъ пуль надъ головой нашей колонны: изъ всѣхъ отверстій полуразвалишагося кирпичнаго зданія, изъ всѣхъ оконъ, изгородей и палисадниковъ, изъ-за низенькихъ стѣнъ сухого щепня; пальба перекрещивалась противъ насъ, какъ молнія. Въ то же самое время, со стороны вѣтряныхъ мельницъ, десятка полтора тяжелыхъ орудій начали новую пальбу, передъ которой ничего не значила ружейная стрѣльба. Кто, по несчастію, перешелъ уже за спускъ дороги, тѣ пали другъ на дружку въ одну кучу среди непрогляднаго дыма. Между тѣмъ, мы слышали, что завязалась перестрѣлка и другой колонны, справа; тамъ тоже гремѣли пушки, неизвѣстно чьи — прусскія или наши.

Къ счастью, еще не весь батальонъ спустился съ холма; пули свистѣли и картечи гудѣли по хлѣбамъ надъ нашими головами, врывая землю, но не поражая насъ. Всякій разъ, какъ раздавался выстрѣлъ, рекруты, стоявшіе около меня, наклоняли головы. Я вспоминаю, какими недоумѣвающими глазами смотрѣлъ на меня Бюшъ. Старики сжимали губы.

Колонна остановилась. Каждый раздумывалъ, не лучше ли было бы спуститься, но это продолжалось не болѣе секунды. Въ тотъ

самый моментъ, когда перестрѣлка, казалось, ослабѣла, офицеры, съ саблею на-голо, воскликнули разомъ: «впередъ!»

Колонна ринулась бѣгомъ. Сначала она бросилась на дорогу, лежащую между изгородами, повыше палисадниковъ и стѣнъ, гдѣ засѣли пруссаки и продолжали осыпать насъ свинцовымъ дождемъ. — Горе тѣмъ, кого мы достигли; они защищались, какъ волки, но удары штыка и приклада немедленно повергали ихъ въ прахъ. Нѣкоторые — и такихъ было не мало, — старики съ сѣдыми усами, готовились къ отступленію; они удалялись твердымъ шагомъ, обращаясь для послѣдняго выстрѣла, и запирали за собой дверь или скрывались за брешью. Мы гнали за ними, не перевода духу; не было болѣе ни жалости, ни пощады, и, наконецъ, разсыпнымъ строемъ подошли къ первымъ домамъ; изъ оконъ, изъ переулковъ и отовсюду снова началась стрѣльба.

Въ эту пору за нами уже были сады, стѣны, спускавшіяся вдоль холма, но опустошенныя и поломанныя, палисадники разрушенныя, такъ что не могли больше служить защитой. Мѣзы, стоявшія передъ нами, были укрѣплены, и изъ-за нихъ встрѣтили насъ бѣглымъ огнемъ; пруссаки могли бы уничтожить насъ всѣхъ до послѣдняго. Замѣтивъ это, колонна стала спускаться; барабаничники, саперы, офицеры и солдаты — всѣ смѣшались въ одну кучу и пустились бѣжать безъ оглядки. Я прыгалъ черезъ палисадники такъ, что никогда не могъ и вообразить себѣ, что я способенъ дѣлать подобныя скачки, особенно съ ранцемъ за спиной; всѣ остальные подражали мнѣ; все валилось внизъ, какъ рухнувшая стѣна.

Когда мы очутились въ узкомъ проходѣ, между холмами; мы остановились, чтобы перевести духъ, потому что всѣ бѣжали безъ отдыха. Многие легли на землю, другіе присѣли къ скату холма. Офицеры сердились на насъ, какъ-будто они улепетывали не вмѣстѣ съ нами. Съ разныхъ сторонъ слышались крики: «пусть выдвигаютъ впередъ пушки!» Нѣкоторые требовали преобразованія въ ряды, и среди этого непрерывнаго гуда канонады, отъ которой тряслась земля, какъ отъ бури, едва могли слышать другъ друга.

Я увидѣлъ Бюша, подходившаго медленнымъ шагомъ; его штыкъ былъ замазанъ кровью; онъ молча сѣлъ около меня, снова заряжая свое ружье.

Болѣе ста человекъ батальона, капитанъ Грегуаръ, лейтенантъ Сертэнъ, многіе сержанты и вапралы не воротились изъ садовъ; два первые батальона пострадали не меньше нашего.

Зебеде, съ его кривымъ поблѣднѣвшимъ носомъ, завидѣвъ меня издали, началъ кричать:

— Жозефъ, нѣтъ болѣе пощады!

Массы бѣлаго дыма застилали всю мѣстность. Все пространство отъ Линьи и до Сентъ-Амана, позади нѣвъ, осинъ и тополей, овраживающих холмы, было охвачено пламенемъ.

Я вскарабкался даже до уровня хлѣбовъ и увидѣлъ ужасное зрѣлище: все пространство этой мѣстности было занято несмѣтными массами непріятельской пѣхоты, готовой кинуться на насъ, и кавалеріи, расположенной по сторонамъ; я спустился внизъ и подумалъ: «Никогда намъ не истребить этой арміи; она наполняетъ деревни, сторожить дороги, тянется на необозримое пространство; у нея повсюду пушки. Это просто безуміе—упорствовать въ подобномъ предпріятіи».

Мнѣ досадно было на нашихъ генераловъ, мнѣ было обидно за нихъ.

Прошло не болѣе десяти минутъ. Богъ знаетъ, что сдѣлалось съ другими нашими колоннами, но раздававшаяся пальба слѣва и свистъ картечи въ воздухѣ, безъ сомнѣнія, поддерживались ихъ участіемъ въ сраженіи.

Мнѣ казалось, что съ насъ уже довольно, когда генералы Жераръ, Витри и Шефферъ стремглавъ прискакали снизу и, какъ сумасшедшіе, кричали: «Впередъ! впередъ!» Они обнажили свои сабли и, повидимому, хотѣли однимъ крикомъ превратить насъ въ побѣдителей. Это тѣ самыя непреклонныя натуры, которыя подвергаютъ другихъ истребленію только потому, что ихъ выступленіе увлечаетъ массы.

Въ то же время наши пушки, поставленныя по дорогѣ внизъ, открыли огонь по Линьи; крыши домовъ валялись, стѣны обсыпались, и въ одинъ моментъ всѣ поднялись на ноги и бросились впередъ; генералы, со шпагами на-голо, скакали впереди, а барабанныи сзади били атаку. Раздавались крики: *да здравствуетъ императоръ!*—а прусскія ядра летѣли дюжинами, пули сыпались градомъ, барабаны трещали по прежнему. Ничего не было видно, ничего не было слышно, а мы бѣжали по садамъ. Кто падалъ мертвымъ, на того и не смотрѣли; черезъ двѣ минуты колонна наша ворвалась въ деревню, выламывала двери ударами прикладовъ, а пруссаки отстрѣлывались изъ оконъ. Это была страшная рѣзня, въ тысячу разъ худшая, чѣмъ за деревней, потому что крики изступленія слились въ одинъ бѣшеный стонъ. Штыками пробивали себѣ дорогу во внутренности домовъ, рѣзались безъ милосердія и отовсюду слышались крики:

— Никому нѣтъ болѣе пощады!

Пруссаки, захваченные въ первыхъ домахъ, и не разсчитывали на пощаду. Это все были старше солдаты, которые хорошо знали, что такое значить: «никому нѣтъ пощады!» Они защищались до послѣдней капли крови.

Мнѣ помнится, что въ третьемъ или четвертомъ домѣ, на довольно широкой улицѣ, проходившей между церковью и небольшимъ мостомъ,—мнѣ помнится, что прямо противъ этого дома направо, въ то самое время, какъ толстая черепица, плиты и кирпичи сыпались на улицу, какъ пламя, пронзавшее нашими бомбами, наполняя воздухъ клубами дыма, какъ все кричало, свистѣло и трещало кругомъ насъ,—въ это время Зебеде взялъ меня за руку и, посмотрѣвъ страшнымъ взглядомъ, сказалъ:

— Иди!

И мы вошли въ этотъ домъ; большая комната внизу, совершенно темная,—потому что окна были завалены мѣшками съ землей,—была уже наполнена солдатами. Въ углу мы замѣтили деревянную, очень крутую лѣстницу, по которой струилась кровь; сверху раздавались ружейные выстрѣлы, и мгновенное освѣщеніе, производимое ими, открыло намъ пять человекъ изъ нашихъ, прислонившихся къ периламъ съ опущенными руками; другіе, со штыками напередъ, шагали черезъ нихъ, чтобы пробить себѣ входъ на чердакъ.

Зрѣлище было ужасное. Люди эти, съ загорѣлыми щеками и съ звѣрскимъ выраженіемъ лица, казалось, не знали, что такое смерть. При взглядѣ на нихъ мной овладѣло бѣшенство, и я принялся кричать:

— Впередъ! Никому нѣтъ болѣе пощады! Еслибъ я имѣлъ несчастье находиться около лѣстницы, во что бы то ни стало, я рискнулъ бы взойти и дать изрубить себя въ куски. Но не я одинъ одушевленъ былъ этой мыслью и никто не поступился бы своимъ мѣстомъ. Одинъ старый усачь, осыпаемый ударами штыковъ, продолжалъ карабкаться. Добравшись до антресолей, онъ выпустилъ свое ружье и вцѣпился обѣими руками въ перила; двѣ пули, пущенныя въ него почти въ упоръ, не могли заставить его спуститься внизъ; а позади его еще трое или четверо смѣльчаковъ, толкавшіе одного другого, чтобы войти первыми, вихнули его въ комнату, прервавшіе послѣднія ступеньки.

Тогда наверху произошла невообразимая свалка; ружейные выстрѣлы слѣдовали одинъ за другимъ въ этой тѣсной комнатѣ, топотъ и крики заставляли думать, что домъ проваливается прямо въ землю, что все взорвано на воздухъ. А мы все поднимались вверхъ.

Когда я взопялъ позади Зебеде, комната была загромождена мертвыми и ранеными, окна были выбиты, кровь покрывала стѣны, ни одного пруссака не осталось цѣлаго и пять или шесть изъ нашихъ, опершись на мебель, улыбались и смотрѣли какимъ-то свирѣпымъ взглядомъ; почти у каждаго изъ нихъ засѣло по пули или по удару штыкомъ, но удовольствіе мести было сильнѣе боли. Когда я припоминаю это, меня бросаетъ въ ознобъ.

Когда Зебеде убѣдился, что пруссаки всѣ были мертвые, онъ сошелъ внизъ, повторяя мнѣ:

— Пойдемъ! Здѣсь нечего больше дѣлать.

Мы вышли. На улицахъ кишѣла такая же сватка. Колонна прошла уже церковь; тысячи выстрѣловъ сверкали на мосту. Вторая колонна, спустившись по большой улицѣ направо, слѣшила присоединиться къ нашей, между тѣмъ, какъ одна изъ большихъ прусскихъ колоннъ, которую я видѣлъ на возвышеніи позади Линьи, сходила внизъ, чтобы отбросить насъ изъ деревни. Тутъ-то въ первый разъ мы и встрѣтились массаами. Два офицера изъ штаба бѣжали по улицѣ, по которой мы пришли.

— Они бѣгутъ, сказалъ Зебеде, за пушками. Когда у насъ будетъ артиллерія, ты увидишь, Жозефъ, что не такъ-то легко выбьютъ насъ отсюда.

Онъ тоже бѣжалъ и я за нимъ.

Схватка около моста продолжалась. На старой колокольнѣ пробилъ пять часовъ; въ это время мы уже уничтожили всѣхъ пруссаковъ по сю сторону ручья, исключая только тѣхъ, которые засѣли въ большомъ полуразвалившемся зданіи налѣво. Бомбы летѣли поверху, а ружейная пальба продолжалась внизу; надо было избѣгать этого мѣста.

Передъ церковью же мы брали рѣшительный перевѣсъ. Здѣсь мы встрѣтили площадку, покрытую нашими войсками съ оружіемъ въ рукахъ и готовыми идти; къ нимъ прибывали новые отряды по главной улицѣ Линьи. Голова колонны продолжала схватку прямо противъ маленькаго моста. Пруссаки хотѣли отбить ее; бѣглый огонь лился непрерывнымъ потокомъ. Сквозь дымъ ничего не было видно, кромѣ штыковъ, фасада церкви, генераловъ, стоявшихъ у въѣзда и отдававшихъ кризанія; вѣстовыхъ офицеровъ, скакавшихъ галопомъ, и въ воздухѣ старой черепицы, надъ которой носились вороны, спугнутые этимъ шумомъ.

Пушка Сентъ-Амана гремѣла по прежнему.

Между холмами налѣво показались многочисленные голубые отряды и массы кавалеріи со стороны Сомбрефа, направленные противъ

насъ стыгу. Здѣсь-то, позади насъ, между уланами и гусарами завязалась битва на бѣломъ оружїи. И Боже мой!—сколько этихъ улановъ мы видѣли на другой день навшими въ этой долинѣ.

Батальонъ нашъ, всего болѣе пострадавшій, скоро перешелъ во вторую линїю. Мы тотчасъ же встрѣтились съ нашей ротой, которой командовалъ капитанъ Флорантэнъ. Пушки подѣхали по той же улицѣ, по которой пришли и мы; лошади скакали всѣ въ пѣнѣ, мотая головами, какъ бѣшенныя; подѣ колесами ящиковъ и пушекъ все трещало и ломилось, и все это производило ужасный гвалтъ; но среди пушечной и ружейной палбы ничего не было слышно. Солдаты орали, иные пѣли, съ рукою въ воздухъ и съ ружьемъ на плечѣ, но видны были только ихъ разинутые рты.

Я сталъ рядомъ съ Бюшемъ и только собирался перевести духъ, какъ все заволновалось.

На этотъ разъ надо было перейти ручей, отбросить пруссаковъ изъ Линьи, подняться на возвышеніе и разрѣзать неприятельскую армію на двѣ части. Тогда могло бы быть дано сраженіе! Каждый это понималъ, но при той массѣ войскъ, которыя были у нихъ въ резервѣ, это было нешуточное дѣло.

Все бросилось на атаку моста; все покрылось мракомъ, и можно было разглядѣть только пять или шесть человекъ передъ собою. Я былъ доволенъ, когда узналъ, что колонна далеко подвинулась впередъ. Но чему я особенно обрадовался—это тому, что посреди самой улицы, передъ амбаромъ съ выломанной дверью, капитанъ Флорантэнъ остановилъ свою роту и остатки батальона расположили въ этихъ полуразрушенныхъ домикахъ, чтобы поддерживать атакующую колонну выстрѣлами изъ оконъ.

Насъ засѣло человекъ пятнадцать въ амбарѣ. Какъ теперь вижу эту лѣстницу, которая упиралась въ квадратное отверстіе,—двухъ или трехъ пруссаковъ, лежавшихъ мертвыми у стѣны, ветхую дверь, пробитую пулями и висѣвшую на одной петлѣ, а въ углубленіи слуховое окно, выходившее на другую улицу. Зебеде командовалъ нашимъ отрядомъ; поручикъ Бретонвиль съ другимъ отрядомъ помѣстился въ противоположномъ домѣ, а капитанъ Флорантэнъ—гдѣ-то еще.

Первымъ нашимъ дѣломъ было поправить и укрѣпить дверь; но едва мы приступили къ работѣ, какъ на улицѣ раздался ужасный трескъ: стѣны, ставни, крыши—все было разгромлено однимъ ударомъ; два человека, стоявшіе снаружи, чтобы поддерживать дверь, упали, какъ снятыя серпомъ. Въ то же время близъ ручья, на сажомъ мосту, началось общее смятеніе отступавшей колонны,

между тѣмъ, какъ съ дюжину новыхъ выстрѣловъ, подобныхъ первому, засвистѣли въ воздухѣ и заставили отступить. Это были шесть пушекъ, заряженныхъ картечью, которыя Блюхеръ скрылъ въ концѣ улицы.

Вся колонна, барабанщики, солдаты, конные и пѣшіе офицеры бѣжали назадъ, толкаясь и пригинаясь, какъ помѣшанные. Никто не оборачивался назадъ; павшіе оставались на дорогѣ. Едва задніе ряды миновали нашу дверь, какъ Зебеде высунулся на улицу, чтобы посмотрѣть, и въ ту же минуту закричалъ намъ зычнымъ голосомъ:

— Пруссаки!

Онъ выстрѣлялъ. Многие изъ насъ уже взобрались на лѣстницу; но прежде, чѣмъ я сталъ карабаться вслѣдъ за другими, пруссаки были уже у дверей амбара. Зебеде, Бюшъ и всѣ тѣ, кто не успѣлъ подняться наверхъ, отражали ихъ ударами штыка. Живо вспоминаются мнѣ эти пруссаки, съ огромными усами, красными фязіоніями и плоскими киверами; они рвались, какъ бѣшеные. Никогда мнѣ не приходилось больше видѣть подобной свалки. Зебеде кричалъ: «Нѣтъ никому пощады!—какъ-будто поле сраженія оставалось за нами. Но тутъ же ударъ прикладомъ полетѣлъ ему въ голову и онъ упалъ.

Я видѣлъ, что его немедленно изрубятъ, и это перевернуло во мнѣ сердце. Я вышелъ и скомандовалъ: «въ штыки!» Всѣ мы дружно бросились на эту сволочь, а товарищи наши въ то же время стрѣляли сверху и изъ сосѣднихъ домовъ началась пальба.

Тогда пруссаки отступили, но вдали шелъ ихъ цѣлый батальонъ. Бюшъ поднималъ Зебеде на плечи и втащилъ его наверхъ. Мы опростетью кинулись туда же, прося его поспѣшить. Всѣми силами мы старались помочь ему поскорѣе взойти; я былъ предпоследнимъ. Я думалъ, что этой лѣстницѣ и конца не будетъ, потому что ружейная пальба уже раздавалась въ амбарѣ. Наконецъ, мы укрѣпились благополучно.

У всѣхъ насъ была одна мысль—поднять лѣстницу на чердакъ; но вотъ что изъ этого вышло! Втаскивая ее подъ пулями, летѣвшими въ насъ снизу и раздробившими голову одному изъ нашихъ товарищей, мы снхватались, что лѣстница не можетъ взойти наверхъ. Это обдало насъ ледянымъ холодомъ. Тогда Зебеде, уже очнувшійся, сказалъ:

— Положите ружье на ступеньки.

И эта мысль показала намъ вдохновеніемъ свыше.

А внизу происходило настоящее столпотвореніе. Вся улица на-

воднилась пруссаками и амбаръ нашъ былъ полохъ ими. Эти голворѣзы не знали болѣе удержи своему бѣшенству: развирѣвали хуже насъ и постоянно кричали:

— Никого не брать въ плѣнъ!

Наши выстрѣлы еще болѣе раздражали ихъ; они выламывали двери, дрались въ домахъ, и все слилось въ одинъ страшный гулъ—и паденія, и проклятія на французскомъ и нѣмецкомъ языкѣ, и крики поручика Бретонвиля насупротивъ, и приказанія прусскихъ офицеровъ принести соломѣ, чтобы поджечь насъ. Къ счастью, еще жатва не была собрана, а то всѣ мы погибли бы въ огнѣ.

Началась стрѣльба въ нашъ потолокъ, но дубовыя доски не пропускали пуль. А между тѣмъ, мы одинъ за другимъ стрѣляли на улицу и не одинъ выстрѣлъ не пропалъ даромъ.

Казалось, эти негодяи опять заняли мѣстность около церкви, потому что пальба нашихъ орудій слышалась далеко. Такимъ образомъ, мы отбились одни, числомъ отъ 300—400 человекъ среди трехъ или четырехъ тысячъ развирѣвшихъ неприятелей.

Тогда я подумалъ: «Вотъ и твой конецъ, Жозефъ! Отсюда ужъ больше не выберешься цѣлымъ.» И я болѣе не смѣлъ и подумать о Катеринѣ; сердце мое захолоуло. Выхода намъ не было никакого; пруссаки наводнили улицу съ обѣихъ концовъ и заняли всѣ переулки, и даже нѣсколько домовъ. Но все смолкло... мы подумали, что готовится что нибудь страшное: они или послали за соломой, сѣномъ и дровами, или поставили пушки, чтобы взорвать насъ на воздухъ.

Кое-кто изъ нашихъ посмотрѣли въ слуховыя окна и ничего не увидѣли—амбаръ былъ пустъ. Эта тишина показала намъ еще ужаснѣе, чѣмъ только-что смолкнувшій содомъ.

Зебеде приподнялся; у него текла кровь изъ носу и изо рта.

— Слушайте! сказалъ онъ: тамъ готовится нападеніе. Заржайте ружья.

Едва онъ кончилъ, какъ амбаръ нашъ весь затрясся отъ крыши до основанія, точно летѣлъ подъ землю. Балки, связки и черепицы—все валялось и обсыпалось, тогда какъ пламя поднималось снизу изъ ногъ нашихъ ногъ до самой крыши.

Мы всѣ попадали навзничь. Оказалось, что пруссаки взорвали бомбу въ нашемъ амбарѣ.

Привставъ, я почувствовалъ свистъ въ моихъ ушахъ; но это не помѣшало мнѣ рассмотреть, что пруссаки приставляли лѣстницу къ слуховому окну, а Бюпъ отражалъ ихъ ударами штыка.

Они хотѣли воспользоваться нашимъ смущеніемъ, чтобы под-

няться наверхъ и перебить насъ; я похолодѣлъ и бросился на помощь къ Бюшу.

Тѣ изъ товарищей, которые еще остались въ живыхъ, тоже прибѣжали, восклицая: «да здравствуетъ императоръ!»

Больше я ничего не слышалъ. Шумъ былъ невыносимый, потому что стрѣльба снизу и изъ оконъ освѣщала всю улицу непрерывнымъ заревомъ. Мы окробинули лѣстницу и отбивались еще вшестеромъ: двое стрѣляли впереди, а четверо стояли позади ихъ, чтобы заряжать ружья и подавать ихъ товарищамъ.

Въ этомъ безвыходномъ положеніи я успокоился; «будь, что будетъ, думалъ я, а жизнь надо поберечь до послѣдней крайности.»

Другіе думали то же самое и отчаянно защищались.

Эта кровопролитнѣйшая схватка продолжалась съ четверть часа; потомъ раздался выстрѣлъ нашей пушки и, нѣсколько секундъ спустя, впереди стоявшіе товарищи высунулись въ окно и прекратили стрѣльбу.

Ранецъ у меня былъ почти пустой; я пошелъ взять патроновъ у мертвыхъ товарищей.

Крики: «да здравствуетъ императоръ» становились гнѣше. Вдругъ голова нашей колонны, съ ея почернѣвшимъ и изорваннымъ знаменемъ, появилась на площади, вступая въ нашу улицу.

Пруссаки ударили отступленіе. Мы хотѣли бы всѣ сойдти внизъ, но колонна наша два или три раза останавливалась передъ картечью. Крики и пальба снова смѣшивались. Наконецъ, Зебеде, посмотрѣвъ на улицу, сбѣжалъ по лѣстницѣ; колонна наша прошла мимо амбара и мы спустились на землю, не оглянувшись на своихъ товарищей, израненныхъ взрывомъ бомбы, изъ которыхъ многіе раздирающимъ голосомъ молили насъ унести ихъ съ собой.

Но вотъ вамъ люди: страхъ опасности дѣлаетъ ихъ безжалостными. Долго потомъ не забываются эти безчеловѣчныя минуты. Дорого можно было бы дать, чтобы сохранить въ такія минуты гуманныя чувства; но уже поздно!

* * *

Думу-ль горькую я задумаю
Про мою судьбу, про угрюмую;
Загадаю ли про суровую,
Про красавицу чернобровую;

Иль на улицѣ пьянъ-препьянъ лежу,
Да прищури глазъ, на людей гляжу,—
Не замай меня, ясна сокола:
Обходи, смотри кругомъ, около.

И въ ту пору я богатырь—себѣ!
Хоть красавицѣ, хоть лихой судьбѣ,
Всѣмъ отмѣряю русской мѣркою...
Не замай меня—исковеркаю!

Сыуленскій.

ВИНОВАТА—ЛИ ОНА?

ГЛАВА XIII.

ВЪ КОТОРОЙ РАЗСКАЗЫВАЕТСЯ О ТОМЪ, КАКЪ ДИКІЙ ЗВѢРЬ
УДАЛИЛСЯ ИЗЪ УЭСТМАРЛЭНДА.

Часовъ около одиннадцати вечера, въ тотъ самый день, когда Кэтъ сломала себѣ руку, кто-то тихо постучался въ дверь ея спальни. Тетка сидѣла у ея изголовья и докторъ, вправившій ей руку, не уѣзжалъ еще изъ замка; онъ былъ въ столовой и говорилъ съ Джономъ Вавазоромъ о происшествіи этого дня.

— Она скоро оправится, говорилъ докторъ; это простой переломъ. Я побываю послѣ завтра.

— Но не кажется ли вамъ этотъ случай крайне страннымъ? Хитро что-то, чтобы можно было сломать себѣ руку, споткнувшись на ходу.

Докторъ пожалъ плечами.

— Мало ли какіе бываютъ странные случаи, проговорилъ онъ. Я зналъ одну женщину, которая сломала себѣ бедренную кость, толкнувъ кошку ногою; по крайней мѣрѣ, она сама утверждала, что такъ было дѣло.

— Да! Но взяли ли вы на себя трудъ навести болѣе точныя справки?

— Не мое дѣло наводить подобнаго рода справки.хлопотали объ этомъ другіе, но она стояла на своемъ и ничего изъ всѣхъ этихъ розысковъ не вышло.—Покройной ночи, ми-

стеръ Вавазоръ; не приставайте къ ней съ разсросами и дайте ей, по крайней мѣрѣ, выспаться хорошенько нѣсколько часовъ.

И докторъ удалился, оставивъ Джона Вавазора одного.

Въ первыя минуты смятенія, послѣдовавшія за обморокомъ Кэтъ, Джонъ Вавазоръ рѣшительно не могъ собраться съ мыслями и взять въ толкъ, что такое случилось. Мистрисъ Гринау тотчасъ же увидѣла, что рука у Кэтъ сломана, и послала за докторомъ. Между тѣмъ, Кэтъ успѣла придти въ себя и разсказала подробности случившагося съ нею несчастья въ слѣдующемъ видѣ. Во время прогулки братъ разбрался съ нею пзъ-зазавѣщанія и ушелъ, оставивъ ее одну на вершинѣ холма. Не успѣла она отойти отъ него нѣсколько шаговъ, какъ споткнулась и упала. При этомъ она тотчасъ же почувствовала, что повредила себѣ руку, но, будучи сердита на брата, не захотѣла призвать его на помощь; да и сама она догадалась, что тутъ дѣло посерьезнѣе простого ушиба, только тогда, когда Джоржъ уже скрылся изъ виду. — Само собою разумѣется, ни дядя, ни тетва не вѣрили этому разсказу, и Кэтъ это очень хорошо знала. Отсутствіе Джоржа, грубыя его выходки, которыхъ они были свидѣтелями за послѣднее время, наконецъ, самый фактъ перелома, заставлявшій предполагать вѣщнее насиліе, — все это наводило на мысль о томъ, что Кэтъ кое-что скрываетъ отъ нихъ. Но въ настоящемъ ея положеніи нельзя было подвергать ее дальнѣйшимъ разспросамъ. Мистрисъ Гринау освѣдомилась только, какъ она думаетъ, — вернется ли Джоржъ или нѣтъ?

— Я могу вамъ только сказать, отвѣчала Кэтъ, что онъ пошелъ по направленію къ Бампτονу; можетъ статься, что онъ пройдетъ въ Пэнритъ. Онъ ужасно золъ на всѣхъ насъ и, по всѣмъ вѣроятіямъ, не захочетъ провести другую ночь въ этомъ домѣ, который не принадлежитъ ему. А впрочемъ, кто его знаетъ? Когда онъ раздраженъ, онъ обыкновенно бываетъ самъ не свой.

Между тѣмъ, тетущу Гринау, которая расположилась въ спальнѣ племянницы, вызвали къ двери; одна изъ служанокъ подала ей клочекъ бумаги, сказавъ, что его привезъ какой-то паренъ изъ Шэпа, пріѣхавшій въ телѣжкѣ; — бумажку это, добавила горничная, велѣно отдать миссъ Вавазоръ. Записка

была незапечатана и безъ адреса. На скомканномъ клочкѣ бумаги были написаны слѣдующія слова: «Пришли мнѣ мои платя съ подателемъ этой записки. Я не вернусь больше въ замокъ.»—Мистрисъ Гринау передала письмо племянницѣ, а сама отправилась уложить вещи Джоржа въ чемоданъ, который и былъ врученъ посланному.—Въ тотъ же вечеръ сказали объ этомъ происшествіи Джону Вавазору.

Во всю эту ночь и на слѣдующій день мистрисъ Гринау не дѣлала племянницѣ никакихъ вопросовъ; но когда на третій день докторъ объявилъ, что сломанная рука идетъ хорошо, мистрисъ Гринау не выдержала и дала волю своему любопытству. Да и не одно любопытство побуждало ее раззнать правду. Въ ея характерѣ было меньше безопасности и, пожалуй, меньше эгоизма, чѣмъ въ характерѣ ея брата. Если бы подозрѣніе ея относительно Джоржа дѣйствительно подтвердилось, она бы ни за что не оставила такъ этого дѣла и постаралась бы подвести Джоржа подъ заслуженное наказаніе.

— Кэтъ, заговорила она по уходѣ доктора:—надѣюсь, что ты расскажешь мнѣ всю правду о томъ, что произошло между тобою и братомъ въ тотъ день, когда ты сломала себѣ руку?

— Я и такъ вамъ правду сказала.

— Но не всю.

— Больше я вамъ ничего не могу сказать, тетушка. Онъ поссорился со мною, какъ мнѣ кажется, совершенно напрасно; но не станете же вы отъ меня требовать, чтобы я передала вамъ всѣ подробности нашей ссоры. По всѣмъ вѣроятіямъ, оба мы были неправы, а потому лучше вовсе не возобновлять разговоръ объ этомъ.

— Онъ не позволилъ себѣ въ отношеніи тебя никакихъ грубостей?

— Онъ всегда бываетъ грубъ въ выраженіяхъ, когда сердится.

— Но онъ не ударилъ тебя?

— Милая тетя! не сердитесь на меня, если я вамъ на это скажу, что не желаю, чтобы меня спрашивали; это ни къ чему не поведетъ.

Мистрисъ Гринау хорошо знала характеръ племянницы и поняла, что другого отвѣта ей не добиться; но теперь для

нея стало ясно, что не просто падение было причиною случившагося съ Кэтъ несчастя.

— Съ тобой не столкнешь, отвѣчала мистрисъ Гринау; но знай, что, повстрѣчайся я съ твоимъ братомъ,—ему отъ меня спуску не будетъ.

— Врядъ ли вамъ придется съ нимъ встрѣтиться, сказала Кэтъ; особенно, если вы останетесь здѣсь до моего выздоровленія.

Не богъ знаетъ какихъ хлопотъ стоило Кэтъ отдѣлаться отъ любопытства окружающихъ, пристававшихъ къ ней съ разспросами; но не такъ-то легко было ей порѣшить съ самой собою, какъ ей на будущее время относиться къ брату. Отрѣчься ли ей отъ него съ этой минуты, оставаться ли спокойной свидѣтельницей его борьбы съ безденежемъ и конечнаго разоренія, между тѣмъ, какъ сама она будетъ безмятежно наслаждаться тѣми благами жизни, которыя доставило ей завѣщаніе дѣда?

Читатель припомнитъ, что вся ея жизнь была до сихъ поръ посвящена этому брату; она привыкла считать своимъ долгомъ жертвовать ему собою. Тяжело разставаться съ тѣмъ, что было единственною цѣлью въ жизни, и вырвать изъ сердца единственную привязанность, которая его наполняла.

Но онъ рѣшился поднять на нее руку! Какая женщина проститъ такую обиду? Вѣра Кэтъ въ брата пошатнулась уже тогда, когда онъ принудилъ ее написать Алисъ о деньгахъ. Теперь онъ пошелъ еще далѣе: онъ потребовалъ отъ нея клятвопреступничества; онъ грозился убить ее и поднялъ на нее руку, когда она отказалась исполнить его волю; онъ обвинилъ ее въ умышенномъ обманѣ и въ желаніи присвоить себѣ его собственность. Могла ли она послѣ всего этого желать его видѣть? Но даже въ эту минуту она дорого бы дала за возможность уступить ему свою долю въ пользованіи помѣстьемъ. Бѣда только въ томъ, что подобная уступка была положительно невозможна.

Джонъ Вавазоръ пробылъ въ Устморлэндѣ около недѣли; въ теченіе этой недѣли, мистеръ Доундъ побывалъ въ Вавазорѣ и видѣлся въ мистеромъ Гогремомъ въ Пэнритѣ. Относительно дѣйствительности завѣщанія, мистеръ Доундъ объявилъ, что тутъ не можетъ быть и тѣни сомнѣнія. И такъ, избрали повѣ-

ренного для сбора ренты и положили, по истечении шести месяцев, отдать замок в наймы. А пока решено было, что Кэт останется в замке до своего выздоровления. Тетушка Гринау обещалась продлить свое пребывание в Вавазорфе на неопределенное время, и обещалась с такою готовностью, как будто капитана Бельфильда вовсе не существовало на свете. О мистере Чизакере она продолжала говорить, как о записном поклоннике Кэт. Но хотя мистер Чизакер все еще оставался в ее глазах очень приличною партией для племянницы, она уже не навязывала ей этот брак в виде непреложного долга. Кэт, в качестве богатой невесты, могла надеяться теперь, что не засидится в девках, если даже и откажет мистеру Чизакеру.

— Молодая девушка с шестьюстами фунтов годового дохода, твердила тетюшка Гринау, почти во всем сама себя госпожа и может выбирать, кого ей вздумается.

Кэт очень хотелось, чтобы Алиса приехала погостить к ней в Уэтморленд до истечения шести-месячного срока, и она высказала это желание дяде, который обещался передать его Алисе. Затем Джон Вавазорф уехал и тетя с племянницей остались в замке вдвоем.

— Как нам быть, если это дикое животное вдруг нагрянет сюда опять? спросила мистрис Гринау у брата. — Видь мы тут остаемся одинокими женщинами.

Брат мог только на это ответить, что дикое животное, по всем вероятностям, глаз не покажет в замок.

И предсказание мистера Вавазора сбылось. Во все время пребывания мистрис Гринау в замке, дикое животное не показывало туда глаз.

ГЛАВА XIV.

ДЖОРЖЪ ПРЕДАЕТСЯ МВЧТАМЪ ОБЪ УВИДѢТВѢ.

Но мы должны возвратиться к «дикому животному» и сделать тут небольшое отступление. После известного читателю свиданья Джоржа с кузиною, свиданья, во время которого принесенное им кольцо полетело в камин, наш

герой не въ слишкомъ-то веселомъ настроеніи духа погипульъ улицу Королевы Анны. Онъ вообще оставался довольно равнодушнѣмъ къ тому, что про него думаютъ и какъ къ нему относятся лица одного съ нимъ пола. Но онъ дорожилъ добрымъ мнѣніемъ или, вѣрнѣе, личнымъ расположеніемъ каждой женщины, обратившей на себя его вниманіе. А между тѣмъ, если не изъ словъ Алисы, то изъ поступковъ ея было видно, что она идетъ за него замужъ не потому, чтобы любила его, но потому, что, по нѣкоторымъ соображеніямъ, бракъ этотъ представлялся ей лучшимъ, что она могла избрать въ настоящую минуту. Любовь же ея, видимо, принадлежала другому; только вслѣдствіе тѣхъ же соображеній, ей почему-то не заблагоразсудилось идти замужъ за этого другого. Такъ, по крайней мѣрѣ, истолковывалъ Джоржъ ея поведеніе въ отношеніи себя.

Будь у него развязаны руки, онъ, безъ сомнѣнія, отказался бы отъ Алисы и такъ ухитрился это бы сдѣлать, что, при всемъ ея желаніи избавиться отъ него, не на радость бы было ей исполненіе этого желанія. Но могъ ли онъ такъ поступить съ женщиной, у которой былъ въ долгу и къ которой ему предстояло снова обратиться за денежной ссудой? Правда, переступивъ черезъ порогъ ея дома, онъ клялся и божился, что ничто въ мірѣ не заставитъ его снова признаться у нея денегъ, но не прошелъ онъ и нѣсколькихъ шаговъ, какъ положеніе его явственно обрисовалось передъ нимъ. Онъ былъ членомъ парламента, но черезъ три мѣсяца парламентъ будетъ распущенъ; неужели же онъ поступится настоящимъ своимъ положеніемъ, для достиженія котораго онъ принесъ уже столько жертвъ? А проклятый этотъ старикъ все жилъ да жилъ въ своемъ Уэстморлэндѣ, точно вѣкъ его былъ закодированъ, и крѣпко держался за свою дрянную землицу, которою внучекъ счумѣлъ бы такъ хорошо распорядиться! И невольно Джоржу стало мечтаться о томъ, какъ хорошо бы было, если бы старику приключилось чтонибудь такое, что положило бы конецъ его существованію. Я не скажу, чтобы у него въ мысляхъ было покушеніе на жизнь дѣда; но ему невольно припоминались слышанные имъ рассказы о знаменитыхъ преступникахъ, которые въ глазахъ его являлись великими людьми.— Что всѣ ваши Нельсоны, говаривалъ онъ не разъ въ обще-

ствѣ,—въ сравненіи съ какимъ нибудь Рошемъ, который входитъ въ домъ съ заряженными пистолетами и перестрѣливаетъ всѣхъ, находящихся въ немъ, съ такимъ же хладнокровіемъ, какъ если бы онъ имѣлъ дѣло съ крысами? Что толку во всей нашей трусливой нравственности, во всѣхъ этихъ пугалахъ, которыя создаетъ наше ребяческое воображеніе? Не лучше ли къ чорту отбросить все это лицемеріе?—И окончить свое земное странствованіе на висѣлицѣ, замѣчалъ на это кто нибудь изъ слушателей. — Хоть бы и на висѣлицѣ, ужъ коли ваша судьба такая. Только вы забываете, что на одного повѣшеннаго приходится двадцать такихъ, которымъ удастся избѣжать висѣлицы.

Среди подобныхъ размышленій, Джоржъ достигъ конторы мистера Скребби въ Реджентъ-Стритъ. Стряпчій тотчасъ же повелъ рѣчь о предстоящихъ выборахъ и изъ тона его можно было замѣтить, что онъ знать не хочетъ никакихъ затрудненій въ выдачѣ требуемыхъ имъ денегъ.

— У меня еще за прошлые выборы есть за вами маленькій счетецъ, мисгеръ Вавазоръ, сказалъ онъ.—Но это не ваша вина, конечно: обстоятельства тогда застигли насъ врасплохъ. Только вотъ не задержите меня къ іюню...

— Развѣ выборы начнутся въ іюнь?

— Поговариваютъ, что въ іюнь. Такъ не задержите меня къ іюню, а ужъ я оба счета солью въ одинъ.

Въ теченіе этого разговора, мистеръ Скребби неосмотрительно упомянулъ имя мистера Томба. Хотя мистеру Скребби и не было дано положительныхъ инструкцій о томъ, чтобы онъ помалчивалъ, черезъ какія руки идутъ къ нему деньги, но онъ и самъ смекнулъ, что обстоятельство это должно оставаться тайной для его кліента. Онъ и самъ не зналъ, какъ имя мистера Томба сорвалось у него съ языка; но Джоржъ тотчасъ подхватилъ это имя и потребовалъ объясненій. Скребби, съ которымъ подобнаго рода грѣхъ не часто случался, тотчасъ же поспѣшилъ поправиться и объявилъ, что обмолвился. Джоржъ, повидимому, удовольствовался этимъ объясненіемъ и не сказалъ мистеру Скребби болѣе ни слова объ этомъ предметѣ. Но слышанное не скользнуло по немъ безслѣдно; память у Джоржа была отличная и, услышавъ имя

мистера Томба, онъ тотчасъ же вспомнилъ, что такъ звали стряпчяго мистера Грея.

Уловивъ первую удобную минуту, онъ оставилъ контору мистера Скребби и отправился къ мистеру Томбу.— Неужели Алиса и Джонъ Грей въ стачкѣ между собою и онъ въ долгу у мистера Грея? Еще куда не шло быть должникомъ Алисы, какъ ни тяжело это было послѣ всего, что произошло между ними; но брать деньги у Джона Грея... нѣтъ, ужъ это чеззачуръ.—И Джоржъ, направляясь въ контору мистера Томба, не могъ не похвалить себя за благородство своихъ чувствъ.

При появленіи Вавазора стряпчій всталъ и добродушно кивнулъ своею напудренной головою. — Мистеръ Вавазоръ— очень пріятно познакомиться, заговорилъ онъ. Я уже имѣю удовольствіе знать васъ по наслышкѣ.... Какже-какже, я завѣдую дѣлами мистера Джона Грея. Еще я былъ повѣреннымъ его батюшки. Наша фирма уже лѣтъ пятьдесятъ завѣдуетъ дѣлами Греевъ. Смѣло могу сказать: въ жизнь свою не встрѣтилъ болѣе благороднаго джентльмена, какъ мистеръ Джонъ Грей; я еще ребенкомъ его зналъ: что это за прелестное было дитя! — И на каждомъ словѣ мистеръ Томбъ, страдавшій одышкой, переводилъ духъ и кивалъ своею добродушною старческою головою, какъ бы прося извиненія у Джоржа, что не умѣетъ угадать, за какимъ дѣломъ явился къ нему неожиданный посѣтитель. Но старикъ былъ травленный заяцъ и обдумывалъ про себя, на сколько ему можно быть откровеннымъ съ этимъ посѣтителемъ? Онъ пришелъ къ тому заключенію, что, если Джоржъ Вавазоръ станетъ предлагать ему вопросы, ему лучше отвѣчать на нихъ чистою правду. Ясно было, что ужъ если Вавазоръ пришелъ его спрашивать, то пришелъ потому, что кое-что уже узналъ и имѣетъ возможность узнать стороною еще болѣе. Вывернуться въ настоящемъ случаѣ ложью нечего было и думать.

— Въ жизнь свою, мистеръ Вавазоръ, не видалъ я такого прелестнаго ребенка, проговорилъ мистеръ Томбъ и закашлялся.

Люди, коротко внавшіе мистера Томба, утверждали, что онъ

дорожил своимъ кашлемъ, какъ неоцѣненнымъ подспорьемъ въ извѣстныхъ случаяхъ.

— Охотно вѣрю вамъ, отвѣчалъ Джоржъ. Скажите, пожалуйста, мистеръ Томбъ: не были ли переведены вами или имъ извѣстныя суммы денегъ на мое имя черезъ контору Гока и Блока?

— Гока и Блока... это вы про банкировъ изводите говорить? выговорилъ мистеръ Томбъ, не торопясь.

— Ну да, нетерпѣливо отвѣчалъ Джоржъ; это мои банкиры.

— Домъ въ полномъ смыслѣ слова солидный.

— Такъ не переводили ли вы денегъ на мое имя черезъ эту контору, мистеръ Томбъ?

— Позвольте спросить васъ, мистеръ Вавазоръ, съ какою цѣлью предлагаете вы мнѣ этотъ вопросъ?

— Не думаю, чтобы вы были въ правѣ спрашивать меня объ этомъ. Какова бы ни была моя цѣль, она не можетъ никакимъ образомъ вліять на вашу отвѣтъ. Если вы не причастны къ тому дѣлу, о которомъ идетъ рѣчь, то тѣмъ разговоръ нашъ и кончится, и я не вижу никакой надобности отнимать у васъ своими объясненіями драгоценное время.

— По чести, мистеръ Вавазоръ, вы меня застали совершенно врасплохъ. Позвольте, дайте мнѣ припомнить.—Эй, Пинкль, Пинкль!

Пинклемъ звали писца, сидѣвшаго въ другой комнатѣ, и мистеру Томбу стоило, повидимому, большого труда его дозваться. Но Пинкль понялъ, какъ нельзя лучше, интонацію голоса своего патрона и явился на зовъ.

— Скажите, Пинкль, были ли нами внесены деньги на имя мистера Вавазора въ контору Гока и Блока нѣсколько недѣль тому назадъ?

— Что-то хорошенько не припомню, сэръ, отвѣчалъ Пинкль, успѣвшій отчасти усвоить себѣ лисьи замашки своего господина.

— Кажется, были. Справьтесь-ка, Пинкль, въ книгахъ; да вотъ что, Пинкль: посмотрите, котораго числа, и скажите мнѣ.—Славная стоитъ погода, мистеръ Вавазоръ; только этотъ восточный вѣтеръ ужъ больно донимаетъ.

И при этомъ послѣдовалъ новый припадокъ кашля.

Цѣлою вѣчностью показались Вавазору тѣ минуты, которыя онъ провелъ съ глазу на глазъ съ мистеромъ Томбомъ, въ ожиданіи интересовавшей его справки, и онъ, не стѣняясь, высказывалъ свое нетерпѣнье.

— Да не лучше ли мнѣ увѣдомить васъ письменно, когда я отыщу въ своихъ книгахъ, что вамъ нужно? спросилъ мистеръ Томбъ.

— Нѣтъ, ужъ мнѣ бы лучше хотѣлось разомъ покончить это дѣло. Полагаю, что на это немного понадобится времени.

— Пинкль, Пинкль! крикнулъ старикъ, задыхаясь отъ кашля.

Пинкль явился.

— Ну, что-жъ, Пинкль, вѣрно я сказалъ или напуталъ?

Мистеръ Томбъ явнымъ образомъ лгалъ безъ зазрѣнія совѣсти; всѣ подробности дѣла были ему, безъ сомнѣнія, какъ нельзя лучше извѣстны; съ Джоржа было довольно и того, что онъ видѣлъ и слышалъ, чтобы подтвердить его догадку.

— Я только-что было собирался справиться.

— Мнѣ досадно, что я надѣлалъ столько хлопотъ вашему писцу, проговорилъ Вавазоръ недовольнымъ голосомъ, — и хлопотъ, какъ мнѣ кажется, вовсе ненужныхъ. По всѣмъ вѣроятіямъ, вамъ и такъ нетрудно припомнить, поручалъ ли вамъ мистеръ Грей, или нѣтъ вносить за него деньги на мое имя?

— Видите ли, мистеръ Вавазоръ, у насъ не одно дѣло и не одинъ кліентъ. Но если память не обманываетъ меня, то точно было что-то такое въ этомъ родѣ.

— Можете вы мнѣ сказать адресъ мистера Грея? рѣзко спросилъ Джоржъ.

— Какже, могу: № 5. Соффалькъ-Стритъ, отвѣчалъ мистеръ Томбъ.

Тутъ мистеръ Томбъ далъ большого маху. Мистеръ Грей былъ дѣйствительно въ городѣ, но обстоятельство это не было извѣстно Вавазору, и стряпчій могъ бы, просто на просто, дать его кембриджшайрскій адресъ.

— № 5, Соффалькъ-Стритъ, повторилъ Джоржъ, записывая адресъ. — Дѣлать нечего, придется мнѣ отправиться къ

нему, такъ какъ вы, повидиному, не расположены дать мнѣ никакого положительнаго отвѣта.

И, едва удостоивъ мистера Томба легкаго наклоненія головы, онъ вышелъ изъ комнаты.

ГЛАВА XV.

ТРАВГУЮЩАЯ О ТОМЪ, ЧТО ПРОИЗОШЛО ВЪ СОФФАЛЬКЪ-СТРИТЪ.

Мистеръ Томбъ ничего не достигъ своими недомолвками. Джоржъ Вавазоръ вынесъ изъ разговора съ нимъ положительную увѣренность, что деньги, израсходованныя имъ, прошли, такъ или иначе, черезъ руки мистера Грея. Ему дѣла не было до того, принадлежали ли эти деньги его сопернику, или же соперникъ этотъ дѣйствовалъ только въ качествѣ повѣреннаго Алисы. Въ обоихъ случаяхъ роль его, Вавазора, была самая пошлая. Что же касается того простого предположенія, что Алиса ничего не знала объ этомъ дѣлѣ и что ненавистный ему Джонъ Грей дѣйствовалъ по предварительному соглашенію съ его дядей, то оно ему и въ голову не приходило. Для него не подлежало никакому сомнѣнію, что Грей и Алиса въ этомъ дѣлѣ за одно; а если такъ, то что же онъ долженъ думать объ Алисѣ?

Дорогою онъ осыпалъ Алису самыми оскорбительными именами, какими только можно назвать женщину. Онъ ненавидѣлъ ее въ эту минуту даже болѣе, чѣмъ Джона Грея. Съ какою наглостью обманула она его и сестру его, Кэтъ. Или, быть можетъ, и Кэтъ была въ заговорѣ съ нею? Если такъ, то и ее не минуетъ его мщеніе. Но съ какою же цѣлью сговорились они обмануть его этими деньгами? Что насрѣдось самихъ денегъ, то въ этомъ отношеніи не было и тѣни подлога. Онѣ были выплачены ему въ достодолжной исправности и онъ былъ увѣренъ, что новыя ссуды не замедлятъ явиться по первому его требованью, если только онъ сдѣлаетъ видъ, что ничего не подозреваетъ. Или ужъ и въ самомъ дѣлѣ не скрыть ли ему свое бѣшенство до поры, до времени, пока средства къ вторичному избранію будутъ у него въ рукахъ? Алиса и мис-

теръ Грей—его враги; съ какою стати ему съ ними церемониться?—Невыносима была для него мысль, что онъ обязанъ Джону Грею, но факта этого уже нельзя было измѣнить; а что выиграетъ онъ, отрѣзавъ всякую возможность дальнѣйшихъ ссудъ?

Джоржъ такъ и не успѣлъ придти ни къ какому окончательному рѣшенію. Завернувъ за уголь Соффалькъ-Стрита, онъ наткнулся на самого Джона Грея.

— А я шелъ къ вамъ, мистеръ Грей, остановилъ его Джоржъ.

— Ко мнѣ? Такъ воротитесь мнѣ домой?

— Да ужъ сдѣлайте одолженіе, воротитесь, отвѣчалъ Джоржъ, продолжая путь.

Обстоятельства такъ сложились, что объ особенно дружескомъ обращеніи между соперниками не могло быть и рѣчи. Тѣмъ не менѣе, мистеръ Грей, когда Джоржъ заговорилъ съ нимъ, счелъ за нужное придать своему лицу то выраженіе вѣжливости, которое говоритъ о желаніи избѣгать всякаго повода къ ссорѣ. Вавазоръ же, напротивъ, изобразилъ на своемъ лицѣ того рода вѣжливость, которая ясно показываетъ, что человѣкъ направляется на ссору.

— Позвольте, ключъ у меня, проговорилъ Грей, когда они вѣшли въ домъ,

Взбираясь по лѣстницѣ, вмѣстѣ съ своимъ посѣтителемъ, Грей досадовалъ на себя, что впустилъ въ себѣ въ домъ своего заклятаго врага, тогда какъ онъ легко могъ избѣжать этого при встрѣчѣ съ нимъ на улицѣ. Но дѣло было уже сдѣлано и Грею ничего болѣе не оставалось, какъ покориться своей участи.

— Не угодно ли вамъ присѣсть, мистеръ Вавазоръ, проговорилъ онъ.

— Нѣтъ, я предпочитаю стоять, отвѣчалъ Вавазоръ.

И онъ остановился, заложивъ лѣвую руку, державшую шляпу, за спину, оставивъ правую ногу и запустивъ большой палецъ правой руки въ жилетный карманъ. Онъ пристально глядѣлъ въ лицо Грея, и Грей также пристально глядѣлъ на него. Въ эту минуту шрамъ на его лицѣ широко раскрылся и съновъ него, казалось, съизнова выступила алая кровь.

— Я прямо изъ конторы мистера Томба, заговорилъ Джоржъ:—

и пришелъ спросить у васъ, какого рода было ваше вмѣшательство въ мои денежные дѣла?

Мистеръ Грей былъ не приготовленъ къ подобнаго рода вопросу и не могъ на него тотчасъ же отвѣчать.

— Вы говорите, что пришли отъ мистера Томба? спросилъ онъ.

— Я уже имѣлъ честь вамъ сказать, что пришелъ прямо отъ него. Если не ошибаюсь, онъ вашъ повѣренный по дѣламъ?

— Да.

— И я пришелъ отъ него, съ цѣлью спросить у васъ, какого рода было ваше вмѣшательство въ мои денежные дѣла? Когда вы мнѣ отвѣтите на этотъ вопросъ, я не буду докучать вамъ дальнѣйшими вопросами.

— Но, мистеръ Вававоръ, подумали-ли вы, что я могу быть и нерасположенъ отвѣчать на вопросы, предлагаемые въ такомъ тонѣ?

— Нѣтъ, я никакъ не думалъ, что вы станете отлынивать отъ прямого отвѣта. Если подобнаго вмѣшательства съ вашей стороны вовсе не было, то мнѣ ничего болѣе не останется, какъ извиниться передъ вами и уйти. Если же оно дѣйствительно было, то я, кажется, въ правѣ требовать, чтобы вы объяснили мнѣ, въ чемъ оно заключалось.

Грей порѣшилъ съ самимъ собою, что лучше ужъ сказать всю правду, безъ утаекъ,—лучше не только для него самого, но и для всѣхъ Вававоровъ, въ томъ числѣ и для самого сердитаго господина, стоявшаго передъ нимъ. Сердитый господинъ, видимо, кое-что уже зналъ, — такъ пускай ужъ лучше узнаетъ всю правду.

— Дѣйствительно, мистеръ Вававоръ, отвѣчалъ онъ: — я позволилъ себѣ, какъ вамъ угодно было выразиться, вмѣшательство въ ваши денежные дѣла. Мистеръ Томбъ, по моему порученію, взнесъ на ваше имя сумму, простирающуюся, если не ошибаюсь, до двухъ тысячъ фунтовъ.

— Ну-съ, что же далѣе? проговорилъ Джоржъ, вынимая правую руку изъ жилетнаго кармана и принимаясь нетерпѣливо барабанить пальцами по столу.

— Я, собственно говоря, не знаю, какъ объяснить вамъ соображенія, заставившія меня такъ поступить.

— Еще бы! А между тѣмъ, вамъ все-таки придется объяснить ихъ.

Грей былъ человѣкъ очень ровнаго характера и не охотникъ до ссоръ. Дорого бы онъ далъ, чтобы избѣжать всякихъ сценъ, въ родѣ той, которая теперь представлялась ему неизбѣжной; но онъ былъ не робкаго десятка и въ дѣлѣ мужества могъ поспорить съ своимъ противникомъ. Вавазоръ, видимо, напрашивался на ссору, а Грею было равно ненавистно, какъ самому выступать въ роли обидчика, такъ и подчиняться наглости другихъ.

— Но я затрудняюсь единственно потому, что желалъ бы пощадить ваше самолюбіе, проговорилъ онъ.

— О! въ такомъ случаѣ, пожалуйста, не стѣсняйтесь и не щадите меня. Мы такъ поставлены, что всѣ эти тонкости обращенія смѣшны между нами. По крайней мѣрѣ, я, съ своей стороны, вовсе не намѣренъ соблюдать охъ въ отношеніи васъ. И такъ, не угодно ли вамъ будетъ сказать мнѣ, что заставило васъ вмѣшаться въ мой дѣла?

— Я бы охотнѣе попросилъ васъ обратиться за разъясненіемъ этого дѣла къ вашему дядюшкѣ.

— Нѣтъ, милосливный государь! мистеръ Томъ вовсе не стряпчій моего дяди. Онъ и имени-то его никогда не слыхалъ, если только вы ему не потрудились сообщить его.

— Но, поручая мистеру Томбу взнести на ваше имя тѣ деньги, которые вы желали занять у вашей кузины, я дѣйствовалъ по предварительному соглашенію съ вашимъ дядей. Оба мы сочли за лучшее оставить ея деньги пока неприкосновенными.

— Вамъ-то какое было до этого дѣло? И, начиная съ того, что я не вѣрю этой баснѣ, съ какой стати было ему обратиться именно къ вамъ за деньгами, которые понадобились для его дочери?

— Не угодно ли вамъ будетъ, мистеръ Вавазоръ, выразиться приличнѣе, не то я васъ попрошу оставить эту комнату, замѣтилъ Грей.

Вавазоръ только усмѣхнулся и не отвѣчалъ ни слова. Грей продолжалъ:

— Я самъ подалъ вашему дядѣ мысль о подобнаго рода

сдѣлкѣ. Я не желалъ, чтобы состояніе миссъ Вавазоръ пошло прахомъ.

— Но вамъ-то, милостивый государь, какое дѣло до ея состоянія? Да знаете ли вы, милостивый государь, что она обѣщалась быть моею женою?

— Я не имѣю ни малѣйшаго желанія говорить съ вами о положеніи миссъ Вавазоръ въ настоящемъ или въ будущемъ.

— Такъ я же, чортъ возьми, заставлю васъ, по крайней мѣрѣ, слушать меня!

— Она была вашею невѣстою и отказала вамъ. Если бы вы имѣли малѣйшее понятіе о томъ, какъ принято поступать въ подобныхъ случаяхъ джентльменамъ, и если бы въ васъ была хоть капля гордости, — вы оставили бы ее въ покоѣ и никогда бы не помянули ея имени. А вы, вмѣсто того, вмѣшпваетесь въ ея денежные дѣла, съ цѣлью прибрать ея состояніе къ рукамъ.

— Ея состояніе никоимъ образомъ не можетъ попасть въ мои руки.

— Какъ бы не такъ! Небось, рискнули бы вы суммою въ двѣ тысячи франковъ, если бы не имѣли въ виду надежной гарантіи. Она отвергла васъ; вотъ вы, въ оплату, и выдумали этотъ мошенническій способъ прибрать ея доходы къ рукамъ, такъ чтобы она снова очутилась въ вашей власти. Но я приму мѣры, чтобы затраченная вами сумма была вамъ немедленно возвращена сполна, и Боже васъ сохрани, если я снова поймаю васъ въ подобныхъ предѣлахъ.

— Мистеръ Вавазоръ, проговорилъ Грей, не возвышая голоса и очень медленно, но съ такимъ выраженіемъ лица, которое ясно говорило, что онъ не шутки намѣренъ шутить: — вы употребили такія выраженія, которыя я спустить вамъ не могу. Не угодно ли вамъ будетъ взять ихъ назадъ?

— Какія такія выраженія я употребилъ? Я сказалъ, что вы мошенникъ, и повторяю это теперь.

И говоря это, онъ надѣлъ шляпу, съ цѣлью имѣть руки свободными, на случай если онъ ему понадобятся.

Грей былъ выше ростомъ и сильнѣе своего противника. Не знаю, сознавалъ ли онъ свое превосходство, но, какъ бы то ни было, онъ рѣшился прибѣгнуть къ физической силѣ,

— Ну, дѣлать нечего, проговорилъ онъ:—какъ видно, безъ этого не обойдешься.

И растворилъ дверь.

Но въ эту самую минуту онъ почувствовалъ, что ротъ его наполнился кровью: Вавазоръ нанесъ ему кулакомъ ударъ въ губы. Затѣмъ послѣдовала свалка въ рукопашную, и Грей вскорѣ осилилъ своего противника. Онъ схватилъ его за воротъ и вытолгалъ за дверь, на площадку. Отсюда онъ столкнулъ его внизъ по лѣстницѣ и имѣлъ удовольствіе видѣть, какъ его недругъ растянулся на слѣдующей площадкѣ. Вавазоръ вскочилъ на ноги и ринулся было снова наверхъ, но въ эту самую минуту хозяинъ квартиры, жившій внизу, слышавъ шумъ, подоспѣлъ на мѣсто битвы.

— Мистеръ Джонсъ, обратился въ нему Грей:—если этотъ господинъ не уберется тотчасъ же изъ дому, я принужденъ буду попросить васъ сходить за полицмэномъ.

Хозяинъ квартиры успѣлъ схватить Вавазора за воротъ его скюртука, и Джоржу ничего болѣе не оставалось, какъ отвязаться отъ дальнѣйшаго сопротивленія.

— Изъ-за чего это вышло, сэръ? спросилъ мистеръ Джонсъ, который былъ портной по ремеслу, а потому и самъ кое-что смыслилъ въ кулачномъ дѣлѣ. (Изъ всѣхъ классовъ лондонскаго населенія, портные отличаются самыми воинственными наклонностями.) Изъ-за чего это вышло, сэръ? спросилъ онъ, не выпуская Вавазора изъ рукъ.

— Человѣкъ этотъ скверно поступилъ со мною, а я его проучилъ, вотъ и все, отвѣчалъ Вавазоръ.

— Проучили ли вы его тамъ, или нѣтъ, этого я не знаю, проговорилъ портной. Вижу только, что онъ важно спустилъ васъ внизъ по лѣстницѣ, и думаю, что всего умнѣе будетъ съ вашей стороны убраться отсюда по добру, по здорову.

И точно, Вавазору ничего болѣе не оставалось, какъ послѣдовать этому совѣту. Онъ зашелъ домой, чтобы расправить свои перья, слегка помятыя въ недавнемъ бою, а оттуда отправился въ Уэстминстеръ—занять свое мѣсто въ палатѣ депутатовъ. Впрочемъ, не думаю, чтобы въ этотъ день, послѣ постигшаго его позорнаго пораженія, онъ былъ въ особенномъ ударѣ ратовать за плотину черезъ Темзу.

ГЛАВА XVI

БАЛЪ ЛЭДИ МОНКЪ,

Утромъ того самаго дня, когда лэди Монкъ давала свой знаменитый балъ, между мистеромъ Паллизеромъ и его женою произошелъ слѣдующій разговоръ:

— Такъ твоя кузина не ѣдетъ съ тобою? спросилъ онъ.

— Алиса не ѣдетъ.

— Въ такомъ случаѣ, ты можешь захватить съ собою мистрисъ Маршамъ.

— Это невозможно, Пантагенетъ. Вѣдь я же тебѣ, вѣжеся, сказала, что общалась кузинѣ Дженъ взять ее съ собою.

— Но развѣ вамъ нельзя ѣхать втроемъ?

— Конечно, нельзя. Не на возлы же мнѣ взобраться; а грѣхъ дамамъ, одѣтымъ по бальному, нѣтъ никакой физической возможности умѣститься въ одной каретѣ.

— Напрасно ты поторопилась предложить мѣсто въ каретѣ лэди Дженъ, когда миссъ Вавазоръ отказалась. Я заранѣе просилъ тебя о мистрисъ Маршамъ.

— А я тебѣ тогда же сказала, что терпѣть не могу выѣзжать со старухами. Не люблю и баста!

— Гленкора, къ чему ты употребляешь такія выраженія?

— А чѣмъ же они не хороши? Небось, лучше выразился мистеръ Ботъ намеренно въ парламентѣ, когда сказалъ, что въ отчетахъ правительства чортъ ногу переломить? Видишь ли, и я умѣю слѣдить за политикой, и напрасно ты на меня сердешься.

— Я не сержусь на тебя; ты рассуждаешь точно ребенокъ.

— Такъ какъ же быть съ мистрисъ Маршамъ? Придется вамъ ѣхать впередъ, а потомъ послать за ней карету.

— Пускай себѣ ѣдетъ прежде насъ. Мы съ Дженъ пойдёмъ.

— Жаль только, что она будетъ въ правѣ обидѣться. Я было сказать ей, что ей можно будетъ ѣхать съ тобою, когда узналъ, что миссъ Вавазоръ отказалась.

— А кто тебя просилъ говорить ей это? Промолчалъ бы и баст... да, бишь, мнѣ не вѣжливо употреблять это выраженіе.

— Видишь ли, Плантагенетъ, тамъ гдѣ ты положительно велишь мнѣ что нибудь сдѣлать, я буду повиноваться тебѣ, на сколько это будетъ возможно. Но разъ предоставивъ мнѣ свободу поступать по моему усмотрѣнію, ты не въ правѣ потомъ бранить меня.

— Я и не думалъ бранить тебя.

— Какже не думалъ! Ты сказалъ, что я поступила невольливо.

— Я сказалъ только, что мистрисъ Маршамъ будетъ въ правѣ обидѣться.

— О! она-то пускай обижается. Я не люблю ея и не хочу дѣлать видъ, будто люблю. Я твердо убѣждена, что она слѣдитъ за каждымъ моимъ шагомъ, чтобы потомъ разказать тебѣ, если что ей покажется не такъ.

— Гленкора!...

— И эта противная, рыжеволосая мартышка тѣмъ же занимается, — только тебѣ онъ не смѣетъ наущничать, а съ нею постоянно шушукается.

— Гленкора! повторилъ мистеръ Паллизеръ, какъ громомъ пораженный таковой неожиданной выходкой, и остановился, потому что не зналъ, что сказать далѣе.

— Что же, другъ мой, надо же, чтобы ты, наконецъ, зналъ, какъ я смотрю на эти вещи. Положимъ, что я далеко не совершенство; но вѣдь я же не сдѣлаюсь лучше оттого, что эти люди будутъ за мною шпионить. Вотъ къ испанскимъ дамамъ тоже приставляютъ дуаннъ, а развѣ меньше онѣ отъ этого проказать?

— Съ какою стати ты вспомнила про испанскихъ дуаннъ?

Лэди Гленкора сидѣла, какъ ни въ чемъ не бывало, а мужъ простоялъ нѣсколько минутъ, глядя на нее молча. Разговоръ кончился тѣмъ, что мистеръ Паллизеръ прочиталъ женѣ длинную лекцію, въ которой много говорилъ о своей собственной справедливости и терпимости и не преминулъ тоже упомянуть о ея легкомыслии и глупости.

Мистрисъ Маршамъ осталась очень недовольна распоряженіемъ лэди Гленкору. Собственно, для нея не было никакого интереса ѣхать на балъ лэди Монкъ. Если бы она явилась на этотъ балъ съ лэди Гленворою, подъ ея крылышкомъ, то на ея долю выпадала бы, по крайней мѣрѣ, часть того почетнаго

пріема, который ожидалъ молодую женщину. Къ довершенію ея досады, карета пріѣхала слишкомъ рано и лакей, дожидавшійся ея у дверцы, исполнилъ свою обязанность съ крайне недовольнымъ видомъ. Въ домъ лэди Монкъ она явилась одна, какъ персть; слуги, докладывавшіе о ней, переврали ея фамилію и, подъ именемъ мистрисъ Маршъ, она прошла въ гостиную, не удостоившись даже видѣть хозяйку дома.

Было уже поздно, когда пріѣхала лэди Гленкора, и Борго Фицджеральдъ начиналъ думать, что судьба и тутъ сыграетъ съ нимъ злую шутку. Цѣлый битый часъ караулил онъ на лѣстницѣ, стараясь услышать между именами пріѣзжавшихъ гостей то имя, которое такъ желалъ и, въ то же время, почти страшился услышать. Многіе заговаривали съ нимъ, но онъ отвѣчалъ разсѣяно. Тетка кликнула его въ маленькую гостиную, въ которой она сидѣла съ нѣсколькими избранными гостями и, многознаменательно хмурия брови, велѣла ему танцовать. — Не принимай же, ради Бога, такой озабоченный видъ, шепнула она ему. — Но онъ только тряхнулъ головою и удалился съ озабоченнымъ видомъ. Танцовать онъ все-таки не сталъ. До танцевъ ли ему было!

Наконецъ, часу въ двѣнадцатомъ доложили о пріѣздѣ лэди Гленкору. За четверть часа передъ тѣмъ, Борго видѣлъ, какъ прошелъ наверхъ мистеръ Паллизеръ, но что ему было до него! Когда давно ожидаемое имя поразило его слухъ, сердце запрыгало въ его груди. Онъ кинулся изъ столовой, въ которую было удаленъ, и засталъ ее какъ разъ въ ту самую минуту, когда она поднималась по парадной лѣстницѣ. Она замѣтила его и выраженіе ея лица при этомъ видимо измѣнилось. Она привѣтствовала его скорѣе взглядомъ, чѣмъ наклоненіемъ головы, но уже и то обрадовало Борго, что въ этомъ взглядѣ не было и тѣни гнѣва.

Лэди Монкъ встрѣтила гостью наверху лѣстницы. Она вышла къ ней съ самою привѣтливою улыбкою и тотчасъ же увела ее въ свою маленькую гостиную. Тутъ лэди Гленкора застала герцогиню Сентъ-Боттай, неизмѣнно засѣдавшую на балахъ лэди Монкъ на одномъ и томъ же стулѣ, который такъ и прозвали стуломъ герцогини; возлѣ нея помѣщался мистеръ Ботъ. Въ комнатѣ была еще другая дама, маркиза Гартльтропъ, славившаяся въ Лондонѣ своей красотою и

умѣнемъ одѣваться. Были, правда, люди, которые находили, что красота ея недостаетъ выраженія, но за то никто не умѣлъ держать себя съ атимъ таккомъ, какъ маркиза. Она никогда не говорила глупостей, подобно герцогинѣ Сентъ-Бонгай, никогда не употребляла неприличныхъ выраженій, въ родѣ «баста», никого не обзывала рыжеволосою мартышкой, не бродила за полночь по развалинамъ и не являлась съ такими пріятельницами, которыя были не по душѣ ея мужу и господину. Правда, яшелся одинъ смертный, осмѣлившійся взглянуть на нее окомъ любви, и смертный этотъ былъ никто иной, какъ самъ мистеръ Паллизеръ; но обстоятельство это послужило только въ вашему упроченію за нею ея безупрочной репутаціи. Маркиза Гартльтропъ сама о всемъ рассказала своему мужу, чѣмъ еще болѣе приобрѣла его довѣріе; но она устроила такъ, что дѣло обошлось безъ малѣйшаго скандала, и сама спровадила своего поклонника.

— Милая лэди Гленнора, заговорила лэди Монкъ:— какъ мы жалѣли, что вы не могли пріѣхать въ Монкшэдъ. Да насъ дошли такіе ужасные слухи о вашей болѣзни.

Лэди Гленнора отвѣчала, что это была не болѣе, какъ простуда.

— Какже, какже, мы слышали. Тутъ были замѣшаны въ дѣло и лунная ночь, и развалины. Вѣдь вы несправимы. Я и сама страшная охотница до этихъ эксцентричностей, но какъ же быть! не всегда можно безнаказанно удовлетворять такимъ вкусамъ.— Вы знакомы съ маркизою Гартльтропъ? А вотъ и герцогиня Сентъ-Бонгай. Мистеръ Паллизеръ былъ здѣсь пять минутъ тому назадъ.

Тутъ лэди Монкъ принуждена была снова выйти изъ комнаты и лэди Гленнора очутилась лицомъ къ лицу съ маркизою Гартльтропъ.

— Мистеръ Паллизеръ пріѣхалъ незадолго передъ вами; онъ заходилъ сюда на минуту, проговорила маркиза совершенно спокойнымъ голосомъ.

— Да, онъ говорилъ мнѣ, что будетъ здѣсь, отвѣтила лэди Гленнора.

— Какъ здѣсь тѣсно, замѣтила маркиза. Я никакъ не думала, чтобы Лондонъ былъ уже такъ полонъ.

— Да, здѣсь ужасно тѣсно, согласилась лэди Гленвора и затѣмъ разговоръ прекратился.

— Какой у васъ цвѣтущій видъ, обратилась герцогиня къ лэди Гленкорѣ. А мы слышали, что вы были очень больны.

— Какъ ваше здоровье, лэди Гленвора? раздалось надъ самымъ ухомъ молодой женщины, и большая красная лапа протянулась къ ея рукѣ.

— Ахъ, это вы, мистеръ Ботъ, отвѣчала лэди Гленвора, не давая ему руки.—Однако, миѣ надо пойти отыскать мужа.

— Милая лэди Гленвора, прошептала герцогиня впопыхахъ:—возьмите меня съ собою. Вонъ, я вижу, идетъ эта злющая мистрисъ Конуэй Спарксъ, а вы знаете, что я ее терпѣть не могу.

Дѣлать нечего, лэди Гленвора, волей-неволей, должна была взять герцогиню подъ свое покровительство и обѣ онѣ вышли въ другую комнату. Я подозреваю, что лэди Монкъ нарочно привела мистрисъ Конуэй Спарксъ, какъ единственное средство сдвинуть герцогиню съ ея мѣста.

Въ дверяхъ той залы, гдѣ танцовали, лэди Гленвора встрѣтилась съ мужемъ.

— Я уѣзжаю, обратился онъ къ ней; я и прїѣхаль-то только потому, что обѣщался. Поздно ты вернешься домой?

— О, нѣтъ, не думаю.

— Будешь танцовать?

— Протанцую разъ-другой, для того только, чтобы не казаться старухой.

— Будь осторожнѣе, чтобы не разгорячиться. Прощай.

Между тѣмъ, Борго бродилъ изъ комнаты въ комнату, отыскивая удобнаго случая переговорить съ лэди Гленворою. — Приглану ее вальсировать, порѣшилъ онъ, наконецъ, съ самимъ собою. Почему бы миѣ и не танцовать съ нею такъ же, какъ и со всякою другою?—Пять минутъ спустя, онъ отыскалъ ее въ галлерей. Она сидѣла на скамейкѣ, а возлѣ нея стояла старуха и что-то говорила ей. То была мистрисъ Маршамъ, предостерегавшая ее по поводу какой-то маленькой неосторожности; лэди же Гленвора отвѣчала ей, что не пуждается въ ея совѣтахъ. Борго протѣснился сквозь толпу и, пробормотавъ какія-то невнятные слова, протянулъ ей руку.

— Ну, будетъ, мистрисъ Маршамъ, проговорила лэди Глен-

нора: — премного вамъ благодарна за совѣтъ; пожалуйста, не беспокойтесь.

И съ этими словами она взяла протянутую руку Фицджеральда. Борго въ глаза не зналъ мистрисъ Маршамъ; но она его знала какъ нельзя лучше. Ей были извѣстны всѣ подробности его романа съ лэди Гленкорою, и почтенная старушка обомлѣла отъ ужаса, когда увидѣла, что онъ осмѣливается касаться руки своей прежней зазнобы, теперешней жены мистера Паллизера.

— На туръ вальса, проговорилъ Борго такимъ тономъ, какъ-будто для нихъ было самымъ обыкновеннымъ дѣломъ вальсировать другъ съ другомъ.

— Не думаю, чтобы лэди Гленкора была расположена вальсировать сегодня, замѣтила мистрисъ Маршамъ самымъ нелицеприятнымъ тономъ.

Какъ видно, плохо знала мистрисъ Маршамъ обязанности дѣвицы, не то она сообразила бы, что ея сопротивленіе только заставитъ лэди Гленкору дѣйствовать ей прямо наперекоръ.

— А почему бы мнѣ и не вальсировать сегодня, мистрисъ Маршамъ? спросила лэди Гленкора. Напротивъ, я съ большимъ удовольствіемъ сдѣлаю туръ съ мистеромъ Фицджеральдомъ, потому что онъ отлично вальсируетъ.

И съ этими словами она оперлась рукою на руку Борго.

Мистрисъ Маршамъ сдѣлала послѣднее, почти бессознательное усиліе удержать ее и, положивъ ей руку на плечо, поглядѣла ей въ глаза съ укоризненнымъ, предостерегающимъ выраженіемъ. Но лэди Гленкора сердито дернула плечомъ и пошла рука объ руку съ Борго въ бальную залу.

— Кто эта женщина? спросилъ Борго. — То были первыя слова, съ которыми онъ обратился къ ней послѣ рокового письма, которое она все еще носила въ карманѣ. Голосъ его звучалъ такъ же дружественно и знакомо, какъ въ тѣ дни, когда ничто ихъ не разлучало и вопросы подобнаго рода были между ними самымъ обыкновеннымъ дѣломъ. И она отвѣчала въ томъ же тонѣ:

— О, это препротивная старушонка; зовутъ ее мистрисъ Маршамъ; она моя *bête noire*.

Минуту спустя, они кружились въ вихрѣ вальса.

Борго былъ отличный танцоръ, а лэди Гленкора во дни

своего дѣлительства, страстно любила танцы. Министрисъ Маршамъ и мистеръ Ботъ все видѣли изъ другой комнаты и съ ужасомъ переменялись между собою.

— Зачѣмъ онъ уѣхалъ и оставилъ ее одну? прошепталъ мистеръ Ботъ.

— Но кто могъ этого ожидать, отвѣчала министрисъ Маршамъ.

— Полагаю, что вамъ надо будетъ довести до его свѣденія, какія дѣла здѣсь творятся.

— Но гдѣ я его теперь отыщу?

— Ну, да оно и не такъ къ сибѣ, проговорилъ мистеръ Ботъ.... Такъ вы думаете, продолжалъ онъ, что дѣло уже зашло такъ далеко?

— Ужъ я не знаю, что и думать.

Танцующіе кружились, пока изнеможеніе не заставило ихъ остановиться.

— Я такъ отвыкла танцевать, проговорила лэди Гленкору; еще я удивляюсь, какъ я могла сдѣлать столько туровъ.

Она говорила, задыхаясь, и ноздри ея раздувались, какъ у лошади послѣ быстрого бѣга.

— А еще туръ? спросилъ онъ.

— Погедите немного.

Зачѣмъ послѣдовала небольшая пауза.

— Не напоминаетъ ли это вамъ прошлое? спросилъ онъ вдругъ имѣнившіеся голосомъ.

Вопросъ этотъ заставилъ лэди Гленкору очнуться отъ сладкаго оцѣпенѣнія, въ которое она была погружена до сихъ поръ. Дѣйствительность разомъ сказала ей во всей своей полнотѣ.

— Не говорите о немъ, отвѣчала она чуть слышно.

— Отчего же мнѣ не говорить о немъ? подхватилъ онъ съ жаромъ. Вѣдь то была счастливая пора. Или вы не были счастливы тогда... Эхъ, да не лучше ли ужъ и думать перестать объ этомъ прошломъ?

— Гораздо лучше.

— Одно бѣда, что это невозможно. Дорого бы я далъ, Кора, чтобы заглянуть въ самую глубь вашего сердца и узнать, чего вы дѣйствительно желаете.

Въ былыя времена онъ всегда звалъ ее Корой, и теперь

это имя само собою, какъ бы по привычкѣ, сорвалось съ его языка.

— Вы дурно сдѣлали, что отыскиали меня въ толпѣ, проговорила она.

— Почему же дурно? Кто имѣлъ на это больше права, чѣмъ я? Кто любилъ васъ такъ, какъ я? Кора! получили ли вы мое письмо?

— Пойдемте танцевать, сказала она, вмѣсто отвѣта. Я вижу отсюда пару глазъ, которые слѣдятъ за нами.

Пара глазъ, про которую говорила лэди Гленкора, принадлежала мистеру Боту. Онъ стоялъ у притолки и отъ времени до времени приподнимался на цыпочки, чтобы лучше видѣть преступную чету. Мистрисъ Маршамъ съ нимъ не было; она уѣхала въ каретѣ лэди Гленкору въ паркъ Лэнъ, въ надеждѣ застать мистера Палливера дома.

— Бѣды бы намъ только не надѣлать? замѣтила она мистеру Боту, который подаль ей эту мысль.

— Хуже будетъ бѣда, если вы останетесь здѣсь. Онъ можетъ воротиться, а тамъ пускай поступаетъ, какъ знаетъ. А я, пока вы ѣздите, не буду спускать съ нихъ глазъ.

А влюбленная чета, между тѣмъ, вихремъ носилась по комнатамъ. Не одинъ мистеръ Ботъ слѣдилъ за ней въ недоумѣньи глазами. Глядѣла герцогиня Сентъ-Бонгай и съ состраданіемъ покачивала головою, потому что въ душѣ она была все-таки добрая женщина; глядѣла мистрисъ Конуэй Спарксъ и съ наслажденіемъ упивалась всѣми подробностями этой сцены, потому что въ душѣ мистрисъ Конуэй Спарксъ была недобрая женщина. Глядѣла и лэди Гартльтропъ и только брови приподнимала. Ей было все равно; она считала не лишнимъ принимать къ свѣденію все, что вокругъ нея дѣлалось, — и только; она была ни добра, ни зла и кровь ея всегда тевла ровно. Глядѣла, наконецъ, и лэди Монкъ и сердито хмурила брови.— Съумасшедшій! проговорила она про себя. Она поняла, что не слишкомъ-то подвиженъ онъ, такимъ образомъ, впередъ задуманное имъ дѣло.

— Получили ли вы мое письмо? спросилъ Борго снова, какъ только минутная остановка позволила ему перевести духъ.

Она не отвѣчала, но изъ самаго молчанія ея онъ понялъ, что письмо точно до нея дошло.

— Пойдемте на лѣстницу, проговорилъ онъ:—мнѣ нужно переговорить съ вами. Если бы вы знали, какъ мнѣ было тяжело, когда я напрасно прождалъ васъ въ Монкшэдѣ. Отчего вы тогда не пріѣхали?

— Я жалѣю, что и сюда-то пріѣхала.

— Потому, что встрѣтились здѣсь со мною? Нехорошее это сожалѣніе.

Говоря это, они медленно пробирались внизъ въ столовую, вслѣдъ за толпою гостей, валившюю туда же утолить свой голодъ и жажду. Лэди Гленнора машинально подняла глаза и встрѣтилась съ взглядомъ мистера Бота.—«Человѣкъ, которому ни по чемъ ставить меня въ такое положеніе, заслуживаетъ, чтобы я оставила его»,—мелькнуло у нея въ головѣ.

— Я принесу вамъ шампанскаго, разбавленнаго водою, сказалъ Борго. Я знаю, что это ваше любимое питье.

— Не носите мнѣ ничего, проговорила она.—Въ эту минуту они вошли въ столовую и, такимъ образомъ, укрылись на время отъ взглядовъ мистера Бота.—Мистеръ Фицджеральдъ, продолжала она, понизивъ голосъ до шопота:—исполните то, о чемъ я буду просить васъ. Ради того прошлаго, о которомъ вы напоминали мнѣ, ради того дорогого прошлаго, которое никогда не можетъ возвратиться...

— Богомъ клянусь, оно еще можетъ возвратиться, воскликнулъ онъ, и я ворочу его.

— Нѣтъ, этому не бывать. Но вы еще можете оказать мнѣ одну послѣднюю услугу: оставьте меня и не приходите болѣе. Вы мнѣ вредите, оставаясь со мною.

— Кора! проговорилъ онъ.

— Я не хочу этого, мистеръ Фицджеральдъ, отвѣчала она почти гнѣвно; я не хочу этого. Поступайте такъ, какъ я вамъ говорю: оставьте меня и не приходите болѣе. За нами слѣдять.

И дѣйствительно, зоркій взглядъ мистера Бота успѣлъ снова отыскать ихъ въ столовой.

— Кто за нами слѣдитъ? спросилъ Борго, и какое намъ до этого дѣло? Если вы только расположены сдѣлать то, что я вамъ предлагаю...

— Но въ томъ-то и дѣло, что я этого не ждала. Иди, вы не понимаете, что оскорбляете меня подобнымъ предложеніемъ?

— Да, Нора, вы правы: подобное предложеніе можетъ быть только оскорбительно, если вы радостно не отделинетесь на него всѣмъ сердцемъ. Но какое же въ немъ можетъ быть оскорбленіе, если вы сами желаете стать не его, а моею женою?

— Какъ могу я стать вашею женою? проговорила она чуть слышно.

— Бѣгите со мною за границу, тамъ это будетъ возможно. Вѣдь вы получили мое письмо? Сдѣлайте то, о чемъ я васъ прошу. Хотите бѣжать со мною... сегодня же?

Предложеніе было слишкомъ неожиданно и требовало слишкомъ скорого рѣшенія.

— Мистеръ Финджеральдъ, проговорила она, я просила васъ оставить меня; если вы этого не сдѣласте, я буду принуждена сама встать и уйти отъ васъ; это будетъ гораздо ватруднительнѣе.

— И это вашъ единственный отвѣтъ?

— Да... по крайней мѣрѣ, теперь.

— Я не уйду отъ васъ, проговорилъ онъ, пристально и сурово глядя ей въ лицо, — пока вы не скажете мнѣ, что мы снова увидимся съ вами.

— Хорошо, проговорила она чуть слышно.

— Когда же? когда?

Она оглянулась на дверь; боясь снова встрѣтить взглядъ мистера Бота, но, вмѣсто его, увидѣла входившаго мистера Паллизера. При видѣ мужа къ ней возвратилось все ея присутствіе духа; она не хотѣла показать, что сробѣла передъ нимъ.

— Вотъ мистеръ Паллизеръ идетъ, проговорила она своимъ обыкновеннымъ голосомъ.

Мистеръ Паллизеръ протѣснился сквозь толпу и подошелъ къ женѣ. И онъ тоже, съ своей стороны, умѣлъ владѣть выраженіемъ своего лица, не выдавая своей тайны. На лицѣ его не было замѣтно ни гнѣва, ни испуга, въ движеніяхъ не высказывалось особенной торопливости. Когда онъ подошелъ къ женѣ, Борго посторонился и леди Гленнора заговорила первая:

— А я была увѣрена, что ты давно уже отправился домой, сказала она.

— Я и былъ дома, но потомъ мнѣ пришло въ голову, что тебѣ не съ кѣмъ воротиться, и я пріѣхалъ за тобою.

— Вотъ такъ примѣрный мужъ. Что-жъ? я готова. — Мистеръ Фицджеральдъ, потрудитесь сходить въ комнату вашей тетушки; я тамъ позабыла маленькій шарфикъ, черный съ желтымъ: сдѣлайте одолженіе, принесите мнѣ его.

— Я самъ схожу за нимъ, вызвался мистеръ Паллизеръ.

— Но позвольте же мнѣ... началъ было Борго.

— Нѣтъ, я самъ могу это сдѣлать, перебилъ его мистеръ Паллизеръ и скрылся въ толпѣ.

Леди Гленнора дала себѣ слово ничего не говорить Борго Фицджеральду въ отсутствіе мужа. Величественная довѣрчивость, которую онъ выказалъ, оставивъ ихъ вдвоемъ, тронула ее невольно; къ тому же, она видѣла, что онъ прешедъ мимо мистера Бота, не сказать ему ни слова, и была ему благодарна за это. Борго, съ своей стороны, очевидно, понималъ, что на этотъ вечеръ, по крайней мѣрѣ, его дѣло проиграно.

— Какъ видно, мнѣ ничего болѣе не остается, какъ помолать вамъ спокойной ночи, проговорилъ онъ.

— Прощайте, мистеръ Фицджеральдъ, отвѣчала она, протягивая ему руку.

Онъ подержалъ ее съ минуту въ своей и удалился. Когда мистеръ Паллизеръ возвратился, — его уже не было.

Леди Гленнора стояла въ дверяхъ столовой, возлѣ самаго мистера Бота, когда вошелъ ее мужъ. Мистеръ Ботъ въ нѣсколько приемовъ пробовалъ съ нею заговорить, но она оставалась неподвижна, точно не къ ней обращались.

— А куда мы дѣнемъ мистрисъ Маршамъ? спросила она вслухъ, опираясь на руку мужа. Я совсѣмъ было про нее забыла.

— Мистрисъ Маршамъ уѣхала домой.

— Ты ее видѣлъ?

— Да.

— Когда же ты ее видѣлъ?

— Она заѣзжала въ паркъ Ленъ.

— Это зачѣмъ?

Этими вопросами и отвѣтами супруги обмѣнялись, усаживаясь въ карету. Послѣдній вопросъ лэди Гленкора шрадожила въ ту самую минуту, когда мистеръ Паллизеръ входилъ, вслѣдъ за нею, въ карету. Почему-то онъ не счелъ нужнымъ отвѣчать ей. Но молчаніемъ отъ нея не такъ-то легко было отдѣлаться.

— Съ какой стати мистрисъ Маршамъ прямо отъ лэди Монкъ отправилась къ тебѣ? переспросила она. — Мистеръ Паллизеръ снова промолчалъ, не зная еще хорошенько, что ему отвѣчать. — Полагаю, что она заѣхала, съ цѣлью разеказать тебѣ, что я танцую съ мистеромъ Фицджеральдомъ, продолжала лэди Гленкора. — Такъ, что ли?

— Мнѣ кажется, Гленкора, что лучше намъ отложить эти объясненія до болѣе удобнаго времени.

— Я вовсе не желаю пускаться въ объясненія по этому предмету ни теперь, ни послѣ. Если ты не хотѣлъ, чтобы я встрѣтилась съ мистеромъ Фицджеральдомъ, то зачѣмъ ты настоялъ, чтобы я ѣхала къ лэди Монкъ? Но, Пантагеметь, не во гнѣвъ тебѣ будь сказано, — съ нынѣшняго дня никакія соображенія въ мірѣ не заставятъ меня принять, какъ гостей, въ моеиъ собственномъ домѣ мистера Бота или мистрисъ Маршамъ.

Въ словахъ этихъ звучала вызывающая нота, которой мистеръ Паллизеръ до сихъ поръ не слышалъ въ рѣчахъ жены. Отъ природы онъ не обладалъ ея даромъ бойкаго слова и потому разсудилъ за лучшее не возражать ей.

— Завтра я буду завтракать съ тобою, сказалъ онъ ей, когда они вѣхали домой. Сегодня не жди меня; у меня еще много работы и я не хочу утруждать тебя своимъ приходомъ.

— Надѣюсь, что ты не заставишь меня завтра подняться чѣмъ свѣтъ?

— Нѣтъ, отвѣчалъ онъ и въ голосѣ его въ первый разъ послышалась досада.

— Назначь сама, какой тебѣ угодно часъ. Мнѣ нужно переговорить завтра съ тобою о происшествіяхъ нынѣшняго вечера.

— Не знаю, что такое ты можешь сказать мнѣ о нихъ; но я сойду въ столовую въ половинѣ двѣнадцатаго, если это будетъ тебѣ удобно?

Мистеръ Палливеръ отвѣчалъ, что надо такъ устроить, чтобы все это было удобно, и супруги равстались.

ГЛАВА XVII.

ПАЛЛИВЕРЫ ЗА ЗАВТРАКОМЪ.

Лэди Гленнора молодцомъ выдержала характеръ передъ мужемъ. Во все время, пока она была съ нимъ лицомъ къ лицу, она ни разу не потупила передъ нимъ глазъ и, простились съ нимъ на лѣстницѣ, спокойно прошла въ свою комнату. Сознаніе удачно исполненной роли поддерживало ее и тутъ, въ присутствіи горничной; но когда горничная, раздѣвая ее, удалилась, — куда дѣвалось это чувство торжества?

Оставшись одна, она, какъ была въ блузѣ, подѣла въ камельку; поставивъ ноги, обутыя въ туфли, на рѣшетку камина, она уперлась локтями въ колѣна и склонила голову на руки. Въ этомъ положеніи она просидѣла битый часъ, уставивъ глаза на камѣнные узоры, видѣвшіеся въ пылающихъ угольяхъ. Не на торжествующій ладъ были настроены ея мысли въ продолженіе этой бесѣды съ самой собою. Что были ей въ эту минуту какою нибудь мистеръ Ботъ и какая нибудь мистрисъ Маршамъ? Вѣдь въ сущности-то они были не болѣе, давъ докучливыя мухи, досаждавшія ей своимъ жужжаньемъ. Ужъ если она захочетъ уйти отъ мужа, — не имъ удержать ее. — Всѣ ея мысли въ эту минуту были сосредоточены на мужѣ и на Борго. О своемъ счастьи и спокойствіи она не думала; она знала, что какъ бы ни сложилось ея будущее, оно ничего не принесетъ ей, кромѣ горя. О томъ всеобщемъ позорѣ, который долженъ былъ вынестъ на ея домъ, если она нарушитъ свой брачный обѣтъ и послѣдуетъ за мелодѣномъ, несвязаннымъ съ нею брачными узами, она мало думала. То, что для Алисы было все, не имѣло въ ея глазахъ въ эту минуту почти никакого значенія. Что до нея касалось, то она сознавала, что давно уже погибла, и погибла по собственной винѣ, по неумѣью отстоять себя тамъ, гдѣ было мужир. Ее выдали за человѣка, для котораго жена и вообще женщина была послѣднимъ дѣломъ въ жизни, который вводитъ

жену для того только, чтобы имѣть отъ нея наследника; но и здѣсь судьба не заботѣла помочь лэди Гленкоръ, и домъ ея мужа оставался для нея непривѣтнымъ и чуждымъ. — Каждый разъ, какъ онъ глядитъ на меня, твердила она, онъ видитъ во мнѣ причину своего несчастья,

Думала она и о Борго. Она не скрывала отъ себя, что человѣкъ этотъ стоитъ, по своимъ нравственнымъ достоинствамъ, несравненно ниже ея мужа. Она знала, что онъ мотъ, пьяница, игрокъ. Но что ей было до всего этого? Она любила его; то былъ единственный человѣкъ, котораго она когда-либо любила. — Все ниже и ниже наклонялась она къ мамину; когда же уголки померкли и измѣнчивые узоры въ нихъ исчезли, она кинулась въ постель. О томъ, что она скажетъ мужу на слѣдующій день, она такъ и не дала себѣ труда подумать.

Ровно въ половинѣ двѣнадцатаго она вошла въ хорошенькую камнату, служившую ей столовой и выходящую окнами въ паркъ. Мистеръ Паллизеръ былъ уже тамъ и пробѣгалъ утренній номеръ газеты. Онъ сдѣлалъ нѣсколько шаровъ въ шей на встрѣчу и восхулся губами ея идеи.

— Ну что, не болитъ у тебя сегодня голова? спросилъ онъ.

— О, нѣтъ, нисколько, отвѣчала она.

Затѣмъ онъ принялся за свой завтракъ, перекинулся съ нею нѣсколькими словами о погодѣ, о новостяхъ дня и снова погрузился въ чтеніе газеты, имѣвшей для него всемогущій интересъ. Въ газетѣ приводилась рѣчь одного благороднаго пара, въ которой намекалось на весьма, будто бы, близкія перемѣны въ составѣ кабинета. О офціальныхъ извѣстіяхъ объ ожидаемыхъ перемѣнахъ пока еще не доходило до мистера Паллизера, но онъ зналъ, что если слухъ этотъ дѣйствительно оправдается, то перемѣна будетъ неизбежна въ его пользу. Онъ чувствовалъ, что приближается осуществленіе самыхъ заветныхъ его желаній, что на рукахъ у него такое дѣло, которое должно сосредоточить въ себѣ всѣ его помыслы, и въ такую-то минуту ему предетояло объясняться съ женою о происшествіяхъ вчерашняго вечера! Да ужъ полно, необходимо ли было подобное объясненіе? Одна мысль о немъ отравляла для него всю радость удача, предвидѣвшейся ему на политическомъ поприщѣ. Ему и въ голову не приходило, чтобы въ отношеніяхъ его

жены къ Фидджеральду было что нибудь серьезное; онъ не ревновалъ, потому что былъ неспособенъ на ревность. Онъ зналъ, что, при неизвѣстнаго рода обстоятельствахъ, свѣтъ потребуетъ отъ него, чтобы онъ заявилъ себя активнымъ вмѣшательствомъ въ дѣла жены, но это не мѣшало ему смотрѣть на предстоявшее объясненіе, какъ на тяжелую обузу. Легче бы ему было отхватать наизусть передъ палатой депутатовъ столбцовъ десять какихъ угодно цифръ, чѣмъ сдѣлать замѣчаніе женѣ. Но лэди Гленкора сама бросила ему перчатку, объявивъ, что не захѣмъ болѣе принимать его друзей. Военнопинаніе объ этой выходкѣ привело мистера Падлизера къ тому заключенію, что этого дѣла такъ оставить нельзя.

Тѣмъ не менѣе, пока продолжался завтракъ, онъ не разстался съ своею газетою, вѣрѣдка сообщая женѣ вычитанныя имъ извѣстія, причемъ старался поддержать обычный тонъ, который привыкъ употреблять при чтеніи подобныхъ матримоніальныхъ лекцій политики. Но попытка его не удавалась. Лэди Гленкора, у которой не было газеты въ рукахъ и которая вовсе не старалась отвести глаза себѣ или другимъ, заговорила первая:

— Плантагенеть, начала она, ты предупредилъ меня вчера, что имѣешь что-то сказать мнѣ, по поводу бала лэди Монкъ.

Онъ медленно отложилъ въ сторону газету и повернулся къ ней лицомъ.

— Да, милая, послѣ того, что случилось, мнѣ кажется, я не въ правѣ молчать.

— Если тебя беспокоитъ какая нибудь мысль, то, пожалуйста, выскажи ее.

— Не всегда-то такъ легко бываетъ высказать свою мысль; отвѣчалъ онъ. Я боюсь одного, чтобы ты не приписала мнѣ чужихъ мыслей, отъ которыхъ я, въ сущности, далекъ. И вотъ почему я предпочелъ отложить это объясненіе до нынѣшняго утра: я не хотѣлъ говорить сторяча.

— Напрасно; когда на меня сердятся, я лучше люблю, чтобы мнѣ это высказывали сторяча. Терпѣть не могу кладънокровнаго гнѣва.

— Но я не сержусь.

— Это всё мужья говорятъ, когда собираются задать головомошку.

— Но я никакой головомошки не собираюсь задавать. Я хочу только дать тебѣ совѣтъ.

— По мнѣ ужь лучше головомошка. Эти совѣты на столько же хуже отировенной брани, на сколько хладнокровный гнѣвъ хуже словъ, сказанныхъ сгоряча.

— Но, милая Гленнора, согласиись, что если я какому нужнымъ высказать свое мнѣніе...

— Я вовсе не желаю мѣшать тебѣ говорить, Пантагенетъ. Пожалуйста, продолжай. Только я отъ души буду рада, когда это объясненіе будетъ у меня за плечами.

— Гленнора, замѣтилъ онъ, неужели ты и на минуту не можешь отложить шутки въ сторону?

— Я во все не шучу, отвѣчала она и откинулась въ креслѣ съ тѣмъ шаловливымъ видомъ, который такъ не нравился ея мужу.

— Бѣдное дитя! Не шутками долженъ былъ окончиться для нея этотъ разговоръ.

— Знаешь ли ты, зачѣмъ мистрисъ Маршамъ приѣзжала сюда вчера съ бала лэди Монъ?

— Какъ не знать! Она приѣзжала рассказать тебѣ, что я танцую съ Борго Фидджеральдомъ. Кстати бы ужь ты спросилъ у меня, знаю ли я, зачѣмъ мистеръ Ботъ, то и дѣло, торчалъ къ дверяхъ, не сводя съ меня глазъ.

— Про мистера Бота я ничего не знаю.

— За то я кое-что знаю, проговорила она, нетерпѣливо повертываясь въ креслѣ.

— Я говорю въ настоящую минуту про мистрисъ Маршамъ.

— Говоря про одну, ты непременно долженъ говорить и про другого. Это неразлучная парочка.

— Слажи, пожалуйста, Гленнора: намѣрена ты меня выслушать или нѣтъ? Если ты скажешь, что нѣтъ, то я, по крайней мѣрѣ, буду знать, что мнѣ дѣлать.

— Ну, этого я не думаю, Пантагенетъ.—И говоря это, она кивнула ему своей маленькой головкой.—Я, по крайней мѣрѣ, не знаю, чтобы ты тогда сталъ дѣлать. Но такъ и быть, я выслушаю тебя, только, какъ я уже сказала тебѣ, я отъ души была бы рада, если бы это объясненіе было у меня за плечами.

— Мистрисъ Маршамъ прѣѣжала сюда не за тѣмъ только, чтобы просто сказать мнѣ, что ты танцуешь съ мистеромъ Фицджеральдомъ... и встати, я преслѣлъ бы тебя, когда ты о немъ говоришь, называть его мистеромъ Фицджеральдомъ...

— Я такъ и дѣлаю.

— Нѣтъ, ты обыкновенно называешь его не только по фамилии, но и по имени, а это совершенно лишнее.

— Постарайся стучаться отъ этого, криво проговорила она:—но съ старыми привычками расставаться такъ трудно. Ты знаешь, что прежде, чѣмъ ты женился на мнѣ, мы были на столько близки, что я называла его Борго.

— Дай же мнѣ договорить.

— Однѣмъ одолженіе.

— И такъ, мистрисъ Маршамъ прѣѣжала сюда не за тѣмъ только, чтобы сказать мнѣ, что ты танцуешь съ мистеромъ Фицджеральдомъ...

— И не за тѣмъ только, чтобы посмотрѣть, какъ я танцую, мистеръ Ботъ преслѣдовалъ меня, какъ тѣбя, изъ комнаты въ комнату.

— Перестанешь ли ты, Гленнора, на каждомъ словѣ колоть мнѣ глаза мистеромъ Ботомъ?

— А ты, Плантагенетъ, перестанешь ли колоть мнѣ глаза твоей мистрисъ Маршамъ?

— Мистеръ Паллизеръ съ нетерпѣливымъ движеніемъ всталъ съ своего мѣста и черезъ минуту снова сѣлъ.

— Ну, не сердись, Плантагенетъ, продолжала она. Если не ошибаюсь, я угадала твою мысль и я буду молчать, пока ты самъ не разрѣшишь мнѣ говорить.

— Мистрисъ Маршамъ прѣѣжала сюда потому, что замѣтила, что ты обращаешь на себя вниманіе цѣлаго общества.—Люди Гленнора только повернулась въ своемъ креслѣ, но не сказала ни слова.—Она видѣла, что ты не просто танцуешь съ мистеромъ Фицджеральдомъ, но танцуешь... Какъ бы это мнѣ выразиться?

— Право, не могу тебѣ подсказать.

— Танцуешь съ полимымъ пренебреженіемъ во всему остальному.

— Вотъ какъ! То есть, къ чему же это остальному?

— Къ тому, что объ этомъ скажутъ другіе, къ тому, какъ

я взглянула на это дѣло, какъ твоимъ собственному удовольствію, нивотецъ.

— Позволено мнѣ теперь говорить?

— Нѣтъ, ужь дай мнѣ лучше кончить. По моему мнѣнію, она очень хорошо сдѣлала, что пріѣхала мнѣ сказать о всемъ этомъ.

— Еще бы нехорошо! Что проку въ шпионахъ, если они тотчасъ же не являются докладывать, чуть поддѣлать чтонибудь такое неприличное.

— Гленнора, мнѣ кажется, поклялась равноудить меня. Теперь я дѣйствительно сердить, очень сердить на тебя. Я никогда не держалъ шпионовъ. Когда до меня дошли до-таки слухи, то вѣдь черезъ шпионовъ, какъ тебѣ угодно было выразиться, а черезъ лунца твоихъ друзей и моихъ же...

— До тебя дошли слухи черезъ лучшихъ моихъ друзей? Что ты хочешь этимъ сказать?

— Не въ томъ дѣло. Не перебивай меня.

— Ну, дѣтъ, этого я не могу такъ оставить. Про какихъ это моихъ друзей ты намекаешь? Ужь не про Алису де Вальдоръ? У меня нѣтъ другихъ друзей.

— Про кого бы я ни говорилъ—это неважно. И такъ, когда меня предостерегали, чтобы я не пускалъ тебя въ тотъ домъ, гдѣ ты можешь встрѣтиться съ этимъ человекомъ, я не слышать ничего не хотѣлъ. Я сказалъ на это, что ты моя жена и что, слѣдовательно, я могу смѣло пускать тебя, куда угодно, не опасаясь никакихъ встрѣчъ. Пускай не доверяютъ тебѣ другіе, мнѣ до этого дѣла нѣтъ. Когда я настаивалъ, чтобы ты ѣхала въ Моцшадъ,—кому было тамъ слѣдить за тобою въ качествѣ шпиона? Когда я оставилъ тебя вчера у леди Монъ, неужели ты думаешь, что я болѣе полагался на мистрисъ Маршамъ, чѣмъ на твою собственную честность? Или ты думаешь, что мнѣ когда-либо приходило въ голову опасаться мистера Фиджеральда?

— Нѣтъ, Плянтагенетъ, я этого не думаю.

— Скажи мнѣ, Гленнора: думаешь ли ты, что я пристравилъ мистера Бота слѣдить за твоимъ поведеніемъ?

Она промолчала съ минуту, не зная хорошенько, что она думаетъ объ этомъ въ дѣлѣ.

— Между тѣмъ, оный видимымъ образомъ слѣдять за мною, проговорила она.

— Это не отвѣтъ на мой вопросъ. Скажи мнѣ: думаешь ли ты, что оны это дѣлаютъ по моему порученію?

— Нѣтъ, я этого не думаю.

— А если не думаешь, то добросовѣстно ли съ твоей стороны говорить, что я овружаю тебя шпионами? Если бы дѣйствительно дошло до того, что я считалъ бы нужнымъ окружать тебя шпионами, то между нами давже все было бы кончено.

И въ полесѣ его завучало въ эту минуту неподдѣльное, почти горячее чувство, которое не могло не тронуть его жену. Былъ ли бы какой прокъ отъ шпионовъ, или нѣтъ, не въ томъ дѣло. Она считала, что поступила именно такъ, какъ оны считали ее неспособной поступить. Въ эту самую минуту у нея въ карманѣ лежало письмо ее впрочемъ возлюбленнаго, въ которомъ тотъ звалъ ее бѣжать съ собою, а она сама еще не рѣшила, какъ ей поступить въ этомъ отношеніи. Полное довѣріе, которое выказывалъ ей мужъ, только глубже давало ей чувствовать, какъ мало она оправдала это довѣріе.

— Я знаю, что не умѣла сдѣлать тебя счастливымъ, проговорила она, — и никогда не сумѣю.

Она поглядѣла на нее, пораженный ея измѣнившимся голосомъ, и рѣдѣлъ, что она вся уже стала не та.

— Я не понимаю, что ты хочешь сказать, отвѣчала оны; я никогда и не думала жаловаться. Несчастливъ я съ тобою не была.

Она была изъ тѣхъ людей, которымъ и этого довольно. Правда, жена могла бы дать ему и болѣе: она могла бы родить ему наследника, но человекъ оны былъ справедливый и не ставилъ ей въ вину того, что было дѣломъ несчастнаго случая.

Цюпина прорвалась и леди Гленжора продолжала, сначала съ разстановкой, потомъ все свободнѣе и свободнѣе, съ полнымъ спокойствіемъ глубокаго, страстнаго чувства:

— Нѣтъ, Пилатонетъ, я никогда не сумѣю сдѣлать тебя счастливымъ. Ты никогда не любишь меня, я никогда не любила тебя. Я была неправа, что попрекнула тебя шпионами; я была неправа, что попрекала въ леди Монкъ; во всемъ, что я ни дѣлала, я была кругомъ виновата; но первую же

худшему моему винею было то, что я пошла за тебя замужъ.

— Гвеннора!

— Дай мнѣ договорить, Пантагенетъ: лучше, если ты узнаешь всю правду и я скажу тебѣ ее. Я скажу тебѣ все, все! Я люблю Борго Финджеральда, люблю его всѣмъ сердцемъ. Да и какъ мнѣ не любить его? Вѣдь я любила его съ самаго начала, прежде еще, чѣмъ узнала тебя, и ты зналъ, что это было такъ. Когда я вчера поѣхала къ лэди Монкъ, я поѣхала почти съ твердымъ намѣреніемъ сказать ему, что люблю его и готова бѣжать съ нимъ, хоть на край свѣта. Но когда онъ подошелъ ко мнѣ и заговорилъ со мною...

— Такъ онъ предлагалъ тебѣ бѣжать? спросилъ мужъ, въ груди котораго ядъ начиналъ уже дѣйствовать.

Гвеннора тотчасъ же спозвятилась. Не ея позвѣтіемъ о чести, она была властна открывать свои собственные тайны, но это не давало ей права выдавать тайны любовника.

— Или ты думаешь, проговорила она, что подобное предложеніе неумѣнно нужно тамъ, гдѣ люди такъ любятъ другъ друга, какъ мы съ нимъ?

— Такъ ты хотѣла бѣжать съ нимъ?

— Развѣ это не было бы для тебя же лучше Пантагенетъ? Я не люблю тебя, какъ другія жены любятъ своихъ мужей, но, Богомъ клянусь тебѣ, я прежде всего желаю развязать тебѣ руки, избавивъ тебя отъ такой жены, какъ я.

И говоря это, она встала, подошла къ нему и взяла его за бортъ сюртука. Ошеломленный, онъ сдѣлалъ шагъ назадъ, но не сказалъ ни слова и только глядѣлъ на нее; а она, между тѣмъ, продолжала:

— И не все ли равно, куда я избуду себя,—въ воду ли брошусь, или съ нимъ уйду, лишь бы ты могъ взять другую жену и имѣть отъ нея ребенка? Я умерла бы охотно, а бы рада была умереть, Пантагенетъ, я убила бы себя, если бы у меня достало духу.

Онъ былъ высвѣій мужчина, а она была маленькаго роста, такъ что ему приходилось глядѣть на нее сверку внизъ. Она закинула головку и глядѣла ему прямо въ лицо.—Видитъ Богъ, твердила она, я желала бы умереть. Въ жизни мнѣ ничего болѣе не остается.

Медленно, осторожно, почти робко онъ обвилъ рукою ея талию.

— Въ одномъ ты только ошибаешься, проговорилъ онъ:— я люблю тебя.

Она покачала головою, причѣмъ джюки ея скользнули по его груди.

— Я люблю тебя, повторилъ онъ. Если ты хотѣла сказать, что я не умѣю высказывать своихъ чувствъ, то ты права. Голова моя постоянно работаетъ въ другомъ направленіи.

— Да, проговорила она, голова твоя постоянно работаетъ въ другомъ направленіи.

— Но все же я люблю тебя. Если ты не можешь любить меня, то это большое несчастье для насъ обоихъ, но это еще не причина идти намъ на встрѣчу своему собственному позору. Что же касается до другого обстоятельства, на которое ты намекнула,—до нашей бездѣтности—и говоря это, онъ плотнѣе прижалъ ее къ себѣ рукою,—то напрасно ты такъ много объ этомъ думаешь; ни разу, даже въ мысляхъ, я не позволилъ себѣ упрекнуть тебя въ этомъ несчастіи.

— Не говори ты мнѣ этого, я знаю твои мысли.

— Вѣрь мнѣ, что ты ошибаешься. Конечно, я желалъ ребенка и самыя старанія мои скрыть это желаніе выдавали его еще болѣе, но я никогда не игралъ передъ тобою, Гленкора.

— Это такъ; лжи въ тебѣ нѣтъ.

— Ты мнѣ, хотя бы и бездѣтная, будешь болѣе милою женою, чѣмъ всякая другая женщина, лишь бы ты полюбила меня. Скажи, попытаешься ли ты полюбить меня?

Она ничего не отвѣчала. Послѣ только-что сдѣланнаго ею признанія, языкъ у нея не новарачивался даже сказать, что она попытается: этимъ она показала бы, что слишкомъ легко принимаетъ его прощеніе.

— Мнѣ кажется, милая, сказалъ онъ, все еще продолжая держать ее за талию:—что намъ лучше всего уѣхать на время въ Англїю. Я удалюсь отъ общественныхъ дѣлъ на остатокъ этого сезона. Скажи, гдѣ ты хочешь провести лѣто, въ Швейцарїи ли, или гдѣ нибудь на водахъ въ Германїи? На зиму же мы могли бы уѣхать въ Италію.—Она все еще молчала.—Быть можетъ, продолжалъ онъ, твоя прїятельница, миссъ Вавалоръ, согласится ѣхать съ нами?

Доброта его дѣйствовала на нее убійственно. У нея не доставало силъ отвѣчать ему словами. Но при имени Анны она тихо приподняла руку и коснулась его руки.

Въ эту минуту кто-то громко постучался въ дверь. Секунду спустя, стукъ снова повторился.

— Войдите, крикнулъ мистеръ Паллизеръ, выпуская жену изъ объятий и отступая отъ нея на нѣсколько шаговъ.

ГЛАВА XVIII

ГЕРЦОГЪ СЕНТЬ-БОНГАЙ ПРИСКИВАЕТЪ МИНИСТРА.

Стучался въ дверь никто иной, какъ самъ дворецкій, появленіе котораго заставляло предполагать случай особенной важности: по какому нибудь обыкновенному дѣлу явился бы съ докладомъ ливрейный лакей.

— Честь имѣю доложить, сэръ, что герцогъ Сентъ-Бонгай пріѣхалъ.

— Герцогъ Сентъ-Бонгай! повторилъ мистеръ Паллизеръ, и лицо его вспыхнуло при этомъ имени.

— Такъ точно-съ. Ихъ свѣтлость прошли въ библіотечку и прислали меня сказать, что имъ очень нужно васъ видѣть.

— Хорошо; скажите его свѣтлости, что я сейчасъ буду.

Дворецкій удалился и мистеръ Паллизеръ снова остался съ глазу на глазъ съ женою.

— Я долженъ тебя оставить теперь, милая, проговорилъ онъ, — и мы, быть можетъ, не увидимся до вечера.

— Не разстройвай изъ-за меня своихъ плановъ.

— О, нѣтъ, ты и не будешь причиною никакого расстройства. Полагаю, что ты одвнешься часамъ къ девяти?

— Я не въ томъ смыслѣ говорила. Ты не долженъ болѣе думать о поѣздѣ въ Итацію; онъ пріѣхалъ предложить тебѣ министерскій портфель.

При этихъ словахъ онъ снова весь вспыхнулъ.

— Быть можетъ, ты угадала, отвѣчалъ онъ, но это еще не обязываетъ меня принять предложеніе. — Однако, мнѣ не слѣдуетъ заставлять герцога дожидаться. Прощай.

Онъ оцѣ направился въ дворъ. Она последовала за нимъ, взяла его за обѣ руки и, крѣпко сжимая ихъ, глянула ему въ лицо полными слезъ глазами. Онъ ласково улыбнулся ей, отвѣчалъ на ея пожатіе и ушелъ, но нецѣловалъ ее. Не поцѣловалъ же онъ ее не потому, что бы не хотѣлъ, а потому, что въ настоящемъ случаѣ это казалось ему неумѣстнымъ. — Онъ говоритъ, что любить меня, подумала про себя лэди Гленнора, но онъ понятія не имѣетъ о томъ, что такое любовь.

Но это не мѣшало ей сознавать, что его поступокъ въ отношеніи ея дышалъ истиннымъ, высокимъ благородствомъ. Оставшись одна, она вынула изъ кармана роковое письмо и, разорвавъ его на мелкіе куски, бросила въ огонь. Этимъ движеніемъ она запечатлѣла единственное твердое рѣшеніе, къ которому успѣла придти: будь, что будетъ, она выкинетъ на будущее время всякую мысль о бѣгствѣ съ Борго Фицджеральдомъ.

Она могла мечтать объ этомъ бѣгствѣ; у нея даже достало мужества во всемъ признаться мужу; но какъ скоро дошло дѣло до исполненія того, о чемъ она мечтала, мужество покинуло ее. И вотъ почему, сознавая въ себѣ недостатокъ рѣшимости, она разорвала письмо и бросила его въ огонь.

Что касается мистера Паллизера, то въ его распоряженіи немного оставалось времени для размышленій до свиданья его съ герцогомъ. Но, по дорогѣ въ библиотеку, нѣсколько мыслей мелькнуло у него въ головѣ. Она созналась ему во всемъ и онъ простилъ ее; онъ не совсѣмъ былъ увѣренъ въ то, что былъ правъ, поступая такимъ образомъ; но одно было для него ясно: теперь дѣло уже сдѣлано и все прошлое должно быть предано забвенію. Теперь всякіе упреки неумѣстны и надо будетъ молча отстранить мистрисъ Маршамъ отъ ея надзирательской должности.

Что же касается мистера Бота, то мистеръ Паллизеръ начиналъ просто ненавидѣть этого человѣка и платилъ ему самымъ чернымъ неблагодарностью за попытку шепнуть ему слова да на ухо въ дверяхъ столовой лэди Монъ.

Разъ вызвавшись вѣхать въ чужіе края и удалиться отъ общественныхъ дѣлъ, мистеръ Паллизеръ не взялъ назадъ свое слово даже и тогда, когда жена высказала ему предположеніе,

что герцогъ Сентъ-Бонгай прїѣхалъ предложить ему давно желанный портфель. При этой мысли тяжело у него стало на сердцѣ. — Другого такого случая, думалъ онъ, врядъ ли ему дождаться въ будущемъ.

Когда онъ черезъ годъ возвратится изъ за-границы, онъ будетъ въ политическомъ мїрѣ нулемъ. Все то, для чего онъ трудился цѣлую жизнь, будетъ для него потеряно безвозвратно. Но человѣкъ этотъ былъ своему слову господинъ, и онъ вошелъ въ библіотеку, твердо рѣшившись сдержать свое обѣщаніе.

— Извините, герцогъ, заговорилъ онъ:—я, кажется, заставилъ васъ дожидаться.

И политическіе единомышленники пожали другъ другу руки.

Герцогъ съ сіяющимъ лицомъ поспѣшилъ объявить, что это ничего не значитъ, что онъ радъ-радешенекъ, что засталъ своего друга дома и что совсѣмъ уже было приготовился, въ противномъ случаѣ, дождаться возвращенія мистера Паллизера.

— Вы уже, конечно, догадываетесь, заключилъ онъ, зачѣмъ я прїѣхалъ?

— Я отгадывать не мастеръ и предпочитаю услышать это отъ васъ, отвѣчалъ мистеръ Паллизеръ, улыбаясь; но улыбка быстро исчезла съ его лица, когда онъ вспомнилъ объ обѣщаніи, данномъ имъ женѣ.

— Онъ наконецъ-таки подалъ въ отставку. Послѣ того, что было сказано вчера въ палатѣ пэровъ, онъ не могъ долѣе оставаться, или же Лордъ-Брокъ долженъ былъ объявить себя достаточно сильнымъ, чтобы отстоять его, будь что будетъ. Теперь, конечно, я все вамъ могу сказать. Одному изъ насъ неизбѣжно надо было выйти изъ кабинета — ядъ ему, или мнѣ. Вы знаете, что, какъ министр, онъ мнѣ не по душѣ. Я преклоняюсь передъ его нравственными достоинствами, отдаю полную справедливость его блестящимъ дарованіямъ, но, какъ государственный мужъ, онъ, по моему мнѣнію, опаснѣйшій въ мїрѣ человѣкъ. Онъ руководится возвышенными принципами, до того возвышенными, что они ускользаютъ изъ глазъ обыкновенныхъ смертныхъ. Самая эта возвышенность дѣлаетъ ихъ непримѣнными въ обыденной жизни. У него недостаетъ политическаго чутья; онъ доходитъ до своихъ умо-

каждотелѣнъ путемъ философской дедукціи. А въ политикѣ, по моему мнѣнію, слѣдуетъ гораздо болѣе полагаться на чутье, чѣмъ на отвлеченныя умозрѣнія. По всемъ вѣроятіямъ, онъ знаетъ до тонкости, какъ слѣдовало бы управлять Англіею три вѣка тому назадъ, но въ дѣлѣ современнаго управленія онъ ни бельмеса не смыслитъ. Брокъ не-то любитъ, не-то боится его. Онъ любитъ въ немъ его увлекающее краснорѣчіе, его мощныя дарованія; но его пугаетъ его неутомимая дѣятельность и ему положительно не по сердцу философскій складъ его ума. Ну, да какъ бы тамъ ни было, онъ выбылъ изъ нашей среды и я кричалъ съ тѣмъ, чтобы просить васъ занять его мѣсто.

Подо конецъ этой маленькой рѣчи герцога сіялъ удовольствіемъ и какою-то добродушною игривостью. Все, по-видимому, устраивалось такъ, какъ онъ давно желалъ. Въ мистеръ Паллизеръ онъ видѣлъ надежнаго правительскаго дѣятеля; онъ, по его мнѣнію, принадлежалъ именно къ той породѣ людей, изъ которой Англія всегда должна была бы выбирать себѣ министровъ. Герцогъ первый заговорилъ во всеулыбчаніе о томъ, что изъ мистера Паллизера выйдетъ со временемъ превосходный канцлеръ казначейства; и онъ смотрѣлъ на него, въ иѣноторомъ родѣ, какъ на своего питомца. Все устраивалось именно такъ, какъ желалъ герцогъ, и онъ уже собирался отпраздновать побѣду вмѣстѣ съ своимъ молодымъ другомъ прежде, чѣмъ уѣхать изъ его дома.

— Кто же еще подаетъ вмѣстѣ съ нимъ въ отставку? спросилъ мистеръ Паллизеръ, желая отсрочить роковую минуту своего собственнаго приговора. Но онъ тотчасъ же вспомнилъ, что, при существующихъ обстоятельствахъ, не имѣлъ права предлагать подобный вопросъ, неизмѣнный ничего общаго съ принятымъ имъ рѣшеніемъ. — Впрочемъ, продолжалъ онъ, не въ томъ дѣло. Къ сожалѣнію, я, вѣроятно, буду вынужденъ отказаться отъ того, что вы мнѣ предлагаете.

— Отказаться! воскликнулъ герцогъ, котораго менѣе изумило бы, если бы мистеръ Паллизеръ задумалъ отказываться отъ райскаго блаженства.

— Къ сожалѣнію, да. Герцогъ всталъ съ своего мѣста и оперся обѣими руками о столъ. Вся его добродушная веселость исчезла, съ

все другое лицо его вышло, почти до слезного. Глаза и губы его выжились изобразить упрек, но выражение его сдержалось въ выражении досады. Съ самаго начала бесѣды, былъ не переставалъ похвально въ уши первому министру про мистера Палливера, и вдругъ... Но нѣтъ, онъ не могъ, не хотѣлъ этому вѣрить.

— Быть не можетъ, Палливеръ, проговорилъ онъ: — вы, вѣрно, забрали себѣ въ голову какую нибудь пресumptивную идею. Я не вижу ни малѣйшей причины, почему бы вамъ не примкнуть къ намъ. Самъ Файспонъ будетъ насъ поддерживать, но крайней мѣрѣ, на первыхъ порахъ. (Файспонюмъ звали того самаго джентльмена, объ удаленіи котораго изъ кабинета только что возвѣстали герцогъ Сентъ-Бонгай).

— Меня не это останавливаетъ, отвѣчалъ мистеръ Палливеръ, сознавая, быть можетъ, въ душѣ, что онъ служилъ бы управиться съ возложенными на него обязанностями, даже и безъ поддержки мистера Файспона. — Удерживаетъ меня вовсе не страхъ передъ оппозиціей.

— Такъ что же васъ, скажите на милость, можетъ удерживать? А я было на васъ, Палливеръ, какъ на каменную гору полагался. И я былъ въ правѣ это дѣлать. Не вы ли сами, ибѣяще телу назадъ, высказывали полную готовность вступить въ нашъ кабинетъ, если только случай въ току представится? Ну, скажите, развѣ это не было такъ?

— Ваша правда, герцогъ. Но теперь я попрошу васъ выслушать меня; то, что я долженъ вамъ сказать, я всего охотнѣе сохранилъ бы отъ всѣхъ въ глубочайшей тайнѣ.

И при этихъ словахъ лицо его искажилось выраженіемъ душевной муки.

— Не понимаю, возразилъ герцогъ, хоть убейте, не понимаю, изъ за какихъ соображеній вы выдаете свою партію въ самую критическую минуту.

— Я общаюсь женѣ свозить ее за границу.

— Ничего-то! проговорилъ герцогъ, глядя на него съ изумленіемъ и въ то же время съ легкимъ отъвѣкомъ прежней добродушной веселости на лицѣ. — Но кто же вѣдитъ въ это время года за границу? А когда парламентъ разойдется, тогда, конечно, ничто не мешаетъ отлучиться на время. — Я общаюсь вѣхать немедленно.

— Въ такомъ случаѣ, настоящее положеніе наше требуетъ, чтобы вы взяли назадъ свое обещаніе. Я убѣжденъ, что леди Гленнора сумѣетъ понять это.

— Вы не обидѣли меня, герцогъ, и я, болѣе, чѣмъ буду признателенъ въ необходимость допущать вамъ изъясненія такихъ вещей; которыя, при другихъ обстоятельствахъ, я не позволилъ бы себѣ навязывать вашему вниманію.

— Вы можете быть увѣрены, Паллизеръ, что я вовсе не желаю заглядывать въ семейныя тайны.

— Позвольте, герцогъ. Сегодня у насъ съ женою былъ разговоръ, въ слѣдствіе котораго я убѣдился, что для нея необходимо въ настоящую минуту удалиться изъ Англіи. Выгнать прѣвѣдъ какъ разъ засталъ насъ на этомъ разговорѣ, и я только-что далъ ей слово ѣхать съ нею.

— Но, Паллизеръ, подумайте. Если бы дѣло это было пустое, я и не настаивалъ бы; но у человѣка въ вашемъ положеніи есть обязанности передъ обществомъ; его дѣятельность принадлежитъ его отечеству. Онъ не въ правѣ идти назадъ, если бы даже это и было для него возможно.

— Разъ давши честное слово, не думаю, чтобы человѣкъ былъ въ правѣ отъ него отступаться.

— Конечно, нѣтъ; но ему могутъ вернуть данное слово назадъ. Леди Гленнора..

— Жена, конечно, охотно возвратила бы мнѣ данное ей слово. Но дѣло не въ томъ. Ея счастье зависитъ отъ этой поѣздки, и я отчасти самъ виноватъ, что это такъ. Я не могу вамъ обстоятельно объяснить, почему именно я нахожусь въ нужденнѣмъ отказываться отъ того, для чего работалъ въ теченіе всей своей жизни.

— Помилуйте, и я не требую никакихъ объясненій! Если это дѣло тѣмъ настоятельной необходимостью....

— Да; это дѣло дѣйствительно самой настоятельной необходимости.

— Быть можетъ, не передумаете ли вы еще (я) бы могъ дать вамъ двадцать четыре часа на размышленіе. — Мисстеръ Паллизеръ отвѣчалъ не вдругъ, и герцогу показалось, что онъ смущается. — А что имѣла леди Гленнора блѣднѣе, нежели говорить съ самой леди Гленнорой?

— Это ни на что не поведетъ, герцогъ. Она, конечно, съ

перваго же слова объявить, что остается въ Лондонѣ; но на мнѣ, тѣмъ не менѣе, останется обязанность увезти ее за границу.

— Ну, объ этихъ вещахъ я не могу судить. А все же другой такой случай, пожалуй, и не представится. И подумайте, въ ваши годы, вы отказываетесь отъ самаго блестящаго политическаго положенія, какое только доступно честолюбію мужчины! Слышанное ли дѣло: человѣку еще тридцати лѣтъ нѣтъ и его считаютъ способнымъ занять должность канцлера назначейства, а онъ отказывается потому, что хотѣть везти жену свою за границу! Да если бы она, Палливеръ, умерала, и то вы, при существующихъ обстоятельствахъ, должны были бы остаться. Пускай бы она ѣхала, но ваше мѣсто было бы здѣсь.

Мистеръ Палливеръ просидѣлъ нѣсколько минутъ молча, потомъ всталъ и отошелъ въ окно.

— Есть вещи, которыя хуже смерти, проговорилъ онъ, стоя къ герцогу спиною. Слова эти были сказаны очень тихо, почти шопотомъ и слеза дрожала на его рѣсницахъ, когда онъ ихъ произносилъ; но, какъ ни тихо они были сказаны, герцогъ разслушалъ ихъ и понялъ, что ему не слѣдуетъ продолжать разговоръ на эту тѣму.

— И вы ни въ какомъ случаѣ не измѣните своего рѣшенія?— спросилъ герцогъ.

— Я не могу его измѣнить. Но вашъ пріѣздъ такъ быстро происходилъ за моимъ рѣшеніемъ ѣхать за границу— оно было принято всего какихъ нибудь десять минутъ передъ тѣмъ, какъ мнѣ доложили о вашемъ посѣщеніи, — а потому вы позволите мнѣ воспользоваться отсрочкой, которую вы мнѣ только что предлагали. Съ меня и нѣсколькихъ часовъ будетъ довольно. Можно ли мнѣ будетъ повидаться съ вами сегодня вечеромъ, часовъ въ восемь? Если въ верхней палатѣ будетъ сегодня засѣданіе, то я пріѣду къ вамъ въ Сентъ-Джемсъ Скверъ.

— Засѣданіе, по восьми вѣроятіямъ, продлится за восемь часовъ.

— Тамъ я повидаюсь съ вами тамъ. — И вотъ что, герцогъ: я просилъ бы васъ относиться ко мнѣ въ этомъ дѣлѣ, какъ къ другу, а не какъ къ простому политическому союзнику.

— Обицая вамъ это.

— Я сказалъ вамъ то, чего никто въ мірѣ отъ меня бо-
гѣе не услышитъ.

— Мнѣ кажется, васъ нечего увѣрять въ томъ, что ваша
тайна со мной и умретъ.

— Въ этомъ я не сомнѣваюсь. И вѣрите мнѣ, герцогъ,
что жертва эта для меня не легка. То, что вы предлагали
мнѣ сегодня, было цѣлью всѣхъ моихъ желаній, всѣхъ моихъ
стремленій. Я трудился для этого денно и нощно, я чувство-
валъ себя счастливымъ. Когда самолюбіе напоитывало мнѣ,
что я достоинъ занять этотъ постъ, я мучился но цѣлыми
недѣлями сомнѣніями въ своихъ собственныхъ силахъ.

— Что до этого касается, то ни Брокъ, ни я не имѣемъ
ни малѣйшаго сомнѣнія. Да и никто изъ насъ не сомнѣ-
вается въ вашихъ дарованіяхъ. Самъ Файнепонъ указываетъ
на васъ, какъ на человѣка, наиболѣе способнаго занять это
мѣсто.

— Премного благодаренъ за такое лестное мнѣніе. Но
все это я говорю къ тому, чтобы вы поняли, какъ неу-
момы должны быть требованія того долга, который вастав-
ляетъ меня отказать отъ вашего предложенія.

— Но вы еще пока не отказались, замѣтилъ герцогъ. Я
буду васъ, во всякомъ случаѣ, дожидаться въ верхней палатѣ.
Хорошо бы вы сдѣлали, если бы приняли министерскій пор-
фель. Подумайте-на объ этомъ. Я ни слова не говорю про-
тивъ того долга, который, какъ вы утверждаете, на васъ ле-
житъ; но хорошо бы, если бы можно было согласить его съ
вашими обязанностями, какъ общественнаго дѣятеля. Вспом-
ните, что такіе люди, какъ вы, принадлежатъ своему отече-
ству.

Сказавъ это, герцогъ уѣхалъ и мистеръ Паллизеръ остался
одинъ. Въ ухахъ его все еще звенѣли слова, сказанные недавно
его женою: я люблю Борго Финджеральда, люблю его всѣмъ
сердцемъ. — Не весело молодому мужу слышать такіе рѣчи.
Есть, конечно, люди, которыхъ подобное отрягіе сильнѣе
потрясло бы, чѣмъ оно потрясло Пантагенета Паллизера. Че-
ловѣкъ онъ былъ ровнаго, безстрастнаго характера. Тѣмъ не
менѣе, въ этомъ признаніи было что-то такое, смрашившее
для него божій свѣтъ. Въ первомъ четверть часа, по отъѣздѣ

герцога, онъ болѣе думалъ о женѣ своей и о Бердѣ Фицджеральдѣ, чѣмъ о лордѣ Броуѣ и о мистерѣ Файнценѣ. Онъ сознавался передъ самимъ собою, что женился на ней, не любя ее и не нуждаясь въ ея любви. Не самъ ли, онъ былъ другомъ виноватъ во всемъ, что случилось? Но теперь... теперь онъ любилъ ее. Онъ чувствовалъ, что для него будетъ невыносимо тяжело потерять ее, даже если бы это не было сопряжено съ скандаломъ и поворотомъ передъ общественнымъ мнѣніемъ. Ея признаніе, что она любитъ другого, похлѣе поразило его въ самое сердце. Наконецъ-то въ этомъ сердцѣ зазвучала живая струна, которую ей удалось задѣть!

Часъ спустя по отъѣздѣ герцога, мистеръ Паллизеръ взялъ шляпу и отправился въ паркъ. Онъ прошелъ Гайдъ-Паркомъ въ Кенсингтонскій садъ и провелъ дѣлѣй часъ, раскачивая вѣдь и впередъ подъ вѣзани. Вернувшись, онъ съ прогулки въ твердомъ намѣреніи отказаться отъ открывавшейся передъ нимъ блестящей карьеры.—Я самъ былъ виноватъ въ томъ, что случилось, сказалъ онъ самому себѣ, —и съ божею помощью, я исправлю свою вину.

Но не въ характерѣ мистера Паллизера было воротъ гонимую; онъ условился съ герцогомъ дать ему отвѣтъ въ восемь часовъ, а потому и не подумалъ ускорить часъ своего свиданія съ нимъ. Въ нижнюю палату онъ не пошелъ, не желая подвергаться вопросамъ, на которые не зналъ бы, что отвѣчать. Онъ пообѣдалъ дома одинъ; разъ сказавъ женѣ, что онъ увидится съ нею въ девять часовъ, онъ и не подумалъ идти къ ней раньше. Ровно въ восемь часовъ онъ сѣлъ въ карету и поѣхалъ въ верхнюю палату.

— Ну, Паллизеръ, молвишь герцогу, выслушавъ его отказъ:— вамъ, конечно, лучше знать. Все, что я могу сказать вамъ съ своей стороны, это то, что мнѣ очень прискорбно лишиться васъ, такъ прискорбно, что и врать мудрено.

Герцогъ преговорилъ это очень печальнымъ голосомъ, но никакъ было подумать, что онъ вотъ-вотъ прослезится. Ну, не досадно ли было, что всѣ его хлопоты пропали даромъ изъ-за прихоти вздорной бабки!—У меня никогда къ ней не лежало сердце, подумалъ онъ про себя, вспоминая, какъ молотъ, при этомъ ждалъ герцогини на ядѣ Гланкору... Мнѣ надо съесть часть не отираваться къ Броу, продолжалъ онъ вслухъ, и ска-

затъ ему объ этомъ. Ужь, право, не знаю, какъ мы теперь извернемся. Прощайте, прощайте! Нѣтъ, я не сержусь, мы съ вами по прежнему останемся друзьями, только жаль мнѣ, очень жаль, что такъ вышло.

И съ этими словами оба политическіе дѣятели разстались.

Мы ужъ за одно прослѣдимъ кидъ этого политическаго движенія до конца. Герцогъ въ этотъ же вечеръ увидѣлся съ лордомъ Брокъ; затѣмъ, оба наши министра послали за третьимъ мужемъ, славившимся великою опытностію въ составленіи кабинетовъ. Наши государственные мужи раскинули умомъ-разумомъ втроемъ, а на слѣдующій день лордъ Брокъ произнесъ передъ парламентомъ рѣчь, въ защиту своего сотоварища, мистера Файнспона. Печать, назначенная встала въ рукахъ послѣдняго, по крайней мѣрѣ, до окончанія сессіи, къ великому изумленію всѣхъ политическихъ мумулаговъ въ странѣ, которыя, покачивая головами, толковали о необыкновенномъ мѣненіи мистера Файнспона и о томъ, что безъ него лордъ Брокъ не отваживается стать лицомъ къ лицу съ оппозиціей.

Мистеръ Паллизеръ, между тѣмъ, возвратился въ женѣ и объявилъ ей о принятомъ имъ рѣшеніи.

— Думаю, что намъ всего лучше будетъ ѣхать, не теряя времени, сказалъ онъ ей. По крайней мѣрѣ, съ моей стороны не будетъ никакой задержки.

(Продолженіе будетъ.)

НЕВЕСЕЛАЯ НОЧЬ.

Хорошо этой ночью ненастной тому,
Кто, не вѣря случайности темной,
И приятно, и мирно въ домашнемъ кругу
Озабоченъ бесѣдою скромной...

И тому хорошо, кто, не зная заботы,
На недумывать карты уютной,
Развадившись лѣниво, домой не спивнеть
Ночь вълякнеть грезой минутной...

И тому хорошо, кто вдвоемъ эту ночь
Съ милой сердцу любовно проводить
И, на дождь не смотря, очарованныхъ губъ
Отъ пылающихъ устъ не отводить...

Но тебѣ каково-то, хотѣлось бы знать,
Въ эту ночь, безпріютный бѣдняга,
Размышлять, что на свѣтъ тебѣ
Нѣтъ и клочки другой, какъ «бродяга»?

Каково-то тебѣ, съ кругу спившіяся брать,
Думать въ непогодь думу хмѣльную?
Что ужъ нечего больше въ кабакъ заложить,
Развѣ только что душу больную?

Да еще каково-то тебѣ, гражданинъ,
Безысходною думой томиться,
Что въ отчизнѣ, быть можетъ, одинъ только ты
Неспособенъ со зломъ помириться?

Омулевскій.

ЗООЛОГИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ.

ПО ОДЮВОНУ И БРЕМУ.

Между современными представителями естествознанія есть два класса натуралистовъ, идущихъ къ одной цѣли — къ всестороннему изученію природы, но по разнымъ направленіямъ. Къ первому разряду относятся ученые, работающіе надъ своей наукой съ помощью чужихъ опытовъ и наблюденій; это кабинетные мыслители, у которыхъ на первомъ планѣ стоитъ система, въ которую они приводятъ уже готовые матеріалы, и только слѣдятъ за сдѣланными открытіями. Вся жизнь и дѣятельность этихъ людей часто проходитъ въ четырехъ стѣнахъ кабинета, въ ботаническихъ и зоологическихъ музеумахъ, среди груды книгъ и скелетовъ; не выходя изъ этого тѣснаго круга теоретическихъ соображеній и постоянно обращаясь съ искусственнымъ или мертвымъ міромъ, они, однакожъ, силой своего генія подвигаютъ знаніе впередъ. Правда, немногимъ изъ нихъ удается перейти за черту филистерской бесплодности, но кто переходитъ эту черту, тотъ дѣлается въ своемъ родѣ полезнымъ дѣтелемъ. Къ другому разряду, напротивъ, принадлежатъ люди, изучающіе природу въ самомъ источникѣ ея жизни, среди живыхъ явленій и той разнообразной обстановки, при которой совершается развитіе каждаго существа. Ихъ занимаетъ не мертвая форма, не строгая система науки, а самая жизнь, съ ея безконечными видоизмѣненіями и законами. Главное стремленіе этихъ людей заключается въ томъ, чтобы расширять кругъ фактическихъ наблюденій и вносить въ науку новыя открытія; для этого они предпринимаютъ отдаленныя и нерѣдко опасныя путешествія, жертвуютъ въ пользу своихъ изы-

сканій здоровьемъ, состояніемъ и даже жизнью. Работая по страсти или увлеченію, они часто ошибаются въ значеніи своихъ предпріятій, но за то, въ случаѣ успѣха, создаютъ цѣлые перевороты въ умственномъ направленіи. Ученые систематики, зазубрившіе самыя мельчайшія подробности своей науки и въ этомъ только полагающіе силу своего знанія, обыкновенно, недовѣрчиво смотрятъ на нихъ и считаютъ ихъ дилеттантами науки; но человечество обязано этому дилеттантзму величайшими открытіями и тѣмъ глубокимъ интересомъ, который связываетъ науку съ умственнымъ развитіемъ массъ. Не будь этихъ дилеттантовъ, мы не знали бы в половинѣ того, что знаемъ теперь; безъ нихъ не было бы того богатства матеріаловъ, которымъ располагаетъ современное знаніе, и, вѣроятно, еще долго бы не попали на тѣ слѣды, которые прямо привели къ величайшимъ открытіямъ въ области естествознанія. Въ этомъ отношеніи Колумбъ, Франклинъ и всѣ замѣчательные искатели неизвѣстныхъ, но понятныхъ ихъ гению истинъ, были также дилеттантами.

Однимъ изъ такихъ дилеттантовъ былъ знаменитый натуралистъ Джонъ Одюбонъ. Исходивъ пѣшкомъ всю Сѣверную Америку, подвергаясь разнымъ лишеніямъ и опасностямъ, пожертвовавъ всѣмъ, что имѣлъ, онъ добивался одной цѣли—изученія американской природы и въ особенности птицъ. Онъ хотѣлъ познакомиться съ этимъ міромъ во всѣхъ его проявленіяхъ; онъ просиживалъ цѣлые дни подъ какой нибудь скалой, чтобы изучить характеръ дикаго голубя, любовь ласточки или хищность орла; онъ переплывалъ рѣки и провелъ почти тридцать лѣтъ въ лѣсахъ, ночуя, гдѣ Богъ послалъ, и питаясь, чѣмъ только было можно, чтобы проверить свои наблюденія со всевозможнымъ тщаніемъ и потомъ воспроизвести ихъ на бумагѣ карандашомъ или перомъ. Но мы лучше послушаемъ самого Одюбона, какъ онъ рассказываетъ о своемъ великомъ предпріятіи. «Едва, говоритъ онъ, я началъ передвигать ногами и лепетать первыя и столь пріятныя для слуха родителей слова, какъ произведенія природы, со всѣхъ сторонъ окружавшія меня, были уже предметомъ моего постоянного дѣтскаго любопытства. Скоро они сдѣлались единственными друзьями моихъ игръ, и прежде, чѣмъ сталъ я понимать различіе между лазуревымъ цвѣтомъ неба и изумрудными красками листьевъ, я уже чувствовалъ, что между нами образовалась не только воздушная симпатія, а какое-то восторженное увлеченіе, сопровож-

давнее меня въ продолженіи всей моей жизни. И теперь еще—болѣе чѣмъ когда нибудь, я признаю силу этихъ дѣтскихъ впечатлѣній. Они такъ овладѣвали мною, что когда мнѣ приходилось оставлять лѣса, долины и ручьи, когда я не могъ любоваться грандіозной картиной Атлантическаго океана, всѣ другія удовольствія, болѣе свойственныя моему возрасту, нисколько не занимали меня. Моему воображенію пущи были товарищи пернатые; ни одна крыша не казалась мнѣ болѣе солидною, чѣмъ густая верхушка дерева, обыкновенное убѣжище птичьей семьи, или расщелины и углубленія массивныхъ скалъ, въ которыхъ морской воронъ, съ его темными крыльями, или каравайка искали отдыха и защиты отъ бунтующихъ бурь.... Съ какою восторгомъ вспоминаются эти дни моей первой юности! Какая ясность мыслей присутствовала въ душѣ, когда я по цѣлымъ часамъ съ увлеченіемъ рассматривалъ эти блестящія и жемчужныя яички, которыя, въ ихъ прелестной скорлупѣ, покоились среди мягкаго пуха или между сухими листьями и небольшими вѣтвями, или лежали на горячемъ пескѣ и на прибрежныхъ скалахъ океана... Я привыкалъ смотрѣть на нихъ, какъ на нѣвы въ зародышѣ, выжидалъ ихъ раскрытія, чтобы узнать, по какимъ законамъ, напри- мѣръ, прозрѣваютъ эти маленькіе глазки, которыми природа одарила каждый видъ, — у одного съ первой минуты рожденія, а у другого спустя нѣкоторое время. Я шагъ за шагомъ слѣдилъ за медленнымъ развитіемъ итенцовъ, удивлялся той быстротѣ, съ которой нѣкоторые изъ нихъ, еще безперые, умѣли спастись отъ опасности и сберечь себя. Я росъ и стремленія мои росли вмѣстѣ со мною. Эти стремленія, любезный читатель, клонились ни къ чему иному, какъ къ полному обладанію всѣмъ, что я видѣлъ; и я страстно пожелалъ познакомиться поближе съ природой.»

Отецъ Одюбона поощрялъ юношескія наклонности своего сына; онъ сопровождалъ его въ прогулкахъ, показывалъ ему предметы, достойныя вниманія, и не думалъ мѣшать его страстному увлеченію. Получивъ воспитаніе въ Парижѣ, подъ руководствомъ известнаго живописца Давида, Одюбонъ возвратился въ Америку и составилъ рѣшительный планъ, на исполненіе котораго ушла вся его жизнь, — заняться изученіемъ птицъ и скопировать ихъ съ природы. «Таннимъ образомъ, говоритъ онъ, я предпринялъ далекія и утомительныя путешествія по лѣсамъ, озерамъ, долинамъ и берегамъ Атлантическаго океана. Цѣлые годы я провѣлъ вдали отъ своего семейства,

не повѣрите ли вы мнѣ, читатель? — я не думалъ ни о чемъ другомъ, какъ о своемъ единственномъ предметѣ: наслаждаться изученіемъ природы.» По мѣрѣ того, какъ накопились материалы и развивался взглядъ Одиубона, работа его принимала болѣе интересный характеръ, и онъ не жалѣлъ ничего, чтобы привести ее къ концу. Энтузіазмъ этого орнитолога былъ, дѣйствительно, замѣчательнымъ явленіемъ. Вотъ, между прочимъ, одинъ изъ случаевъ, показывающій, до какой степени можно жертвовать собой любимому труду. Въ деревнѣ Гендерсонъ, въ Кентукки, откуда онъ долженъ былъ отправиться по дѣламъ въ Филадельфію, у него осталось нѣсколько сотъ уже готовыхъ рисунковъ, которые онъ, на время своего отсутствія, поручилъ сохранить своему родственнику. Занаволаивъ ихъ въ деревянномъ ящикѣ, онъ принялъ всѣ предосторожности для сохраненія «своего сокровища». Но увы! когда онъ возвратился въ Гендерсонъ и раскрылъ ящикъ, то нашелъ въ немъ цѣлое семейство норвежскихъ крысъ и только доскутки отъ своего богатаго альбома, стоявшаго ему нѣсколько лѣтъ труда и путешествія польсамъ. Легко представить, какинъ ударомъ для Одиубона былъ этотъ пріисій набѣгъ. Нѣсколько ночей онъ провелъ безъ сна, въ самомъ мучительномъ состояніи; нѣсколько дней прошап для него среди полной безчувственности; но, одумавшись, онъ снова взялъ свое ружье и пошелъ скитаться по лѣсамъ «съ такимъ удовольствіемъ, прибавляетъ онъ, какъ-будто ничего не случилось со мной».

Когда его работы были вполнѣ окончены, онъ увидѣлъ, что для изданія ихъ нужны такія средства, которыя далеко превышали его состояніе и не легко могли открыть ему доступъ къ американскимъ издателямъ. Послѣ долгихъ и напрасныхъ попытокъ найти себѣ товарища по изданію, Одиубомъ принужденъ былъ отправиться въ Англію, гдѣ, въ 1832 году, и явилось въ свѣтъ его сочиненіе: *Птицы Америки*. Пять огромныхъ томовъ текста, иллюстрированнаго четырьмя стами гравюрами, изображающими различныхъ птицъ въ ихъ натуральныхъ разиѣрахъ, въ положеніяхъ, сообразныхъ ихъ характеру, и при полной окружающей обстановкѣ: неба, земли и воды. Когда это монументальное изданіе, названное Кълье пресоконднѣйшимъ памятникомъ, воздвигнутымъ наукой природѣ, явилось на публичной выставкѣ въ Лондонѣ, публика съ изумленіемъ приняла какъ «американскаго дикаря», Одиубона, такъ и произведеніе его. Но то, что составляетъ величіе этого предпріятія, послужило при-

чиной его малой извѣстности. Такъ какъ каждый томъ стоитъ отъ 700—1000 р. сер., а всѣ пять томовъ не менѣе 3000 р., то, разумѣется, мало нашлось охотниковъ приобрести сочиненіе Одюбона. Поэтому оно и до сихъ поръ составляетъ рѣдкость и, не смотря на болѣе дешовыя его изданія, недостаточно обобщилось въ европейской публикѣ, а въ нашей литературѣ самое имя автора почти совершенно неизвѣстно. Вотъ почему, заговоривъ по поводу русскаго изданія Брема: *Иллюстрированная жизнь животныхъ*, мы рѣшились удѣлить нѣсколько страницъ Одюбону и, такимъ образомъ, представить параллельно этихъ двухъ дѣятелей. Оба они принадлежать къ одному разряду натуралистовъ, и если Бремъ превосходитъ Одюбона разнообразіемъ и популярнымъ изложеніемъ своего предмета, то послѣдній неизмѣримо выше второго по самостоятельности своего труда и точности своихъ наблюденій.

Главное достоинство сочиненія Одюбона состоитъ именно въ томъ что его *Птицы Америки* до самыхъ мельчайшихъ подробностей изучались имъ самимъ, и изучались съ самой интересной стороны, — ихъ нравы, привычки, борьба за существованіе одного вида съ другимъ, ихъ отличительныя внѣшнія свойства и внутренніе инстинкты. Это не анатомическій кабинетъ птицъ, а живая галлерей, въ которой вы знакомитесь съ разнообразными проявленіями жизни пернататаго міра. У Одюбона нѣтъ ни системы, ни классификаціи, ни ссылки на авторитеты; рассказъ его иногда прерывается описаніемъ лѣснаго пожара или народнаго праздника, и не смотря на это, сочиненіе его отличается строгимъ единствомъ плана и тщательнѣйшимъ исполненіемъ его. Если бы каждый изъ натуралистовъ имѣлъ возможность сдѣлать для своей науки хоть сотую часть того, что сдѣлано Одюбономъ, то такая заслуга имѣла бы полное право на всеобщее уваженіе. «Американскій дикарь» показалъ на своемъ себѣ, какъ надо изучать природу, и въ этомъ отношеніи онъ оставилъ своимъ предшественамъ драгоценный опытъ. Чтобы познакомить ближе нашихъ читателей съ сочиненіемъ Одюбона, мы выпишемъ здѣсь отрывокъ изъ его рассказовъ о *бѣлоголовомъ Орлѣ*:

«Чтобы представить вамъ понятіе о природныхъ свойствахъ бѣлоголоваго Орла, позвольте мнѣ, читатель, перенести васъ на берега Миссисипи. Пустьте вашу лодку спокойно плыть по теченію воды и наблюдайте, какъ въ это время, передъ наступленіемъ зимы, стада водныхъ птицъ, вися на крыльяхъ, покидаютъ сѣверные края и

направляются къ увѣреннымъ ширетамъ. Посмотрите: тамъ, на самомъ берегу широкой рѣки, на послѣдней верхушкѣ высочайшаго изъ деревьевъ сидитъ орелъ въ невозмутимо-спокойномъ положеніи; его блестящій глазъ свѣтится зловѣщимъ огнемъ и обозрѣваетъ обширное пространство. Онъ прислушивается и чуткое ухо его открыто для всякаго отдаленнаго звука; по временамъ онъ бросаетъ взглядъ подъ себя, на землю, боясь, чтобы не пренесть даже легкой походки дикаго оленя. Самка его сторожитъ на противоположномъ берегу, и если все спокойно и безмолвно, она подаетъ ему крикомъ совѣтъ еще немного потерпѣть. На этотъ извѣстный сигналъ самецъ отвѣчаетъ размахомъ своихъ громадныхъ крыльевъ, легкимъ наклоненіемъ внизъ и издаетъ другой крикъ, похожій на хохотъ бѣшенаго человѣка; потомъ онъ выпрямляется и снова весь уходитъ въ слухъ. Утки всякаго вида, чирки, турпаны и другія птицы быстро пролетаютъ мимо его и опускаются на рѣку; но орелъ не обращаетъ на нихъ вниманія и не шевелится ни однимъ мускуломъ. — Вдругъ, подобно хриплому звуку рожка, раздается голосъ лебедя, болѣе и болѣе внятный. Пронзительный крикъ проходитъ по рѣкѣ — крикъ самки, столь же внимательной и не менѣе осторожной, какъ и самецъ. Этотъ послѣдній сильно встряхиваетъ все свое тѣло и нѣсколькими ударами клюва мгновенно приводитъ въ порядокъ свои перья. — Теперь бѣлый путешественникъ уже на виду; его длинная свѣтлая шея вытянута впередъ, глаза его пронзительно смотрятъ вдаль, какъ и у врага его; широкія крылья лебедя, повидному, съ трудомъ поддерживаютъ тяжесть его тѣла, хотя и легко раскідаютъ воздухъ. Кажется, онъ такъ утомленъ своими движеніями, что даже ноги его опущены ниже хвоста, чтобы помогать полету. Онъ летитъ все ближе и ближе и орелъ выбралъ его своей добычей. Въ ту минуту, когда лебедь миновалъ опаснаго врага, совершенно готоваго для нападѣнія, самецъ снимается съ дерева, испуская ужасный крикъ; лебедь слышитъ этотъ крикъ, и онъ раздается въ его ушахъ хуже, чѣмъ смертельный выстрѣлъ ружья.

«Вотъ минута для оцѣнки всего могущества, которымъ располагаетъ орелъ: онъ врорываваетъ воздухъ, подобно падающей звѣздѣ, и, какъ молнія, устремляется на свою трепещущую жертву, которая, въ припадкѣ отчаянія, старается различными эволюціями дѣлать его кровожадныхъ ногтей. Лебедь поднимается вверхъ, дѣлаетъ обманчивые повороты и, видимо, желаетъ бы спуститься на воду, но

орелъ заграждаетъ ему путь; онъ знаетъ уже по опыту, что такая тактика спасаетъ его жертву, и онъ заставляетъ ее держаться на воздухѣ, стараясь поразить въ животъ. Вскорѣ лебедю не остается никакой надежды на спасеніе; онъ уже чувствуетъ усталость, сила его упадаетъ при видѣ энергіи и мужества врага. Онъ дѣлаетъ послѣднее усиліе; онъ хочетъ улетѣть... Но разсвирѣпѣвшій орелъ ударяетъ его когтями снизу подѣ крыло и, съ неотразимой силой сжимая его, низвергаетъ по наклонной линіи на ближайшій берегъ.

«Вотъ теперь то, читатель, вы можете судить о лютоści этого хищника, столь ужаснаго для обитателей воздуха, когда онъ, торжествуя надъ своей добычей, можетъ, наконецъ, свободно дышать надъ ней. Онъ попираетъ ея трупъ своими сильными ногами; онъ запускаетъ свой заостренный клювъ въ самое сердце и внутренности умирающаго лебедя; онъ стонетъ отъ удовольствія, наслаждаясь предсмертными конвульсіями своей жертвы; онъ каждымъ новымъ ударомъ какъ-будто даетъ ей пережить всѣвозможныя страданія агоніи. Между тѣмъ, самка зорко слѣдила за каждымъ движеніемъ самца, и если она не помогла ему въ его побѣдѣ, то единственно потому, что была увѣрена въ успѣхѣ его предпріятія. Теперь же на зовъ своего господина она летитъ раздѣлять добычу, и когда она прилетѣла, они вмѣстѣ раздражаютъ грудь несчастнаго лебедя и удиваются его кровью.

«Не менѣе замѣчательны и другіе маневры, къ которымъ прибѣгаютъ орлы, преслѣдуя свои жертвы на водѣ, какъ, напримѣръ, гуся, утку или лебедя, опустившагося на рѣку. Орелъ очень хорошо знаетъ, что водныя птицы могутъ нырять и, такимъ образомъ, спасаться отъ его преслѣдованія. Въ этомъ случаѣ охота орловъ устроивается такъ: они поднимаются надъ рѣкой или озеромъ въ двухъ противоположныхъ направленіяхъ; достигнувъ известной высоты, одинъ изъ нихъ быстро падаетъ на добычу; но добыча, замѣтивъ намѣреніе врага, мгновенно исчезаетъ подѣ воду; орелъ снова летитъ вверхъ и на дорогѣ встрѣчаетъ своего товарища, который устремляется на бѣдную птицу въ ту самую минуту, когда она должна вынырнуть. Птица снова ныряетъ, избѣгая когтей своего новаго непріятеля. Тогда первый орелъ смѣняетъ второго и опять бросается на добычу, которая снова ныряетъ. Такимъ образомъ, повторяя эти быстрыя и непрерывныя атаки, они утомляютъ свою жертву; выбывшись изъ силъ, она вытягиваетъ шею и тяжело плыветъ подѣ

водой, стараюсь добраться до берега и скрыться въ высокой травѣ. Но все это не спасаетъ ея: орлы слѣдятъ за каждымъ ея движеніемъ, и въ то время, какъ она коснется берега, одинъ изъ нихъ нападаетъ на нее и убиваетъ ее. Послѣ этого побѣдители дѣлятъ добычу.

«Когда наступаетъ весна и лѣто, бѣлоголовый орелъ добываетъ себѣ пищу совершенно другимъ способомъ, недостойнымъ птицы, такъ счастливо одаренной силою и, кажется, способной обойтись безъ помощи другихъ мелкихъ разбойниковъ. Какъ только соколы-рыболовы является на нашихъ берегахъ Атлантики или поднимается вверхъ по безчисленнымъ и широкимъ рѣкамъ, орелъ слѣдуетъ за нимъ и съ варварскимъ эгоизмомъ отнимаетъ у него плоды его тяжелыхъ трудовъ. Усѣвшись на возвышенномъ мѣстѣ, въ виду океана или рѣки, онъ слѣдитъ за каждой эволюціей сокола-рыболова въ воздухѣ. Когда онъ схватываетъ рыбу и поднимается съ нею надъ водой, орелъ стремится на него и угрожаетъ ему такими движеніями, которыя очень понятны; почувствовавъ страхъ, соколъ выпускаетъ добычу. Въ то самое мгновеніе орелъ, предупреждая паденіе ея, складываетъ крылья и съ быстротою мысли подхватываетъ ее на лету. Овладевъ добычей, онъ спокойно уноситъ ее въ лѣсъ и утоляетъ тамъ голодъ своего хищнаго семейства.

«Впрочемъ орлы не ограничиваются только этимъ родомъ пищи; они также жадно пожираютъ ягнятъ, молодыхъ поросятъ, оленей, дичь и всякую всячину, начинающую разлагаться, охотясь при этомъ за коршунами, воронами или собаками, которыхъ они держатъ въ почтительномъ отдаленіи, пока не найдутся сами. Они часто гонятся за коршунами и принуждаютъ ихъ выбрасывать уже проглоченную ими пищу; потомъ накидываются на эту отвратительную массу и пожираютъ ее. Я видѣлъ неподалеку отъ города Начеса, на Миссисипи, довольно забавный примѣръ такой охоты: нѣсколько коршуновъ пожирали трупъ и внутренности лошади, а въ это время бѣлоголовый орелъ пролеталъ надъ ними; коршуны ударились въ бѣгство и одинъ изъ нихъ съ кускомъ кишки только на половину проглоченной, а другой конецъ ея, длиною около метра, висѣлъ изъ его клюва на воздухѣ. Орелъ тотчасъ же погнался за этимъ коршуномъ. Напрасно этотъ бѣднякъ силился проглотить свою мотавшуюся добычу: орелъ схватилъ ее за свободный конецъ и вытянулъ изъ горла коршуна десять или пятнадцать метровъ кишки въ

то время, какъ коршунъ тащилъ ее въ противоположную сторону. Наконецъ, они оба упали на землю и орелъ нѣсколькими ударами убилъ коршуна и проглотилъ этотъ лакомый кусокъ.

«Я слышалъ рассказы о разныхъ попыткахъ этого орла похищать дѣтей; но я никогда не былъ свидѣтелемъ подобнаго случая, хотя и не нѣтъ особенныхъ причинъ сомнѣваться въ возможности такого факта.

«Полетъ бѣлоголоваго орла отличается силой и, говоря вообще, однообразіемъ; онъ способенъ пролетѣть какое угодно пространство. Онъ твердо держится свободными, ровными и непрерывными взмахами крыльевъ, по крайней мѣрѣ, въ продолженіи всего того времени, въ которое я могъ слѣдить за нимъ простымъ или вооруженнымъ глазомъ. Когда онъ ищетъ добычу, онъ расправляетъ свои большія крылья подъ прямымъ угломъ съ протяженіемъ тѣла, опускаетъ ноги во всю ихъ длину и ровно плыветъ по воздуху. Въ этомъ положеніи онъ можетъ подниматься вверхъ крутымъ поворотомъ, безъ малѣйшаго размаха крыльевъ, такъ что незамѣтно никакого движенія ни въ крыльяхъ, ни въ хвостѣ; въ такомъ видѣ онъ часто уносится изъ виду. Въ другихъ случаяхъ онъ поднимается только на нѣсколько сотъ футовъ и потомъ быстро принимаетъ прямолинейный полетъ; иногда, на такомъ пространствѣ складывая крылья, онъ медленно опускается къ землѣ; потомъ, какъ будто чѣмъ-то недовольный, онъ вдругъ останавливается, чтобы снова принять свой прежній энергическій полетъ; а иногда, носась на безмѣрной высотѣ, онъ вдругъ какъ бы зашѣкаетъ что нибудь подъ собой и, снова складывая крылья, падаетъ внизъ съ такой быстротой, что производитъ глухой шумъ, смѣшанный съ какою-то трескомъ, похожимъ на свистъ норвистаго вѣтра между деревьями. Въ такія минуты глазъ едва можетъ слѣдить за нимъ, особенно потому, что все это дѣлается совершенно непредвидѣнно.

«У орла есть достаточно силы, чтобы унести съ поверхности воды всякій предметъ, который вѣситъ не тяжелѣе этой птицы. Такимъ образомъ, часто случается, что онъ похищаетъ у охотника настрѣлянныхъ имъ утокъ. Дерзость орла необыкновенная. Однажды, спускаясь по Миссисипи, я замѣтилъ орла, преслѣдовавшаго створккрылато полеваго чирка. Орелъ такъ близко подлетѣлъ къ нашей лодкѣ, — съ которой впрочемъ многіе смотрѣли на него, — что я могъ различить блескъ его глазъ. Чирокъ, готовый

уже пацать въ лоткѣ своего врага, былъ опасенъ одинокъ изъ махъ товарищей, который выстрѣломъ изъ ружья перешибъ ему крыло и вытащилъ его на палубу лодки..

«Бѣлоголовый орелъ рѣдко показывается въ гористыхъ мѣстностяхъ и предпочитаетъ низменности морскихъ береговъ, низкихъ великихъ озеръ и рѣкъ. Онъ постоянно водится въ Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ повсюду можно встрѣтить его, и посѣщаетъ мѣста, куда удаляются голуби и выютъ свои гнѣзда; здѣсь орелъ подбираетъ птенцовъ, случайно падающихъ изъ гнѣздъ, или старыхъ голубей, когда они ранены. Впрочемъ, онъ рѣдко преслѣдуетъ стада этихъ птицъ, во время ихъ перелетовъ изъ одного края въ другой.

«Когда орла ранятъ, онъ начинаетъ пренаводить живые и длинные сдѣлки, чтобы убѣжать; и если его не схватываютъ, онъ успѣваетъ спрятаться. Когда ему случается упасть въ воду, онъ сильно бьетъ по ея поверхности распущенными крыльями, и если берегъ отстоитъ не болѣе, какъ на двадцать или тридцать шаговъ, онъ доплывааетъ до него. Онъ долго можетъ жить безъ пищи; говорятъ, что многіе, захваченные въ плѣнъ, безъ особенныхъ страданій прожили голодные по двадцати дней. Впрочемъ я не ручаюсь за достоверность этихъ фактовъ, хотя бы они и были совершенно вѣрны. Защищаются эти птицы точно такъ же, какъ и другіе разряды орловъ и соколы: они перевертываются на спину, возвая лотки во все, что касается ихъ, раскрывая клювъ и быстро поворачивая голову, чтобы наблюдать за движеніями противника. Тогда глаза ихъ джуются болѣе выпуклыми, чѣмъ въ обыкновенномъ состояніи.

«Рѣдко видятъ этого орла одного; взаимная привязанность, которая образуется между двумя индивидуумами одной и той же пары, продолжается до конца, пока одинъ изъ самцовъ не умретъ или не будетъ убитъ. Они достаютъ пропитаніе одинъ для другого и рѣдко кормятся отдѣльно. Но они имѣютъ обыкновеніе отстранять отъ своей трапезы другіхъ птицъ того же вида. Ихъ любовныя похождения, каждый годъ, начинаются раньше, чѣмъ у другіхъ птицъ, какихъ только я знаю, а именно съ декабря. Въ это время, на всежъ протяженіи Миссисипи и по берегамъ озеръ, лежащихъ пронушій лѣсовъ, самцы дѣлаются очень суетливы; они летаютъ по окрестностямъ, кружатся въ воздухѣ на всевозможныя манеры, громко кричать и загрызають другъ съ другомъ, наконецъ отправляются отдыхать на сухихъ ветвахъ дерева, гдѣ уже готовится новое

гнѣздо или направляется старое, и въ то же время расточаются взаимныя нѣжности.

«Въ первыхъ числахъ января начинается насиживание. Я убилъ самку семнадцатаго января, во время ея сидѣнія на яйцахъ, и нашелъ въ нихъ уже очень развитшіеся зародыши.

«Я видѣлъ орлятъ, когда они были ростомъ съ курицу. Въ эту пору они покрыты мягкимъ и шелковистымъ пухомъ, съ клювомъ и ногами непомѣрной величины. Ихъ первое опереніе представляетъ соединеніе сѣроватаго цвѣта съ болѣе или менѣе темнымъ, и родители выгоняютъ ихъ изъ гнѣзда не ранѣе, какъ они оперятся совершенно. Однажды я захватилъ трехъ орлятъ, вполне одѣтыхъ перьями, подрубивъ дерево съ гнѣздомъ. Не легко было намъ заловить ихъ, потому что они скоро убѣгали, то недокакивая, то подлетая, такъ что никто изъ насъ не могъ догнать ихъ. Наконецъ, они такъ устали, что не могли болѣе сопротивляться. Мы перевязали ихъ веревками. А случилось это на берегахъ озера Помпчартрена, въ апрѣлѣ. Старые орлы сидѣли въ отдаленіи, пока топоръ подрубалъ дерево.

«Впрочемъ любовь орловъ къ своимъ дѣтямъ, пока они малы, очень замѣчательна, и въ это время подходить къ гнѣзду очень опасно. Но какъ только птенцы подрастаютъ, будучи въ состояніи летать и прокармливать себя сами, тогда родители выгоняютъ ихъ изъ гнѣзда и даже бьютъ, заставляя летать. За всѣмъ тѣмъ, въ продолженіи нѣсколькихъ недѣль они опять возвращаются въ гнѣздо, чтобы провести ночь, или засыпаютъ на сосѣднихъ вѣткахъ. Пока они находятся подъ опекой родителей, ихъ питаютъ очень щедро: имъ приносится въ изобиліи рыба, выбрасываемая на берега или стланившаяся старыми орлами у сокола-рыболова.

«Въ то же время они доставляютъ имъ крошечковъ, бѣлокъ, аглицъ, молочныхъ поросятъ и маленькихъ врысь. Все, что встрѣчается имъ, идетъ въ прокъ и доставляетъ удовольствіе, какъ дѣтямъ, такъ и родителямъ.

«Закладывая въ плѣтъ, орлята не ранѣе, какъ въ теченіе четырехъ лѣтъ, вполне оперяются. Я даже знаю два случая, когда бѣлозубы на годовѣ подвзались только на шестой годъ. Думаю,

что у орловъ, летающихъ на свободѣ, все это оканчивается раннею цѣлымъ годомъ...

«Тяжесть бѣлоговыхъ орловъ бываетъ очень разнообразна. Самцы вѣсятъ отъ 6—8 ливровъ, а самки отъ 8—12. Птицы эти такъ привязаны къ тому мѣсту, гдѣ они свили гнѣздо въ первый разъ, что рѣдко рѣшаются удалиться отъ него даже на ночь и обыкновенно проводятъ свою жизнь по сообществу отъ него. Во время сна они издаютъ свистящій храпъ, который въ тишинѣ слышится на сто шаговъ. Впрочемъ сонъ ихъ очень чутковъ: достаточно хрустнуть сухой вѣтви подъ ногою, чтобы тревожно разбудить ихъ. Когда хотятъ задушить ихъ дымомъ во время ихъ сна, они немедленно просыпаются и безмолвно улетаютъ; на слѣдующій день они снова возвращаются къ своему старому насѣту.

«Когда пароходы еще не бороздили нашихъ западныхъ рѣкъ, на берегахъ ихъ, и въ особенности въ нижнихъ частяхъ Огіо, Миссисипи и по окрестнымъ водамъ водилось множество этихъ орловъ. Я видѣлъ ихъ сотнями, когда они направлялись отъ устья Огіо до Новаго Орлеана, и въ эту пору нетрудно было стрѣлать ихъ. Но теперь число ихъ значительно уменьшилось, потому что дичь, служившая имъ добычей, удалилась отъ преслѣдованія человека въ болѣе уединенныя мѣстности. Не смотря на то, по берегамъ Миссисипи ихъ встрѣчается еще много.

«Кончая эту исторію бѣлоголоваго орла, я долженъ прибавить, — съ какою отвращеніемъ я увидѣлъ, что эта птица избрана эмблемой моего отечества. На этотъ разъ мое мнѣніе совершенно сходится съ мнѣніемъ великаго Франклина, который думалъ такъ:

«Что касается меня, говорить онъ въ одномъ изъ своихъ писемъ; и не хотѣлъ бы видѣть лысаго орла представителемъ Америки. Это—птица лизкая и злая; она не умѣетъ даже честно прокармливать себя; посмотрите на нее, какъ она сидитъ на какомъ либо мертвомъ деревѣ и подкарауливаетъ добычу трудолюбиваго сокола, лѣнись сама поработать на себя. Когда, наконецъ, соколъ поймаетъ рыбу и несетъ ее своему семейству, этотъ ворышка отнимаетъ добычу у него. Но этотъ грабежъ не дѣлаетъ его болѣе счастливымъ; потому что, подобно всѣмъ другимъ мошенникамъ и хитрецамъ, онъ вообще бѣдѣнъ и жалокъ. Крошѣ того, это—трусливый и лютъ. Маленькій королькъ; не больше воробья, нападаетъ на него отважно и прогоняетъ его изъ своего округа. Такимъ образомъ, ни въ ка-

томъ случаевъ нельзя назвать его приличной эмблемой для нашихъ честныхъ и храбрыхъ Цинциннати (*), тѣхъ самыхъ, которые охотились за всевозможными *королями* нашей страны. Пусть лучше эту эмблему дадутъ тому рыцарскому ордену, который называется у французовъ *Chevaliers d'industrie*.

«Я прибавлю еще одно слово: названіе *лысый* орелъ, подъ которымъ онъ извѣстенъ повсюду въ Америкѣ, не имѣетъ никакого основанія. Голова у него такъ же покрыта перьями, какъ и у всякой другой птицы; вѣроятно, бѣловъ пятно дало поводъ думать, что у этого орла есть лысина.

Даже по этому небольшому отрывку можно судить о томъ интересѣ, съ которымъ читается книга Одюбона, и о той прелести простаго и оживленнаго разсказа, котораго можно ожидать только отъ автора, лично наблюдавшаго надъ своимъ предметомъ.

Теперь мы обратимся къ Бремю, который принадлежитъ къ тому же классу натуралистовъ.

Въ 1863 году, нѣмецкій путешественникъ и натуралистъ Альфредъ Бремъ началъ издавать отдѣльными выпусками свое сочиненіе: «*Illustriertes Thierleben*» (Иллюстрированная жизнь животныхъ). До сихъ поръ вышло 34 выпуска, и первая часть этого труда, посвященная классу млекопитающихъ, доведена до конца. Въ предисловіи къ своей книгѣ, Бремъ говоритъ, что нѣмецкая литература очень богата зоологическими сочиненіями, но что почти во всѣхъ этихъ сочиненіяхъ жизнь животныхъ оставлена безъ вниманія или, до крайней мѣры, описана мимоходомъ. Поэтому и популярныя книги по зоологіи переполнены анатомическими и морфологическими подробностями и въ то же время не даютъ почти никакого отвѣта на вопросы о томъ, какъ живетъ данное животное, какъ оно добываетъ себѣ пропитаніе, съ кѣмъ оно соперничаетъ и

(*) Извѣстно, что въ Соединенныхъ Штатахъ Америки между защитниками независимости въ 1783 году образовалось патриотическое общество, родъ рыцарскаго ордена, названнаго Цинциннати, имѣвшаго во главѣ Вашингтона и допускавшаго, между другими статутами, наследство. Это учрежденіе скоро было признано несомнѣннымъ съ республиканскими духомъ и скоро упало. Впрочемъ отъ него еще остались кой-какія дохмоты.

съ кѣмъ оно враждуетъ, въ чемъ обнаруживаются его страсти и его умственныя способности, — словомъ, какъ оно приспособлено къ условіямъ окружающей среды и какія психическія особенности выработаны въ немъ этими условіями. Замѣтивъ этотъ важный пробѣлъ въ зоологической литературѣ, Бремъ рѣшился его пополнить, т. е. написать такое сочиненіе, въ которомъ были бы собраны, проверены строгою критикою и приведены въ порядокъ наблюденія путешественниковъ, охотниковъ и другихъ любителей природы падеъ образомъ жизни, характеромъ и умственными способностями различныхъ животныхъ. По условіямъ своего развитія и обстоятельствамъ жизни, Бремъ вполне былъ способенъ взяться за такую задачу и рѣшить ее удовлетворительно. Отецъ Брема былъ знаменитымъ орнитологомъ (птицеводомъ), о которомъ до сихъ поръ съ любовью и уваженіемъ вспоминаютъ лучшіе нѣмецкіе натуралисты. Небъ руководствомъ своего отца, Альфредъ Бремъ выучился любить животныхъ, вглядываться въ ихъ образъ жизни, подмѣчать ихъ привычки и наклонности; сдѣлавшись взрослымъ человекомъ, онъ отправился путешествовать; и путешествовалъ онъ не одинъ разъ; онъ побывалъ и на экваторѣ, и за полярнымъ кругомъ; съ ружьемъ въ рукахъ, онъ неутомимо бродилъ по лѣсамъ и полямъ, по горамъ и равнинамъ, подмѣчая съ тонкимъ тактомъ натуралиста тѣ особенности животной жизни, которыя ускользаютъ отъ охотника, неподготовленнаго къ наблюденію. Наконецъ, составивъ себѣ почетную извѣстность описаніемъ своихъ путешествій по Аоригѣ, Бремъ сдѣлался директоромъ зоологическаго сада въ Гамбургѣ. Эта должность, которую онъ занимаетъ до сихъ поръ, даетъ ему возможность и даже налагаетъ на него обязанность присматриваться каждый день къ характеру и привычкамъ различныхъ пѣнныхъ животныхъ. Такимъ образомъ, личные наблюденія Брема, собранныя имъ съ самаго дѣтства, до такой степени изощрили его критическій взглядъ, что онъ, имѣя дѣло съ рассказами другихъ наблюдателей, отдѣляетъ безошибочно истину отъ лжи, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ самъ не видалъ и не изучалъ даннаго животнаго. Эта вѣрность критическаго взгляда была, конечно, необходима для рѣшенія той задачи, которую поставилъ себѣ Бремъ, потому что ему приходится на каждомъ шагѣ пользоваться то рассказами охотниковъ, которые извѣстны во всемъ мѣрѣ, какъ самые отчаянные хвастуны, то рассказами дикарей, которые обыкновенно перенутиваются дѣйствитель-

ные факты съ разными суевѣрными фантазіями. Чтобы сдѣлать книгу своею доступною и интересною для большинства, Брему необходимо было написать картину животной жизни яркими и живыми красками; въ этомъ случаѣ ему помогла его горячая и поэтическая любовь къ природѣ, та любовь, которую онъ, благодаря своему отцу, воспитатель въ себѣ съ самаго дѣтства. Можно сказать безъ преувеличенія, что Бремъ относится къ животнымъ такъ, какъ Шлоесеръ, Мишле и Магола относятся къ историческимъ дѣятелямъ: одни животныя оказываются честными и достойными всякаго уваженія; другія — глубоко огорчаютъ Брема своею нравственною испорченностью; третья приковываютъ къ себѣ его вниманіе и сочувствіе пылкостью своей фантавіи или неистощимостью своего юмора. Словомъ, подъ перомъ Брема весь міръ скотовъ живетъ, чувствуетъ, желаетъ и размышляетъ, возбуждая къ себѣ то любовь, то ненависть, то уваженіе, то презрѣніе наблюдателя. Лиризмъ Брема, по поводу собачьей добродѣтели и обезьяньихъ пороковъ, становится иногда чрезчуръ наивнымъ; но съ этимъ недостаткомъ читатель легко мирится, потому что этотъ лиризмъ нисколько не ослабляетъ остроты и анализа и поддерживаетъ постоянно интересъ разсказа. Достоинства сочиненія Брема оцѣнены въ настоящее время самыми замѣчательными нѣмецкими натуралистами и всѣми лучшими органами нѣмецкой печати. Карлъ Фогтъ упомянулъ о книгѣ Брема въ своихъ лекціяхъ о человѣкѣ, гдѣ онъ привелъ довольно большую цитату изъ Бремовой характеристики обезьянъ. Кроме того, Карлъ Фогтъ два раза высказывалъ печатно свое мнѣніе о трудѣ Брема: въ первый разъ по поводу первыхъ трехъ выпусковъ, во второй — послѣ окончанія перваго тома. Приведемъ здѣсь нѣсколько строкъ изъ втораго отзыва: «Я, говоритъ Фогтъ, чувствую почти нѣкоторую зависть, перелистывая этотъ красивый томъ, наполненный множествомъ превосходныхъ рисунковъ; — мнѣ бы хотѣлось, чтобы эта книга была написана мною! Но я подавляю зависть и читаю; разсматриваю, сравниваю — и постоянно беру эту книгу въ руки съ помысломъ удовольствіемъ, и никогда не откладываю ее въ сторону; не потерпѣвъ изъ нея чего нибудь поучительнаго... Бремъ обратилъ все свое вниманіе на жизнь и дѣятельность животныхъ; описанія внѣшней формы и внутренняго устройства занимаютъ мало мѣста; но малѣйшія проявленія психической жизни, поведеніе животного днемъ и ночью, и при всѣхъ условіяхъ, которыя могутъ видоизмѣ-

нить его существованіе, изложены особенно подробно и освѣщены особенно ярко». У насъ, въ Россіи, также нашлись люди, понимающіе значеніе подобной книги для умственнаго развитія нашего общества. Книгу Брема переводятъ уже въ Москвѣ и въ Петербургѣ. Мы отъ души желаемъ успѣха обоимъ переводамъ и надѣемся, что они не помѣшаютъ другъ другу. Знаменитое сочиненіе Бокля появилось у насъ въ двухъ переводахъ и оба перевода выдержали уже по два изданія. А книга Брема, въ своемъ родѣ, составляетъ такое же общепольное явленіе, какъ и книга Бокля. Слѣдующія главы, переданныя отчасти словами самого Брема, отчасти нашими собственными, познакомятъ читателя съ содержаніемъ и съ достоинствомъ разсказа «Жизни животныхъ.»

1.

Первый разрядъ млекопитающихъ составляютъ *животныя съ руками*, а обезьяны занимаютъ въ этомъ разрядѣ второе мѣсто; Вагнеръ называетъ ихъ «превращенными людьми» и повторяетъ, такимъ образомъ, очень древній взглядъ всѣхъ народовъ, которые, приходя въ стоджновенія съ этими животными, старались объяснить себѣ чѣмъ нибудь ихъ поразительное сходство съ человѣкомъ. Это сходство возбуждало въ арабахъ мрачную ненависть, и въ ихъ представленіи обезьяна являлась потомкомъ проклятыхъ Аллахомъ людей, существомъ, надъ которымъ тяготѣетъ печать отверженія, осуждающая его стоять особнякомъ во всемъ мірозданіи и вѣчно соединять въ себѣ дьявольскую и человѣческую природу; представленіе это кратко и энергично выражалось въ словахъ: «середина между дьяволомъ и человѣкомъ». Нѣкоторыя африканскія племена, которыя имѣютъ дѣло съ самыми человѣкообразными обезьянами (какъ, напр. корилла и шимпанзе), принимаютъ ихъ за враждебныхъ чужаку людей, которые когда-то, въ незапамятныя времена, поссорились съ настоящими людьми, бѣжали въ лѣса и съ тѣхъ поръ ведутъ съ ними ожесточенную войну; а когда попадаютъ въ плѣнь, прикидываются нѣмыми и глухими, чтобы избѣжать рабства. Древніе индусы, вѣрныя своей зооморфической религій, обоготворяли обезьяну и строили ей дома въ видѣ храмовъ, гдѣ ей воздавались различныя

почести;—есть въ Индіи и въ настоящее время уголки, гдѣ она считается священнымъ животнымъ, гдѣ она пользуется правомъ безнаказанно опустошать сады и поля и гдѣ считается почти преступленіемъ не только убить, но даже прогнать ее; это обстоятельство долго иѣшало европейскимъ путешественникамъ снабдить музеи чучелами индійской обезьяны гульмана. Такое обоготвореніе стоитъ въ очень естественной связи съ основнымъ догматомъ индійской религіи—съ вѣрою въ переселенія душъ.

Вотъ какъ смотрѣли въ былое время и смотреть до сихъ поръ на обезьяну нѣкоторыя первобытныя племена. Съ нашей точки зрѣнія, взглядъ арабовъ, не смотря на проникающее его непріязненное чувство, окажется все-таки довольно вѣрнымъ въ томъ отношеніи, что въ обезьянахъ искаженъ человѣческій образъ. Чѣмъ болѣе обезьяна похожа на человѣка, тѣмъ непріятнѣе поражаетъ она насъ, тѣмъ отвратительнѣе кажется она намъ, вслѣдствіе очень естественнаго самолюбія, которое заставляетъ насъ оскорбляться, видя себя въ карриатурѣ. Дѣйствительно, стоитъ бросить бѣглый взглядъ на красивый, вполне соразмерный образъ человѣка, чтобы убѣдиться, что этотъ прекрасный образъ является совершенно искаженнымъ въ обезьянѣ, и намъ трудно будетъ удержаться отъ невольнаго изумленія, если, взглядышишь хорошенько въ законченную, стройную фигуру Апеллона Бельведерскаго, мы вдругъ обратимся къ гориллѣ и ея собратамъ. Едва ли есть другой разрядъ млекопитающихъ, въ которомъ все было бы такъ неправильно, уродливо, исковеркано; на красоту обезьяна не имѣетъ никакого права; что же касается до другихъ преимуществъ надъ прочими животными, — они болѣе кажущіяся, чѣмъ существующія на дѣлѣ. Можно было бы подумать, напримѣръ, что обезьяна, одаренная четырьмя руками, превосходить человѣка въ способности дѣйствовать ими и можетъ употреблять ихъ разнообразнѣе, чѣмъ онъ; но рука обезьяны, какъ и все ея тѣло, есть только искаженный снимокъ съ совершенной человѣческой руки и не даетъ ей никакого преимущества, потому что, какъ говоритъ Окенъ: «не число орудій одного вида, а число разнообразныхъ, не количество, а разнообразіе ихъ составляетъ совершенство; своими четырьмя руками обезьяна можетъ дѣлать только одно:—держаться и лазить; она едва можетъ употреблять переднія руки, какъ руки, потому что онѣ рѣдко бываютъ свободны,—такъ какъ одніи заднія не въ состояніи поддерживать все тѣло, какъ поддерживаютъ

человѣка ноги.» Кромѣ того, замѣчательно еще, что мускулы, приводящіе въ движеніе переднія руки, не только чрезвычайно упрощены, но какъ-будто даже не совсѣмъ развиты, въ сравненіи съ соотвѣтствующими мускулами человѣка, и это обстоятельство дѣлаетъ невозможными для обезьяны тѣ многочисленные и разнообразныя движенія, которыя отличаютъ наши руки.

Заднія руки обезьяны, снабженныя такимъ же подвижнымъ, отдѣльно-стоящимъ большимъ пальцемъ, какъ и переднія, болѣе похожи на человѣческую руку. Какъ опора всего тѣла, онѣ недостаточны, и потому, хотя многія обезьяны иногда и ходятъ выпрямившись, поддерживая равновѣсіе передними руками, но это скоро утомляетъ ихъ, онѣ опять падаютъ на четвереньки и настоящая человѣческая походка для нихъ совершенно невозможна; обыкновенно обезьяна наступаетъ на всю подошву заднихъ рукъ, а въ переднихъ рукахъ—на суставы согнутыхъ пальцевъ. Сильнѣйшія изъ обезьянъ—горилла и орангутангъ,—нападая на человѣка или на животныхъ и защищаясь отъ нихъ, выпрямляются и употребляютъ въ дѣло свои мощныя переднія руки и зубы; туземцы рассказываютъ даже, что онѣ отбиваются палками и толстыми вѣтвями или бросаютъ въ противниковъ камнями, но этому трудно повѣрить, потому что, стоя на заднихъ рукахъ, обезьяна съ трудомъ поддерживаетъ равновѣсіе,—а то усиліе, которое она должна была бы сдѣлать, чтобы нанести ловкій ударъ, неминуемо заставило бы ее упасть на четвереньки. Заднія руки или ноги обезьяны, не довольно сильныя, чтобы поддерживать все ея тѣло, превосходно служатъ ей, когда она лазить, потому что обладаютъ большою цѣпкостью.

Живя на волѣ, обезьяна не только не превосходитъ умственными способностями другихъ высшихъ животныхъ, но, пожалуй, даже уступить въ этомъ отношеніи такимъ даровитымъ представителямъ фауны, какъ слонъ и собака; и хотя вліяніе человѣка дѣйствуетъ на нее развѣвающимъ образомъ, но и при этихъ условіяхъ она является ниже ихъ; руки даютъ ей только виѣшнее преимущество, дѣлая ее способною перенимать многія штуки, недоступныя другимъ животнымъ; и эта-то способность, которую древніе писатели объясняли умственнымъ превосходствомъ, вводила ихъ въ заблужденіе и заставляла ставить обезьяну выше, чѣмъ она заслуживаетъ. Конечно, обезьяна понятлива; съ помощью природной подражательности, она легко заучиваетъ тѣ разнообразныя фокусы и штуки, которыя

даются собакѣ только послѣ долгаго труда; но она такъ упряма и своевольна, что никогда не станетъ исполнять ихъ съ тѣмъ добродушіемъ и добросовѣстною покорностью, которыми отличается собака. Извѣстная доля сообразительности составляетъ неотъемлемое свойство обезьяны; у нея прекрасная память; она очень вѣрно умѣетъ наблюдать окружающіе предметы и прилагать къ дѣлу результаты этихъ наблюдений, всегда съ большою хитростью угадывая свою выгоду; не смотря на необыкновенную впечатлительность, она такъ хорошо притворяется, такъ ловко скрываетъ свои замыслы, что, глядя на ея смиренную физиономію, вамъ и въ голову не придетъ, какую штуку она продѣлаетъ, какъ только вы отвернетесь; впрочемъ, это черта общая у нея съ слономъ и собакою, которые обладаютъ ею даже въ большей степени. Находясь въ опасности, обезьяна ловко избѣгаетъ ея и находчива въ средствахъ защиты; замѣчательно, однако, при этомъ, что, не смотря на всю свою сметливость, она часто попадаетъ въ такія простыя ловушки, которыми не провели бы другое животное, напримѣръ, лисицу, стоящую въ этомъ отношеніи гораздо выше обезьяны. Вотъ какой простой способъ употребляютъ малайцы для ловли обезьянъ: въ довольно твердой тыквѣ дѣлаютъ небольшое отверстіе и черезъ него вынимаютъ всю сердцевину ея; потомъ эту тыкву наполняютъ сахаромъ или кусками плодовъ — любимыми лакомствами обезьянъ; привлеченная приманкою, обезьяна силится достать сладкое кушанье и, подстрекаемая тѣмъ, что «глазъ видитъ, а зубъ неймаетъ», запускаетъ въ узкое отверстіе обѣ руки, схватываетъ въ горсть нѣсколько кусковъ, — но вытащить руки назадъ не можетъ; этому горю, конечно, легко помочь: стоитъ только выпрямить руки, сжатые въ кулакъ, — но тогда придется выпустить добычу, а обезьяна, будь она даже самая умная, на столько поддается господству страстей, что никакъ не рѣшится бросить взятаго и, недоумѣвая надъ полною тыквою и невытѣзающими руками, попадаетъ въ плѣнъ къ человѣку.

Страстность натуры и замѣчательная быстрота, съ которою смѣняются въ обезьянѣ самыя разнообразныя впечатлѣнія и настроенія, составляютъ самыя выдающіяся черты ея характера. «Подвижность обезьянней физиономіи невѣроятна, говоритъ Брэмъ, — въ одну минуту черезъ нее пробѣгаютъ всѣ возможныя выраженія: дружелюбіе и ярость, честность и коварство, чувствешность, сладострастіе и множество другихъ чувствъ и страстей быстро отражаются на этомъ

вѣрномъ зеркалѣ внутренняго міра, то смѣняясь одно другимъ, то сливаясь вмѣстѣ; и не смотря на это, кажется все-таки, что лицо не въ состояніи изобразить эти безчисленные прыжки обезьяннаго духа.» — «Чѣмъ умнѣе, хитрѣе, коварнѣе, сладострастнѣе и диче обезьяна, тѣмъ подвпжнѣе, но въ то же время исковерканнѣе, уродливѣе ея лицо; невинный дѣтскій видъ достался на долю только тихимъ обезьянамъ, — но все же и ихъ лица остаются чрезвычайно выразительны и измѣчивы.» — Ставаясь на нравственную точку зрѣнія, Брэмъ говоритъ, что чѣмъ умнѣе и даровитѣе обезьяна, тѣмъ больше у нея качествъ, — «столько не хорошихъ, а дурныхъ»: она съ неудержимою силою предается волнующимъ ее страстямъ, которыя, какъ уже было сказано, чрезвычайно живы въ ней, и въ такую минуту даже въ самомъ орангутангѣ исчезаетъ всякое сходство съ человѣкомъ тѣмъ ярче выступаетъ животная природа: не остается ничего человѣкообразнаго въ этомъ сморщенномъ, поросшемъ волосами лбѣ, въ щелкающей зубами мордѣ съ страшными челюстями и плоскимъ носомъ; то же самое можно замѣтить и о павіанѣ, который нѣсколько похожъ на собаку, но во время бѣшенства совершенно теряетъ всякое сходство съ нею.

Въ природѣ нѣтъ ничего безукоризненно хорошаго, ничего совершенно дурнаго, и потому въ характерѣ обезьяны есть нѣкоторыя хорошія стороны: примѣрная материнская любовь и заботливость о маленькихъ, беззащитныхъ существахъ; если въ стадѣ умираетъ обезьяна, оставляя послѣ себя сироту, — какойнибудь членъ общества — самецъ или самка, все равно, — принимаетъ малютку на свое попеченіе, и замѣчательно притомъ, что пріемышь дѣлается предметомъ почти такой же пѣжной и бдительной заботливости, какъ собственное дитя. Этой чертѣ характера обезьяна остается вѣрна и въ плѣну: часто замѣчали, что большія самки чувствовали особенную пріязнь къ маленькимъ дѣтямъ, которыхъ посятъ на рукахъ, и выбирали себѣ въ питомцы маленькихъ домашнихъ животныхъ, — кошекъ и щенятъ.

«Но тутъ обезьяна является иногда необъяснимою загадкою, говоритъ Брэмъ: она ухаживаетъ за своимъ любимцемъ, какъ только можно, прижимаетъ его къ сердцу, оцѣпляетъ его шерсть отъ паразитовъ, не выпускаетъ его изъ виду, но въ то же время ничего не даетъ ему ѣсть, а напротивъ, безъ всякихъ уgrызений совѣсти

сама поѣдаетъ назначенный для питомца кормъ, заботливо стараясь удалитъ маленькое голодающее существо отъ чашки, изъ которой ѣсть сама».

Материнская любовь обезьяны заслуживаетъ вниманія своею трогательностью;—она доходитъ до смѣшнаго. Самка родитъ обыкновенно одного дѣтеныша (у немногихъ породъ по два)—и трудно представить себѣ что нибудь уродливѣе этого маленькаго, сморщенного существа, съ тупымъ, безжизненнымъ взглядомъ, болѣе похожаго на старика, чѣмъ на ребенка. Вскорѣ послѣ рожденія, дѣтенышъ передними руками обвиваетъ шею матери, а задними ея станъ, такъ что въ такомъ положеніи ему ловко сосать и онъ не стѣсняется движенія матери, когда она бѣжитъ; выросши немного, онъ только въ минуты крайней опасности вскакиваетъ на спину родителей. Вся нѣжность обезьяны, вся ея способность любить обнаруживается вполне только тогда, когда она становится матерью, и въ это время нельзя смотрѣть на нее безъ нѣкотораго уваженія: она не наглядится, не налюбуется на своего дорогого уродца: то лизетъ, то слегка скребетъ ему все тѣло и голову, то, наконецъ, качаетъ и подбрасываетъ его на рукахъ, совершенно какъ человѣкъ. Пляний даже серьезно увѣрялъ, что, отъ избытка любви, она иногда задушаетъ своего дѣтеныша, но, по словамъ Брэма, новѣйшія наблюденія не оправдываютъ этого предположенія.—Когда маленький представитель молодого поколѣнія нѣсколько окрѣпнетъ, мать отпускаетъ его отъ себя на нѣкоторое разстояніе, позволяетъ ему играть съ другими однолѣтками-обезьянами,—но и тутъ ея бдительный надзоръ ни на минуту не ослабѣваетъ: она не спускаетъ съ него глазъ, и если, по юности и неопытности, заигравшееся дитя ея рискуетъ попасть въ бѣду или ему со стороны грозитъ какая нибудь опасность, она бѣжитъ къ нему, предупреждаетъ его очень своеобразными, выразительными звуками и, навьючивъ на спину, уноситъ въ безопасное мѣсто. У старухи обезьяны есть и своя теорія воспитанія, которая очень близко подходитъ къ теоріи многихъ двуручныхъ педагоговъ: по своей звѣрипой логикѣ, она требуетъ со стороны своего воспитанника полнаго повиновенія и, въ случаѣ непокорности, пускаетъ въ ходъ щелчки, пощечины и побои, въ чемъ опять-таки сходится съ порядочнымъ числомъ патентованныхъ и непатентованныхъ воспитателей юношества; и какъ же не сказать, что обезьяна хитрый звѣрь, когда она собственнымъ умомъ

дошла до такихъ мудрыхъ и человѣчныхъ истинъ? А маленькій субъектъ является не въ примѣръ благонаравнѣ и правственнѣ человѣческихъ дѣтей: послушаніе его совершенно идеальное; неповиновеніемъ онъ грѣшитъ весьма рѣдко, — такъ что такой воспитанникъ очень пришелся бы по душѣ не одному поклоннику пассивной покорности? — Въ плѣну мать дѣлитъ съ ребенкомъ своимъ каждый кусокъ и не перестаетъ заботиться о немъ; если онъ околѣбъ, она рѣдко переживаетъ его и съ тоски тоже околѣбаетъ.

На свободѣ обезьяны, по видимому пользуются хорошимъ здоровьемъ; по крайней мѣрѣ: неизвѣстно, чтобы онѣ страдали отъ какихъ нибудь повальныхъ болѣзней; но плѣнными, перевезенными въ Европу, онѣ плохо переносятъ нашъ суровый климатъ: непривычный холодъ гнететъ ихъ, совершенно измѣняетъ ихъ характеръ, дѣлая его печальнымъ и тихимъ, и быстро развиваетъ въ нихъ чахотку, отъ которой пѣтъ спасенія. Вотъ какъ Брэмъ описываетъ больную обезьяну: «Такое явленіе, какъ больная обезьяна, должно растрогать всякаго человѣка: бѣдное, всегда веселое животное сидитъ съ выраженіемъ тоски и страданія и жалобно, съ мольбою, почти по человѣчески глядитъ своими карими глазами въ лицо сочувствующаго человѣка. Приближаясь къ концу, она становится все тише и кротче; животная природа совсѣмъ исчезаетъ и все ярче выступаетъ болѣе благородная сторона ея существа; она принимаетъ всякую помощь съ величайшей благодарностью и вскорѣ начинаетъ видѣть въ докторѣ своего благодѣтеля; часто замѣчали, что обезьяна, которой пускали кровь, сама протягивала доктору руку, какъ только ей становилось плохо, и будто просила еще разъ избавить ее отъ страданія».

II.

Въ предшествовавшіе геологическіе періоды обезьяны населяли большее число странъ, чѣмъ теперь: онѣ жили тогда во всей южной Европѣ, въ Англіи и Франціи; но это, конечно, были обезьяны, непохожія на теперешнихъ, и организмъ ихъ былъ таковъ, что онѣ легко переносили суровый климатъ, гибельный для современныхъ намъ породъ и составляющій главное препятствіе къ ихъ распространенію у насъ. Теперь Гибралтаръ — единственное мѣсто въ

Европѣ, гдѣ живетъ небольшое стадо обезьянъ, которыхъ предки, по всѣмъ вѣроятіямъ, были переселены сюда изъ близлежащей Африки. Впрочемъ Гибралтаръ не составляетъ самой сѣверной точки ихъ распространія: японская обезьяна живетъ дальше на сѣверѣ, подѣ 37° сѣв. широты. Каждая часть свѣта имѣетъ свои породы, но у Азии и Африки есть общія, и это обстоятельство легко объясняется взаимнымъ положеніемъ обѣихъ странъ. Въ Старомъ Свѣтѣ можно принять за южную границу области распространія обезьянъ 35° южн. широты, тогда какъ въ Новомъ Свѣтѣ она гораздо ограниченнѣе и простирается только отъ 28° сѣв. до 29 южн. широты.

По всему устройству своего тѣла, обезьяна, по преимуществу, лѣсное животное, и настоящая ея сфера—темныя, густыя верхушки деревьевъ. Только немногія породы живутъ въ скалистыхъ горныхъ хребтахъ, и такіе горные жители, какъ павіаны, неловки на деревьяхъ и ищутъ на нихъ убѣжища только въ случаѣ крайней опасности. Породы, ведущія отшельническую жизнь, составляютъ между обезьянами рѣдкое исключеніе; онѣ, по большей части, соединяются въ общества или между собою, или съ обезьянами самаго родственнаго вида,—но послѣднее случается довольно рѣдко. Въ каждомъ изъ такихъ обществъ, самый старшій, умный и сильный самецъ становится начальникомъ, обезьяною-предводителемъ и, какъ неограниченный властитель, управляетъ всѣми обезьянами-гражданами; такая власть достается ему не по свободному выбору членовъ общества, а захватывается имъ самимъ послѣ ожесточенной борьбы съ сверстниками, которые тоже домогаются первенства, но смиряются, побѣжденные его ловкостью и силою: кто одолеваетъ тотъ и пользуется правами властелина; дѣло рѣшается силою рукъ и острою зубовъ. И житье же такому обезьянѣ-предводителю: все ему повинуются; въ отношеніи къ прекрасному полу, онъ является далеко не рыцаремъ и совершенно отрицаетъ всякую эманципацію и свободу въ дѣлахъ любви; онъ — султанъ въ своемъ гаремѣ, изображаемомъ всѣмъ женскимъ персонажемъ общества, и горе той легкомысленной самкѣ, которая бы позволила себѣ увлечься страстью къ какому нибудь молокососу изъ своихъ согражданъ,—побой напоминаютъ ей ея обязанности, которыхъ она, вѣрно, въ другой разъ не забудетъ; а влюбленному герою достается еще хуже. Впрочемъ обезьяна-предводитель съ большимъ достоинствомъ поддерживаетъ свой высокій санъ: привычка къ общему почету и повиновенію придаетъ всей его фигурѣ особенную велича-

вость, отличающую его от прочих обезьянъ. Съ спокойною важностью, съ полнымъ самообладаніемъ онъ принимаетъ отъ своихъ подданныхъ воздаваемые ему знаки общаго уваженія, позволяетъ имъ суетиться вокругъ него, освобождая его тѣло и голову отъ всякихъ насѣкомыхъ, — чѣмъ, по преимуществу, занимаются лохматая представительница прекраснаго пола, имѣя въ виду заслужить милостивое вниманіе властительнаго звѣря. Пользуясь всѣми этими преимуществами, предводитель, однако, исполняетъ свою обязанность; на него падаетъ вся забота о безопасности стада, и потому онъ гораздо подвижнѣе другихъ обезьянъ: онъ стоитъ на сторожѣ, пока все общество кормится, чутко и недоувѣрчиво слѣдитъ за всѣмъ, что происходитъ вокругъ, пылливо всматриваясь въ окружающіе предметы, издали замѣчаетъ всякую опасность и предупреждаетъ всю компанію крикомъ ужаса, который служитъ сигналомъ къ бѣгству. Трудно описать этотъ сигналъ: онъ состоитъ изъ ряда отрывистыхъ, дрожащихъ, рѣзкихъ звуковъ, вполне передающихъ выраженіе ужаса, которое тоже весьма краснорѣчиво изображается разнообразными кривляніями предводительскаго лица. — Кромѣ сигнальнаго крика, языкъ обезьянъ обладаетъ немалымъ числомъ другихъ измѣняющихся звуковъ, которые выражаютъ разнообразныя внутреннія движенія впечатлительной обезьяньей природы: радость, любовь, гнѣвъ такъ ясно сказываются въ нихъ, что ихъ легко угадать.

Изъ всѣхъ млекопитающихъ, обезьяна, безспорно, самое подвижное животное и разнообразіе пищи развиваетъ въ ней эту особенность. Цѣлое обезьянье общество, отправляющееся на добычу подъ предводительствомъ своего начальника, представляетъ очень оживленную картину; которую весьма художественно нарисовалъ Брэмъ: — «Все сколько нибудь сѣдмое годится имъ: плоды, луковицы, шишки мучныхъ растений, сѣмена, орѣхи, листья, сочные корни составляютъ главную пищу; насѣкомыя тоже поѣдаются, а яйца и молодые птицы составляютъ любимое лакомство. Такимъ образомъ, безпрестанно приходится что нибудь разглядывать, ловить или срывать, обнюхивать или отвѣдывать, чтобы рѣшиться — сѣсть это или кинуть; такое изслѣдованіе требуетъ безпрестанной бѣготни, и потому шайка никогда не бываетъ спокойна. Велика забота о насущномъ хлѣбѣ; и даже съ мощнымъ слономъ происходятъ иногда драки, если онъ тоже ищетъ добычи въ лѣсу, этой области обезьянъ. О собствен-

ности эти мопсены имеют самые смутные понятия: «Мы съемъ, а обезьяны жнутъ», говорятъ арабы Юго-восточнаго Судана Поля и сады составляютъ любимыя мѣста этихъ животныхъ и опустошаются ими такъ, что люди и жалко смотрѣть: каждая обезьяна разоряетъ, что попадется подъ руку, въ десять разъ больше, чѣмъ съѣдаетъ, и, вслѣдствіе этого, всѣ туземцы, исключая суевѣрныхъ индусовъ, питаютъ къ ней глубочайшую несправедливость. Отъ нихъ не спасетъ ни замокъ, ни задвижка, ни заборъ, ни стѣна; онѣ отворяютъ замки, перелѣзаютъ черезъ стѣны и забираютъ съ собою все то, чего не поѣдаютъ,—даже золото и драгоценныя камни. Надо самому видѣть вышедшую на добычу шайку обезьянъ, чтобы понять вполне, что онѣ способны разозлить хозяина до полусмерти; постороннему же наблюдателю, слѣдующему за этими проворными животными, представляется самая оживленная и забавная картина. Всѣ шутки пускаются въ ходъ: онѣ бѣгаютъ, скачутъ, лазятъ, кривляются, въ случаѣ нужды, даже плаваютъ; трудно вообразить, что продѣлывается въ вѣтвяхъ: только орангутанги и павіаны неловки; другія обезьяны совершенныя канатныя плясуньи—кажется, будто онѣ могутъ летать. Прыжокъ въ 20—30 футовъ разстоянія—пустяки; съ верхушки дерева, съ высоты 30 ф. онѣ прыгаютъ внизъ, на конецъ вѣтви, низко наклоняютъ ее собственною тяжестью и сообщаютъ себѣ сильный взмахъ, когда она отскакиваетъ назадъ; вытянувъ хвостъ и заднія ноги, животное стрѣлою летитъ по воздуху и продолжаетъ такое путешествіе тотчасъ послѣ благополучнаго прибытія на какой нибудь пунктъ, точно будто ему приходится идти по мощеному полу, а не пробираться между страшнѣйшими шипами. Ползучее растеніе представляетъ удобную лѣстницу, стволъ дерева—торную дорогу, по которой обезьяна лазитъ впередъ и назадъ, вверхъ и внизъ головою; если бросить ее въ верхушку дерева, она схватывается одною рукою за сучокъ, на которомъ терпѣливо виситъ, пока онъ перестанетъ качаться, потомъ отправляется выше и дальше, ступая, какъ по ровной землѣ; если вѣтка подломится, обезьяна, падая, схватится за другую; если и она не выдержитъ, то третья вѣрно не измѣнитъ, а въ крайнемъ случаѣ не бѣда и унасть; чего не можетъ взять передняя рука, то схватывается задняя, а у американскихъ обезьянъ—хвостъ». — Вотъ какіе подвиги совершаются во время добыванія пищи; но вдругъ раздается предупредительный сигналъ начальника, происходитъ об-

шее смятеніе, самки сзываютъ дѣтей, навьючиваютъ ихъ на спины и, подъ предводительствомъ стараго вождя, начинается поспѣшное отступленіе къ ближайшимъ скаламъ или деревьямъ; когда же, по мнѣнію успокоившаго ея предводителя, опасность миновалась, шайка опять собирается вокругъ него, возвращается на оставленное мѣсто и снова припимается за прерванный грабежъ.

III.

Изъ обезьянъ Стараго Свѣта, азіатскій орангутангъ и африканскій шимпанзе, принадлежащіе, вмѣстѣ съ гориллою, къ породѣ такъ называемыхъ *лѣсныхъ людей*, лучше другихъ своихъ собратьевъ поддаются прирученію и отличаются отъ нихъ добродушіемъ и привязчивостью. Голландецъ Фосмаернъ, у котораго довольно долго жила ручная самка-орангутангъ, первый сообщаетъ намъ точныя наблюденія надъ этою породою. Какая-то особенная тоскливость была отличительною чертою этой молодой самки, которая вскорѣ умерла отъ чахотки. Въ ней не было ^{ни малѣйшей} фальшивости и злобы, такъ что безъ всякихъ опасеній можно было положить ей руку въ ротъ; предпочиталъ тѣхъ, кто былъ съ нею ласковѣе и внимательнѣе, она вообще любила общество людей безъ различія половъ. Ее сажали на цѣпь и отъ этого она приходила въ самое трагическое отчаянне: билась на полу, рвала все, что попадалось подъ руку, кричала, — что въ спокойномъ состояніи духа случалось съ нею только, когда ее оставляли одну. Когда ее разъ спустили, она принялась проворно лазить по балкамъ крыши, стащила гдѣ-то бутылку малаги, ловко раскупорила ее и, выпивъ все вино до капли, отнесла пустую бутылку въ цѣлости на мѣсто. Сила рукъ; которыми она могла поднимать значительныя тяжести, и ловкость пальцевъ были замѣчательны: она умѣла въ совершенствѣ опустошать карманы подходившихъ къ ней посѣтителей, незамѣтно вытаскивая то, что ей нравилось, и проворно распутывая пальцами или зубами самые затянутые узлы на веревкахъ; большимъ удовольствіемъ для нея было развязывать всякому, кто подходилъ врзсплохъ, банты или узелки на башманахъ. Пила она обыкновенно воду, ѣла все.

Напившись, она часто вытирала ротъ рукою и даже, послѣ

ѣды, какъ человѣкъ, употребляла зубочистку.—Разъ нашей обезьянѣ принесли молодую кошку; она взяла ее въ руки и стала съ удивленіемъ и заботливо обихивать и разсматривать; кошкѣ это, вѣроятно, не понравилось, потому что она оцарапала ей руку,—обезьяна тотчасъ же бросила ее на полъ, осмотрѣла ранку и съ тѣхъ поръ не хотѣла больше знаться съ кошками. Когда ей поднесли воробья, она въ первую минуту очень испугалась, но потомъ рѣшилась задушить его, и, хотя ѣсть не стала, но выдернула изъ него нѣсколько перьевъ. Она видѣла разъ, какъ замокъ ея цѣпи отперли ключомъ, и слѣдила за этимъ съ большимъ вниманіемъ; съ тѣхъ поръ каждый разъ, когда ей хотѣлось на свободу, она отыскивала палочку и начинала вертѣть ею въ замокъ, желая, такимъ образомъ, отпереть его.

На кораблѣ капитана Смита въ продолженіи трехъ мѣсяцевъ жила обезьяна, о которой онъ сообщаетъ нѣсколько интересныхъ эпизодовъ. Пока продолжалось плаваніе по азіатскимъ водамъ, орангутангъ былъ веселъ, лазилъ по снастямъ, игралъ съ другими маленькими обезьянами, своими товарищами по плѣну, и постоянно жилъ на палубѣ, уходя въ каюту только на ночь. Но когда корабль вышелъ изъ Зондскаго пролива, веселость его стала постепенно пропадать, соразмѣрно съ уменьшавшеюся теплою; онъ сталъ рѣдко выходить на открытый воздухъ, пересталъ рѣзвиться и играть, а въ южномъ ушѣренномъ поясѣ, большею частью, сидѣлъ въ каютѣ совершенно неподвижно, закутавшись съ головою въ шерстяное одеяло. Боби—такъ звали орангутанга,—особенно любилъ саго, муку, соль, мясо, котораго легко поѣдалъ 3—4 ф. за одинъ разъ; муку онъ каждый день добывалъ себѣ самъ на кухнѣ: выбирая для этой продѣлки время отсутствія повара, онъ открывалъ бочонокъ, захватывалъ полную горсть муки и, поѣвши ее, обтиралъ руку объ голову, такъ что каждый разъ возвращался напудренный и, такимъ образомъ, самъ изобличалъ свое воровство. Онъ твердо помнилъ время обѣда: ровно въ 2 часа Боби являлся въ каюту, садился за общій столъ и при этомъ держалъ себя совершенно чисто и спокойно; только къ правильному употребленію ложки онъ никакъ не могъ привыкнуть: онъ просто подносилъ тарелку ко рту и, выпивъ весь супъ до капли, осторожно, никогда не разбивая ее, ставилъ посуду на столъ; къ вину онъ имѣлъ особенную слабость и пилъ его слѣдующимъ оригинальнымъ способомъ:

сначала поданный стаканъ тщательно обнюхивался, потомъ пияняя губа вытягивалась дюйма на три впередъ, образуя что-то въ родѣ ложки, и въ нее-то заразъ выливалось все вино, которое Боби, произведя всѣ эти формальности, начиналъ глотать медленно, пропуская его сивозъ зубы, чтобы продлить наслажденіе, — словомъ, уподобляясь въ эти минуты «мудрому», который, по словамъ поэта, «пьеть съ самосознаніемъ». Жаль только, что Боби не всегда обладалъ такимъ самосознаніемъ, потому что страсть къ вину погубила его, какъ губить часто не одно двурукое существо. Разъ онъ подсмотрѣлъ, какъ, убирая погребъ, оставили въ сторонѣ, до другого разу, нѣсколько бутылокъ рому; искушеніе было сильное, и Боби забрался въ погребъ; ночью люди, сбѣжавшіеся на шумъ, нашли его съ полу-выпитою бутылкою у рта, окруженнаго порядочнымъ количествомъ пустыхъ бутылокъ, которыя онъ тщательно прикрылъ соломой; черезъ нѣсколько минутъ, вино оказало свое дѣйствіе и сдѣлало Боби чрезвычайно похожимъ на пьянаго человѣка: онъ сталъ очень веселъ, прыгалъ по столамъ и стульямъ, дѣлалъ самыя смѣшныя движенія и, наконецъ, послѣ сильнѣйшаго волненія, во время котораго его усмирить было невозможно, упалъ съ пѣною у рта на полъ и долго пролежалъ, совершенно оочентвѣвшій и неподвижный. Черезъ нѣсколько часовъ, онъ пришелъ въ себя и у него открылась сильная первая лихорадка, отъ которой онъ умеръ недѣлю черезъ двѣ. Во время болѣзни онъ былъ чрезвычайно тихъ, грустными, ласковыми глазами глядѣлъ въ лицо заботившимся о немъ людямъ и протягивалъ своему хозяину руку, потому что разъ ему щупала пульсъ.

У Боби былъ другъ — маленькая обезьяна, которую онъ очень любилъ и всегда защищалъ въ случаѣ опасности: когда за какую-нибудь проказу ей грозило наказаніе, она укрывалась въ объятіяхъ своего большаго защитника, который немедленно отправлялся съ нею на мачту или прогуливался по спасаніямъ, пока, по его соображеніямъ, опасность должна была миноваться. Боби постоянно ходилъ на четверенькахъ, наступая сначала на обѣ руки и передвигая потомъ между ними ноги, какъ дѣлаютъ это безногіе калѣки; выпрямившись, онъ съ трудомъ дѣлалъ нѣсколько шаговъ, и то долженъ былъ держаться за что нибудь руками, какъ дѣти, которыя еще учатся ходить. Лицо его было невыразительно, а языкъ состоялъ всего изъ двухъ звуковъ: слабый, свистящій гортанный звукъ служилъ выра-

женіемъ внутренняго волненія, а сильный ревъ, напоминавшій мычаніе испуганной коровы, обозначалъ страхъ и ужасъ, подъ вліяніемъ которыхъ Боби находился два раза во время своего плѣна, — когда увидалъ водяныхъ змѣй, которыхъ капитанъ Смитъ везъ съ собою съ острова Явы, и потомъ, когда увидалъ стаю кашалотовъ.

IV.

Въ послѣднее время, въ Европу, даже въ Германію часто привозили шимпанзе, но суровый климатъ нашей части свѣта скоро губить этихъ обитателей юга, которые, недолго проживши, чахнутъ и умираютъ у насъ, хотя плѣны они переносятъ легко и даже говорятъ, что на родинѣ ручные шимпанзе достигаютъ 20-ти лѣтняго возраста, значительной величины и силы. Смысленности, кротости, ласковости составляютъ — на сколько можно судить по различнымъ наблюденіямъ, — главныя черты характера ручныхъ шимпанзе. Родина ихъ — Верхняя и Нижняя Гвинея, гдѣ они преимущественно населяютъ большіе лѣса, лежащіе у морскихъ береговъ и въ рѣчныхъ долинахъ; въ дикомъ состояніи они живутъ довольно многочисленными обществами, которыя отличаются сильною взаимною привязанностью членовъ: сильные защищаютъ слабыхъ и ищущая любовь соединяетъ самца, самку и дѣтенышей. Хотя походка шимпанзе весьма неловка и невѣрна, говорятъ, однако, что онъ преимущественно находится на землѣ, взлѣзая на деревья только за тѣмъ, чтобы добыть корму или укрыться отъ опасности; отъ постоянного цѣплянья за вѣтви и хватанья разныхъ предметовъ, руки шимпанзе совершенно сгибаются и стягиваются, такъ что при ходьбѣ онъ наступаетъ не на подошвы, а на суставы, и когда идетъ на однихъ заднихъ ногахъ (что случается очень рѣдко), то не въ состояніи отдѣлнить пятку отъ земли. Во время отдыха шимпанзе сидитъ, а ночь онъ проводитъ, подобно гориллѣ и орангутангу, въ гнѣздахъ, которыя сооружаются изъ согнутыхъ древесныхъ вѣтвей и выкладываются внутри листьями и сучьями. По увѣреніямъ негровъ, взрослый шимпанзе такъ силенъ, что одинъ можетъ противиться десяти человѣкамъ и хватать вѣтви, съ которыми двое людей едва могли бы справиться; однако, не смотря на такую почтенную силу, онъ въ отношеніи къ человѣку никогда не дѣйствуетъ наступательно: самцы бросаются

въ бой только, когда охотникъ ранить или убить одного изъ членовъ общества, и тогда стрѣлку грозитъ серьезная опасность, если нападающіе многочисленны.

Шимпанзе, привезенный въ Европу, скоро становится грустенъ, будто чувствуетъ приближеніе смертельной болѣзни, и начинаетъ валять, тоскливо прижимая руки къ ноющей груди.

Весьма интересный субъектъ былъ шимпанзе-самецъ Генри Сайэрсъ; онъ очень скоро привыкъ къ хозяину и почувствовалъ такую нѣжную привязанность къ маленькому негру, что приходилъ въ сильный гнѣвъ и начиналъ кричать изъ всѣхъ силъ, какъ только черный другъ отходилъ отъ него; ему чрезвычайно нравились всякія платья, и при всякомъ удобномъ случаѣ онъ тащилъ къ себѣ первую попавшуюся одежду, садился на нее, обнаруживая свое удовольствіе своеобразнымъ гортаннымъ мурлыканьемъ, и отдавалъ похищенную вещь не иначе, какъ послѣ упорной борьбы. Замѣтивъ эту страсть, ему дали кусокъ бумажной матеріи, который онъ всюду таскалъ съ собою, и никакая приманка не могла заставить его хоть на минуту разстаться съ этою драгоценностью. Если ему не давали его любимаго кушанья—банановъ, онъ приходилъ въ самое брюзгливое настроеніе. «Я разъ отнялъ у него бананъ, говоритъ Сайэрсъ вслѣдствіе этого, онъ пришелъ въ совершенное бѣшенство и, съ проклятымъ крикомъ бросившись къ стѣнѣ, такъ сильно ударился о нее головою, что упалъ навзничь, потомъ вскочилъ на сундукъ, съ отчаяньемъ протянулъ руки впередъ и опять бросился на полъ. Все это внушило мнѣ опасеніе за его жизнь и я уступилъ: побѣда вызвала въ немъ живѣйшую радость, которую онъ въ продолженіи нѣсколькихъ минутъ обнаруживалъ весьма многозначительнымъ ворчаньемъ и мурлыканьемъ». Такіе припадки гнѣва повторялись каждый разъ, когда не исполняли его желанія; впрочемъ, даже во время самыхъ сильныхъ вспышекъ, онъ никогда не кусалъ ни своего хозяина, ни сторожа.

Наука очень бѣдна достовѣрными свѣденіями объ образѣ жизни и нравахъ гориллы, а главная причина этой неизвѣстности заключается въ необыкновенной дикости и силѣ описываемой нами породы. Между хищными звѣрями горилла не имѣетъ опасныхъ соперниковъ; встрѣчаясь, при добываніи пищи, со слономъ, онъ обращаетъ его въ бѣгство, легко одолеваетъ леопарда, который, по больше части, и не рѣшается вступать съ нимъ въ драку, и даже спра

ляется со львомъ, вѣроятно, нападая на него цѣлою шайкою. Понятное дѣло, что для звѣря, который такъ легко побѣждаетъ самыхъ сильныхъ четвероногихъ, борьба съ человѣкомъ не имѣетъ ничего опаснаго, и нащѣ тщедушный двуногій собратъ является «мальчишкою и щенкомъ» передъ такимъ мощнымъ противникомъ. Туземцы боятся гориллы больше всѣхъ другихъ лѣсныхъ звѣрей, и всѣ рассказы ихъ о борьбѣ съ этою обезьяною заставляютъ невольно содрогаться отъ ужаса; борьба эта такъ опасна, что тотъ негръ, которому посчастливится убить гориллу, считается настоящимъ героемъ въ своемъ племени. Когда все семейство находится въ сборѣ, горилла-самецъ, обыкновенно, первый нападаетъ на человѣка—даже если онъ его и не затрогиваетъ, а сама съ дѣтьми ищетъ безопасности на ближайшихъ деревьяхъ. Бѣшеный звѣрь бросается на своего врага, злобно сверкая глазами, щелкая зубами и издавая пронзительные крики, и счастливъ тотъ, кому удастся въ этой отчаянной борьбѣ на жизнь и смерть убить обезьяну на поवालъ однимъ мѣтениемъ выстрѣломъ, потому что иначе онъ пропадетъ: горилла вырываетъ у него ружье, сгибаетъ въ дугу или ломаетъ въ куски и своими страшными зубами наноситъ человѣку смертельныя раны. Растерзавъ свою жертву, горилла, по словамъ нѣкоторыхъ путешественниковъ, громкимъ воемъ празднуетъ свою побѣду. — Горилла живетъ не стадами, а семействами, которыя, по большей части, состоятъ изъ самца, самки и одного или двухъ дѣтенышей; встрѣчаются, впрочемъ, и общества, въ которыхъ по числу преобладаютъ самки, потому что самцы часто сражаются между собою за предводительство и, такимъ образомъ, истребляютъ другъ друга. Долины, покрытыя кустарниками и крупными травами и поросшія высокими деревьями холмы составляютъ любимыя жилища нашихъ обезьянъ, которыя только по окончаніи уборки подходятъ ближе къ негритянскимъ деревнямъ. Въ случаѣ опасности, мать съ самопожертвованіемъ защищаетъ своихъ дѣтей; разъ охотники напали на одно семейство, которое, вѣроятно, почему нибудь было безъ самца,—мать отнесла одного изъ птенцовъ на высокое дерево, но другого не успѣла защитить и за нимъ погнались; самка тотчасъ съ бѣшенствомъ бросилась къ нему, схватила его на руки и пошла на встрѣчу охотникамъ; они прицѣлились; самка съ умоляющимъ видомъ подняла руки, будто хотѣла отразить смертельную пулю, которая, не смотря на ея трогательныя жесты, убила ее на поवालъ.

Горилла не только самая сильная и большая обезьяна, но и самая развитая въ физическомъ отношеніи: ростъ ея достигаетъ 5 $\frac{1}{2}$ футовъ, ширина плечъ 3 ф., передніе члены значительно длиннѣ заднихъ и руки, по толщинѣ, равняются толстой мужской ногѣ; черепъ ея вѣрнокъ и объемистъ, носъ плоскій, выдающаяся впередъ морда снабжена очень подвижною и вытягивающеюся нижнею губою, а на головѣ растетъ высокій хохоль, который то встаетъ дыбомъ, то ложится назадъ; руки отличаются огромнымъ, противопоставляемымъ большимъ пальцемъ; хвоста же у гориллы совсѣмъ нѣтъ.

На сколько горилла поддается прирученію и какъ дѣйствуетъ на него вліяніе человѣка—еще неизвѣстно, потому что до сихъ поръ еще ни одному путешественнику не удалось привезти въ Европу живой экземпляръ этой породы и не было случая, чтобы онъ долго прожилъ въ плѣну. Американскому путешественнику Дю-Шайлью посчастливилось достать живого молодого гориллу-самца, котораго поймали для него туземцы-охотники въ странѣ между Рембо и горами Св. Еватерины, и Брэмъ приводитъ его разсказъ объ этомъ дикомъ субъектѣ, хотя вообще относится къ этому авторитету съ недоверіемъ и ироніею. Когда подкравшіеся охотники застрѣлили самку, молодой горилла недалеко отъ нея рвалъ и ѣлъ землянику; испуганный выстрѣломъ, онъ бросился къ матери, обнялъ ея тѣло и спряталъ лицо на ея груди, но, увидавъ, что его хотятъ поймать, взлѣзъ на дерево, пріѣтствуя оттуда негровъ самымъ бѣшеннымъ ревомъ, и дался имъ въ руки только послѣ отчаяннаго сопротивленія, въ которомъ выказалъ удивительную силу. Такъ какъ онъ на всѣхъ бросался, кусался и дрался, то вести его въ деревню невозможно было иначе, какъ съ помощью деревянной вилы, сшивавшей его шею. Когда его посадили въ бамбуковую клетку, Дю-Шайлью подошелъ къ нему, чтобы успокоить его, но его приближеніе не произвело желаннаго дѣйствія: почувавъ человѣка, обезьяна, мрачно стоявшая въ самомъ дальнемъ углу клетки, залаяла, бросилась на него, и, хотя тотъ успѣшилъ отодвинуться, успѣла схватить его за панталоны, которые тотчасъ же разлетѣлись въ клѣтки; покончивъ этотъ подвигъ, онъ опять отправился въ свой уголокъ; ему принесли корму, но онъ не ѣлъ, пока люди оставались вблизи. Въ продолженіи 3 дней дикость плѣнника увеличивалась: онъ то бѣшено лаялъ изъ своей клетки, то бросался на подходившихъ къ нему людей и, казалось, былъ готовъ всѣхъ разорвать; на

четвертый день ему удалось разломать клетку и бѣжать; сначала онъ забился подъ кровать, но, видя, что его пришли ловить, выскочилъ оттуда и сталъ посрединѣ комнаты, сверкая глазами, дрожа всѣмъ тѣломъ отъ злости, но при этомъ осматривая съ нѣкоторымъ удивленіемъ окружавшіе его предметы; когда ему накинули на голову сѣть, онъ съ яростью заревѣлъ и сталъ биться; — «наконецъ, говоритъ Дю-Шайлю, я схватилъ его свади, двое людей взяли его за руки, двое за ноги; но, не смотря на наши соединенныя усилія, намъ все-таки было много труда съ маленькимъ звѣремъ». Ничѣмъ нельзя было его усмирить; онъ ничего не ѣлъ, кромѣ листьевъ и дивныхъ плодовъ, и, совершивъ второй неудачный побѣгъ, умеръ черезъ 10 дней послѣ него; однако, наконецъ, онъ сталъ узнавать своего хозяина. Вотъ какъ Дю-Шайлю описываетъ его наружность: — «лицо и кисти рукъ были черны, но глаза еще не такъ глубоко вывали, какъ это бываетъ у старыхъ гориллъ; на бровяхъ и рукахъ только-что начинала расти буроватая шерсть; верхняя губа была покрыта короткими волосами, а подбородокъ маленькою бородой; вѣки были тонки, а брови длиною въ $\frac{3}{4}$ дюйма; сѣдая шерсть, темнѣвшая около рукъ и превращавшаяся въ бѣлую назадъ, покрывала его затылокъ, — на груди и животѣ она была жиже, на рукахъ длиннѣе».

У.

Послѣ гориллы, павіанъ самый дикій и сильный изъ породы обезьянъ. Онъ живетъ въ счастливой Аравіи, Іеменѣ и Гадремаутѣ; но Африка составляетъ его настоящую родину. Настоящая его область — это высокія скалы и горныя цѣпи, гдѣ онъ иногда встрѣчается на 12,000 ф. надъ уровнемъ моря и даже достигаетъ снѣговой линіи, предпочитая, однако, среднюю полосу отъ 4 до 6000 ф. высоты; здѣсь онъ въ своей сферѣ: двигается легко и свободно, проворно бѣгаетъ по утесамъ, — словомъ, такъ же дома въ дикихъ, каменныхъ крутизнахъ, какъ гиббонъ въ таинственной густотѣ дѣвственнаго лѣса; разумѣется, какъ это всегда бываетъ, пища павіана вполне соответствуетъ его образу жизни: онъ потребляетъ только то, что растетъ въ землѣ или на самой незначительной высотѣ, напримѣръ, травы, луковицы, корни, узавшіе или

мною растущіе плоды, кѣсленыя и т. д. Въ породѣ павіановъ мы имѣемъ дѣло съ самыми безобразными и злонравными по характеру представителями всей обширной обезьяньей семьи, которые своими пороками и наклонностями глубоко возмущаютъ и огорчаютъ добраго гѣнца Брэма. Аристотель первый прозвалъ павіановъ «собачьиими головами» — и не даромъ, потому что этииъ мѣткимъ эпитетомъ онъ выразилъ самую характеристическую черту ихъ паружности; дѣйствительно, хотя у павіана голова собаки является въ совершенно искаженномъ видѣ, однако, между обѣими головами все-таки есть поверхностное сходство, — такое же, какое существуетъ между черепомъ гориллы и человѣка; а главную особенность, которою павіаны отличаются отъ другихъ породъ, составляетъ длинная, выдающаяся впередъ, нѣсколько собачья морда. По складу своему, павіанъ преземистъ, высокъ ростомъ и одаренъ необыкновенною мускульною силою. Онъ обыкновенно ходитъ на четверенькахъ, выпрямляется рѣдко — только въ случаѣ нужды (напримѣръ когда ему нужно оглядѣть окрестность), — и то не совсѣмъ, потому что, по большей части, опирается на одну изъ переднихъ рукъ походка его болѣе напоминаетъ неуклюжую собаку, чѣмъ обезьяну и, по выраженію Брэма, отличается «легкимъ безстыдствомъ известнаго рода»; пока онъ не спѣшитъ, шаги его медленны и тяжелы, но какъ только онъ чувствуетъ непогою — эта мѣшковатая поступь тотчасъ замѣняется самымъ оригинальнымъ галопомъ, который обыкновенно сопровождается не менѣе оригинальными тѣлодвиженіями: «такого раскачиванія всего тѣла, особенно задней части, не увидишь ни у какого другого животнаго; и при этомъ хвостъ павіана выгнуть такимъ вызывающимъ образомъ, маленькіе блестящіе глаза его выглядываютъ такъ безстыдно, что самая вѣбность показываетъ всѣ его предосудительныя наклонности». Однако не смотря на дикость павіана, его ловить довольно легко, пользуясь для этого его страстью къ крѣпкимъ навиткамъ: ставятъ на какия нибудь известныя мѣста, куда павіаны часто заглядываютъ, посудины съ спиртуозными жидкостями и потомъ, когда, привлеченныя приятнымъ запахомъ, обезьяны совершенно ослѣпѣютъ, ихъ забираютъ въ плѣнъ безъ всякаго сопротивленія съ ихъ стороны. Старый павіанъ такой необузданный, «беспадѣжный» дикарь, котораго ничѣмъ нельзя укротить; молодого приручать можно, но это стоитъ большаго труда, и влияніе человѣка все-таки не ум-

что составляет основныя черты его страстнаго характера, — особеннаго безстыдства, хитрости, злобы и раздражительности; впечатлительностью и силою, съ которою онъ предаётся каждому изъ быстро-смѣняющихся въ немъ ощущеній, онъ, кажется, превосходитъ всѣхъ другихъ обезьянъ; гнѣвъ всмысливается въ немъ мгновенно, отъ самой незначительной причины: чтобы довести его до бѣшенства, довольно насмѣшливаго смѣха, веселаго взгляда, и въ эту минуту онъ, желкая зубами, кидается кусать даже того, къ кому чувствуетъ нѣкоторую привязанность. Половые инстинкты въ павіанахъ такъ сильны, что они не только гонятся за самками своей породы, но чувствуютъ даже особенное влеченіе ко всѣмъ большимъ млекопитающимъ женскаго пола, и, по словамъ Шейтлина, «дѣтей и женщинъ нельзя подпускать къ нимъ близко»; говорятъ даже, что мандрилы, «самые отчаянные дикари изъ породы павіановъ», цѣлыми стадами врываются во время жатвы въ негрятянскія деревни и откровенно насмѣются женщинамъ; впрочемъ, есть примѣры, доказывающіе, что и такой лютой звѣрь, какъ мандрилъ, способенъ къ болѣе возвышенной любви, и что онъ даже и ревновать умѣетъ со всѣмъ тѣмъ на подобіе человека. Въ парижскомъ Jardin des Plantes жилъ такой оригиналъ, мандрилъ-самецъ; онъ питалъ нѣжную, хотя совершенно платоническую страсть къ молодой дѣвушкѣ, дочери одного изъ сторожей; разъ онъ вырвался изъ клѣтки и, давши волю своему беспокойному нраву, надѣлалъ множество буйствъ, перекусалъ нѣсколькихъ сторожей и никакими приманками нельзя было привлечь его назадъ въ клѣтку, а употребить для этого силу оказалось опаснымъ и бесполезнымъ; но чего не могли сдѣлать ни насиліе, ни хитрость, то сдѣлала любовь, которая, какъ извѣстно, укрощаетъ и самые необузданные порывы: когда за клѣткою стала любимица мандрилы и одинъ изъ сторожей, обнявши ее, сдѣлалъ видъ, что цѣлуетъ съ нею, — ревность забушевала въ страстномъ поклонникѣ и онъ опрометью бросился въ клѣтку, конечно, съ намереніемъ растерзать счастливаго соперника, — но это торжество не досталось на долю четверорукаго Отелло, потому что дверь захлопнулась за нимъ и безсильная ярость его могла выразиться только въ различныхъ тѣлодвиженіяхъ и крикахъ.

Павіаны соединяются въ болѣе или менѣе многочисленныя общества, которыя, по своему устройству, совершенно походятъ на общества всѣхъ другихъ обезьянинихъ породъ; враговъ между четвероно-

гнѣхъ хищниками у нихъ немного: сила каждого индивидуума и значительное число всей стаи ставят павиановъ въ безопасное положеніе; когда такая стая въ сборѣ, на нее, по единогласнымъ увѣщеніямъ туземцевъ, не рѣшается напасть даже левъ; леопардъ, какъ кажется, самый опасный врагъ павиановъ, но и онъ преслѣдуетъ преимущественно дѣтенышей, потому что въ борьбѣ съ взрослою обезьяною рискуеть остаться побѣжденнымъ. Самую непримиримую ненависть къ павианамъ питаютъ собаки: стоять имъ только напасть на ихъ слѣдъ, — и онѣ оставляютъ для него всякій другой, съ яростнымъ лаемъ гонятся за ними и совершенно безразсечно бросаются въ свалку, которая, по большей части, кончается пораженьемъ собакъ, хотя и павианы иногда бываютъ принуждены отступить съ урономъ. На одной изъ своихъ охотъ, Брэмъ былъ свидѣтелемъ схватки павиановъ-гамадриадъ съ собаками и описываетъ ее слѣдующимъ образомъ: «Я уже издали увидалъ высокія фигуры самцовъ, но принимая ихъ за обломки скалы, лежащія на площадкѣ, потому что, пока они не шевелятся, они очень похожи на каменные глыбы; послышался односложный лай, и тогда только я понялъ, въ чемъ было дѣло: всѣ головы обратились къ намъ, внизъ; только дѣтеныши продолжали беззаботно играть, а нѣсколько самокъ, не оставя своего любимаго занятія, продолжали заботливо обыскивать шерсть престарѣлаго самца. Вѣроятно, общество осталось бы въ выжидательномъ положеніи, если бы съ нами не было двухъ веселыхъ, сильныхъ, стройныхъ борзыхъ собакъ, привыкшихъ отгонять отъ жилищъ гнѣну и даже испытанныхъ въ борьбѣ съ тамошними водьями. Онѣ отвѣчали на голосъ павиановъ громкимъ лаемъ, и тогда мы замѣтили въ стадѣ всеобщее смятеніе. Обезьянамъ, повидимому, хотѣлось отыскать еще болѣе безопасное мѣсто, и потому онѣ, всѣ до послѣдней, потянулись вдоль по выступу скалы и скрылись изъ виду; но, къ немалому удивленію нашему, въ сосѣднемъ изгибѣ долины мы увидали опять все стадо; но на этотъ разъ оно, совершенно непонятнымъ для меня образомъ, лѣпилось длинною вереницею по очень высокой, почти отвѣсной скалѣ. Эта вереница показалась намъ слишкомъ заманчивою, чтобы оставить ее въ покоѣ: страсть къ охотѣ слишкомъ одолѣвала; мы не чувствовали, въ себѣ того сожалѣнія, которое шевелится въ каждомъ охотникѣ, когда онъ стрѣляетъ въ маленькую обезьяну, потому что павианы вовсе не казались намъ карриатурою человѣка, а напротивъ, незаслуж-

вавшими никакой пощады, злобыми, бѣшенными хищными зверями, совершенно пригодными къ охотѣ. Но, къ несчастью, стѣна была слишкомъ высока для мѣткого выстрѣла, и потому мы рѣшили только вспугнуть компанію; первый выстрѣлъ произвелъ необычайное дѣйствіе: въ отвѣтъ на него раздались отчаянный ревъ, вой, ворчанье, лай, потомъ вся вереница припла въ движеніе и заволновалась вдоль каменной стѣны, ступая съ такою же увѣренностью, какъ по ровной землѣ, хотя мы совершенно не могли понять, какъ имъ было возможно такое движеніе. Узкая тропинка, казалось, служила для нихъ весьма спокойною дорогою. Только въ двухъ мѣстахъ, гдѣ пришлось спуститься и опять подняться футовъ на 10, вереница пошла нѣсколько медленнѣе и осторожнѣе. Мы выстрѣляли еще разъ 6, но вѣрно цѣлить было невозможно, даже ужъ потому, что зрѣлище было такъ интересно, что отнимало у насъ всякое спокойствіе. Наши пули были, однако, довольно хорошо направлены, чтобы довести волненіе обезьянъ до совершеннаго ужаса; въ высшей степени бѣжично было видѣть, какъ, послѣ каждаго выстрѣла, все стадо вдругъ схватывалось за скалу, будто боясь оборваться въ глубину отъ одного только сотрясенія воздуха. Однако, кажется, на этотъ разъ испугъ отнялъ у нихъ обыкновенную ихъ расчетливость, потому что, оглябая слѣдующій поворотъ долины, мы встрѣтили ихъ не на высотѣ, а внизу: онѣ переходили долину, чтобы искать убѣжища въ противоположныхъ крутизнахъ; многія изъ нихъ уже нерешли, но большая часть была еще на этой сторонѣ. При видѣ этой движущейся массы, собаки на минуту остановились въ удивленіи, но потомъ бросились въ нее, залываясь звоннымъ лаемъ; вышла картина, которую рѣдко удается видѣть: при появленіи собакъ старыя гаяздріады бросились къ нимъ на встрѣчу со всѣхъ скалъ, собрались вокругъ нихъ, страшно заревѣли, широко развѣвая зубастую пасть, яростно ударили руками по землѣ и смотрѣли на своихъ противниковъ такимъ злобнымъ, свержающимъ взглядомъ, что храбрые бойцы съ ужасомъ отскочили и стали искать нашей защиты; но мы, конечно, опять натравили ихъ и, къ счастью, намъ удалось снова возбудить въ нихъ воинственный духъ; пока это происходило, зрѣлище нѣсколько измѣнилось: обезьяны-небѣдтели ушли на избранную ими сторону, такъ что, когда собаки опять бросились въ атаку, въ долину оставалось очень небольшое число ихъ, и между ними былъ полугодовой дѣтенышъ; при видѣ собакъ,

онъ громко зашипалъ и быстро вскочилъ на обломки скалы, гдѣ былъ оцѣпленъ ими по всѣмъ правиламъ искусства. Мы уже ахнули себя надеждою забрать обезьянку въ плавъ живьемъ, но случилось не то: съ противоположной крутизны спустился одинъ изъ самыхъ сильныхъ самцовъ-гамадридовъ; онъ съ гордымъ достоинствомъ, ни мало не спѣша и не обращая на насъ никакого вниманія, пошелъ на встрѣчу собакамъ, совершенно оробѣвшимъ передъ злобнымъ взглядомъ его блестящихъ глазъ, медленно поднялся на скалу и, приласкавъ испуганнаго дѣтеныша, такъ же медленно началъ отступать мимо ошеломленныхъ собакъ, изъ которыхъ ни одна не тронула его. Мы съ уваженіемъ смотрѣли на это храброе дѣло предводителя шайки и никто изъ насъ не рѣшился стрѣлять въ него, хотя онъ и представлялъ собою самую удобную цѣль. — Живучесть гамадриада удивительна; если пуля попадетъ ему въ голову или между лопатками, то обезьяна убѣгаетъ, крѣпко захвативъ рану и потирая ее рукою. Когда ему приходится имѣть дѣло съ человекомъ, гамадриадъ является, въ отношеніи къ нему, опаснымъ противникомъ; туземцевъ онъ совсѣмъ не боится, и хотя видъ европейца внушаетъ ему нѣкоторыя опасенія, однако, онъ не бѣжитъ отъ него, а напротивъ, какъ утверждаютъ хорошіе наблюдатели, Рюннель и Шимперъ, иногда всею шайкою нападаетъ даже на вооруженныхъ людей; а если и отступаетъ, то весьма медленно, съ выразительнымъ ревомъ и щелканьемъ зубовъ; сопровождая кобургъ-готскаго герцога черезъ долину Мензы, Брамъ видѣлъ враждебное столкновеніе шайки павіановъ съ довольно значительнымъ отрядомъ людей. Абиссинцы-проводники первые замѣтили нѣсколькихъ гамадридовъ, сидѣвшихъ, противъ своего обыкновенія, на довольно высокихъ деревьяхъ; за изгибомъ долины, по высокимъ горнымъ стѣнамъ разхаживала огромная стая, въ которую тотчасъ начали стрѣлять; нѣсколько обезьянъ было убито, но это не обратило ихъ въ бѣгство, а напротивъ, заставило храбро обороняться; разозленные животныя стали поднимать камни и бросать ихъ внизъ на охотниковъ, положеніе которыхъ было такъ опасно, что они успѣли укрыться въ болѣе безопасное мѣсто; но большіе камни еще долго летѣли на нихъ и, такимъ образомъ, гамадриады долго держали въ осадномъ положеніи и путешественниковъ, и ту часть каравана, которая нѣсколько отстала и подъ градомъ камней не могла войти въ долину. Спускаясь съ своихъ родныхъ скалъ, павіаны производятъ оусто-

пленіи въ поляхъ туземцевъ и при этомъ иногда происходятъ интересные схватки между представителями разныхъ видовъ; геллады и гамадриады, вѣроятно, санятыя враги, потому что, столкнувшись гдѣнибудь дѣло поитъ и завидѣвъ другъ друга, поднимаютъ страшный крикъ и гвалтъ. Геллады бросаютъ камнями въ противниковъ, которые съ рывкомъ и лаемъ стараются отъ нихъ увернуться; наконецъ, старые самцы обѣихъ враждебныхъ партій кидаются одинъ на другого, кусаются и таскаютъ другъ друга за длинную гриву, но впрочемъ, дѣло, по большей части, кончается безъ кровопролитій, — однимъ крикомъ и обмѣномъ злобныхъ взглядовъ; для зрителя такое зрѣлище въ высшей степени забавно.

VI.

Въ Новомъ Свѣтѣ область распространенія обезьянъ не обширна: онѣ живутъ въ одной только Южной Америкѣ, въ странахъ, лежащихъ между Антильскимъ моремъ, Андскимъ хребтомъ, Атлантическимъ океаномъ и 25° южной широты. Каждая часть свѣта, даже каждая страна владеть на свои произведенія совершенно особый, только ей одной принадлежащій отпечатокъ, и потому американскія обезьяны, удерживая нѣкоторыя типическія особенности всей своей породы, значительно отличаются отъ своихъ восточныхъ собратьевъ и по психическимъ свойствамъ, и по самой наружности: тѣло ихъ обыкновенно бываетъ худо, члены длинные, ростъ ниже обезьяняго, морда не выдается впередъ, носовая перегородка широка, въ переднихъ рукахъ большой палецъ не такъ подвиженъ и не на столько можетъ противопоставляться, какъ въ заднихъ; хотя цвѣтъ шерсти бываетъ у нихъ довольно разнообразенъ, но онъ никогда не доходитъ до пестроты, отличающей обезьянъ Старога Свѣта; по самую характеристичную черту наружности — общую всѣмъ американскимъ породамъ, — составляетъ длинный хвостъ, который служитъ для своего неуклюжаго обладателя однимъ изъ главныхъ орудій; по своей боязливости и неловкости, американской обезьянѣ постоянно нужно регулировать свои движенія и укрѣплять положеніе своего тѣла; а благодаря упругости мускуловъ и тонкому осязанію, которыми одаренъ ея хвостъ, онъ съ совершеннымъ успѣхомъ исполняетъ эти обязанности, пополняя отчасти то, чего недо-

стаетъ его обладателю со стороны умственной и физической подвижности; въ какомъ бы положеніи ни находилась обезьяна западнаго материка, — отдыхай она хоть самымъ спокойнымъ образомъ, она чувствуетъ непреодолимую потребность обвить свой хвостъ вокругъ какого нибудь предмета, даже вокругъ собственныхъ членовъ; она цѣпляется имъ за вѣтви, когда лазить, качается на немъ, во время отдыха, какъ въ войлѣ, и даже достаетъ имъ пищу изъ щелей; мускулы его одарены такою упругостью, такою способностью сжиматься и долго сохранять принятое положеніе, что даже застрѣленная обезьяна, обвившая въ минуту смерти хвостомъ сушь дерева, можетъ продержаться очень долго на одномъ только хвостѣ въ совершенно висячемъ положеніи и, такимъ образомъ, часто пропадаетъ для охотника, если повиснетъ на слишкомъ густомъ или недоступномъ деревѣ.

Въ умственномъ отношеніи американскія обезьяны гораздо ниже своихъ восточныхъ родственниковъ, которыхъ Брэмъ хотя и учитаетъ въ безправственности и всякихъ предосудительныхъ порокахъ, однако, признаетъ несравненно даровитѣе; кроткая, добродушная, довѣрчивая обезьяна соединяетъ съ этими любезными качествами глупость, неловкость, вялость и скучность; но, впрочемъ, такъ какъ въ семьѣ не безъ уродовъ, то встрѣчаются и между американскими обезьянами коварные, шаловливые субъекты, — но, по большей части, случается, что, напоминая восточныхъ обезьянъ дурными качествами, онѣ бывають лишены ихъ хорошихъ сторонъ, а главное, того демоническаго элемента, въ которомъ и заключается главная прелесть обезьяны. Попадаясь въ плѣнъ, американка скоро становится ручною и привыкаетъ къ новой обстановкѣ; но подъ старость ея характеръ измѣняется — она становится зла и раздражительна; впрочемъ, по главнымъ чертамъ своего нрава, такая обезьяна не можетъ быть для человѣка пріятнымъ собесѣдникомъ, хотя между американскими породами попадаются такіе замѣчательные субъекты, которые, обладая большою впечатлительностью, способностью выражать свои внутреннія волненія смѣхомъ и слезами, совершенно побѣждаютъ сердца чувствительныхъ дамъ. Большая часть обезьянъ-американокъ принадлежатъ къ дневнымъ животнымъ, но есть между ними и ночныя, и сумеречныя обезьяны; всѣ онѣ живутъ исключительно на деревьяхъ, преимущественно въ дѣвственныхъ лѣсахъ, выбирая въ нихъ болотистыя и богатая водою мѣста; такъ какъ деревья въ изобиліи до-

ставляютъ всё необходимыя для нихъ пища продукты, то онѣ только въ самыхъ экстремныхъ случаяхъ спускаются на землю, и можно предположить, что нѣкоторыя обезьяны дѣлаютъ цѣлыя сотни миль, ни разу не ступивши на твердую почву, — потому что и пьютъ онѣ не такъ, какъ другія животныя, а спускаются къ ручью по ползучимъ растеніямъ и свѣшивающимся вѣтвямъ и втягиваютъ въ себя воду, продолжая держаться за нихъ. Не смотря на постоянное пребываніе на высотѣ деревьевъ, американскія обезьяны далеко уступаютъ въ ловкости и проворствѣ искуснымъ прыгунамъ и акробатамъ нашего материка: преобладающая въ нихъ движенія хъ неловкая, медленная обдуманность мѣшаетъ имъ ступить шагъ, не убѣдившись предварительно въ его безопасности посредствомъ своего хвоста; мѣшаетъ сдѣлать смѣлый, нерасчитанный прыжокъ, на что восточныя обезьяны такіе мастера; спустившись на землю, онѣ ходятъ всегда на четверенькахъ, не твердо и медленно. Находясь на свободѣ, американскія обезьяны почти совсѣмъ безвредны: только очень немногія породы дѣлаютъ набѣги на поля или другія воздѣланныя мѣста; но эти набѣги вовсе не ведутъ за собою тѣхъ полныхъ опустошеній, которыя обыкновенно бываютъ слѣдствіемъ посѣщеній восточныхъ обезьянъ; однако, не смотря на эту безвредность, туземцы, которые ѣдятъ ихъ мясо и выдѣлываютъ шкурки, усердно охотятся за ними и убиваютъ ихъ въ значительномъ количествѣ. Для такой охоты употребляются обыкновенно или тростниковая трубка, или лукъ, пзъ котораго стрѣляютъ маленькими стрѣлами, наитанннми самымъ тонкимъ ядомъ; если даже такая стрѣла только слегка оцарапаетъ кожу обезьяны, она все-таки навѣрное убьетъ ее; кромѣ того, кончикъ стрѣлы раскалывается на двое, такъ что она не прѣтннно подламывается въ рапѣ, если обезьяна вздумаетъ выдернуть ее, и самого маленькаго осколка достаточно, чтобы отравить все тѣло. Когда индѣйцы желаютъ захватить въ свои руки живую обезьяну, они употребляютъ то же самое оружіе; и вотъ что разсказываетъ Шомбургъ о такой охотѣ и о послѣдующемъ за нею укрощеніи пойманнаго животнаго: — «Если арекунасы хотятъ приручить старую, упрямую, неподатливую обезьяну, они намазываютъ стрѣлу смаченнымъ ядомъ урури; когда ошеломленное животное сваливается внизъ, они тотчасъ высасываютъ рану, потомъ зарываютъ обезьяну въ землю по самую шею и поятъ ее селитреннымъ растворомъ или сокомъ сахарнаго тростника; только-что па-

идентъ нѣсколько придесть въ себя, его вынимають и полеваяють, какъ грудного ребенка. Въ такомъ стѣсненномъ положеніи ее держать нѣсколько дней и въ продолженіи этого времени даютъ ей пить только сахарный сокъ, а кормить яствами, вареными въ семитряней водѣ и сильно посыпанными испанскимъ перцемъ. Если это усиленное леченіе не оказываетъ должнаго дѣйствія, тогда безомной; пое животное вѣшаютъ на нѣсколько времени въ дымя. Скоро бѣшенство его стихаетъ, коварный взоръ становится кроткимъ и молить о прощеніи;— вслѣдъ за этимъ, обезьяну развязываютъ и трусливое животное будто даже совершенно забываетъ, что жило когда-то на свободѣ, въ лѣсу.»

Материнская любовь, эта общая всѣмъ обезьянамъ добродѣтель, очень развита и трогательна у американскихъ самокъ; самка производитъ на свѣтъ одного или двухъ дѣтенышей и любить, и защищаетъ ихъ съ такою заботливостью, которая заслуживаетъ почитаемаго уваженія; но кажется, что самки нѣкоторыхъ американскихъ породъ обладаютъ болѣе сдержанною натурою, чѣмъ другія обезьяны-матери, потому что, напримѣръ, самки изъ породы ревуновъ не выражаютъ своей нѣжности ласками, а доказываютъ ее тѣмъ, что ни на минуту не оставляютъ свое дитя, пока оно еще не совсѣмъ окрепло; но съ подрастающимъ дѣтенышемъ онѣ обращаются нѣсколько иначе: во время поспѣшнаго бѣгства мать страхиваетъ его съ себя и сажаетъ на сосѣдній сунъ, чтобы облегчить себѣ путь; изъ этого индійцы заключили, что самки-ревуны равнодушны къ своему потомству, но это мнѣніе опровергаетъ принципъ Ф. Видъ, говоря, что «опасность усиливаетъ заботливость матери, и она, даже получивши смертельную рану, не оставляетъ своего дѣтеныша.»

VII.

«Не смотря на то, говоритъ Брэмъ, что для ревуновъ существуетъ въ нашихъ учебникахъ болѣе дюжины именъ, изъ которыхъ каждое, по мнѣнію нѣкоторыхъ изслѣдователей, означаетъ особую породу, теперь стало извѣстно, что каждая порода этихъ обезьянъ имѣетъ многочисленныя видоизмѣненія, и потому почти рѣшено, что всѣ ревуны могутъ быть сгруппированы въ очень небольшое число видовъ—въ 3 или 4». Чтобы охарактеризовать всѣхъ реву-

новъ, Эрнстъ избираетъ два вида черныхъ (Караи) и красныхъ (Алаутовъ), говоря, что «ихъ образъ жизни такъ однообразенъ, что если описать житье-бытье одного вида, то это описаніе можетъ служить характеристикою всѣхъ другихъ видовъ.»

Родину ревуновъ составляютъ почти всѣ тропическія страны Южной Америки, а жилищемъ для нихъ служатъ густыя, высокія, влажныя лѣса и степи, гдѣ отдѣльныя группы деревьевъ образуютъ рощи и гдѣ есть по близости вода; между обезьянами Новаго Свѣта ревунакъ принадлежитъ первое мѣсто, и, такимъ образомъ, оправдываются слова Овена, который говоритъ, что самое большое животное какого нибудь разряда бываетъ всегда и самое совершенное. Характеристичную особенность всѣхъ ревуновъ вообще составляетъ устройство ихъ гортани, которую А. Гумбольдтъ первый анатомировалъ и описалъ слѣдующимъ образомъ: «Между тѣмъ, какъ маленькія американскія обезьяны, свистяція, какъ воробы, имѣютъ простую, тонкую подъязычную кость, — языкъ большихъ обезьянъ лежитъ на обширномъ костяномъ барабанѣ. Ихъ верхняя гортань имѣетъ шесть кармановъ, въ которыхъ голосъ задерживается и изъ которыхъ два имѣютъ большое сходство съ нижнею гортанью птицъ. Особый, жалобный звукъ, издаваемый ревуномъ, происходитъ отъ насильственного вторженія воздуха въ костяной барабанъ. Когда подумаешь о величинѣ костяного ящика, перестанешь удивляться силѣ и обширности голоса этихъ животныхъ, которые имѣютъ полное право на свое имя.» Немногія животныя такъ безусловно привязаны къ лѣсу и деревьямъ, какъ ревуны; А. Гумбольдтъ говоритъ, что они рѣшительно неспособны долго ходить по землѣ и что въ открытой полѣ онъ никогда не встрѣчалъ ни одного ревуна и даже никогда не попадалъ на его слѣдъ; хотя индійцы и увѣряютъ, что ревуны не боятся воды и иногда переплываютъ широкіе потоки, но Рентеръ опровергаетъ эти рассказы слѣдующимъ любопытнымъ фактомъ изъ своихъ наблюдений. Онъ разъ встрѣтилъ цѣлое стадо ревуновъ на одношъ деревѣ, которое было отдѣлено отъ сосѣдняго лѣса быстрымъ разливомъ воды; съѣвши всѣ листья, почки, молодая вѣтки и даже часть коры этого дерева, несчастныя обезьяны совсѣмъ исхудали, едва двпгались отъ голода и истощенія силъ, но все-таки, не смотря на угрожавшую голодную смерть, не могли рѣшиться переплыть шестидесяти футовой потокъ, отдѣлявшій ихъ отъ лѣса, — такъ сильна была въ нихъ инстинктивная боязнь воды.

Однообразная жизнь ревуновъ состоитъ изъ цѣлаго ряда самыхъ оригинальныхъ штукъ; все общество, по большей части, находится вмѣстѣ и проводитъ иногда цѣлый день на одномъ и томъ же деревѣ; днемъ ревуны любятъ сидѣть на самыхъ высокихъ деревьяхъ, а при наступленіи сумерекъ спускаются для почлега на болѣе низкія и удаляются въ темную густоту листвы, переплетенной ползучими растеніями; и при добычаніи пищи ревуны остаются вѣрны своему солидному характеру: все дѣлается не спѣша, съ нѣкоторою обдуманностью: наша обезьяна медленно, почти ползкомъ перелѣзаетъ съ одной вѣтви на другую, медленно, послѣ внимательнаго осмотра, выбираетъ почки и листья, которые также медленно срываются и кладутся въ ротъ; наспытившись вполнѣ, она предается отдыху или садится на корточкахъ, сложивъ голову на грудь, и долго, не двигаясь съ мѣста, остается въ этомъ положеніи, уставивъ глаза на одну точку; или же, вытянувшись во весь ростъ, ложится на сукъ, причѣмъ заднія и переднія руки свѣшиваются по обѣ его стороны; а сама обезьяна держится только посредствомъ хвоста, который обвиваетъ сосѣднюю вѣтвь. Чтобы ни сдѣлалъ одинъ ревуноу, всѣ остальные бессмысленно и машинально повторяютъ то же дѣйствіе: стоитъ одному изъ взрослыхъ самцовъ подняться въ походъ и отправиться на другое дерево, и за нимъ тотчасъ, будто по силѣ инерціи, поодпочкѣ полетится вся ватага. Гумбольдтъ удивляется этому однообразію въ движеніяхъ: если во время путешествія съ одного дерева на другое встрѣтится затруднительное мѣсто и ревуноу-предводитель переселяющейся колоніи устранить затрудненіе какимъ нибудь движеніемъ, то всѣ другія обезьяны непременно повторяютъ на томъ же мѣстѣ его движеніе и совершенно такъ, какъ онъ его сдѣлалъ. Изъ оригинальныхъ штукъ, отличающихъ ревуновъ отъ другихъ обезьянъ, самая оригинальная, конечно, ихъ странныя концерты, за которые и получили они свое характеристичное прозваніе; даются эти вокальные концерты преимущественно утромъ и вечеромъ, въ теплую погоду, и слышны на очень далекое разстояніе, издали давая знать путешественнику о своемъ мѣстопребываніи, и потому ихъ нетрудно наблюдать. Роль запѣвалъ обыкновенно исполняютъ самцы, которые вообще, во все время, пока продолжается ревѣніе, усердствуютъ больше самокъ; сидятъ они на верхушкахъ, а самки пониже и только подтягиваютъ; иногда это занятіе, съ короткими паузами, продолжается

цѣлыя часы и во все время вояжанія остается неподвижно въ принятомъ положеніи.

Ревуны — довольно полезныя животныя: изъ шкурокъ ихъ дѣлають разныя вещи, а мясо ихъ ѣдятъ не только индійцы, но и европейскіе путешественники. Впрочемъ европейцу такая пища кажется далеко не привлекательной, потому что опаленая обезьяна такъ напоминаетъ ребенка, что ее нельзя ѣсть иначе, какъ съ нѣкоторымъ усиленіемъ воли; способъ приготовленія ревуновъ, свидѣтельствующій о состояніи кулинарнаго искусства индійцевъ, довольно любопытенъ: на оутъ отъ земли укрѣпляютъ твердую деревянную рѣшетку, на которую кладутъ ободранную обезьяну, или загибая ей руны за спину, или опирая ее на нихъ; потомъ внизу зажигаютъ яркій огонь, и обезьяна, охваченная пламенемъ и дымомъ, нежаривается, мапяваясь въ то же время копотью, придающею ей отвратительный видъ. — «Видя, какъ туземцы ѣдятъ руны или нбги обезьяны, говоритъ Гумбольдтъ, едва можешь отдѣлаться отъ мысли, что привычка питаться человѣкообразными животными до нѣкоторой степени отнимаетъ у нихъ отвращеніе къ человѣческому мясу. Жареныя обезьяны, особенно кругловатыя, ужасно шокируютъ дѣтей, и потому европейцы, которымъ приходится ѣсть четвероногихъ, отрѣзываютъ голову и руки и ограничиваются однимъ только туловищемъ». — «Когда обезьяна, раненая отравленною стрѣлою, зашатается и упадетъ на землю, остальные товарищи слѣдуютъ за нею съ вытянутыми шеями, издавая отрывистые, странные звуки».

Познакомившись съ бытомъ и правами одной изъ самыхъ даровитыхъ породъ, посмотримъ, въ заключеніе, какъ живутъ американскія обезьяны въ плѣну и каковыя характеристичныя особенности онѣ отличаются, когда приходятъ въ столкновенія съ человѣкомъ. Прирученіе ревуновъ сопряжено съ большими трудностями и потому имъ занимаются очень рѣдко; эти кроткія обезьяны отличаются грустнымъ характеромъ; никогда онѣ не бывають въ томъ шаловливомъ, игривомъ настроеніи, которое такъ часто находятъ на другихъ собратій ихъ, и способны сидѣть по цѣлымъ часамъ въ углу, съжавшись, понуря голову, сложивши переднія руки на колѣняхъ и обвивъ ноги хвостомъ, — только голодь, заставляеть ихъ выйдти изъ этого положенія и направиться медленными шагами къ приготовленному корму; ходять ревуны всегда на четверенькахъ и рѣдко дѣлають прыжки или пускаются бѣжать рысью; они глуховаты;

обучить ихъ ничему нельзя и многіе отличаются полнымъ равнодушіемъ къ своему хозяину, хотя есть между ними и такіе субъекты, которые довольно привязчивы и, вслѣдствіе этой черты своего характера, становятся нестерпимы, потому что раздражаются самымъ жалобнымъ крикомъ, какъ только хозяинъ отходитъ отъ него.

У одного англійскаго капитана на кораблѣ жила уроженка англійской Гвіаны, — очень добронравная самка изъ породы науковыхъ обезьянъ (*Spinnaeffen ateles*); она обладала примѣрнымъ благодушіемъ, кротостью; злоба, коварство и воровство принадлежали къ числу незнакомыхъ ей пороковъ; кусалась она только по ошибкѣ, т. е. когда была вѣ себя отъ страха, и съ должнымъ смиреніемъ переносила заслуженное наказаніе; во время плаванія она свободно раздвигивала по кораблю и часто съ наслажденіемъ скакала по снастямъ, плясала по канатамъ такъ скоро, что зрители едва могли разобрать ноги, руки и хвостъ, потому что во время этого быстрого круженія всѣ члены сливались въ одно, и Салли (такъ звали эту обезьяну) походила на громаднаго кружащагося тарантула; часто, дѣлая наузы, она приветливо и ласково глядѣла внизъ, морщила носъ и, кивая головою стоявшимъ внизу людямъ, издавала короткіе, итѣжные звуки; ей доставляло особенное удовольствіе забраться на самыя высшія канаты, обвить хвостомъ горизонтальную жердь и, медленно покачиваясь на немъ въ разныхъ стороны, потирать руки противъ шерсти. На кушанья Салли была довольно разборчива: когда ей подавали ломоть чорстватаго хлѣба, она подозрительно обнюхивала его и съ презрительною миною бросала на полъ. Разъ Салли была въ самомъ печальномъ положеніи: она напилась мяа и жѣлкую ночь страдала отъ обыкновенныхъ неприятныхъ послѣдствій попойки; но послѣ этого случая она получила такое отвращеніе къ вину, что не могла переносить не только его вкуса, но даже запаха, и перестала ѣсть соленыя вишни, которыя мочили въ водѣ, хотя онѣ прежде и были ея любимымъ лакомствомъ. — На томъ же кораблѣ было два щенка-водолаза, которыхъ Салли очень любила; когда ей становилось холодно, она тотчасъ влѣзала въ ихъ конуру, укладывалась рядомъ съ ними на солому, ласково обвивала ихъ шею руками, а хвостъ обертывала вокругъ своего тѣла и была совершенно счастлива, находясь въ такомъ положеніи; для нея было выстроено особое помѣщеніе, но въ немъ она не любила сидѣть и все время жила общества своихъ друзей-щенковъ.

Въ заключеніе остается упомянуть о маленькой обезьянѣ саимири (Saimiri) изъ породы *обезьянь-бьялокъ* (Callitrix), которая составляетъ величайшую рѣдкость въ европейскихъ зоологическихъ садахъ и звѣринцахъ; въ Америкѣ индійцы и европейскіе путешественники часто приручаютъ и держатъ ее въ плѣну; но послѣднимъ очень рѣдко удавалось привозить ее въ Европу, потому что маленькая обезьяна не переноситъ разлуки съ родными лѣсами и степями и, захвачувъ во время путешествія, скоро умираетъ. Звѣрель этотъ чрезвычайно трусливъ, пока не увѣренъ въ своей безопасности, но разъ убѣдившись въ ней, становится совершенно спокоенъ и довѣрчивъ. «Эта обезьяна, говоритъ Брэмъ, по существу своему, совершенный ребенокъ, и ни одна обезьяна больше ея не напоминаетъ ребенка, даже и лицомъ: на ея «физиономіи то же выраженіе невинности, та же плутовская улыбка, тѣ же быстрые переходы отъ радости къ горю.» Не смотря на крайнюю его впечатлительность и раздражительность, саимири такъ добронравенъ, что разсердить его очень трудно; испугъ и горе выражаются у него обильными слезами. Замѣчательное впечатлѣніе производятъ на него звуки человѣческаго голоса: они возбуждаютъ все его вниманіе; онъ пристально смотритъ въ лицо говорящему человѣку, не сводя съ него глазъ, слѣдитъ за каждымъ движеніемъ его губъ, потомъ все больше и больше пододвигается къ нему, лѣзетъ на плечо и принимается, наконецъ, заботливо ощупывать ему зубы и языкъ, точно силится, посредствомъ этихъ изслѣдованій, объяснить себѣ непонятныя для него звуки рѣчи. Ручной саимири Гумбольдта былъ такъ смышляень, что узнавалъ на рисункахъ насѣкомыхъ, и каждый разъ, когда ему ихъ показывали, быстро протягивалъ къ нимъ маленькую руку и старался снять съ бумаги изображенную на ней стрекозу или букашку.

В. И.

ЭКОНОМИЧЕСКІЯ ИЛЛЮЗИИ.

СТАТЬЯ ВТОРАЯ.

I.

Мечтать, выдумывать всякій вздоръ или вѣрить ему гораздо легче и покойнѣе, чѣмъ наблюдать, размышлять и провѣрять свои и чужія мысли. Вотъ почему люди такъ охотно предаются иллюзіямъ и увлекаются пошлыми выдумками. Вотъ почему здравыя понятія и сужденія такъ же противны толпѣ, какъ пьяницѣ трезвость. До пьянства чаще всего доводятъ горе, нищета и отчаяніе. Запиваетъ съ горя несчастный бѣднякъ; съ горя же опохмѣляется и невѣжественная толпа, опохмѣляется не водкой, а всякими нелѣпыми слухами, вымысломъ и бредомъ разныхъ лжецовъ и фанатиковъ, которые умѣютъ во время разжигать страсти и волновать умы. И то, и другое пьянство одинаково пагубны. Неохотно исправляется горькій пьяница; еще неохотнѣе отрезвляется толпа, сбятая съ толву всевозможными пошлостями, на которыя она всегда легко поддается.

Много чепухи и бессмыслицы гнѣздится въ мозгу не только образованныхъ, но даже умныхъ людей. Много глупостей способны они наговорить и надѣлать съ негоднымъ запасомъ предрассудковъ, ложныхъ или искаженныхъ понятій, вымышленныхъ системъ и теорій. Въ самыхъ важныхъ вопросахъ общественной жизни—въ вопросахъ политическихъ и экономическихъ,—сколько головъ, столько же сужденій и рѣшеній, которыя, не смотря на взаимное противорѣчіе, всё доходятъ обыкновенно до безвыходной нелѣпости и отрицанія здраваго смысла. Нѣтъ ни одной теоріи или системы, которая бы не изогалась, не опошлилась и не обратилась въ гали-

матю. Не говоря уже объ отпѣтой метафизикѣ, философiи, политикѣ, юриспруденціи, эстетикѣ или психологiи, укажемъ только на политическую экономiю, которая стала теперь образцовымъ сборникомъ самыхъ вздорныхъ экономическихъ теорiй. Добросовѣстные экономисты давно уже стыдятся называть ее наукой, а веселые — только подсмѣиваются надъ тѣми простаками, которые вѣрятъ имъ на слово.

Тыся противорѣчiй, тысячи очевидныхъ софизмовъ и нелѣпныхъ выводовъ поражаютъ мыслящаго человѣка, который безъ задней мысли знакомится съ ученiемъ рутинныхъ экономистовъ. Ни одна наука невозможна безъ опредѣленнаго метода или логическаго правила для наблюденiя, изученiя и объясненiя видимыхъ явленiй. Но экономисты, презирая логику, не усвоили для своихъ изслѣдованiй никакого метода, и потому неудивительно, если политическая экономiя превратилась въ какой-то безсвязный и скучный романъ, въ которомъ геройствуютъ Мальтусы, Росси, Бастиа, Рошеры, — несправимые мизантропы, идеалисты, мистики и шарлатаны. Они-то и болтаютъ всякiй вздоръ о богатствѣ народовъ, страдающихъ отъ нищеты, и наводятъ невыразимое унынiе на своихъ несчастныхъ читателей.

Кто изъ этихъ экономистовъ объяснилъ научно хотя бы одно экономическое явленiе? Кто изъ нихъ разгадалъ тайну нищеты, эту страшную загадку, которая не разрѣшалась по сіе время никакими философскими и политическими системами? — Нѣтъ, нищета, какъ хроническая болѣзнь народовъ, вовсе непонятна экономистамъ школы Мальтуса; что же касается теорiи этого учителя: «о размноженiи народонаселенiя», какъ причинѣ нищеты, то подобная теорiя такъ нелѣпа, что отъ нея отрекаются уже прежніе ея послѣдователи.

Нищета — явленiе не политическое, а экономическое; поэтому экономисты должны объяснять это явленiе не политическими теорiями, не предвзятими или рутинными понятiями, а законами экономической жизни общества. Эти законы постоянны и неизмѣнны; они не подчиняются личнымъ, семейнымъ или сословнымъ интересамъ, а заявляются такъ же неизбежно, какъ законы самой природы. Другими словами: общественная экономiя не терпитъ тѣхъ произвольныхъ соображенiй и расчетовъ, по которымъ ведется хозяйство частное или домашнее. Въ нашихъ обыденныхъ сношенiяхъ члѣвахъ мало правды; каждый заботится о своей личной выгоде и старается поминутно больше брать, чѣмъ давать. Это житейское правило, противно основному закону общественной экономiи,

въ силу котораго общество можетъ проживать только то, что заработало. *Приходъ равенъ расходу* — вотъ экономическій законъ и неизмѣнная формула общественной жизни. Обойдти или отиѣнить этого закона общество не можетъ; оно должно подчиниться ему или, нарушая его, казниться *нищетой* и разлагаться въ *банкротство*. Такова, дѣйствительно, участь всякаго общества, непривыкающаго формулы своей жизни.

Не скоро еще люди убѣдятся въ той истинѣ, что уравненіе прихода съ расходомъ составляетъ непремѣнное условіе ихъ благосостоянія и спокойствія. Не скоро они поймутъ еще, что общество незримо управляется своими естественными законами, которые на-раютъ его за всякую экономическую неправду. Вотъ почему не скоро перестанутъ они жаловаться на нищету и разореніе; не скоро перестанутъ и ухудшать своего жалкаго состоянія разными видумками.

Возможно меньше давай и какъ можно больше получай. — На этомъ расчетѣ основано все частное хозяйство.

Сколько даешь, столько и бери, — ты больше, ты меньше. — На этомъ законѣ основана вся правда общественной экономіи, которая доказываетъ, что въ народномъ хозяйствѣ нѣтъ чистаго дохода, а одинъ только валовой.

Какъ же наука доказываетъ эту истину?

Она говоритъ: безъ труда нѣтъ богатства; одинъ только трудъ производитъ все, что цѣнится, продается и покупается; одинъ только трудъ своими произведеніями удовлетворяетъ всѣмъ нашимъ нуждамъ, желаніямъ и прихотямъ. И такъ, если трудъ все оцѣнивается, все оплачивается, то и самъ онъ долженъ цѣниться и своимъ оплачиваться.

Чѣмъ же оцѣнить трудъ? Деньгами?—Нѣтъ. Чѣмъ его оплатить? Условной платой?—Нѣтъ. Наука доказываетъ, что трудъ оплачивается не деньгами и не произвольной платой, а цѣною его произведеній. Вотъ почему, въ общемъ итогѣ, рабочая плата должна равняться издержкамъ производства, то есть, валовому расходу на дѣйствительную работу.

«Всякій товаръ обходится производителю во столько, сколько на него пошло *рабочей платой*. Правда, на первый взглядъ можетъ показаться, что это лишь часть расхода, потому что капиталистъ не только платитъ рабочимъ, а также и снабжаетъ ихъ инструментами и матеріаломъ. Но эти инструменты и самый матеріалъ произведены трудомъ и цѣнность ихъ опредѣляется стоимостью производства, которая опять приводится къ стоимости труда. Цѣ-

на сукна состоитъ не изъ одной рабочей платы ткачамъ, которую они получаютъ прямо отъ суконнаго фабриканта. Она состоитъ также изъ платы прядильщикамъ и чесальщикамъ, къ которымъ можно присоединить и пастуховъ; всѣмъ имъ заплатить суконный фабрикантъ, когда купилъ пряжу. — Такимъ образомъ, цѣнность товара опредѣляется количествомъ труда, которое требуется для его производства». (J. St. Mill).

Такъ говорятъ экономистъ Джонъ Стюартъ Милль, когда разсуждаетъ на основаніи логики и науки. То же самое говорятъ и всѣ экономисты, когда повторяютъ слова Ж. Б. Сая: «*Chaque produit vaut ce qu'il coûte*», т. е. каждое произведение труда стоитъ столько, сколько на него затрачено въ работѣ. Но если *дѣйствительная* цѣна каждой вещи и каждого товара равняется издержкамъ производства, то и *настоящая* рабочая плата, которая въ общей сложности опредѣляетъ эти издержки, должна непременно равняться цѣнѣ произведенныхъ вещей и товаровъ разнаго рода. Другими словами: общій расходъ на плату рабочимъ и валовой приходъ общества должны взаимно уравниваться.

Въ самомъ дѣлѣ: когда фабрикантъ, заводчикъ или вообще капиталистъ нанимаетъ работника, то его задѣльной платы онъ не считаетъ въ суммѣ барыша своего предпріятія; напротивъ того, эту плату онъ исключаетъ изъ своего дохода. Но заработокъ составляетъ весь приходъ работника, а сумма всѣхъ заработковъ, которые получаютъ рабочіе за производство всевозможныхъ вещей, товаровъ и предметовъ потребленія, составляетъ, такимъ образомъ, приходъ всего рабочаго класса. Затѣмъ, если рабочая плата вообще выражаетъ издержки производства, общая сумма рабочихъ платъ равняется цѣнѣ всѣхъ произведеній труда, то отсюда, очевидно, слѣдуетъ, что *валовой приходъ* общества долженъ равняться доходу, который получаетъ рабочій классъ въ видѣ задѣльной платы.

Адамъ Смитъ говоритъ: «каждая продажная вещь—произведение труда; настоящая ея цѣна опредѣляется расходами на производство (т. е. рабочей платой). Вотъ почему каждый работникъ имѣетъ право требовать и получать въ обмѣнъ за свое издѣліе (*to command*) такое количество другихъ вещей, какое можно приготовить въ то же время и съ тѣми же издержками». Выражаясь проще, задѣльная плата должна давать работнику возможность выкупать ту вещь, которую онъ сработалъ, или покупать вещи ей равноцѣнныя. Только при этомъ условіи трудъ спола оплачивается и становится производительнымъ для работника.

И такъ, наука приводитъ насъ къ тому безспорному выводу, что

въ экономіи общества нѣтъ барыша, нѣтъ чистаго дохода, а единъ только валовой, который опредѣляется настоящею цѣною всѣхъ произведеній труда и равняется общему расходу на всѣ работы, то есть, *настолицей платъ*, которую долженъ получать весь рабочій классъ. Поэтому въ каждой странѣ цѣнность ежегоднаго производства должна равняться суммѣ всѣхъ расходовъ на плату рабочимъ. Если страна производитъ, положимъ, на 5.000 миллионныхъ земледѣльческихъ, заводскихъ и мануфактурныхъ товаровъ, то рабочій классъ долженъ получить сполна эту сумму въ видѣ заработной платы. Въ противномъ случаѣ, нарушится уравненіе производства съ потребленіемъ и страна неизбежно обнищаетъ.

II.

Трудъ — единственный и неисчерпаемый источникъ богатства. Этотъ источникъ кроется въ мозгу и мускулахъ человѣка, въ его умственныхъ и физическихъ способностяхъ. Пользуясь ими, *изъ ничего онъ творитъ все*, что ему нужно для жизни. Правда, человѣкъ не выдумалъ, не создалъ матеріи; правда и то, что онъ не можетъ извлекать изъ ничего и обращать въ ничто ни одного атома. Но если чел:вѣкъ не создалъ природы, то это нисколько не мѣшаетъ ему творить ежеминутно и обращать самыя ничтожныя вещи въ предметы необходимости или роскоши. Стоитъ только оглянуться кругомъ, чтобы убѣдиться въ силѣ творчества человѣка, который умѣетъ изъ ничтожества создавать все, что ему вздумается. Изъ песку онъ дѣлаетъ стекло, изъ соломы шляпу, изъ дерева и камня строитъ домъ, навозомъ удобряетъ бесплодную землю и т. д. Во всемъ этомъ проявляется творчество человѣка: своимъ умомъ и трудомъ онъ производитъ то, чего не даетъ ему сама природа. Она даетъ только первоначальный, сырой матеріалъ, который требуетъ обработки, выдѣлки, измѣненія и преобразованія своего состава, вида и формы... И вотъ человѣкъ беретъ этотъ даровой матеріалъ и передѣлываетъ его по своему вкусу и желанію. Тѣмъ или другимъ способомъ, онъ разлагаетъ, раздробляетъ, разрѣзываетъ его на части, соединяетъ или смѣшиваетъ ихъ въ разныхъ пропорціяхъ, подвергаетъ ихъ дѣйствию огня, воды, электричества и другихъ силъ природы и окончательно выдѣлываетъ изъ природнаго матеріала такія вещи, которыя намъ необходимы, полезны или удовлетворяютъ нашей прихоти. Описаніе способовъ выдѣлки разныхъ

произведений составляет предмет технологии; она обнимает собою всё искусства и ремесла, изучает их средства, совершенствует и постоянно изобрѣтает всевозможные инструменты, машины для ускоренія и улучшения производства.

Технологія, какъ наука труда, какъ илюдъ, наблюденія, изученія и знанія природы, представляет собою высшее проявленіе полезнаго творчества человѣческаго ума. Работа — условіе жизни человѣка, условіе непремѣнное, потому что оно налагается самой природой. Вотъ почему облегчить работу, осмыслить ее и сдѣлать наиболѣе производительной—значитъ дать людямъ возможность легче и лучше жить, скорѣе поумнѣть и вѣрнѣе обезпечить свое благосостояніе. Къ этой цѣли ведетъ технологія. Своимъ развитіемъ она все болѣе и болѣе освобождаетъ человѣка отъ тяжелой, скотской работы и дѣлаетъ его разумнымъ производителемъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, изобрѣтателемъ. Мало того: технологія убѣждаетъ работника на опытѣ въ той истинѣ, что онъ производитъ *изъ ничего*, потому что способы работы—изобрѣтеніе ума, а матеріалъ дается самой природой бесплатно и потому самъ по себѣ *ничего* не стоитъ.

Всякій разсудительный работникъ, будь онъ каменщикъ или дровосѣкъ, понимаетъ, что ни камень, ни дерево не имѣютъ своей цѣны и цѣнятся только въ томъ случаѣ, когда на нихъ потраченъ трудъ, когда, напр. камень нужно было выломать, обтесать, перевезти съ одного мѣста на другое и т. д. Собственно говоря, тутъ цѣнится не камень, не природный даровой матеріалъ, а полезная работа, которая сдѣлала его годнымъ для употребленія. И водовозъ тоже понимаетъ, что ему платять не за воду, которая ничего не стоитъ, а за ея доставку. И сапожникъ, если подумаетъ, то убѣдится въ томъ, что онъ платитъ кожевному мастеру не за кожу, а за ея выдѣлку; и самъ кожевникъ долженъ знать, что онъ платитъ тоже не за кожу, а за трудъ тому, кто ее содралъ съ животнаго... Этихъ примѣровъ, кажется, достаточно, чтобы сообразить, почему работникъ производитъ *все изъ ничего*, такъ сказать, изъ началъ своего или чужого ума. Когда говорится: «изъ ничего», то подъ этими словами вовсе не разумѣется отсутствіе матеріала, а только его первоначальная безцѣнность. Онъ цѣнится не самъ по себѣ, а по работѣ, которая придаетъ ему особія качества, облачаетъ его въ новую форму и дѣлаетъ его изъ негоднаго годнымъ, изъ бесполезнаго полезнымъ и цѣннымъ произведеніемъ.—И такъ, цѣнится одна только работа, а не матеріалъ, и все значеніе, весь смыслъ труда заключается въ производствѣ, въ творествѣ новыхъ качествъ, свойствъ и формъ, которыя появляются въ данномъ матеріалѣ по-

слѣ того, какъ онъ бывалъ въ рукахъ работника. И эти новыя качества, свойства и формы матеріала создаются мыслью и волей человѣка, то есть, изъ ничего.

Дѣйствіе даровыхъ силъ природы постоянно и неизмѣнно. Наблюдаютъ, изучаютъ природныя явленія, открываютъ ихъ законы, съ цѣлью пользоваться ими, вотъ въ чемъ состоитъ задача труда, какъ творческой силы. Въ трудѣ человѣкъ заявляетъ свое превосходство надъ всѣми животными тѣмъ, что не довольствуется однимъ сырымъ матеріаломъ, которымъ снабжаетъ его природа; онъ обращаетъ ее въ свою лабораторію, въ мастерскую и заставляетъ передѣлывать все на другой образецъ, по своему соображенію, на примѣръ, изъ магнитной руды производить желѣзо, изъ желѣза сталь, изъ песку стекло и т. д. Всѣ эти предметы искусства не встрѣчаются въ природѣ; ихъ творитъ человѣкъ своимъ умомъ и трудомъ. Какъ ни изобильна земля естественными произведеніями — рудой, лѣсомъ, каменнымъ углемъ, — они остаются бесполезными и ничтожными, если человѣкъ не думаетъ или не умѣетъ ими пользоваться, т. е. трудиться. Вотъ почему только та страна можетъ быть богатой, гдѣ люди понимаютъ значеніе труда, цѣнятъ болѣе всего полезное техническое образованіе, работаютъ не по рутинѣ, а постоянно совершенствуютъ способы производства. Примѣръ такой страны представляетъ намъ Англія, гдѣ каждое изобрѣтеніе механики или открытіе въ области естественныхъ наукъ немедленно прилагается на практикѣ и тѣмъ самымъ быстро развиваетъ промышленность и торговлю.

Многіе бессознательно говорятъ, что Англія обязана своимъ промышленнымъ развитіемъ той громадной массѣ капиталовъ, которая позволяетъ ей усиливать и расширять свое производство. Такъ говорятъ, впрочемъ, не одни легкомысленные болтуны, но и тѣ записные эконоmistы, которые имѣютъ дурную привычку разсуждать о всемъ, ничего не понимая. Кто сколько нибудь работалъ на своемъ вѣку или, по крайней мѣрѣ, внимательно слѣдилъ за ходомъ чужой работы, тотъ никогда не рѣшится утверждать, что «капиталь производитъ»; подобное мнѣніе противно здравому смыслу и основному закону общественной экономіи, которая кромѣ труда не признаетъ другого двигателя производства. — «Капиталь накопляется, уничтожается; капиталъ погашается, оплачивается» — эти выраженія еще понятны, потому что въ нихъ есть смыслъ. Но выраженіе: «капиталь произяводить» до такой степени негѣпно, что даже ни одинъ поэтъ не рѣшится принять его за метафору. Для красоты или, вѣрнѣе, для уродства слога, поэты чаще всѣхъ

злоупотребляютъ фигурными выраженіями и потому нерѣдко сочиняютъ всякій вздоръ. При всемъ томъ, сколько намъ извѣстно, никому изъ нихъ не вдумалось сказать, наприѣръ, что бумага пишетъ, домъ строить, сукно шить, лѣсъ рубить... Такъ способны выражаться только тѣ экономисты, которые говорятъ, что «капиталь производитъ». Дѣйствительно, если бумага, домъ, сукно, лѣсъ признаются капиталами, а капиталы «производятъ», то бумага должна сама писать, домъ самъ строиться, сукно — шить и т. д. Вотъ какія мелѣности заключаются въ одной общей фразѣ, въ одномъ неопозволительномъ сочетаніи слова «капиталь» съ дѣйствительнымъ глаголомъ «производить». И такую бессмыслицу экономисты выдаютъ за научную аксіому!

Нѣтъ, *капиталь* не производитъ, а *производится трудомъ*, все равно, какъ домъ не строитъ, а строится, лѣсъ не рубитъ, а рубится. Трудъ, одинъ лишь трудъ—въ буквальномъ и самомъ точномъ смыслѣ слова,—*производитъ* все, что намъ нужно; онъ только одинъ можетъ создать, упрочить и умножить наше богатство; безъ труда — все гибнетъ, все уничтожается и человекъ умираетъ съ голоду. Никакая чума или повальная, убійственная зараза не поражаетъ такъ смертельно, какъ замедленіе и прекращеніе тѣхъ необходимыхъ работъ, которыми живетъ масса населенія. Не рабство погубило древній міръ, не оно подвело его подъ удары варваровъ. Нѣтъ, пока рабы работали на свободныхъ и праздныхъ республиканцевъ, до тѣхъ поръ Греція и Римъ были въ силѣ, потому что могли еще кормиться. Но рабъ всегда питаль отвращеніе къ труду на менѣе свободного гражданина. Онъ работалъ лѣниво и дурно вовсе не оттого, что его принуждали трудиться даромъ, а оттого, что всякая работа вообще казалась ему наказаніемъ и пугала его болѣе самой смерти. Не свобода труда, но освобожденіе отъ него, то есть, праздность—вотъ мечта древняго раба. Онъ ненавидѣлъ своихъ господъ не за то, что они унижали его человѣческое достоинство, лишали всѣхъ правъ, били и грабили его безпощадно, а за то, что не позволяли ему предаваться въ волю той лѣни, которую онъ любилъ такъ страстно.

По мѣрѣ того, какъ рабскій трудъ ослабѣвалъ и дѣлался менѣе и менѣе производительнымъ, свободные граждане Греціи и Рима болѣе и болѣе увлекались жаждой завоеванія и грабежа, который сталъ, наконецъ, средствомъ и цѣлью ихъ славной жизни. Безпрерывныя войны, покореніе азіятскихъ, африканскихъ и другихъ народовъ, обращеніе ихъ въ рабство и, затѣмъ, организованный грабежъ подвластныхъ провинцій — все это было вызвано тѣмъ гнус-

нымъ чувствомъ презрѣнія къ труду, которое одушевляло доблестныхъ римлянъ временъ республики и имперіи. Освобожденіе рабовъ нанесло Риму страшный ударъ: вольноотпущенные покинули свою работу, съ полей бѣжали въ города и тамъ, какъ свободные граждане, предались тунеядству, разврату и праздности. Въ ту пору завоеванныя провинціи были уже разорены въ конецъ: Малая Азія, Египетъ, Испанія, Галлія не могли прокормить своихъ голодныхъ и нищихъ побѣдителей. Что оставалось имъ дѣлать?—Работать или умирать. Работать римляне, конечно, не думали, и потому смерть не замедлила стереть съ лица земли презрѣнныхъ тунеядцевъ. Послѣ мучительной агоніи, которая продолжалась около пяти столѣтій, Римъ кончилъ свое жалкое существованіе. Еще до смерти онъ началъ гнить и видимо разлагаться; пришли варвары, докончили его и съ позоромъ похоронили.

Наступаетъ эпоха среднихъ вѣковъ. На развалинахъ древняго міра воцаряется варварство съ крѣпостнымъ правомъ, съ дикимъ суевѣріемъ и нищетой. Ненависть къ труду, какъ наследственная болѣзнь, отъ патриціевъ и плебеевъ переходитъ къ феодаламъ. Бароны, графы и рыцари посвящаютъ свою жизнь войнѣ, убійству, грабежу и необузданному разврату. Рабочее населеніе, прикрѣпленное къ землѣ, осуждается на барщинный трудъ и нищета становится условіемъ и добродѣтью его жизни. Католическая, папская церковь усердіемъ своихъ проповѣдниковъ собираетъ въ монастыряхъ безчисленныя толпы нищихъ. — Въ эту мрачную эпоху европейской жизни, только въ укрѣпленныхъ городахъ, за высокими стѣнами люди могутъ еще трудиться, въ надеждѣ кое-какъ обезпечить свое существованіе. Съ размноженіемъ городского населенія, мало по малу развиваются искусства и ремесла, устраиваются постоянные рынки, заводятся торговныя конторы и образуется такъ называемое «среднее сословіе», враждебное феодализму.

Изобрѣтеніе пороха, компаса и книгопечатанія даетъ новое направленіе и новый смыслъ европейской жизни. Бални и замки феодаловъ рушатся; рыцари поступаютъ на королевскую службу; ремесленники и купцы пріобрѣтаютъ права гражданства и обогащаются трудомъ и торговлей. Открытіе Америки и мореходнаго пути въ Индію пробуждаетъ духъ предприимчивости, а книгопечатаніе—жажду знанія. Такъ начинается періодъ «возрожденія». Затѣмъ разражается реформація, которая ставитъ на ноги крѣпостное населеніе Германіи, и, наконецъ, въ концѣ прошлаго вѣка, среднее сословіе Франціи, во имя труда, достигаетъ полной эмансипаціи. Въ теченіи этого времени, гениемъ Галилея, Бэкона, Декарта и

Ньютона основана наука, та положительная наука, которая даетъ міру столько полезныхъ и чудныхъ открытій и поминутно раскрываетъ тайны природы.

Древній міръ жилъ не трудомъ, а войной. Пока она питала его, пока завоеванія и грабежи были возможны, до тѣхъ норъ онъ и существовать.

Чудовищная Римская имперія должна была обезсилѣть и пасть неизбежно, когда ей пришлось обречь себя на самопожирание за недостаткомъ добычи. Та же участь грозила и Западной Европѣ, послѣ крестовыхъ походовъ, если бы она не стала стремиться къ уничтоженію феодализма.

III.

Въ заключеніе первой статьи мы сказали: «Западная Европа прогрессивно впадаетъ въ нищету и варварство, въ которомъ должна исчезнуть личная свобода и независимость. Измѣнить этого рокового направленія нельзя никакими политическими или экономическими реформами. Передъ силою вещей безсилна мудрость современныхъ мудрецовъ».

Настоящее положеніе Западной Европы дѣйствительно отчаянно. Въ этомъ убѣждаетъ насъ статистика съ ея злобѣщими цифрами; въ этомъ убѣждены даже самые близорукие оптимисты, которые привыкли видѣть все въ розовомъ свѣтѣ.

Англіійскій экономистъ Дж. Ст. Милль говоритъ: «Сословіе рабочихъ въ Англійи и почти во всѣхъ другихъ странахъ находится въ такомъ зависимомъ положеніи, что *меньшею свободою можно бы пользоваться развѣ при совершенномъ рабствѣ.*»

И такъ, не смотря на свободу труда, рабство душитъ работника. Едва успѣлъ онъ вздохнуть послѣ феодальнаго ига, едва сталъ свободнымъ гражданиномъ съ правомъ наживать милліоны, какъ снова попалъ въ рабство! Что же осуждаетъ его на такое безвыходное положеніе? Почему для работника воля обращается въ неволю, а трудъ въ пытку? Или, въ самомъ дѣлѣ, свобода неизбежно приводитъ къ рабству, а работа къ нищетѣ?

Эти вопросы не новы; ихъ такъ часто поднимали и такъ глупо рѣшали, что они совсѣмъ опошлелись. При всемъ томъ, надо же найти, наконецъ, разумное рѣшеніе: есть вопросы, которыхъ нельзя похоронить молчаніемъ или незнаніемъ, и къ числу ихъ, безспорно, относится вопросъ о причинѣ нищеты рабочихъ классовъ

на Западѣ, гдѣ трудъ признается источникомъ богатства, залогомъ мира и прогресса. Цивилизованная Европа грядетъ и, выйдя съ тѣмъ, нищаетъ; она желаетъ мира, а живетъ войнами и революціями. Чудовищныя предпріятія, основанныя на громадныхъ капиталѣхъ, лопаются при малѣйшемъ политическомъ ударѣ и выбрасываютъ на мостовую десятки, сотни тысячъ рабочихъ. Торговле, финансовыя и банковыя кризисы повторяются и развиваются повсюду. Между хозяевами и работниками нѣтъ прочныхъ отношеній; оба класса питаютъ взаимную, затаенную ненависть, которая при всякомъ случаѣ обращается въ открытую вражду. — Вотъ въ какомъ состояніи находится Западная Европа! Чего же можете ждать она въ будущемъ? На что надѣется, напримѣръ, Франція съ государственнымъ долгомъ въ 11 миллиардовъ, съ гипотечнымъ долгомъ въ 10 миллиардовъ и съ шестью милліонами нищихъ, обреченныхъ на всевозможныя лишения? Въ чемъ видятъ спасеніе богатая Англія съ долгомъ въ 20 миллиардовъ фр. и съ восьмью милліонами голоднаго населенія? Чѣмъ поможетъ себѣ Італія, погруженная въ долги, въ виду близкаго банкротства? Что предугадаетъ несчастная Австрія?..

Да, недолго проживетъ долгами Западная Европа! Ей придется прибѣгнуть къ ликвидаціи или, отказавшись отъ нея, вернуться въ феодальной системѣ среднихъ вѣковъ. Государственные долги, расходы и недомыи безпрестанно возрастаютъ, а единственное средство ихъ погашенія—трудъ падаетъ, становится кабальнымъ и потому менѣе и менѣе производительнымъ. Долги не оплачиваются, работа не оплачивается и лихобитство, во всѣхъ его видахъ, дѣлается закономъ экономической жизни обществъ. Каждый пытается нажитья безъ труда и рискуетъ поминутно впасть въ нищету. Частное благосостояніе, видимо, уменьшается, потому что ничто не можетъ его обезпечить и упрочить при той анархіи и борьбѣ интересовъ, въ которой сильныя безжалостно давятъ слабыхъ.

Право сильнаго, право феодальное господствуетъ въ правахъ, обычаяхъ и учрежденіяхъ Западной Европы. Современные бароны и рыцари отличаются отъ средневѣковыхъ только тѣмъ, что не живутъ въ укрѣпленныхъ замкахъ, не одѣваются съ головы до ногъ въ желѣзную броню и не выѣзжаютъ съ копьемъ и мечомъ разбойничать на большихъ дорогахъ. Дряблые и трусливые буржуа, представители нынѣшняго феодализма, не ведутъ такого образа жизни, для котораго нужна, конечно, физическая сила и личная храбрость. И зачѣмъ, притомъ, станутъ они подражать прежнимъ феодаламъ, когда имъ живуть полную возможность завлать свою

силу не въ рукопашномъ бою, не на поединкахъ и турнирахъ, а на промышленной и торговой аренѣ? Занѣмъ будутъ они строить замки на неприступныхъ горахъ и окапывать ихъ глубокими рвами, когда могутъ жить безопасно въ городахъ и селахъ, подъ защитою полиціи? Занѣмъ станутъ они дѣлать набѣги и грабить вооруженною рукою, когда биржевая игра, торговая спекуляція, монополия и лихоимство даютъ столько поживы?!

Безъ сомнѣнія, бароны и рыцари биржи и рынка несравненно умнѣе старыхъ феодаловъ, потому что умѣютъ лучше ихъ пользоваться правомъ сильнаго. Кромѣ исключительныхъ, весьма рѣдкихъ случаевъ, они не прибѣгаютъ къ явному и грубому насилию. Они не бьютъ, не убиваютъ своихъ вассаловъ и слугъ; напротивъ того, они обращаются съ ними такъ вѣжливо и гуманно, какъ настоящіе друзья человѣчества. Мало того: они не заставляютъ даже работать и служить себѣ даромъ, а покупаютъ всякій трудъ, какъ товаръ, по вольной цѣнѣ и сожальвуютъ, душевно сожальвуютъ, когда конкуренція понижаетъ наемную плату рабочихъ и обрекаетъ ихъ на голодъ.

Современный феодализмъ Западной Европы называется «филантропией», и нельзя не сознаться, что это названіе отчасти основательно. Сословіе свободныхъ рабочихъ, по своему низкому развитію и отчаянной тупости, составляетъ такое стадо двуногихъ, которое ищетъ только дешеваго корма, а объ остальномъ мало заботится. Наняться въ работу и найти «добраго» хозяина — вотъ и все желаніе работниковъ; свой наемъ онъ считаетъ милостію со стороны хозяина, а рабочую плату — наградой за прилежаніе и благопріевіе. Понятно, что, при такомъ дѣтскомъ взглядѣ на свое состояніе, рабочій охотно отдается подъ произвольную опеку, а наниматель, въ качествѣ опекуна, смотритъ на себя, какъ на благодѣтеля, который даетъ работу ближнему только изъ любви къ человѣчеству, а вовсе не изъ своекорыстія и расчета.

«Какъ плата работника, говоритъ Милль, есть *награда за трудъ*, такъ и прибыль капиталиста служитъ *вознагражденіемъ за воздержаніе* (?). Капиталистъ получаетъ прибыль, какъ выигрышь, за то, что отказывается раскодовать свой капиталъ на собственныя надобности и предоставляетъ пользоваться имъ своимъ работникамъ. *За это отреченіе онъ требуетъ вознагражденія*. Очень часто въ личномъ наслажденіи онъ выигралъ бы, еслибъ растрчивалъ свой капиталъ, потому что сумма прибыли за всѣ годы, которые онъ можетъ прожить, по расчету вѣроятности, меньше суммы его капитала. Но, сохраняя капиталъ въ цѣлости, онъ можетъ раско-

довать его всегда, когда ему вздумается: может передать его другимъ при своей смерти, а до той поры получать съ него доходъ и, не будучи, употреблять на удовлетвореніе своихъ желаній.» (J. St. Milk)

Барышъ—награда за воздержаніе и за отреченіе отъ наслажденій!! Какое чудное, несравненное выраженіе! Одни только филантропы школы Мальтуса и способны были придумать его для прославленія добродѣтелей тѣхъ барышниковъ и лихоимцевъ, которые съ геройскимъ самоотверженіемъ берутъ 25, 50 и 100 процентовъ. И какъ, въ самомъ дѣлѣ, не награждать этихъ подвижниковъ лихоимства за то, что они не тратятъ своего капитала и, воздерживаясь отъ труда, желаютъ только жить не на свой счетъ! Какъ не прославлять такой воздержной жизни, такого самоотязанія! Вѣдны барышникъ!....

«Что повѣсть тягостныхъ лишеній,
Трудовъ и бѣдъ толпы людской
Передъ минутою одной
Его непризнанныхъ мученій!»

Выдача рабочей платы—вотъ ужасное мученіе, которому подвергается барышникъ, и за это мученіе онъ награждаетъ себя прибылью, т. е. ростомъ капитала. «Выигрышь капиталистовъ, говоритъ Милль, зависитъ отъ двухъ обстоятельствъ: во-первыхъ, отъ производительной силы труда и, во-вторыхъ, отъ пропорціи между вознагражденіемъ работниковъ и всею суммою, ими производимую.— Величина барыша, процентное отношеніе его къ капиталу опредѣляется только тѣмъ, какую долю получаетъ работникъ. Если продуктъ труда удвоится и вознагражденіе рабочихъ тоже удвоится, то хотя капиталистъ и получитъ въ суммѣ вдвое болѣе прежняго, но, заплативъ двойную рабочую плату, прибыль его не увеличится, а останется прежняя.

«Такимъ образомъ, мы приходимъ къ выводу Рикардо и другихъ политико-экономовъ, доказавшихъ, что барышъ зависитъ отъ размѣра рабочей платы: онъ возвышается по мѣрѣ пониженія рабочей платы и падаетъ по мѣрѣ ея возвышенія.»

И такъ, чѣмъ меньше платы получаютъ рабочіе и чѣмъ больше они производятъ, тѣмъ значительнѣе барышъ и тѣмъ выше награда капиталиста за его «воздержаніе» отъ добросовѣстности.

Логика Милля доказываетъ, что онъ смотритъ на общественную экономію съ точки зрѣнія лавочника. Какъ понять такого ученаго

и какъ вѣрить ему, когда для него дважды-два то четыре, то пять или десять. Въ одномъ мѣстѣ, которое мы уже приводили, Милль говоритъ: «Произведеніе труда обходится капиталисту во столько, сколько онъ заплатилъ рабочимъ»,—а въ другомъ мѣстѣ увѣряетъ, что стоимость продукта и всякаго товара опредѣляется не только расходомъ на рабочую плату, но и величиной барыша, который желательно получить капиталисту.—Какъ назвать такое противорѣчіе?

Экономическая наука отвергаетъ выводы Милля, какъ очевидныя нелѣпости, и, въ свою очередь, доказываетъ, что теорія лихорадочна несовмѣстна съ законами производства, обращенія и потребленія вещей, и вообще цѣнностей. Она говоритъ: 1) Стоимость всѣхъ произведеній труда равняется издержкамъ на работу, т. е. суммѣ заработковъ всего рабочаго класса; слѣдовательно, кто получаетъ заработную плату, тотъ долженъ имѣть возможность выкупить произведеніе своего труда.—2) При продажѣ и покупкѣ всѣхъ вещей происходитъ обмѣнъ равныхъ цѣнностей; другими словами, давая одну вещь за другую, каждый изъ насъ заинтересованъ въ томъ, чтобы не дать больше и не получить меньше. Такимъ образомъ, съ одной стороны, цѣна всякой вещи равняется платѣ за ея работу, а съ другой—покупать и продавать, значитъ обмѣниваться такими вещами, которыя въ производствѣ потребовали равныхъ издержекъ, т. е. равныхъ платъ за работу. Личное мнѣніе продавцовъ и покупателей такъ же точно не измѣняетъ цѣны вещей, какъ не измѣняетъ ихъ вѣса и мѣры. Когда одинъ обманываетъ другого и, при обмѣнѣ, требуетъ за вещь больше, чѣмъ она стоитъ,—тотъ подражаетъ тому, кто обвѣшиваетъ или обмѣриваетъ. Мѣна или вообще торговля сама по себѣ непроизводительна: сколько бы разъ ни переходила вещь изъ рукъ въ руки, цѣна ея не можетъ возвыситься. Если Иванъ продаетъ Фомѣ и требуетъ десять рублей за вещь, которая ему стоитъ только пять рублей, то число вещей въ обращеніи отъ этого не увеличится и общество не разбогатеетъ. Окажется только то, что Иванъ выиграетъ пять рублей, а Фома проиграетъ ихъ.—Такого рода торговля ничто иное, какъ шулерская игра.

На первый взглядъ можетъ показаться, что интересы продавца и покупателя взаимно-противоположны, потому что одному хочется побольше взять, а другому поменьше дать. Вникая, однако, въ сущность торговли, мы скоро убѣждаемся въ томъ, что интересы продавца и покупателя совершенно сходны, потому что какъ одинъ, такъ и другой одинаково желаютъ денежной, которая уменьшаетъ издержки покупателя и увеличиваетъ сбытъ продавца. Вотъ почему

не ограниченіе предложенія и не расширеніе запроса развивать торговлю, а только дешевизна. Когда отсталые экономисты, въ родѣ Милля, поймутъ эти основныя истины экономической науки, тогда, можетъ быть, они перестанутъ извращать свой и чужой здравый смыслъ и прибѣгать къ пошлой софистикѣ для оправданія всякой лжи. Въ настоящее время они проповѣдуютъ, что нѣтъ богатства безъ накопленія капиталовъ, а накапливать ихъ можно только въ томъ случаѣ, когда на счетъ задѣльной платы рабочихъ получатся барыши; поэтому, для увеличенія богатства слѣдуетъ развивать лихонимство и, съ этой цѣлью, постоянно понижать рабочую плату. Но уменьшать плату рабочимъ—значитъ обрекать ихъ на нищету; поэтому, чѣмъ меньше оплачивается работа и чѣмъ больше разнижается нищихъ, тѣмъ скорѣе накаплиются капиталы и возрастаетъ богатство страны. Да послужитъ примѣромъ та славная Англія, которая разбогатѣла только потому, что довела свое рабочее сословіе до безвыходной нищеты.—Такова логика экономистовъ, учениковъ Мальтуса.

IV.

Чѣмъ страна богаче, тѣмъ болѣе она страдаетъ отъ нищеты. Это поразительное и нелѣпое явленіе представляетъ намъ Западная Европа, съ ея феодальнымъ политико-экономическимъ устройствомъ. Промышленный и торговый феодализмъ—вотъ отличительная черта современнаго прогресса и очевидный признакъ разложенія западныхъ государствъ. Чудовищное развитіе непроизводительной спекуляціи, биржевой игры и банкротства, монопольная система банковъ и акціонерныхъ компаній, уничтоженіе самостоятельнаго труда и размноженіе класса наемниковъ, непомерное возростаніе государственныхъ бюджетовъ и долговъ, постоянство кризисовъ въ промышленности и торговлѣ, дороговизна жизни, неувѣренность въ настоящемъ и страхъ будущаго—вотъ краткій перечень тѣхъ общественныхъ золъ, тѣхъ неизлечимыхъ болѣзней, которыми страдаетъ Западная Европа.

Въ виду всѣхъ бѣдствій цивилизаціи, безспорно, болѣе всего обращаетъ на себя вниманіе плачевное положеніе многочисленнаго и бѣднаго класса рабочихъ. Нищета его до такой степени ужасна, что начинаетъ угрожать даже общественному спокойствію и порядку. Вотъ почему является настоятельная необходимость Западу принять такіа мѣры, которыя могли бы остановить дальнѣй-

иже развитіе нищеты и обезпечитъ состояніе рабочихъ. Всѣ мѣры или, выражаясь вѣрнѣе, полумѣры, придуманныя для этой цѣли, оказались совершенно негодными. Частная и общественная благотворительность, какъ универсальное средство противъ нищеты, отвергается теперь даже тѣми, которые, казалось, обязаны его проповѣдовать во что бы то ни стало.

Послѣ всевозможныхъ разсужденій о нищетѣ, какъ неизбежномъ явленіи, послѣ разныхъ безполезныхъ выдумокъ и нелѣпыхъ полумѣръ, наконецъ пришли къ тому убѣжденію, что только сами нищие могутъ помочь своему горю и улучшить свое положеніе. Но какимъ образомъ? «Пусть бѣдные рабочіе берутъ примѣръ съ богатыхъ капиталистовъ и, собирая свои гроши, составляютъ акціонерныя общества». Такъ разсуждали современные мудрецы, и общество, слушая ихъ, рукоплескало.

Всякая мысль, дурная и хорошая, непременно осуществляется на дѣлѣ и, рано или поздно, такъ или иначе, доказываетъ свое практическое значеніе для общества. Этого мало; вѣтъ той свѣтлой идеи, которая, въ извѣстное время и при извѣстныхъ условіяхъ общественной жизни, не дѣлалась бы предметомъ наглой спекуляціи, гнуснаго обмана и шарлатанства.

Такъ случилось и съ идеей «рабочихъ ассоціацій»: ловкіе, практическіе люди уже обратили ее въ орудіе эксплуатаціи тѣхъ же самыхъ бѣдняковъ, которые видѣли въ ней залогъ своего спасенія. Стоитъ только узнать, какіе господа громче всѣхъ кричатъ и больше другихъ заботятся теперь объ устройствѣ «народныхъ банковъ, сберегательныхъ кассъ, обществъ взаимнаго кредита» и всякихъ «рабочихъ ассоціацій», чтобы угадать заранѣе, къ чему приведетъ это современное направленіе филантропіи. Мы замѣчаемъ, по крайней мѣрѣ, тотъ фактъ, что въ Англіи, Германіи, Италіи и Франціи идея рабочихъ ассоціацій болѣе всего занимаетъ и увлекаетъ не сословіе работниковъ, а ростовщиковъ, спекуляторовъ, банкировъ изъ евреевъ, адвокатовъ, извѣстнаго сорта экономистовъ, литераторовъ и наемныхъ писакъ продажныхъ газетъ и журналовъ. Они-то и сочиняютъ разные заманчивые проэекты, уставы этихъ ассоціацій; они-то и печатаютъ безпрестанно экономическіе катехизисы, поученія, посланія и увѣщанія рабочимъ, чтобы наставить ихъ на путь истины и возбудить въ нихъ страсть къ барышничеству. Такимъ проповѣдникамъ, разумѣется, знакомы всѣ тайны акціонерныхъ предпріятій; они умѣютъ искусно пользоваться невѣжествомъ толпы и понимаютъ, что распространеніе разныхъ ассоціацій, подъ вымышленнымъ названіемъ: «рабочихъ», принесетъ имъ

очевидную пользу. Если эти общества учреждаются на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и всѣ прочія акціонерныя компаніи, т. е. съ расчетомъ на барыши и дивиденды, то, конечно, нельзя уже опасаться такихъ экономическихъ реформъ, которыя ведутъ къ уничтоженію спекуляціи, лихоимства...

Не скоро еще рабочее населеніе Западной Европы пойметъ настоящій смыслъ слова: «ассоціація». Не скоро еще настанетъ та пора, когда это модное слово будетъ выражать собою не экономическую ложь, а правду.

Въ ожиданіи этой счастливой поры, пусть западный міръ предастся всякимъ иллюзіямъ; пусть отъ нихъ ему легче живется.

И. Сопельскій.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

РАЗРУШЕНІЕ ЭСТЕТИКИ.

I.

Когда какая нибудь новая мысль только-что начинаетъ прокладывать себѣ дорогу въ умы людей, тогда неизбежная борьба старыхъ и новыхъ понятій начинается обыкновенно съ того, что представители новой мысли подводятъ итоги всему запасу убѣжденій, выработанныхъ прежними дѣятелями, превратившихся въ общее достояніе и господствующихъ надъ умами образованной массы. Это подведеніе итоговъ необходимо для того, чтобы строгій приговоръ, долженствующій поразить всю отжившую систему понятій, не казался обществу голословнымъ и бездоказательнымъ наборомъ смѣлыхъ парадоксовъ. Подводя итоги, представитель новой идеи принужденъ становиться на точку зрѣнія своихъ противниковъ, хотя онъ знаетъ очень хорошо, что эта точка зрѣнія никуда не годится. Онъ принужденъ поражать своихъ противниковъ ихъ собственнымъ оружіемъ, хотя онъ знаетъ очень хорошо, что, тотчасъ послѣ своей побѣды, онъ изломаетъ и броситъ навсегда это старое и заржавленное оружіе. Если бы представитель новой идеи поступилъ иначе, если бы онъ, не обращая вниманія на старыя нелѣпости, прямо началъ бы проповѣдывать свою теорію, то защитники нелѣпости заговорили бы громко и смѣло, что онъ ничего не знаетъ и не понимаетъ. Этотъ говоръ былъ бы очень неосновательный, но такъ какъ численный перевѣсъ былъ бы на сторонѣ защитниковъ нелѣпости, то общество повѣрило бы неосновательному

говору и успѣхъ новой мысли былъ бы въ значительной степени ослабленъ или замедленъ этимъ обстоятельствомъ. Значить, на первыхъ порахъ надо говорить съ филистерами на филистерскомъ языкѣ и надо подходить къ нимъ съ нѣкоторыми предосторожностями, потому что филистеры—народъ пугливый и всегда готовый поднять безтолковый и оглушительный гвалтъ, очень вредный для общества и для всякихъ новыхъ идей. Но когда филистеры поражены и доведены до молчанія, когда новая идея уже пустила корень въ обществѣ и начала развиваться, тогда всѣ предварительныя работы, произведенныя для посрамленія филистеровъ, уходятъ въ тихую область исторіи, вмѣстѣ съ тою старою системою, которую эти работы подыпали и разрушили. Случается иногда, что на эти предварительныя и неизбѣжно-эфемерныя работы уходитъ цѣлая жизнь очень замѣчательныхъ дѣятелей. Книга—«Эстетическія отношенія искусства къ дѣйствительности», написанная десять лѣтъ тому назадъ, совершенно устарѣла не потому, что ея авторъ былъ въ то время неспособенъ написать что нибудь болѣе долговѣчное, а именно потому, что автору надо было въ началѣ опровергать филистеровъ доводами, заимствованными изъ филистерскихъ арсеналовъ. Авторъ видѣлъ, что эстетика, порожденная умственною неподвижностью нашего общества, въ свою очередь, поддерживала эту неподвижность. Чтобы двинуться съ мѣста, чтобы сказать обществу разумное слово, чтобы пробудить въ разслабленной литературѣ сознание ея высокихъ и серьезныхъ гражданскихъ обязанностей, надо было совершенно уничтожить эстетику, надо было отправить ее туда, куда отправлены алхимія и астрологія. Но чтобы дѣйствительно опрокинуть вредную систему старыхъ заблужденій, надо приниматься за дѣло осторожно и расчетливо. Если сказать обществу прямо: «бросьте вы эти глупости; у васъ есть дѣла гораздо поважнѣе и поинтереснѣе», — то общество изумится, испугается вашей дерзости, не повѣритъ вамъ и приметъ вашъ разумный совѣтъ за гаерскую выходку. Поэтому надо говорить съ обществомъ въ томъ тонѣ, къ которому оно привыкло. Надо говорить такъ: вы, господа, уважаете эстетику. Ахъ, и я тоже уважаю эстетику. Займемтесь же вмѣстѣ съ вами эстетическими изслѣдованіями. — Привлекши къ себѣ, такимъ образомъ, сердце довѣрчиваго читателя, лукавый послѣдователь новой идеи, конечно, займется своими эстетическими изслѣдованіями такъ успѣшно, что разобьетъ всю эстетику на мелкіе кусочки, потомъ всѣ эти мелкіе кусочки превратитъ по одиночкѣ въ мельчайшій порошокъ и, наконецъ, развѣетъ этотъ порошокъ на всѣ четыре стороны. — Куда-жъ ты,

озорникъ, дѣвалъ мою эстетику, которую ты уважаешь? спросить огорченный читатель, наказанный за свою довѣрчивость.—Улетѣла твоя эстетика, отвѣтитъ писатель, и давно пора тебѣ забыть о ней; потому что не мало у тебя всякихъ другихъ заботъ.—И вздохнетъ читатель, и поневолѣ примется за социальную экономію, потому что эстетика дѣйствительно разлетѣлась на всѣ четыре стороны, благодаря эстетическимъ изслѣдованіямъ коварнаго писателя. Когда читатель будетъ, такимъ образомъ, обузданъ и посаженъ за работу, тогда, разумѣется, эстетическія изслѣдованія, погубившія эстетику, потеряютъ всякій современный интересъ и останутся только любознательнымъ историческимъ памятникомъ авторскаго коварства.

II.

Авторъ «Эстетическихъ отношеній» уже на III-й страницѣ своего введенія показываетъ издали догадливому читателю тотъ результатъ, къ которому онъ желаетъ придти. «Уваженіе къ дѣйствительной жизни, говоритъ онъ, недовѣрчивость къ апіорическимъ, хотя бы и пріятнымъ для фантазіи, гипотезамъ — вотъ характеръ направленія, господствующаго нынѣ въ наукѣ. Автору кажется, что необходимо привести къ этому знаменателю и наши эстетическія убѣжденія, если еще стоитъ говорить объ эстетикѣ.» — *Если еще стоитъ говорить объ эстетикѣ* — оговорка очень замѣчательная! Всякій немедленно пойметъ изъ этой оговорки, что вопросъ объ эстетикѣ былъ уже давно рѣшенъ въ умѣ этого писателя, когда онъ принимался за свою магистерскую диссертацію. Авторъ давно понималъ, что говорить объ эстетикѣ стоитъ только для того, чтобы радикально уничтожить ее и навсегда отрезвить тѣхъ людей, которыхъ морочить философствующее и тунеядствующее филистерство. Поэтому авторъ, разумѣется, имѣлъ въ виду не основаніе новой, а только истребленіе старой и вообще всякой эстетической теоріи. Эстетика или наука о прекрасномъ имѣетъ разумное право существовать только въ томъ случаѣ, если прекрасное имѣетъ какое нибудь самостоятельное значеніе, независимое отъ безкончнаго разнообразія личныхъ вкусовъ. Если же прекрасно только то, что нравится намъ, и если, вслѣдствіе этого, всѣ разнообразнѣйшія понятія о красотѣ оказываются одинаково законными; тогда эстетика рассыпается въ прахъ. У каждого отдѣльнаго человека образуется своя собственная эстетика и, слѣдова-

тельно, общая эстетика, приводящая личные вкусы къ обязательному единству, становится невозможною. Авторъ «Эстетическіе отношенія» ведетъ своихъ читателей именно къ этому выводу, хотя и не высказываетъ его совершенно открыто. «Здоровый человѣкъ», говоритъ авторъ, встрѣчаетъ въ дѣйствительности очень много такихъ предметовъ и явленій, смотря на которые, не приходитъ ему въ голову желать, чтобы они были не такъ, какъ есть, или были лучше. Мнѣніе, будто человѣку непрѣменно нужно «совершенство», — мнѣніе фантастическое, если подъ «совершенствомъ» понимать такой видъ предмета, который бы совмѣщалъ всевозможныя достоинства и былъ чуждъ всѣхъ недостатковъ, какіе, отъ нечего дѣлать, можетъ отыскать въ предметѣ фантазія человѣка съ холоднымъ или пресыщеннымъ сердцемъ. «Совершенство для меня то, что для меня вполне удовлетворительно въ своемъ родѣ». (Стр. 52.). Такимъ образомъ, «совершенство» для меня одно, для васъ — другое, для Ивана — третье, для Марьи — четвертое и такъ далѣе, до безконечности, потому что каждая отдѣльная личность является единственнымъ и верховнымъ судьей въ вопросѣ о томъ, что для нея удовлетворительно. Развивать свой вкусъ для того, чтобы сдѣлать себя взыскательнымъ и разборчивымъ, — авторъ считаетъ дѣломъ совершенно излишнимъ. Онъ называетъ «адовымъ» того человѣка, который удовлетворяется легко; въ прихотливой строгости требованій онъ видитъ только вредныя послѣдствія праздности, холодности и пресыщенности. Само собою разумѣется, что всѣ эти мнѣнія автора относятся только къ области прекраснаго, къ той области, въ которой недовольство дѣйствительностью не можетъ повести за собою ничего, кромѣ безплоднаго страданія. Въ самомъ дѣлѣ, представьте себѣ, что созерцаніе рафаэлевскихъ картинъ и древнихъ статуй до такой степени воспламенитъ ваше воображеніе, что всѣ живыя женщины, съ которыми вы встрѣчаетесь, кажутся вамъ некрасивыми. Какая же польза получится изъ вашего недовольства для васъ самихъ или для другихъ людей? Русскія женщины дѣйствительно не такъ красивы, какъ тѣ итальянки, которыхъ видѣлъ Рафаэль, или какъ тѣ гречанки, которыхъ знали древніе скульпторы; но, какъ бы ни было велико ваше недовольство, русскія женщины отъ него нисколько не похорошѣютъ, и вы, со всѣмъ вашимъ недовольствомъ, все-таки, до окончанія вѣка, не придумаете ничего такого, что могло бы увеличить ихъ красоту. Значитъ, вы же сами останетесь въ чистомъ проигрышѣ, потому что будете совершенно бесполезно хмуриться и тосковать тамъ, гдѣ другіе будутъ любоваться, влѣбляться и наслаждаться.

Недовольство дѣйствительностью, совершенно бесплодное и негѣ-
 пное, когда оно обращено на красоту, становится, напротивъ того,
 очень полезнымъ и уважительнымъ чувствомъ, когда оно направ-
 ляется противъ житейскихъ неудобствъ, устроенныхъ руками и
 умами людей. Тутъ недовольство ведетъ за собою преобразователь-
 ную дѣятельность и, слѣдовательно, приноситъ очень реальныя и
 осязательныя результаты. Всякая эстетика, старая или новая или
 новѣйшая, строится неизмѣнно на томъ основномъ предположеніи,
 что люди должны усиливать, очищать и совершенствовать въ себѣ
 свое врожденное стремленіе къ красотѣ. Кто отвергаетъ это основ-
 ное предположеніе, тотъ отвергаетъ не какія нибудь частныя ошиб-
 ки той или другой эстетики, а самый принципъ, самый фундаментъ
 всякой эстетики вообще. Авторъ «Эстетическихъ отношеній» посту-
 паетъ именно такимъ образомъ. Видя, что здоровый человѣкъ удо-
 влетворяется такими предметами и явленіями, въ которыхъ можно
 замѣтить и неправильности очертаній, и недостаточное богатство
 красокъ, и разныя другія шероховатости, авторъ становится безу-
 словно на сторону этого здороваго человѣка и вовсе не требуетъ,
 чтобы этотъ здоровый человѣкъ отвернулся, во имя высшей кра-
 соты, отъ того, что доставляетъ ему безвредное и ослѣжительное
 наслажденіе. Этотъ здоровый человѣкъ доволенъ тѣмъ, что онъ ви-
 дитъ передъ собою; и прекрасно, больше ничего не нужно; не за-
 чѣмъ мудрить надъ этимъ человѣкомъ; не зачѣмъ отравлять ему
 его естественное и законное наслажденіе; чѣмъ скромнѣе его тре-
 бованія, тѣмъ лучше для него и для всѣхъ, потому что тѣмъ боль-
 ше у него будетъ шансовъ наслаждаться часто, не причиняя ни-
 кому ни хлопотъ, ни неприятностей.—Вотъ процессъ мысли, скры-
 тый въ тѣхъ словахъ автора, которыя я выписалъ выше; такъ
 какъ, по естественному развитію этихъ мыслей, каждый здоровый
 человѣкъ признается высшимъ авторитетомъ въ дѣлѣ эстетики, то,
 очевидно, эстетика, какъ наука, становится такою же негѣпостью,
 какою была бы, напримѣръ, наука о любви. Каждый любитъ по
 своему, не справляясь ни съ какими учеными книжками. И каждый
 наслаждается всѣми впечатлѣніями жизни также по своему, также
 не справляясь ни съ какими учеными книжками. Слѣдовательно,
 наука о томъ, какъ и чѣмъ должно наслаждаться, превращается
 въ бессмыслицу.

III.

«Прекрасное, говоритъ авторъ, есть жизнь; прекрасно то суще-
 ство, въ которомъ видимъ мы жизнь такую, какова должна быть

она по нашимъ понятіямъ; прекрасенъ тотъ предметъ, который выказываетъ въ себѣ жизнь или напоминаетъ намъ о жизни». (Стр. 7.) Это опредѣленіе до такой степени широко, что въ немъ совершенно тонетъ и исчезаетъ то, что называется красотой въ обыкновенномъ разговорномъ языкѣ. Это опредѣленіе показываетъ ясно, что авторъ, какъ мыслящій человѣкъ, относится совершенно равнодушно къ прекрасному, въ узкомъ и общепринятомъ смыслѣ этого слова. По этому опредѣленію, всякій вполне здоровый и нормально развившійся человѣкъ прекрасенъ; все, что не изуродовано въ большей или въ меньшей степени, то прекрасно. Это можетъ показаться парадоксомъ, а между тѣмъ, это совершенно вѣрно. Когда дѣло идетъ, напримѣръ, о человѣческой фізіономіи, то, разумѣется, вопросы о томъ, великъ или малъ ротъ, толстъ или тонокъ носъ, густы или жидки волосы, словомъ, всѣ вопросы, касающіеся собственно до такъ называемой писаной красоты, могутъ быть интересны только для гоголевской Агафьи Тихоновны и для людей обоего пола, стоящихъ на одномъ уровнѣ развитія съ этою прекрасною дѣвицею. Съ тѣхъ поръ, какъ солнце свѣтитъ и весь міръ стоитъ, ни толстый носъ, ни большой ротъ, ни жидкіе или рѣдкіе волосы не помѣшали никому сдѣлаться полезнымъ и великимъ человѣкомъ; кромѣ того, они даже никому не помѣшали пользоваться всѣми наслажденіями взаимной любви. Чѣмъ дольше человѣчество живетъ на свѣтѣ и чѣмъ умнѣе оно становится, тѣмъ равнодушиѣе оно относится къ чистой красотѣ и тѣмъ сильнѣе оно дорожитъ тѣми атрибутами человѣческой личности, которые сами по себѣ составляютъ дѣятельную силу и реальное благо. Цвѣтущее здоровье и сильный умъ кладутъ свою печать на человѣческую фізіономію, жизнь мысли, чувства и страстей оставляетъ на ней свои слѣды; эта печать и эти слѣды заставляютъ каждаго умнаго человѣка совершенно забыть о томъ, великъ ли ротъ, толстъ ли носъ и жидки ли волосы. Но здоровье и умъ существуютъ не для того, чтобы вѣстать свою печать на фізіономію; человѣкъ живетъ, мыслитъ, чувствуетъ и волнуется также не для того, чтобы приобрѣтать себѣ то или другое выраженіе лица, печать здоровья и ума, и слѣды пережитыхъ впечатлѣній ложатся на лицо безъ нашего вѣдома и помимо нашего желанія; здоровье, умъ и впечатлѣнія жизни имѣютъ для насъ свое самостоятельное значеніе; совершенно независимое отъ того выраженія, которое они придаютъ нашимъ фізіономіямъ, и гораздо болѣе важное, чѣмъ это выраженіе. Когда мы видимъ по лицу человѣка, что онъ здоровъ, уменъ и много пережилъ на своемъ вѣку, то его лицо нравится намъ,

не имѣть красивая картинка, а какъ программа нашихъ будущихъ отношеній къ этому человѣку. Мы, судя по лицу, расположены сблизиться съ этимъ человѣкомъ, потому что его лицо говоритъ намъ то, чего не могъ бы намъ сказать самый безукоризненный греческій профиль. Глядя на это лицо, мы невольно угадываемъ и предчувствуемъ въ его обладателѣ энергическаго, твердаго, вѣрнаго, умнаго и полезнаго друга. Когда лицо нравится намъ, такимъ образомъ, какъ намекъ на умъ, характеръ и біографію даннаго субъекта, тогда, очевидно, эстетика остается не при чемъ. Мы смотримъ на лицо человѣка такъ, какъ, при покупкѣ серебряной или золотой вещи, мы смотримъ на пробу. Проба не придаетъ вещи никакой красоты; она только ручается за ея цѣнность. При томъ опредѣленіи прекраснаго, которое даетъ намъ авторъ, эстетика, въ нашемъ величайшему удовольствію, исчезаетъ въ физиологіи и въ гигиенѣ.—Я не буду слѣдить за борьбою нашего автора съ нѣмецкимъ эстетикомъ Фишеромъ по вопросу о прекрасномъ въ дѣйствительности. Намъ нѣтъ дѣла до этой борьбы, потому что для насъ, въ настоящую минуту, не имѣютъ рѣшительно никакого значенія всѣ глубокомысленныя умозрѣнія Фишера и другихъ нѣмецкихъ идеалистовъ. Результатъ борьбы состоитъ въ томъ, что, по мнѣнію нашего автора: «прекрасное въ объективной дѣйствительности вполнѣ прекрасно и совершенно удовлетворяетъ человѣка».—А если это такъ, то, разумеется, «искусство рождается вовсе не отъ потребности человѣка восполнить недостатки прекраснаго въ дѣйствительности». Выразаясь другими словами, цѣль искусства состоитъ не въ томъ, чтобы создать такое чудо красоты, котораго нѣтъ и не можетъ быть въ природѣ. Въ чемъ же состоитъ цѣль искусства? Чтобы отвѣчать на этотъ вопросъ, авторъ перебираетъ всѣ различныя отрасли искусства, и на этомъ анализѣ я считаю не лишнимъ остановиться, потому что вопросъ объ искусствѣ понимается до сихъ поръ совершенно превратно не только нашими филистерами, но даже и тѣми самолюбивыми посредственностями, которыя считаютъ себя учениками автора и преемниками Добролюбова.

IV.

Авторъ начинаетъ свой анализъ съ архитектуры и съ перваго же шага ставитъ господамъ эстетикамъ убійственную дилемму. По его мнѣнію, надо или выключить архитектуру изъ числа искусствъ,

или причислить къ искусствамъ садоводство, мебельное, модное, ювелирное, лѣпное мастерство и вообще «всѣ отрасли промышленности, всѣ ремесла, имѣющія цѣлью удовлетворять вкусу или эстетическому чувству». Если какойнибудь портнѣй или палаццо есть произведеніе искусства на томъ основаніи, что онъ построенъ красиво и радуется глазъ правильностью своихъ формъ, то на такомъ же точно основаніи надо будетъ назвать произведеніями искусства— аллею съ подстриженными деревьями и кресло съ рѣзною или точеною спинкою, и фарфоровый чайникъ съ закорюченною ручкою, и штучку обоевъ, расписанныхъ яркими красками, и дамскую шляпку, украшенную цвѣтами, перьями и блондою, и дамскую прическу, придуманную и исполненную какимънибудь знаменитымъ *artiste en cheveux*. Мало того, даже клюквенный кисель, вылитый въ кухонную форму, оказывается также произведеніемъ искусства. Въ самомъ дѣлѣ, кисель можно было бы подать на столъ въ видѣ сплошной, безформенной массы, лежащей на блюдѣ; онъ былъ бы точно также вкусенъ и удобоваримъ; но его подаютъ въ видѣ башни съ зубчиками и фестончиками, и это дѣлается именно потому, что человѣкъ не есть грубый скотъ; ему мало того, чтобы отправить кисель въ желудокъ; ему хочется, кромѣ того, погрузиться въ созерцаніе зубчиковъ и фестончиковъ и, уничтожая эти фестончики и зубчики, умилиться душою надъ непрочностью земной красоты. Такимъ образомъ, кисель, вылитый въ форму, не только удовлетворяетъ эстетическому чувству обѣдающаго человѣка, но даже пробуждаетъ въ его отзывчивой душѣ высокія размышленія, точно такія же размышленія, какія обыкновенно обуреваютъ впечатлительнаго путешественника, созерцающаго какойнибудь обвалившійся портнѣй временъ Септимія Севера или какойнибудь опустѣлый палаццо венеціанскаго патриція. Значить, ясно, что архитектура не имѣетъ ни малѣйшаго права обитать въ такихъ высокыхъ хоромахъ, въ которые, по распоряженію непослѣдовательныхъ эстетиковъ, не допускаются ея родныя сестры и ближайшія родственницы. Французы давно это поняли и поэтому парикмахеры называются у нихъ *artistes en cheveux*, и нашъ знаменитый мебельный мастеръ, г. Туръ, навѣрное посмотрѣлъ бы на васъ съ глубокимъ презрѣніемъ, если бы вы вздумали оспаривать у него право на титулъ художника. Такъ оно, дѣйствительно, и должно быть, если сущность, цѣль и оправданіе искусства заключаются въ его стремленіи къ красотѣ. Тогда и старуха, которая бѣлится и румянится передъ зеркаломъ, окажется художникомъ, превращающимъ свою собственную особу въ художественное произведеніе. Всѣ отрасли

промышленности, говоритъ нашъ авторъ, всѣ ремесла, имѣющія цѣлью удовлетворять вкусу или эстетическому чувству, мы признаемъ искусствами въ такой же степени, какъ архитектуру, когда ихъ произведенія замышляются и исполняются подъ преобладающимъ вліаніемъ стремленія къ прекрасному и когда другія цѣли (которыя всегда имѣетъ архитектура) подчиняются этой главной цѣли. Совершенно другой вопросъ о томъ, до какой степени достойны уваженія произведенія практической дѣятельности, задуманныя и исполненныя подъ преобладающимъ стремленіемъ произвести не столько что нибудь дѣйствительно нужное или полезное, сколько произвести что нибудь прекрасное. Какъ рѣшить этотъ вопросъ,— не входитъ въ сферу нашего разсужденія; но какъ рѣшенъ будетъ онъ, точно такъ же долженъ быть рѣшенъ вопросъ и о степени уваженія, которой заслуживаютъ созданія архитектуры въ значенія чистаго искусства, а не практической дѣятельности. Какими глазами смотреть мыслитель на кашмировую шаль, стоящую 10,000 франковъ, на столовые часы, стоящіе 10,000 франковъ, такими же глазами долженъ смотрѣть онъ и на изящный кіоскъ, стоящій 10,000 франковъ. Быть можетъ, онъ скажетъ, что всѣ эти вещи—произведенія не столько искусства, сколько роскоши; быть можетъ, онъ скажетъ, что истинное искусство чуждается роскоши, потому что существеннѣйшій характеръ прекраснаго — простота». (Стр. 85). Мыслитель будетъ совершенно правъ, если посмотритъ съ презрѣніемъ на шаль, на часы и на кіоскъ, но онъ будетъ совершенно неправъ, когда начнетъ утверждать, что *истинное искусство чуждается роскоши*. Истинному искусству нѣтъ рѣшительно никакого дѣла до экономическихъ соображеній. Истинное искусство есть чуждое растеніе, которое постоянно питается соками человѣческой роскоши. Являясь всегда и вездѣ неразлучнымъ спутникомъ роскоши, оно никакъ не можетъ ея чуждаться. И Микель Анджелло, и Рафаэль расписывали своими фресками потолоки и простѣнки папскаго дворца, подобно тому, какъ различные московскіе художники украшаютъ «пузетами и амурами» стѣны тѣхъ апартаментовъ, въ которыхъ Лазарь Елизаричъ Подхалюзинъ наслаждается радостями семейной жизни съ своею супругою, Олимпиадою Самсоновною, урожденною Вольшовою. Фрески Рафаэля, по мнѣнію такого чистокровнаго и даровитаго эстетика, какъ Анри Тенъ, не имѣютъ почти никакого самостоятельнаго значенія. Они составляютъ просто дополненіе архитектуры. «Въ самомъ дѣлѣ, разсуждаетъ Тенъ, отчего же фрескамъ и не быть дополненіемъ архитектуры? Не ошибочно ли разсматривать ихъ отдѣльно? Чтобы понимать идеи жи-

вописца, надо становиться на его точку зрѣнія. А Рафаэль, разумѣется, смотрѣлъ на всю задачу именно такимъ образомъ. *Пожаръ въ Ворме* составляетъ украшеніе арки, которую ему поручено было чѣмъ нибудь наполнить. *Парнасъ* и *Освобожденіе св. Петра* украшаютъ простѣнки надъ дверью и надъ окномъ, и ихъ мѣсто обязываетъ ихъ принять извѣстную форму. Эти картины не приставлены къ стѣнамъ зданія; онѣ сами составляютъ часть зданія; онѣ облачаютъ зданіе такъ, какъ кожа облачаетъ тѣло. Если онѣ принадлежатъ къ архитектурѣ, то какъ же имъ не подчиняться архитектурнымъ требованіямъ?... «Вотъ, объясняетъ онъ далѣе, арка окна выгибается величественно и просто; линия этой арки благородна (noble!) и бордюра изъ лѣпныхъ украшеній сопровождаетъ ея прекрасную округлость, но мѣста по бокамъ и наверху остаются пустыми; надо ихъ наполнить, а для этого годятся только фигуры, неуступающія архитектурѣ въ полнотѣ и серьезности; лица, предающіяся увлеченію страсти, составили бы диссонансъ; здѣсь не можетъ быть мѣста безпорядку естественныхъ группъ. Надо, чтобы дѣйствующія лица выравнились сообразно съ высотой простѣвика; наверху арки должны стоять маленькія дѣти или согнувшіяся фигуры, а по бокамъ большія, вытянутые во весь ростъ». (L'Italie et la vie italienne. Revue des deux Mondes, 1865. 1 janvier). А вѣдь мы, право, не умѣемъ цѣнить достоинствъ нашей отечественной литературы; вѣдь у насъ даже въ эстетической «Эпохѣ» или въ столь же эстетическомъ «Атенеѣ» были немислимы словоизверженія о томъ, что «la ligne est noble» и что «les personnages s'étagent selon la hauteur du panneau». А у французовъ это—сплошь и рядомъ, такъ что даже самый ревностный реалистъ начинаетъ конфузиться за автора только тогда, когда ему, по какому нибудь странному случаю, приводится переводить эти деликатессы на русскій языкъ.—Какъ бы то ни было, а изъ словъ Тена все-таки видно очень ясно, что истинное искусство съ величайшею готовностью превращало себя въ лакея роскоши. Художникъ подчинялся всѣмъ требованіямъ роскоши такъ раболѣпно, что соглашался уродовать, въ угоду имъ, свои картины, соглашался разставлять группы по ранжиру,—словомъ, весьма охотно протитировалъ свою творческую мысль. Можетъ ли мыслитель сказать послѣ этого, что *истинное искусство чуждается роскоши*? Если же мыслитель рѣшится выгнать изъ храма *истиннаго искусства*—Рафаэля Санціо, то спрашивается, кто же останется въ этомъ храмѣ послѣ изгнанія главнаго жреца? И спрашивается еще, не превратится ли тогда этотъ храмъ *истиннаго искусства* въ мастерскую человѣческой мысли, въ кото-

рей изслѣдователи, писатели и рисовальщики, каждый по своему, будутъ стремиться къ одной великой цѣли—къ искорененію бѣдности и невѣжества?—Въ умѣ автора «Эстетическихъ отношеній» это превращеніе совершилось давнымъ-давно; но въ 1855 году наше общество было еще совершенно не приготовлено къ пониманію такихъ плодотворныхъ идей; поэтому автору и приходится, до поры, до времени, оставлять въ неприкосновенности какой-то призракъ *истиннаго искусства*, въ существованіе котораго онъ, человѣкъ, осмѣлившійся заговорить въ эстетическомъ трактатѣ о 10,000 франковъ, уже нисколько не вѣрить.

V.

Выбрасывая архитектуру изъ храма *истиннаго искусства*, авторъ «Эстетическихъ отношеній» не считаетъ нужнымъ даже упомянуть мимоходомъ о томъ безбрежномъ морѣ фразъ, которое изливають на счетъ архитектурныхъ памятниковъ разные туристы и дилеттанты, считающіе себя любителями и цѣнителями изящнаго, во всѣхъ его проявленіяхъ. Авторъ совершенно правъ въ своемъ спокойномъ презрѣніи къ этимъ фразамъ; возражать противъ нихъ серьезно нѣтъ никакой возможности, а смѣяться надъ ними очень неудобно въ такомъ трудѣ, который долженъ былъ подвергнуться суду ученаго ареопага. Но такъ какъ литературные враги автора могутъ прикинуться, будто они принимаютъ его презрительное молчаніе за доказательство его невѣденія или его неумѣнія опровергнуть фразерство дилеттантовъ, — то я брошу здѣсь бѣглый взглядъ на несостоятельность этого фразерства. Каждому читателю случалось, конечно, не разъ слышать и читать возгласы о томъ, что архитектура такого-то вѣка и такого-то народа воплотила въ себѣ всю жизнь, все міросозерцаніе, всѣ духовныя стремленія этого вѣка и этого народа. Французскіе историки и туристы особенно бойко и самоувѣренно умѣютъ читать исторію и мысли отжившихъ народовъ въ каменныхъ сводахъ, колоннахъ, портикахъ, каштеляхъ, фронтонахъ и разныхъ другихъ архитектурныхъ украшеніяхъ. У этихъ господъ на каждомъ шагѣ встрѣчаются выраженія: «гранитная поэма», «эпопея изъ мрамора»; эти выраженія прикладываются ими къ очень большимъ зданіямъ, въ родѣ Колизея, Ватикана или собора св. Петра; если бы они были послѣдовательны, то маленькія строенія, съ претензіями на элегантность, должны были бы называться на ихъ фигурномъ языкѣ —

мозаиками изъ кирпича или сокетами изъ дуба. Если повѣрить этимъ господамъ на слово, то окажется, что имъ, для основательнаго изученія прошедшаго, совсѣмъ ненужны письменные документы; они берутся угадать и рассказать вамъ всю подноготную на основаніи мраморныхъ поэмъ и гранитныхъ эпопей. Приведите такого господина въ древній греческій храмъ и предупредите его заранѣе, что это — точно греческій храмъ, вашъ господинъ сію минуту начнетъ вамъ объяснять, что во всемъ характерѣ и во всѣхъ отдѣльныхъ подробностяхъ архитектуры отразилась свѣтлая и гармоническая полнота греческаго духа. И столь усладительно начнетъ онъ вамъ повѣствовать о греческомъ духѣ, и такую элегическую грусть онъ на себя напуститъ по тому случаю, что древніе греки всѣ померли, и такую онъ передъ вами развернетъ картину олимпійскихъ игръ или элевзинскихъ таинствъ, что вы совсѣмъ растаете и припишете все его краснорѣчіе чудотворному вліянію греческаго духа, замурованного въ стѣны, въ колонны и въ своды древняго храма. Приведите этого господина въ Алгамбру и скажите ему, что она была построена въ такомъ-то вѣкѣ, такимъ-то калифомъ — сію минуту польются увлекательныя рѣчи о пылкости арабской фантазіи. А въ готической соборъ лучше ужъ совсѣмъ не водите вашего словоохотливаго туриста, — тутъ ужъ конца не будетъ чтенію гранитныхъ поэмъ; въ каждомъ стрѣльчатомъ окошкѣ онъ будетъ усматривать выраженіе средневѣкового идеализма, стремившагося оторваться отъ земли и улетѣть въ пространство эфира. Словомъ, туристъ всегда будетъ угадывать вѣрно, по той простой причинѣ, что онъ, какъ человѣкъ довольно начитанный, будетъ всегда знать заранѣе, что именно въ данномъ случаѣ должно быть угадано. Если мы знаемъ заранѣе, что такое-то зданіе было построено тогда-то, такимъ-то человѣкомъ, для такого-то употребленія, то, разумѣется, входя въ это зданіе, мы невольно вспоминаемъ о томъ, какъ жилъ этотъ человѣкъ, что онъ дѣлалъ, что онъ думалъ. А такъ какъ большинство людей не умѣютъ анализировать свои собственныя впечатлѣнія, то этимъ людямъ и кажется, что ихъ воспоминанія расшевеливаются въ нихъ именно самою *формой* зданія, и что, слѣдовательно, эта форма находится въ необходимой внутренней связи съ жизнью, съ дѣятельностью и съ образомъ мыслей того человѣка, о которомъ приходится вспоминать. Несостоятельность этого мнѣнія можетъ быть доказана совершенно очевидно и осязательно, посредствомъ анализа нѣкоторыхъ другихъ, совершенно аналогическихъ процессовъ нашей мысли. Показываютъ вамъ, напримѣръ, картину, на которой нарисовано нѣсколько муж-

чень и нѣсколько женщинъ; физиономія у нихъ очень молодая, но волосы—бѣлые, какъ снѣгъ; вы, конечно, тотчасъ соображаете, что они нацудрены, и мысль ваша немедленно переносится въ XVIII столѣтіе. Пудра и XVIII столѣтіе—два представленія, неразрывно связанныя между собою въ нашемъ умѣ; мы знаемъ, что мода эта существовала именно тогда; мы знаемъ, что она не существовала ни въ какое другое время; мы видѣли множество картинъ и портретовъ, на которыхъ люди XVIII вѣка представлены съ нацудренными головами, и, такимъ образомъ, мы, совершенно незамѣтно и нечувствительно привыкли къ той мысли, что пудра дѣйствительно характеризуетъ собою XVIII столѣтіе. Но кто же, въ самомъ дѣлѣ, рѣшится утверждать, что эта странная мода находится въ необходимой внутренней связи съ жизнью, съ дѣятельностью и съ образомъ мыслей тогдашнихъ людей? Въ этой модѣ есть, конечно, одна черта, характеризующая собою тогдашнее общество; но эту черту мы находимъ во многихъ другихъ модахъ; эта черта заключается въ искусственности и вычурности этой моды; эта искусственность и вычурность показываютъ намъ, что преобладающимъ значеніемъ пользовалось въ тогдашней Европѣ сословіе совершенно праздное, которое, отъ нечего дѣлать, принимало съ восторгомъ самыя нелѣпыя выдумки парикмахеровъ и другихъ законодателей моды. Но почему искусственность и вычурность проявились при Людовикѣ XV, въ посыпаніи головы бѣлымъ порошкомъ; а при Людовикѣ XIV, въ ношеніи огромныхъ париковъ, — этого ни одинъ мыслитель въ мірѣ не объяснитъ намъ общими причинами, заключающимися въ духѣ времени и народа. Конечно, и пудра, и парики имѣютъ свою причину, но причину такую мелкую, частную и случайную, которая можетъ быть интересною только для собирателя историческихъ анекдотовъ. То же самое можно сказать и объ архитектурныхъ памятникахъ. То обстоятельство, что въ данное время строилось въ данной странѣ значительное количество бесполезныхъ и великолѣпныхъ зданій, доказываетъ, конечно, что въ данной странѣ были въ данное время такіе люди, которые сосредоточивали въ своихъ рукахъ огромные капиталы или, по какимъ нибудь другимъ причинамъ, могли располагать, по своему благоусмотрѣнію, громадными массами дешеваго человеческого труда. А по этой канвѣ политической и социальной беззаботности пылкая фантазія архитекторовъ и декораторовъ, подогрѣваемая хорошимъ жалованьемъ или страхомъ наказанія, конечно, должна была вышивать самыя величественныя и самыя пестрыя узоры; но видѣть въ этихъ узорахъ проявленіе народнаго

мироозерцаніи, а не индивидуальной фантазіи, — позволительно только тѣмъ туристамъ, которые серьезно рассуждаютъ о благородствѣ круглой арки или о возвышенности стрельчатого окна. — Въ мартовской книжкѣ «Современника», г. Антоновичъ излагаетъ и комментируетъ по своему идеи той книги, которую я разбираю въ настоящую минуту. Любопытно замѣтить, что г. Антоновичъ не говоритъ ни слова о взглядѣ автора на архитектуру. Приводя изъ «Эстетическихъ отношеній» очень большія выписки, г. Антоновичъ не приводитъ, однако, того замѣчательнаго мѣста, въ которомъ авторъ ставитъ архитектуру рядомъ съ ювелирнымъ мастерствомъ и упоминаетъ о 10,000 франковъ. Это мѣсто, проникнутое весьма грубымъ и невольнымъ реализмомъ, очевидно, возмутило изящныя чувства г. Антоновича, который, въ настоящее время, старается потихоньку поворотить «Современникъ» назадъ, въ тихую область сладкихъ звуковъ и пріятныхъ очертаній. Сознывая недостаточность своихъ собственныхъ силъ для произведенія такой реакціи, г. Антоновичъ желаетъ прерываться, во время своего отступленія, «Эстетическими отношеніями.» Онъ желаетъ доказать, что мысли автора «Эстетическихъ отношеній» въ настоящее время утрируются *«слишкомъ рыжыми, но не слишкомъ рациональными послѣдователями.»* Чтобы образумить этихъ *слишкомъ рыжихъ* послѣдователей, онъ хочетъ затормозить ихъ порывы словами самого автора. Онъ хочетъ, чтобы книга — «Эстетическія отношенія» залегла навсегда поперекъ той дороги, по которой движется русская мысль; онъ хочетъ, чтобы эта книга образовала собою ту крайнюю границу, дальше которой не было бы ни проходу, ни проѣзду. Связать, такимъ образомъ, мысль общества, которое только-что начинаетъ пробуждаться — это, конечно, намѣреніе очень похвальное; но г. Антоновичъ этимъ намѣреніемъ не удовлетворяется. Ему хочется непременно, чтобы «Эстетическія отношенія» сами разрушили то дѣло, которое они построили. Чтобы исполнить свое желаніе, г. Антоновичъ беретъ изъ этой книги только то, что соответствуетъ изящности его чувствъ, и оставляетъ безъ вниманія все то, что подходитъ близко къ *рыжности и нерациональности* такихъ негодныхъ людей, какъ, на примѣръ, авторъ «Нерѣшеннаго вопроса». На основаніи такихъ соображеній, г. Антоновичъ игнорируетъ сопоставленіе архитектуры съ ювелирнымъ или съ моднымъ мастерствомъ, потому что это сопоставленіе черезчуръ похоже на ту параллель, которая была проведена, въ третьей части «Нерѣшеннаго вопроса», между великимъ Моцартомъ и великимъ поваромъ Дюссо, между великимъ Рафаэлемъ и великимъ маркеромъ

Торевъ, между скульптурою и словесными природами и такъ далѣе. Эти очистительныя операціи, искажающія смыслъ всего сочиненія, г. Антоновичъ можетъ производить надъ «Эстетическими отношеніями» совершенно безнаказанно, потому что книга—не живой человѣкъ. Г. Антоновичъ, какъ джентльменъ ловкій и сообразительный, понимаетъ всѣ выгоды своего положенія и эксплуатируетъ ихъ съ вѣличайшею развязностью.

VI.

Бросивъ бѣглый взглядъ на скульптуру и на живопись, авторъ «Эстетическія отношенія» приходитъ къ тому выводу, «что проиведенія того и другого искусства, по многимъ и существеннѣйшимъ элементамъ (по красотѣ очертаній, по абсолютному совершенству исполненія, по выразительности и т. д.), неизмѣримо ниже природы и жизни». Доказательства въ пользу этого положенія авторъ беретъ отчасти изъ личныхъ впечатлѣній, отчасти изъ анализа тѣхъ необходимыхъ отношеній, которыя существуютъ между идеаломъ художника и живою дѣйствительностью. «Мы должны сказать, говоритъ авторъ, что въ Петербургѣ нѣтъ ни одной статуи, которая по красотѣ очертаній лица не была бы гораздо ниже безчисленнаго множества живыхъ людей, и что надобно только пройти по какой нибудь многолюдной улицѣ, чтобы встрѣтить нѣсколько такихъ лицъ. Въ этомъ согласится большая часть тѣхъ, которые привыкли думать самостоятельно.» (Стр. 87.)

Такъ какъ авторъ сказалъ уже въ самомъ началѣ своего разсужденія, что «прекрасное есть жизнь», и такъ какъ красота статуи заключается не въ жизни, то есть, не въ выраженіи лица, а въ строгой правильности очертаній и въ совершенной соразмѣрности частей, то, разумѣется, каждое неизуродованное и умное лицо живого человѣка оказывается гораздо красивѣе всевозможныхъ мраморныхъ или мѣдныхъ лицъ. Только въ этомъ смыслѣ и могутъ быть поняты слова автора, потому что иначе трудно было бы себѣ представить, какимъ образомъ въ Петербургѣ, который, какъ извѣстно, вовсе не славится красотой своихъ обитателей, могутъ встрѣчаться на каждой многолюдной улицѣ по нѣскольку лицъ, болѣе прекрасныхъ, чѣмъ лица статуи Кановы. Мое предположеніе подтверждается тѣмъ обстоятельствомъ, что авторъ говоритъ о «красотѣ очертаній», а не о «правильности». Очевидно, что *правильность* не имѣетъ въ его глазахъ почти никакого значенія. Объ идеалѣ скульп-

тора авторъ говоритъ, что онъ «никакъ не можетъ быть по красотѣ выше тѣхъ живыхъ людей, которыхъ имѣлъ случай видѣть художникъ. Силы творческой фантазіи очень ограничены: она можетъ только комбинировать впечатлѣнія, полученные изъ опыта.» (Стр. 87). Противъ этой очевидной истины могутъ спорить только несправимые идеалисты, способные до сихъ поръ принимать за чистую монету рассказы о томъ, что «художники, какъ боги, входятъ въ зевсовы чертоги и, читая мысль его, видятъ въ вѣчныхъ идеалахъ то, что смертнымъ въ доляхъ малыхъ открываетъ божество». Кто не вѣритъ въ прогулки художниковъ по чертогамъ Зевса и кто не признаетъ существованія врожденныхъ идей, тотъ, конечно, долженъ согласиться, что художникъ, подобно всѣмъ остальнымъ смертнымъ, почерпаетъ изъ опыта все свое внутреннее содержаніе и, слѣдовательно, всѣ мотивы своихъ художественныхъ произведеній. Говоря о живописи, авторъ обращаетъ вниманіе на несовершенство ея техническихъ средствъ. «Краски ея, говоритъ онъ, въ сравненіи съ цвѣтомъ тѣла и лица, — грубое, жалкое подражаніе; вмѣсто нѣжнаго тѣла, она рисуетъ что-то зеленоватое или красно-ватое». (Стр. 90). «Руки человѣческія грубы, говоритъ онъ дагѣ, и въ состояніи удовлетворительно сдѣлать только то, для чего не требуется слишкомъ удовлетворительной отдѣлки; «топорная работа» — вотъ настоящее имя всѣхъ пластическихъ искусствъ, какъ скоро сравнимъ ихъ съ природою». (Стр. 92). Къ ландшафтній живописи авторъ также относится безъ магічнаго благоговѣнія. Онъ сомнѣвается въ томъ, чтобы живопись могла лучше самой природы сгруппировать пейзажъ, и говоритъ, что «человѣкъ съ испорченнымъ эстетическимъ чувствомъ наслаждается природою вполнѣ, не находитъ недостатковъ въ ея красотѣ». (Стр. 94). Говоря о музыкѣ, авторъ прежде всего отдѣляетъ вокальную музыку отъ инструментальной. Потомъ, рассматривая вокальную музыку или пѣніе, онъ отдѣляетъ естественное пѣніе отъ искусственного. Естественнымъ онъ называетъ то пѣніе, которое возникаетъ у человѣка само собою, въ минуту радости или грусти, изъ потребности излить накопившееся чувство, а вовсе не изъ стремленія къ прекрасному. Это естественное пѣніе авторъ считаетъ произведеніемъ практической жизни; а не произведеніемъ искусства. Искусственное пѣніе, по мнѣнію автора, прекрасно въ той мѣрѣ, въ какой оно приближается къ естественному. А инструментальная музыка, въ свою очередь, прекрасна на столько, на сколько она приближается къ вокальной. «Послѣ этого, говоритъ авторъ, мы имѣемъ право сказать, что въ музыкѣ искусство

есть только слабое воспроизведеніе явленій жизни, независимыхъ отъ стремленія нашего къ искусству.» (Стр. 101). Въ поэзиі авторъ находитъ тотъ неизбѣжный недостатокъ, что ея образы всегда оказываются блѣдными и неопредѣленными, когда мы начинаемъ ихъ сравнивать съ живыми явленіями. «Образъ въ поэтическомъ произведеніи, говоритъ авторъ, точно такъ же относится къ дѣйствительному, живому образу, какъ слово относится къ дѣйствительному предмету, имъ обозначаемому,—это не болѣе, какъ блѣдный и общій, неопредѣленный намекъ на дѣйствительность». (Стр. 102). Кто усомнится въ вѣрности этой мысли, тому я могу предложить слѣдующее доказательство. Извѣстно, что высшій родъ поэзиі—драма; извѣстно, что лучшія драмы въ мірѣ написаны Шекспиромъ; выше шекспировскихъ драмъ въ поэзиі нѣтъ ничего; стало бытъ, если образы шекспировскихъ драмъ окажутся блѣдными и неопредѣленными намеками на дѣйствительность, то о всѣхъ остальныхъ поэтическихъ произведеніяхъ нечего будетъ и говорить. Но всякій знаетъ, что всѣ драмы, въ томъ числѣ и драмы Шекспира, достигаютъ нѣкоторой опредѣленности, приближающей ихъ къ дѣйствительности, только тогда, когда онѣ играются на сценѣ; всякій знаетъ далѣе, что играть удовлетворительнымъ образомъ шекспировскія роли могутъ только замѣчательные актеры; значитъ, необходима, дѣлая новая отрасль искусства для того, чтобы придать поэтическимъ образамъ нѣкоторую опредѣленность; значитъ, необходимы умъ, талантъ и образованіе для того, чтобы понимать, комментировать блѣдные и неопредѣленные намеки на дѣйствительность. Это пониманіе и комментированіе составляютъ всю задачу талантливаго актера, и удовлетворительнымъ рѣшеніемъ этой задачи актеръ приобретаетъ себѣ всемірную извѣстность. Стало бытъ, задача дѣйствительно очень трудна и намеки дѣйствительно блѣдны и неопредѣленны. Но это еще не все. Всякому извѣстно, что одна и та же роль играется различными актерами совершенно различно и, между тѣмъ, одинаково удовлетворительно. Одинъ понимаетъ характеръ дѣйствующаго лица такъ, другой—иначе, третій—опять по своему, и если всѣ они одинаково талантливы, то самый внимательный и требовательный зритель останется совершенно доволенъ; значитъ, всѣ понимаютъ вѣрно и, значитъ, поэтический образъ угодливается неопредѣленному уравнилю, которое, какъ извѣстно, допускаетъ множество различныхъ рѣшеній. Послѣ этого, мнѣ кажется, трудно сомнѣваться въ томъ, что поэзія, по самой сущности своей, можетъ давать только блѣдные и неопредѣленные намеки на дѣйствительность.—

образомъ, въ искусства, авторъ приводитъ къ тому общему заключенію, что прекрасное въ живой действительности всегда стоитъ выше прекраснаго въ искусствѣ. Если, следовательно, искусство не можетъ создавать такихъ чудесъ красоты, какихъ не бываетъ въ действительности, то, спрашивается, что же оно должно дѣлать? Оно должно, не жѣвъ своихъ силъ, воспроизводить действительность. — Что именно оно должно воспроизводить? — Все, что есть *интересно* для человѣка въ жизни. — Для чего нужно это воспроизведеніе? — На этотъ послѣдній вопросъ авторъ отвѣчаетъ такъ: «потребность, рождающая искусство, въ эстетическомъ смыслѣ слова (взявшаго искусства), есть та же самая, которая очень ясно высказывается въ портретной живописи. Портретъ пишется не потому, чтобы черты живого человѣка не удовлетворяли насъ, а для того, чтобы помочь нашему воспоминанію о живомъ человѣкѣ, когда его нѣтъ передъ нашими глазами, и дать о немъ нѣкоторое понятіе тѣмъ людямъ, которые не имѣли случая его видѣть. Искусство только напоминаетъ намъ своими воспроизведеніями о томъ, что интересно для насъ въ жизни, и старается до нѣкоторой степени познакомить насъ съ тѣми интересными сторонами жизни, которыхъ не имѣли мы случая испытать или наблюдать въ действительности». (Стр. 151). Если художникъ долженъ знакомить насъ съ *интересными* сторонами жизни, то, очевидно, онъ самъ долженъ быть на столько мыслящимъ и развитымъ человѣкомъ, чтобы умѣть отдѣлать интересное отъ неинтереснаго. Въ противномъ случаѣ, онъ потратитъ весь свой талантъ на рисованіе такихъ мелочей, въ которыхъ нѣтъ никакого живого смысла, и всѣ мыслящіе люди отнесутся къ его произведенію съ улыбкою состраданія, хотя бы даже мелочи, выбранныя художникомъ, были воспроизведены превосходно. «Содержаніе, говоритъ авторъ, достойное вниманія мыслящаго человѣка, одно только въ состояніи избавить искусство отъ упрека, будто оно — пустая забава, чѣмъ оно и действительно бываетъ чрезвычайно часто: художественная форма не спасетъ отъ презрѣнія или сострадательной улыбки произведеніе искусства, если оно, важною своею идею, не въ состояніи дать отвѣта на вопросъ: да стоило ли трудиться надъ подобными пустяками? Безполезное не имѣетъ права на уваженіе. Человѣкъ самъ себя цѣль; но для человѣка должны имѣть цѣль въ потребностяхъ чужихъ, а не въ самихъ себѣ». (129). Написавъ на эту мысль, что искусство воспроизводитъ и должно воспроизводить не только прекрасное, но вообще интересное, авторъ съ справедливымъ негодованіемъ отзывается о томъ, какъ можно разовѣтъ олице-

ніе, въ которой является дѣйствительная жизнь: у поэтовъ, подчиняющихся предписаніямъ старой эстетики и усердно наношающихъ свои произведенія разными прекрасными картинками, то есть, описаніями природы и сценами любви. «Привычка изображать любовь, любовь и вѣчно любовь, говорить авторъ, заставляетъ поэтовъ забывать, что жизнь имѣетъ другія стороны, гораздо болѣе интересныя чловѣка вообще; вся поэзія и вся изображаемая въ ней жизнь принимаетъ какой-то сантиментальный, розовый колоритъ; вмѣсто серьезнаго изображенія чловѣческой жизни, произведенія искусства представляютъ какой-то сляпкомъ юныи (чтобы удержаться отъ болѣе точныхъ эпитетовъ) взглядъ на жизнь, и поэтъ является обыкновенно молодымъ, очень молодымъ юношей, котораго рассказы интересны только для людей того же нравственнаго или физиологическаго возраста». (Стр. 137).—Весь смыслъ и вся тенденція «Эстетическихъ отношеній» концентрируются въ слѣдующихъ превосходныхъ словахъ автора: «наука не думаетъ быть выше дѣйствительности; это не стыдъ для нея. Искусство также не должно думать быть выше дѣйствительности; это не униженіе для него. Наука не стыдится говорить, что цѣль ея—познать и объяснить дѣйствительность, цотѣмъ примѣнить къ пользѣ чловѣка свои объясненія; пусть и искусство не стыдится признавать, что цѣль его: для вознагражденія чловѣка, въ случаѣ отсутствія полнѣйшаго вѣстрическаго наслажденія, доставляемаго дѣйствительностью,—воспроизвести, по мѣрѣ силъ, эту драгоценную дѣйствительность и ко благу чловѣка объяснить ее. Пусть искусство довольствуется своимъ высокимъ, прекраснымъ назначеніемъ: въ случаѣ отсутствія дѣйствительности, быть нѣкоторою замѣною ея и быть для чловѣка учебникомъ жизни».

VII.

Познакомившись съ содержаніемъ «Эстетическихъ отношеній», мы посмотримъ теперь, какое направленіе должна была принять критика, настроенная на тѣхъ теоретическихъ основаніяхъ, которыя заключаетъ въ себѣ эта книга. «Эстетическія отношенія» говорятъ, что искусство ни въ какомъ случаѣ не можетъ создавать свой собственный міръ, и что оно всегда принуждено ограничиваться воспроизведеніемъ того міра, который существуетъ въ дѣйствительности. Это основное положеніе обнзываетъ критика разсматривать каждое художественное произведеніе, непременно въ

связи съ тою жизнью, среди которой и для которой оно возникло. Налагая на критика эту обязанность, «Эстетическія отношенія» ограждаютъ его отъ опасности забрести въ пустыню стариннаго идеализма. Затѣмъ, «Эстетическія отношенія» предоставляютъ критику полнѣйшую свободу. Роль критика, проникнутаго мыслями «Эстетическихъ отношеній», состоитъ совсѣмъ не въ томъ, чтобы прикладывать къ художественнымъ произведеніямъ различныя статьи готоваго эстетическаго кодекса. Въмѣсто того, чтобы исправлять должность безличнаго и безстрашнаго блюстителя неподвижнаго закона, критикъ превращается въ живого человѣка, который внести и обязанъ внести въ свою дѣятельность все свое личное міросозерцаніе, весь свой индивидуальный характеръ, весь свой образъ мыслей, всю совокупность своихъ человѣческихъ и гражданскихъ убѣжденій, надеждъ и желаній. *«Искусство, говоритъ авторъ, воспроизводитъ все, что есть интересно для человека въ жизни.»* Но что именно интересно и что неинтересно? Этотъ вопросъ не рѣшенъ въ «Эстетическихъ отношеніяхъ», и онъ ни подъ какимъ видомъ не можетъ быть рѣшенъ разъ навсегда; каждый критикъ долженъ рѣшать его по своему, и будетъ рѣшать его такъ или иначе, смотря по тому, чего онъ требуетъ отъ жизни и какимъ образомъ онъ понимаетъ характеръ и потребности своего времени. *«Содержаніе, говоритъ авторъ, достойное вниманія мыслящаго человека, одно только въ состояніи избавить искусство отъ упрека, будто бы оно — пустая забава.»* Что такое мыслящій человекъ? Что именно достойно вниманія мыслящаго человека? Эти вопросы опять-таки должны рѣшаться каждымъ отдѣльнымъ критикомъ. А между тѣмъ, отъ рѣшенія этихъ вопросовъ зависитъ, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, криговоръ критика надъ художественнымъ произведеніемъ. Рѣшивши, что содержаніе неинтересно или, другими словами, недостойно вниманія мыслящаго человека, критикъ, основываясь на подлинныхъ словахъ автора «Эстетическихъ отношеній», имѣетъ полное право посмотрѣть на данное произведеніе искусства съ презрѣніемъ или со сострадательною улыбкою. Положимъ теперь, что одинъ критикъ посмотритъ на художественное произведеніе съ презрѣніемъ, а другой — съ восхищеніемъ. Столкнувшись, такимъ образомъ, въ своихъ сужденіяхъ, они затѣвуютъ между собою споръ. Одинъ говоритъ: содержаніе неинтересно и недостойно вниманія мыслящаго человѣка. Другой говоритъ: интересно и достойно. Само собою разумѣется, что споръ между этими двумя критиками, съ самаго начала, будетъ происходить совсѣмъ не на эстетической почвѣ. Они будутъ спорить меж-

ду собою о томъ, что такое мыслящій человѣкъ, что долженъ этотъ человѣкъ находить достойнымъ своего вниманія, какъ долженъ онъ смотрѣть на природу и на общественную жизнь, какъ долженъ онъ думать и дѣйствовать. Въ этомъ спорѣ они принуждены будутъ развернуть все свое міросозерцаніе; имъ придется заглянуть и въ естествознаніе, и въ исторію, и въ социальную науку, и въ политику, и въ нравственную философію, но объ искусствѣ между ними не будетъ сказано ни одного слова, потому что смыслъ всего спора будетъ заключаться въ *содержаніи*, а не въ *формѣ* художественнаго произведенія. Именно потому, что оба критика будутъ спорить между собою не о формѣ, а о содержаніи, именно потому, что они, такимъ образомъ, будутъ оба признавать, что содержаніе важнѣе формы,—именно поэтому они оба окажутся адептами того ученія, которое изложено въ «Эстетическихъ отношеніяхъ.» И ни одинъ изъ обѣихъ критиковъ не будетъ имѣть права упрекать своего противника въ отступничествѣ отъ основныхъ истинъ этого ученія; оба они будутъ стоять одинаково твердо на почвѣ общей доктрины и будутъ расходиться между собою въ тѣхъ именно вопросахъ, которые эта доктрина сознательно и систематически предоставляетъ въ полное распоряженіе каждой отдѣльной личности. Доктрина «Эстетическихъ отношеній» именно тѣмъ и замѣчательна, что, разбивая оковы старыхъ эстетическихъ теорій, она совсѣмъ не замѣняетъ ихъ новыми оковами. Эта доктрина говоритъ прямо и рѣшительно, что право произносить окончательный приговоръ надъ художественными произведеніями принадлежитъ не эстетикѣ, который можетъ судить только о формѣ, а мыслящему человѣку, который судитъ о содержаніи, то есть, о явленіяхъ жизни. О томъ, каковъ долженъ быть мыслящій человѣкъ, «Эстетическія отношенія», разумѣется, не говорятъ и не могутъ сказать ни одного слова, потому что этотъ вопросъ совершенно выходитъ изъ предѣловъ той задачи, которую они рѣшаютъ. Стало быть, расходясь между собою въ вопросѣ о мыслящемъ человѣкѣ, критики не имѣютъ ни малѣйшаго основанія ссылаться на «Эстетическія отношенія». Это было бы такъ же остроумно, какъ если бы кто нибудь въ спорѣ о косвенныхъ налогахъ сталъ ссылаться на учебникъ математической географіи. Математическая географія — наука очень почтенная, но въ рѣшеніи социальныхъ вопросовъ она совершенно некомпетентна.—Все это я говорю въ назиданіе г. Антоновичу, который, понявши «Эстетическія отношенія» въ дѣтско въ десятое, усмотрѣлъ въ нихъ какую-то энциклопедію науки и жизни, порѣшившую на вѣчныя времена всѣ вопросы про-

шедшаго, настоящаго и будущаго. Онъ старается обуздать «Эстетическими отношеніями» *рыцарей, но нерациональныхъ послѣдователей*, совершенно не понимая того, что его разногласіе съ этими *рыцарями, но нерациональными послѣдователями* принадлежитъ къ такой сферѣ понятій, въ которой «Эстетическія отношенія» не имѣютъ права голоса. Причина разногласія заключается именно въ томъ, что *рыцары, но нерациональные послѣдователи* рѣшаютъ вопросъ о мыслящемъ человѣкѣ совсѣмъ не такъ, какъ силится рѣшить его г. Антоновичъ. Причина разногласія таится не въ эстетическихъ понятіяхъ, а въ основныхъ взглядахъ на жизнь общества и на задачу современнаго писателя. Хотя это и очень скучно, однако, я принужденъ сдѣлать изъ статьи г. Антоновича: «Современная эстетическая теорія» нѣсколько большихъ выписокъ, для того, чтобы показать читателямъ, какъ плохо понимается и какъ неудачно прикладывается онъ къ дѣлу идеи автора, котораго онъ считаетъ своимъ учителемъ. «Мы рассмотрѣли, такимъ образомъ, говорить г. Антоновичъ, первую задачу искусства — воспроизведеніе прекраснаго, существующаго въ природѣ и въ жизни. Это воспроизведеніе дѣлается для наслажденія человѣка, для того, чтобы ему удобнѣе было любоваться прекраснымъ, которое въ дѣйствительности можетъ быть для него или вовсе недоступно, или не всегда доступно и сподручно. Мы съ намѣреніемъ ударяемъ на этомъ значеніи искусства, потому что въ послѣднее время нѣкоторые, возставая противъ ложныхъ направленій искусства, въ горячности и неразумности дошли до того, что стали возставать вообще противъ искусства и противъ эстетическаго наслажденія имъ. Говорятъ, будто бы человѣкъ не долженъ предаваться никакимъ удовольствіямъ, даже эстетическимъ; будто бы дѣльный и рациональный человѣкъ никогда не позволитъ себѣ наслаждаться никакимъ нибудь художественнымъ произведеніемъ, хотя бы то было произведеніе высшаго искусства поэзіи; будто бы такое наслажденіе только расслабляетъ человѣка и есть напрасная трата времени, которое гораздо лучше было бы употребить на полезныя дѣла, и т. д. Такой сухой, аскетическій взглядъ на искусство понятенъ и возможенъ только у людей, которые придумываютъ кодексъ человѣческихъ обязанностей не на основаніи реальныхъ свойствъ и потребностей человѣческой природы, а на основаніи произвольныхъ, фантастическихъ воззрѣній, выработанныхъ мечтательнымъ идеализмомъ и прилагаемыхъ къ человѣку. Кто не держится этихъ воззрѣній, тому рѣшительно не пристало вооружаться противъ искусства и эстетическаго наслажденія, а потому мы и думаемъ, что

приведенныя аскетическія возрѣнія на искусство скорѣе безсознательными и необдуманными выходки, чѣмъ сознательными, отчетливыми сужденіями.» (Современникъ. Мартъ 1865. Стр. 61). О, г. Антоновичъ! О, гениальный г. Антоновичъ! Вы себѣ даже и представить не можете, какую пронасть умственной нищеты и нравственной мелкости вы обнаруживаете въ этой самодовольной тирадѣ противъ горячности и неразумительности какихъ-то *нѣкоторыхъ*. Вы говорите откровенно вѣкъ вашимъ читателямъ, что вы никогда неспособны возвыситься до пониманія той нравственной философіи, которую, два-три года тому назадъ поддерживали «Современникъ» и которую, въ настоящее время, должно защищать отъ вашей жалкой близорукости одно «Русское Слово». Ваша умственная слѣбость и ваша нравственная приземистость выражаются особенно ярко въ тѣхъ разсужденіяхъ, которыя вертятся вокругъ слова: «аскетическій». Вы разсуждаете такъ: ужь не аскеты ли эти *нѣкоторые*? А впрочемъ нѣтъ, врядъ ли они аскеты. Ну, такъ, стало быть, они не могутъ «*вооружаться противъ искусства и эстетическаго наслажденія*», и, стало быть, всѣ ихъ разговоры на эту тему ничто иное, какъ *безсознательныя и необдуманныя выходы*. — По вашему, выходитъ непременно одно изъ двухъ: или аскетизмъ, или бессмысленная болтовня. Никакого третьяго рѣшенія вы не видите и даже не можете себѣ представить. Такъ какъ я самъ принадлежу къ числу *нѣкоторыхъ*, то, снисходя къ вашей слабости и непопулярности, я объясню вамъ съ достаточною вразумительностью, чѣмъ обуславливаются наши понятія объ искусствѣ и какаго громаднаго разнища существуетъ между этими понятіями съ одной стороны и «*суждѣнїемъ, аскетическимъ взглядомъ*» съ другой стороны.

VIII.

Аскетомъ, если не ошибаюсь, называется такой человѣкъ, который, по той или по другой причинѣ, борется съ своими страстями и передѣлываетъ свою природу по заранѣ задуманному плану. Изъ вашихъ словъ, г. Антоновичъ, видно, что вы понимаете слово *аскетъ* въ томъ же самомъ смыслѣ. Стало быть, аскетомъ ни въ какомъ случаѣ нельзя назвать такого человѣка, который весь поглощенъ одною преобладающею страстью и который, нисколько не думая о борбѣ съ самимъ съ собою, посвящаетъ удовольствію этой страсти

всѣ свои силы и всю свою жизнь. Конечно, вы не назовете аскетомъ горькаго пьяннику, который пропиваетъ всѣ свои деньги и все свое здоровье; конечно, вы не назовете также аскетомъ отчаяннаго игрока, который нарушаетъ всѣ свои человѣческія обязанности, чтобы доставить себѣ сильныя ощущенія азартной игры; и точно также вы не имѣете ни малѣйшаго основанія назвать аскетомъ Архимеда или Ньютона, которые, забывая о всѣхъ человѣческихъ наслажденіяхъ, проводили дни и ночи надъ математическими вычислениями. Архимедъ и Ньютонъ, и всѣ другіе великіе ученые изслѣдователи, навѣрно, никогда не говорили себѣ, что они *обязаны* посвящать всѣ свои силы наукѣ и человѣчеству; если бы они приневоливали себя, если бы они дѣйствовали по *обязанности*, а не по страсти, то они никогда не сдѣлались бы великими дѣятелями; потративъ большую часть своей энергіи на борьбу съ инстинктами и страстями собственной природы, они взяли бы за умственную работу слабо и вяло и повели бы эту работу такъ, какъ ведутъ вообще всякую работу люди утомленные. Тайна ихъ величія заключается именно въ томъ, что они работали по той же самой причинѣ, по которой пьяница пьетъ, а игрокъ играетъ. И въ Архимедѣ и въ игрокѣ, и въ пьяницѣ одна страсть развилась въ ущербъ всѣмъ остальнымъ страстямъ и положила свою печать на всѣ поступки, на весь образъ мыслей и на всю жизнь данной личности. Нарушеніе равновѣсія, которое происходитъ въ Архимедахъ, ставитъ ихъ выше уровня обыкновенныхъ людей; а нарушеніе равновѣсія, которое происходитъ въ пьяницахъ и въ игрокахъ, ставитъ ихъ ниже уровня обыкновенныхъ людей; поэтому, читателю можетъ показаться очень страннымъ сопоставленіе Архимеда съ игрокомъ и съ пьяницею. Но въ этомъ сопоставленіи нѣтъ ничего ни страннаго, ни обиднаго для Архимеда. Это сопоставленіе клонится къ реабилитаціи человѣческой природы. Оно доказываетъ, что человѣкъ становится полезнымъ и великимъ тогда, когда онъ, при благоприятныхъ условіяхъ, усиливаетъ и развиваетъ въ себѣ высшія стремленія своей личности, которыя, усилившись и развившись сами собою, безъ ломки и борьбы, одерживаютъ побѣду и упрочиваютъ за собою перевѣсъ надъ низшими и вредными инстинктами нашей природы. Сопоставленіе Архимеда съ игрокомъ и съ пьяницею доказываетъ, что величайшіе подвиги долеецаго труда такъ же свойственны человѣческой природѣ, какъ свойственны ей самыя грязныя проявленія нравственной раскущенности. Если вы, г. Антоновичъ, понимаете теперь, что нѣтъ надобности быть

аскетомъ для того, чтобы проводить дни и ночи надъ математическими вычислениями, то вы, можетъ быть, ухитритесь также войти, что нѣтъ надобности быть аскетомъ для того, чтобы относиться равнодушно къ искусству, какъ къ источнику эстетическаго наслажденія. Тѣ *нѣкоторые*, которыхъ вы упрекаете въ горячности и нерассудительности, просто принадлежатъ къ тому разряду явленій, къ которому я отнесъ горькихъ пьяницъ, отчаянныхъ игроковъ и Архимедовъ, и къ которому никакъ нельзя отнести аскетовъ. У этихъ *нѣкоторыхъ*, которые дѣйствительно очень горячи и нерассудительны, вся жизнь наполнена стремленіемъ къ одной цѣли, всѣ дѣйствія, слова и мысли окрашены одною преобладающею, и безотвязною страстью, передъ которою блѣднѣютъ и исчезаютъ всякія постороннія соображенія и всякіе побочные интересы. Этимъ *нѣкоторымъ* хочется непременно возбудить въ людяхъ желаніе серьезно задуматься надъ своимъ настоящимъ положеніемъ. Для чего имъ этого хочется и каково имъ отъ этого будетъ барышъ, — этого я рѣшительно не знаю; что же касается до васъ, г. Антоновичъ, то вы, безъ сомнѣнія, знаете объ этомъ еще меньше моего. Какъ бы то ни было, однако, имъ этого очень хочется. Они думаютъ, читаютъ, ищутъ, принимаютъ на себя различныя хлопоты и непріятности, и все только для того, чтобы какъ нибудь расшевелить умственные способности окружающихъ людей, направить ихъ вниманіе на вопросы дѣйствительной жизни и указать имъ на тѣ пути, на которыхъ эта жизнь становится легче и лучше. Какіе странные субъекты, какіе, можно даже сказать, глупые субъекты! Неправда ли, г. Антоновичъ? Во-первыхъ, кого расшевелить? а во-вторыхъ, имъ-то что за дѣло? — Неправда ли, г. Антоновичъ? — Предаваясь безраздѣльно своей глупой страсти, эти глупые *нѣкоторые* ищутъ и находятъ въ ней одной главнѣе источникъ своихъ страданій и своихъ наслажденій, своихъ сомнѣній и своихъ надеждъ, своихъ иллюзій и своихъ разочарованій. Они чувствуютъ себя счастливыми, когда они видятъ, что сколько нибудь подвинулись впередъ къ своей цѣли; они злятся и жалуются, когда обстоятельства отбрасываютъ ихъ назадъ или заставляютъ топтаться на одномъ мѣстѣ. Они не говорятъ себѣ, что они, какъ добродѣтельные граждане, *обязаны* чувствовать себя счастливыми въ одномъ случаѣ и страдать разлитіемъ жолчи въ другомъ. Нѣтъ, они дѣйствительно, безъ всякой команды, чувствуютъ себя счастливыми, когда ихъ работа подвигается впередъ; и жолчь имъ разливается также дѣйствительно и также безъ всякой

команды; когда умственная спячка одуряющих людей заедает свое существованіе посредствомъ какого нибудь неожиданно громкаго взрыва храниній.— Вамъ, г. Антоновичъ, какъ и всякому другому *разсудительному и неорлячему* человѣку, мои слова покажутся, вѣроятно, неправдоподобными выдумками; но нѣкоторымъ изъ вашихъ предшественниковъ, хоть бы, на примѣръ, Добролюбову, эти самыя слова показались бы такими извѣстными истинами, о которыхъ не стоить даже и распространяться. Изъ этого обстоятельства я могу вывести то заключеніе, что «Современникъ» въ послѣдніе два-три года сдѣлалъ очень значительные успѣхи въ *разсудительности* и что эти драгоценныя качества, особенно при вашемъ содѣйствіи, могутъ развернуться въ роскошный цвѣтокъ умѣренности и аккуратности. Впрочемъ, если мои повѣствованія о *некоторыхъ* покажутся вамъ чрезчуръ невѣроятными, то вы можете обратиться за справками и поясненіями къ кому нибудь изъ оставшихся вокругъ васъ сотрудниковъ добродюбовскаго «Современника», хоть бы, на примѣръ, къ г. составителю «Внутренняго обозрѣнія», и эти ветераны навѣрное объяснятъ вамъ, что хотя то сужденіе, которое я описываю, очень неправдоподобно, однако, оно дѣйствительно встрѣчается въ жизни.—И такъ, я буду продолжать, не смущаясь вашимъ, весьма естественнымъ, недоумѣніемъ.—Какъ человѣкъ *разсудительный и неорлячий*, какъ человѣкъ, имѣющій сдѣлаться умѣреннымъ и аккуратнымъ, какъ человѣкъ, имѣющій пойти во всѣхъ отношеніяхъ по слѣдамъ того достойнаго писателя, который говорилъ о прогрессистахъ, засиживающихъ идеи и испрашивающихъ благословенія у Молемота,—вы, достойнѣйшій, г. Антоновичъ, имѣете полное и неоспоримое право называть *некоторыхъ* — людьми помѣшанными или одержимыми. Но, если вы только не желаете ратовать противъ очевидности, вы непремѣнно должны признать существованіе двухъ фактовъ: во-первыхъ, того, что эти помѣшанные люди очень послѣдовательны въ своемъ помѣшательствѣ, а во-вторыхъ, того, что эти люди совершенно искренны въ своемъ помѣшательствѣ, т. е., что они дѣйствительно, безъ всякой искусственной натяжки, любятъ свою *idée fixe* больше всего на свѣтѣ. Послѣдовательность этихъ людей достаточно отражаетъ ихъ тотъ вашего упрека, будто бы ихъ слова ничто иное, какъ *бессознательныя и необдуманная выходы*. А искренность этихъ людей должна убѣдить васъ въ томъ, что названіе аскетовъ имѣть быть приложено въ этимъ людямъ такъ же оправданно, какъ, на примѣръ, въ горькихъ пьяницахъ, въ отчаянныхъ неромахъ, какъ въ

Архимедажъ. Но вы все-таки не повѣрите ни мнѣ, ни даже нашимъ сотрудникамъ. Вы сами совершенно неспособны подвергнуться тому помѣнительству, о которомъ я вамъ рассказываю; вы неспособны работать по страсти — и въ этомъ заключается ваша нравственная мелкость; кроме того, вы неспособны понимать эту страсть и въ другихъ людяхъ — и въ этомъ заключается ваша умственная дряхлость. Нельзя же, размышляете вы, целый день все учиться; надо же когда нибудь и въ игрушечки поиграть. — И вслѣдъ затѣмъ, вы начинаете распространяться о томъ, въ какия именно игрушечки должны играть благовоспитанныя дѣточки. И этотъ школьническій взглядъ на долгъ и на трудъ вы проводите въ томъ самомъ журналѣ, въ которомъ Добролюбовъ доказывалъ неутомимо, что для нормальнаго, здороваго и развитаго человѣка долгъ и трудъ совершенно сливаются съ личной выгодой и съ личнымъ наслажденіемъ. Ваши разсужденія объ аскетическомъ взглядѣ и о бессознательныхъ выходкахъ ругаются читающей публикѣ за то, что вы чрезвычайно хорошо поняли идеи вашихъ учителей и чрезвычайно способны сдѣлаться ихъ преемникомъ. Есть надежда, что вы въ скоромъ времени заподозрите въ аскетизмѣ того ригориста, котораго бурлаки презвали Никитушкой Ломовымъ. Развивайтесь дальше и вы пойдете очень далеко...

IX.

На 68-й страницѣ *разсудительный* и *историчій* г. Антоновичъ, предается слѣдующимъ трогательнымъ размышленіямъ объ искусствѣ: «Изъ всего этого видно, говоритъ онъ, что эстетическое наслажденіе есть нормальная потребность человѣческой природы, удовлетворяемая прекрасными предметами; и невозможно придумать никакого основанія, которое бы могло дать право воспрещать или даже порицать удовлетвореніе этой потребности.» Такъ вы находите, что невозможно придумать никакого основанія? Не горазды же вы придумывать. Послушайте же вы слѣдующее разсужденіе и уразумѣйте изъ него, что основаніе придумать даже совсѣмъ нетрудно. «Утоленіе голода есть нормальная потребность человѣческой природы, удовлетворяемая питательными предметами, и дѣйствительно невозможно придумать никакого основанія, которое бы могло дать право воспрещать или даже порицать удовле-

творение этой потребности. Однако, хотя никто не воспрещает и не корицает, эта потребность удовлетворяется у огромнаго большинства людей чрезвычайно плохо, по той простой причинѣ, что не всѣ могутъ ѣсть то, что имъ хочется, и что питательныхъ предметовъ производится не столько, сколько слѣдовало бы ихъ производить. А производятся питательные предметы въ недостаточномъ количествѣ потому, что много, слишкомъ много рабочихъ рукъ отвлекается на производство тѣхъ изящныхъ предметовъ, которыми удовлетворяются разныя эстетическія пожеланія, которыя вы, критикъ «Современника», преемникъ Добролюбова и ученикъ автора, «Эстетическихъ отношеній», считаете вашею обязанностью принять подъ свое посвященное покровительство.

Такъ какъ вы сами знаете эту азбучную истину и оставляете ее подъ спудомъ именно тогда, когда вы обязаны были ею воспользоваться, то я начинаю догадываться, что ваша голова устроена по общему филистерскому плану, съ крѣпкими и прочными перегородками, которыя даютъ вамъ полную возможность, подобно господину Incognito, предаваться эстетическимъ веселостямъ, забывая о существованіи этой истины. «Значить, продолжаете вы, искусство, какъ удовлетвореніе этой потребности, полезно, если бы оно даже больше ничего и не давало человѣку, кромѣ эстетическаго наслажденія, если бы оно было просто искусствомъ для искусства, безъ стремленія къ другимъ, высшимъ цѣлямъ.» Значить, Добролюбовъ, сражавшійся въ теченіе всей своей жизни противъ искусства для искусства, сражался противъ полезнаго явленія и, слѣдовательно, принесъ русскому обществу очень много вреда. Это говоритъ критикъ «Современника», и, что всего любопытнѣе, онъ говоритъ это, прикрываясь «Эстетическими отношеніями». Знаете ли вы, г. Антоновичъ, какое существенное различіе сохранилось до сихъ поръ между вами и г. Николаемъ Соловьевымъ?—Только то, милостивый государь, что вы пишете въ такомъ журналѣ, изъ котораго несравненно сильнѣе г. Николая Соловьева можете извращать понятія читающей публики; да еще то, что ваше литературнаго неопритностію дружески пачкаетъ идеи, которыя г. Николай Соловьевъ могъ только осипать издали своею бессмысленною и, вслѣдствіе этого, совершенно невинною бранью. И здѣсь, г. Антоновичъ, я во второй разъ долженъ отлатъ вамъ справедливость, что вы съ большимъ умѣньемъ, съ замѣчательною тонкостью выбираете цитаты изъ «Эстетическихъ отношеній». Являясь панегиристомъ искусства для искусства, вы весьма тщательно предаѣти

забвѣннѣе то мѣсто, въ которомъ авторъ говоритъ о «содержаніи, достойномъ вниманія мыслящаго человѣка.» Въ этомъ мѣстѣ, которое я выписалъ въ VI главѣ этой статьи, авторъ отрицаетъ на повалъ искусство для искусства, и вы, находя, конечно, что авторъ — «ужасный моветонъ», почтительно игнорируете его *моральное и неразсудительное мнѣніе* о томъ, что искусство чрезвычайно часто бываетъ пустою забавою. Такимъ образомъ, ужасный моветонъ является у васъ въ весьма облагороженномъ видѣ. «Кромѣ того, говорите вы далѣе: «эстетическое наслажденіе полезно и тѣмъ, что оно значительно содѣйствуетъ развитію человѣка, уменьшаетъ его грубость, дѣлаетъ его мягче, впечатлительнѣе, вообще гуманнѣе, сдерживаетъ его дикіе инстинкты, неестественныя порывы, разноситъ мрачныя, своекорыстныя мысли, ослабляетъ преступныя намѣренія и возстановливаетъ въ человѣкѣ тихую гармонію, устраняя диссонансы, производимыя всѣмъ, что есть дурного въ людяхъ и ихъ отношеніяхъ; и это очень понятно, потому что искусство удовлетворяетъ естественной, нормальной потребности, а человѣкъ всегда бываетъ лучше и добрѣе, когда его натура удовлетворяется во всѣхъ ея нормальныхъ потребностяхъ.» О, г. Антоновичъ, вы просто превзошли самого себя. Г. Дудинкинъ и г. Incognito, г. Страховъ и г. Косица, г. Аверниевъ и г. Николай Соловьевъ стремятся въ ваши объятія. «Хочу цѣловать, хочу цѣловать!» поютъ они хороше, и непременно поцѣлуютъ васъ, тѣмъ болѣе, что вы, смягченные и разнѣженные искусствомъ, т. е. ихъ пѣніемъ, *сдержите ваши неестественныя порывы, разнесите ваши мрачныя мысли, ослабьте ваши преступныя намѣренія, возстановите въ себѣ тихую гармонію, устранили диссонансы, производимыя всѣмъ, что есть дурного въ людяхъ, и, следовательно, не станете отвертываться отъ филистерскихъ безобразій этихъ людей, въ которыхъ, конечно, есть очень много ингредиентов, весьма способныхъ производить диссонансы.* По красотѣ языка и по яркости красокъ, ваша реклама въ пользу искусства можетъ найти себѣ опаснаго соперника только въ объявленіи парфюмера Л. Леррана о достоинствахъ *тонической воды изъ зимы Леррана.* Читайте и сравнивайте. «Составленная изъ крѣпительныхъ веществъ, говоритъ парфюмеръ Л. Лерранъ, эта вода уничтожаетъ болѣзнь головной кожи, останавливаетъ паденіе волосъ, даже самое сильное, препятствуетъ сѣдинѣ и, съ помощью помады тоникаваго балъзама, возобновляетъ растеніе волосъ на головахъ уже давно нлѣшивыхъ». — Что касается до меня, то я рѣшительно

предпочитал краснорѣчіе парфюмера Лэграна, потому что въ немъ гораздо меньше пустословія и гораздо больше конкретности. Сначала я хотѣлъ привести въ параллель въ вашему панегрику, объявление о «превосходной *Revalésциѣ*, доктора *Di Вату*», но потому, я замѣтилъ, что это было бы, съ моей стороны, невеликодушно, ибо это объявление совершенно подавило бы васъ своими достоинствами. Въ этомъ объявленіи сказано, что *превосходная Revalésциѣ* произвела до 60,000 излеченій. Значитъ, приведенъ фактъ, на которомъ и построена теорія о великихъ достоинствахъ *превосходной Revalésциѣ*. А вы, мой *разсудительный и нечирчій* мыслитель, — вы какой фактъ можете привести въ подтвержденіе вашей умерительной импровизаціи? Не вдумаете ли вы заглянуть въ исторію? Ахъ, сдѣлайте одолженіе, загляните хоть въ исторію Нерона, который самъ былъ и музыкантомъ, и мѣломъ, и актеромъ, и обожателемъ Гомера. — Вторая великая эпоха процвѣтанія для искусства наступила въ Италіи въ XV столѣтіи. Ну, и что же? Вѣроятно, въ тогдашней Италіи возвратились чистота нравовъ, похвалная вротость и всеобщее братолюбіе? Да, похоже на то! Всѣ эти и многія другія добродѣтели воплотились, на примѣръ, въ семействѣ Борджіа. Это имя, какъ извѣстно, въ своемъ родѣ, такъ же выразительно, какъ имя Нерона. Вотъ что говорятъ о всей этой эпохѣ эстетикъ Тень, который обожаетъ искусство, но обожаетъ просто и откровенно, не приписывая ему никакихъ чудодѣйственныхъ качествъ и не желая состязаться съ парфюмеромъ Лэграномъ въ сочиненіи краснорѣчивыхъ рекламъ. «Стоитъ только прочесть Челлини, письма Ареттино, историковъ того времени, чтобы увидѣть, до какой степени тѣлесна и опасна была тогдашняя жизнь, какимъ образомъ человѣкъ самъ долженъ былъ творить себѣ судъ и расправу, какимъ образомъ на него нападали на прогулѣ и въ дорогѣ, какимъ образомъ онъ былъ принужденъ постоянно имѣть подъ рукою шпагу и аркебузу и никуда не отлучаться изъ дому безъ *giacco* и кинжала. Знатныя особы рѣжутъ другъ друга безъ затрудненій и даже въ своихъ дворцахъ удерживаютъ грубые нравы простолудимовъ. Папа Юдія, разсердившись на Микелѣ-Анджелло, однажды отколотилъ надрокъ одного предата, который старался смягчить его гнѣвъ». Видите г. Антоновичъ, какъ опасно бываетъ сдерживать *дмѣе истинности* и какъ плохо досталось бы представителю искусства, если бы онъ взялъ на себя ту роль, которую вы ему навязываете. «Всегда, продолжаетъ Тень, когда господствуетъ какое нибудь искусство, тогда

духъ современности въ себя его элементы, то есть, идеи и чувства, если преобладаютъ поэзія и музыка, или же формы и краски, если царствуютъ скульптура и живопись. Вседъ искусство и духъ соотноствуются другъ другу, такъ что искусство выражаетъ духъ и такъ что духъ порождаетъ искусство. Таковы образцы, въ тогдашней Италіи совершается возрожденіе изящескихъ искусствъ именно потому, что въ ней возрождаются эстетскіе нравы. Цезарь Борджиа, взявши какой-то городъ въ Неаполитанскомъ королевствѣ, оставилъ себѣ сорозъ самыхъ красивыхъ женщинъ. Приапен, который описываетъ Бурнардъ, камергеръ папы, чрезвычайно сходны съ тѣми празднествами, которыя, во времена Катона, разыгрывались на римскихъ театрахъ. Въ нихъ съ чувствомъ наготы, въистъ съ упряжненіемъ мускуловъ, въистъ съ развитіемъ тѣлесной жизни, появляются во второй разъ чувство и обожаніе человѣческаго образа». (L'Italie et la vie italienne. Revue des deux Mondes. janvier 1865 p. 197.) Вотъ это, но крайней мѣрѣ, смѣло и откровенно. Эстетикъ не ирчется въ лицемерную мораль: Онъ любитъ красоту, онъ радуется предвѣганію искусства и вовсе не думаетъ скрывать отъ читателя, что это прощѣтаніе было живано грубостью нравовъ и, въ свою очередь, поддерживало и поощряло эту грубость, возводя ее въ перлъ созданія. А у васъ, г. Антоновичъ, не хватило храбрости, сдѣлаться чистокровнымъ эстетикомъ, и вы робко и неловко пробуете составить какую-то невозможную амальгаму искусства съ утилитарностью и эстетики съ примѣрнымъ благонавіемъ. Точъ въ точъ г. Incognito и г. Николай Соловьевъ! Въ заключеніе я васъ порадуя тѣмъ неожиданнымъ для васъ извѣстіемъ, что вы съ г. составителемъ «Внутренняго рѣнія» взаимно истребляете другъ друга. Вы уличаете въ ^{ду} ^{ости} ^и ^{неразсудительности} ^{какихъ-то} ^{нѣкоторыхъ}, и вдругъ оказывается, что одинъ изъ ^{нѣкоторыхъ} горячится и безразсудствуетъ рядомъ съ вами, въ той самой книжкѣ, въ которой вы рекомендуете чистое искусство. Комизмъ выходитъ поразительный. Вашъ сотрудникъ слишкомъ на семи страницахъ (164—171) осмѣиваетъ *высокія наслажденія души*. «Только люди съ неразвитымъ эстетическимъ вкусомъ, говоритъ онъ, напимѣръ, на стр. 166, огрубѣвшіе для *высокихъ наслажденій души*, не понимаютъ этихъ возвышенныхъ потребностей и потому грубо спрашиваютъ: «куда же дѣваются деньги», если не видятъ ихъ употребленными на покупку плуговъ и молотилокъ, на постройку хлѣбовъ, на перевозку навоза и т. п? Они не знаютъ, что и въ тѣхъ

городежъ, гдѣ нѣтъ оперы, ни даже музыкальнаго общества, возможны высшія наслажденія души, которыми занятіе нгунами, молотыками «хлѣвами и тому подобною грязью можетъ вредночестъ только человѣкъ съ неразвитымъ вкусомъ.»—Вашъ сотрудникъ говорить съ пронику то самое, что вы совершенно серьезно видите нашему обществу за «современную эстетическую теорію». Обратите же вниманіе на вашего сотрудника, наставьте его на путь истины, уличите его въ *горячності и неразумительности* и внушите ему разъ навсегда, что *невозможно придумать никакого основанія, которое бы могло дать право воспрещать или даже паричать емсвоія наслажденія души*; объясните ему, что всѣ, унизавшіеся концертами и итальянскою оперою, поступаютъ превосходно, потому что они, такимъ образомъ, *уменьшаютъ свою грубость, дѣлаютъ себя мягче, впечатлительнѣе, вообще гуманнѣе, одерсисиваютъ свои дичіе инстинкты, неестественные паричы, разномляютъ мучимья, своекористныя мысли, ослабляютъ преступныя наклоненія и воспитываютъ въ себѣ тихую гармонию, устраняя и такъ далѣе, и такъ далѣе, и такъ далѣе.* Но при этомъ подумайте, куда вы тащите «Современникъ?».

Д. Шенергичъ.

вѣк.
бразъ

БИБЛОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Разсужденія и изслѣдованія Д. С. Милля. Часть II, статьи политическія и политико-экономическія. Выпускъ 2. Изданіе Ковалевскаго. Спб. 1865. — *Вѣстн. Физиологическія изслѣдованія о жизни и смерти. Перевелъ съ французскаго Н. А. Бибиковъ. Съ приложеніями переводчика и, со снатыю о жизни, трудахъ и вѣстнѣхъ Бѣстн. Спб. 1865.* — *Чарльзъ Дарвинъ. Путешествіе вокругъ свѣта на кораблѣ Бѣстн. Переводъ подъ редакціей А. Бекетова. Томъ I. Съ портретомъ Ч. Дарвина. Изданіе Голицына. Спб. 1865.* — *Дѣйствительность истинной любви. Автодидактично-оригинальное сочиненіе Михаила Честенкова. Спб. 1865.*

Въ только-что вышедшемъ третьемъ выпускѣ «Разсужденій и изслѣдованій» Милля съ удовольствіемъ находимъ его недавнее сочиненіе «Утилитаризмъ». Статья эта имѣетъ необыкновенный интересъ и большую важность уже потому, что идеи, высказываемыя въ ней, служатъ основаніемъ цѣлаго умственнаго направленія и находятъ себѣ весьма мало послѣдователей, но за то чрезвычайно много глупыхъ противниковъ, представляющихъ ихъ публикѣ въ искаженномъ видѣ, по непониманію ли, или наизвѣстно.

Замѣчательно, что чѣмъ болѣе развиваются человѣческія общества, тѣмъ болѣе разногласіе является во мнѣніяхъ насчетъ того, что должно считать дурнымъ и что хорошимъ, что нравственнымъ и что безнравственнымъ, что честнымъ и что подлымъ. Въ обществахъ неравнѣхъ такое разногласіе несравненно слабѣе и

рѣже, и люди гораздо скорѣе сходятся во взглядахъ. Это, конечно, объясняется тѣмъ, что въ такихъ обществахъ люди, во-первыхъ, имѣютъ болѣе ограниченный кругъ мышленія, а во-вторыхъ, меньше разсуждаютъ, даже о тѣхъ вопросахъ, которые могутъ встрѣчаться у нихъ; вмѣсто того, чтобы разсуждать самимъ, они полагаются на рѣшенія какого нибудь признаваемаго всѣми авторитета. Такъ, въ Европѣ существовало въ прежнее время гораздо менѣе разнообразія въ мнѣнїяхъ, чѣмъ теперь. Множество вопросовъ вовсе не существовало, а по остальнымъ возрѣнїя не расходились. Съ конца же прошедшаго вѣка явилось множество претинорѣчивыхъ мнѣнїй, а съ расширенїемъ умственнаго кругозора дѣло дошло до того, что теперь едва ли существуетъ хоть одинъ вопросъ, какъ въ сферѣ нравственной, такъ и въ практической, относительно котораго не существовало бы, по крайней мѣрѣ, двухъ диаметрально-противоположныхъ взглядовъ. Хотя дилемма это есть весьма понятное слѣдствіе общественнаго прогресса, однако, нельзя сказать, чтобы оно свидѣтельствовало о непорочности «духовнаго ома» людей или могло считаться благотворнымъ. Въ другой статьѣ своей: «о Демократїи въ Америкѣ» Токвиль, помѣщенной въ томъ же выпускѣ, Милль, вмѣстѣ съ Токвилемъ, ужасается той «тиранїи большинства» надъ духомъ, того господства общественнаго мнѣнїя надъ умами отдѣльныхъ лицъ, которое развивается по мѣрѣ развитїя демократїи. Вотъ что онъ говоритъ объ этомъ:

«Деспотизмъ большинства въ предѣлахъ гражданской жизни хотя и есть дѣйствительное зло, однако, оно не кажется намъ зломъ страшнымъ. Тираниа, которой боимся мы и которой, главнымъ образомъ, боится Токвиль, другого рода—это тираниа не надъ тѣломъ, а надъ духомъ.»

«Токвиль, вмѣстѣ съ другими путешественниками по Америкѣ, жалуется, что ни въ одной странѣ не существуетъ менѣе независимости мысли. Относительно религїи, разнообразїе мнѣнїй, по счастью, господствовавшее между основателями колонїй, произвело терпимость въ законѣ, въ самой жизни простирающуюся на всѣ христїанскїя исповѣданїя и секты. Если бы, по несчастью, существовала религїя большинства, дѣло, вѣроятно, пошло бы иначе. Что касается до всякаго другого предмета, то когда составилось мнѣнїе большинства, — едва ли, говорятъ, кто нибудь осмѣлится быть другого мнѣнїя или, по крайней мѣрѣ, высказать его.» (Разс. и Иссл. стр. 229).

Если сообразить, какой класс и какия вредныя послѣдствія происходятъ отъ разногласія въ мнѣніяхъ, существующаго въ нынѣшнихъ обществахъ, то, вмѣсто того, чтобы считать силу общественного мнѣнія злою; ее нужно причислить къ тѣмъ безчисленнымъ благодѣяніямъ, которыя приносятъ развитіе массъ, и, мнѣ кажется, что едва ли это не одно изъ первыхъ ея благодѣяній. Разнообразіе мнѣній есть, конечно, прямой и непосредственный результатъ событія великаго и благодѣтельнаго—эмансипаціи человѣческаго ума; первое есть необходимое слѣдствіе второго и потому составляетъ существенный признакъ прогрессивнаго движенія человечества, которое обязано ему многими великими благодѣяніями. Но нельзя не видѣть, что оно имѣетъ и очень вредныя послѣдствія и что, съ теченіемъ времени, эти вредныя послѣдствія перерастаютъ приносимую имъ пользу. Вредныя послѣдствія обнаруживаются всегда немедленно; свидѣлемъ извѣстныхъ историческихъ фактъ, что всахъ, напр. религиозный переворотъ, составляющій шагъ впередъ въ исторіи человечества, сопровождается непремѣнно раздробленіемъ новой религіи на безчисленныя секты. Это, разумѣется, прямой результатъ событія, которое само по себѣ благодѣтельно; но это результатъ вовсе не благоприятный. Весьма естественно, что, всахъ новый шагъ впередъ есть великое благодѣяніе для человечества, а множество разногласныхъ мнѣній, непремѣнно сопровождающееся борьбой, если не оружіемъ, по въ нравственной сферѣ и, слѣдовательно, влекущее за собою массу зла: монотонность, есть всегда результатъ достойный сожалѣнія. Всадій, кому дорого дѣло: новой религіи и кто желаетъ ей торжества; ослѣпляетъ несогласіемъ, возникающимъ между ея послѣдователями, и усилія всѣхъ благородныхъ людей бываютъ направлены къ соглашенію и примиренію сектъ, на которыя она, къ несчастію, раздробилась.

Такъ было послѣ реформаціи. Послѣдствія разногласія въ мнѣніяхъ между послѣдователями ея были очень пагубны. Но теперь, послѣ великой умственной реформы XVIII и XIX вѣковъ, разногласіе въ мнѣніяхъ, существующее въ настоящее время, приноситъ несравненно болѣе пагубные результаты, чѣмъ тогда.

Оно и не мудрено, потому что эта реформа захватила всѣ отрасли мышленія, всѣ стороны жизни, такъ что разногласіе производится на несравненно большемъ числѣ пунктовъ и касается гораздо большаго числа вопросовъ. Ничего лучше Милля не умѣлъ предста-

вить этого хаоса, этой путаницы, этих противорѣчій, существующихъ въ понятіяхъ современнаго общества, и со временемъ въ этомъ будутъ видѣть главное значеніе его, какъ писателя. Почти въ каждой статьѣ своей онъ показываетъ, какъ расходятся мнѣнія современниковъ, по какому угодно данному вопросу, и какъ далеки они отъ соглашенія. Читая его сочиненія, можно вполне оцѣнить вредъ этой разногласицы, а въ статьѣ объ «Утилитаризмѣ» онъ указываетъ единственно вѣрное средство найти выходъ изъ этой путаницы, — впрочемъ, не содержаніемъ своей статьи, которая далеко неудовлетворительна, а тѣмъ, что возвращаетъ читателей къ ученію своего великаго учителя, Бентама.

Было бы невозможно сдѣлать даже краткій перечень всѣхъ вопросовъ, по которымъ не сходятся теперь мнѣнія людей, потому что пришлось бы перебрать все вопросы, какіе только могутъ представляться человѣческому уму. И тѣмъ важнѣе, тѣмъ существеннѣе вопросъ, тѣмъ различнѣе отвѣты, даваемые на него; самыя основныя идеи суть именно тѣ, которыя подвергаются самымъ разнообразнымъ объясненіямъ; болѣе всего расходятся взгляды людей на самыя коренныя принципы. Мысль въ статьѣ: «Утилитаризмъ» представляетъ нѣсколько превосходныхъ примѣровъ этого разногласія. Такъ, напр. прежде, въ эпоху абсолютныхъ теорій, никому не приходило въ голову задавать себѣ вопросъ: имѣетъ ли право общество наказывать своихъ членовъ за ослушаніе положительному закону? Все были такъ твердо убѣждены въ этомъ, что подобный вопросъ былъ немислимы; но впоследствии возникъ вопросъ: имѣетъ ли право государство наказывать, кого бы то ни было, и если имѣетъ, то на какомъ основаніи? На такой вопросъ впоследствии явилось нѣсколько отвѣтовъ и явилось несогласное разногласіе. Не считая существующихъ еще приверженцевъ старой теоріи, явилось три различныхъ взгляда на этотъ предметъ. Одни полагаютъ, что нельзя никого наказывать: для примѣра или устрашенія прочихъ, но что наказаніе возможно, какъ исправительное средство. Другіе говорятъ, что никто не имѣетъ права насильственно исправлять свободное лицо, достигшее совершеннолѣтія; никто не можетъ разсуждать за него, что ему велеми и какимъ оно должно быть; но находятъ, что наказаніе можно допустить для предупрежденія зла, какъ самозащиту общества. Третіе, наконецъ, утверждаютъ, что наказывать вообще никого нельзя, потому что никто за свои воступки не отвѣтственъ. Соображенія эти, по сло-

ванъ Милля, приводила на умъ всегда. «Чтобы избавиться отъ послѣднего изъ этихъ трехъ мнѣній, говорить оныя люди признали то, что называется свободою воли, полагая, что можно справедливо назвать человека, воля котораго находится въ состояннн, благопрнпн- ствуемнемъ преступленнн, если предположить, что она приняла въ такое состояннн не подъ влнннемъ внѣшннхъ обстоятельствъ. Любн- ннмъ средствомъ противъ другихъ затрудненнй служила фикцня до- говора, вслѣдствнн которой, будто бы, въ какой-то неизвѣстннй пе- рнодъ люди обязались повиноваться законамъ и быть наказуемнмъ за несобладеннн ихъ, давъ, такнмъ образомъ, законодателямъ право, котораго, какъ предполагаютъ, тѣ не имѣли бы безъ этого, — нава- зывать ихъ для ихъ собственнаго блага или для пользы общества.» (Стр. 365). Но надо замѣтить, что эта фикцня являлась уже тогда, когда значеннн есодальнаго права пошатнулось; она была уже теорн- рнй либерализма и имѣла цѣлью сочетать взгляды новаго вре- мени съ старомъ практикомъ.

Другой принпиръ, представляемнй Миллемъ, есть вопросъ о правѣ членовъ общества на вознагражденнн за трудъ. По мнѣнню одннхъ, общество вовсе не обязано заботиться о благосостояннн своихъ чле- новъ; каждый пусть пользуется тѣмъ, что успѣлъ прнобрѣсти спо- собомъ, допускаемнмъ законамн общества. Другнн находятъ, что общество обязано вознаграждать каждыа за трудъ, сообразно съ получаемой отъ него пользой. Третнн утверждаютъ, что каждый членъ общества имѣетъ равное со всѣмн прочнмн право на пользо- ваннн всѣмн выгодамн, представляемнмн обществомъ, независимо отъ своихъ способностей и приносимой имъ пользы обществу; что об- щество обязано дать одинаково каждому все необходимое ему для существованнн; а что касается до вознагражденнн за таланты и ка- чества полезныя для общества, то вознаграждаться они могутъ только уваженнемъ общества, влнннемъ, которымъ пользуется въ немъ счастливо одаренная личность, чувствомъ самодовольства и тому подобнмн естественнмн послѣдствнмн щедро надѣленной на- туры, а никакъ не большнмъ количествомъ пищи и другнмн мате- рнальнмн выгодамн въ ущербъ и безъ того менѣ счастлнвнмъ людямъ. Прежде никто такихъ вопросовъ не задавалъ всѣ согла- шались, что степень вознагражденнн опредѣляется единственно го- сударственной властью.

«Точно въ такомъ же положеннн находится и вопросъ о распредѣ-

ленія налоговъ — третій принципъ Милля. Прежде, когда Мѣ и все считалось собственностью государства, никому не приходило на умъ трезвониться вопросомъ о томъ, почему съ одного взято больше, а съ другого меньше. Было рѣшено, что государство съ каждаго можетъ взять все и употребить по своему усмотрѣнію; слѣдовательно, никому не нужно было размышлять, почему государство дѣйствуетъ въ распредѣленіи налоговъ такъ, а не иначе. Такого вопроса не существовало. Но съ развитіемъ политико-экономическихъ знаній возникъ вопросъ о томъ, какъ слѣдуетъ распредѣлять налоги, такъ, чтобы никого не обидѣть, чтобы каждый платилъ за удовольствіе пользоваться покровительствомъ закона, сколько получаетъ отъ него удовольствія. Отвѣтовъ на этотъ вопросъ явилось множество; одни говорили, что должно платить поровну всѣмъ; другіе — пропорціонально съ денежными средствами каждаго; затѣмъ возникли споры о томъ, въ какой пропорціи должна быть эта плата и т. д.

Но это принципъ слишкомъ частный; всякій знаетъ, что такое же и даже еще сильнѣйшее разногласіе существуетъ по вопросамъ гораздо болѣе общимъ.

Странныя мнѣнія породило въ наше время это разногласіе во взглядахъ на всѣ вопросы. Многіе, видя этотъ хаосъ, пришли къ убѣжденію и стали проповѣдывать его, что не можетъ быть ничего абсолютно вѣрнаго и истиннаго, что ни одинъ взглядъ, ни одно мнѣніе не имѣетъ рѣшительнаго преимущества надъ другимъ, и что одинъ принципъ выше и справедливѣе другого только для того лица, которому онъ принадлежитъ или которое раздѣляетъ его. Разсуждая, что все само по себѣ ни дурно, ни хорошо, ни честно, ни подло, пришли къ полному индифферентизму. Въ наше время нѣрѣдко можно слышать мысль, которая въ старину никому не могла придти въ голову: что всякое мнѣніе должно быть равно уважаемо и что можно не соглашаться съ нимъ, но нельзя вскрывать права жить его, потому что абсолютно-истиннаго и честнаго нѣтъ, а слѣдовательно, каждый правъ, съ своей точки зрѣнія, какъ бы ни были противоположны ихъ взгляды. Терпимость въ отношеніи къ этимъ проповѣдникамъ терпимости, — самая худшая изъ всѣхъ терпимостей. Невозможно ничего выдумать болѣе развращающаго, какъ подобная терпимость. Неужели же, въ самомъ дѣлѣ, такъ-таки и нельзя рѣшить, какой взглядъ на данный предметъ истиненъ, дѣленъ и честенъ? Неужели же, въ самомъ дѣлѣ,

расходясь съ какими нибудь Катковыми въ мнѣніи, я не могу не сознаться, что въ сущности онъ такъ же правъ, какъ и я, что его мнѣніе исполъте не глуше моего и не менѣе честно и вѣрно, какъ и мое? Неужели честный дѣтель, умирая, не можетъ вознаградить себя за жертвы и труды цѣлой жизни сознаниемъ своей правоты и своей честности, а долженъ сознаться, что онъ ничѣмъ, въ сущности, не выше какого нибудь пошляка, и что, съ своей точки зрѣнія, тотъ такъ же правъ, какъ и онъ? Если все это такъ, то до чего же глупъ тотъ, кто еще дорожить своими мнѣніями, кто не продастъ свои убѣжденія за малую угодно цѣну, хоть по четвертаку за пару? Надо благодарить небо, что еще находятся люди, спускающіе такую дрянъ, какъ чело-вѣческія убѣжденія, и молить его, чтобы хватило на мой вѣкъ такихъ дураковъ.

Многіе — и, по крайней мѣрѣ, повидимому, не безъ основанія — полагаютъ, что это дѣйствительно такъ, что дѣйствительно не существуетъ никакого критеріума, чтобы отличить доброе отъ злого, честное отъ подлаго, высокое отъ низкаго. Смотра объективно, говорятъ они, всѣ мнѣнія по данному вопросу должны считаться равно честными, вѣрными и хорошими. Раздѣляя какое нибудь воззрѣніе, я, конечно, не могу допустить противнаго; но, тѣмъ не менѣе я долженъ, по искъ мнѣнію, уважать его, т. е. видѣть въ немъ выраженіе образа мыслей такъ же честнаго и хорошаго, не смотря на предметъ съ другой точки зрѣнія, чѣмъ смотрю я, видящій его подъ инымъ угломъ.

Противники утилитаризма ссылаются на слова его же защитниковъ, которые говорятъ: «*Я люблю, я ненавижу* — вотъ на чемъ вертятся всѣ разсужденія объ отличіи добра отъ зла, честнаго отъ подлаго, высокаго отъ низкаго. Поступокъ признается дурнымъ или хорошимъ, смотря по тому, нравится ли онъ или не нравится человеку, судящему о немъ. И онъ рѣшаетъ вопросъ самостоятельно, безапелляционно; онъ не считаетъ нужнымъ оправдывать свое чувство какими нибудь соображеніями, касающимися блага общества. «*Такое мое внутреннее убѣжденіе, я такъ чувствую; чувство не совѣтуется ни съ кѣмъ; горе тому, кто думаетъ иначе!* — токъ не, чловѣкъ; это чудовище, итѣющее только обманъ и чловѣко-аміи! — *Таковъ деспотическій тонъ этихъ приговоровъ.*

Но, слышать, быть можетъ, развѣ есть столь бесталовно люди,

чтобы обращать въ законы свои личныя чувства и присвоивать общій привилегію непогрѣшимости? То, что вы называете *симпатію и антипатію*, вовсе не принципъ; это скорѣе отрицаніе, уничтоженіе всякаго принципа. Онъ порождаетъ полную анархію идей, потому что если каждый будетъ имѣть равное со всеми арочини людьми право полагать свое личное чувство закономъ для всѣхъ, то не будетъ никакого общаго критеріума, никакого все-свѣтнаго трибунала, къ которому можно бы было апеллировать.

«Дѣйствительно, нелѣпость этого принципа слишкомъ очевидна; поэтому люди не рѣшаются открыто говорить другъ другу: «Я хочу, чтобы ты думалъ, не разсуждая, такъ, какъ думаю я.» Противъ столь съумасброднаго притязанія возсталъ бы каждый; но, чтобы скрыть это притязаніе, прибѣгаютъ къ разнымъ уловкамъ; деспотизмъ инѣній прикрывается ловкими фразами. Довзательствомъ этого можетъ служить большинство системъ нравственной философіи».

«И такъ, говорятъ намъ, вы не можете сослаться ни на одно изъ тѣхъ основаній, которыхъ доселѣ держалась нравственная философія. Вы не имѣете ничего такого, что бы такъ хорошо оправдывало ваши убѣжденія, какъ разнообразныя фразы тѣхъ, кого вы называете презрительно послѣдователями принципа симпатіи и антипатіи. Вы не можете, подобно Прудону, вѣрять въ свои убѣжденія во имя абсолютной справедливости. Вы не можете апеллировать для своей защиты къ *здравому смыслу, естественному праву, нравственному чувству, совѣсти* и т. д. Если X дѣйствительно 0 или если подъ нимъ, какое бы нынѣшнее названіе онъ не носилъ, скрывается просто произволъ личнаго вкуса и фантазій, — гдѣ же тогда будетъ разница между добрымъ и злымъ, и не правы ли индифферентисты, проповѣдующіе терпимость и уваженіе ко всѣмъ индифферентамъ?»

По инѣнію послѣдователей утилитаризма выйдти изъ этого затрудненія можно, только рѣшивъ, что такое называется добромъ и зломъ; — на этотъ вопросъ они отвѣчаютъ такъ: Все сужденіе и поступки человѣка находятся въ прямой зависимости отъ двухъ различныхъ родовъ ощущеній, свойственныхъ ему: отъ наслажденія и страданія. Человѣкъ считаетъ и называетъ зломъ все, что причиняетъ ему страданіе; а все, что доставляетъ ему наслажденіе, онъ называетъ добромъ. Никто не безаленъ отъ вліянія наслажденія и страданія, хотя есть много таковыхъ, которые припи-

связаны съ собою бужденія и поступки совершенно иными мотивами; нѣтъ никого, кто называлъ бы добромъ то, что доставляетъ ему только страданіе, или зломъ то, что приносить ему только наслажденіе; но есть много такихъ, которые думаютъ и говорятъ, что понятіе ихъ о добрѣ и злѣ совершенно независимо отъ ихъ личныхъ ощущеній; что человѣкъ можетъ сознательно избрать, какъ добро, то, что доставляетъ ему лишь страданіе, или отвергнуть, какъ зло, то, что даетъ ему наслажденіе. Такое мнѣніе, раздѣляемое очень многими, даже, можно сказать, большинствомъ, не признается утилитаристами. Повидимому, не можетъ и не должно быть никакого сомнѣнія въ томъ, что человѣкъ можетъ желать только того, что доставляетъ ему наслажденіе или что избавляетъ отъ страданія, и не желать только того, что причиняетъ послѣднее, такъ что добро совершенно тождественно съ первымъ, а зло — со вторымъ. «Мнѣ кажется, говоритъ Мишель, что, обратившись безпристрастно къ самосознанію и наблюденію самого себя и другихъ, мы убѣдимся, что *желать вещь и находить ее приятною, чувствовать къ ней отвращеніе и считать ее неприятною — совершенно неразлучныя явленія или, лучше сказать, части одного и того же явленія; собственно говоря, два различныхъ названія для одного и того же психологическаго факта.* Считать какой нибудь предметъ желательнымъ (не ради его послѣдствій) и считать его приятнымъ — одно и то же, и желать чего нибудь, что неприятно, — физическая и метафизическая невозможность». (Расс. и Иссл. 346). И такъ, если человѣкъ желаетъ только пріятнаго и не желаетъ неприятнаго, то это можно другими словами выразить такъ, что единственная цѣль человѣка — счастье; человѣкъ только и стремится достигнуть благополучія, сохранить и увеличить его. Все, что препятствуетъ благополучію, уменьшаетъ или уничтожаетъ его, все вредное для счастья есть зло. Все, что способствуетъ ему, все полезное для счастья — добро. Слѣдовательно, критерій для отличія добра отъ зла есть, по мнѣнію утилитаристовъ.

Но, говорить противники утилитарной системы, развѣ можетъ утилитаризмъ создать какую бы то ни было нравственность, а тѣмъ болѣе общественную? Развѣ система, проповѣдующая прежде всего эгоизмъ, поощряющая стремленіе къ личной пользѣ, отрицающая самопожертвованіе, — развѣ такая система можетъ создать какую бы то ни было нравственность? Если бы она была признана, то каждыя ея побѣды нѣтъ бы полное оправданіе во всѣхъ своихъ подло-

стать, потому что какіе же доводы можно бы было противъ нея привести, на какомъ основаніи осудить? Въдѣ онъ дѣйствовалъ, имѣя въ виду только личную пользу; а такъ какъ утилитаризмъ признаетъ это вполне законнымъ, то на какомъ же основаніи онъ осудитъ такое лицо? Гораздо вѣроятнѣе, что, при господствѣ такой системы, каждый ловкій мошенникъ, каждый безсовѣстный эгоистъ будутъ пользоваться общимъ уваженіемъ и служить образцами нравственности. Объ общественной нравственности и говорить нечего; можетъ ли существовать какая нибудь общественная нравственность, когда каждый будетъ тянуть въ свою сторону, дѣйствовать только въ видахъ личного интереса? И каково будетъ состояніе общества, гдѣ стремленіе къ личной выгодѣ будетъ признано вполне законнымъ и потому не будетъ ничѣмъ сдерживаться; это будетъ вѣчная война всѣхъ противъ каждаго и каждаго противъ всѣхъ. Изъ этого заключаютъ, что безнравственнѣе, вреднѣе и несправедливѣе утилитарной системы ничего быть не можетъ.

Всѣ эти доводы противъ нея повторялись такъ часто, что приобрѣли даже, не смотря на крайнюю несостоятельность свою, нѣкоторую популярность. Очень многіе повторяютъ ихъ и весьма немногіе замѣтили, что это описаніе бѣдствій, которыя воспослѣдовали бы, не имѣнію говорящихъ, за признаніемъ утилитарныхъ началъ, есть довольно вѣрное описаніе нынѣшняго общественнаго порядка. Дѣйствительно, люди теперь, какъ и всегда, стремятся къ счастью, къ тому, чтобы получить какъ можно больше наслажденія и какъ можно меньше страданія; они всегда искали и ищутъ и будутъ искать того, что имъ лично полезно или пріятно; утилитаризмъ вовсе не проповѣдуетъ, что такъ должно быть, а только говоритъ, что такъ есть и иначе не будетъ, и что, поэтому, надо примириться съ этимъ фактомъ и соображаться съ нимъ. Такимъ образомъ, самое стремленіе къ личному счастью господствуетъ во всякомъ человѣческомъ обществѣ. Оно нисколько не слабѣе въ совершеннѣмъ обществѣ, отвергающемъ большинство голосовъ утилитарное воззрѣніе, чѣмъ будетъ въ томъ, которое, наконецъ, признаетъ его. Но въ этомъ зла и нѣтъ, или, по крайней мѣрѣ, горевать объ этомъ такъ же странно, какъ и о томъ, отчего люди не могутъ летать. Бѣда нынѣшняго общества въ томъ, что громадное большинство совершенно не знаетъ, что ему полезно; что оно, какъ малое дитя, часто хватается за все блестящее, причѣмъ, нѣрѣдко

обширнѣе; что оно не умѣетъ выбирать между полезнымъ и вреднымъ и что понимаетъ полезное именно такъ, какъ философствующіе противники утилитаризма, еще болѣе укрѣпляющіе въ немъ это ложное понятіе.—Большинство людей еще до того неразвито, что потребности его крайне ограничены и способность наслаждаться необыкновенно узка. Для большинства счастье состоитъ еще только въ удовлетвореніи самымъ грубымъ, животнымъ желаніямъ; идеаль счастья сводится къ тому, чтобы сладко ѣсть и мягко спать. Для этихъ цѣлей люди жертвуютъ своимъ достоинствомъ, честью, спокойствіемъ, т. е. переносятъ общее превращеніе и проходятъ всякія мытарства. Мизантропы, жалующіеся на человѣческіе пороки, говорятъ обыкновенно, что добросовѣстный человѣкъ осужденъ въ жизни на несчастье. Но это совершенно ложно; напротивъ того, неразвитость и простирающаяся изъ нея порочность—вотъ источникъ большей части человѣческихъ страданій. Если мы посмотримъ на неразвитое общество, то увидимъ, сколько зла терять въ немъ люди единственно по своей порочности; для нихъ все становится несчастіемъ, и они такъ умѣютъ вредить себѣ, что, если бы не глупость ихъ, можно было бы подумать, что цѣль человѣка—не счастье, а напротивъ—бѣдствіе. Семейныя и общественныя отношенія, любовь супруговъ и отношенія между дѣтьми и родителями, между членами ассоціаціи, общества или государства, личныя матеріальныя блага, словомъ, всѣ источники счастья для человѣка становятся въ неразвитомъ обществѣ источниками несчастья. Въмѣсто удовольствія, семейныя и супружескія отношенія порождаютъ самыя тяжкія страданія, и нерѣдко человѣкъ проводитъ одну треть жизни въ борьбѣ съ тяжестью своихъ отношеній къ родителямъ, другую — съ бременемъ супружескихъ отношеній, а третью — съ горечью отношеній къ дѣтямъ. Между тѣмъ, никто, я думаю, не сомнѣвается, что сама по себѣ любовь между супругами и между родителями и дѣтьми, естественныя чувства, существующія между ними, могутъ быть лишь источникомъ наслажденія, а никакъ не страданія. Наслажденіе, какое могутъ доставить человѣку эти чувства, которыя испытываетъ почти каждый, такъ велико, что оно одно можетъ съ избыткомъ вознаграждать за многія страданія, насылаемыя на человѣка внѣшними, независящими отъ него обстоятельствами. Если, вмѣсто того, мы почти всегда встрѣчаемъ, что чувства эти и эти отношенія порождаютъ несчастія и горесть, то необходимо должны приписать это неумѣнью

людей, стоящихъ на такой степени развитія, не только отыскивать новые источники счастья, но даже пользоваться существующими. Такимъ образомъ, мы видимъ, что одного естественнаго и свойственнаго всѣмъ стремленія къ счастью недостаточно для достиженія этой цѣли, и что при низкомъ умственномъ и нравственномъ развитіи на дѣлѣ выходитъ, что люди все-таки вредятъ себѣ, вмѣсто того, чтобы приносить пользу.

Точно то же представляютъ и общественныя отношенія между людьми. Всякій знаетъ, что они могутъ быть источникомъ наслажденія, когда въ нихъ господствуютъ взаимная любовь, довѣріе, уваженіе, когда человѣкъ видитъ въ окружающихъ людяхъ не враговъ, готовыхъ всегда посягнуть на его счастье, а друзей, расположенныхъ поддерживать это счастье и помогать ему въ несчастія. Всякому знакомо счастье имѣть друзей и несчастіе имѣть враговъ, и потому никто не затруднится въ выборѣ отношеній, въ которыхъ онъ желалъ бы находиться къ членамъ общества, гдѣ онъ живетъ. Однако, поступки большинства таковы, что можно подумать, что вражда и злоба есть желательное чувство, а не любовь и довѣріе, или что люди добиваются не счастья, а горя. Ясно, что такъ какъ это неправда, то только неумѣнье приобрести и сохранить счастье порождаетъ столь уродливое явленіе. Въ обществѣ мы на всякомъ шагѣ встрѣчаемъ людей, которые всю жизнь свою обманываютъ, лгутъ, вредятъ всячески другимъ, враждуютъ со всѣми, притѣсняютъ, кого только могутъ, и все это для достиженія счастья въ томъ видѣ, какъ они его понимаютъ. Но мы видимъ, каковы послѣдствія этого; такой образъ дѣйствія производитъ только то, что такимъ людямъ приходится переносить всю тяжесть общей ненависти, общаго презрѣнія, общаго недовѣрія. Конечно, никто не сможетъ, чтобы эти послѣдствія были кому нибудь пріятны или что кто нибудь можетъ оставаться къ нимъ равнодушнымъ. Если человѣкъ до такой степени ограниченъ, что не испытываетъ нравственныхъ страданій, происходящихъ изъ такихъ отношеній къ обществу, то онъ, во всякомъ случаѣ, терпитъ ихъ матеріальныя невыгоды; ненавидимый всѣми, онъ всѣхъ боится и находится въ вѣчномъ трепетѣ за тѣ ничтожныя животныя блага, которыя онъ купилъ такой дорогой цѣною; всѣми презираемый, онъ осужденъ на сообщество съ подобными негодяевъ и долженъ постоянно опасаться козней такихъ сообщниковъ; всѣми подозрѣваемый, онъ находится въ невозмож-

ности успѣвать тамъ, гдѣ человекъ, пользующійся довѣріемъ, успѣлъ бы безъ труда. Наконецъ, когда вѣчная борьба его со всѣмъ обществомъ и общая ненависть къ нему приводятъ къ бѣдственнымъ для него результатамъ, когда онъ лишается всѣхъ столь дорого купленныхъ выгодъ и когда къ нравственнымъ бѣдствіямъ присоединяются матеріальныя, тогда презрѣніе, несмягчающееся передъ горемъ, ненависть, неумолимая даже передъ страданіемъ, месть, преслѣдующая даже несчастнаго, недоувѣріе, подозрѣвающее даже просьбу о пощадѣ и помощи, дѣлаютъ участь этого человека невыносимо-страшной и бѣдствія его непомерно перевѣшиваютъ тѣ мелкія наслажденія, которыя доставлялъ ему въ прошломъ его образъ дѣятельный. Многие сажются надъ драмами и романами, гдѣ въ концѣ перою страдаетъ, а добродѣтель вознаграждается. Драма или романъ, гдѣ это изображено, могутъ быть сами по себѣ очень полезны и достойны насмѣшки; но насмѣшка надъ идеей о невыгодѣ порока и выгодѣ добродѣтели свидѣтельствуютъ только о безнравственности общества, въ которомъ такая насмѣшка имѣетъ успѣхъ. Это общество не можетъ быть нравственно, потому что не понимаетъ сущности добродѣтели, состоящей въ томъ, что она полезна. Такъ какъ люди всегда стремятся только къ тому, что имъ полезно, то непониманіе пользы добродѣтели заставляетъ ихъ обращаться къ пороку, къ которому они думаютъ найдти выгоду, но находятъ только бѣдствіе.

Принявъ все это въ соображеніе, можно легко отвѣтить на соціалстическіе упреки, дѣлаемые утилитаризму. Неправда, что преслѣдованіе личнаго счастья ведетъ къ безнравственности и пороку; безнравственность вредна для счастья, слѣдовательно, разумный эгоизмъ будетъ стремиться къ нравственности; только неразвитый человекъ можетъ думать, что возможно достигнуть счастья порокомъ; что порокъ можетъ быть полезенъ. Но тогда, кто раздѣляетъ принципы утилитаризма, кто отождествляетъ добродѣтель съ благомъ, а порокъ съ вредомъ, тотъ будетъ дѣйствовать всегда нравственно. Только нынѣшнее неразвитое большинство, только теперешніе тупоумные моралисты могутъ думать, что разумный человекъ можетъ искать выгоды безчестными средствами, и это потому, что они берутъ примѣръ съ самихъ себя, что у нихъ дѣйствительно польза и добродѣтель составляютъ двѣ отдѣльныя, часто противорѣчающія другъ другу вещи. — Ничто, быть можетъ,

такъ не доказываетъ ограниченности понятій: большинство, какъ возраженія противъ утилитарнаго воззрѣнія. Безпрестанно приходится читать и слышать противъ него: опроверженія, основанныя на томъ, что возражающіе предполагаютъ, будто польза и выгода состоятъ непременно въ матеріальныхъ благахъ, получаемыхъ цѣною нравственныхъ; между тѣмъ, какъ утилитаристъ, какъ человекъ развитый, всегда поставитъ нравственныя наслажденія выше матеріальныхъ, потому что, какъ говоритъ Милль, «первыя несравненно продолжительнѣе, прочнѣе и дешевле, и проч.» Противники утилитарнаго воззрѣнія во всѣхъ опроверженіяхъ своихъ предполагаютъ всегда, что человекъ, ищущій полезнаго, непременно долженъ хвататься за все, что обѣщаетъ ему непосредственное и ближайшее удовольствіе; имъ непонятно, что благоразумный человекъ, въ видахъ собственной выгоды, чаще предпочтетъ ближайшее страданіе ближайшему удовольствію, если видитъ, что это страданіе ведетъ въ будущемъ къ несравненно сильнѣйшему наслажденію; между тѣмъ, какъ это удовольствіе будетъ сопровождаться въ будущемъ таковыми страданіемъ. Но всего наипаче оказываются эти разсужденія въ вопросѣ о личной выгодѣ. Когда утилитаристъ говоритъ, что дѣль его — достигъ высочайшаго личнаго счастья, противники его поднимаютъ вопль, потому что, по ихъ мнѣнію, стремленіе къ личному счастью непременно исключаетъ собою общее благополучіе; человекъ можетъ не иначе искать своего личнаго счастья, какъ въ ущербъ счастью всѣхъ прочихъ. Для всѣхъ этихъ недовѣностей оправданіе или, по крайней мѣрѣ, объясненіе, конечно, существуетъ въ настоящемъ положеніи общества; въ немъ дѣйствительно большинство часто покупаетъ матеріальныя выгоды цѣною нравственныхъ, хватается за ближайшее удовольствіе, не разсчитывая послѣдствій его, понимаетъ свое личное счастье не иначе, какъ идущимъ въ разрѣзъ съ общимъ благополучіемъ. Но я уже старался показать, что это индивидуалистическое общество своими понятіями о своей выгодѣ навязываетъ себѣ только бѣду; что такой узкій, ограниченный взглядъ на личное счастье каждаго, въ силу котораго каждый не иначе думаетъ осуществить его, какъ въ ущербъ счастью всѣхъ, дѣлается только источникомъ бѣдствій и для всѣхъ, и для каждаго порознь. Стремленіе къ личному счастью вѣдь не уничтожается оттого, что это счастье понимается такъ узко и такъ исключительно. Оно все-таки остается, но, вмѣсто счастья, приноситъ лишь несчастье,

и изображеніе общества, живущаго по принципамъ утилитаризма, двѣяюще противниками этихъ принциповъ, является, такимъ образомъ, вѣрною картиною именно нынѣшняго общества, гдѣ, при всеобщей несправедливости, мошенничество можетъ иногда быть не только матеріально выгодно, но гдѣ даже, какъ ни рѣдки эти случаи, мошенникъ можетъ безчестными средствами приобрести такое положеніе, куда до него не достигаетъ презрѣніе и ненависть общества, откуда онъ можетъ смѣяться надъ ними и, унижая общество, заявлять даже свои собственные права на презрительное отношеніе къ нему. Впрочемъ, читатель знаетъ, что такихъ примѣровъ въ нынѣшнихъ обществахъ вовсе не встрѣчается и что за ними слѣдуетъ обращаться къ древней исторіи. За тѣмъ въ нынѣшнихъ обществахъ несравненно менѣе, чѣмъ въ древнихъ, можетъ заходить рѣчь объ общественной нравственности; въ древности, въ римской и греческихъ республикахъ, въ каждомъ человѣкѣ было сильно развито чувство гражданина, живо чувствовалась солидарность каждого отдѣльнаго лица съ государствомъ; ни одинъ гражданинъ не могъ, не рискуя подвергнуться презрѣнію и наказанію, обособить свои выгоды, отдѣлить личный интересъ отъ общаго; никто не считалъ себя счастливымъ, если государство находилось въ бѣдѣ, а слава и благоденствіе государства утѣшали и несчастнаго. Если это чувство солидарности своей съ обществомъ не приносило тѣхъ плодовъ, которые могло бы принести теперь, если оно не устраняло многихъ нечестивыхъ явленій; — то бѣда была въ томъ, что это было чувство негуманное, обращенное не на живыхъ членовъ общества, а на жертвую идею. Тѣ самые римскіе аристократы, которые совершали для государства изумительные подвиги самоотверженія, дѣйствовали съ возмутительною жестокостью и хладнокровнымъ эгоизмомъ относительно плебеевъ и рабовъ. Въ нынѣшнемъ же обществѣ нѣтъ даже и этого: люди, болѣею частью, не только равнодушны къ бѣдствіямъ другихъ людей, но даже къ общественнымъ. Пусть большинство страдаетъ, умираетъ съ голоду, не знаетъ, куда приклонить голову, — что до этого человѣку, который сытъ и доволенъ своимъ положеніемъ! Общественный интересъ имѣетъ для него лишь одно значеніе: не грозить ли опасеніе его благосостоянію, не намѣрею ли кто посягнуть на его счастье, не дошло ли уже дѣло до того, что нужно пожертвовать несколько тысячъ на бѣдныхъ и усилить полицію! Да и можетъ ли быть иначе въ обществѣ, гдѣ считается несомнѣнной аксіомой,

что личный интерес, по существу своему, неизбежно противит общему; гдѣ философы и моралисты проповѣдуютъ, что преслѣдованіе личнаго счастья идетъ необходимо въ ущербъ общему благосостоянію, — короче, гдѣ утилитаризму дѣлаются тѣ упреки, которые ежедневно слышатся въ нашихъ обществахъ? Вотъ, напр. какъ разсуждаютъ объ этомъ люди, имѣющіе претензію на высокую нравственность и философскій умъ: «Цѣль эгоизма, говоритъ Жюфруа (Cours du Droit Naturel. II. 61), есть высшее наслажденіе или счастье. Но ничто такъ не противно счастью, какъ эгоизмъ, потому что если вы ищете преимущественно удовольствія вашихъ личныхъ склонностей, то достигнете не высшего, а наименьшаго удовольствія, ибо вы лишаете себя наслажденій, соединенныхъ съ удовольствіемъ любви къ ближнимъ, составляющихъ важный элементъ счастья. Эгоизмъ есть узкая любовь къ себѣ, а любовь къ себѣ и эгоизмъ суть чувства не только не тождественныя, но даже противоположныя.» Въ этихъ словахъ какъ нельзя лучше выражена вся сущность всѣхъ возраженій, дѣлаемыхъ утилитаризму. Между тѣмъ, безтолковѣ ихъ трудно чтонибудь придумать. Если любовь къ себѣ хлопочетъ о высшемъ личномъ счастьи, а высшее счастье доступно только тому, кто симпатизируетъ не одному только себѣ, а всему обществу, то не ясно ли, что эгоистъ, несочувствующій никому, кромѣ себя самого, и понимающій личное счастье такъ узко, — просто глупъ и неразвитъ? Если, вслѣдствіе этого, онъ не только не достигнетъ счастья, а напротивъ, окажется несчастнымъ, то ясно только докажетъ, что глупый и неразвитый человѣкъ не можетъ быть счастливымъ, вслѣдствіе своей глупости и неразвитости. Больше ничего изъ всего этого не выходитъ. Къ чести людей, надо впрочемъ замѣтить, что если много было недѣльныхъ криковъ и безтолковыхъ доводовъ, въ родѣ только-что приведеннаго, противъ утилитаризма, то, въ сущности, ни одна система, ни одна теорія нравственности не расходилась съ нимъ въ правилахъ морали, хотя всѣ онѣ выводили эти правила изъ основаній совершенно противоположныхъ утилитаризму.

Всѣ онѣ и всѣ защитники ихъ, какъ бы не вставали противъ утилитаристовъ, признаютъ, однако, непреложной истиной, что «добродѣтель полезна, а порокъ вреденъ.» Многіе изъ нихъ, конечно, повторяютъ прописное изрѣченіе: «что путь порока усыпанъ розами, а стезя добродѣтели покрыта терніями»; многіе, конечно, говорятъ,

что ихъ принципы диаметрально-противоположны утилитаризмъ. — Однако, нѣчто не рѣшится сказать, что добродѣтель когда нибудь расходитя съ пользою, что она можетъ быть вредна. Такое мнѣніе считалось бы въ высшей степени безнравственнымъ и дерзкимъ. Тотъ же самый Жюзефуа говоритъ: «Между вѣрно-понятой выгодой и нравственнымъ закономъ нѣтъ противорѣчія . . . Конечно, дѣлъ добродѣтели отлична отъ цѣли страсти и эгоизма; но цѣли эти не только не противорѣчивы другъ другу, но даже согласны между собою; поэтому нѣтъ добродѣтели, которой не помогли бы страсть и вѣрно-понятый интересъ. Борьба между ними происходитъ только отъ ослабленія страсти или отъ ошибки эгоизма.» (Droit Natur. I. 50—52). Также рѣшительно говорятъ объ этомъ и другіе юристы, не менѣе Жюзефуа враждебные принципамъ утилитаризма.

«Нѣкоторые даютъ ложное значеніе слову *польза*, пожимая подъ нимъ только грубую и матеріальную выгоду. Варбейракъ говоритъ: «Нужно при этомъ избѣгать двухъ крайностей: одинъ, смѣшивая *честность* съ *пользою* и вѣряя *пользу* на аршинъ личной выгоды, уничтожаютъ, такимъ образомъ, добродѣтель, порокъ, естественное право, нравственность; другіе, справедливо полагая, что добродѣтельные поступки согласны съ правилами естественнаго права, непремѣнно полезны вѣснѣ людямъ повсюду, смѣшиваютъ *пользу* съ естественной *честностью* поступковъ.» Но на это достаточно возразить, что подъ *пользою* разумѣется *польза* благородная и вѣрно понимаемая. Когда мы имѣемъ вѣрное понятіе о *пользѣ*, когда мы видимъ въ ней преимущественно совершенство нравственное, которое доставляетъ намъ благополучіе и любовь Творца, то почему же опасно смѣшивать эту *пользу* съ *честностью*? Скажемъ болѣе: *ученіе нѣтъ, которые, отдѣляя честность отъ пользы, утверждаютъ, что бываютъ честныя вещи, но не полезныя, и полезныя, но не честныя*, что ученіе это, какъ замѣтили еще древніе, *вредно и неправо*. Заключимъ словами Горачія:

Atque ipsa utilitas, justı prope mater et aequi:

(И сама польза, мать справедливаго и честнаго)

(Vattel. Droit des gens. T. I, 20—22.)

Одт. н.

2

И такъ, сами противники утилитаризма говорятъ то же, что и онъ, а именно, что добродѣтель и польза идутъ вмѣстѣ одной дорогой. Въ этомъ отношеніи разница между утилитарнымъ мнѣніемъ и противоположными воззрѣніями и т. п., не такъ важна. Первые говорятъ, что добродѣтель и польза тождественны; вторые, что онѣ непременно совмѣстны, хотя и различны по сущности. Какъ бы то ни было, но несомнѣнно то, что изъ принциповъ утилитаризма совершенно логично и ясно для всѣхъ вытекаютъ правила общественной нравственности. Узкій эгоизмъ, заботящійся исключительно о самомъ себѣ, о своей индивидуальной матеріальной выгодѣ, пороченъ, по мнѣнію утилитаристовъ, столько же, сколько и по мнѣнію ихъ противниковъ, съ тою разницею, что первые считаютъ его порочнымъ потому, что онъ вреденъ и для личнаго, и для общаго счастья, а второе потому, что, кромѣ своей вредности, онъ противорѣчитъ нравственному закону.

Но именно въ общественной морали и открывается великое значеніе утилитарныхъ принциповъ и важность, даже крайняя необходимость правильного разумѣнія ихъ для достиженія общественнаго и частнаго благополучія. Признавъ за несомнѣнное то, что другими тщетно отрицается, а именно, что человекъ всегда стремится къ личному счастью; доказавъ затѣмъ, что это стремленіе не можетъ быть вполне и прочно удовлетворено при ложномъ, узкомъ, туломъ пониманіи своего интереса въ смыслѣ матеріальной и индивидуалистической, антигуманной и антисоціальной выгоды,—утилитаристъ заключаетъ, что принципъ личной пользы требуетъ, чтобы никто не отдѣлялъ свой частный интересъ отъ общаго. Онъ требуетъ, чтобы просвѣщеніе и мораль были преимущественно направлены къ внушенію людямъ убѣжденія въ солидарности частнаго интереса съ общимъ и «чтобы законы и социальное устройство поставили индивидуальныя выгоды въ возможно-большую гармонію съ социальными». (Милль). Люди уже научились во многихъ случаяхъ предпочитать минутное, хотя, быть можетъ, и болѣе блестящее наслажденіе болѣе прочному, но менѣе блестящему; они научились даже во многихъ случаяхъ предпочитать непосредственное страданіе, за которымъ слѣдуетъ продолжительное наслажденіе, непосредственному наслажденію, сопровождающемуся вредными слѣдствіями. Въ пониманіи этого человечество сдѣлало нѣкоторыя, хотя, по правдѣ, ничтожныя успѣхи, и опытъ учить этому ежедневно важ-

даго человѣка въ отдѣльности. Однако, всё эти успѣхи будутъ слишкомъ ничтожны и не будутъ имѣть замѣтныхъ результатовъ для общаго блага, пока въ людяхъ не разовьется то чувство и то пониманіе, которое утилитаризмъ признаетъ безусловно необходимымъ для счастья всѣхъ вообще и каждаго въ частности. Это есть чувство и пониманіе своей солидарности съ обществомъ, гуманность, симпатія къ людямъ; это чувство и пониманіе неразрывной связи между своимъ личнымъ счастьемъ и счастьемъ другихъ. Здѣсь необходимо привести мудрое и глубокое замѣчаніе Милля, за которое ему можно простить много грѣховъ, таготивающихъ на немъ, какъ на писателѣ:

«Многія нравственныя теоріи говоритъ онъ, созданныя искусственно, исчезаютъ по мѣрѣ умственнаго развитія, передъ разлагающей силой анализа; если чувство долга, соединенное съ идеей утилитаризма, явится такимъ же произвольнымъ, если ему нѣтъ отъклика въ нашей душѣ, если нѣтъ никакого сильнаго чувства, съ которымъ гармонировала бы эта идея, нѣтъ ничего, чтобы заставило насъ считать ее присущею намъ и не только развивать ее въ другихъ (на что у насъ есть довольно эгонистическихъ причинъ), но и сохранять въ себѣ самихъ; если бы, однимъ словомъ, не было естественнаго основанія для утилитарной нравственности, то легко могло бы случиться, что анализъ разрушилъ бы эту идею, даже привитую воспитаніемъ.

«Но, продолжаетъ мыслитель, существуетъ такое основаніе, такое сильное внутреннее чувство, и оно-то составитъ силу утилитарной нравственности, когда общее благо будетъ признано за принципъ этики. Это твердое основаніе—чувство общности, присущее человечеству, желаніе быть за одно съ нашими ближними, желаніе, которое теперь уже составляетъ великое начало въ человѣческой душѣ; и, къ счастью, это одно изъ тѣхъ началъ, которые и безъ всякаго особеннаго возбужденія вкореняются все сильнѣе и сильнѣе подъ вліяніемъ развивающейся цивилизаціи. Жить въ обществѣ такъ естественно, такъ необходимо, такъ привычно человѣку, что только въ какихъ нибудь исключительныхъ случаяхъ, съ помощью произвольнаго усилія, онъ можетъ смотрѣть на себя, не какъ на члена общества. И эта идея развивается все болѣе и болѣе, чѣмъ больше человечество удаляется отъ состоянія ясной индивидуальности. Потому всякое условіе, необходимое для жизни об-

и общественной, связывается все неразрывно и неразрывно в представлении каждого с понятием о томъ порядкѣ вещей, при которомъ онъ рожденъ и который составляетъ необходимое условіе существованія человека. А общество между людьми, за исключеніемъ отношеній господина и раба, очевидно, возможно только подъ условіемъ, чтобы интересы всѣхъ были соблюдены. Общество между равными можетъ существовать только тогда, когда они поймутъ, что интересы всѣхъ должны быть равно уважаемы. И такъ какъ во всѣхъ образованныхъ государствахъ каждый человекъ имѣетъ равныхъ, то каждый долженъ жить съ кѣмъ нибудь на такихъ условіяхъ, и съ каждымъ столѣтіемъ мы подвигаемся къ такому положенію общества, когда нельзя будетъ жить постоянно съ кѣмъ нибудь на другихъ условіяхъ. Люди мало по малу перестаютъ понимать возможность совершеннаго неуваженія къ интересамъ другихъ. Они видятъ себя въ необходимости воздерживаться, но крайней мѣрѣ, отъ самыхъ грубыхъ правонарушеній и, хоть для собственной безопасности, постоянно протестовать противъ нихъ. Они привыкли дѣйствовать за одно съ другими и ставить двигателемъ своихъ поступковъ (хоть на время) коллективный, а не индивидуальный интересъ. Пока они дѣйствуютъ вмѣстѣ, ихъ цѣли тождественны съ цѣлями другихъ; у нихъ является, хотя на время, сознание, что интересы другихъ — ихъ собственные. Все, что тѣснѣе скрѣпляетъ общественныя узы, все, что способствуетъ здоровому развитію общества, — заставляетъ каждого индивидуума принимать не только болѣе живое практическое участіе въ благосостояніи другихъ, но все болѣе и болѣе сочувствовать ихъ благу, какъ своему собственному, или, по крайней мѣрѣ, болѣе уважать его на практикѣ. Человекъ приходитъ, хотя инстинктивно, къ сознанию, что онъ необходимо обязанъ принимать во вниманіе интересы другихъ; для него становится такъ же естественно и необходимо заботиться о благѣ другихъ, какъ и исполнять физическія условія своего существованія. Сильно или слабо это чувство, но собственный интересъ и симпатія къ другимъ заставляютъ выказывать его и поощрять въ другихъ; даже и для человека, вовсе лишеннаго этого чувства, важно, чтобы другіе имѣли его. Вслѣдствіе этого, самые маленькіе зародки этого чувства удерживаются и развиваются подъ вліяніемъ симпатій и воспитанія; цѣлая сѣть вспомогательныхъ обстоятельствъ оуплотняетъ его могучимъ вліяніемъ вѣншихъ санкцій. Такое пони-

наше себя и жизни становится болѣе и болѣе естественнымъ, по мѣрѣ развитія цивилизаціи. Каждый шагъ на пути политическаго прогресса помогаетъ ему, устраняя источники противоположныхъ интересовъ, сглаживая тѣ неравенства узаконенныхъ привилегій для индивидуумовъ или классовъ, благодаря которымъ, до сихъ поръ еще можетъ быть выгодно не уважать интересовъ большей части человечества. Съ развитіемъ прогресса, все болѣе и болѣе усиливаются вліянія, которыя стремятся внушить каждому индивидууму чувство его единства со всѣми прочими; чувство это, доведенное до совершенства, побуждаетъ ему даже желать для себя той выгоды, которой не могутъ воспользоваться другіе. Если предположить теперь, что этому чувству единства будутъ учить, какъ религіи, что вся сила воспитанія, учреждений и мнѣній будетъ направлена къ тому, чтобы зачатѣль его съ дѣтства въ умѣ чловѣка и наставленіями, и примѣрами, то, я думаю, никто не усумнится въ достаточности верховной санкціи для нравственной теоріи счастья.» (Разсуж. и Исслѣд. стр. 338—40).

Я вполне увѣренъ, что читатель не остался недоволенъ тѣмъ, что я привелъ такую длинную выписку изъ Милля, потому что на этихъ двухъ страницахъ какъ нельзя лучше и обстоятельнѣе развиты основанія общественной и частной морали утилитаризма. Прочитавъ это, самому недогадливому читателю должно сдѣлаться совершенно ясно, какимъ образомъ чловѣкъ, слѣдующій ученію утилитаризма, можетъ совершать высочайшіе подвиги самоотверженія и самопожертвованія, являться въ глазахъ всѣхъ благодѣтелемъ общества, добровольно идти за благо другихъ на страданія и изумлять самыхъ строгихъ стоиковъ величіемъ приносимыхъ имъ жертвъ. Пошлый метафизикъ, пониманію котораго недоступно то высокое чувство, о которомъ говоритъ Милль и которое можетъ принадлежать только въ высшей степени развитымъ людямъ, скажетъ про такого чловѣка, что онъ жертвуетъ личнымъ счастьемъ для общаго, понимая это такъ, что такой образъ дѣяствій не приноситъ дѣятелю ничего, кромѣ страданій и несчастья. Но утилитаристъ скажетъ, что этотъ чловѣкъ такъ же стремится къ личному счастью и не болѣе, какъ и самый грубый и узкій эгоистъ; что разница между ними только въ глубинѣ пониманія личнаго счастья, въ широтѣ воззрѣнія на него, а не въ цѣляхъ; цѣль у обонхъ одна—личное наслажденіе; но они различно понимаютъ его; и самый грубый и не развитый эгоистъ,

если только не совершенный идиотъ, дѣлаетъ иногда, хотя въ узкихъ размѣрахъ, то же, что этотъ герой и добровольный мученикъ; т. е. добровольно покупаетъ цѣною небольшого страданія сильное наслажденіе. Герой, поступающій самоотверженно, дѣлаетъ то же, не болѣе; его образъ дѣятвія выбранъ имъ потому, что доставляетъ ему высокое наслажденіе, покупаемое имъ цѣною, быть можетъ, страшныхъ, но, сравнительно, ничтожныхъ страданій. Онъ соглашается идти на страданія не потому, чтобы самое страданіе казалось ему привлекательнымъ, а потому, что находитъ его для себя выгоднымъ, потому что покупаетъ имъ себѣ высокое наслажденіе или еще потому, что знаетъ, что избѣгнуть его онъ можетъ не иначе, какъ цѣною другого, несравненно сильнѣйшаго страданія. — Подобно тому, какъ прежде люди выдерживали самыя жестокія пытки, чтобы не быть казненными за признаніе, какъ и теперь люди добровольно подвергаютъ себя мучительнымъ операціямъ, чтобы не умереть, такъ точно человѣкъ можетъ пойти на суровыя лишенія и сильныя физическія муки, чтобы не подвергнуться страданіямъ нравственнымъ или чтобы достигнуть высокаго нравственнаго наслажденія. Кто вообразитъ, что человѣкъ, жертвующій собою, такимъ образомъ, разумно; осмысленно, съ пользой для общества, достоинъ меньшаго уваженія, чѣмъ съумасбродъ, погибающій, самъ не зная, зачѣмъ, безъ пользы для себя и для другихъ, — кто вообразитъ это, тотъ обнаружитъ этия изрядное тупоуміе. Но еще хуже окажется тотъ, кто совершенно не пойметъ этого, кто неспособенъ уразумѣть, какимъ образомъ человѣкъ, въ видахъ личной выгоды, можетъ предпочесть одианческое страданіе нравственному наслажденію; кто не знаетъ даже, что пожертвованіе собою для счастья другихъ можетъ доставлять высокое личное наслажденіе, которое было бы, конечно, еще выше, если бы могло обойтись безъ этого пожертвованія, безъ личнаго страданія. Плохъ, говорю я, тотъ, кому не въ домекъ, что человѣку выгодно и пріятно отдать даже жизнь свою за свои убѣжденія, т. е. за торжество того, что онъ считаетъ благимъ, естественнымъ, святымъ; короче — полезнымъ. Кто всего этого не постигаетъ, тотъ, значитъ, самый узкій, самый неразвитой, самый грубый эгоистъ, какъ бы краснорѣчиво не проповѣдывалъ онъ мораль; отъ такого человѣка должно постоянно ожидать, что онъ продастъ свои убѣжденія и всю свою краснорѣчивую мораль за самую дешовую цѣну — за избавленіе

отъ ничтожнѣйшей непріятности, за полученіе ничтожнѣйшаго удовольствія.

Показавъ, какимъ образомъ высшая нравственность, какъ частная, такъ и общественная, логически можетъ вытекать изъ принциповъ утилитаризма, и доказавъ, что на основаніи этихъ принциповъ можно согласить стремленіе къ личному счастью, присущее всѣмъ, съ счастьемъ общимъ, необходимымъ для всѣхъ, — остается еще отвѣтить на одинъ вопросъ: почему и какимъ образомъ принципъ пользы можетъ служить вѣрнымъ мѣриломъ нравственности? Надо теперь отвѣтить на тотъ вопросъ, съ котораго мы начали: какимъ образомъ этотъ принципъ даетъ всегда средство отличить честное отъ бесчестнаго, доброе отъ злого; почему именно на основаніи этого принципа нравственные понятія, разумнѣе добраго и честнаго утверждаются прочно и не могутъ подлежать тѣмъ противорѣчивымъ, обивчивымъ, другъ друга уничтожающимъ толкованіямъ, которымъ подвергаются теперь? Но этотъ вопросъ мы уже почти рѣшили предшествовавшими разсужденіями. Такъ какъ доброе и честное тождественно съ полезнымъ, а злое и подлое съ вреднымъ, то само собою, безъ дальнѣйшихъ соображеній, ясно, что принципъ утилитаризма можетъ служить вѣрнымъ мѣриломъ нравственности. Но есть еще другое основаніе того, почему именно этотъ принципъ безошибоченъ въ этомъ отношеніи. Основаніе это, прекрасно развитое и доказанное Бентамомъ, состоитъ въ слѣдующемъ. — Для того, чтобы различіе между добрымъ и злымъ, честнымъ и подлымъ было прочно, чтобы оно не подлежало произволу личнаго толкованія и пониманія, необходимо, чтобы принципы, изъ которыхъ оно вытекаетъ, стояли выше индивидуальнаго произвола; чтобы они были вѣчныя тому, для кого имѣютъ претензію быть обязательными. Всѣ философскіе принципы, кромѣ принципа пользы, не соответствуютъ этому требованію. Возьмемъ, напримѣръ, принципъ справедливости, на который опирается Прудонъ. Очевидно, что для каждаго справедливо то, что онъ таковымъ находитъ и что каждый можетъ понимать справедливость по своему, полагать ее, въ чемъ ему угодно, потому что не существуетъ другой справедливости, кромѣ личнаго понятія о ней, въ умѣ каждаго индивидуума, способнаго разсуждать. Если кто нибудь навязываетъ другимъ свое понятіе о справедливомъ, то это просто деспотизмъ, ни на чемъ неоснованный, потому что вѣдь онъ не можетъ сослаться, въ защиту своего понятія, ни на

какой «ослабительный» и неподлежащий сомнѣнію фактъ. Такъ какъ многіе имѣютъ свое, совершенно противоположное понятіе о справедливомъ, то и преходить то разногласіе во взглядахъ на всѣ предметы, о которомъ было говорено выше и притѣры котораго мы видѣли. Иногда говорятъ торжественно: «справедливость едина, слѣдовательно, въ приговорахъ ея не можетъ быть ни разногласія, ни сомнѣнія.» Но это значитъ только, что въ умѣ говорящаго такимъ образомъ существуетъ только одно понятіе о справедливомъ, что и безъ того ясно; но это не мѣшаетъ десятъ говорящимъ имѣть каждому свое особое понятіе о справедливомъ, и они могутъ между собой подраться, а все-таки не рѣшать, чье возрѣніе истинно, потому что никто изъ нихъ не можетъ сказать остальнымъ девяти: вотъ сама справедливость; слушайте и повиноваться; взгляните и убѣдитесь! Такой справедливости, которая представляла бы собою вѣщный фактъ, доступный опыту и наблюденію, не существуетъ. Слѣдовательно, все, что основано на этомъ принципѣ, всегда будетъ произвольно и индивидуально.

Польза же есть принципъ вѣщный относительно управляемыхъ имъ личностей. Она состоитъ изъ фактовъ матеріальныхъ, необходимыхъ, наглядныхъ, доступныхъ наблюденію, но недоступныхъ произволу индивидуальнаго толкованія. Она въ каждомъ данномъ случаѣ можетъ быть оцѣнена безошибочно и возведена въ законъ, обязательный для всѣхъ. Если общество признаетъ принципъ, положимъ, справедливости, то человѣкъ, поступившій подло и во вредъ другимъ, можетъ всегда сослаться на свое собственное пониманіе справедливости, и мы имѣемъ довольно притѣровъ противоположныхъ мнѣній о всевозможныхъ предметахъ, съ точки зрѣнія справедливости, чтобы знать, что договориться съ нимъ невозможно. Но если общество признаетъ руководящимъ принципомъ своимъ принципъ пользы, то негодяю, поступившему подло, отговорки нѣтъ. Ему прямо укажутъ на фактъ, т. е. на вредъ, нанесенный имъ, — и тутъ ужъ не можетъ быть никакихъ возраженій.

Ясно, стало быть, что принципъ пользы можетъ служить основаніемъ морали и этики. Руководствуясь имъ, каждый можетъ безошибочно судить, если одаренъ разсудкомъ, о томъ, что хорошо и что дурно, что чисто и что подло, и разногласія во взглядахъ на вопросы нравственности быть не можетъ. Послѣдователь утилитаризма уже не скажетъ, что должно уважать всякое мнѣніе, потому что знаетъ,

что изъ двухъ мнѣній, противоположныхъ другъ другу, одно непримѣнимо и вредно, слѣдовательно, не имѣетъ ни малѣйшаго права не только на уваженіе, но и на терпимость, и должно быть горячо преслѣдуемо всеми мѣрами, которыя могутъ быть примѣнены безъ ущерба для другихъ цѣлей. Во имя принципа пользы, честный человѣкъ вполне сознаетъ свою честность, и это сознаніе есть одно изъ величайшихъ наслажденій, которое разумный утилитаристъ не продастъ за матеріальныя, непрочныя блага и за сохраненіе котораго согласится страдать.

На прочихъ статьяхъ 3 выпуска «Разсужденій и Исслѣдованій» я уже не буду останавливаться. Скажу только, что первая изъ нихъ, разборъ книги Токвилля о демократіи, заключаетъ въ себѣ много очень дѣльнаго рядомъ съ самыми безобразными чертами социальныхъ мнѣній автора. Въ примѣръ послѣднихъ, укажу на желаніе Милля, чтобы въ обществѣ (по крайней мѣрѣ, англійскомъ) во вѣки вѣковъ существовали три класса: 1) земледѣльцевъ, 2) людей досужихъ (?) и 3) ученыхъ для того, чтобы поддерживать мнѣнія (и, конечно, учрежденія, какъ слѣдствія мнѣній), противныя мнѣніямъ массы. Что касается до статьи мистрисъ Милль: объ «Эмансипаціи женщинъ», то вопросъ этотъ не только извѣстенъ лучшей нашей публикѣ по статьямъ «Современника», но даже окончательно рѣшенъ въ теоріи, благодаря этимъ статьямъ. На практикѣ онъ тоже рѣшенъ, — только совершенно въ другую сторону, и это, между прочимъ, предрасно доказываетъ, какое значеніе имѣетъ у насъ теоретическое либеральное рѣшеніе вопросовъ. Поэтому снова заниматься теоретическимъ рѣшеніемъ этого вопроса было бы бесполезно; практическимъ же соображеніямъ касательно этого предмета здѣсь не мѣсто.

«Физиологическія изслѣдованія о жизни и смерти» Биша есть, какъ и уже говорилъ въ одной изъ прошлыхъ вышекъ «Русскаго Сло-

ва», одно изъ сочиненій наиболее богатыхъ глубокими философскими взглядами на природу человека. Хотя факты, на которыхъ они основаны, часто ошибочны, недостаточны или плохо поняты и потому многое въ книгѣ можетъ назаться устарѣвшимъ, но наиболѣе великихъ и плодотворныхъ идей, разсѣянныхъ въ ней, дѣлаетъ ее въ высшей степени замѣчательною и для пылшаго читателя. Конечно, къ ней нельзя подходить съ такими требованіями, какъ къ новѣйшимъ сочиненіямъ по физиологіи, но, тѣмъ не менѣе, интересъ ея далеко не одинъ только историческій. Я постараюсь какъ можно короче разсказать ея содержаніе, хотя долженъ напередъ оговориться, что такой короткій обзоръ не можетъ дать даже простого перечня всего богатства идей этой книги.

Сочиненіе Биша состоитъ изъ двухъ частей, изъ коихъ первая разсматриваетъ явленія жизни, а вторая—явленія смерти. Здѣсь же надо замѣтить, что Биша, хотя неговоря этого прямо, разсматриваетъ, главнымъ образомъ, только жизнь человѣческаго организма, а не жизнь вообще. Опредѣленіе жизни, которымъ онъ начинаетъ свою книгу, конечно, очень неудачно, потому что, какъ справедливо замѣчаетъ переводчикъ, всякое опредѣленіе есть послѣдній результатъ науки, и, слѣдовательно, пока наука, какъ физиологія во время Биша, только-что еще начиналась, она не могла представить удовлетворительнаго опредѣленія. Но нельзя сказать, чтобы опредѣленіе Биша:—*жизнь есть совокупность отправленій, противящихся смерти*—удовлетворяло, какъ говорить г. Бибиковъ, единственному раціональному требованью для подобныхъ опредѣленій, состоящему въ томъ, чтобы они точно выражали послѣдніе результаты науки въ данный моментъ ея развитія. Опредѣленіе Биша, въ сущности, ничего не выражаетъ; оно совершенно не научное и не философское, потому что опредѣляетъ одно неизвѣстное другимъ, x —игрекомъ, понятіе, составляющее предметъ первой части, понятіемъ, о которомъ еще не сказано ни слова и которое само послужитъ предметомъ изслѣдованій второй части. Новѣйшему невозможно согласиться съ г. Бибиковымъ, что это опредѣленіе заслуживаетъ предпочтеніе передъ опредѣленіемъ жизни, принятымъ повѣйшей наукой:—*жизнь есть круговращеніе матеріи*,—которое какъ нельзя болѣе отвѣчаетъ тому требованію, какое г. Бибиковъ справедливо признаетъ единственно раціональнымъ.

Опредѣливъ жизнь, Биша находитъ, что она представляетъ, какъ бы два вида: жизнь животную и жизнь растительную, между кото-

рыне отъ проводить строгую гранницу. Строгость этого разграниченія составляетъ положительную и важную ошибку, съ точки зрѣнія новой науки, которая все болѣе и болѣе открываетъ единство во всѣхъ явленіяхъ природы, которая отвергла прѣжнее безусловное раздѣленіе органическаго міра отъ неорганическаго. Поэтому не мудро, что раздѣленіе Биша отвергнуто новѣйшими изслѣдователями, и г. Бибиковъ напрасно старается защитить его въ этомъ отношеніи. По его мнѣнію, Биша безъ этого разграниченія не оказалъ бы никакой заслуги, не сказалъ бы ничего новаго, потому что долженъ былъ бы прибѣгнуть безъ него къ витализму, т. е. къ старой теоріи жизненной силы. Если бы даже физиологія во время Биша и не представляла другого исхода и если бы поэтому это дѣйствительно было шагъ впередъ, то, тѣмъ не менѣе, въ настоящее время возвращеніе Биша, какъ и многія другія теоріи, бывшія въ свое время передовыми, утратило свое значеніе и должно уступать мѣсто другому, болѣе соответствующему состоянію науки. Г. Бибиковъ замѣчаетъ, что раздѣленіе Биша до сихъ поръ принимается многими; на это можно отвѣтить, что если бы даже оно и признавалось еще многими, то это еще недостаточное свидѣтельство въ его пользу, если нѣтъ другихъ; а во-вторыхъ, жизнь животную и ея органы часто отличаютъ отъ жизни растительной для удобства изученія; по эта классификація все болѣе и болѣе утрачиваетъ свое серьезное значеніе.

Такъ какъ самому разграниченію этому нельзя теперь придавать того значенія, какое ему придалъ Биша, то я пропустилъ бы все, что онъ говоритъ о немъ далѣе, если бы, развивая свою ложную мысль, Биша не представлялъ намъ на каждой почти страницѣ удивительныя доказательства своего гения, которыя невозможно пройти совершенно молчаливымъ. Такъ, напр. доказывая, что жизнь животная отличается, между прочимъ, отъ органической гармоніей въ дѣятельности своихъ органовъ, онъ, между прочимъ, дѣлаетъ слѣдующую въ высшей степени замѣчательную догадку: предполагая, что въ парныхъ органахъ животной жизни усиленіе и ослабленіе дѣятельности одного члена пары, нарушая гармонію, производитъ расстройство въ отправленияхъ, уничтожающееся, если дѣятельность одной половины будетъ вовсе прекращена, Биша рассматриваетъ это относительно органовъ слуха, зрѣнія, обонянія, вкуса и осязанія. «При мигрени», напр. говоритъ онъ, поразившемъ только одну половину,

чувство обонянія неясно, когда открыты обѣ ноздри, но «закройте большую — и обоняніе становится отчетливо»; или: «мы худо видимъ, когда одинъ глазъ устроенъ у насъ лучше и сильнѣе другого, когда онъ сильнѣе поражаетъ и передаетъ въ мозгъ болѣе рѣзкое изображение. Для избѣжанія мутности, мы закрываемъ одинъ глазъ, когда дѣятельность другого усилена искусственнымъ образомъ, — выпуклыми стекломъ. Стекло это нарушаетъ согласіе между двумя органами и мы пользуемся только однимъ, чтобы избѣгнуть этого несогласія. Что искусственно производитъ стекло, то представляетъ намъ въ естественномъ видѣ косоглазіе. Мы косоглазимъ, говоритъ Бюфонъ, потому, что отводимъ слабый глазъ отъ предмета, на который обращенъ болѣе сильный глазъ, чтобы избѣгнуть смѣшенія въ ощущенія двухъ нервныхъ изображеній.» (Стр. 15—17.)

Эту гипотезу Биша распространяетъ и на органъ мышленія. «Предположимъ, говоритъ онъ, что одно полушаріе мозга сильнѣе организовано и во всѣхъ частяхъ лучше развито, чѣмъ другое, и потому легче возбуждается; я говорю, что и сознаніе будетъ тогда смутно.» (Стр. 20). «Если мы встрѣчаемъ постоянно неправильное мышленіе, отсутствіе опредѣленности въ идеяхъ, то не въ правѣ ли мы заключить объ отсутствіи согласія между обѣими сторонами мозга? Мы видимъ косо, когда природа одарила наши глаза неравной силой. Мы точно также неправильно соизмемъ и судимъ, когда нѣтъ согласія между обоими полушаріями нашего мозга: точный умъ, здоровое мышленіе предполагаютъ между ними совершенную гармонию. Сколько есть оттѣнковъ въ пониманіи! Не соответствуютъ ли эти оттѣнки неравенствамъ въ отношеніяхъ силъ обѣихъ половинъ мозга?» (22).

Конечно, это не болѣе, какъ гипотеза, противъ которой много возраженій, хотя нѣтъ ни одного совершенно рѣшительнаго; но силъ и глубина ея могутъ дать понятіе объ умѣ Биша и высокому интересу его книги, гдѣ такіа догадки встрѣчаются на каждомъ шагу.

Таково все, что Биша говоритъ о привычкѣ; но я не буду останавливаться на этомъ и спѣшу перейти далѣе, а именно къ различію, которое онъ полагаетъ между жизнью животной и органической въ *моральномъ* отношеніи.

Послѣ доказательствъ въ пользу разграниченія двухъ видовъ жизни, Биша доказываетъ, что явленія жизни животной зависятъ отъ

внѣшнихъ вліаній, подлежатъ дѣйствию привычки, могутъ быть совершенствуемы и измѣняемы различнымъ образомъ; это составляетъ предметъ 4, 5 и 6 главъ. Въ тѣхъ же главахъ доказывается, что отправленія жизни органической отличаются характеромъ постоянности, находятся внѣ внѣшнихъ вліаній, не подчиняются привычкѣ и не могутъ быть измѣняемы ею. Переходя затѣмъ къ различію жизней въ нравственномъ отношеніи, Биша говоритъ, что въ этой сферѣ къ жизни животной относится разумъ, тогда какъ страсти и характеръ относятся къ жизни органической. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи онъ, слѣдуя Кабани, говоритъ такъ: «Вообще все, что отличаетъ одинъ темпераментъ отъ другого, есть всегда какое нибудь видоизмѣненіе или страстей, или состоянія внутреннихъ органовъ органической жизни и преобладаніе въ нихъ того или другого отправленія. *Жизнь животная почти не имѣетъ вліанія на свойство темперамента*». То же самое должно сказать и о возрастахъ. Въ ребенѣ слабость организациі совпадаетъ съ робостью, съ страхомъ; въ молодомъ человѣкѣ отвага, смѣлость развиваются по мѣрѣ того, какъ легочная и сосудистая система возрастаютъ на счетъ другихъ; зрѣлый возрастъ, въ которомъ преобладаютъ печень и пищеварительные процессы, есть періодъ честолюбія, зависти, интриги.

«Разсматривая страсти въ различныхъ климатахъ и въ различныя времена года, замѣчается тоже соотношеніе между ними и органами внутреннихъ отправленій. Многие врачи указали на эти соотношенія, и я считаю лишнимъ приводить ихъ». (Стр. 51 — 52).

Затѣмъ, приведя другія доказательства и окончивъ подробный разборъ отношеній нравственной стороны человѣка къ физической, причемъ во многихъ случаяхъ просто повторяетъ Кабани (напр. въ 8 главѣ: о началѣ и развитіи животной жизни), Биша въ заключеніе говоритъ:

«Главное различіе той и другой жизни животнаго» (нужно читать *человѣка*) состоитъ въ томъ, что «въ животной преобладаніе или слабость одной системы, сравнительно съ прочими, почти всегда зависитъ отъ большей дѣятельности или большаго бездѣйствія этой системы, отъ привычки упражнять или не упражнять ее; въ органической, напротивъ того, преобладаніе это или слабость связано непосредственно съ устройствомъ самыхъ органовъ и никогда не зависитъ отъ воспитанія ихъ.

«Вотъ почему ни физическій темпераментъ, ни нравственный характеръ не могутъ быть измѣнены воспитаніемъ, такъ поразительно измѣняющимъ проявленія жизни животной, ибо и тотъ, и другой, какъ мы видѣли, принадлежать къ жизни органической.

«Характеръ, если я могу такъ выразиться, есть физиономія страстей; темпераментъ — физиономія внутреннихъ отправленій; но такъ какъ тѣ и другія не измѣняются, такъ какъ направленіе тѣхъ и другихъ не можетъ быть отклонено ни привычкою, ни упражненіемъ, то естественно, что и темпераментъ, и характеръ исключены изъ подъ власти воспитанія. Воспитаніе можетъ только умѣрять вліяніе послѣдняго, на столько развить мышленіе и разсудокъ, чтобы они господствовали надъ характеромъ, укрѣпить животную жизнь на столько, чтобы она оказывала сопротивленіе побужденіямъ жизни органической. Но силится существенно измѣнить характеръ, смягчить или усилить страсти, выраженіемъ которыхъ онъ служитъ, расширить или стѣснить ихъ дѣятельность — есть предпріятіе, подобное попыткѣ врача поднять или ослабить на нѣсколько степеней и на всю жизнь силу обыкновенной, при здоровомъ состояніи, сокращаемости сердца, участить или замедлить естественное движеніе въ артеріяхъ, необходимое для ихъ дѣятельности.

«Мы замѣтили бы такому врачу, что кровообращеніе, дыханіе и проч. не находятся подъ владычествомъ воли; что они не могутъ видоизмѣняться человѣкомъ безъ перехода его въ болѣзненное состояніе. То же замѣчаніе сдѣлаемъ мы и тѣмъ, которые думаютъ, что можно измѣнить характеръ и, стало быть, страсти; мы скажемъ имъ, что страсти производятся совокупнымъ дѣйствіемъ внутреннихъ органовъ или, по крайней мѣрѣ, что источникъ ихъ находится спеціально въ этихъ органахъ.» (Стр. 126—27).

Во второй части книги Биша находятся изслѣдованія о смерти. Въ противоположность первой части, совершенно теоретической, эти изслѣдованія исключительно опытные. Здѣсь описано очень много опытовъ, при помощи которыхъ Биша изслѣдовалъ различныя виды смерти. Сообразно своему характеру, часть эта, менѣе интересная для читателя не специалиста, гораздо прочтѣе въ научномъ отношеніи.

Переводъ книги Биша прекрасенъ и къ нему присоединены, кромѣ примѣчаній французскихъ изданій этой книги, примѣчанія г. Бибикова. Примѣчанія эти во многихъ мѣстахъ необходимы, но съ

г. Вибиковымъ не всегда можно согласиться. Что касается до статьи его: «О жизни, трудахъ и значеніи Биша», приложенной къ книгѣ, то замѣчу только, что онъ придаетъ слишкомъ большое значеніе отзыву о Биша Боля. Боля читалъ слишкомъ много и слишкомъ пераборяиво, чтобы считаться хорошимъ авторитетомъ въ оцѣнкѣ писателей, а особенно естествоиспытателей.

Въ 1832—36 гг. знаменитый Дарвинъ ѣздилъ въ кругосвѣтное путешествіе на корабль «Бигль», находившемся подъ начальствомъ другого славнаго ученаго, капитана Фицъ-Роя, недавно лишившаго себя жизни. Плодомъ этого путешествія было множество открытій, наблюденій и замѣчаній, давшихъ первые матеріалы для теоріи, сдѣлавшей имя путешественника бессмертнымъ. Отчеты о путешествіи, въ томъ числѣ и дарвиновскіе,—по возвращеніи были представлены капитаномъ Фицъ-Роемъ ученымъ, а рассказъ о немъ Дарвинъ издалъ въ свѣтъ въ формѣ дневника въ 2 томахъ, изъ которыхъ первый только-что явился въ русскомъ переводѣ.

Недостатокъ мѣста не позволяетъ мнѣ распространяться объ этой книгѣ. Скажу только, что трудно найти другую книгу, представляющую такое необыкновенное богатство любопытныхъ фактовъ по всѣмъ отраслямъ естествознанія. Зоологія, геологія, ботаника, географія, этнографія, метеорологія—словомъ, всѣ естественныя науки обогащены Дарвиномъ во время этого путешествія новыми данными; а читатель встрѣтитъ по всѣмъ имъ занимательнѣйшія подробности. Въ богатствѣ фактовъ надо еще прибавить увлекательность ума автора, что еще болѣе возвышаетъ интересъ книги. Читая его дневникъ, мы можемъ слѣдить, какъ слагалась и возникала въ его умѣ знаменитая его теорія; мы, такъ сказать, присутствуемъ при процессѣ ея зарожденія и развитія. Такъ, напр. говоря объ особенной породѣ быковъ, водящейся въ Лапландіи и называемой *мюта*, онъ замѣчаетъ слѣдующее: «Когда трава довольно высока, скотъ этой породы, точно такъ же какъ и обыкновенный, захватываетъ пищу губами; но во время засухи, когда погибаетъ столько животныхъ;

наты терпятъ больше другихъ; и они могли бы погибнуть, если бы на нихъ не обращали особеннаго вниманія. Обыкновенный скотъ и лошади могутъ кое-какъ кормиться, объѣдая губами молодые вѣтви деревьевъ и тростниковъ; но наты не могутъ этого дѣлать, такъ какъ ихъ губы не сходятся, и потому погибаютъ раньше другихъ. *Меня поражаетъ этотъ фактъ, какъ наглядный примѣръ того, до какой степени мы не умѣемъ судить по обиденнымъ случаямъ о тѣхъ обстоятельствахъ, которыя съ теченіемъ долгаго времени обусловливаютъ малочисленность или исчезновеніе породы*. (293). Такихъ примѣровъ можно было бы привести очень много, но я долженъ ограничиться этимъ однимъ.

Слова Дарвина, какъ разсказѣна, производятъ самое пріятное впечатлѣніе. Онъ презабавно и пренаивно описываетъ глупость жителей Южной Америки, генеральное сраженіе, происходившее между нимъ и пингвиномъ, любезности, которыя онъ говорилъ буэнос-айресцамъ и т. п.

Сочиненіе Михаила Честенкова дѣйствительно оригинально. Начинается оно съ объясненія, что-де любовь — «это такое чувство, которое, по своему настоящему или подлинному составу, представляетъ такой предметъ, который, по своей высочайшей нравственной важности и обширной полезности своего въ мірѣ и человечествѣ значенія» — чтобы вы думали? — «составляетъ до сего времени неразгаданную тайну». Любопытно было бы знать, находить ли г. Честенковъ это свойство — составлять неразгаданную тайну по причинѣ своей важности и полезности — оригинальнымъ и принадлежащимъ только любви или обыкновеннымъ? Этого онъ не объясняетъ, но продолжаетъ такъ:

«Любовь, подобно *философскому камню*, котораго въ продолженіи многихъ вѣковъ не могли себѣ люди положительно разъяснить; тогда какъ онъ по моему личному мнѣнію, есть въ жизни самый обыкновенный предметъ; а именно, ничто иное, какъ только лишь натуральный, здравый человѣческій разумъ». Такимъ образомъ, г. Честенковъ отыскалъ, что такое философскій камень. Этому открытію онъ искренно радъ и въ примѣчаніи говоритъ: «Это разъясненіе или сравненіе составляетъ современное раскрытіе филосо-

скаго камня». А чтобы еще болѣе запечатлѣть въ умѣ читателей, что именно онъ, Михайлъ Честенковъ, открылъ философскій камень, онъ и еще настаиваетъ на этомъ: «это такъ вѣрно, какъ только можно себѣ объ этомъ дѣлѣ въ дѣйствительности представить вѣрныя».

Порѣшивъ съ философскимъ камнемъ, г. Честенковъ переходитъ къ любви и сначала критикуетъ «двухъ извѣстныхъ писателей: господина П. Ж. Стала и господина Шопенгауера». Изъ этой критики выходятъ (я беру только конечные выводы умозрѣній г. Честенкова), что «господинъ П. Ж. Сталь, какъ неизмѣющийся твердыхъ убѣждений и яснаго сознанія на счетъ дѣйствительности этого предмета, то потому и сумѣвается въ томъ, что дѣйствительно ли существуетъ онъ въ земной человѣческой жизни, какъ естественный предметъ». Господинъ же Шопенгауеръ «спонимаетъ объ этомъ предметѣ напротивъ». Но и его мнѣніе несообразно, и г. Честенковъ подвергаетъ Шопенгауера такой же строгой критикѣ, какъ и г. Антоновичъ. Несообразности Шопенгауера и господина П. Ж. Сталя господинъ Честенковъ очень радъ: «Значить, говорить онъ, означенная несообразность мнѣній, служить мнѣ не вредомъ, но средствомъ — выводить, по этому предмету или вопросу, правильное мое собственное болѣе или менѣе опредѣлительное разсужденіе.» Для выведенія такого разсужденія г. Честенковъ обращается къ «пабожной женщинѣ, госпожѣ Турвель» и «одному извѣстному писателю, г. Гальяни». При помощи ихъ, онъ открываетъ, что въ мужчиннахъ и женщиннахъ «есть природный электризмъ», что доказывается слѣдующимъ опытомъ: «когда два влюбленныхъ существа будутъ находиться, напримѣръ, въ комнатѣ одни, то тогда стоитъ, чтобъ только женскій полъ, подойдя къ мужскому полу, положилъ на сего послѣдняго хоть, положимъ, какъ г. Гальяни сказалъ, одну своей руки палецъ и между тѣмъ свои взоры устремивъ на взоръ его, и тогда можно будетъ замѣтить, какъ именно въ эту минуту, этотъ мужскій полъ содрогнется и вслѣдъ за этимъ, весь его огромный или обыкновенный организмъ его всего тѣла, подъ этими прикосновеніями маленькаго женскаго пальчика и неуловимаго тонкаго магнетическаго ея взора глазъ, готовъ постепенно, какъ воскъ подъ лучомъ солнечнаго свѣта и теплоты, растаять или, какъ въ свѣтѣ говорится, очароваться до изступленія». Кромѣ того, все это разительнымъ образомъ доказывается и тѣмъ, что «мужчины могутъ

бороду произростать, а женщины таковой проizrости не могутъ. Въ мужчинъ электризма больше, а въ женщинъ меньше—вотъ «въ женщинахъ, на подбородкѣ ихъ, и пѣть бороды». При этомъ г. Честненковъ замѣчаетъ, что природа ничуть не ошиблась, потому женщинамъ борода была бы не къ лицу. Все это ясно, какъ божій день, и не подлежитъ сомнѣнiю, а изъ всего этого слѣдуетъ совершенно логически, что любовь есть нравственное солнце. Вотъ и разгадана эта тайна! Не смотря на то, что любовь полезна и высока, г. Честненковъ все-таки съумѣлъ разгадать ее и съ торжествующимъ видомъ заканчиваетъ свое автодидактическое сочиненiе слѣдующимъ образомъ:

«И такимъ образомъ, какъ на основанiи сего послѣдняго даннаго, такъ и на основанiи вышележженныхъ данныхъ, въ существованiи между солнцемъ и любовью естественной аналогiи не должно быть никакого сомнѣнiя!»

За столь удачное раскрытiе философскаго камня и любви никто не покуснится дать г. Честненкову требуемый имъ полтинникъ.

И. Зайцевъ.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ПОЛИТИКА.

Мирныя наклонности Соединенныхъ Штатовъ. Вліяніе американской войны на матеріальное благосостояніе народа. — Ликвидация національнаго долга въ десять миллиардовъ. — Правящій упадокъ американскаго общества, деморализованнаго войной. — Выкупъ плантаторскихъ земель и раздача ихъ неграмъ. — Уравненіе политическихъ правъ бѣлой и цвѣтной расы. — Алжирія и племена населяющія ее. — Эксплуатация колоніи военнымъ управленіемъ. — Проектъ центральной промышленной компаніи. — Французскій Государственный бюджетъ. — Мексиканскія дѣла. — Побѣды Хуареса. — Минисиперскій кризисъ въ Испаніи.

И такъ, великая американская война кончилась. Послѣ сдачи Джонстона, всѣ другіе генералы постепенно положили оружіе: Дявь Тэйлоръ — въ Миссисипи, Форестъ — въ Теннесси, Томсонъ — въ Арканзасѣ, Керби Смитъ — въ Луизианѣ, — всѣ они покорились безусловно Сѣверу. Кажется, даже самъ Макрудеръ — этотъ знаменитый рубака, — принужденъ былъ сознаться, что ему одному невозможно бороться противъ ста тысячъ янки, и онъ, сирѣчь на сердце, подписалъ капитуляцію. Но не только война, а даже частные разбои на моряхъ и на сушѣ прекратились. Корсарскія суда, подъ видомъ войны занимавшіеся грабежомъ, входятъ въ порты подъ мирными флагами; изъ лѣсовъ и горъ возвращаются толпы искателей приключеній и, снимая оружіе, принимаются за мирный

трудъ. Духъ предприимчивости снова начинаетъ развѣивать свою колоссальную энергію. Арсеналы обращаются въ промышленныя заведенія и военный флотъ въ купеческіе корабли. Такой быстрый переходъ отъ вооруженнаго состоянія къ спокойной общественной дѣятельности становится понятнымъ только въ Америкѣ, гдѣ, кромѣ глубокой народной антипатіи къ войнѣ, нѣтъ ни малѣйшаго желанія отвлекать силы отъ производительнаго труда. Правительство Соединенныхъ Штатовъ едва успѣваетъ подтверждать своими прокламаціями это общее движеніе американскаго общества. Оно должно было немедленно открыть южные порты коммерческимъ судамъ, и въ первую же недѣлю пятьдесятъ два корабля отправились въ южные штаты. На рынкахъ увеличивается запросъ на произведенія, такъ долго конфискованныя, и хлопокъ входитъ въ кругъ торговыхъ оборотовъ міра. Что касается громадной арміи, то 200,000 солдатъ и 50,000 провіантскихъ чиновниковъ отпущены по домамъ. И что намъ, европейцамъ, можетъ показаться особенно страннымъ, эти солдаты, безъ всякаго сожалѣнія, отказываются отъ чашки «диди Самула», отъ ежемѣсячнаго жалованья въ 85 франковъ и охотно переодѣваются въ земледѣльцевъ, садовниковъ и фабричныхъ мастеровыхъ. Офицеры и генералы съ такимъ же удовольствіемъ превращаются въ мирныхъ гражданъ, въ адвокатовъ, фермеровъ, фабрикантовъ, ученыхъ и наставниковъ сельскихъ школъ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ въ сѣверныхъ городахъ ничто не будетъ напоминать о кровопролитной войнѣ, которая волновала республику въ продолженіи четырехъ лѣтъ. Все это должно послужить новымъ урокомъ для Англій и Франціи, которыя, своими интригами и тайнымъ покровительствомъ рабовладѣльцамъ, растравляли раны сѣверо-американскаго льва. Если страна можетъ такъ скоро и такъ хорошо вооружиться передъ войной, а по окончаніи ея такъ легко перейти къ спокойной гражданской жизни, то не старой Европѣ состязаться съ этой страной. Соединенные Штаты не имѣютъ ни донкихотскаго честолюбія, ни мадობности нападать на другія государства; но если они собственными средствами и въ самое короткое время могли выставить около милліона лучшаго войска, создать первѣйшій военный флотъ въ мірѣ, то нѣтъ сомнѣнія, что постоять за себя они сумѣютъ противъ всякаго внѣшняго нападѣнія. Въ самомъ дѣлѣ, какое изъ европейскихъ государствъ могло бы теперь выдержать четырехлѣтнюю войну, съ такими пожертвованіями и съ такимъ незамѣтнымъ вліяніемъ на матеріальное благосостояніе страны? Вспомнимъ, въ какомъ положе-

ни находилась Европа и въ особенности Франція послѣ наполеоновскихъ войнъ, въ началѣ нынѣшняго столѣтія; пятнадцать лѣтъ мирнаго времени едва дали возможность оправиться отъ всеобщаго разоренія, нищеты и неоплатныхъ долговъ, обременившихъ государственные бюджеты. Но гдѣ же эта пропасть зла, которую предсказывали Соединеннымъ Штатамъ въ началѣ американской войны? Ни частное, ни общественное благосостояніе не потерпѣли никакихъ особенныхъ потрясеній. Если солдатъ могъ исправно получать 85 франковъ мѣсячнаго жалованья, т. е. вдвое больше, чѣмъ получаетъ обыкновенный французскій чиновникъ, то, значитъ, республика располагала громадными средствами. Ея національный долгъ въ десять миллиардовъ франковъ, менѣе чѣмъ французскій и англійскій, нисколько не обезпечиваетъ правительства. Пользуясь настоящими обстоятельствами, оно могло бы обратить его въ постоянный государственный долгъ, какъ это дѣлается въ подобныхъ случаяхъ въ Европѣ; но не таково мнѣніе американскаго народа. Этотъ долгъ предполагается выплатить въ продолженіи 20 лѣтъ, начиная съ 1865 года. И эта уплата можетъ совершиться безъ всякаго обремененія для страны. Если даже всѣ чрезвычайные налоги, вызванные войною, будутъ отменены, то государственная касса изъ трехсотъ-пятидесяти милліоновъ долларовъ, расходующихъ на войну, можетъ сберегать каждый годъ третью часть, т. е. сто милліоновъ долларовъ для ликвидаціи долга; такимъ образомъ, въ двадцать лѣтъ погашается весь внутренній заемъ въ десять миллиардовъ. Но еслибъ государственныхъ доходовъ и не было достаточно для погашенія этой суммы, то, нѣтъ сомнѣнія, частныя лица примутъ на себя уплату національнаго долга. Онъ можетъ быть раздѣленъ на 200,000 акцій, въ 50,000 франковъ каждая, и въ Америкѣ найдется такое число патріотовъ, которые не откажутся взять одну или нѣсколько акцій. Одинъ изъ журналовъ Нью-Йорка предложилъ эту безпримѣрную финансовую мѣру, и въ продолженіи двухъ дней болѣе ста американцевъ представили свои подписи. Янки очень хорошо понимаютъ, что всякій государственный долгъ есть самый тяжелый налогъ, взимаемый съ общества. Слѣдовательно, чѣмъ скорѣе погашается заемъ, тѣмъ легче становится этотъ налогъ. Кромѣ того, продажа военныхъ кораблей, оружія и разныхъ запасовъ, приблизительно, оцѣнивается въ четыреста милліоновъ франковъ, которые и будутъ обращены на уплату текущаго долга. Мы уже не говоримъ о томъ, что, послѣ такихъ напряженныхъ усилій и при полной свободѣ

всей республики, матеріальное благоденствіе ея должно увеличиться быстро.

Но если американская война не подкопала матеріальнаго благосостоянія страны, то нельзя не видѣть, что она сильно деморализировала общественную нравственность и вредно отразилась на государственныхъ учрежденіяхъ. Военная диктатура въ нѣкоторыхъ штатахъ, постоянные наборы, насилія и бѣдствія, неразлучныя съ войной, самая жестокость Авраама Линкольна, отъ которой его память не можетъ быть вполне оправдана,—все это привело американское общество къ неизбѣжной деморализаціи. Съ одной стороны, оно остается такимъ же сильнымъ и непреклоннымъ въ достиженіи своей цѣли, а съ другой,—крайне мелочнымъ и кляузнымъ въ преслѣдованіи своихъ побѣжденныхъ противниковъ; изъ грандіозной побѣды, какую только видѣлъ XIX вѣкъ, оно сдѣлало постыдную травлю рабовладѣльцевъ, виноватыхъ только тѣмъ, что они, по праву войны, отстаивали свою независимость. Спрашивается: имѣли ли они основаніе отдѣлиться отъ федераціи сѣверныхъ штатовъ? Американская конституція ясно и прямо говоритъ, что каждый штатъ, свободно вступившій въ союзъ, можетъ также свободно и отдѣлиться отъ него. Это тотъ основной принципъ, на которомъ возникла и развилась американская республика. А между тѣмъ, вашингтонское правительство, поддерживаемое общественнымъ мнѣніемъ, объявляетъ южные штаты мятежными и судитъ ихъ за отдѣленіе, какъ за государственную измѣну. Оно провозглашаетъ свободу черныхъ и въ то же время готовитъ висѣлицы для бѣлыхъ; оно конфискуетъ собственность землевладѣльцевъ Юга и всѣхъ офицеровъ, начиная съ полковничьяго чина, всѣхъ моряковъ, отъ лейтенанта, всѣхъ капиталистовъ, имѣющихъ 100,000 франковъ состоянія, всѣхъ членовъ конгресса и главныхъ участниковъ войны ставить внѣ покровительства закона. Этого мало; оно намѣрено подвергнуть ихъ уголовному суду и наказанію; оно держитъ въ тюрьмѣ Джефферсона Дэвиса, котораго, безъ сомнѣнія, ожидаетъ смертная казнь. Лучшіе органы американской прессы съ изумленіемъ смотрятъ на эту бесполезную жестокость. И дѣйствительно, какихъ результатовъ добиваются сѣверные штаты подобными мѣрами? Если бывший президентъ признавалъ справедливымъ вступить въ мирные переговоры съ воюющей стороной Юга, то тѣмъ самымъ онъ уничтожалъ всякое право на судъ и наказаніе побѣжденныхъ. Послѣдняя его прокламація обѣщала полную амнистію отложившимся штатамъ, и это былъ самый искусный шагъ къ примиренію. Теперь же внѣшняя война угрожаетъ обратиться во внутреннюю, что гораздо хуже.

Раздраженныя страсти и накипѣвшая ненависть южанъ къ Сѣверу будутъ искать новыхъ исходовъ и новой пищи для своего удовлетворенія. Это такъ вѣрно, что въ Канадѣ и Каролинѣ уже теперь составляются сильныя партіи и заговоры противъ вашингтонскаго правительства. А между тѣмъ, вопросъ освобожденія негровъ еще только начинается и для удачнаго рѣшенія его нужно полное согласіе штатовъ и внутренній миръ. Уничтожая рабство четырехъ милліоновъ цвѣтнаго населенія, правительство, такъ или иначе, должно обезпечить будущее положеніе негровъ. Если оно не надѣлитъ ихъ землей и не поставитъ въ лучшія соціальныя условія, чѣмъ когда они находились подъ опекой плантаторовъ, то Америку можетъ ожидать цѣлый рядъ революцій отъ голоднаго пролетаріата. Но гдѣ взять такое количество земли, которое было бы достаточно для раздачи четыремъ милліонамъ свободныхъ негровъ? Нечего и говорить, что даже Джонсонъ не рѣшится удовлетворить этой потребности конфискованными плантаціями, потому что такая произвольная мѣра перевернула бы вверхъ дномъ весь экономическій складъ южнаго населенія; потому что негры, поселенные на земляхъ своихъ бывшихъ владѣтелей, за неимѣніемъ капитала и знанія, не были бы въ состояніи продолжать разработку этихъ плодородныхъ земель. Что же касается переселенія ихъ въ другія мѣстности, какъ это предполагалось старыми аболиціонистами, то мечтать объ этой насильственной эмиграціи могутъ только самые наивные филантропы. Слѣдовательно, практическая сторона эманципаціи рѣшается единственно посредствомъ выкупа, какъ нѣкогда поступила Англія съ своимъ чернымъ населеніемъ. И эта мѣра требуетъ немедленнаго осуществленія; иначе негры будутъ поставлены въ худшее положеніе, чѣмъ во время своего рабства. Они могутъ остаться безъ работы и хлѣба, съ одной свободой, которая, къ сожалѣнію, сама по себѣ такъ воздушна, что не наполнитъ своимъ счастьемъ пустого желудка и не защититъ отъ дождя и холода раздѣтаго тѣла. Такимъ образомъ, выкупъ земель, для надѣленія ими цвѣтнаго населенія, составляетъ первую и главную обязанность вашингтонскаго правительства. Теперь нельзя, подобно Линкольну, сказать неграмъ: мы освобождаемъ васъ, наши братья, а о дальнѣйшей вашей участи позаботьтесь сами. Еслибъ только янки поступили такимъ образомъ, то вся ихъ борьба за уничтоженіе рабства и все торжество ихъ побѣды равнялись бы нулю и были бы безплоднымъ насиліемъ, способнымъ вызвать на мѣсть не одного Буса.

Послѣ соціального устройства негровъ, предстоитъ другая, не ме-

нѣе сложная задача — уравненіе политическихъ правъ между бѣлыми и цвѣтными населеніями. На сколько янки окажутся великодушными въ этомъ отношеніи — мы не желаемъ заглядывать впередъ, но есть основаніе думать, что это уравненіе встрѣтитъ множество самыхъ придирчивыхъ затрудненій. Антипатія бѣлой расы къ черной слишкомъ глубоко укоренилась даже въ сѣверныхъ штатахъ, чтобы можно было заглушить ихъ при обсужденіи этого вопроса. Вотъ что пишетъ капитанъ Годвинъ, около десяти лѣтъ прожившій въ Америкѣ: «Лицемѣріе такъ называемыхъ американскихъ филантроповъ, особенно въ отношеніи угнетеннаго чернаго племени, доходитъ до истинно-комическихъ размѣровъ; нельзя не расхохотаться, глядя на плачущую лэди объ униженіи раба плантаторомъ и въ то же время готовую зарыдать отъ злости, что ея ребенокъ раздѣлилъ въ школѣ кусокъ сыру съ маленькимъ негромъ или потерялъ своимъ локтемъ около его куртки; та же добродушная лэди скорѣе уморитъ голодомъ чернаго человѣка, чѣмъ приметъ его слугою въ своемъ домѣ. Это отвращеніе къ негру за мѣтно на каждомъ шагу, какъ въ семейномъ, такъ и въ общественномъ быту. А какъ только зайдетъ рѣчь объ эманципаціи, — нѣтъ и конца воздыханіямъ и столько же длиннымъ, сколько смертельно-скучнымъ проповѣдямъ. Эта платоническая любовь къ черному человѣку ясно доказываетъ, что сѣверные аболиціонисты добивались, подъ видомъ свободы негровъ, совершенно другихъ цѣлей; они ненавидѣли плантаторовъ не за угнетеніе цвѣтной расы а по чисто-политическимъ разсчетамъ, — по чувству соперничества съ богатствомъ, образованіемъ и административнымъ преобладаніемъ Юга надъ Сѣверомъ. Негру одинаково было гнусно, какъ тамъ, такъ и здѣсь; если рабовладѣлецъ эксплуатировалъ *черное мясо*, то гуманный янки не принималъ его даже въ свой домъ, чтобы не загрязнить своей аристократической породы африканскимъ плебействомъ. Одно другого совершенно стоитъ, если только еще не хуже.» Но теперь, когда реформа началась, этой платонической любви мало; ее надо перевести изъ идеальной области въ факты и, обеспечивъ матеріальное состояніе негровъ, сравнять ихъ политическія права съ правами бѣлаго населенія, т. е. дать полное участіе во внутреннемъ управленіи страной и совершенную независимость отъ преобладающей расы. Въ противномъ случаѣ, экономическая эксплуатация свободныхъ негровъ нисколько не будетъ сноснѣе ихъ личнаго рабства. Безъ земли, пропитанной ихъ же потомъ и кровью, безъ гражданскаго значенія и автономіи, они останутся нищими, которыхъ еще не имѣла Америка и которыхъ

Англія такъ давно кормить на счетъ общественной милостыни. Поэтому, напрасно янки такъ рано торжествуютъ свою побѣду — социальное разрѣшеніе борьбы еще далеко впереди, и въ этомъ никто не ошибается, кромѣ наивнаго Джонсона.

Наконецъ императоръ Наполеонъ III лично убѣдился въ крайне запутанномъ положеніи алжирскихъ дѣлъ; онъ оцупалъ ихъ собственной рукой и долженъ былъ сознаться, что злоупотребленія возрастаютъ въ прямой пропорціи съ разстояніемъ завоеванныхъ странъ отъ всемогущей метрополіи. Теперь ясно, какъ день, для французскаго правительства, что военное управленіе Алжиромъ есть дѣйствительно та пропасть, которую не наполнишь ни золотомъ, ни человѣческими силами. Читатели «Рус. Слова» уже знаютъ наше мнѣніе о европейской колонизаціи вообще *); особенность же французской системы состояла въ томъ, что метрополіа всегда считала себя призванной насаждать цивилизацію вездѣ, куда она посылала своихъ солдатъ, и потому смотрѣла на покоренные ею народы, какъ на малолѣтнихъ дѣтей, которыхъ она бралась просвѣщать по всѣмъ правиламъ стараго военного артикула. Цивилизація, однакожь, не такъ легко давалась и колоніи постоянно жаловалась на своихъ цивилизаторовъ и возмущалась. Съ Алжиріей болѣе десяти лѣтъ Франція ведетъ непрерывную, то открытую, то внутреннюю войну, которая, по меньшей мѣрѣ, стоитъ до пяти-сотъ милліоновъ деньгами, не считая нѣсколько тысячъ людей, погребенныхъ въ пескахъ Африки. Когда окончится эта война и когда арабы и кабилы убѣдятся въ благодѣяніяхъ французской цивилизаціи — невозможно предвидѣть; навѣрное можно сказать только то, что Франція, рано или поздно, принуждена будетъ отказаться отъ Алжира, какъ она уже отказалась отъ Индій, Луизианы и Канады.

Завоеванію Алжиріей, безъ сомнѣнія, много помогла разнохарактерность племенъ, населяющихъ эту страну. Главное населеніе составляютъ кабилы, которыхъ часто смѣшиваютъ съ арабами. Это настоящіе владѣльцы страны, занимавшіе сѣверъ Африки съ незапамятныхъ временъ, потомки нумидійцевъ, соотечественники Югурты, Массинисы и, вѣроятно, не безъ примѣси карфагенской и римской крови. Вершины горъ, на которыхъ обитаетъ это племя, и волны океана долго защищали кабилловъ отъ внѣшнихъ завое-

*) См. октлбр. кн. «Рус. Слова», за 1864 годъ.

вателей и отъ всякаго чужеземнаго вліянія. Не зная другой борьбы, какъ съ окружающей ихъ природой, и другого гнета, кромѣ естественныхъ преградъ моря и высокихъ хребтовъ, кабилы до сихъ поръ сохранили юношескую отвагу и непобѣдимую стойкость въ сопротивленіи Французскимъ войскамъ. Извѣстно, съ какимъ отчаяннымъ мужествомъ они защищали въ 1857 году свои ущелья, скалы и утесы противъ безчисленныхъ нападеній зуавовъ, тюркосовъ и иностраннаго легіона. Каждый шагъ своего отступленія въ горы они продавали такъ дорого, что на каждаго убитаго кабила надо считать по два и по три зуава. Сраженія при Бени и Ивериденѣ, гдѣ они сдѣлали послѣднюю попытку отстоять свою независимость, памятны Франціи потерей шестисотъ венсенскихъ стрѣлковъ въ продолженіи только двухъ первыхъ дней. Это было своего рода маленькое Ватерло, на которомъ кабилы показали, что европейская дисциплина ничего не значитъ передъ движѣмъ строемъ защитниковъ своей земли и свободы; и только измѣна подкупленныхъ старшинъ и вождей заставила кабилы съ 1857 года подчиниться французскому господству.

Другое племя, населяющее Алжирію,—арабы. Отличаясь во всемъ отъ кабила, арабъ является дряхлымъ варваромъ, у котораго вмѣстѣ съ религіознымъ фанатизмомъ исчезла и юношеская воинственность. Аристократическія волѣна, извѣстныя подъ именемъ *марabu* давно лишили это племя внутренней независимости и изъ степного наѣздника сдѣлали араба осѣдлымъ и ручнымъ рабомъ. Въ однихъ преданіяхъ и пѣсняхъ осталось воспоминаніе о той энергіи, которою нѣкогда славилась эта неутомимая и умная раса. Теперь арабъ сохранилъ только свою прежнюю мечтательность; онъ мечтаетъ на солнцѣ и подъ тѣнью, на конѣ и въ палаткѣ; онъ остается празднымъ мечтателемъ, живущимъ исключительно мистицизмомъ, даже среди той невообразимой бѣдности, которая держитъ это племя въ постоянной неподвижности. Во многихъ селеніяхъ, разбросанныхъ по западной окраинѣ Сахары, вы можете встрѣтить цѣлыя толпы полунагихъ нищихъ, которымъ, кажется, лѣнь раскрыть даже ротъ и протянуть руку, чтобы утолить свой голодъ готовыми финиками. Эксплуатирующая каста, разумѣется, смотритъ на это состояніе равнодушно и вовсе не желаетъ измѣнять его. Хотя коранъ не поощряетъ нищенство и филантропію, но арабскіе старшины стараются, во имя Аллаха, поддерживать бѣдность, какъ религіозную черту, между подвластными имъ пролетаріями. Послѣднюю свою добычу, послѣдняго барана несетъ арабъ своему имаму и за то получаетъ отъ него обѣщаніе вѣчно наслаждаться утѣхами магоме-

танскаго рая. Эта хищность высшей касты была главною причиною тѣхъ подеуповъ, съ помощью которыхъ распространилась на берегу Африки французская колонизація. Золото и произведение европейскихъ фабрикъ проложили путь къ завоеванію Алжиріи. Какъ у кабилонъ, такъ и у арабовъ первыми измѣнниками страны были старшины и имамы, выдавшіе народъ, какъ стадо барановъ. При этомъ взаимная вражда этихъ двухъ племенъ во многомъ облегчила побѣду надъ цѣлымъ краемъ.

Третья часть туземнаго населенія — евреи, переселившіеся изъ Европы отъ религиозныхъ гоненій или выселенные насильственно. Составляя не болѣе десятой доли всего алжирскаго населенія, евреи исчезаютъ въ общей массѣ и, кромѣ набиванія своего кармана, не имѣютъ другого значенія для страны. Правда, что это самый богатый и вѣчно занятый классъ, но денежная эксплуатація дѣлаетъ ихъ такими космополитами, для которыхъ отечество тамъ, гдѣ есть какая нибудь пожива.

Вотъ тѣ главные племенные элементы, изъ которыхъ состоитъ алжирское туземное населеніе. Къ нему каждый годъ приливаетъ французская эмиграція, разсыпанная по городамъ и прибрежнымъ портамъ. Это — господствующая раса, выбрасываемая метрополіею съ единственною цѣлью избавиться отъ лишняго бремени голодныхъ пролетаріевъ. Въ этой пестрой европейской семьѣ встрѣчаются всевозможные оттѣнки искателей приключеній — обанкротившіеся купцы, лавочники, свѣдаемые барышомъ, обнищавшіе земледѣльцы и преступники, избѣжавшіе тюрьмы или висѣлицы. Вотъ тѣ колонизаторы, которыхъ посылаетъ Франція цивилизовать кабилонъ и арабовъ. Нечего и говорить, какую цивилизацію они привозятъ съ собою на берега Африки. Достаточно будетъ послушать, что рассказываетъ офиціальнѣйшій документъ, представленный ученою комиссіею, посланной въ 1863 году для обозрѣнія колоніи въ промышленномъ отношеніи: «туземцы съ величайшимъ недоувѣріемъ относятся къ европейскому населенію и только въ крайнихъ случаяхъ обращаются къ нимъ съ предложеніемъ и запросомъ взаимнаго обмѣна произведеній. Порохъ, какъ самая необходимая вещь для этихъ воинственныхъ племенъ, изъ которыхъ многія трибы живутъ исключительно охотой, — порохъ, послужившій главнѣйшей приманкой для арабовъ и кабилонъ въ ихъ сношеніяхъ съ европейскимъ населеніемъ, издавна посѣщавшимъ западный берегъ Африки, составляетъ первѣйшую потребность дикаря, за которой онъ неизбѣжно обращается къ французскому колонисту. Затѣмъ всѣ другія пронаведенія навязываются

туземному населенію самими французами. Желая увеличить сбытъ предметовъ роскоши, наши негоціанты стараются дѣйствовать на всѣ преобладающія страсти дикарей и, вмѣстѣ съ эксплуатаціей, вносятъ растлѣніе и развратъ въ ихъ нетронутую среду. Пьянство и воровство, по свидѣтельству марабу, сдѣлалось извѣстно между кабилами только со времени завоеванія ихъ... Ложь и обманъ, почти неслыханные у поклонниковъ Мухаммеда, привиты къ нимъ европейскими колонистами. И кто бы повѣрилъ, что отвратительная болѣзнь, развитая въ нашихъ городахъ публичными женщинами, проникла въ это здоровое населеніе, которое, по чувству глубокаго религіознаго мистицизма, считаетъ ее проклятіемъ Аллаха за утраченную свободу страны... Іезуиты, въ качествѣ страстующихъ миссіонеровъ, еще болѣе увеличиваютъ антипатію кабиловъ и арабовъ къ европейцамъ. Распространяя свое ученіе всевозможными средствами, то хитростью, то насиліемъ приобрѣтая себѣ прозелитовъ, они становятся въ глазахъ массы предметомъ величайшаго презрѣнія. Свѣтлое и далекое отъ всякаго фанатизма міросозерцаніе кабила, самаго вѣротерпимаго изъ послѣдователей исламизма, рѣзко противорѣчитъ внушеніямъ іезуитовъ; и потому кабилы ненавидитъ всякое посягательство на его совѣсть. Надо замѣтить, что онъ живетъ болѣе вѣрой преданія и обычая, чѣмъ религіи, — что и отличаетъ его отъ араба, и дѣлаетъ совершенно индифферентнымъ въ дѣлахъ религіознаго убѣжденія. Нельзя также не признаться, что деспотизмъ военнаго управленія дѣйствовать неосторожно въ отношеніи національной автономіи туземцевъ. Онъ передѣлывалъ все по своему усмотрѣнію и силою хотѣлъ францизировать африканское населеніе. У кабиловъ, напримѣръ, не было никакого центральнаго управленія, ни полиціи, ни судебной расправы въ европейскомъ смыслѣ; ихъ *джема* или народное состояніе, въ которомъ каждый совершеннолѣтній принимаетъ полное участіе, ихъ коммунальное устройство отдѣльныхъ трибъ, общность земли и имущества, ихъ словесный судъ, въ самой простой и удобной формѣ, почему-то показались нашей администраціи варварскими учрежденіями, и она начала перестраивать ихъ по образцу метрополіи. Перестроить она ничего не могла, а насилія и страданій нацѣлала пропасть. Подъ видомъ организациі, военные посты занимались грабежемъ и эвакуціями туземцевъ. Нѣкоторыя трибы бѣжали отъ этого разбоя въ горы и въ степи Сахары... Такой порядокъ вещей, разумѣется, не могъ содѣйствовать развитію нашихъ промышленныхъ операцій съ населеніемъ Алжиріи.»

А между тѣмъ, всякое дѣйствительное благодѣяніе европейской

цивилизациі принимается кабилами и арабами съ полнымъ сочувствіемъ. Когда были вырыты французами 40 артезианскихъ колодець, то туземцы почти съ религіознымъ благоговѣніемъ смотрѣли на это нововведеніе; когда въ колоніи стало распространяться земледѣіе, многія кочевья семейства примкнули къ осѣдлымъ трибамъ и сдѣлались мирными гражданами общества; когда принялись прокладывать дороги и орошать поля, кабилы стали оставлять свои неприступныя горы и селиться въ долинахъ; однимъ словомъ, всякій новый шагъ къ улучшенію внутренняго состоянія страны, былъ шагомъ къ сближенію съ завоеваннымъ населеніемъ и къ общему труду, котораго еще ожидаетъ этотъ богатый край. Къ сожалѣнію, такіе факты въ исторіи колоніи встрѣчаются рѣдко. Почти всѣ правители смотрѣли на колонію, какъ на доходное мѣсто, и выжимали изъ нея все, что только могли, предоставляя будущимъ поколѣніямъ позаботиться о гражданскомъ и социальномъ устройствѣ ея. Посылались обыкновенно генералы, въ родѣ Макъ-Магона, которымъ нужно было поправить свое финансовое положеніе, и они управляли страной, какъ ротой солдатъ. Люди тупые и незнающіе потребностей края, а между тѣмъ, бравшіеся за организацію его, дѣлали такіе глупости, которыхъ ни одинъ Донъ-Кихотъ не придумалъ бы съ своимъ товарищемъ Санчо. Люди неглупые, но прежде всего думавшіе о своемъ кошелькѣ, дѣлались безпощадными эксплуататорами и, украшая съ виду города, официально доносили о благоденствіи страны подъ ихъ управленіемъ. Такимъ образомъ, колоніи никогда не выходила изъ осаднаго положенія и своими хроническими возстаніями напоминала близорукой администраціи о ея ложной политикѣ.—Прогулка Наполеона - III по Алжиріи, кажется, дала его планамъ другое направленіе. Система военнаго управленія, организованная имъ, оказывается несостоятельной и вредной для колоніи. Но чтобы замѣнить ее прочнымъ гражданскимъ порядкомъ, необходимо оставить туземнымъ населеніямъ полную внутреннюю независимость и привлечь ихъ къ метрополису промышленными интересами. Съ этою цѣлью, предполагается устроить большую торговую компанію на акціяхъ, которая была бы центральнымъ коммерческимъ учрежденіемъ, парализующемъ всѣхъ мелкихъ эксплуататоровъ и барышниковъ, пожирающихъ страну. Но эта мѣра будетъ только палліативною, которую уже испыталъ Кольберъ и которую Англія употребляла въ Индіи. Большая торговая компанія точно такъ же будетъ основана на эксплуатаціи, какъ и нѣсколько десятковъ маленькихъ. Въмѣсто двадцати пивовъ, будетъ припущена одна, стоящая всѣхъ двадца-

ти; больному отъ этого не легче. Теперь французскіе патриоты восторгаются завоеваніемъ Алжирѣ, какъ школы для военныхъ упражненій венсенскихъ стрѣлковъ и тюркосовъ; теперь они имѣютъ безстыдство похваляться славой своего оружія надъ кучами арабскихъ труповъ, а тогда станутъ воспѣвать прелести разореннаго края. И какія бы полумѣры не предпринимались ими, рано или поздно, они убѣдятся въ томъ, что нѣтъ другого выхода, какъ отказаться отъ колоніи или цивилизовать ее не пушками и штыками, а дѣйствительными улучшеніями края. Все, что выработалъ европейскій умъ лучшаго, раздѣлить все это съ племенами, стоящими на низшемъ уровнѣ образованія, и раздѣлить братски, а не изъ подъ пальи. Разумѣется, что для такихъ реформъ метрополія должна быть сама готова; въ противномъ случаѣ, какая польза кабилу или арабу учиться у своего побѣдителя лжи, обману и разврату. Такъ это ваша цивилизація? спроситъ онъ, и предпочтетъ бѣжать отъ нея въ песчаную пустыню Сахары.

Во время отсутствія императора во франціи все обстояло благополучно, и если-бъ принцъ Наполеонъ не сдѣлалъ своей странной выходки, то не на что было бы и пожаловаться. Законодательный корпусъ продолжалъ заниматься финансовыми соображеніями и наконецъ окончилъ тѣмъ же, съ чего обыкновенно всегда начиналъ. Извѣстно что единственное право, которымъ члены законодательнаго корпуса обладаютъ въ цѣлости, есть право одобрять, хвалить и восхвалять дѣйствія правительства. Послѣ обсужденія адреса, обсужденіе бюджета есть единственный случай, за который могутъ ухватиться представители націи для заявленія, мы не говоримъ воли страны а своихъ стремленій или своихъ сожалѣній. Поэтому въ обсужденія адреса и бюджета, страна и не подозрѣвала бы существованія палаты. Съ перваго взгляда можетъ показаться страннымъ: На что жалуется оппозиція, когда только на нее и обращаютъ вниманіе, когда она можетъ говорить обо всемъ и критиковать все? — Да она можетъ все критиковать но она не можетъ ничего сдѣлать, она не можетъ ничего измѣнить. Притомъ, она можетъ говорить только извѣстнымъ образомъ, она должна чаще всего говорить намеками, быть краснорѣчивою тѣмъ, чего не говоритъ, быть убѣдительною размышленіемъ.

Вообще замѣтили, что въ этомъ году члены оппозиціи работали вяло, что они прыгали безъ граціи и корчили жалостную мину.

Г. Тьеръ говорилъ о финансахъ имперіи, а это всегда бываетъ для этого маленькаго человѣка случаемъ маленькаго торжества. Онъ пріятно издѣвался надъ пятью бюджетами перепутанными одинъ за другой, и столь темными что несмотря на его практику въ финансовыхъ счетахъ, нужно было два мѣсяца усидчивой работы, чтобы распутать ихъ, какъ слѣдуетъ. Но эти пять бюджетовъ послѣдовательно увеличиваются на огромную сумму, на двѣсти и на триста милліоновъ свыше двухъ милліардовъ. Эти пять бюджетовъ приходятъ всегда къ дефициту, который измѣняется смотря по годамъ. Въ 1863, 1864 и 1865, онъ составляетъ 962 милліона въ итогѣ, то есть 320 милліоновъ въ годъ, немного менѣе милліона въ день. Официальные расчеты на 1866 годъ полагаютъ вѣроятный дефицитъ въ 240 милліоновъ. Не извѣстно, на сколько грѣшатъ эти расчеты своимъ избыткомъ или недостаткомъ, потому что мы только въ половинѣ 1865 года.

По словамъ г. Тьера, основной недостатокъ этихъ пяти бюджетовъ заключается въ необыкновенно-упругомъ построеніи ихъ. Въ обыкновенный бюджетъ расходовъ вносятся всякаго рода фантастическіе расходы, а въ чрезвычайный бюджетъ, включается по возможности столько же необходимыхъ расходовъ. Постоянные расходы уплачиваются изъ чрезвычайныхъ доходовъ, и для этого приводятся болѣе или менѣе уважительныя причины. Законъ предписываетъ погашать заключенные займы, онъ даже опредѣляетъ сумму, которой долженъ располагать бюджетъ для погашенія долговъ. Но что дѣлаетъ министерство? Оно взимаетъ налогъ, назначенный для погашенія, а употребляетъ его на другіе расходы. Всегда же занимать и никогда не уплачивать, значить подавлять настоящее и будущее пологія подъ тяжелымъ бременемъ постоянно нарастающихъ процентовъ. Это значить подкапывать кредитъ государства, которое занимаетъ уже на болѣе и болѣе тягостныхъ условіяхъ. Но такъ какъ бумаги государственнаго долга своею массою образуютъ регуляторъ денежнаго рынка, то сомнительное положеніе государственнаго долга имѣетъ результатомъ упадокъ всѣхъ другихъ цѣнностей и какъ слѣдствіе всего этого, постоянное воввыненіе цѣны денегъ для всѣхъ. И, не забудьте, какъ замѣтилъ г. Никаръ, заемъ всегда былъ съ долъ, съ тѣхъ поръ, какъ погашеніе перестало дѣйствовать. Отъ 5 милліардовъ, какимъ онъ былъ въ началѣ 1852 года, государственный долгъ достигъ нынче цифры 11 милліардовъ пяти-сотъ милліоновъ. Имперія намъ стоила уже отъ 5 до 6 милліардовъ.

Добрякъ Гарнье Пажесь, который въ 1848 году такъ усердно пыталъ надъ тѣмъ, чтобъ уплатить долги сдѣланные монархіей Люи-Филиппа, также высказалъ нѣсколько вѣдкихъ протестовъ въ пользу экономіи. Онъ робко возражалъ, что надо бы немного сократить огромные бюджеты военной и морской. Съ 1853 по 1864 годъ, въ двѣнадцать лѣтъ настоящей имперіи, которая обѣщала быть *Миромъ*, эти два бюджета поглотили не менѣе 8 миллиардовъ 668 милліоновъ франковъ, т. е. по 725 милліоновъ франковъ въ годъ. Въ бюджетѣ 1865 г., они представляютъ сумму въ 665 милліоновъ. Нельзя ли отозвать нами войска изъ Рима и Мексики? спрашивалъ онъ самымъ сладкимъ голосомъ. «Уменьшивъ алжирскую армію до нормальной цифры, Франція, все таки оставался сильнѣе чѣмъ когда либо, можетъ сократить свой наличный составъ войска до 335,000 человекъ, что сберегло бы по меньшей мѣрѣ, двѣсти милліоновъ, съ которыми могли бы возстановить равновѣсіе бюджета.»

Съ какимъ гордымъ жестомъ головы и плечъ, съ какою гордою улыбкою благороднаго самодовольства, отвѣчалъ правительственный комиссаръ: «Подумали ли вы, г. Гарнье Пажесь о томъ, что Франція должна быть великою, она должна быть сильною и пр.»

Г. Тьеръ, который, сказать мимоходомъ, не согласился бы убавить ни одного сантима изъ военнаго бюджета, критикуя разные вспомогательныя средства правительства и въ особенности значительное отчужденіе лѣсовъ, принадлежащихъ государственнымъ имуществамъ, для постройки новыхъ желѣзныхъ дорогъ, употребилъ сравненіе замѣчательное по своей вѣжливости для характеристичной разбираемой имъ финансовой системы. «Это, сказалъ онъ, есть управленіе отца семейства слишкомъ слабаго, слишкомъ любезнаго къ своимъ дѣтямъ, который думаетъ сообразовать свои расходы съ доходами, и который, платя за наряды своихъ дочерей, и различнаяся за игорныя и другіе долги своихъ сыновей, приходитъ изъ чистаго снисхожденія къ собственному разоренію и къ разоренію своего семейства...»

А между тѣмъ носится слухъ, что побѣды хуареса потребуютъ новой отправки французскихъ солдатъ въ Мексику. Положеніе этой страны самое плачевное. Стоитъ обратить особенное вниманіе на рѣчь г. Жюль Фавра о мексиканскихъ долгахъ, какъ они означены въ бюджетѣ.

Ораторъ начинаетъ напоминаніемъ, что французское правительство бросилось въ эту войну для выисканія долга въ 1 милліонъ франковъ. Между тѣмъ война эта продолжается уже четыре года,

и расходы, потребныя она: столица Франціи, нельзя опредѣлить, мѣсье, чѣмъ въ 400 милліоновъ.

Съ самаго начала экспедиціи, оппозиція протестовала. Когда она говорила о будущемъ императорѣ, котораго предсказывали Мексикѣ, то правительство громко отрекалось отъ подобныя притязаній. Когда у него спрашивали, не покровительствуетъ ли оно кандидатурѣ австрійскаго эрцгерцога, оно отвѣдало, что не знаетъ, что хотать этимъ сказать. «Француская армія, говорило правительство, отправляется въ Мексику для отвращенія обидъ своимъ соотечественникамъ. Она приходитъ на помощь къ мексиканской націи, которая просила ея содѣйствія, но новая держава должна быть мексиканскою державою, а не иностранною.» Г. Бильо, правительственный ораторъ, заявлялъ, что какъ скоро французское знамя будетъ развѣваться на стѣнахъ Мексики, то обратятся къ всеобщей подачѣ голосовъ. «Всѣмъ, говорило оно, будетъ предоставлена свобода подавать голосъ, и если нѣтъ нравится тиранія Хуареса, то никто не станеть мѣшать осуществленію національнаго желанія».

Въ прошломъ году, правительство обѣщало также, что въ концѣ 1864 года наша армія будетъ отозвана изъ Мексики. Оно обѣщало, что экспедиція въ Сентъ-Луи тогда будетъ послѣднею. «Армія, говорили намъ, останется тамъ; мексиканскій народъ выбереть себѣ правительство, которое наиболѣе ему пригодно. Какое бы ни было рѣшеніе его, Франція уважить его.»

Но увя! что сдѣлалось съ данными обѣщаніями? Остановились ли въ Сентъ-Луи?—Нѣтъ, пошли въ Дуранго, въ Монтерей, и часть нашихъ войскъ теперь поспѣваетъ въ стѣнахъ Соноры. Націи солдаты принуждены перевозить пунжи на спинахъ людей.

Но вотъ нашли и императора, эрцгерцога, Максимилиана, бывшаго тогда въ своемъ Мирамарскомъ дворцѣ. Всѣ заранѣе престоли въ нему. Тамъ, по крайней мѣрѣ, увидать Монтерей. «Болѣе 5 милліоновъ мексиканцевъ изъ семи, говорили намъ правительственный комиссаръ, признали новаго императора. Ему стоитъ только ступить на мексиканскую землю, и все пропаянута въ нему руки; триумфальныя арки уже приготовлены, дѣточный дождь ожидаетъ его въ Мексикѣ».

Но вотъ императоръ Максимилианъ воссѣлъ на престолѣ; такъ какъ онъ принятъ большинствомъ мексиканцевъ, такъ какъ его провожаютъ съ почетомъ, такъ какъ онъ принятъ двѣтроннымъ дождемъ, то наши солдаты возвращаются; теперь они безцѣльны.

Къ несчастью, между этими торжественными словами и истинною есть цѣлая бездна. Говорять объ умиротвореніи. Но какимъ обра-

земь умиротворяють? Вотъ новости, о которыхъ *Мониторъ* умалчиваетъ. Если онѣ вѣрны, то онѣ кладутъ пятно на исторію Франціи. Я читаю въ одномъ парижскомъ журналѣ отъ 19 апрѣля 1865: «Умиротвореніе Мексики продолжается съ прежнимъ успѣхомъ. Генералъ Кастаньи сжегъ одинъ городъ: Ромеро и три другіе вождя казнены... Генералъ Кастаньи говоритъ въ своей прокламаціи: «Мексиканцы, я пришелъ защищать собственность... (развѣ сжегъ городъ—значитъ защищать собственность?) Распускали ложные слухи, но мы пришли возстановить истину. Наступилъ часъ правосудія... (Правосудія? что хочетъ этимъ сказать г. Кастаньи?) Въ настоящую минуту исполняется приговоръ... (приговоръ сжегъ городъ и нѣсколько человекъ разстрѣлать).»

Какъ примирить слова генерала Кастаньи съ словами министровъ, которые говорили намъ, что нація будетъ спрошена? Однихъ покровительствуютъ, другихъ разстрѣливаютъ; на всѣхъ наводятъ страхъ въ желзу каной-то чудовищной мечты создать порядокъ, противный историческимъ условіямъ страны.

Эти строгости произвели сильное раздраженіе. Оно выразилось въ сочиненіяхъ, которыя были преслѣдуемы, и, подъ прикрытіемъ нашего знамени, ихъ авторы были приведены передъ военные суды.

Вспомните, что императоръ Наполеонъ I хотѣлъ тоже пересоздать Испанію. Вступая въ ея страну, онъ говорилъ испанцамъ:

«Ваша монархія стара, я признаю ее обновить». Но нынче не доверяютъ этимъ призываніямъ.»

И такъ, мы находимся все въ томъ же горячечномъ состояніи; мы не сдѣлали ни шагу впередъ. И если судить по официальнымъ донесеніямъ, мы—отступили назадъ. Патриоты вездѣ одерживаютъ верхъ и одинъ городъ за другимъ отнимаютъ у императорскихъ войскъ.

Всѣмъ извѣстно, что прежде чѣмъ отправиться въ Мексику, Максимилианъ совершилъ поѣздку въ Римъ. Одинъ римскій журналъ извѣщалъ, что новый императоръ пріѣхалъ поставить свое предпріятіе подъ покровительство святого отца. А между тѣмъ, Максимилианъ увидѣлъ невозможность управлять съ помощью клерикальной партіи, которая его призвала. Онъ узналъ, что эта партія портила все, до чего касалась; и случилось обстоятельство, которое не ново въ исторіи, а именно: преемникъ понялъ, что онъ долженъ осуществить то, что подготовилъ его предшественникъ. Такимъ образомъ, рѣшено отобрать въ казну церковныя имущества. Пій IX протестовалъ противъ этого несправедливаго закона, называемаго реформой; но

мексиканскому правительству нужны деньги, а не утѣшанія св. оца.

И такъ, Максимилианъ не можетъ уже опираться на клерикаль-ную партію, призвавшую его. Онъ не можетъ также опереться и на либеральную партію. Что же ему остается дѣлать? Развѣ можетъ онъ обратиться къ цезарской мажоритѣ голосовъ?

Что касается американскаго правительства, то оно не признало мексиканской имперіи.

Въ прошломъ году, Мексика заняла у Франціи 200 милліоновъ, нынѣ она занимаетъ у нея 250 милліоновъ, въ 9 $\frac{1}{2}$ % облигаціи, изъ коихъ національной цѣнѣ, въ 500 франковъ. Эти облигаціи обрѣщаются въ публикѣ по 340 франковъ, хотя вынуждены въ 510 франковъ, а финансы получаютъ 17 милліоновъ за комиссію. И такъ, Мексика должна будетъ заплатить 417 милліоновъ за 153 милліона, которые занимаетъ. Гдѣ она возьметъ ихъ? Страна раззорена, слѣдовательно увеличивать налоги нѣтъ никакой возможности, а продолжать займы... но кто же повѣритъ?

Такова въ главныхъ чертахъ рѣчь Жюль Фавра, приведенная, здѣсь весьма сокращенно и безцѣпно. Ораторъ въ особенности настаиваетъ на томъ фактѣ, что аксепціи была сдѣлана неразумно, что имперія не имѣла на то законнаго основанія, что поголовная подача голосовъ, столько разъ обѣщанная, не была приведена въ исполненіе. Знаете ли, что отвѣчалъ ему правительственный комиссаръ, почтенный Ше-Дестанжъ? Съ самоувѣренностью адвоката, который въ продолженіи тридцати лѣтъ производитъ риторическіе эффекты въ хорошихъ и дурныхъ дѣлахъ, которыя онъ бравадою защищать или отвѣчалъ... Послушайте:

«Я сказалъ, что мексиканская нація была сиротена. Какимъ образомъ?— Юнта, составленная изъ наиболее знатныхъ людей страны, была собрана въ городѣ Мексикѣ. (Адвокаты прибавьте: старціями военной комиссіи). Она была призвана выразить свое мнѣніе (въ виду тройнаго ряда штыковъ). Она высказалась за императора. Эта прокламація вызвала одобреніе со всѣхъ сторонъ. (Между тѣмъ, по возвращеніи домой, 50 изъ 160 знатныхъ людей осмѣлились протестовать противъ той реди, которую заста-вили ихъ говорить.)»

«Временное правительство отправило въ Мирамарскій дворецъ извѣстіе о результатахъ этого собранія. Эрцгерцогъ Максимилианъ отвѣчалъ, что онъ хочетъ, чтобы узнали мнѣніе народа посредствомъ всеобщей подачи голосовъ. «Если общій голосъ зоветъ меня, сказалъ онъ, то я готовъ идти.»

И такъ, Максимилианъ хотѣлъ узнать желаніе народа... и народъ заявилъ его подачей голосовъ. 5,500,000 челов. подали голоса въ пользу избранія эрцгерцога, изъ числа 6,800,000 жит./ составляющихъ населеніе Мексика! — Какъ? — неужто на яву, а не во снѣ проходятъ такіе выборы? Въ Мексикѣ отбирались поголовно голоса, а мы объ этомъ ничего не знали! Какъ, отъ насъ скрывали до сихъ поръ такой актъ, какъ вообще подача голосовъ? Какъ, мы вовсе не подозрѣвали такого счастливаго событія, которое должно положить конецъ разорительной экспедиціи? И какъ странно, что императоръ Максимилианъ избранъ ровно такимъ же образомъ, какъ и Наполеонъ III! — Такъ восклицаютъ французы, сами собиные еще чему нибудь удивляться.

Вотъ, однако, что странно: отъ чего 6,800,000 избирателей Максимилиана не могутъ до сихъ поръ одолѣть 300,000 неподающихъ голоса за новое правительство! Они не могутъ уничтожить ихъ, даже опираясь на необъятную французскую армію, на бельгійскіе легионы и австрійскія фаланги; наидя двѣ недѣли, Мониторъ повѣствуетъ намъ о блестящихъ экспедиціяхъ, о славныхъ подвигахъ и побѣдахъ, одерживаемыхъ франко-мексикано-австро-бельгійцами, и все-таки эти сумасшедшіе хуаристы не бросаютъ оружія! — Впрочемъ, бруссельскія газеты недавно говорили еще, что вѣрной несчастной сучкѣ половина бельгійскаго легиона была перебита или взята въ плѣнъ врагами имперіи.

Читателямъ уже извѣстна размова, происшедшая въ императорскомъ семействѣ. Императоръ, отправляясь въ Алжиръ, назначилъ, какъ извѣстно, принца Наполеона вице-президентомъ тайнаго Совѣта, что сильно взволновало людей, посвящающихъ всю свою жизнь на разгадку ребусовъ и логогрифовъ. Въ этомъ новомъ званіи, принцъ садится на казенный корабль и, съ запасомъ орденовъ Почетнаго Легиона, назначенныхъ для раздачи друзьямъ имперіи, отправляется въ Алжиръ, въ Корсику для открытія группы статуи — четырехъ братьевъ Бонапарта. По случаю этого торжества, онъ заранее выпросилъ у императора позволеніе произнести либеральную рѣчь.

15 мая, по словамъ газетъ, принцъ въидѣлъ на поклоненіи мѣсту рожденія Наполеона.

Послѣ полудня происходило открытіе памятника. Войска и морскіе чины эскадры были собраны, съ оркестрами музыки впереди, на площади Бонапарта. Въ четыре часа принцъ вышелъ на эстраду, его встрѣтили громкимъ привѣтствіемъ, и завѣса, скрывавшая наполеоновскую группу, упала. Эскадра, стоявшая въ виду памятника, отвѣчала залпами на радостныя клики толпы. Затѣмъ принцъ обо-

и еще другому панатинку, возвратился подъ балдахинъ и произнесъ рѣчь, которая въ теченіи полутора часа прерывалась только продолжительными рупонесканіями. По окончаніи рѣчи, церемониальнѣе маршемъ проходили войска, жандармы и депутаціи отъ войскъ общинъ Корсики. Вечеромъ была иллюминація съ фейерверкомъ и проч.

Рѣчь принца ускользаетъ отъ всякаго разбора или, выражаясь точнѣе, не допускаетъ его. Принцъ хотѣлъ рассказать жизнь своего дяди, — задача довольно щекотливая для человѣка, который находится въ такомъ странномъ положеніи, какъ двоюродный братъ императора Наполеона I не затруднился сдѣлать изъ героя 18-го бримаера предтечу будущаго.

По мнѣнію принца Наполеонъ I былъ бойцомъ за право и правду, представителемъ народовъ, возставшихъ противъ средневѣкового феодализма; феодализмъ онъ уничтожаетъ во Франціи, корнуетъ въ Германіи и Итали и преслѣдуетъ даже въ Испаніи.

Такимъ образомъ, раскваливая великаго дядю, принцъ Наполеонъ очень рѣзко говорилъ объ Австріи и насмѣшливо отзывался о павской власти. Со стороны лица официального и вице-президента государственнаго совѣта, это была большая смѣлость, которая и не прошла даромъ.

Газета «L'Opinion Nationale», этотъ официальный органъ принца, раньше всѣхъ высказалъ свое мнѣніе объ его рѣчи. Г. Геру, редакторъ газеты и повѣренный принца, пришелъ въ неописанный восторгъ и сталъ восхищаться «чуднымъ тактомъ» оратора, его «остроуміемъ и удивительной способностью находить въ прошломъ тропи для настоящаго и надежды для будущаго.» Тутъ г. Геру былъ еще вѣренъ своей роли. Но этого ему показалось мало: въ своемъ жарочномъ подогрѣтомъ восторгѣ, онъ увлекся до того, что сталъ пророчить принцу какое-то великое будущее. Не смотря на то, что смыслъ этого пророчія была выражена довольно прозрачно, все-таки ее назвали такъ въ Тюльери. Надо знать, что императрица считаетъ принца опаснымъ соперникомъ своего семейства. Вотъ почему она недоверительно взглянула на газетныя строки восторженнаго редактора; сначала рѣшено было принять самыя рѣшительныя мѣры и прежде всего запретить «L'Opinion Nationale». Г. Геру сталъ унижаться и клясться всѣми богами въ своей невинности. Имъ пренебрегли, г. Геру оставили въ покоѣ, и вся тяжесть удара пала на принца Наполеона. Въ Moniteur'ѣ появилось письмо самого императора, энергически поставившаго на видъ принцу, что онъ употребилъ во зло оказанное ему довѣріе и унижилъ значеніе

великаго Наполеона тѣмъ, что рѣшился принести ему такіа идеи, которыя могутъ проповѣдывать только враги правительства. «Добавный вузень не долженъ забывать, что императоръ всегда твердо держивалъ въ своемъ семействѣ самую строгую дисциплину, и а сама намѣренъ поддержать ее.»

Письмо Наполеона III сильно поразило принца. Прежде всего онъ считъ за лучшее отказаться отъ президента Тайнаго Совѣта и коммисіи всемірной выставки; затѣмъ тотчасъ же хотѣлъ бѣжать отъ стыда въ Швейцарію, въ свое помѣстье Пранженъ. Но тутъ его ждало новое униженіе: императоръ не позволилъ ему выѣхать изъ Франціи на томъ основаніи, что членъ императорской фамилии не долженъ покидать свою страну въ отсутствіе государя. Къ довершенію всѣхъ несчастій, вскорѣ по возвращеніи императора изъ Алжира, принцъ Наполеонъ сваливается съ лошади на Елсейскихъ поляхъ; его поднимаютъ и отвозятъ въ Медонъ, куда и неопасна раненаго, но разбитаго и пристыженнаго.

Какъ смотрѣть на эту семейную ссору? Ей радуются одинаково, какъ преданные друзья имперіи, такъ и злѣйшіе ея враги.

Министерскій кризисъ въ Испаніи подаль поводъ къ различнымъ толкамъ о будущихъ планахъ правительства. Но въ чемъ будутъ состоять эти планы и есть ли они на самомъ дѣлѣ, — никто не высказывается прямо. Публика чего-то ждетъ и на что-то надѣется, и, какъ она ждетъ и надѣется такъ давно, что между дѣйствительными событиями и ея розовыми мечтами привыкли полагать необходимую пропасть. Было время, когда всего ожидали отъ клерикальной партіи, находившей себѣ опору въ религіозномъ настроеніи массы, но эта партія ознаменовала себя такими курьезными подвигами, что довѣрять ей далѣе никто не можетъ, не отгнавшись отъ послѣднихъ крупицъ здраваго смысла. Въ исторіи Испаніи, какъ и въ исторіи всей Западной Европы, не было такихъ чудесныхъ превращеній, чтобы католицизмъ сдѣлался истиннымъ прогрессивнаго движенія. Это отлично понималъ архіепископъ толедскій, совѣтующій своей братіи чаще обращаться къ прошлому, чѣмъ къ настоящему, брать примѣръ съ великихъ издѣланныхъ стараго католическаго принца (т. е. съ Доривмади и герцога Альбы) и не соблазняться нововведеніемъ новаго якова духа. Послѣ разочарованія въ клерикалахъ, начали воздавать на

дажды на кортесовъ; но кортесы, съ ихъ пассивнымъ ничего-недѣла-
ннѣмъ, также успѣли подорвать къ себѣ всякое довѣріе лучшей ча-
сти націи. Наконецъ, такъ называемые патріоты, на которыхъ раз-
считывали, какъ на каменную гору, сами пришли къ тому убѣжде-
нію, что лучше удалиться въ свои замки и оттуда наблюдать за
ходою дѣлъ; чѣмъ участвовать въ нихъ лично. Углубленные въ
свое прошедшее, они все еще видятъ Испанію, надъ которой солнце
не заходитъ, Испанію великую и богатую, воинственную и повсюду
господствующую, и знать не хотятъ, что отъ прежней Испаніи не
осталось и тѣни ея эфемернаго величія. Поэтому въ умахъ испан-
цевъ происходитъ необыкновенный хаосъ, а въ стремленіи пар-
тій — полнѣйшее отсутствіе ясно-опредѣленныхъ цѣлей. Всѣ они
точно сблизилъ съ своихъ рельсовъ и, очертя голову, продолжаютъ
путаться въ своихъ направленіяхъ. Составляются и разстраиваются
самыя странныя сочетанія, пробуютъ бессмысленныя смѣсы, и посреди
внутренняго кливленія и волненія открываются такія средства и от-
тѣлживанія, какихъ и не подозревали.

Собственно, такъ называемые *крайне* раздробляются на двѣ
категоріи: на либераловъ-мѣщанъ или весьма умѣренныхъ ре-
спубликанцевъ; другая категорія опять разлагается на республи-
канцевъ-радикаловъ и на демократовъ-соціалистовъ. Между ними
есть централизаторы и также децентрализаторы, одушевленные
весьма рѣзкимъ муниципальнымъ духомъ. Дѣйствительно, всѣ по-
мнятъ, что въ Испаніи областныя учрежденія были столь же живучи,
какъ въ Италіи, но разъ уничтоженная ихъ автономія не можетъ
быть восстановлена такъ легко, какъ думаютъ испанскіе демократы.

Крайняя партія такъ ничтожна по своему численному составу и
такъ слаба по своему вліянію на большинство общества, что по-
стоянно ищетъ поддержки то въ той, то въ другой политической
фракціи. Если нужно клерикаламъ увеличить свою силу противъ
умѣренныхъ либераловъ, то они примыкаютъ къ республиканцамъ;
точно также и умѣренные пользуются радикалами, чтобы успѣш-
нѣе противодействовать клерикальной партіи. Эта путаница до по-
то сбиваетъ съ толку, что, на первый взглядъ, можетъ показаться
совершенно непонятнымъ, гдѣ начинается испанскій либерализмъ
и гдѣ оканчивается обскурантизмъ. Впрочемъ, нельзя же замѣтить,
что крайняя партія увеличивается съ каждымъ днемъ, особенно съ
временемъ возстанія въ Лохѣ. Она находитъ величайшее подспорье
въ постоянномъ нарушеніи общаній, которыя даетъ каждый но-
вый министръ и которыя онъ забываетъ на другой же день.
Конституціоналисты, подъ именемъ которыхъ мы разумѣемъ кру-

ную часть прогрессивной партіи, знатную дробь либеральнаго общества, которая съ каждымъ днемъ отдѣляется отъ партіи О'Доналла съ товарищами, да еще нѣкоторое число умѣренныхъ республиканцевъ въ настоящее время составляютъ сильнѣйшую партію. Во всякомъ случаѣ, они имѣютъ программю английскую конституцію, кандидатомъ — португальскаго короля; они имѣютъ отрезную территоріальную выгоду — присоединеніе къ Испаніи португальскихъ провинцій; они имѣютъ, кромѣ того, внѣшнюю поддержку, англійскій кабинетъ, которому всегда хочется отомстить за пресловутые испанскіе браки, за маленькое плутовство, которыми министръ Гизо не мало гордился. Въ качествѣ Кобурга, португальскій король приходится кузеномъ англійской королевы; значитъ, онъ сталъ бы покровительствовать ввозу британскихъ произведеній: бумажныхъ издѣлій и конституціонализма. Говорятъ даже, что лордъ Кларендонъ, неутомимый агентъ лорда Пальмерстона противъ Франціи, обѣщалъ своему другу, Олоагѣ, подарить Гибралтаръ, какъ изъясненіе радости при восшествіи на престолъ короля португальскаго. Посредствомъ Гибралтара, Испанія заключила бы антифранцузскій союзъ. Пальмерстоновская политика состояла бы въ томъ, чтобъ возвеличить Италію и возвеличить Испанію для того, чтобъ унизить на столько же Францію.

Какъ бы то ни было, съ этимъ послѣднимъ предположеніемъ умѣренныя либералы имѣютъ великолѣпное положеніе; всѣ шансы на ихъ сторонѣ, если бы переворотъ произошелъ въ настоящую минуту; тогда какъ всѣ шансы были бы на сторонѣ республиканцевъ, если бы движеніе случилось позже, и особенно послѣ неслыханной дѣремы во Франціи.

Рѣшительно партіи согласны только на счетъ одного пункта: «Ничего не сдѣлать съ правительствомъ королевы», котораго никто уже не жалеетъ. Но какъ партіи не соглашаются ни въ какомъ другомъ пунктѣ, то правительство пользуется ихъ взаимнымъ противодѣйствіемъ и выигрываетъ въ своей твердости на счетъ слабости партій. Чтобы окончательно уничтожить оппозицію, ему стоитъ только объявить программю либераловъ, вопреки либераламъ, и произвести самому coup d'état. Но такія вещи легче говорятся, чѣмъ дѣлаются. Ослѣпленіе, нерѣшительность, ложныя мѣры предшествуютъ великимъ реформамъ. Въмѣсто того, чтобъ прибѣгнуть къ великимъ средствамъ, къ блистательнымъ ударамъ, Нарваецъ заставлялъ обходить страну подвижными колоннами солдатъ и рожать жалобныя мовы. Потомъ онъ послалъ тайныя инструкціи губернаторамъ провинцій, которые сѣвшили сообщить ихъ вождямъ либераловъ.

Послѣ этого наступилъ несчастный случай съ Баскетаромъ, по поводу котораго Мадридъ облился кровью. То, что было только простой демонстраціей, Нарваецъ принялъ за бунтъ, и онъ думалъ, что бунтъ очень скоро превратится въ революцію. И тогда онъ хотѣлъ нанести великій ударъ. Какое же было послѣдствіе? Послѣдствіе было далеко неблагоприятно для министерства: его стали гораздо болѣе ненавидѣть и гораздо менѣе бояться. Между тѣмъ, народъ слѣдался, повидимому, спокойнѣе. Онъ хотѣлъ дать урокъ Нарвацу, а выходитъ, что самъ получилъ его. Онъ знаетъ отлично, что не слѣдуетъ играть манифестациями. Опытъ послужилъ ему въ пользу. Въ то время, какъ онъ жилакъ и свисталъ, ему отпѣвали ружейными выстрѣлами. Теперь онъ присмирѣлъ и молчитъ, потому что парализованъ Нарваецъ смѣненъ О'Доннелемъ.

Нельзя сказать, не въ этихъ частыхъ ошибкахъ, какъ бы онъ грубъ ни былъ, заключалась причина паденія Нарваца. Вся его политика была вопиющимъ противорѣчіемъ его первоначальной программы, которую онъ представилъ при вступленіи его въ управленіе. Никто тамъ много не общалъ и едва ли кто такъ мало вспоминалъ. Онъ общалъ же поддаваться вліянію клерикальной партіи, а потому разсчитывалъ на нее болѣе, чѣмъ на всякую другую; онъ прямо и рѣзко высказывался противъ исключительной военной системы О'Доннеля, а потомъ держался этой системы, какъ единственному средству. Но надъ вонецъ онъ пришелъ къ тому, что не довѣрялъ ни духовенству, ни арміи. Не довѣрялъ онъ арміи потому, что никогда не могъ приучить ее къ безусловному повиновенію, чего никогда не требовалъ даже О'Доннель. Извѣстно, что въ испанской арміи, времѣ дисциплины, сохранились въ почетѣ либеральныя традиціи съ времени войны за независимость противъ Наполеона Бонапарта, той войны, которая рѣшила современную Испанію и къ которой всегда нужно возвращаться, когда желаютъ дать себѣ отчетъ въ настоящемъ положеніи вещей. И въ продолженіи десятилѣтней кровавой междоусобной войны между *картистами* и *христианосами*, арміи съ обѣихъ сторонъ состояли, болѣею частью, изъ волонтеровъ и гверильясовъ; а съ тайными элементами не созданы арміи преторіанскихъ ратниковъ. Эспартеро въ десять разъ болѣе тщеславный, болѣе наивный, болѣе неосостоятельный, нежели бѣдный Лафайетъ, на своемъ бѣломъ конѣ, былъ крѣпковъ солдатъ, потому что, соблюдая строгую дисциплину, онъ никогда не былъ простымъ солдатомъ; онъ садился передъ первымъ солдатскимъ ящикомъ, которую встрѣчалъ, погружалъ свою лошадь въ ту же чашу, и сужалъ и занималъ табакъ, играя въ карты съ своимъ слугою и со всѣмъ обществомъ, которое понадалось ему на

дорогѣ къ караулнѣ; онъ боинлся и влялся точно гренадеръ и хваталъ за талю маринтантовъ и старыхъ, и молодыхъ. Это не было съ его стороны разсчетомъ высшей политики; нѣтъ, это былъ его инстинктъ, его натура, его темпераментъ, — это его забавляло; онъ былъ просто первымъ солдатомъ Испаніи, но никогда не согласился бы быть первымъ слугою маршала Нарваца.

Надо также помнить, что послѣдняя революція въ Мадридѣ была чисто-военная и что она восторжествовала. О'Доннель и генералы викальваристы сдѣлали свое движеніе съ либеральною программю, которой они, разумѣется, нѣмѣнили, но все-таки армія востала за мнимый либерализмъ, и потому еще, что каждаго солдата обѣщали отпустить домой двумя годами ранѣе; ибо испанецъ, который, можетъ быть, есть первый солдатъ въ свѣтѣ, неокотно дѣлается солдатомъ. Мадридская армія можетъ быть набрана завтра же по голосу генерала или каковаго нибудь полковника, который будетъ кричать ей: «Да здравствуетъ свобода! Два года службы мнѣ!» Вотъ почему Нарваецъ сильно ошибался, разсчитывая на безусловное содѣйствіе арміи, которую онъ командовалъ.

Эта старая лошадь Эспартеро, какъ называютъ его фамиллярно; ожидаетъ быть въ пятый или въ шестой разъ спасителемъ отечества. Извѣстно, какъ удалось ему это ремесло спасителя и какую признательность ему изъявили. Но Эспартеро ужъ такъ созданъ; онъ солдатъ, конституціоналистъ и изабеллистъ совершенно какъ гнѣдой конь: нѣкто и онъ самъ первый никогда не зналъ, почему. Твердо ожидая, что нація назоветъ его еще разъ диктаторомъ, герцогъ *нобды* рѣшительно отказалъ въ своемъ содѣйствіи Нарвацу и сталъ указывать за своими винопродливцами въ Логронью, не заботясь о политическихъ дѣлахъ. «Когда она уже ничего не сможетъ сдѣлать, сказала онъ, тогда привоветъ мама, чтобъ избавить ее отъ кутерьмы, и я приду.»

Но особенной кутерьмы пока не воспослѣдовало, и старій, уже знаменитый читателемъ «Русскаго Слова» О'Доннель сталъ въ головѣ министерства, расклянчившись очень вѣжливо съ Нарвацомъ.

Великій вождь *союза*, именуемаго *либеральными*, бывшій софтинъ королевы, О'Доннель, не имѣя никогда принциповъ или, спорѣе, извѣдавъ ихъ одинъ за другимъ, не желаетъ ничего лучше, какъ снова начать игру. Впрочемъ, онъ доказалъ въ этомъ послѣднемъ случаѣ честность, которую исторія должна вѣстать ему въ счетъ. Нѣсколько полковниковъ ириготовляютъ реформу; они выдвигаютъ О'Доннеля, который, повидимому, не прочь отъ того. Тогда начинаютъ съ нимъ объясняться. «Господа, сказала онъ:

имъ откровенно: если королева слишкомъ замедлитъ призвать меня, тогда я стану съ вами и буду помогать вамъ. Но если королева призветъ меня во время, тогда я стану страдать въ васъ, господа либералы. Я не могу ни въ чему обязаться; все зависитъ отъ минуты и обстоятельствъ.»

Судя по прежней дѣятельности О'Доннела, мы можемъ почти на вѣрное предвидѣть, что *либеральная униа*, обѣщавшая въ лицѣ президента призвать къ участию въ управленіи представителей всѣхъ партій, останется на одномъ обѣщаніи. Такъ, по крайней мѣрѣ, всегда было съ О'Доннелемъ. Произнесенная имъ рѣчь, какъ выраженіе его profession de foi, если только у г. О'Даннела найдется за душой какое нибудь убѣжденіе, резюмируетъ будущую дѣятельность министерства въ трехъ главныхъ реформахъ: 1) въ преобразованіи закона о прессѣ; 2) въ расширеніи избирательныхъ правъ и 3) въ отчужденіи духовныхъ имуществъ. Увидимъ, какъ все это осуществится на дѣлѣ; но намъ кажется страннымъ, что новое министерство даже не занкнулось о финансовомъ положеніи страны, а между тѣмъ, финансовый кризисъ усиливается съ каждымъ днемъ. Королева лично задолжала болѣе 50 милліоновъ франковъ. Въ Мадридѣ еще можно найти звонкую монету, потерявъ 3% на банковыхъ билетахъ, но въ нѣсколькихъ верстахъ отъ столицы потерю нужно считать въ 10, 12 и 15%. Далѣе билеты не принимаются уже ни за какую цѣну. Вексельный курсъ на иностранные города страшно упалъ и причиняетъ огромныя потери; министръ пустилъ въ продажу закладныя листы на 300 милліоновъ реаловъ, но явилось охотниковъ только на 54 милліона, и то капиталисты, которые были должны казнѣ и которые, такимъ образомъ, уплатили свой долгъ на великолѣпныхъ условіяхъ. Стало быть, операція уравнивается почти нулемъ въ пользу правительства. Г. Александръ Кастро не считаетъ себя погибшимъ и выпускаетъ на 600 милліоновъ реаловъ 3% ренты внутренняго займа. Предложенный интересъ былъ около 12 1/2%, принимая въ расчетъ четыре истекшіе мѣсяца для закладныхъ листовъ, и, однакожь, онъ не соблазнилъ капиталистовъ, которые не имѣли счетовъ съ казною. Не думаютъ, чтобы 600 милліоновъ 3% ренты были разобраны свыше 40. По этому расчету, главная книга государственнаго долга должна бы обремениться новою суммою въ 1500 милліоновъ реаловъ номинальной цѣнности. Сомнительно, чтобы на нихъ подписались. Но то, что намъ рассказывали о продѣлкахъ, какія готовились на этотъ случай, намъ показалось слишкомъ невѣроятнымъ и мы ожидаемъ самаго событія и достовѣрныхъ по-

дробностей.— «Нить куда без добра», говорит пословица. Осужденіе казны имѣетъ ту выгоду для правительства; что ни одна партія не заботится принять наслѣдство пустого кошелка и лавины долговъ.

Невозможно ничего предвидѣть, ничего угадать, ни на нѣсколько часовъ, ни за нѣсколько мѣсяцевъ. Но каждый испанецъ все чего-то ждетъ и на что-то надѣется.

И. Дорранъ.

ДОМАШНЯЯ ЛѢТОПИСЬ.

Начало всѣхъ экономическихъ началъ — мѣтъ и ѣтъ. — Россія — страна хлѣбная, и потому бѣдная. — Значеніе нашего сырья на европейскомъ рынкѣ. — Кто на кого работаетъ — мы на иностранцевъ или иностранцы на насъ? — Зависимость нашего экономическаго положенія отъ европейской промышленности. — Вліяніе этой зависимости на матеріальное благосостояніе русскаго сельскаго населенія. — Предметы иностраннаго ввоза. — Обмѣнъ хлѣба на хмѣль и рыбы на рыбу. — Что мы даемъ Турціи и что получаемъ отъ нея? — Ремесленный трудъ въ Россіи; мѣрило его — лапти. — Пріятное развлеченіе ипотечными банками. — Разсужденія г. Григорія Бланка о томъ, куда дѣвались наши деньги. — Утопія не Томаса Мора, а г. Павла Зашибалова,

I.

Со времени освобожденія крестьянъ, для всѣхъ русскихъ метафизиковъ, идеалистовъ, моралистовъ, филантроповъ, юристовъ и вообще всѣхъ мыслителей, отыскивающихъ причины бытовыхъ явленій въ жизни народовъ гдѣ нибудь очень высоко надъ землею, или гдѣ нибудь очень глубоко подъ землею, явилась возможность убѣдиться въ ошибочности своихъ соображеній и придти къ заключенію, что, не смотря на всю сложность житейскихъ отношеній и запутанность обще-

ственныхъ вопросовъ, начало всѣхъ экономическихъ началъ лежитъ въ очень простой физиологической причинѣ, — что каждому человѣку нужно пить и ѣсть, и не только пить и ѣсть вообще, но непремѣнно сытно и вкусно. Далѣе, что для многообразныхъ потребностей организма, неполное удовлетвореніе которыхъ дѣлаетъ человѣка недовольнымъ, т. е. болѣе или менѣе несчастнымъ, нужно еще хорошее поѣщеніе, хорошая одежда и многое другое, лишеніе чего — если лишеніе это обнимаетъ значительную массу народа, — обнаруживается матеріальной и нравственной слабостью всей страны. Наконецъ, тѣ же мыслители могли бы рѣшиться, что не только пить и ѣсть, и непремѣнно хорошо — свойственное всѣмъ людямъ вообще, а не однимъ такъ называемымъ образованнымъ или высшимъ сословіямъ, — составляетъ ту непреборимую силу вещей, которая приводитъ наредъ непремѣнно къ извѣстному состоянию экономическихъ отношеній.

Что только такой выводъ — я именно такой, а не какой-либо другой, — возможенъ изъ всѣхъ существовавшихъ и существующихъ фактовъ, читатель убѣдится легко, если только захочетъ обратить вниманіе и взглянетъ на нихъ разсудительнымъ, спокойнымъ взглядомъ.

II.

Если читатель, привыкшій къ хорошимъ вещамъ и удобствамъ жизни, замѣтитъ, что шампанское и рейнвейнъ гораздо вкуснѣе сидра, что кресло Тура удобнѣе табурета или скамейки, сколоченныхъ плотникомъ, что обѣдъ Дюссо здоровѣе и пріятнѣе трапезы, изготовленной деревенской стряпухой, то мнѣ останется только склониться предъ всеокрушительностью такой аргументаціи и отвѣчать читателю, что его разужденіе безусловно правильно. Но если читатель станетъ утверждать, что болышимъ или меньшимъ потребленіемъ всѣхъ этихъ превосходныхъ вещей опредѣляется степень матеріальной благосостоянія страны, то въ подтвержденіе своего мнѣнія ему придется представлять доказательства, потому что ничто не можетъ служить такимъ ошибочнымъ мѣриломъ бѣдности или богатства народа, какъ внѣшняя жизнь болышихъ городовъ и привычки высшихъ и образованныхъ сословій. Подъ влияніемъ подобной идеей мы тогда живали со времени императрицы Екатерины II, оттого-то

чувствовали великое смущеніе, когда древо, производившее золотыя яблоки, оказалось внезапно бесплоднымъ и соловьи, питавшіе наше воображеніе волшебнымъ пѣніемъ, умерли голодной смертію. Вступивъ теперь въ періодъ дѣйствительности и здравыхъ размышленій, мы высказали столько же противоположныхъ мнѣній, сколько существуетъ у насъ чловѣкъ, считающихъ себя призванными заявлять публично свои соображенія, и до сихъ поръ еще не можемъ придти въ себя отъ внезапности саронга, противнаго нашему экономическому глупоумію смертію соловья и бесплодностью сада съ золотыми яблоками. Между тѣмъ, дѣло случилось просто, и мы никогда не были богаче того, какъ теперь.

Настоящее обдѣленіе страны не было бы такъ чувствительно, если бы Россія представляла государство совершенно изолированное или была бы окружена равносильными сосѣдями. Намъ же подавляло именно то, что, вѣсть съ тѣмъ, и спасало: изъ одной чаши пили мы и ядъ, и противоядіе.

Потому что еще до Рюрика восточные славяне успѣли уже пережить первый періодъ экономическаго развитія и въ парода папушескаго сдѣлались земледѣльцами; потому еще, что въ степяхъ, лѣсахъ и болотахъ, куда попрятались славяне, не было не только недостатка, но существовало великое изобиліе; потому, наконецъ, что по вѣдшимъ историческимъ вліяніямъ и по скудости природы уровень матеріальныхъ потребностей народа держался постоянно въ тѣсныхъ границахъ, — Россія зарекомендовала себя страной земледѣльской и дѣла старая разигрывала роль житницы Европы. Добродушные люди, даже и въ новѣйшія времена, думали, что это очень хорошо; что стоить намъ только не дать Европѣ хлѣба — и та, бѣдная, умретъ голодной смертію; но тѣ же добродушные люди никакъ не понимали, значить за обѣдомъ одинъ хлѣбъ еще не богъ-вѣсть какая роскошь, и что, если производить только хлѣбъ и больше ничего, можно имѣть куда работать житницы и, въ то же время, ходить нагишомъ, — что у насъ, при нашемъ климатѣ, не совсѣмъ удобно. Такимъ образомъ, Россія, выступивъ на арену исторической жизни страной исключительно земледѣльской, т. е. производящей разныхъ видовъ хлѣбъ и сыръ; какъ, напримеръ, кому, медъ, щетину, пеньку; поташъ, магнетитъ, углями и т. д.

Когда Матрѣево устроила въ русской общественной жизни то, что

своими писателями называютъ обыкновенно переломомъ, то намъ потре-

бывалось много множество вещей, которых мы прежде не знали, безъ которыхъ прежде обходились и которыхъ прежде не производили. При этомъ произошло слѣдующее любопытное экономическое явленіе. Пусть читатель вообразить себѣ огромную торговую площадь, которая въ нашихъ примѣрѣхъ будетъ изобрѣжать всемірный рынокъ, а на площади разныхъ продавцовъ—англичанъ, французовъ, американцевъ, нѣмцевъ, русскихъ. Каждый изъ этихъ народовъ привезъ то, что онъ производитъ, чтобы вымѣнять на то, чего у него нѣтъ и чего онъ сдѣлать не въ состояніи. Англичанинъ привезъ разныя стальные издѣлія: ножи, иглы, всякіе инструменты и машины; шерстяные товары: чулки, платки, сукна; привезъ кортесъ, эль, портвейнъ; своихъ отличныхъ лошадей, рогатый скотъ и т. д. Французъ—шелковыя матеріи, обои, шампанское, бордосскія и бургонскія вина, бронзу, разныя изысканія желочи для украшенія этажерокъ, помаду, духи и т. д. Нѣмецъ—всего понемногу, т. е. товаръ похожій и на англійскій, и на французскій, но больше всего табаку, сигаръ и пива. Америкаецъ—сахару, кофе, всевозможныхъ пряностей и всякихъ рѣдкостей, непродизвожденных Европой, а также и мануфактурные товары. Русскій же загромодилъ весь рынокъ, точно на базарѣ въ какомъ нибудь уѣздномъ городѣ, хлѣбомъ всякихъ сортовъ, льнянымъ и коноплянымъ сѣменемъ, скотенинъ салома, сырыми кожами, костью, овечьей шерстью, щетиной, ноташомъ, бревнами, досками, дегтемъ и смолой. Конечно, все это предметы очень почтенныя, но занимающіе слишкомъ много мѣста и издающіе неприятный запахъ. Такъ какъ производители съѣхались на рынокъ не для пріятныхъ разговоровъ, а для дѣла, то, конечно, каждый пріобрѣтаетъ началъ то, что ему нужно, и уступать своему сосѣду то, что самому не нужно. При этомъ русскій поступилъ слѣдующимъ образомъ. Онъ плѣнился превосходными издѣліями французовъ и англичанъ, благоуханіемъ помады и духовъ, вкусомъ шампанскаго и коньяку, нѣмецкими сигарами, шелковыми и шерстяными издѣліями и, заявивъ иностранцамъ желаніе пріобрѣсти все, что его плѣнило, предложилъ въ замѣнъ того свое рѣзко-пахнущее сырье! Иностранцы, конечно, тотчасъ же сообразили, что русскій человекъ пріобрѣтаетъ своимъ умомъ, и, опорожнивъ съ величайшею любезностью прокладный транспортъ русскихъ издѣлій, загромождавшій всю торговую площадь, насыпали въ русскія телеги вешного косяка табаку, дуложили нѣсколько бутылокъ шампанскаго и бургонскаго, а нѣсколько

твороговъ хлопчатой бумаги, стальныхъ игловокъ и ремесленныхъ инструментовъ, нѣсколько связокъ шелковыхъ и шерстяныхъ матерій, дали въ придачу апельсиновъ, лимоновъ, сливъ, персиковъ и абрикосовъ и затѣмъ, пожелавъ, чтобы все это было выпито и съѣдено какъ можно поскорѣе, распрощались до слѣдующаго торговаго дня. Русскій транспортъ шелъ назадъ скоро и весело. Весело потому, что онъ приобрулъ пріятныя обновки и предметы весьма улачительнаго свойства, украшающіе жизнь; а скоро потому, что вмѣсто тысячи телѣгъ, путешествовавшихъ съ страшнымъ скрипомъ и увязавшихъ по ступицу въ грязь, онъ уложилъ пріятный иностранный товаръ всего на десяти телѣгахъ; а девятьсотъ-девяносто или порожнякамъ и русскіе производители, лежа въ нихъ на спинѣ и покуривая гаванскія сигары, размышляли о томъ, что какіе это славные люди иностранцы, какая славная выдумка курить сигары, какое трудное дѣло сѣять хлѣбъ и какая славная штука торговля.— Впрочемъ, ради исторической истины, нужно прибавить, что курилъ гаванскія сигары вовсе не тотъ русскій человѣкъ, который ѣздилъ съ хлѣбомъ на рынокъ.—Иностранцы тоже ѣхали весело домой, да только думали не то. Они соображали, какъ это они поѣдятъ вкусно русскій хлѣбъ и, накушавшись его, примутся работать для насъ разныя разности; какъ они изъ нашего желѣза надѣлаютъ намъ игловокъ, ножницъ, ножей, разныхъ домовыхъ приборовъ, инструментовъ и машинъ; какъ они изъ нашего льна наткутъ намъ полотна, нашьютъ рубашекъ, изъ пеньки навьютъ капатовъ, изъ шерсти приготовятъ всякихъ суконъ и шерстяныхъ матерій, изъ щетины—половыхъ щетокъ и кистей; сколько въ придачу ко всѣмъ этимъ предметамъ, болѣе или менѣе первой необходимости, они прибавятъ полады, духовъ, сигаръ, шампанскаго, апельсиновъ и персиковъ; какъ все это будетъ пріятно щекотать зрѣніе, вкусъ и обоняніе русскаго въ слѣдующій торговый день, и какъ великодушный русскій человѣкъ купитъ всего этого и опорожнитъ опять свои карманы, чтобы набить карманы иностранцевъ.—И въ слѣдующій торговый день случилось все именно такъ, какъ сообразилъ иностранецъ. Русскій обозъ опять загромождалъ всю торговую площадь и затѣмъ девятьсотъ-девяносто телѣгъ опять возвращались порожнякамъ и изъ каждой тинулась струйка дыма гаванской сигары и слышался довольный смѣхъ наслаждающагося человѣка. И такія дѣла повторялись каждый годъ въ теченіе полутора ста лѣтъ.

Кто же на кого работалъ—мы на иностранцевъ или они на насъ?—
 Повидимому, все равно, если вы шли мнѣ сапоги, а я вамъ ка-
 кую нибудь равноцѣнную часть одежды; вы мнѣ дали хлѣбъ, а я
 вамъ шляпу или что нибудь другое нужное. Но не все равно, если
 я, не имѣя сапоговъ, покупаю у васъ духи, не имѣя порядочной ру-
 башки, покупаю банку помады, или, не имѣя порядочнаго обѣда,
 покупаю апельсины и лапоть. А по отношенію къ иностранцамъ, мы,
 со времени знакомства съ ихъ цивилизаціей, поступали именно такъ.
 —Я знаю, что вы, читатель, — джентльменъ, что вамъ нельзя обойтись
 безъ французскихъ перчатокъ и духовъ, безъ платья, сшитаго у Мо-
 реса или у Шармера, и иногда безъ обѣда у Дюссо. Обѣдайте на
 здоровье, у кого вы хотите, и помадитесь французской помадой,
 сколько вамъ угодно — хотя помадиться, между нами сказать,
 больше неопытность, чѣмъ джентльменство. Но поступая такимъ
 образомъ, вы, во первыхъ, не думайте, что поступаете безу-
 словно хорошо во всѣхъ случаяхъ и, покупая шляпу панамъ въ
 200 цѣлковыхъ, поощряете шляпное производство или даёте насущ-
 ный хлѣбъ пролетарію (который за нее получилъ всего 3 фр. или
 75 коп., а остальные 199 р. 25 к. разошлись по другимъ рукавъ,
 непривавшимъ шляпъ ни на волосъ достоинства); а во-вторыхъ,
 не полагайте, что я въ настоящей статьѣ думаю нападать на
 ваши джентльменскія привычки и укорять васъ за французскую по-
 маду. То, что мы, люди теперешняго времени, дѣлаемъ, — мы дѣлаемъ
 потому, что еще изстари завелась машина жизни такъ, что мы и не
 можемъ поступать иначе. Не сегодня, стали слагаться наши обычаи,
 привычки и общественныя условія и не сегодня и не завтра удастся
 намъ ихъ измѣнить. Да и дѣло не въ этомъ, — по крайней мѣрѣ, въ
 настоящій моментъ, — а въ томъ, чтобы умѣть относиться критически
 къ своему прошлому и настоящему и зрѣть мыслью для лучшаго
 будущаго. Благополучіе сваливается людямъ не съ неба, а создается
 ими самими. Оно такой же продуктъ человѣческой мысли, какъ са-
 поги—человѣческихъ рукъ. Поэтому, пока люди не выучатся думать
 хорошо, они не устроятъ хорошо своей жизни; а для насъ, русскихъ,
 только въ томъ и вся задача, чтобы русская заунывная пѣсня пре-
 вратилась въ пѣсню веселую.

И такъ, по отношенію къ иностранцамъ, мы изображали просто
 обширную сельскую мѣстность, производившую почти исключительно
 сырыя сельскія произведенія. Иностранцы же, по отношенію къ намъ,

необразованнѣйшій и фабричный городъ, приготовившій для насъ изъ нашего же сырья все для насъ необходимое. Не можетъ ли село быть такъ богато, какъ городъ? Можетъ ли изъ селъ развиться матеріальное благосостояніе и жизнь дѣйствительно до той высоты и разнообразія, какъ въ городѣ? При существовавшихъ до сихъ поръ экономическихъ принципахъ, — конечно, нѣтъ. И потому вѣроятно, что исключительно-земледѣльческая волостя, уцѣлющая только нечъ хлѣба, и сдирать кожу съ быковъ, будетъ находиться всегда въ нравственной и экономической зависимости отъ города, т. е. отъ мѣстности, населенной людьми болѣе развитыми, необрѣтательными и предприимчивыми. Кроме того, село будетъ постоянно выплачивать городу премию за его искусство и способности, по той же простой причинѣ, по которой Викторъ Гюго за часъ своего литературнаго труда получаетъ болѣе, чѣмъ за то же самое время сельскій писарь. Совершенно такую же премию мы выплачивали и иностранцамъ за ихъ хлѣбъ. Приобрѣтая золотую цѣпочку для часовъ или бутылку шампанскаго, мы отдавали за нее не только то количество сырья, которое вознаграждало мастера за его трудъ, но еще добавляли нѣсколько пудовъ муки за то, что не умѣли приготовить этихъ вещей сами. Да и въ расчетѣ вознагражденія за трудъ отношеніе складось тоже въ пользу иностранцевъ, потому что ихъ трудъ былъ всегда успѣшнѣе нашего; между тѣмъ, на установленіе цѣнъ имѣеть до сихъ поръ влияние не количество единицъ труда, потраченнаго на произведеніе известнаго предмета, а просто мѣсовая цѣнность, устанавливающаяся спросомъ и предложениемъ. Такимъ образомъ, французъ, привезя къ намъ дюцкаго бархату, бралъ за него не столько хлѣба, сколько въ то же время производилъ русскій земледѣлецъ, а сколько могъ бы произвести земледѣлецъ французскій, при таковыхъ условіяхъ успѣшности болѣе энергическаго труда и при таковыхъ климатическихъ и почвенныхъ условіяхъ. Итальянецъ, привезя, хоть бы въ Великій Устюгъ, десятокъ апельсинъ, вазалъ бы за него, по меньшей мѣрѣ, три пуда муки. А на произведеніе трехъ пудовъ муки нужно побольше потерн сѣть, чѣмъ на пріятную прогулку въ апельсиновую рощу, для сбора въ выросшаго тамъ по волѣ болѣе десятка апельсиновъ. Вотъ въ какихъ экономическихъ отношеніяхъ къ Западу мы проживали цѣлыя столѣтія. За десять единицъ труда западнаго человѣка мы отдавали постоянно, по меньшей мѣрѣ, пятнадцать, и когда, наконецъ, результаты такой экономіи,

часной системы привели насъ къ весьма ощутительной бѣдности, мы начали недоумѣвать, отчего бы случился такой казусъ, когда до сихъ поръ мы жили такъ хорошо и богато.

Эта неравномѣрность обмѣна вліяла особенно убыточно на наше сельское населеніе и держала его постоянно на минимумѣ матеріальнаго благосостоянія. Какъ размѣръ подневной платы зависитъ исключительно оттого, сколько имѣется въ наличности подневниковъ, неимѣющихъ дѣла, а между тѣмъ желающихъ покушать, и оттого, какими самыми дешевыми и дурными вещами можетъ быть услажденъ ихъ аппетитъ, такъ точно и нашъ земледѣлецъ изъ всего, что онъ производилъ, оставлялъ себѣ самую незначительную часть, хотя бы только просуществовать какъ нибудь; а вѣсѣмъ все остальное отдавалъ для обмѣна на иностранные товары. Если бы въ этомъ обмѣнѣ, не смотря на всю его невыгодность, иностранныя издѣлія, приготовленныя изъ русскихъ произведеній, шли бы на удовлетвореніе потребностей сельскаго населенія или вымѣнивались бы исключительно на предметы производительнаго характера, то подавляющее вліяніе иностранцевъ и наша бѣдность были бы все-таки меньше. Но, съ одной стороны, земледѣлецъ, отдавая всѣ излишки, держался на минимумѣ потребностей; а съ другой, значительная часть предметовъ, ввозившихся къ намъ иностранцами, потреблялась почти вся такъ называемыми образованными сословіями, что вовсе не способствовало возвышенію матеріальнаго благосостоянія народа.

Читателю будетъ это понятнѣе, если онъ обратитъ вниманіе на нашъ ввозъ и вывозъ. Такъ какъ я до сихъ поръ говорилъ постоянно о томъ, что было, а не о томъ, что есть, то мнѣ слѣдовало бы и привести цифры прежняго ввоза и вывоза. Но цифръ этихъ, во-первыхъ, у меня нѣтъ; а во-вторыхъ, для теоретическаго разъясненія вопроса, о которомъ я говорю, рѣшительно все равно, какого года взять цифры. По «Видамъ внѣшней торговли» за 1862 годъ оказывается, что въ этомъ году было ввезено къ намъ изъ западной Европы товаровъ на 125,233,163 руб. Въ этомъ числѣ:

Чаю на 9,406,000 р. Напитковъ на 9,122,000 р. Сахару на 6,149,000 р. Фруктовъ и овощей на 4,860,000 р. Рыбы на 4,223,000 р. Кофею на 3,898,000 р. Табаку на 3,087,000 р. Рису на 922,000 р. Пряностей на 539,000 р. Сыру на 440,000 р. Всего на 42,656,000 руб. Изъ всего этого земледѣльцы усладили свой вкусъ только чайкомъ въ прикуску, да и то не вездѣ; что же

касается до всего остального, то оно потребилось болѣе достаточнымъ городскимъ населеніемъ. Хорошо, если все это пошло на возвышеніе экономической производительности достаточныхъ людей, т. е., что наши достаточные люди, выннвъ на 9 милліоновъ разныхъ папировъ и закусивъ на 440,000 р. сыру и на 4 милліона селедокъ, и затѣмъ выкуривъ на 3,087,000 р. табаку, ощутили въ себѣ такое приращеніе силы, что, въ замѣну потребленнаго, произвели немедленно на 40 милліоновъ предметовъ общепользовныхъ и выгодныхъ. Но, къ сожалѣнію, у меня подъ руками нѣтъ никакихъ источниковъ, по которымъ бы можно заключить, на сколько иностранное вино и гавайскія сигары способствовали возвышенію полезной экономической дѣятельности нашихъ купцовъ, мануфактуристовъ, заводчиковъ и другихъ капиталистовъ.

Далѣе, въ тѣхъ же «Видовъ» можно усмотрѣть, что издѣлій фабричныхъ, заводскихъ и ремесленныхъ было привезено къ намъ изъ заграничія на 23,333,194 р. Какія же это издѣлія? А тутъ было вотъ что: благовонныя и косметическія вещества, бумага писчая, типографская, посеребренная, позолоченая и т. д., волосяныя матеріи и трикотажныя, спермацетовыя свѣчи, разныя издѣлія изъ гумми-эластики и гутта-перчи, всякихъ сортовъ мебель, алаты, скрипки,violonчелы, басы, флейты и другіе музыкальные инструменты, инструменты математическіе и физическіе, разная обувь, латинскія перчатки, японская обрва, бронзовыя вещи и украшенія, косы, серпы, пилы, разныя ремесленные инструменты, перья страусовыя, жоробу и райскія птицы въ чучелахъ (последнихъ трехъ пріятныхъ предметовъ было привезено въ 1863 г. 58 пудовъ 37 фунтовъ, на 27,372 р.), постели и подушки, зеркала и зеркальныя стекла, матерія шерстяныя, хлопковыя и бумажныя, пелеринки, колоретки, манишки мужскія и женскія, льняное и пеньковое полотно, байка, сукно, чулки, кошачки, фуфайки и разныя другія вязаныя издѣлія; кружева, тюль, женскія головныя уборы и мужскія шляпы; наконецъ, посуда, часы и разныя золотыя вещи. Все это шло исключительно на удовлетвореніе потребностей городскихъ сословій, а сельскому жителю выпадала только одна выгода, что если какой нибудь вѣтеръ заносилъ его случайно въ городъ, то онъ, глядя, съ разинутымъ отъ удивленія ртомъ, въ окна лавокъ и магазиновъ, недоумѣвалъ, на какую потребу служатъ перья жоробу и чучелы райскихъ птицъ, и съ не-

меньшинств удивленію смѣрять на разныя головные уборы и разныя блестящія бадѣлушки изъ бронзы и драгоценныя металловъ.

Въ тѣхъ же «Видяхъ» можно усмотрѣть еще далѣе: материалы сырые, полуобработанные для разныхъ промышленности. Подъ ними подразумѣваются: бумага хлопчатая сирецъ, бумага пряденая, дерево для столярной и токарной работы, клѣй, разныя красильныя вещества, крахмалъ, чугуны и разныхъ сортовъ жѣлѣзо, лимонный сокъ, химическіе материалы, ворсальныя шипы; всего на 28,399,786 р. Изъ этихъ предметовъ, если и не большая часть, то все-таки хотя нѣкоторая, въ болѣе или менѣе переработанномъ видѣ, проникнетъ въ сельскія мѣстности, а львиная часть доставлена опять городскому населенію.

Такимъ образомъ, изъ 125 милліоновъ, заплаченныхъ Россіей иностранцамъ, за вещи и товары, ввезенныя къ намъ изъ за-границы, земледѣльческому населенію достанется получать серны, косы, да сѣтки и серпанки, приготовленные изъ за-граничнаго сырья на московскихъ фабрикахъ. Между тѣмъ, трудъ земледѣльца былъ основнымъ трудомъ, создавшимъ возможность мѣны; потому что онъ доставилъ 7 милліоновъ четвертой хлѣба, 65 тысячъ невыдѣланныхъ кожъ, 4 м. пудовъ льну, 2 м. пудовъ сала, 3 м. пудовъ пеньки, 1 $\frac{1}{2}$ м. четвертой льняного и коноплянаго сѣмени;— всего на сумму около 120 милліоновъ рублей.

Совершенно правильно, что приведенныя мною цѣны за 1862 г. не могутъ служить математически-вѣрнымъ основаніемъ для точной оцѣнки размѣра отпусковъ за весь петровскій періодъ и до освобожденія крестьянъ; но не менѣе правильно и то, что въ предшествовавшее время мы были гораздо менѣе способны предлагать иностранцамъ предметы нашей домашней промышленности, какъ это дѣлаемъ мы нынче, отпуская, на примѣръ, писчую и оберточную бумагу, гончарныя издѣлія, галантерейныя вещи, роговые гребни и даже разныя ткацкія издѣлія. Слѣдовательно, въ истекшіе полтора столѣтія, когда мы, чѣмъ далѣе назадъ, тѣмъ меньше производили предметовъ, требующихъ искусства и техническихъ знаній,—вся наша дѣятельность посвящалась почти исключительно на созданіе сельскохозяйственнаго сырья и, кромѣ льна, хлѣба да коноплянаго сѣмени, мы едва ли могли предложить что нибудь иностранцамъ. Но, съ другой стороны, будетъ ошибкой полагать, чтобы относительное положеніе земледѣльческаго населенія выиграло отъ развитія техниче-

слихъ знаній нашихъ московскихъ, владимирскихъ, ярославскихъ и мязанскихъ фабричныхъ производителей. Сельское население никогда не выходило изъ шпигица своихъ потребностей и сарны да косы обходились ему всегда дорого.

III.

Неизгодность нашихъ экономическихъ отношеній къ Западу будетъ читателю ясно, если онъ обратитъ вниманіе на слѣдующія цифры, которыя я беру изъ «Видовъ внѣшней торговли за 1863 годъ».

Изъ числа главнѣйшихъ жизненныхъ припасовъ, мы отдали иностранцамъ 546 пудовъ бульону, 49,329 пудовъ коровьяго масла, 27,639 пудовъ разнаго мяса, 13,517 штукъ куръ, гусей, утокъ и индѣекъ, 78,254 штуки крупнаго и мелкаго скота, 106,870 пудовъ разной рыбы, 106,554 пуда икры. Иностранцы, отличающіеся не меньшей любезностью, предложили намъ въ замѣнъ томе жизненныхъ припасы, но болѣе деликатнаго свойства. Они отпустили къ намъ сухой горчицы 124 п. 28 фунтовъ и горчицы дѣланной 1,099 пудовъ 31 фунтъ; получивъ отъ насъ 47 пудовъ сушеныхъ грибовъ, они, въ замѣнъ ихъ, прислали къ намъ 948 пудовъ грибовъ въ маслѣ, уксусъ и рассолахъ, а также трюфелей сухихъ и свѣжихъ, 7,935 п. устрицъ свѣжихъ и 112 п. устрицъ соленыхъ, сушеныхъ и маринованныхъ; на 37,317 рублей картофеля (количество не показано), конфетъ и варенья 3,192 пуда, да кромѣ того, разныхъ корокъ: лимонной, апельсинной и померанцовой; фруктовъ и шведскъ; и вообще всего того, изъ чего приготавлиются конфекты и варенье; масла оливковаго и всякаго сѣменнаго 833 пуда; мяса соленнаго, копченнаго и вяленаго 1,557 пудовъ; анчоусовъ, сарделей и икры 17,360 пудовъ; соленой, копченой и маринованной рыбы 4,213 пудовъ; сельдей копченыхъ 142 пуда, сельдей соленыхъ 436,502 боченка, трески и рыбы всякой на 339,509 рублей, сыру 37,000 пудовъ; хлѣбовъ всякихъ сортовъ: ржи, ячменя, кукурузы, муки, проса, овса, гречихи, рису; саго, — всего на 1,244,887 руб.; хлѣва 44,380 пудовъ; наконецъ, чаю 283,367 пудовъ.

Въ этой книгѣ любезность различныхъ народовъ была весьма различна. И хотя «Виды» не отвѣчаютъ на всѣ вопросы, но, тѣмъ не менѣе, изъ того, что они даютъ, можно вывести нѣкоторыя заклю-

ченія. Кто, собственно, позаботился о снабженіи насъ картофелемъ — не видно, но видно, что изъ 37 т. р., на которые было привезено къ намъ этого продукта, вошло чрезъ Балтійское море 9,791 четверть, на 28,910 рублей или 76%, всего количества. Меньше всего было привезено по Бѣлому морю, а именно 10 четвертей, на 15 рублей. Изъ чего, очевидно, слѣдуетъ, что въ Архангельской губерніи или много своего картофеля, или тамъ его не любятъ, а въ Петербургѣ и вообще въ прибалтійскихъ мѣстностяхъ картофелю своего далеко недостаетъ, а охотниковъ на него много. Но изъ этого слѣдуетъ еще и другое соображеніе: такъ какъ по Бѣлому морю 10 четвертей оцѣнены въ 15 рублей, то, значить, каждая четверть стоитъ 1 р. 50 к.; и какъ въ прибалтійскихъ портахъ цѣна 9,791 четверть показаны въ 28,910 руб. то значить, что четверть стоитъ 2 р. 95 к. Очевидно, что въ Архангельскѣ картофельъ дешевъ, а въ Петербургѣ онъ дорогъ и разводить его въ Петербургской губерніи выгодно. Отчего же его разводить мало? — На сей вопросъ у меня нѣтъ отвѣта.

Кто купилъ отъ насъ сухихъ грибовъ, въ точности неизвѣстно; видно только, что самое большее ихъ количество, а именно 33 н., или 70%, провезены въ Европу по сухопутной границѣ, слѣдовательно, ушли, вѣроятно, въ Австрію; не видно также, кто снабдилъ насъ, въ замѣнъ грибовъ сушеныхъ, грибами маринованными; но есть много основаній полагать, что такъ поступилъ съ нами тотъ же самый народъ, который приготовилъ для насъ и горчицу, т. е., разумѣется, французы. Вообще англичане и французы обнаруживаютъ особенную попечительность при снабженіи насъ устрицами, виномъ, колониальными товарами и чаемъ, такъ что даже нарочно посылаютъ свои корабли въ разныя страны свѣта, входятъ въ сношенія съ дикарами и людоедами, подвергаются многообразнымъ опасностямъ: бурямъ и непогодамъ, ведутъ войны съ разными варварами, нежелающими вступать съ ними въ торговые сношенія, и все это только для того, чтобы избавить насъ отъ труда, издержекъ и опасностей дальнихъ странствованій и доставить намъ возможность пользоваться ненарушимымъ кофеемъ и безмятежной неподвижностью.

Въ этихъ же видахъ, они, купивъ отъ насъ скотъ, позаботятся приготовить изъ него для насъ окороки, колбасы, ветчину, сѣлонину и, что, повидимому, даже трудно предположить, везутъ все это вовсе не на Амуръ или въ Забайкалье, — гдѣ, какъ извѣстно,

Амурская компанія не обнаружилла особеннаго таланта въ приготовленіи колбасъ, хотя и выписала для этого колбасника-нѣмца, — но именно въ ту часть Россіи, гдѣ колбасное производство процвѣтаетъ наиболѣе, т. е. въ Петербургѣ. Изъ 1,557 пудовъ мяса соленнаго, копченнаго и вяленаго, въ порты Бѣлаго моря доставлено только 18 пудовъ, въ порты Балтійскаго — 950 п., Чернаго и Азовскаго — 122 п., и по сухопутной границѣ 466 п. Слѣдовательно, въ петербургскую мѣстность 61% общаго количества.

Но есть вещи еще болѣе курьезныя. Если мы отдаемъ иностранцамъ сырую шерсть, ленъ, шолкъ, сырыя кожи и затѣмъ получаемъ отъ нихъ обратно сукно, полотно, сафьянъ или лайку, то очевидно, что это происходитъ оттого, что мы сами еще не умѣемъ приготовить эти издѣлія въ томъ видѣ, какъ ихъ приготавливаютъ нѣмцы, французы и англичане. Совсѣмъ другое дѣло — слѣдующій любопытный фактъ. Какъ житница Европы, исполняя честно свое призваніе, мы отдаемъ ей рожь, ячмень и всякій хлѣбъ, какой у насъ родится. Кажется бы, и хорошо, потому что принято вообще думать, что мы обмѣниваемъ свой хлѣбъ на фабричныя и мануфактурныя издѣлія; но въ дѣйствительности это не такъ. Конечно, главная масса нашего хлѣба идетъ въ обмѣнъ того, чего у насъ нѣтъ или чего мы производить не въ состояніи; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, мы мѣняемъ и хлѣбъ на хлѣбъ. Такъ, отпустивъ отъ себя рожь, ячмень и кукурузу, мы, въ замѣнъ ихъ, получили отъ иностранцевъ тоже рожь, ячмень и кукурузу, — положимъ, что не въ томъ самомъ количествѣ, какъ выпустили сами, но тоже и не мало, а 17,220 четвертей. Не считая 944 четвертей саго, на сумму 8,632 руб. мы, отпустивъ за границу хлѣбовъ на 44 миліона рублей, получили обратно на 1,236,000 рублей. Вѣдь это все равно, какъ если бы два господина, явившись на рынокъ съ пудомъ муки каждый, обмѣнялись бы своими пудами и затѣмъ понесли бы ихъ обратно домой. Можетъ быть, это очень любезно, но только едва ли выгодно. И тутъ опять отличились балтійскіе порты, въ которые было ввезено хлѣба на 920,505 р. или почти на 80%. Въ этомъ же родѣ мы поступаемъ и съ хмѣлемъ, хотя и въ обратномъ количественномъ отношеніи, ибо, отпустивъ иностранцамъ 626 пудовъ хмѣля, мы получили отъ нихъ 14,380 пудовъ.

Не менѣе любопытенъ и рыбный вопросъ. За что иностранцы се-

лять за насъ селедку и привозить къ намъ 430,136 бочекъ всякой сельди ивняго сорта, когда у насъ есть своя бѣшенка, да и Архангельская губернія ловить не мало сельдей? Правда, жители сѣвернаго поморья обнаружили при этомъ похвальную утѣренность, получивъ отъ норвежцевъ всего 144 бочки, но зато петербургцы и вообще прибалтійское населеніе показали, до какой грандіозности можетъ доходить любовь къ соленому, поглотивъ 284,077 бочекъ сельдей, на сумму 2,883,001 рубль. Но если жители сѣвернаго поморья обнаружили, съ одной стороны, похвальную утѣренность относительно селедки, то, съ другой стороны, они показали, до чего можетъ доходить любовь къ трескѣ и къ «всякой рыбѣ», какъ сказано въ «Видахъ»,—если обстоятельства не позволяютъ людямъ пытаться чѣмъ нибудь лучшимъ. Въ порты Бѣлаго моря ввезено въ 1863 г. трески и «всякой рыбы» на 339,509 рублей. Конечно, можно было бы съѣсть ея еще больше, но и этого не мало.—Читатель получить еще больше понятія о потребленіи рыбы нашими сѣверомъ, если обратитъ вниманіе на то, что изъ бѣломорскихъ портовъ не отправлено за-границу ни одной рыбины и что, слѣдовательно, все, что наловило поморье, съѣлось или на мѣстѣ, или въ смежныхъ губерніяхъ. Впрочемъ, это количество, потребленное внутри, уравнивалось нѣсколько 406,870 людьми рыбы, спущенной изъ нашихъ черноморскихъ портовъ и по сухопутной западной границѣ. Можно пожалѣть только о томъ, что это количество рыбы ушло въ ея прѣстѣйшемъ видѣ; такъ что мы отблагодарили иностранцевъ не вполне деликатно за привожденіе нами намъ анчоусовъ, соленой, копченой и маринованной рыбы. Разумѣется, за эту не деликатность мы заплатились тѣмъ, что за фунтъ копченой рыбы отдали два фунта сырой, что, конечно, нельзя отнести къ чести нашихъ колбасниковъ или коптильщиковъ. Рыбы, допустившихъ, что къ намъ привезли 4,355 пудовъ таковой рыбы, которую мы съѣли бы приготовить и дома.

При такой зависимости отъ Запада, зависимости прискорбной для сердца каждаго истиннаго патріота, читателю будетъ пріятно услышать, что мнѣніе историковъ московской школы о томъ, что историческая задача Россіи заключается въ просвѣщеніи Востока, находитъ себѣ блистательное подтвержденіе даже въ тѣхъ немногихъ свѣденіяхъ по этому предмету, которыя заключаются въ «Видахъ вѣнчаной торговля за 1863 г.» Я говорю въ «немногихъ» потому,

что пользуеть только вышедшей до сихъ поръ первой частью, озаглавленной: «Торговля по европейскимъ границамъ»; что же касается до главнаго матеріала къ умененію нашихъ экономическихъ отношеній къ Востоку, то редація «Видовъ» предположила издать въ настоящее время для скорости только первую часть, а вторую— о торговлѣ азіатскою— со временемъ.

Изъ этой первой части видно, что Турція и Молдавія— страны весьма печальныя и, не смотря на щедрость природы, пребываютъ въ непростительной нищестѣ, такъ что не заботятся даже о томъ, чтобы приготовить себѣ достаточно пищи. Хотя на всѣ упреки въ этомъ просвѣщенные русскіе турки отвѣчаютъ только однимъ: «Аллахъ знаеахъ», но, тѣмъ не менѣе, ни Аллахъ, ни Магометъ не посылаютъ имъ достаточно ни масла коровьяго, ни мяса, ни рыбы, и безъ помощи русскихъ туркамъ пришлось бы плохо. Для спасенія бѣдняковъ отъ голодной смерти, мы послали имъ въ 1863 году 41,577 пудовъ коровьяго масла, т. е. ровно 83% всего отпуска, 16,215 п. разной рыбы, — конечно, низшаго сорта, потому что турки въ рыбѣ не понимаютъ никакого толку, — точно также ностушили мы и съ виной, отправивъ къ нимъ «всякой» 82,292 пуда или почти 80% всего отпуска; а чтобы пира была употреблена невѣжественными турками, какъ слѣдуетъ, въ видѣ закуски, мы превозводили къ нимъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, 318 пудовъ спирту и лѣбнаго вина. Но истинное благодѣяніе оказали мы этому лѣнивому народу отпускомъ 314,257 четвертей пшеницы, 69,861 четверти муки, и 25,828 пудовъ невыдѣланныхъ кожъ. Последнее, конечно, было въ нѣкоторой степени оскербленіемъ ученаго принціпа московскихъ историковъ, потому что не достигалась цѣль нашей исторической задачи; то же самое можно сказать и объ отпускѣ 42,157 пудовъ сырка шерсти; но, съ другой стороны, эта ошибка вознаграждается вполне отпускомъ 41,535 пудовъ канатовъ, 24,830 аршинъ холста, 3,203 пудовъ стеариновыхъ свѣчъ и 14,390 штукъ реможъ. Чѣмъ же отблагодарила насъ Турція? О, поварина мусульмане! Съ азіатскимъ лукавствомъ, подмѣтивъ нашу любовь къ сладостямъ и къ краснымъ вещамъ, они прислали къ намъ 653,301 пудъ ореховъ, идръ персиковыхъ, коконовъ и фольговъ турецкихъ, крахмъ-лукума и алы, 45,884 пуда шабалу, 537 дюжины турецкихъ колпаковъ или фесковъ и до

40,000 аршинъ разныхъ своихъ безобразныхъ матерій: борды, кумача, шамъ-аладжи, чекула, кутни, гезе и т. д.

Я не стану проходить дальше списокъ ввоза и вывоза, чтобы не утомить читателя вариациями на одну и ту же тему; но и изъ того, что сказано, ясенъ уже вполне смыслъ нашихъ торговыхъ, промышленныхъ отношеній къ Западу. Конечно, есть много вещей, которыя намъ будетъ гораздо выгоднѣе получать отъ иностранцевъ, чѣмъ изготовлять дома, напримѣръ, кружева, часы; но зачѣмъ мы, земледѣльская страна, вывозимъ изъ за-границы картофель, — или недостаесть у насъ для его разведенія мѣста и способностей? Зачѣмъ французы приготавливаютъ за насъ горчицу? и хотя бы это была мелочь, а то 1,099 пудовъ! Зачѣмъ они дѣлаютъ за насъ колбасы, сосиски, окорока, солонину, точно это и богъ-вѣсть какая мудрость, или варятъ для насъ портеръ, пиво, медъ? А послѣднихъ трехъ предметовъ мы получаемъ тоже не маленькую порцію: въ 1863 г. къ намъ было привезено портеру 25,393 бочки и 305,810 бутылокъ, пива 2,963 бочки и 56,334 бутылки; всего на 498,129 рублей, и все это приготовлено изъ русскаго же ячменя и хмѣлю. Мы кричимъ на весь свѣтъ о русской кожѣ и въ то же время отпускаемъ за-границу сырье и получаемъ оттуда 9,027 пудовъ кожи, выдѣланной изъ нашего же матеріала. Приготовление картофельнаго крахмала — вещь тоже простая, а все-таки мы получаемъ его изъ за-границы около 5,000 пудовъ; мы гордимся своимъ желѣзомъ, благодаря тому, что Богъ далъ намъ много лѣсу, и въ то же время привозимъ отъ иностранцевъ 295,268 пудовъ стали, 340,675 п. чугуна, 839,561 пудъ желѣза волосоваго. Еще любопытнѣе, что даже и сапожная вакса составляетъ для насъ, какъ выражался Фонъ-Визинъ, «камень преткновенія»: въ томъ же 1863 году къ намъ пришло изъ за-границы 5,313 пудовъ, на 43,652 р., ваксы сапожной, мази для натравія бритвенныхъ ремней, для полированія металловъ, чернилъ и чернаго морскаго. Мы съ тщеславнымъ самоуменьемъ созираемъ ловкость нашихъ рабочихъ, приготавливающихъ щетину, и совершенно счастливы, что отпускаемъ ее за-границу до 90,000 пудовъ ежегодно и въ то же время покупаемъ кисти отъ иностранцевъ, да уже кисти не чуждаемся и волосяныхъ сѣтъ, приготовленныхъ изъ нашего же русскаго волоса. Еще лучше, что иностранцы ввозятъ къ намъ болѣе 9,000 пудовъ гончарныхъ издѣлій, т. е. по-просту, горшковъ, а

мы въ то же время, съ свойственной намъ сжорочностью, остроумничаемъ: что не «боги горшки обжигалъ». Перечислю коротко все то, что мы получаемъ отъ иностранцевъ и что могли бы приготовить дома, при нашемъ теперешнемъ уроствѣ знаний и промышленной ловкости: мебели столярной и деревянной посуды почти 20,000 пудовъ, на 188,268 руб.; башмаковъ и сапоговъ, сѣделъ, конской сбруи 3,602 п., на 247,460 р.; дѣтскихъ игрушекъ и масокъ 1,946 пуд., на 63,633 р.; простой желѣзной кузнечной работы и налуженныхъ надѣлій изъ листового желѣза 205,000 пуд., на 807,000 рублей, косъ, серповъ, рѣзаковъ и косарей 76,928 п., на 882,267 р. ножевого товару и ножицъ 881 п., на 65,143 р.; пилъ, напильниковъ, и другихъ инструментовъ 82,594 п., на 838,893 р.; ножицъ для стрижки овецъ на 21,471 р., иглоу, швейныхъ 208 пуд., на 34,692 р., мыла простого или, какъ сказано въ «Вѣдахъ», неблаговопнаго 2,450 пуд., на 16,757 р. благовопнаго 1,210 пуд., на 43,150 р., свѣчъ салныхъ и стеариновыхъ, также свѣчковъ и фитилей 1,941 пудъ, на 10,532 р.; зажигательныхъ спичекъ 33,742 пуда, на 204,470 руб.; бутылокъ для вина 207,320 штукъ, на 8,247 р.; мѣшковъ холщевыхъ, грубыхъ 162,617 шт., на 65,297 р.

Бондию, заграничныя башмаки, сапоги, сѣдла, стеариновыя и салныя свѣчи, столярныя надѣлія, иглоки, мыло, даже неблаговопное, идутъ не на потребу нашихъ земледѣльцевъ; но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы всѣ эти предметы должны готовиться за-границей. Вѣдь не графы и князья готовятъ ихъ тамъ, а такіе же простые люди, какихъ у насъ дома милліоны. А если это такъ и чтобы дѣлать стальныя иглоки, нужно быть менѣе всего маршаломъ Франціи, то вопросъ о русской фабричной и ремесленной дѣятельности становится весьма существенной частью общаго вопроса о нашемъ матеріальномъ благосостояніи. При разсмотрѣніи нашей ремесленности я буду пользоваться выводами изъ «Экономич. состоянія городскихъ населеній», помѣщенными г. Бандтовскимъ въ «Биржевыхъ вѣдомостяхъ».

Хотя «Экономическое состояніе городскихъ населеній» и не говоритъ ни слова о главныхъ центрахъ нашей промышленной и торговой дѣятельности: о Петербургѣ, Москвѣ и Одессѣ, но этотъ, повидимому, важный пропускъ имѣетъ ту хорошую сторону, что поз-

воляеть нашей провинціально-промышленной интеллигенціи вырисоваться болѣе привлекательнымъ ландшафтомъ.

Во всѣхъ городахъ Европейской Россіи (кроме Петербурга, Москвы и Одессы) считается 2,487,968 жителей мужского пола, и въ томъ числѣ неприводительныхъ сословій 355,768 человекъ, — конечно, тоже мужчинъ. Въ числѣ производителей разнаго рода, ремеслами занимается 196,520 человекъ или съ небольшимъ 9%, и въ этомъ числѣ мастеровъ 97 т., рабочихъ 56 т., учениковъ 42 т. Чѣмъ же занимаются всѣ эти почтенные люди? Одни изъ нихъ работаютъ на простыхъ людей, другіе на людей непростыхъ, составляющихъ постепенный переходъ отъ людей низшаго сорта къ потребностямъ издѣлій по преимуществу иностранныхъ. На простыхъ людей провинціальные ремесленники работаютъ очень немного, да и то, что они работаютъ, идетъ, по преимуществу, на удовлетвореніе потребностей городского простонародья. — Читатель, даже живущій въ Петербургѣ, конечно, имѣетъ понятіе о русскомъ мужикѣ и о томъ, въ какія одежды облачается онъ въ будни и въ праздники и какіе предметы служатъ для украшенія его жизни. Коренной землепашецъ, живущій на лонѣ природы, отличается въ воскресный день отъ будничнаго тѣмъ, что надѣваетъ болѣе чистыя олучи и болѣе чистую рубашку. Затѣмъ посетители лаптей замѣняютъ лапти сапогами, если они есть; а если нѣтъ, то надѣваютъ новыя лапти, причемъ, обернувъ ноги внизу лычкомъ крестобразно, уподобляются съ ногъ древнимъ римлянамъ. Нѣкоторые изъ этихъ подобій древнихъ римлянъ надѣваютъ даже ситцевыя рубашки, но значительнѣйшее большинство остается и въ праздникъ въ своихъ будничныхъ армякахъ. То, что носить сапоги, въ отношеніи олучи и рубашекъ поступаетъ совершенно такимъ же образомъ, но въ отношеніи верхней одежды — прогрессивнѣе, ибо надѣваетъ одежды болѣе высокаго качества, находящіяся изъ простой сѣрмяги въ такомъ же отношеніи, въ какомъ стоятъ лапти къ сапогамъ. Вообще обувь есть тотъ масштабъ, которымъ можно измѣрять безошибочно качество общепотребляемаго одѣянія. Это вѣднее, одѣдовое различіе не простирается, однако, такъ далеко, чтобы служило признакомъ какихъ-либо особенностей въ мировоззрѣніи и привычкахъ носителей сапоговъ и носителей лаптей. И тѣ, и другіе понимаютъ совершенно одинаково удобства жизни, одинаково гнѣются на солнышкѣ, сидя передъ домомъ на завалинкѣ, ведутъ однородныя

бесѣды и почти нисколько не способствуютъ процвѣтанію городской ремесленности; такъ что для большей части сельскаго населенія совершенно все равно, существуютъ ли на свѣтѣ уѣздные города, а въ нихъ проживаютъ ли портные, столяры, баншачники, — не говоря уже о парикмахерахъ, цирюльникамъ, бѣлошвейкахъ, зонтичныхъ мастерахъ и т. п. Да и на какую потребу пошли бы нашему сельскому населенію парюмеры, перчаточники, цвѣточницы, когда, — не говоря уже про то огромное количество лаптей, которое надеваются на всемъ необъятномъ пространствѣ Россіи несметное множество пастуховъ, подпасковъ и стариковъ, непригодныхъ для другого дѣла, — лапотное ремесло существуетъ, какъ самостоятельный видъ ремесленности (напр. въ Костромской губерніи), и лапти, изготовляемые таями-специалистами, отправляются дѣлами партиями въ разные мѣстныя захолустья, гдѣ, при всемъ усердіи пастуховъ, подпасковъ и вообще мѣстнаго населенія, а иногда и по недостатку льна, расходъ на эту остроумную обувь превышаетъ далеко усердіе мѣстныхъ производителей.

Лапотное ремесло, при всей своей невинности, сообщаетъ, однако, такой колоритъ всей нашей народной ремесленности, что даже самый находчивый уѣздный патриотъ едва ли придумаетъ что нибудь особенно замысловатое въ доказательство процвѣтанія русской ремесленности и размѣра народныхъ средствъ. Лапотная обувь — такое мѣрило матеріальнаго благосостоянія, что если бы не существовало никакихъ другихъ признаковъ бѣдности и богатства, то по степени уменьшенія числа лицъ, носящихъ лапти, можно было бы судить безошибочно о размѣрѣ возрастающаго благосостоянія и промышленнаго развитія народа. Поэтому, должно быть совершенно понятнымъ, что ремесла, служащія для удовлетворенія нуждъ нашего земледѣльческаго населенія, не могутъ быть разнообразны, а число ремесленниковъ велико. Въ длинномъ спискѣ ремесленниковъ, обитающихъ въ нашихъ уѣздныхъ городахъ, только самое ничтожное число имѣетъ прямое отношеніе къ потребностямъ сельскихъ обитателей. Въ этихъ ремесленникамъ, работающимъ на народѣ, принадлежатъ: плотники, кирпичники, печники, пильщики, стекольщики, кузнецы, саножники, портные, рукавишники, картузики, тулупники, кожевники, бондари, горшечники, коновалы, красильщики и сивильщики, войлочники, колесники и тѣлѣжники, рѣшетники, ножевщики, серповники, сокодовники, сундучники, клешевики, рокожи:

ки, бердочники, мыловары, овчинники, ведерники, маслобойники, лапотники, иконописцы; всего 35 формъ производства съ 56,000 ремесленниковъ. Не будетъ ошибкой, если я предположу, что четверть этого числа рабочихъ удовлетворяетъ потребностямъ городского населенія, следовательно, для сельскаго останется только 42,000 человекъ; затѣмъ всѣ остальные ремесленники: кондиторы, колбасники, шпукатуры, золотыхъ дѣлъ мастера, ювелиры, лудильщики, ламповщики, часовщики, модистки, корсетники, фаянсовые мастера и проч., и проч., въ числѣ 154,000 человекъ, занимающихся 117 формами производства, работаютъ на городскихъ жителей. Такимъ образомъ, на 4,573,000 человекъ городскихъ сословій работаетъ 154,000 ремесленниковъ, а на 52,131,000 сельскихъ жителей лишь 42,000 человекъ. Если я прибавлю, что въ одномъ Парижѣ ремесленниковъ четверо больше, чѣмъ во всей Россіи, и что заграничная ремесленность обнимаетъ до 1½ тысячи формъ, тогда какъ наша имѣетъ только 152 подраздѣленія; что у насъ нѣрѣдко одинъ и тотъ же человекъ занимается нѣсколькими ремеслами, напр., въ Тотмѣ кузнецъ — онъ же и часовой мастеръ, — то все это еще болѣе подтвердитъ несомнѣнность заключенія о слабости развитія у насъ ремесленной дѣятельности.

Основываясь на этихъ фактахъ и на томъ, что во многихъ городахъ ремесленники занимаютъ своимъ ремесломъ временно, въ свободную отъ другихъ занятій пору, что изъ всего числа ремесленниковъ 13¼% занимаются приготовленіемъ разныхъ предметовъ пищи, 37¼% дѣланіемъ одежды и ея принадлежностей, 47½% занимаются домостроительствомъ и 1½% дѣломъ, имѣющимъ связь съ умственнымъ и эстетическимъ развитіемъ человека; что въ городахъ, имѣющихъ много земли, мало ремесленниковъ и наоборотъ, — г. Бентковскій дѣлаетъ такое заключеніе: небольшое пространство городскихъ земель благоприятствуетъ развитію ремесла, промышленности и торговли, а большое задерживаетъ это развитіе; что потребности народной жизни во многихъ мѣстностяхъ весьма слабо развиты, и, наконецъ, высказываетъ удивленіе, что только 1½% общаго числа ремесленниковъ посвятили себя трудамъ, имѣющимъ связь съ умственнымъ и эстетическимъ развитіемъ человека. Я полагаю, что эти же самые выводы могутъ быть представлены читателю въ нѣсколько иной формѣ, если взглянуть въ смыслъ иборень вещи. Если бы малое количество земли имѣло чудовищенную си-

лу развивать искусство и ремесленность, то ничего бы не следовало превратить всѣхъ русскихъ мужиковъ въ художниковъ и артистовъ: стоило бы только отнять отъ нихъ землю или поселить ихъ на бесплодной скалѣ. Къ сожалѣнію, безземельность не обнаруживаетъ такого магическаго вліянія, и ремесленность зависитъ прежде всего отъ потребности. Жителямъ Отаити совсѣмъ ненужны портыки, потому что мѣстные джентльмены обходятся очень хорошо безъ панталонъ. На Мадагаскарѣ совсѣмъ ненужны сапожки и башмачники, потому что даже король и королева не носятъ обуви, хотя и облачаются въ европейское платье. Поэтому, прежде всего необходимо, чтобы человѣку была пухна какад-либо вещь, а ватѣмъ, чтобы его собственный трудъ былъ на столько усиленъ, чтобы представлялъ возможность мѣны. Совершенно справедливо, что норманны сдѣлались безстрашными завоевателями и неутомимыми грабителями, потому что ихъ скудная земля не давала имъ хлѣба; точно также совершенно справедливо, что французы и англичане небогаты землей и занимаются, по преимуществу, ремеслами и разнообразными промышленностями; наконецъ, не менѣе справедливо, что наши владимірцы и ярославцы не считаютъ земледѣліе своимъ спеціальнымъ занятіемъ и не предаются ему въ такой мѣрѣ, какъ саратовцы или самарцы. Но не менѣе справедливо и то, что если бы не было людей, нуждающихся въ вещахъ французовъ, англичанъ, владимірцовъ и ярославцовъ, то этимъ господамъ пришлось бы или остаться каменьями, — если бы они жили на бесплодной скалѣ, — или приняться за изготовленіе самими собою предметовъ пищи, если позволяеть мѣстность. Следовательно, правильнѣе будетъ сказать, что хотя скудная природа или недостатокъ земли и вставляютъ человѣка давать своей экономической дѣятельности пеземледѣльческій характеръ, но прежде всего нужны земледѣльцы, какъ изготовители предметовъ пищи, отъ количества которыхъ только и зависитъ возможность отвлеченія рабочихъ рукъ къ другимъ занятіямъ. Однимъ словомъ, прежде всего предметы пищи. Если нѣтъ столько пищи, чтобы могли существовать ремесленники, — они должны или умереть съ голоду, или обратиться сами къ земледѣлію. То, что у насъ въ земледѣльческихъ мѣстностяхъ слабо развита ремесленность, и въ ремесленныхъ и фабричныхъ не развито земледѣліе, доказываетъ только неусѣбность земледѣльческаго труда; а вовсе не то, чтобы первыя не благоприятствовали, а вторыя благоприятствовали бы ремесленности и торговлѣ. Если бы эко-

нѣщесія и общественныя условія вѣдѣнъ благотворили гармоніи экономическихъ отношеній, то въ каждой мѣстности установилась бы самая правильная пропорція между земледѣльческими и всеми остальными производителями. Самарской губерніи было бы выгодно обдѣлывать кожи у себя дома, чѣмъ отправлять ихъ въ Казанскую губернію и снова везти назадъ товаръ выдѣланный; ей было бы выгодно готовить стеарины у себя, чѣмъ развозить свое сало по всему необъятному пространству Россіи и ватѣмъ получать свѣчи изъ екатеринбургскаго, казанскаго и петербургскихъ стеариновыхъ заводовъ. Такъ какъ Самарская губернія плодороднѣе Владимірской и, слѣдовательно, въ состояніи прокормить большее число народа, чѣмъ первая, то въ ней явилось бы и болѣе тѣсное населеніе, а владимірцы бы раздѣлились, и въ каждой мѣстности поселилось бы ровно столько людей и трудъ ихъ получалъ бы именно такое отношеніе, что избытокъ земледѣльческихъ продуктовъ одѣлъ бы, обулъ и устроилъ вполне вѣшнюю матеріальную жизнь земледѣльцевъ и далъ бы всѣмъ остальнымъ, неземледѣльческимъ производителямъ, средство для существованія и для труда. Слѣдовательно, экономическая сущность, выражающаяся вѣшнимъ образомъ въ томъ фактѣ, что въ малоземельныхъ мѣстностяхъ большее число ремесленниковъ, а въ многоземельныхъ менѣе, заключается въ невѣрнои количественномъ и качественномъ отношеніи различнаго рода труда и въ недостаткѣ запроса со стороны земледѣльцевъ, — недостатокъ, заставляющемъ промышленныхъ производителей стремиться къ фабричнымъ и промышленнымъ цетрамъ.

Относительно того, что потребности народной жизни мало развиты, можно сказать одно, что подобное опредѣленіе страдаетъ несностью или, пожалуй, широтой. И дѣйствительно, какія потребности развиты мало? Если подъ этия разумѣется потребность созерцать звѣздное небо въ телескопъ Гершеля, то, конечно, объ этомъ спорить ничто не станетъ; тѣмъ болѣе, что есть на свѣтѣ много людей, пользующихся даже весьма почетными титулами и совершенно равнодушныхъ не только къ звѣздному небу, но даже и къ печатнымъ книгамъ. Если же быть болѣе скромнымъ въ приговорахъ народной жизни, то нельзя не согласиться, что нѣтъ никакой необходимости обладать талантами Юлія Цезаря или Александра Македонскаго, чѣмъ находить сапоги удобнѣе лаптей, а щи съ говядиной вкуснѣе овсянки. Слѣдовательно, въ тѣхъ случаяхъ, когда идетъ рѣчь о не-

удовлетвореніи народных потребностей, причину этого нужно искать не въ развитіи или въ неразвитіи, а, престо, въ возможности, или невозможности удовлетворенія. Если бы у каждаго простолюдина было бы по тысячѣ рублей дохода въ годъ, то, конечно, онъ не предавался бы гнусной скарлатинѣ и не сталъ бы ходить въ лаптяхъ и въ бѣльѣ, продавая на тѣло ощущеніе тарпуга, а завелъ бы сапоги смазные и вообще жидъ бы не хуже насъ съ вами, читатель. Вотъ дѣло другое, когда человѣкъ считаетъ непростительнымъ увлеченіемъ мечты не только о совершенно немыхидныхъ тысячахъ рублей но даже о какой нибудь сотнѣгѣ. Въ этомъ, случаѣ приходится не только отназываться отъ сапоговъ, но даже экономичать и съ лаптями, разсчитывая, но преимуществу, на несокрущаемость работвенныхъ подошвъ. — Тѣмъ образомъ, криговоръ о неразаніи народныхъ потребностей теряетъ всю свою суровость и составляетъ только ближайшее слѣдствіе той причины, о которой я только что говорилъ.

Эта ближайшая причина или недостатокъ гармоніи въ экономическихъ отношеніяхъ, однимъ изъ главныхъ своихъ элементовъ имѣла отсутствіе права земледѣльца на все результаты аго труда. Часть, оставшаяся земледѣльцу, была такъ незначительна, что, не говоря уже о невозможности уметвеннаго и эстетическаго наслажденія, она имѣла ед-ва часть наслаждаться вкусной и едѣровой пищей. Ужь до развитія ли тутъ потребностей, создающихъ ремесленный и фабричный трудъ? А какъ скоро возможность удовлетворенія стояла низко, то долженъ былъ стоять низко и уровень всей внѣшней и внутренней народной жизни, проявившейся, между прочимъ, въ печальной жаружности нашихъ городовъ, въ безобразіи уличныхъ и базарныхъ спенъ и мартинъ, въ непреходимости путей-собщенія и во всемъ томъ, что даетъ такой блескъ и привлекательность жизни шародовъ, пользующихся большимъ матеріальнымъ благосостояніемъ. Въ одно время съ матеріальной бѣдностью явилась и бѣдность умственная; а съ нею и та экономическая и промышленная незрѣлость, которая ставитъ народъ менѣ развитый въ зависимость отъ народа болѣе развитаго. Слѣдовательно, если наца фабричная и заводская производительность такъ нехитра, что безъ помощи англичанъ и французовъ у насъ не было бы даже перадочной ваксы для чистки сапоговъ, то причина этого въ томъ, что у насъ много люду, но сдѣлаго, еще дакти; а въ свою очередь, мода на эту полу-римскую обувь

явилась отъ невѣрныхъ экономическихъ отношеній, къ измѣненію которыхъ положило начало совершившееся нынче освобожденіе крестьянъ.

Такии образы, наша фабричность и ремесленность находится въ прямой связи съ бытомъ земледѣльцевъ, и до тѣхъ поръ у насъ не будетъ достаточно своихъ колбасъ, опорожковъ, соленой и копченой рыбы, крахмалу, картофелю и «неблаговоиннаго» мыла, пока земледѣлецъ не будетъ въ состояніи пріобрѣтать все это для себя. До тѣхъ же поръ и всѣ тѣ, кто пользуется издѣліями высшаго разбора и товаромъ, получаемымъ изъ за-границы, будутъ платить за него гораздо дороже, чѣмъ бы все это обходилось имъ при домашнемъ (русскомъ) приготовленіи, т. е. на рубль будутъ пріобрѣтать только одну вещь, вѣсто двухъ. Поясню примѣромъ: предположимъ, что въ какой нибудь странѣ 100 земледѣльцевъ, производящихъ 100 четвертей хлѣба. Изъ этого числа земледѣльцы оставляютъ для всѣхъ своихъ потребностей 50 четвертей, а 50 отдають въ видѣ ренты и другихъ платежей. Изъ этихъ пятидесяти опять—30 идутъ ремесленникамъ, работающимъ на рентѣ, а 20 идутъ въ другую страну, на прокормленіе рабочихъ, изготовляющихъ для рентѣ такіе предметы, которыхъ они не могутъ пріобрѣсть дома. Выгодно ли для страны, что нятая часть ея земледѣльческихъ продуктовъ уходитъ на прокормленіе совсѣмъ постороннихъ рабочихъ?—Конечно, нѣтъ. Что же ей нужно? Ей нужно, чтобы всѣ эти предметы нищи оставались дома и шли бы на прокормленіе своихъ собственныхъ рабочихъ. И нужно ей это совсѣмъ не потому, чтобы прокормленіе постороннихъ рабочихъ было дѣломъ предосудительнымъ и нехристианскимъ, а просто потому, что за то же самое количество продуктовъ, отданное своимъ людямъ, можно имѣть больше полезныхъ предметовъ. А такое соображеніе основывается на слѣдующемъ расчетѣ: чтобы вручить 20 четвертей иностраннымъ производителямъ, нужно эти четверти препроводить къ нимъ на корабляхъ или на лошадахъ и отдать, положимъ, 3 четверти за доставку; потомъ нужно отдать 4 четверти иностранному рабочему премія за его искусство; наконецъ, нужно отдать еще 1 или 2 четверти за провозъ къ себѣ его издѣлій. Итого отъ 8 до 9 четвертей, на которыя бы можно прокормить многое-множество своихъ собственныхъ рабочихъ и получить отъ нихъ за это многое-множество разныхъ полезныхъ предметовъ, въ видѣ колбасъ, ветчины, картофеля, мыла. Удешевленіе этихъ

предметовъ даю бы возможность приобрести ихъ тѣмъ, кто не имѣлъ прежде для того средствъ, и въ странѣ явились бы сразу множество лицъ, наслаждающихся колбасами и умывающихъ руки мыломъ. Такое счастливое событіе ознаменовалось бы тотчасъ же значительнымъ приращеніемъ запада общей радости и цѣлою массою веселыхъ лицъ. Но какъ, съ другой стороны, чтобы тѣ, кто не могъ прежде наслаждаться колбасами, для получения этой возможности, должны были создать излишки земледѣльческихъ продуктовъ, чтобы было на что вымѣнять колбасу, то очевидно, что въ рукахъ земледѣльцевъ должно было бы оставаться на ихъ потребности болѣе 50 четвертей, и это могло бы быть достигнуто или уменьшеніемъ ренты, или возвышеніемъ производительности труда. Оставляя ренту даже въ прежнемъ размѣрѣ, земледѣльцы могли бы создавать для себя ежегодно болѣе 50 четвертей, вслѣдствіе одной перемѣны вѣнскихъ условій, дѣйствующихъ благоприятно на успѣшность ихъ труда. При этомъ всѣ излишки, противъ прежняго, пошли бы или на приобретение большихъ, противъ прежняго, удобствъ жизни, или же земледѣлецъ, сообразивъ, что ему выгоднѣе пользоваться всѣми продуктами своего труда, чѣмъ отдавать часть въ другія руки, употребилъ бы излишекъ для обезпеченія себя полной экономической независимости. Такъ какъ послѣднее соображеніе не требуетъ нисколько экономического глубокомыслія Адама Смита, то есть болное основаніе предполагать, что подобный расчетъ сдѣлалъ бы сдѣлать и простые земледѣльцы. И въ этомъ случаѣ произошло бы слѣдующее явленіе: земледѣлецъ сдѣлался бы полнымъ владельцемъ земли и хозяиномъ своихъ продуктовъ. Это поставило бы его въ возможность своимъ 100 четвертямъ и тому излишку, который бы явился, вслѣдствіе свободы труда, дать весьма разнообразное и широкое употребленіе. Кладовая земледѣльца украсилась бы колбасами и окороками, на ногахъ его явились бы панталоны изъ плотной и теплой шерстяной матеріи, въ карманѣ жилета помѣстились бы часы, одна изъ комнатъ преобразилась бы въ салонъ, гдѣ въ праздничные дни распивались бы съ добрыми знакомыми пиво или вино и шла бы живая бесѣда по поводу новостей, полученныхъ съ послѣдней почтой. Съ другой стороны, капиталъ, освободившись, вслѣдствіе экономической независимости земледѣльца, сосредоточился бы въ рукахъ прежнихъ землевладѣльцевъ и получилъ бы новое направленіе: онъ пошелъ бы на развѣтвіе ремесленной и фабричной

производительности и создалъ бы громадную массу новыхъ предметовъ, необходимую для удовлетворенія потребностей огромнаго числа новыхъ потребителей. И стали бы все богаты, и сдѣлались бы все очень хорошо и весело. Впрочемъ, прежде, чѣмъ стало бы все весело, фабричный и репродуцируемый рабочий долженъ былъ бы порешить вопросъ объ ассоціаціяхъ.

Если читатель скажетъ, что все это «мечты златыя», то я ему отвѣчу, что я вовсе и не предполагаю, что онъ въ первое же воскресенье, отъ сегодняшняго числа, будетъ сидѣть въ салонѣ земледѣльца и распивать съ нимъ пиво, бесѣдуя о любомудрїи московскихъ патристическихъ писателей и ихъ вѣтербургскихъ единомышленниковъ. Я изложилъ здѣсь только экономическую теорїю, стараюсь избѣгать, по возможности, мрачности изложенія, свойственнаго вообще экономическимъ статьямъ, и, желая показать читателю, на сколько то, что до сихъ поръ считалось многими мечтою, — вещь весьма осуществимая и очень простая въ своей сущности. Когда совершится такое счастливое гармоническое распределеніе экономическихъ силъ — не знаю, но что оно совершится, это такъ же вѣрно, какъ и то, что послѣ зимы наступаетъ весна и что нинѣшніе люди живутъ съ большими удобствами, чѣмъ люди времяя Дмитрія Донскаго. Прибавлю, что положеніемъ 19 февраля данимъ земледѣльцамъ представлена полная возможность сдѣлаться землевладѣльцами. Думаю, что, послѣ такого сильнаго довода, читателю придется устыдиться послѣдственности, съ какою онъ обвинилъ меня въ неосновательности, и пристыженному согласиться со всею тѣмъ, что я скажу дальше.

IV.

Въ послѣдніе четыре года совершилось у насъ, на Русь, много весьма поучительныхъ событій, сильно способствовавшихъ развитію русской сообразительности. Одно изъ болѣе замѣтныхъ и повсемѣстныхъ явленій составляетъ вопросъ о бѣдности, и неказанно печальныя фантомы многихъ весьма почтенныхъ людей, отличавшихся прежде постоянно веселымъ характеромъ и беззаботно процвававшихъ на благопріобрѣтенныя ими деньги, безъ всякихъ экономическихъ заднихъ мыслей.

Такъ какъ въ мірѣ заведенъ на стару такую морядокъ, что послѣ

тепло наступаетъ тепло, а послѣ дождя выглядываетъ солнце, то, наконецъ, и у насъ, послѣ веселой жизни, наступила пора тяжелой умственной работы и головоломныхъ экономическихъ соображеній, когда съ освобожденіемъ крестьянъ явилась у насъ возможность стать экономическими производителями въ новыя экономическія отношенія, чѣмъ въ какихъ они пребывали прежде.

Однако, между русскими мыслителями нашлись такіе сообразительные и остроумные умы, которымъ показалось, что всѣ наши домашнія бѣдствія начались именно съ момента объявленія свободы крестьянъ. Но, пускаясь въ такія соображенія, философы упускали изъ виду только то, что появленіе разныхъ предкорбныхъ денежныхъ обстоятельствъ не зависѣло нисколько отъ 19 февраля, а что это число зависѣло отъ нихъ.

И вотъ они принялись напрягать всѣ свои умственные силы надъ изобрѣтеніемъ такого фокуса, которымъ бы можно было превращать картофель въ золото настоящей червонной пробы. Самой простой вещью показалось имъ устройство шютечныхъ банковъ и какихъ-то кредитныхъ учрежденій, которыя должны набивать биткомъ червонными карманами всякаго, кто, являясь въ банкъ съ пустыми руками, заявлялъ о своемъ страстномъ желаніи имѣть непременно какъ можно больше золота. Но можетъ ли банкъ быть займодавцемъ, который бы давалъ золото подъ залогъ одного страстнаго желанія—имѣть его во что бы то ни стало? Отдавъ деньги и получивъ, въ замѣнъ его, одно желаніе, банкъ сдѣлалъ бы весьма неудачную финансовую операцію, которая бы кончилась полнымъ его разореніемъ. Но землевладѣльцы говорятъ, что они бы понесли въ залогъ банку не желанія, а свои земли, и что банкъ, во всякомъ случаѣ, не будетъ въ нападѣ, потому что, въ случаѣ неуплаты, онъ можетъ продать эти земли. Превосходно; но что же выигрываетъ отъ этого народное и государственное хозяйство? Станетъ ли страна богаче или бѣднѣе отъ того, если землевладѣльцы, заложивъ свои земли, сдѣлаютъ изъ денегъ то же самое употребленіе, какое они дѣлали при завладахъ въ бывшаго заемнаго банкъ и въ московскомъ опекунскомъ совѣтѣ? Зналъ я, напримѣръ, очень богатаго помѣщика, который, задумавъ, въ 1851 году, ѣхать на лондонскую выставку, заложилъ свое имѣніе въ московскомъ опекунскомъ совѣтѣ и, получивъ 25 т. р. сер., отправился въ путь. Но имѣтелю просвѣщенія, умѣющему уже привыкнуть къ далату,

путь оказался дилект и безнужность, и любитель, сообразивъ, что выставка будетъ, въ сущности, только большимъ базаромъ, построилъ слѣдующій, весьма основательный силлогизмъ: если выставка есть базаръ, а всякій большой промышленный центръ въ торговомъ отношеніи тоже базаръ, то очевидно, что Москва—тотъ же Лондонъ, но только другого размѣра. И потому любитель нанялъ на Тверскомъ бель-этажѣ въ 13 комнатъ, возобновилъ свои старыя знакомства, приобрѣлъ много и новыхъ охотниковъ до чужихъ вкусныхъ обѣдовъ и черезъ три мѣсяца воротился въ свою деревню съ путинымъ кошелекомъ и съ парой бронзовыхъ вызолоченныхъ жираңдолой гигантскаго размѣра, кулленныхъ за 800 р. ас. Это не идеальный примѣръ, а фактъ. Жираңдолы были дѣйствительно очень красивы; но все-таки было бы уместнѣе красоваться ими гдѣ нибудь въ Луврѣ, но ужь никакъ не въ домѣ степного помѣщика. —Что помѣщикъ имѣлъ полное право купить не только жираңдолы, но даже отрѣзать себѣ носъ, въ этомъ, конечно, никто не сомнѣвается. Но какую экономическую пользу принесла Россіи эта покупка? Вымѣнявъ жираңдолы на хлѣбъ, можно было бы получить 40,000 фунтовъ печенаго ржаного хлѣба (цѣна ему была тогда въ Самарѣ 2 к. на асс.) и прокормить такое число сапожниковъ, которые бы произвели 80 паръ сапоговъ и превратили бы, такимъ образомъ, 80 лапотниковъ въ деревенскихъ джентльменовъ. Остальныя тысячи, употребленныя помѣщикомъ на пѣздку въ Москву и на угощеніе своихъ голодныхъ пріятелей, специально занимавшихся посѣщеніемъ чужихъ обѣдовъ и утащиваніемъ московскихъ бульваровъ, принесли еще меньше экономической пользы, потому что пошли на убыточное потребленіе, т. е. посѣтители, поглотивъ ихъ, въ видѣ разныхъ кушаньевъ и напитковъ, превратили ихъ въ свою плоть и кровь и затѣмъ, въ затѣмъ этого поглощенія, не выдѣляли изъ себя ни одной унціи полезнаго вещества, годнаго на какую-либо потребу. Деньги ушли, какъ уходитъ дымъ, и вмѣсто ихъ не вышло ни одной полезной вещи; такъ что Россія стала бѣднѣе ровно на всю ту сумму, какая ушла непроезвѣдательнымъ образомъ. —Пусть читатель вообразить, что такихъ чудяковъ, какъ приведенный помѣщикъ, было не одинъ и не два, а нѣсколько сотенъ, и тогда ему нетрудно будетъ сообразить, какое громадное количество русскаго хлѣба превращалось, въ былые годы, въ подобіе табачнаго дыма и сколько бы, при иномъ пользованіи

деньгами, могло бы явиться у нас сапоговъ, штанговъ, синихъ кафтано́въ и другихъ полезныхъ предметовъ. Выгодно ли поступали все эти господа въ смыслъ народнаго хозяйства, богатыя ли отъ нихъ Россія?—Нѣтъ. А между тѣмъ, у банка оставалась въ залогъ земля и онъ не терялъ ничего, потому что просроченное имѣніе продавалось съ молотка. Банкъ не былъ въ наладѣ, но въ наладѣ была Россія: прежде у нея были двѣ единицы капитала—одна въ формѣ денегъ, другой въ формѣ земли; деньги улетучились, не создавъ на одной колесной былинки, и осталась только прежняя земля, т. е. вмѣсто двухъ вещей—одна.

Думаю, что просвѣщенный читатель найдетъ мое разсужденіе вполне правды, особенно если я прибавлю, что мною высказано только то теоретическое положеніе о капиталѣ, которое всѣми современными экономическими писателями, какова бы они ни были цѣта, признается за аксіому. Но съ другой стороны, я полагаю, что никакія въ мірѣ аксіомы равно ничего не значатъ, если какойнибудь философъ—а ихъ у насъ въ Россіи много,—направитъ всѣ силы своего изобрѣтательнаго ума на сомнительство сомнѣній, удовлетворяющихъ болѣе потребностямъ его широкой, черноземной природы, чѣмъ безстрастныя научныя положенія людей, пережившихъ уже эпоху черносезонной философіи.

Поэтому, черноземные мыслители, съ отличающею ихъ силой творчества, въ 1865 году отстаиваютъ такія мысли, о которыхъ было стыдно говорить еще въ 1861 году; а ученая редакція газеты «Земледѣіе, садоводство и огородничество» считаетъ эти мысли достойными украшать ея первыя страницы. Такъ, г. Григорій Бланкъ, одинъ изъ извѣстныхъ русскихъ агрономовъ, разрѣшая вопросъ: «есть ли у насъ на Руси деньги?» дѣлаетъ на него слѣдующій краткій, но убѣдительный отвѣтъ: «я думаю, что есть», и затѣмъ перечисляетъ, у кого есть деньги. По мнѣнію его, деньги есть у бывшихъ откупщиковъ, въ иностранныхъ магазинахъ, у богачей-капиталистовъ, у счастливыхъ банкировъ, у мѣняль, у ростовщиковъ, у мужиковъ-милліонеровъ, у винныхъ производителей, у бережливыхъ помещиковъ; наконецъ, деньги они водятся въ подпольяхъ и холстахъ у мужиковъ. Все это подлинныя слова г. Григорія Бланка, приведенныя мною только въ сокращеніи. Однимъ словомъ, денегъ у насъ много; но, въ первыхъ, мы, по добродушію своему, припрѣли у себя на науку эмвію—иностранцевъ, которые «прекрасно понимаютъ,

что разрабатывать Уральскій хребетъ или копать Забайкальскія горы, ради золотыхъ и серебряныхъ приисковъ, — дѣло не легкое, сопряженное съ большими трудами, препятствіями и затратами. Вотъ они, живя между нами, безъ всякаго риска на потерю, придумали для себя превосходные прииски «благородныхъ металловъ»; отыскали настоящую Калифорнію, съ самородками въ видѣ чеканной монеты», скупаютъ ее у насъ и увозятъ ее къ себѣ. «О, злоумышленные нѣмцы!... Отчего же вы до сихъ поръ не догадались забраться за границу—скупать тамошнее золото и перевозить его къ себѣ? Г. Григорій Бланкъ, вы, по своей скромности, даже и не подозреваете, какое сдѣлали великое открытіе: поѣзжайте въ Парижъ, Лондонъ, Франкфуртъ на Майнѣ, въ Вѣну, скушите все золото, хранящееся у Ротшильда и другихъ коварныхъ нѣмцевъ, и тащите его домой. Съ какою патристическимъ восторгомъ встрѣтимъ мы караванъ, нагруженный червонцами и нашими колумперіалами, которые, подобно блудному сыну, оставивъ отчій домъ, ушли на западъ, чтобы служить орудіемъ коварства и всякихъ козней нѣмцевъ противъ русскихъ. Но еще больше плѣняетъ меня картина, которую представляютъ вытянутыя снѣгономіи изумленныхъ нѣмцевъ, у которыхъ, въ одинъ прекрасный день, не останется въ карманѣ ни одного песенга. Я иррѣзваю далѣе торжественный видъ г. Григорія Бланка, сопровождающаго караванъ съ золотомъ, и тонкую ироническую улыбку, какою онъ приближаетъ окончательно нашихъ враговъ, приносящихъ Россіи столько несчастья.—Но нѣтъ, господинъ Григорій Бланкъ, вы не можете быть такъ жестокосерды! Пожалуйте 200,000,000 итальянцевъ, французовъ, англичанъ и нѣмцевъ, ихъ жонъ и дѣтей, которыхъ ваше открытіе погубитъ голодной смертію; что стоитъ вамъ изобрѣсть другой фокусъ, который наполнитъ сундуки всѣхъ людей земного шара червонцами и каждаго пролетарія сдѣлаетъ Ротшильдомъ? Зачѣмъ несчастные? Пусть будутъ всѣ счастливы. Господинъ Бланкъ, пощадите люда, покажите намъ этотъ другой фокусъ!

Но г. Григорій Бланкъ отступаетъ, по крайней мѣрѣ, противорѣчить себѣ, потому что, сказавъ въ одномъ мѣстѣ, будто бы злоумышленные иностранцы и ивадношатающіеся русскіе вывезли отъ насъ всѣ деньги за границу, онъ въ другомъ мѣстѣ приводитъ факты нашего богатства и, между прочимъ, недавній внутрѣнный заемъ въ 100 милліоновъ рублей. Онъ жалуется не на то, что у насъ нѣтъ денегъ, а на то, что онъ не имѣютъ оборота и стремятся исклю-

тельно только въ питейные дома. Изъ послѣдняго фаята, подмѣченнаго г. Бланкомъ, я заключаю, что лукавство нашихъ мужиковъ можетъ сравниться только съ коварствомъ нѣмцевъ. Въ этомъ убѣждаетъ меня еще больше то обстоятельство, что тому же г. Григорію Бланку извѣстно положительно, какъ наши мужики припрятали въ свои подполья цѣлыя кубышки, набитыя биткомъ серебромъ и золотомъ, и соглашаются отдавать ихъ не иначе, какъ за извѣстный процентъ и съ придачей, конечно, водки. Теперь очевидно, что северныя привычки нашего простонародья, носящаго лапти и читающагося трухой, происходятъ отъ его гнусной скверности.

Такъ какъ оказывается, что у насъ денегъ много, но они хранятся въ подпольяхъ, то нужно было проникнуть въ корень причины этого, и г. Григорій Бланкъ съ тою же силою мысли указалъ ее благоговѣнно слушающимъ его вѣрченіямъ читателей «Земледѣлія, садоводства и отородничества». Оказывается, что деньги лежатъ мирно въ кубышкахъ потому, что нѣтъ, т. е. деньгамъ, нѣтъ оборота, и нѣтъ оборота потому, что нѣтъ кредита, а нѣтъ кредита... ну, угадайте! а нѣтъ его вотъ почему: «кредитъ есть вѣрность», разсуждаетъ г. Григорій Бланкъ, когда ввѣряютъ капиталы подъ залогъ собственности, которая тверда и доходна, а потому и цѣнна. Вотъ свойства, конхъ отсутствіе въ поземельной собственности лишаетъ ее кредита. Слѣдовательно, первѣе всего ихъ надо ей возвратить: тогда сама собою возникнетъ и вѣрность... И такъ, нужно начать съ того, чтобы сдѣлать ея принадлежность твердою, а доходность—выгодною. Безъ этого кредита не будетъ и быть не можетъ, ибо нельзя заставить кого-либо ввѣрять свои капиталы подъ такое обезпеченіе имуществомъ, которое шатко и которое не только не даетъ вѣрныхъ и хорошихъ доходовъ, но, напротивъ, съ году на годъ дѣлается все убыточнѣе и убыточнѣе. Если бы даже и составился у насъ искусственно, ненормально поземельные банки, то одно изъ двухъ: или ихъ капиталы лопнули бы, или всѣ заложеныя изъ крайней нужды имущества достались бы за безцѣнокъ банкоучредителямъ и, того и гляди, иностранцамъ, которые, въ такомъ случаѣ, неожиданно и нежданно овладѣли бы русскою землею безъ боя, безъ выстрѣла, однимъ ловкимъ маневромъ». Г. Григорій Бланкъ! побойтесь Бога, что это вы говорите! Для чего это понадобилась вдругъ иностранцамъ русская земля? Будто бы вы не знаете, что если нѣтъ становится у себя тѣсно, то они отправляются въ Аме-

ригу, а не въ Россію. И когѣ вы хотѣли зацугать? — Извѣстно всѣмъ, что г. Григорій Бланкъ высказываетъ мнѣніе не свое лично, но цѣлаго легиона единомышленниковъ, очень огорченнаго тѣмъ, что жареныя рабчики достаются имъ теперь съ большимъ трудомъ, а иногда и совсѣмъ не достаются. Но, господа единомышленники, вы совершенно напрасно расходуете силы своего ума на изобрѣтеніе ужасовъ, никого не пугающихъ; 19-е февраля 1861 годъ—фактъ уже совершившійся, и къ 18-му воротиться невозможно. Значитъ, если вы люди разсудительные, то постарайтесь привести свою кровь къ нормальному круговращенію и окончательно убѣдитесь, что возвратъ къ крѣпостному быту совершенно невозможенъ и отнынѣ вамъ необходимо набивать трубки и сморкаться собственноручно. Приведя кровь къ спокойному состоянію, вы легко усмотрите далѣе, что многое подмѣчено вами совершенно вѣрно, только васъ пугаютъ новыя невыгодныя для васъ комбинаціи экономическихъ общественныхъ условій и оттого вы не можете никакъ сдѣлать изъ нихъ правильного логическаго вывода и сочиняете галлюцинаціи, въ родѣ того, что иностранцы купятъ всю русскую землю и вамъ придется переселяться, для сохраненія своей независимости, на Мадагаскаръ. Повѣрьте, что ничего этого не будетъ: Россія останется Россіей и вамъ не придется ее покидать. Все, что случится, будетъ заключаться только въ томъ, что лѣтъ черезъ сто или двѣсти а можетъ и ранѣе, въ Россіи начнется такое матеріальное благосостояніе, какого въ ней еще никогда не бывало, и кладовая каждаго земледѣльца украсится сочнымъ окорокомъ, отсутствіе котораго теперь у многихъ упомянутыхъ единомышленниковъ наводитъ облака печали на ихъ чела и порождаетъ въ ихъ головахъ мрачныя мысли.

Огорченіе людей этого сорта заключается въ томъ, что земля нынче стала менѣе прочна, чѣмъ была прежде. Что же? если земля бѣжить изъ подъ вашихъ ногъ, постарайтесь удержать ее, если можете; а если не можете, то безъ всякаго зубоваго скрежета оставьте ее бѣжать, куда она знаетъ. Повѣрьте, что она и безъ васъ не заблудится. Ужь будто бы до 19-го февраля 1861 года принадлежность земли была прочнѣе, чѣмъ стала съ освобожденія крестьянъ? И будто бы можно было сдѣлать больше того, что сдѣлало правительство, чтобы земли владѣльцевъ не утратили ничего въ своей доходности? Откуда же явилась вдругъ непрочность и бездоходность или, какъ выражается г. Бланкъ, невыгодная доходность? Вы говорите, что

ваша доходность становится съ году на годъ все убыточнѣе и убыточнѣе. Скажите, въ такомъ случаѣ, что за расчетъ у васъ непременно разоряться, дѣйствуя постоянно себѣ въ убытокъ? Или хозяйничайте выгодно, или, если для васъ это совершенно невозможно, предоставьте свое хозяйство тому, у кого оно пойдетъ хорошо. Государству нѣтъ никакой выгоды, когда капиталисты даютъ своимъ средствамъ убыточное движеніе. Для страны все равно—будутъ ли капиталисты тратить свои капиталы на пріобрѣтеніе бронзовыхъ жидрандолой и на кутежи, или, употребивъ на убыточное хозяйство, зародятъ безъ толку свои деньги въ землю. Последнее даже хуже перваго, потому что изъ затратъ не получится ни одной полезной порошинки, тогда какъ въ первомъ случаѣ деньги могутъ перейти въ карманы умныхъ людей, которые дадутъ имъ выгодный для страны оборотъ.

Едва ли какое-либо правительство отнеслось бы къ интересамъ своихъ землевладѣльцевъ болѣе заботливо, какъ это поступило наше. При расчетѣ выкупныхъ сдѣлокъ была взята въ основаніе не одна поземельная рента, но и сторонніе промысловые заработки. Изъ этого понятно, что и выкупныя суммы должны во многихъ мѣстностяхъ превышать цѣну земли. Къ январю нынѣшняго года, пятая часть бывшихъ помещичьихъ крестьянъ выкупилась и помещики получили чистыми деньгами 84 милліона рублей, и это только по 17,000 сдѣлокъ или почти по 5 т. за сдѣлку. Капиталь, кажется, хорошій и на 84 мил. руб., повидимому, можно произвести много хорошихъ вещей. Что же хорошаго произвелъ г. Григорій Бланкъ и его единомышленники? Г. Григорій Бланкъ (не имѣя никакого основанія отнестись неуважительно къ талантамъ г. Бланка, я употребляю его имя, какъ нарицательное, для обозначенія людей, у которыхъ доходность идетъ въ убытокъ), употребивъ полученные 84 милліона какимъ-то особеннымъ, весьма остроумнымъ и никому неизвѣстнымъ способомъ, принялся затѣмъ излагать свои сельско-хозяйственныя и государственныя соображенія въ разныхъ специальныхъ периодическихъ изданіяхъ и въ засѣданіяхъ сельско-хозяйственныхъ обществъ. Наиболѣе поучительныхъ мнѣній было высказано по поводу невыгодности вольнонаемнаго труда. Г. Бланкъ доказываетъ рѣшительно, что вольнонаемный трудъ—гибель и чистое разореніе. Приводятся тысячи фактовъ и расчетовъ, по которымъ оказывается, что наемъ рабочихъ на пашню, жниво, молотѣбу и проч. идетъ въ убытокъ.

Тѣ мѣста или, вѣрнѣе, отдѣльныя мѣстна, гдѣ это иначе, г. Бланкъ называетъ прописки «гомеопатическими точками». Правда, этотъ взглядъ встрѣтилъ и противниковъ. Такъ, г. фонъ-Гребнеръ, принадлежащій къ противному лагерю и пренеполненный вообще демократическихъ тенденцій, позволяетъ себѣ смѣлость сомнѣваться не только въ основательности доводовъ г. Григорія Бланка, но даже и въ его остроуміи, чего еще никому не приходило въ голову. Г. фонъ-Гребнеръ видитъ главную причину неудачъ въ томъ, что «жирѣютъ» до-нельзя въ городахъ и многіе изъ нашихъ соотечественниковъ доврѣютъ безъ пужды своею достояніе «Яшкэмъ». Слѣдовательно ясно, что какъ только землевладѣльцы начнутъ худѣть, то у нихъ явится и «выгодная доходность», а для этого имъ нужно заниматься моціономъ въ своихъ собственныхъ мѣстнахъ.—Г. Павелъ Загубаловъ высказываетъ въ земледѣльческой газетѣ подобныя же мысли; но, придавая имъ болѣе идиллическій характеръ, оправдываемый, конечно, тѣмъ, что его усадьба, Твератиновка, лежитъ въ казанскомъ уѣздѣ. Разсказывая нѣсколько грандіозныхъ мыслей по поводу того, что истощеніе почвы было одною изъ причинъ паденія великаго Рима, что заслуги въ земледѣліи должны быть цѣнны гораздо выше не только заслугъ служебныхъ, но и заслугъ по другимъ отраслямъ человеческихъ знаній; что Дибихъ великій гимникъ, потому что, благодаря переводу Ильенкова, наши землевладѣльцы только нынче впервые узнали, какое значеніе въ народномъ и государственномъ хозяйствѣ имѣли земли,—г. Загубаловъ, подобно Томасу Мору и монаху Кампанеллѣ, рисуетъ такую утопію: «Если бы настала та счастливая пора, что землевладѣльцы, постоянно нынѣ проживающіе разъединенно въ губернскихъ нашихъ городахъ и столицахъ, а частью и за границею, поселились въ своихъ усадьбахъ и принялись за земледѣліе съ полнымъ къ нему сочувствіемъ, то какія прекрасныя составились бы изъ нихъ образованныя земскія общества; жизнь наша приняла бы тогда совсѣмъ другой характеръ: мы вступили бы въ новый, упроченный земледѣліемъ, фазисъ жизни гражданской; сколько основаній тутъ къ дальнѣйшимъ улучшениямъ ея, а затѣмъ и къ общему процвѣтанію края. Мысль о земскихъ банкахъ развилась бы и осуществилась, несомнѣнно, гораздо скорѣе и основательнѣе (еще бы! на Утопіи развивается все очень скоро и основательно), и земельный кредитъ подвинулъ бы земледѣліе далеко впередъ на пути

его развитія (на Утопіи можно бы обойтись и безъ кредита, а то пожалуй, и безъ земледѣлія; впрочемъ, пусть пашутъ землю: это аппетиту не жѣшаетъ), и въ не длинный періодъ времени (а напримѣръ, какой?) общество образованныхъ землевладѣльцевъ стало бы во главѣ всѣхъ прочихъ (и всѣ мы превратимся въ лордовъ Пальмерстоновъ, не правда ли г. Павелъ Загбаловъ?) Какое огромное поприще дѣятельности нашли бы себѣ наши молодые камералисты (и отчего только камералисты, за что же обижать агрономовъ и юристовъ?) въ приложеніи пріобрѣтенныхъ ими въ университетахъ знаній; теперь же они, по необходимости, стремятся поступать, большею частью, или въ аничинные чиновники, или въ судебные слѣдователи. Какъ много выиграло бы тогда и самое воспитаніе дѣтей нашихъ. Земледѣліе представляетъ огромное поприще къ изученію природы, приучаетъ къ наблюдательности и размышленію, а это имѣетъ высокое значеніе для всего человѣчества.» Ну, зачѣмъ вы трогаете «все человѣчество», г. Загбаловъ? Пусть оно себѣ изучаетъ природу, какъ находитъ удобнѣе. Право; оно не выиграетъ особенно, если только одни образованные русскіе землевладѣльцы приучатся къ размышленію и наблюдательности и уподобятся англійскимъ лордамъ.

Не тѣмъ тономъ говорятъ разсудительные землевладѣльцы. Такъ, г. Ульяновъ (Земледѣльческая газ. 65 г. № 11) замѣчаетъ, что «важныхъ особенныхъ улучшеній и хозяйственныхъ предпріятій между нашими землевладѣльцами незамѣтно: всѣ сваливаютъ вину на безденежье и упадокъ кредита. По настоящему и говоря вообще, помещикамъ сколько нибудь значительнымъ, получившимъ или ожидающимъ полочки выкупныхъ бумагъ, право, грѣшно и стыдно, жаловаться на недостатокъ средствъ. Получать разомъ нѣсколько тысячъ — не то десятки, даже сотни тысячъ руб. въ видѣ выкупа — развѣ это не капиталныя средства, если мы благоразумно распорядимся ими, сознавая, что пора даравщины прошла и наступило для каждаго время становиться на свои ноги, работать своими руками или головою для добыванія необходимыхъ житейскихъ отребностей. А если мы не пріобрѣли еще этой благоразумной распорядительности и не усвоили этого сознанія, то пойдетъ ли въ прокъ и учрежденіе земскихъ банковъ, на чемъ многіе такъ настаиваютъ, увѣряя, что банковыя ссуды будутъ употребляемы непременно уже на хозяйственныя улучшенія и предпріятія? Если совершится такое счастливое превращеніе, оно послужитъ доказательствомъ развѣ того только, что рус-

скому человѣку долго еще будутъ нужны помочи, или, по крайней мѣрѣ, угроза, что вотъ-де тебѣ дадутъ еще деньги, но чтобы ты распорядился ими съ лучшею для себя пользою; долженъ же ты платить за то порядочные проценты, а не станешь платить, лишись-ся заложенаго имѣнія. Безъ этихъ попечительныхъ мѣръ, выходить, нельзя: самораспоряженіе не прилаживается къ нашей натурѣ, насмѣшливо названной широкою.

Въ той же земледѣльческой газетѣ Г. А. Полторацкій замѣчаетъ, что, во всякомъ № газеты «Земледѣліе, садоводство и огородничество» (той самой, гдѣ передовыя статьи пишутъ гг. Григорій Бланкъ и Фопъ-Гребнеръ) встрѣчаются расчеты найма рабочихъ или пѣту въ родѣ сказанія о стоимости работы и о вольнонаемномъ трудѣ. «Неужели жалобные стоны эти, продолжаетъ Г. Полторацкій, могутъ растрогать крестьянъ до того, что тѣ сбавятъ цѣну работъ и за дешовку станутъ въ потѣ лица упражняться въ хозяйственной наукѣ, какъ было нѣкогда, при крѣпостномъ правѣ. Сяѣмъ надѣяться, что бывалыя времена миповались. Если же помѣщикамъ не по силамъ полевая работа, то слѣдуетъ передать тому, кто съ нею справится легче — своему сосѣду-крестьянину, а за посылкой совѣтовъ вдалѣ ходить нечего; да врядъ ли кто впадетъ и посоветуетъ, такъ какъ дѣло это и его исправленіе внѣ помѣщичьихъ стоновъ:—словомъ, возможность приведенія вольно-наемнаго труда къ коренному основному закону, который одинъ могъ бы служить гарантіею полевыхъ работъ въ помѣщичьихъ земляхъ, принадлежитъ исключительно времени; оно одно въ состояніи указать и законы найма рабочихъ, и его обязательную сялу.» Далѣе г. Полторацкій объясняетъ, что въ Могилевской губерніи, гдѣ его имѣніе, рѣшительно пѣтъ ладу съ вольно-наемными рабочими; что ни одинъ домоватый и порядочный человѣкъ не нанимается, а идетъ только голъ кабацкая и вся работа въ убытокъ.

«Что же намъ дѣлать?» спрашиваетъ онъ. Какъ что? Да то же самое, что вы совѣтуете такъ рассудительно другимъ: передать работу тѣмъ, кто справится съ нею легче, а самимъ заняться дѣломъ болѣе выгоднымъ, чѣмъ земледѣліе. У насъ, напримѣръ, мало колбасъ, ветчины, картофельнаго крахмалу, кожи, сапоговъ и множества другихъ вещей. Вотъ и займитесь колбасами или приготовленіемъ кожи. Или стыдно? Или не умѣете? Званіе колбасника—званіе честное, да и дѣло болѣе легкое, чѣмъ сельское хозяйство. Значить, сты-

даться нечего и умѣнья нужно не много. Или же у васъ есть 84 милліона рублей, что вы получили за выкупныя сдѣлки: устройте желѣзную дорогу тысяча въ полторы версты и будете вы получать по 5%. Чѣмъ же это худо? А еще лучше, проведите 80,000 верстъ шоссе, потому что, занявшись желѣзными дорогами, мы образованнѣе, что затѣмъ всѣ остальные пути сообщенія имѣютъ право пребывать до слончанія вѣка въ своемъ первоизданномъ видѣ. Конечно, рѣзкій переходъ съ удобнаго желѣзнаго пути въ русскую телѣгу и затѣмъ путешествіе по кочкамъ, рывтинамъ, пнямъ и корнямъ и шлепанье по грязи, точно хляби небесныя соронъ дней и почей точили изъ себя воду, возвышаетъ достоинство желѣзныхъ дорогъ; но что выигрываетъ нашъ земледѣлецъ оттого, что мы съ вами, два джентльмена, проѣдемъ въ вагонѣ 1-го класса изъ Петербурга въ Феодосію? Ему нужно все-таки шлепаться по грязи съ своимъ возомъ ржи или пшеницы и класть на возъ, вмѣсто 60, только 30 пудовъ. — Употребленіе денегъ на подобныя промышленныя предпріятія будетъ, разумѣется, лучшимъ для нихъ помѣщеніемъ, потому что представляетъ для веселыхъ людей возможность наслаждаться безмятежно покоемъ и всѣми плодами вишней европейской цивилизація, подобно тому, какъ занимается этимъ дѣломъ почтенная кременчугская аристократія. «Глядя на то, пишетъ кременчугскій корреспондентъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», какъ кременчугцы продолжаютъ еще выѣзжать на рысакахъ, какъ запиваютъ зернистую икру шампанскимъ и какъ нарядно одѣваются здѣшнія фарыни и барышни на семейные и танцевальныя вечера, учреждаемые при клубѣ,—глядя на всю эту роскошь и барское изліщество и зная, что теперь очень не легко достаются деньги, невольно подумаешь, что главное выкупное учрежденіе дѣятельно продолжаетъ разрѣшать выкупныя сдѣлки и снабжаетъ помѣщиковъ пяти-процентными билетами, которые здѣсь не менѣе дѣятельно превращаются въ шампанское, икру, кринолины и юбки, въ рысаковъ, а иногда и въ ремизы или рѣбарты со знакомъ». Очевидно, что уровень потребностей Кременчуга очень высокъ и что люди будутъ несчастны, если они откажутся отъ своихъ прежнихъ веселыхъ привычекъ. Кременчугцы разсудили весьма основательно, что быть несчастными скверно; они хотятъ, во что бы то ни стало, быть счастливыми, и вотъ они кружатся на своемъ высокомъ уровнѣ и имъ хорошо. Но затѣмъ же тыкать такими обиднымъ образомъ, пальцемъ, только

на Кременчугъ, какъ это дѣлаетъ злобный корреспондентъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей»? Я думаю, что корреспондентъ дѣлаетъ это просто изъ зависти, потому что у него нѣтъ такихъ приножиновъ и юбокъ, какъ тѣ, которые возбудили его желчь, и онъ самъ не ѣстъ никогда зернистой икры и не запиваетъ ее шампанскимъ. Вѣдь извѣстно, что только тѣ нападаютъ на дѣнь, кто трудится самъ, и на богатыхъ, у кого нѣтъ денегъ. Если бы тотъ же самый корреспондентъ вдвумаль бы сдѣлать только путешествіе, не то чтобы по Россіи, а просто по газетнымъ извѣстіямъ, то онъ узналъ бы, что мамъ, при нашемъ высокомъ уровнѣ потребностей, совершенно невозможно жить скаредной жизнью какого нибудь литературнаго труженика и сядѣть при сальномъ огаркѣ или, увлекшись идилліями г. Павла Загубалова, превратиться въ Цинцинатовъ или въ Цене-лопъ. Можетъ ли корреспондентъ, положи руку на сердце, сказать, что зернистая икра дурная вещь или что водка лучше шампанскаго? Я знаю, что отвѣтитъ мнѣ корреспондентъ. Онъ начнетъ объяснять мнѣ теорію роскоши; но я и самъ знаю эту теорію не хуже его и потому слушать его не стану, а тыкну ему пальцемъ на тысячу подобныхъ его корреспонденцій. Вотъ, хоть бы вологодскій корреспондентъ пишесть въ «Русскія Вѣдомости», «что большинство помѣщиковъ продаетъ или отдаетъ въ аренду за безцѣнокъ свои усадьбы. Лѣса выводятся совершенно; ихъ отдаютъ по 4 и 5 руб. за десятину дровяного и по 8—10 руб. строевого на срубъ, такъ что возъ дровъ обходится покупателю по копѣйкѣ серебромъ и даже менѣе. Крестьяне покупаютъ лѣса и земли, иностранцы берутъ усадьбы въ аренду на очень выгодныхъ для себя условіяхъ, а сами помѣщики, большую часть живутъ въ губернскомъ городѣ». И прекрасно. Отчего же и не жить въ губернскомъ городѣ, когда въ деревнѣ скучно? Отчего не продавать своихъ лѣсовъ и земель, когда нужны деньги? Вѣдь вы, гг. корреспонденты, и сами говорите, что «при отѣнѣ ирѣ-постного права наши ожиданія, наши надежды были обыкновенно блестящи; иллюзіямъ нашимъ не было границъ. Мы говорили себѣ: трудъ свободенъ, земли у насъ довольно, профессора и литература укажутъ намъ на лучшія техническія усовершенствованія и земля наша покроется благоустроенными сельскими хозяйствами, богатыми фермами въ сѣверныхъ губерніяхъ—на подобіе мелкихъ англійскихъ, въ южныхъ—на образецъ обширныхъ американскихъ. Увлеченные благосѣтью реформы, мы не дали себѣ труда призадуматься надъ сво-

никъ положеніемъ и оцѣнить всю трудность перехода. Мы тогда не забыли, что главное въ промыслѣ — дѣятель, а если нѣтъ дѣятелей, то и нѣтъ производства; мы позабыли, что изданіе указа не можетъ разомъ передѣлать нравы населенія. Нельзя было ожидать, что на другой же день изданія знаменитаго указа, уже 20 вѣселя, хозяева будутъ достаточно просвѣщены и опыты, чтобы вести самостоятельными, рациональными хозяйства, что нашъ сельскій работникъ сдѣлается разомъ и трудолюбивымъ, и добросовѣстнымъ. Если одни изъ васъ говорятъ такія разсудительныя вещи и утверждаютъ прямо, что мы и непросвѣщены и неопытны, зачѣмъ же другіе требуютъ отъ непросвѣщенныхъ и неопытныхъ людей, чтобы они, какъ медвѣди, сидѣли въ своихъ деревенскихъ берлогахъ и пасторали бы тѣ самыя сельско-хозяйственныя ошибки, которыми мы роняли все болѣе и болѣе наше земледѣіе? Въ крѣпостную эпоху мы считали только нужнымъ дѣлать то, что удовлетворяло нашимъ прихотямъ; мы увеличивали только свои запашки, но не думали объ улучшеніи посей; никакихъ техническихъ производствъ мы не знали и дошли, наконецъ, до того, что за-границей упалъ спросъ на наши земледѣльческіе продукты, потому что другія страны производить ихъ дешевле и лучше насъ. — Для вашего удовольствія, гг. корреспонденты, я высылаю всѣхъ помѣщиковъ, проживающихъ въ городахъ, въ ихъ деревни. Какая же выгода будетъ отъ этого нашему земледѣію? Прочтѣтутъ повсюду ирригаціи и дренажи, явятся сто-пудовые быки и 30-пудовыя свиньи, рожь станетъ рѣдиться самъ-12, а пшевица самъ-20? Вѣдь ничего этого не будетъ. Ну, и оставьте городскихъ жителей въ покоѣ; пусть они продаютъ свои лѣса и пашни; никакой бѣды отъ этого не будетъ; Россія не станетъ меньше и народу у насъ не убавится. Случится только переходъ имущества изъ однихъ рукъ въ другія и, конечно, лучшія. потому что неумѣлый человекъ пону-пать не стапелъ и виѣсто одного владѣльца А, явится, вѣроятно, два владѣльца В; значить, людей обеспеченныхъ прибавится и увеличатся запасъ полезныхъ предметовъ, и станетъ у насъ болѣе богатыхъ людей. Ну, развѣ это такъ худо?

— Худо! развѣется мнѣ на это въ отвѣтъ одинъ голосъ изъ дома земледѣльческой школы, что на Зубовскомъ бульварѣ, въ Москвѣ. Положимъ, ввозглашаетъ тотъ же голосъ, что большинство помѣщиковъ совершенно согласно съ тѣмъ, что нѣтъ невозможно вести хозяйство вольнонаемнымъ трудомъ и что система эта выдѣ-

годна только въ очень немногихъ мѣстностяхъ, справедливо называемыхъ г. Бланкомъ «гомеопатическими точками»; но не мнѣе справедливъ и г. Павелъ Загибаловъ: намъ нужно стать лицомъ къ лицу съ нашими землевладѣльцами и, переставъ быть только землевладѣльцами, носить болѣе почетное названіе — земледѣльцевъ. Ахъ, господинъ президентъ сельско-хозяйственного общества! вѣдь это тоже идея; вѣдь весь вопросъ только въ томъ, какъ же это «стать»? Кто же не знаетъ того, что очень бы хорошо было, если бы всѣ наши землевладѣльцы уподобились по богатству, знаніямъ и образованію англійской земледѣльческой аристократіи (прочитайте объ этомъ у г. Павла Загибалова), да какой же толкъ отъ этого знанія? Вотъ и вы, г. президентъ, жалѣете объ этомъ, и вамъ дороги сословныя предрасудки и васъ огорчаетъ то, что, по случаю истощенія верхняго слоя нашей почвы и возрастающаго уменьшенія отъ этого доходовъ, поземельная собственность изъ рукъ землевладѣльцевъ-хозяевъ *de jure* перейдетъ въ руки земледѣльцевъ-хозяевъ *de facto*. «Но этотъ переходъ, въ отношеніи общихъ интересовъ земледѣльческаго дѣла, не будетъ полезенъ, если хозяева *de facto* будутъ изъ наличнаго контингента съемщиковъ, столь бѣдныхъ денежнымъ и научнымъ капиталомъ (а какъ будто богаты имъ хозяева *de jure*). Въ отношеніи же нашихъ личныхъ интересовъ (т. е. помѣщичьихъ), этотъ переходъ нанесетъ намъ большой денежный убытокъ, ибо проведетъ насъ черезъ «азисъ» еще большаго пониженія цѣнъ за поземельную собственность. Мнѣ кажется, что мы благоразумнѣе поступимъ если въ предупрежденіе кризиса, окрѣпнувъ духомъ, примемся за дѣло на подручныхъ намъ земляхъ нашихъ и всѣми силами будемъ стараться избавиться отъ заглазныхъ имѣній». Хотя, вслѣдъ за этой рѣчью, и раздались громкія рукоплесканія, потому что всѣмъ очень понравилось: «окрѣпнуть духомъ», но какой послѣдовалъ дальнѣйшій полезный практическій результатъ для нашего земледѣлія отъ мудраго совѣта г. президента, мнѣ неизвѣстно; и потому я читателю доложить о немъ ничего не могу. Впрочемъ, прозрѣвая умственнымъ окомъ въ будущее и основываясь на томъ свойствѣ русскаго человѣка, что онъ вообще великій мастеръ откладывать на завтра то, что можно сдѣлать сегодня, я полагаю, что никакой особенной крѣпости духа ждать и не слѣдуетъ. Все ограничится красивыми и грошными фразами, и тѣ, кто привыкъ всю свою жизнь только го-

ворить, до конца дней своихъ, будутъ только говорить и развѣ только немногіе энергическіе люди съумѣютъ стать лицомъ къ лицу съ земледѣліемъ. Затѣмъ постепенно совершится то, что должно совершиться и путь къ чему указанъ положеніемъ 19 февраля: крестьяне-земледѣльцы будутъ дѣлаться собственниками занимаемой ими земли, и наступать у насъ времена изобильнаго потребленія колбасъ, окороковъ и домашняго пива. Поэтому, читатель, не смущайтесь тѣмъ, что въ Кременчугѣ живутъ весело что въ другихъ мѣстахъ живутъ очень скучно, что г. Григорій Бланкъ сулитъ нашествіе иноплеменниковъ, что г. Павелъ Загигаловъ рисуетъ идиллическія картины во вкусѣ англійской аристократіи, что г. Шатиловъ требуетъ, чтобы вы стали непремѣнно лицомъ къ лицу съ земледѣліемъ и окрѣпли бы духомъ: все это неважно. Я не стану предсказывать, что къ тому времени зацвѣтутъ у насъ повсюду померанцевыя рощи; по думая, что и безъ померанцевъ нашему сельскому населенію будетъ хорошо и ваше изумленіе, при видѣ новой жизни, будетъ больше, чѣмъ изумленіе того шотландскаго охотника, который проспалъ на большой дорогѣ двѣсти лѣтъ. Что же касается до средствъ, которыя должны подѣйствовать немедленно, то мнѣ больше всего нравится проэктъ г. Григорія Бланка увезти изъ за границы все золото, и потому я предлагаю командировать г. Бланка за границу.

Н. Шелгуновъ.

ОТВѢТНЫЙ ЛИСТОКЪ

Къ № 5-му за 1865 годъ.

Изъ заявленій, сдѣланныхъ Редакціею въ №№ 2-мъ и 4-мъ «Русскаго Слова» за нынѣшній годъ, гг. подписчикамъ уже извѣстно, что Редакція никогда и ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть виновата въ неполученіи ими какого нибудь №-ра «Русскаго Слова»; поэтому всѣ жалобы, полученныя Редакціею за прошлый мѣсяцъ, были сообщены ею Газетной Экспедиціи, которая дала на нихъ слѣдующіе отвѣты:

Въ Козьмодемьянскъ, к. Бардину. Всѣ первые 3 засланы Газетной Экспедиціей, вмѣсто вашего настоящаго адреса, въ Краснослободскъ, потому можетъ быть, что ужъ слишкомъ много общаго между названіемъ мѣста вашего жительства и названіемъ нижепоименованнаго города. Газетная Экспедиція 20 мая послала отношеніе Почтовой Конторѣ г. Краснослободска о немедленной пересылкѣ «Русскаго Слова» въ Козьмодемьянскъ. Вы теперь ихъ уже должны давно получить.

Въ Новградъ-Волынскъ, к. Поржецкому. № 3 посланъ въ Новградъ-Волынскъ 30 апрѣля, въ 4-хъ экз., въ томъ числѣ и на ваше имя.

Въ Канскъ, к. Безулову. № 1-й посланъ вамъ 1 марта, № 2 апрѣля 1-го и № 3 апрѣля 30-го. По всей вѣроятности, всѣ эти

№-ра лежать въ Почтовой Конторѣ. Такъ, по крайней мѣрѣ, объясняетъ неполученіе ихъ вами Газетная Экспедиція. Постарайтесь справиться.

Въ *Буртунай, Библиотекѣ Кавказскаго Линейнаго № 13 баталіона.* Всѣ №-ра «Русскаго Слова» посланы вамъ чрезъ Хасафъ-Юрты: № 1-й посланъ 1 марта, № 2-й апрѣля 1-го и № 3-й апрѣля 30-го.

Въ *Лебедзь, г. Безсонову.* № 2 посланъ былъ 1 марта при описи на Рязань за № 111 въ 3 экз., въ томъ числѣ и вамъ, и, какъ изъ возвращенной карты видно, полученъ тамъ вашимъ служителемъ Черновымъ.

Въ *Саткинскій заводъ, г. Романову.* № 1-й былъ посланъ вамъ 1-го марта, въ числѣ 10 экз., за № 77, и, какъ видно изъ возвращенной карты, полученъ въ Уфѣ 17 марта. Дано знать Почтовой Конторѣ.

Въ *Воронежъ, Публичной Библиотекѣ.* Еще вслѣдствіе первой вашей жалобы была Редакціею наведена справка въ Газетной Экспедиціи и тогда же 2 экз. № 12 за 1864 г. были посланы вамъ *оторично*. На вторую вашу жалобу Газ. Экспедиція отвѣтила, что № 12 въ 4 экз. полученъ въ Воронежѣ 14 февраля, какъ видно изъ возвращенной карты. Газ. Экспедиціею спрошена объ этомъ Почтовая Контора; 2-же экз. № 12, посланные вамъ Редакціею *оторично*, были удержаны Газет. Экспедиціею безъ вѣдома Редакціи. Они посланы къ вамъ только 14 іюня. Редакціею послано вамъ, кромѣ того, письмо,

Въ *Петропавловскъ, г. Кабанову.* № 11 за 1864 годъ посланъ вамъ *оторично* 30 апрѣля за № 878.

Въ *Канскъ, Приходскому Училищу.* № 1 посланъ 1 марта въ Тюкѣ на Красноярскъ за № 96. № 1-й посланъ вамъ Редакціею *оторично*.

Въ *Керчь, Англійскому клубу.* Ваша жалоба сообщена была Газетной Экспедиціи еще 14 іюня, но отвѣта не получено. № 1-й посланъ вамъ Редакціею *оторично*.

Въ *Моздокъ, Войсковому Правленію Терскаго Казачьяго Войска.* Ваша *оторичная* жалоба была *оторично* сообщена Газетной Экспедиціи, которая опять отвѣтила, что № 1-й былъ посланъ вамъ 1-го марта; но такъ какъ вы подписались въ Газетной Экспедиціи, а для первой книжки адреса были писаны, ей самой то она адресовала вамъ вмѣсто: *Войсковому, Волостному правленію*. Вотъ, можетъ быть, почему № 1-й не дошелъ по назначенію. Онъ посланъ вамъ Редакціею *оторично*.

- Въ село Изжеское, к Курбатову.* На вашу *вторичную* жалобу Газ. Экспедиція *вторично* отвѣтила то же самое, т. е., что № 1-й былъ посланъ вамъ 11-го марта чрезъ Ерахтурь. Онъ посланъ вамъ Редакціею *вторично* 14 июня.
- Въ Красноярскъ, к. Мохову.* № 1-й посланъ былъ вамъ 1-го марта за № 96. Онъ посланъ вамъ Редакціею *вторично* 14 июня.
- На ст. Карино, к. Квятковскому.* № 1-й былъ посланъ вамъ 1 марта, № 2-й апрѣля 1-го, № 3-й апрѣля 30-го, № 4-й июня 3 при описи на Красноярскъ.
- Въ Глазовъ, к. Сертёву.* № 2-й былъ посланъ вамъ 1-го апрѣля въ туюжъ на Казань за № 97.
- Въ Черный Яръ, к. Иванову.* № 2-й былъ посланъ вамъ 1-го апрѣля при описи на Тамбовъ. Онъ посланъ вамъ Редакціею *вторично*.
- Въ Темиръ Ханъ-Шуру, к. Мискинову.* Ваша жалоба была сообщена Газ. Экспедиціи 14 июня, но отвѣта до сихъ поръ не получено. № 1-й посланъ вамъ Редакціею *вторично* 14 июня.
- Въ Красноярскъ, к. Черепанову.* № 1-й посланъ вамъ 1-го марта за № 96. Онъ посланъ вамъ Редакціею *вторично* 14 июня.
- Въ Старобильскъ, Штатному Смотрителю Училищъ.* Ваша жалоба была сообщена Газетной Экспедиціи 14 июня, но отвѣта до сихъ поръ не получено.
- Въ Сувалки, к. Манасеину.* № 4-й былъ посланъ вамъ 2 июня въ туюжъ за № 11.
- Въ Черниговъ, Благородному Собранию.* № 1-й былъ посланъ вамъ 1-го марта, и изъ возвращенной карты видно, что полученъ въ Черниговъ 7 марта. Онъ посланъ вамъ Редакціею *вторично* 14 июня.
- Въ Нижнеудинскъ, к. Съдакову.* № 1-й былъ посланъ вамъ 1-го марта въ туюжъ на Красноярскъ за № 96. Онъ посланъ вамъ Редакціею *вторично* 16 июня.
- На ст. Замцанскую, к. Галдобиму.* Ваша жалоба на неполученіе № 4 была сообщена Газ. Экспедиціи 16 июня, но отвѣта до сихъ поръ не получено.
- Въ Ярославль, Библ. Сиротскаго дома.* На первую вашу жалобу былъ данъ вамъ отвѣтъ въ № 4 «Русскаго Слова». Тогда же, т. е. 27 апрѣля, № 1-й былъ высланъ вамъ Редакціею *вторично*.
- Въ Козловъ, к. Мурагеву.* № 1-й посланъ вамъ Редакціею *вторично* 16 июня.
- Въ ст. Ардонскую, 157 Пъхотн. Имеретинскому полку.* № 1-й былъ

посланъ вамъ 1 марта за № 38. Онъ посланъ вамъ Редакцію *вторично* 16 іюня.

Въ Саратовъ, г. Котлубаю. № 2-й поставъ вамъ 21 іюня.

Въ Бѣлгородъ, г. Авдѣеву. №№ 1 и 2 высланы вамъ были 31-го марта, № 3—апрѣля 30-го и № 4 іюня 3-го. О причинѣ неполученія ихъ вами спрошена Почтовая Контора.

Въ Епотаевскъ, г. Колмакову. № 4-й былъ посланъ вамъ 29 мая. Почтовая Контора спрошена о причинѣ неполученія его вами.

Въ Рязскъ, г. Галафѣеву. № 4 былъ посланъ вамъ 31 мая и, какъ видно изъ возвращенной карты, Почтовою Конторою выданъ вамъ лично 15 іюня. Вотъ что отвѣтила Газетная Экспедиція, когда ей была сообщена ваша жалоба. Между тѣмъ, ваше письмо, въ которомъ вы жалуетесь Редакціи на неполученіе № 4-го, подписано вами и помѣчено отъ 18 іюня. Скажите, пожалуйста, кому тутъ вѣрить? На дняхъ будетъ послано вамъ Редакціею письмо вмѣстѣ съ официальнымъ увѣдомленіемъ Газетной Экспедиціи о полученіи вами лично № 4-го 15 іюня.

Въ Романовъ, г. Н. Н. Хомутову. Подписка ваша на «Русское Слово» книгопродавцемъ *Овсянниковымъ* передана въ Редакцію только 11 іюня, а 12-го были высланы вамъ всѣ вышедшіе №-ра «Русскаго Слова». Согласитесь сами, что Редакція нисколько не виновата въ томъ, г. *Овсянникову* не угодно было сдать вашу подписку въ Редакцію раньше 11-го іюня. Билетъ на полученіе «Русскаго Слова» на ваше имя выданъ изъ Редакціи за № 3870; за годовое же изданіе получено 14 руб. — стоимость «Русскаго Слова».

Въ Лозвицу, Штатному Смотрителю Узьднаго Училища. «Русское Слово» не высылалось вамъ до сего времени потому, что книгопродавцемъ *Овсянниковымъ* не только не были внесены въ Редакцію посланныя вами на «Русское Слово» деньги, но даже не сообщено вашего адреса, какъ подписавшагося на «Русское Слово». Подписка же ваша на «Русское Слово» доставлена г. *Овсянниковымъ* только 17 іюня, и то только по-

слѣ предъявленія ему вашего письма и настоятельнаго требованія со стороны Редакціи. Вышедшіе №-ра «Русскаго Слова» отправлены вамъ Редакціею 18 іюня.

Р. С. Редакція при этомъ *сторично* проситъ гг. подписчиковъ въ письмахъ, посылаемыхъ въ Редакцію о неполученіи книжки, перемѣнѣ адреса и т. д. обозначать № своего билета по кассовой книгѣ, выставленный на адресъ, наклеенномъ на каждую посылаемую книжку «Русскаго Слова».

КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ

П. А. ГАЙДЕВУРОВА

Переведенъ на Невскій проспектъ, противъ Думы, № 36. По случаю перемѣны помѣщенія, произошла задержка въ высылкѣ книгъ иногороднымъ. Задержка, конечно, останется задержкой, но ее, вѣроятно, извинять наши покупатели, принявъ во вниманіе упомянутое обстоятельство и соединенныя съ нимъ хлопоты; тѣмъ болѣе, что посылки скоро вышлются, а затѣмъ дѣла магазина пойдутъ обыкновеннымъ порядкомъ.

Поступили въ продажу:

ОЧЕРКИ ЖИВОТНОЙ ЖИЗНИ. Соч. Г. Льюиса. Перевелъ съ англійск. Рачинскій. М. 1865. Ц. 1 р. с.

ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ. Четыре лекціи, читанныя въ Лондонѣ В. Сэвори. Спб. 1865. Ц. 40 к. с.

ЧТЕНІЯ О ПОЛЕЗНЫХЪ И ВРЕДНЫХЪ ЖИВОТНЫХЪ. Карла Фогта, съ 73 рис. и предисловіемъ автора къ русскому переводу. Спб. 1865. Ц. 60 к. с.

ПАМЯТНАЯ КНИЖКА ХИМИЧЕСКАГО АНАЛИЗА, содержащая признаки кислотъ и основаній, ходъ качественного анализа, испытаніе паяльною трубкою, анализъ смѣсей газовъ и главные методы количественнаго опредѣленія и отдѣленія тѣлъ. Соч. Шарля Жерара. Спб. 1865. Ц. 50 к. с.

ОСНОВАНІЯ АНАТОМИ И ФИЗИОЛОГИ РАСТИТЕЛЬНОЙ КЛѢТОЧКИ. Гуго Моля, съ 52 рис. въ текстѣ. Спб. 1865. Ц. 90 к. с.

РУКОВОДСТВО КЪ ОРГАНИЧЕСКОЙ ХИМИИ. Д-ра Ав. Кекуле. Т. 2-й: Соединенія ціана. Спб. 1865. Ц. 60 к. ц. 1-го т. 1 р. с.

ИСТОРИЯ СРЕДНИХЪ ВѢКОВЪ въ ея писателяхъ и изслѣдованіяхъ новѣйшихъ ученыхъ. М. Стасюлевича. Т. III-й. Спб. 1865. Ц. 3 р. с. Цѣна первымъ двумъ томамъ 4 р. с.

ИСТОРИЯ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ и ея времени, Генриха Зибеля. Часть вторая Спб. 1865. Ц. 1 р. 75 к. Того же ч. первая, ц. 1 р. 75 к. с.

КРИТИЧЕСКІЯ ИЗСЛѢДОВАНІЯ, ОТНОСЯЩІЯСЯ КЪ ДРЕВНѢЙШЕМУ ПЕРІОДУ ИСТОРИИ СИЦИЛИИ. Соч. Ф. Соколова. Спб. 1865. Ц. 1 р. 25 к. с.

ПЕРВОЕ ДОПОЛНЕНІЕ КЪ СРАВНИТЕЛЬНОЙ СТАТИСТИКѢ Г. Ф. Кольба. Спб. 1865. Ц. 1 р. 50 к. Вмѣстѣ съ «Статистикой» 4 р. 50 к. с.

НАЧАЛЬНЫЯ ОСНОВАНІЯ СЧЕТОВОДСТВА по простому и двойному способу, Эдмонда Дегранжа. Спб. 1865. Ц. 60 к. с.

ХИМИЯ КУХНИ. Отто Улз. Тетрадь первая. Спб. 1865. Все сочиненіе выйдетъ въ трехъ выпускахъ. Ц. каждого 20 к. с.

СУДЕБНЫЙ СБОРНИКЪ, изд. подъ ред. Н. Ламанскаго. Спб. 1865. Ц. за все сочиненіе (изъ 4 выпусковъ) 1 р. с.; отдѣльно выпуски по 30 к. с.

СМЕРТНАЯ КАЗНЬ по результатамъ научныхъ изслѣдованій, успѣховъ законодательства и опытовъ. Соч. К. Ю. Миттермайера. Спб. 1865. Ц. 90 к. с.

Всѣ русскія книги (кромѣ казенныхъ изданій) высылаются магазиномъ П. А. Гайдебурова *на свой счетъ*.

Въ Іюль поступаютъ въ продажу:

В. ВУНДТА. Душа человѣка и животныхъ.

К. ФОРТА. Человѣкъ и мѣсто его въ природѣ. Т. 2-й (и послѣдній).

ГАНУ. Полный курсъ физики.

МИТТЕРМАЙЕРЪ. Судъ присяжныхъ въ Европѣ и Америкѣ.

ЕЛЕНА СТЕПАНОВНА БАЛЛИНА.

Главный Книжный и Музыкальный магазинъ и Главная библиотека для чтенія книгъ и нотъ для жителей г. Харькова и иногородныхъ.

При магазинѣ комиссіонерская контора: 1) Принимаетъ подписку на журналы русскіе и иностранныя; 2) выписываетъ русскія и иностранныя книги, ноты и музыкальные инструменты; 3) издаетъ русскія и малорусскія книги, а также и ноты, и принимаетъ порученія по изданію книгъ и нотъ, а также по переводамъ книгъ съ иностранныхъ языковъ на русскій; 4) покупаетъ, продаетъ, мѣняетъ, принимаетъ и отдаетъ на комиссію для продажи книги, ноты (нѣсколько значительными количествами) и музыкальные инструменты; 5) содѣйствуетъ вообще всѣми возможными средствами учрежденію въ Южной Россіи книжныхъ лавокъ, библиотекъ для чтенія и развитію въ ней книжнаго дѣла.

Книжный и музыкальный магазинъ въ Харьковѣ, на Николаевской площади.

Книжный и музыкальный магазинъ и библиотека для чтенія книгъ и нотъ въ Курскѣ, на Московской улицѣ, въ д. Исакова.

Книжный и нотный магазинъ въ Херсонѣ въ д. Крапцфельда.

Отдѣленія комиссіонерской конторы Баллиной учреждены при ея магазинахъ въ Курскѣ и Херсонѣ.

КНИГИ Е. С. БАЛЛИНОЙ.

ТИНДАЛЬ. Теплота, рассматриваемая, какъ родъ движенія. Переводъ А. Шимкова. 1864 г. 3 рубля съ пер. Уст. 20—33%.

КРЕМУЦІЙ КОРДЪ. Соч. Н. Костомарова. 1861 г. 75 к. съ пер. 1 р. Уст. 20—33%.

УКРАЇНСЬКІ ПІСНІ. Видані коштом Балліної. 1863. 75 к. съ пер. 1 р. 20—33%.

ГРОВЕ. Соотношеніе физич. силъ 1864 1 р. 20—33%.

ШИМКОВЪ. О сжимаемости газовъ въ связи съ механической теоріей теплоты и гипотезами о внутреннемъ строеніи тѣлъ. 1864. 1 р. 25 к. съ пер. 1 р. 50 к. безъ уступки.

ГОРУНЪ БЕЗАНЕСЪ. Руководство къ физиологической химіи. Пер. Манасейна и Волкова. Кн. I. 1 р. 25 к. съ пер. 1 р. 75 к. безъ уступки.

АРИФМЕТИКА ЛАДОВСЬКАГО. Кн. I. 25 к., кн. 2. 75 к. Пер. за 2 ф. Уст. 20%.

ВИЛЬКОМІРСЬКАГО. Руководство къ анатоміи человѣческаго тѣла 3 в. 1 р. 30 к. съ пер. 1 р. 60 к. Уст. 20%.

ЛАЗАРЕВИЧЪ. Изслѣдованіе о животѣ беременныхъ. 1865. 1 р. 75 к. съ пер. 2 уст. 20%.

ЛИЗЕГАНГЪ. Курсъ Практической фотографіи. 1865. 75 к. съ пер. 1 р. Уст. за 55 коп.

КОТЕЛЬНИКОВЪ. Опытъ теоріи фотографіи на колодіумѣ 1865. 15 к. съ пер. 40 к.

ПЕЧАТАЮТСЯ:

А. И. СТРОНИНЪ. Разсказъ о землѣ и небѣ.

ФАРАДЕЙ. О силахъ природы и о взаимныхъ ихъ отношеніяхъ. Переводъ съ прибавленіями А. П. Шимкова, доцента физики въ харьковскомъ университетѣ.

М. Ф. КОВАЛЬСКІЙ. Арифметика цѣлыхъ чиселъ съ задачами и прибавленіемъ о счетахъ (для народныхъ школъ.)

ГОТОВЯТСЯ:

ЮЖНО-РУССКОЕ КНИЖНОЕ ДѢЛО. Сборникъ статистико-библиографическій (собираются матеріалы).

РУКОВОДСТВО КЪ ФИЗИОЛОГИЧЕСКОЙ ХИМИИ. Горунъ Безанеса, пер. Манасейна (переводится.)